

**ЗДУАРА
ГЕВОРКЯН**

**ВРЕМЕНА
НЕГОДЯЕВ**

**ВРЕМЕНА
НЕГОДЯЕВ**

**ЗДУАРА
ГЕВОРКЯН**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д А Н Ы Й

**ЭДУАРД
ГЕВОРКЯН**

**ВРЕМЕНА
НЕГОДЯЕВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА

2000

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Геворкян Э.

Г27 Времена негодяев: Фантастический роман. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 480 с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-002171-2

Начало третьего тысячелетия... Эпидемии пронесли по планете, тающие полярные льды затопили немалую часть суши. В этих условиях людям приходится заново строить жизнь, восстанавливать государство.

История повторяется... Вновь московские правители собирают земли, опять возвращаются времена мечей и арбалетов, закон и порядок приходится насаждать силой...

Читайте остросюжетный боевик Эдуарда Геворкяна, удостоенный премии «Бронзовая улитка»!

Пролог

**2014 год: путешествие
на Юго-Западную
окраину**

Худой мальчик и тощая птица у его колена на темном столбе-постаменте. Мальчик никуда не убежит, а птица никогда не взмахнет крыльями — они будут стоять до тех пор, пока не рассыплется зеленым прахом густая бронзовая плоть.

С утра и до конца дневных занятий Саркис обычно подолгу глядел в окно, рассматривая скульптурную группу. В скучные дни он часто размышлял о ней, прижав нос к стеклу.

Воздух сегодня чист, прозрачен. С большегрузных платформ уже два дня ничего не распыляют. Темная пара на постаменте кажется совсем черной в безоблачном московском небе. Саркис решил, что если этот пацан с цыпленком вдруг исчезнут, то в воздушном пространстве останется невидимый, но повторяющий их объем.

Интересно, подумал Саркис, где находится душа памятников и какая она? Он часто влезал в факультативные программы старших групп, но об этом там не было ни слова. Несколько раз к ним приходил высокий худой старик в черном длинном одеянии с большим крестом на груди. На вопросы отвечал неясно, глядя себе под ноги, словно ожидал подсказки снизу. Был на занятиях и

другой, в зеленой чалме. Говорил почти о том же, но другими словами.

Душа человека — тайна. Есть ли подобие души у тех, кто создан по образу и подобию имеющих душу? Ну, может, ток электрический или ржавчина медленная? Те двое рассказывали, что душа человека уходит в рай или в ад. Но куда деваются души вот этих, неживых, после разрушения?

Саркис цеплял мысль к мысли, из раздумий не вывел даже голос учителя, сообщивший ему, что нос не лучший инструмент для резки стекла.

Кто-то хихикнул шутке, но Саркис даже не поднял головы. Сегодняшний учитель был какой-то невзрачный, вялый коротышка, все смотрел на часы, а на вопросы отвечал невпопад.

С фигур Саркис перевел взгляд на двор. Ограда, замыкавшая пространство Лицея, черной каймой тянулась вдоль бывшей улицы. Заборчик так себе: на первый взгляд и не ограда вовсе, а украшение. Покрытые черным лаком прутья, круги, ветви сплетались в плотные стальные заросли. Временами Саркису казалось, что это металлические корни. Там, внизу, под землей, они напились соков такой ядовитой силы, что не выдержали, выперли наружу и сплелись, застыв в смертных судорогах.

Карабкаться по ним удобно. Два раза подтянулся — и можно спрыгнуть на ту сторону. Только и десяти метров не пройти! Пока будешь обходить асфальтовые торосы, бугры и канавы, неведь откуда возникнут сычи, дежурные из старших групп.

И вот тебя ведут сквозь трапезную, хотя не за ухо, и вроде бы ласково руки лежат на твоих плечах, но все всё понимают, одни опустили глаза к керамическим плиткам пола, выложенным рыбками, а другие громко смеются, подняв лица к потолку, где лепятся по углам гипсовые птицы.

Опустившие глаза — твои друзья.

Саркис еще не пробовал соскочить. Что зря дергаться! Конечно, если тебя раз или два проводили сквозь трапезную, то меньше трясут сычи, да и свои больше уважают. Но дальше Кольца никто не уходил, а соревноваться, у кого длиннее джамп — скучно.

Перчатка старая, разношенная, средний палец часто заклинивает. Вот и сейчас, Саркис чуть пошевелил пальцами, и блоки на дисплее посыпались рядами, сбивая построение.

Усеченный конус никак не становился на призму, чатка на дисплее перемещалась мелкими рывками, конус сносило к ограничительным линиям. С нормальной чаткой Саркису дел на шесть минут, но эти упражнения для тупарей безумно надоели. Когда ему исполнилось четыре года, отец пустил его к своему «вишапу», и с тех пор... Впрочем, это было дома.

Учитель сидел прямо, но время от времени вздрагивал, просыпаясь.

Саркис глянул на стол Ули. Там дела шли полным ходом. Уля воткнулся в какую-то игровую учебку и быстро орудовал чаткой. За несколько минут выстроил дом, запрудил реку и теперь пытался утопить жильца в пруду. Жилец бегал, увертываясь от зловещей синей кисти руки-чатки, нырнул в окно и исчез в доме. Уля помахал чаткой, зафиксировал картинку и, подмигнув Саркису, откинулся в кресле.

В который раз Саркис вошел в директорию лицейской библиотеки и вызвал нужный файл, а потом вывел карту на крупный план.

Маршрут до Садового кольца он знал хорошо. Два месяца назад Герману из соседней группы до Кольца оставалось метров сто, а дальше всех прошел Богдан. Он на год всего старше Саркиса, а теперь уже сыч. Дежурные сычи иногда и платформы водят. Богдан уже перебрался на ту сторону, но тут его патруль и остановил.

Хорошая старая карта со всеми переулками, тупиками и проходами, сетью улиц. Большой город был...

1.

Саркис попал в Лицей в прошлом году. Отец долго объяснял, почему так надо. Саркис понимал — отец занимает важный пост, все время в разъездах. Они с мамой и его бы возили с собой, но для учебы это не годится. Конечно, здесь, в Базмашене, и друзья, и хороший учитель, но оставить его не с кем. А через несколько лет они его заберут. Пока надо терпеть, тем более — два месяца каникулы, ну там еще что-нибудь придумаем. Ведь всегда можно что-либо придумать, улыбнулся отец, а мать всхлипнула и вышла из комнаты. Ну, ты мужчина, шепотом сказал отец, проводив ее взглядом, понимаешь, в наше беспокойное время есть люди, которые хотели бы повлиять на принимаемые решения, и для них нет ничего святого. Будет спокойнее, если Саркис поучится в Лицее.

Потом он рассказал, как они познакомились с мамой в Москве во время учебы, как весело тогда было в шумном большом городе. Сейчас там осталось полмиллиона человек, но это ничего, через пару лет вернутся жители, и снова город забурлит.

Вошла мать, сморкаясь в старое полотенце. Послушала их разговор. Ты помнишь, спросила она отца, как мы в спешке пакова-

ли вещи, когда началась эвакуация, а отец ответил — ну да, а трейлеры так и не пришли, все свалили в вестибюле второго гуманитарного, и чемоданы, и ящик с книгами. Нет, возразила мать, чемоданы мы все-таки прихватили, а ящик был неподъемный, из-под фризера, я его, помнишь, синим шпагатом обвязала, не синим, а коричневым, поправил отец, и вещи не бросили, а сложили аккуратно...

Саркис вполуха слушал родителей и медленно обводил глазами комнату, прощаясь со старым ковром на полу, с висевшим на гвозде плюшевым драконом, с большой хрустальной вазой...

И вот он стоит, окруженный такими же оробевшими шестилетками, а вокруг ходят взрослые ребята, роняя непонятные слова и как бы не замечая малышей. Саркис тронул за рукав стоявший рядом светловолосый мальчик и сказал, что его зовут Улав, ничего не надо бояться, а если сунутся, то он как-ак даст по мослам! Саркис приободрился и начал воинственно поглядывать по сторонам. Но никто в большом чистом дворе им не угрожал. Несколько двухэтажных длинных домов, много деревьев, ограда причудливая, но несерьезная. Между домами поблескивает не то большая лужа, не то маленький пруд. Похожая на бочку кирпичная башня этажей пять в высоту.

Начали разводить по группам. Саркис расстроился, увидев, что Улав попал в другую. Впрочем, через несколько минут, когда их вели по тропинке к одному из домов, Уля возник рядом, схватил за лацкан незнакомого мальчика: «Ты что отстал от своих, беги, догоняй группу, вон они, ваши!» Ведущий обернулся на шум, но Уля уже мирно шел рядом с Саркисом.

Они записались в одну комнату. Третьим у них оказался Петро, с ним быстро сдружились. Вместе они легко отбивались от задир постарше. Пара хороших месиловок хоть и оставила после себя синяки и шишки, но зато и компот у них никто теперь не решался отобрать. Потом начались занятия, потом Уле стало скучно, он принялся строить самые разнообразные планы, а друзьям приходилось немало потеть, чтобы неприятностей было меньше, а славы больше. «Комната раздумий» на втором этаже с появлением Ули в Лицее редко пустовала. Он, или какой-нибудь простодушный малец с его подкрута, хоть раз в неделю, да оказывался там. А когда он неведь откуда добыл пакет с магниевым порошком и ночное

небо над Лишеем лопнуло жуткой вспышкой — терпение очередного учителя тоже лопнуло и Улю заточили в «комнату раздумий» аж на три дня.

К Уле, маячившему в круглом окошке «комнаты», не прекращалось уважительное паломничество младших классов. Хотя он и был посажен на хлеб и воду, компот и яблочные пироги у него забили все пространство под узкой железной койкой. Но все же эта неволя была невыносима, а потому друзья решили освободить его из узилища. Нужные сведения легко нашлись в файлах по химии. Магниевого порошка осталась щепотка, и ее Саркис пустил на запал, ржавчину Петро соскреб с ограды, а пакетик с алюминиевой пудрой они позаимствовали из набора красок во время занятий по прикладным искусствам.

Все прошло блестяще. Термитная замазка выжгла по периметру не только запоры в металлической двери, но и крепление косяка. И когда Уля пнул дверь, она с жалобным визгом рухнула вместе с косяком и чуть не придавила освободителей.

Учителя долго осматривали преграду, павшую под соединенным напором ума и силы, и оставили друзей в покое. Тем более что вскоре мальчики стали играть в другие игры...

2

Вечером, после гонга отбоя, Саркис пробрался кустами вдоль берега пруда к «бочке». Старая кирпичная кладка башни местами обвалилась, образовались ниши. Дверей в «бочку» нет. Есть прямоугольник, заложённый светлыми кирпичами. Верх башни опоясывали матовые окна. Вечерами там горел свет, двигались тени.

Страшные истории о башне пугали только новичков, но вскоре и они привыкали и не обращали внимания на тени, переходящие из окна в окно.

Учителя объясняли, что там комнаты ночных дежурных. А на вопрос, как же туда попадают, — пожимали плечами.

Два или три сыча хвастались, что бывали там, в башне. Они шептались о развеселых оргиях, о чудесах и диковинах, что в башне таятся, но каждый рассказывал совершенно о другом. Значит, все врут, предположил Уля. Или, как возражал Саркис, каждый был в своей башне, но им казалось, что в одной и той же.

Вход в башню искали многие. Подсматривали за учителями, а они менялись через день или два, некоторые дежурили ночью. Учительниц выслеживать было проще, они не казались на одно лицо, но и они, как все, шли через проходную будку.

Учителя Саркису не нравились. В Базмашене домовый учитель жил в большой комнате над домом и не гнал даже случайно забежавших малолеток. Все сидели и лежали на матрасах, а он рассказывал, рисовал на доске; кто постарше, помогал ему... А здесь они словно и не учителя вовсе. Приглядывают, чтобы на занятиях не шалили, а если старшие буянят, то зовут надзирателей. Еще помогут нужную программу найти. И все. Отбыли свое время, и убегают, с продовольственным пакетом наперевес. Ну и ладно... Переключиться незаметно с учебного фильма на боевик — элементарно, но быстро надоедает. После занятий смотри сколько хочешь в комнате, пока не выключат в полночь свет.

На ремеслах веселее, там одни и те же мастера, они неподалеку живут, на Остоженке. С ними и поговорить интереснее, знаешь, что завтра тот же человек с тобой встретится и без лишних слов поймет, о чем ты его спрашиваешь.

Саркис уперся спиной в прохладный бетон и задумался. Утренняя встреча с Геннадием вызвала мрачные предчувствия. Ядовито улыбаясь, Геннадий пообещал, что скоро они все позеленеют от злости или, наоборот, покроются мхом зеленым от тоски. То, что он напирал на зелень, не к добру. Значит, компания долговязого и въедливого Бухана разгадала их тайну. Выследили!

Про эту игру рассказал Уля, вскоре в нее играли почти все младшие. Саркису она понравилась, и он усложнил ее. Их тайна, большая латунная гайка, была зарыта под зеленой плиткой дорожки у третьего корпуса. Раз в неделю полагалось вынуть тайну, по всем правилам осмотреть ее и зарыть на том же месте. День и час, конечно, держали в секрете, но в этом и смысл игры, чтобы угадать, кто из троих — носитель тайны этой недели, в какой день и час тайна будет извлечена. Все время следить друг за другом скучно, но, во-первых, может повезти, а во-вторых, если хорошо поискать, то можно найти. Правда, надо знать, что искать.

Саркис как-то видел Бухана и Геннадия у пруда. Геннадий медленно брел с закрытыми глазами, а Бухан его придерживал за пояс. В вытянутой руке Геннадий держал нитку с камешком на конце.

Ночью Петро выполз к третьему корпусу и под соседними плитами закопал обрезки труб, прихваченные днем из мастерской.

Несколько раз Уля пытался настроиться на Геннадия, но ничего не выходило или брались смутные слова. Если бы повезло и вдруг появилась картинка, тогда чужую тайну можно было в два счета найти, ну а потом, после ритуального осквернения, утопить в пруду.

Интересно, подумал Саркис, почему разгаданная тайна неожиданно превращается в позор, а ребята из соседней комнаты, Бухан, Геннадий и Зураб, за какие-то два месяца превратились чуть ли не во врагов? Бухан даже перестал звать Петра по имени, как тот велел, а придумал ему кличку. Кличка была необидная, но Петро объяснил Бухану, что он не прав, и с тех пор Бухан ходит с белым шрамом над левой бровью. Все из-за тайны. Может, игра неправильная? И вместо того, чтобы вшестером собраться в одной из комнат и, например, играть в гадалку или высчитывать, когда их поведут в гости в женский Лицей, бегают и прячутся друг от друга... Пока он здесь сидит, может, они с шуточками и прибауточками топят их тайну в пруду?

Нет, решил Саркис, это скучная игра. Ему восьмой год пошел, не маленький. Вот у сычей свои забавы — одни курят, это противно, другие, самые старшие, платформы водят, за беглецами охотятся — есть и такие, кому это в радость. А вот компания Богдана...

Несколько раз Богдан разговаривал с Саркисом, а однажды вечером даже позвал к себе. Тогда Саркис и узнал его тайну. Он сидел на кровати и смотрел, как Игорь, однокомнатник Богдана, осторожно перелистывал толстые, закатанные в пластик страницы книги.

Потом Богдан рассказал, что подобрал ее у Кольца, в неразобранных руинах. Саркис хотел потрогать, но Игорь, неприязненно щурясь, спросил в пространство, как вообще здесь оказался сырой желток, на что Богдан ответил, что раз он привел, значит, надо. Кому надо, вмешался в разговор третий, имени которого Саркис не знал. Богдан подмигнул Саркису и попросил на минуту выйти из комнаты. Голоса за дверью шумели и бубнили. «Ты пощупай над головой у него», «сам щупай, делать тебе нечего», «саявка ты, от него же книгами тянет», «за саявку сейчас отработаешь», «бросьте, ребята, вдруг желток еще про книгу спикнет», «не спикнет»...

Немного постояв, Саркис вздохнул и пошел себе. Богдан что-то в нем увидел. Мало ли что увидеть можно, если долго глядеть. Те двое недовольны. Понятное дело, книга — всем тайнам тайна. С книгами случилась беда во время Пандемии. Отец жалел свою библиотеку: там, в Базмашене, они законсервированы, а здесь, в Москве, пропали во время эвакуации. Сейчас, когда кончилась Пандемия, может, найдут средство, чтобы книги не раскисали. А пока с ними очень строго. Боятся, чтобы на дерево не кинулось.

Кусты зашуршали, из них выполз Петро, а за ним Уля. Петро был мрачен, от него бледной малиновой радугой исходила слабая тревога; Уля, напротив, весело поглядывал на друзей.

— Ну, давай, — не выдержал он первым и ткнул Саркиса в бок, — что придумал?

— Пока не придумал, — отозвался Саркис.

— Придумал, придумал, — заверил его Уля, — закрут от тебя идет!

Саркис закрыл глаза. Раз Уля почувствовал...

— Что там у меня? — спросил он Улю.

— Не знаю, но такой, понимаешь, густяк, дорога, верх, низ, все ахнут! Богдан.

— Это кто? — ревниво спросил Петро. — Тот, что за Кольцо ходил?

Саркис не вслушивался в их разговор. О чем он думал, пока не появились ребята? Богдан, правильно. Обида? Нет. Джампануть за ограду. О книгах. Все-таки джамп. Карты изучил. Они втроем соскочат и далеко! Тогда Игорь и тот, угрюмый, скажут Богдану, что были не правы, и пусть Саркис ходит в их компанию, читать книгу из старой бумаги.

Петро расшатал кирпич, вынул его из кладки и сдул крошево.

— Ага, — сказал Саркис, — придумал. Бухан от зависти гноем пойдет, а сычи...

Кирпич в руках Петра треснул, Петро засопел.

— Не нравится мне это.

— Что тебе не нравится?

— Все не нравится. Шо у тебя?

— Вот что: надо не одному, а вместе соскочить за Кольцо.

— Картиночка! — чмокнул губами Уля. — Сквозь трапезную втроем пойдем, красота!

— Только далеко не уйдем, — продолжал Саркис, — потому что далеко никто не уходил. Надо идти по-другому...

— Пошли для начала отсюда, — сказал Уля. — В кустах кто-то есть.

Треск и шорох подтвердили его правоту.

— У, змеюки поганые, — крикнул Петро и рванул на шум. Саркис и Уля переглянулись и полезли за ним.

Встретили Петра они у входа в корпус. Петро ждал их, бурно переводя дыхание.

— Не поймал, — сообщил он.

— Вот что, — подумав, сказал Уля, — пошли в класс.

* * *

Редко кто после занятий оставался в больших неуютных комнатах, заставленных рядами столов с дисплеями, стеллажами с коробками программ и сиротливым умывальником в углу — в острую минуту отхожее место для малой нужды.

Уля на всякий случай посмотрел под столами. Никого.

— Жаль, все выключено, — сказал Саркис.

— Да? — хитро улыбнулся Уля и пошел к учительскому столу. Достал из кармана короткий цилиндр телескопической антенны, вытянул самый тонкий штырь и осторожно ввел его в щель между столешницей и экраном.

Замок щелкнул, Уля откинул экран, прижал палец к ноздре и дунул на сенсоры.

Выведя карту на дисплей, Саркис уменьшил чатку до сантиметра, включил трассер и прошел по улицам и переулкам. Дал максимальное увеличение — желтый пунктир трассы медленно пополз по синим полосам проспектов, проходил через мигающие имена улиц, площадей. На прошлой неделе он составил список улиц, которые наметил пройти, и набрал из учебных фильмов уйму материалов. Смонтировал вместе и вот сейчас, небрежно откинувшись, мазнул по сенсорам.

— Вот.

Минут десять ребята молча смотрели на проносящиеся по экрану бесконечные дома, потоки автомобилей; тротуары просто кишели людьми — такого количества людей они никогда не видели. Некоторые фрагменты снимались ночью — цветные надписи над магазинами, мозаика окон, огненные реки улиц, бегущий под мост катерок с вымпелами.

— Э, так то когда было! — протянул Петро.

Со второго этажа донесся звук гонга. Ужин. Ребята переглянулись, Петро махнул рукой. Уля смотрел в окно. Багряные полосы заката расплывались, разъедались темнотой.

— До Кольца если дойдем, уже густяк, — сказал наконец Уля.

— До Кольца не дойдем, — спокойно ответил Саркис.

— Что же ты придумал? — заморгал Уля. — Верни план.

Он минуту всматривался в перекрестия и извивы полос и линий, потом ткнул пальцем в кружок — один из многих, разбросанных по карте и соединенных разноцветными линиями.

— Вот это — что?

— Попал! — хлопнул Саркис его по плечу.

— Метро! — торжествующе провозгласил Уля, подняв палец.

— Как мы до метро дойдем? — спросил Петро.

— Ногами. Попеременно переставляя левую и правую, — ответил Уля.

— Далеко не уйдешь, переставляя. Тебя за оградой за переставлялку поймают и обратно приведут.

— Значит, всех ловят почти сразу, так? — сказал Саркис.

— Так, — отозвался Петро.

— Богдан за Кольцо прошел, и поймали его не сычи дежурные, а патруль, так?

— Так!

— Богдан по ограде не лез, он на дерево взобрался, по суку прополз и джампанул.

— Откуда знаешь? — в один голос спросили Уля и Петро.

Саркис промолчал. Ему не хотелось говорить о Богдане. Ребята обидятся: один в другую компанию ходил.

— Выходит, — догадался Уля, — следящих камер на «бочке» нет, просто ограда на сигнализации.

— Густяк, — загорелся Петро, — айда на дерево, проверим.

— Не проверим, — сказал Саркис, — тот сук спилили и в ствол какую-то бляху вколотили. Датчик, наверное.

— Что же делать? — озабоченно почесал висок Уля. — Ограда отпадает, ход в башню мы не знаем. А жаль, там, говорят, платформа на крыше. Через проходную не пойдем. Все двери закрыты.

— Закрытых дверей не бывает, — неожиданно для себя сказал Саркис.

— У-мм, — протянул Уля, склонив голову. — Что это значит?

— Не знаю, — честно признался Саркис. — Пока не знаю.

3

К утру он ничего не придумал.

Уля время от времени выжидательно на него поглядывал, но не мешал, а Петро подключился к кому-то из соседнего класса и, забыв про все, играл в «Дракона и свинью».

После занятий Саркис вышел во двор. Высоко в глухой стене старого дома, в который упиралась ограда, нелепой заплаткой темнело единственное заколоченное оконце. Неуместность этого окна радовала Саркиса. Когда в голове был полный затык и совсем не думалось, он приходил к окну, долго смотрел на него и придумывал истории о человеке, который якобы живет в комнате за окном... Потом его разбирал смех, он садился прямо на песчаную кучу у ограды, смеялся и думал.

Иногда его смешили мысли о жильце комнаты, одинокое окно которого выходило во двор Лицея. Он представлял, как обросший, грязный и оборванный старик ржавым гвоздем прокручивает дырку в фанере и часами смотрит к ним во двор. Но ничего интересного он, естественно, не увидит: так и прикипит глазом к дырке. Или, воображал Саркис, в этой заколоченной со всех сторон комнате живут и множатся огромные, толщиной с руку, дождевые черви, их все больше и больше, наконец оконце не выдерживает напора, и они плотной розовой массой вываливаются, как из мясорубки, прямо на голову учителям, озабоченно покидающим Лицей.

Сегодня он опять глядел на окно, но смеяться не хотелось.

Наверно, в этом старом доме с осыпавшейся штукатуркой живет от силы человек десять. Когда-то он кишел людьми, дети бегали по лестничным клеткам, шум, крики, музыка играет... Как в фильмах про жизнь до Пандемии. Саркис представил: он живет в таком доме с папой и мамой, и это их оконце, он смотрит во двор, а Лицей тогда, наверно, вовсе не было, и вот болезнь опустошает комнату за комнатой, этаж за этажом, дом глохнет, никто не бегает, не играет, а за теми, кто не умер в первые месяцы, приезжают большие машины с красными крестами и развозят их по деревням. Уже несколько лет, как справились с Пандемией, но многие еще в города не вернулись, боятся.

Он подумал, как трудно, наверно, уезжать, бросив комнату с единственным оконцем, бросив вещи, бросив книги.

Саркиса пробрал озноб. Придумал! Они пойдут на Юго-Западную окраину не просто так, чтобы своим героизмом навсегда повергнуть в прах подвиги жалких беглецов через ограду, не ради унижения Бухана с компанией. Нет, они пойдут за книгами его отца, возьмут столько, сколько смогут, и станут обладателями множества тайн. Главные тайны — в старых книгах. Одну или две он, так и быть, подарит Богдану и посмотрит на выражение лица Игоря и того, неприятного. А они пусть помогут залить каждую страницу пластиком.

Ну, а если книги раскисли, рассыпались в прах, то что ж, поход за несуществующими книгами тоже здорово, есть в этом своя тайна.

Подножие стены окаймляли высокие кусты с тонкими серо-зелеными листьями, слабо пахнувшими лечебным корпусом Лицея. Время от времени кусты вырубали, сычьи обрывали листья на кусте, но они снова буйно разрастались.

До окна не добраться — высоко. Влезть нельзя, пройти насквозь нельзя, разрушить нельзя... Хорошо бы вдруг оказаться на той стороне. Не умею, подумал Саркис, и вообще они ломаются там, где нет двери. Надо искать дверь там, где она есть. Для кого-то в любой стене есть дверь. Но никто из них так не умеет. Значит, надо искать дверь, похожую на дверь. А потом можно подумать, что такое дверь, непохожая на дверь.

Следующая мысль была настолько ясна, что Саркис даже не удивился появлению Ули. А за ним и Петро выскочил из-за корпуса с криком: «Вот ты где сховался!»

— Посмотри на него, Петро, — сказал Уля, — сейчас он скажет.

Бросив прощальный взгляд на окно и подмигнув ему, Саркис кивнул, соглашаясь, и пошел к корпусу.

— Когда соскочим? — спросил, догнав, Уля.

— Сейчас.

— Далеко пойдем? — обрадовался Петро. — Давайте быстренько, за Кольцо и обратно?

— Нет, — сказал Саркис. — Мы пойдем на Юго-Западную окраину за книгами моего отца.

Тишина. Уля погладил одну бровь, вторую и молча выставил большой палец. Восторг.

— Мы всем носы утрем! — вскричал Петро и хлопнул Саркиса и Улю так, что они чуть не зарылись по уши в песок.

Через полчаса они стояли у проходной. Идея Саркиса была проста. Никому не приходило в голову просто взять и выйти через дверь, а именно — через проходную. Вот учителя и мастера каждое утро и вечер туда-сюда ходят. Без ключей. Значит, внутри или дежурный сидит, или кодовый замок. Если дежурный — ночью горел бы свет. Но не горит. Значит, автомат.

Саркис подошел к двери и потянул на себя. Дверь без скрипа отворилась. Он вошел в проходную, Уля и Петро мгновенно втянулись за ним. В маленькой комнатке никого не было. Саркис испытал разочарование. Все оказалось так легко и неинтересно. На миг он даже испугался, что и вторая дверь откроется просто — хочешь, выходи, а хочешь — нет.

Но на второй двери чернели кнопки кодового замка.

— Вот потеха, — сказал Уля, — код из трех знаков. Задача. Натрем мелом кнопки и посмотрим, какие останутся чистыми.

— До вечера ждать! — сморщился Петро.

— Тогда сейчас откроем.

— Ну, открой.

Уля отступил на шаг, присел и стал разглядывать кнопки, ловя в них отсвет слабой лампочки в плафоне.

— Шесть, девять и... и... да, четыре! Хорошо натерли, блестят. Сколько сочетаний...

— Долго пробовать!

— Нет. Шесть секунд, если не будешь мешать.

Замок щелкнул через три секунды.

4

Проплешины асфальта терялись в траве. Остатки бордюра вылезали бетонными столбиками. Тропинка вылась от дома к дому, зелень в центре улицы была раздавлена двумя колесами.

Метров сто ребята пробирались вдоль стен, пригнувшись, чуть не на четвереньках, по голову в зарослях. Потом осмелели и пошли быстрее.

— Ну, хлопцы, — громким шепотом сказал Петро, — так далеко мало кто уходил!

— Это да, — тоже шепотом отозвался Уля. — Правда, в эту сторону никто не шел.

— Фаттах шел, — заметил Саркис. — Только он через ограду. Метров десять прополз.

— Ну, Фаттах, — возвысил голос Петро, — левую с правой спутал, вот сюда и пополз.

— Тихо! — Уля присел, а Саркис и Петро прижались к стене.

Неширокая улица, пересекающая Пречистенку, была завалена аж по второй этаж пустыми коробками из-под сухого молока. Уля осторожно заглянул за угол, отошел на пару шагов и поднял голову — «Чистый переулок» — прочитал вслух на грязной, запыленной доске.

— Похоже, — согласился, хмыкнув, Петро.

Саркис молча смотрел вперед. Дом впереди был очень стар. Когда-то, видимо, он был красивым. Но ветер или люди сняли с него крышу и уронили внутрь здания фасад. Пять колонн толстыми пальцами сиротливо торчали, прикрывали стыдливо внутренности — перекрытия, обвисшие лестницы, коряво изогнутые, ржавые балки.

Когда ребята одолели еще с полсотни метров, грохот сзади бросил их в траву. Они заползли за высокое крыльцо и осторожно выглянули.

Одна из колонн рухнула, улица клубилась пылью. Обломки легли безобразной грудой, а пустые коробки из переулка засыпали улицу до середины.

Несколько минут мальчишки лежали в своем убежище, поглядывая по сторонам. Потом Саркис вскочил и громко сказал:

— Раз никто не высочил, то и прятаться не надо.

И они пошли по пустой улице, не таясь, мимо пустых домов. Впрочем, подняв голову, Саркис вдруг увидел лицо в окне на втором этаже. Потом Уля заметил колыхнувшуюся занавеску, и только Петро бодро топал, тихо мурлыча что-то себе под нос и не глядя по сторонам.

Когда тропа пошла вниз, над головами раздался громкий шелест, и тень от большой платформы на секунду накрыла улицу.

Оставив за собой быстро оседающий шлейф, платформа исчезла за домами.

Петро зажал нос.

— Опять комаров травят, сейчас гвоздикой вонять будет! — гнусаво сообщил он. — Ненавижу.

— Пошли скорее, — дернул его за рукав Уля. — Станция где-то рядом.

А когда они вышли к площади с постаментом без памятника, то увидели впереди на возвышении приземистое сооружение.

— Вот и метро, — сказал Саркис. — Бегом!

Перескочив через ручей, протекающий по бывшей улице, они с разбега одолели ступеньки и затормозили только у дверей.

Саркис нахмурился. Этого он не ожидал. Двери и окна входа на станцию были глухо заварены стальными прутьями, а поверху шла мелкая ячейчатая сетка.

— Зато мы дольше всех... — начал было Уля, но, посмотрев на Саркиса, замолчал. Петро обошел оба входа, соединенные аркой, подергал решетку, плюнул и присел на корточки.

— Должен быть еще вход, — в сомнении произнес Саркис.

Второй вход они нашли, перейдя через улицу. Лестницы, ведущие под землю, были прикрыты балками с той же проклятой ржавой сеткой.

Петро принялся. Рядом маслянисто блестели большие лужи, из них выпирали бетонные стены, возвышались горы каменного хлама, кое-где грязь между лужами затвердела и растрескалась. Судя по резкому гвоздичному запаху, здесь не распыляли, а просто сбрасывали всю жидкость против летающих кровососов.

— Свалка вонючая! — Петро зажал нос.

— Я читал, что здесь раньше пруд был, — сказал Уля. — Потом его засыпали и что-то построили. Видишь, сколько накидали. А все равно болото.

— Почему пруд засыпали? — спросил Саркис.

— Не помню.

Они перешли на другую сторону и сели на высокий бордюр. Здесь было оживленнее. Минут за десять они увидели двух мужчин и женщину. Женщина, проходя мимо, на секунду задержалась около них, ничего не сказав, пошла дальше.

— Что делать будем? — спросил Уля. — Скоро обед.

Саркис пожал плечами. Раздражали миазмы, идущие с болота. Глупое — «вот и сходили за книгами» — назойливо вертелось в голове. Метро! Кого возить, когда возить некого!

— Чую! — вдруг сказал Петро.

— Что, — раздраженно спросил Уля, — в животе бурчит?

— Сам ты бурчишь! Земля трясется.

Бетонный брус под ними слабо задрожал.

— У нас по воскресеньям дома трамвай пускали, — мечтательно сказал Петро и зажмурился. — Так же земля дрожала.

Замолчал, широко раскрыв глаза. Саркис вскочил на ноги, а Уля выставил перед собой указательные пальцы обеих рук.

— Ну, Петро, два компота за мной, — вскричал Уля.

Петро зарделся.

— Все-таки работает метро, — сказал Саркис.

— Осталась ерунда, попасть внутрь, — добавил Уля.

Очень хотелось есть. Пить тоже. Вот уже час, как ребята сидели в тени козырька у входа. Несколько раз над ними пролетала платформа, потом по улице с надсадным ревом проехало тяжелый самосвал, груженный песком. Заметив какое-либо движение, они на всякий случай прятались в густых зарослях за входом. И не зря — со стороны Остоженки вдруг вышли патрульные в зеленых куртках и с карабинами за плечами. Ребята проводили их опасливыми взглядами и долго не вылезали из кустов. Конечно, стрелять в них патруль может и не будет, но вот по чавкалкам точно надают и за уши в Лицей притащат.

Через несколько минут патрульные вернулись. С ними вместе шел щуплый невысокий человек. Уля первым разглядел, что руки щуплого заведены за спину и связаны. Прошептал: «Поймали кого-то» — и слегка раздвинул кусты, чтобы лучше было видно.

У белота патруль остановился. Щуплый что-то кричал, дергался, но двое крепко держали его. Тут подошли еще патрульные, щуплый завопил, его неожиданно отпустили, и он отпрыгнул в сторону. Со связанными руками далеко он не ускакал, один из патрульных не торопясь догнал его, стянул карабин с плеча. Блеснула полоска штыка, вниз щуплого ударил по ушам и оборвался. Хлюпнула лужа.

— Ворюгу поймали, — шепнул Петро. — Выдали, как его!

Саркис ничего не ответил. Он подумал, что тело щуплого сейчас медленно погружается в тягучую жижу, все глубже и глубже, ложится на дно и замирает со связанными руками.

Когда Петро в четвертый раз намекнул насчет обеда, терпение Ули лопнуло. Он подскочил к сетке, продел свой штырь в ячейку и рванул. Дзинкнув, сетка слегка отстала от прутьев. Уля с удивлением потрогал места сварки.

— Трухляк, — радостно сказал он. — Давай, Петро!

Петро молча взялся за сетку. С грустным треском сетка отошла.

И вот они встали перед лестницей. Там, внизу, в полумраке, одиноко светила лампочка. Мальчики вдруг поняли, что до сих пор все их поступки были мелкими плюшками. А сейчас они не знали, куда попадут и как будут выбираться обратно.

Слабый свет еле освещал ступеньки. Они шли медленно, держась за стены.

Пустой коридор заворачивал налево. Еле светил одинокий плафон вдалеке. Никого. Тихо. Слабый шелест, и теплый сырой воздух давит в лицо.

Петро ушел вперед и вдруг замер, всматриваясь во мрак. Саркис и Уля подошли к нему.

— Что? — неслышно спросил Уля.

— По-моему, нас там ждут, — прошептал Петро.

Ребята медленно отступили за колонну. Саркис вгляделся: впереди маячили темные фигуры, словно карлики выстроились в цепочку и взялись за руки, никого не пропуская. Вот сейчас они двинутся цепью вперед, раскинув руки, чтобы изловить их и навсегда оставить здесь, в темноте и сырости.

Уля поволил перед собой ладонью и громко сказал:

— Металл.

Вблизи карлики оказались турникетами с растопыренными, вывалившимися из гнезд стопорами. Не страшные. А даже наоборот, бывшие стражи с погнутыми, ржавыми рычагами стопоров выглядели жалко.

Обойдя турникеты, они вышли к лестнице. Сверху им открылся длинный зал с провалами по краям. Саркис догадался, что это и есть станция метро. По краям — пути, там полагалось быть рельсам, а в зале — людям. В старых фильмах метро сверкало огнями, а сейчас трудно было вообразить, что в этой сырой и душной трубе когда-то бурлила жизнь. Тусклый свет трех плафонов еле освещал ржавые рельсы, темную воду, неслышно струящуюся в желобе между рельсами. Саркис разглядел надписи на длинной облупившейся полосе, к которой были подвешены таблички с названиями.

— Нам туда, — сказал он наконец и ткнул пальцем в черный зев тоннеля, рядом с которым в запыленном выгнутом зеркале размытое пятно плафона казалось низко посаженным глазом.

— Ребята, — жалобно сказал Петро, — а крысюки?

— Какие крысюки? — вскинул белесые брови Уля.
— Серые, противные, хвосты голые, тьфу!
— Они что, рельсы жрать будут? Где ты живых крыс видел?

— Ну, — замялся Петро, — в этом, в «Иглоносцах». Помнишь, во второй серии Дун спускается в мясной колодец?

— Ты еще что-нибудь вспомни! — оборвал его Уля.

У входа в тоннель, рядом со стальной дверцей, вделанной в стену, возвышались неуклюжим штабелем разбитые скамейки. Через несколько минут у каждого из путешественников было по паре длинных реек, годных для факелов.

Уля медленно пошел по платформе, вглядываясь под ноги.

— Ты что ищешь? — спросил Петро.

— И ты ищи! — отозвался Уля. — Может, спичку найдешь.

— Ага, — Петро присел, разглядывая грязный пол.

Стоя перед зеркалом, Саркис прикидывал, сколько времени им придется идти по тоннелю. К ужину успеют. А если нет — ничего страшного. Завтра суббота, значит, вечером учителя исчезнут. А к утру они точно вернутся назад.

— Нашел! — Петро поднялся с корточек, а потом разочарованно добавил: — Да она обгорелая.

Подошел Уля, взял у него обгорелую спичку и, бормоча: «Ничего, ничего, она огонь помнит», — принялся отколупывать ногтем стружку. Распрямил ее и осторожно ввел конец в зазор между кончиками большого и указательного пальцев. Стараясь не прикасаться к стружке, сводил их как можно ближе, раздвигал, снова сближал, сопел от натуги. Наконец стружка затлела. Уля резко развел пальцы, пыхнул маленький веселый огонек. Осторожно зажег от него спичку и мотнул головой в сторону скамеек, под которыми валялись щепки, ломаные рейки и другой мусор. Саркис быстро подтащил ворох щепок, и через минуту у зеркала полыхал небольшой костер.

— Я так не могу, — завистливо сказал Петро. — Научил бы!

— Не получится, — подумав, ответил Уля. — Ты сильный, бабушка говорила, сильным это не надо.

— А вдруг! Бабушка к тебе не собирается в гости?

— Нет. В позапрошлом году умерла, в Лапландии.

* * *

Саркис шел впереди, держа факел, за ним Петро, а замыкал шествие Уля. Сухое дерево горело хорошо, но быстро. Под ногами хлюпала вода, залившая бетонную пешеходную полосу. Толстые лохматые кабели тянулись вдоль стены, провисая с гнутых кронштейнов. Часто попадались ниши, иногда возникали ходы, пересекающие тоннель.

Трещал факел, шаги глохли в выложенных прямоугольными сотами стенах. Время от времени доносилось слабое постукивание, гул, а когда они вышли к месту, где соседние пути были видны сквозь частые колонны, откуда-то сверху слышались голоса.

Мальчики немного постояли, прислушиваясь, по голоса стихли. Потом Саркис споткнулся и уронил факел в воду. И тут они увидели впереди круглое светлое пятно, а в нем пятнышко поярче, которое медленно выросло в размерах.

Далекое постукивание превратилось в drobный стук. Уля беспокойно завертел головой, взял друзей за плечи и подтолкнул к колоннам.

Через минуту мимо затаившихся ребят прокатило странное сооружение. Небольшая, на четырех колесах, платформа. Подвешенный на шесте фонарь высветил четырех мужчин. Они ритмично дергали поперечный брус, соединенный с рычагом, уходящим вниз. На ящиках сидел пятый.

Платформа канула во тьму. Саркис подумал, что скоро она въедет на покинутую ими станцию, а там тлеет костерок. Вдруг они вернутся выяснять, кто разводил огонь?

— Ну, что, — неуверенно спросил Петро, — вперед?

— Гляди под ноги, — сказал Уля. — И дай сухую палку.

Они медленно переходили от колонны к колонне. Световое пятно, вроде близкое, оказалось на приличном расстоянии. Очень хотелось есть, о цели своей экспедиции они забыли, и даже Саркис думал больше о том, что и как сказать взрослым, чтобы они не сразу переправляли их в Лицей, а прежде накормили. Вскоре их догнал Уля с факелами.

Из щели донесся слабый писк. Петро завертел по сторонам головой и буркнул что-то о крысках. Мальчики не обратили внимания на его слова и пошли дальше.

Между тем в щели действительно была крыса. Она лежала на боку, и лапы ее судорожно дергались, а хвост слабо бил о холодный металл. Издыхающая тварь провожала взглядом огромные фигуры, несущие огонь. Наверно, они казались ей

Великими Крысами, что уносят своих младших сородичей в Амбары Покоя. Но темные гиганты, ослепленные пламенем и дымом, ушли, и последняя крыса остекленевшим взглядом уставилась во мрак, дернулась еще раз и замерла.

Сырой резкий запах стал пронзительным, откуда-то из-за стены доносилось шипение, глухое металлическое бречание и гул электромоторов.

А потом вдруг отошла невидимая дверь, и мальчики оказались в световом прямоугольнике. От неожиданности и яркого света они замерли, зажмурились и открыли глаза только услышав дребезжащий старческий голос:

— Могу ли чем-нибудь помочь, молодые люди?

5

Платформа, доверху набитая ящиками с шампانياми, медленно ползла, вздрагивая на стыках. Сзади, между бортом и грузом, оставалась щель. Там устроились Уля и Петро. После еды Петра разморило, он привалился спиной к доскам, сквозь которые проглядывали белые кругляши, и сопел, закрыв глаза. Уля опасливо косился на просевшие места тубинги, а когда взгляд падал на ящики, отворачивался, прокашливаясь. Очень он налег на грибы со сметаной, половинку сковороды одолел, а сковороды — что твой таз. Даже Петро удивился.

Улю слегка мутило. Грибы он ел второй раз в жизни. Дома их не любили и не ели. Кажется, мать в детстве отравилась грибными консервами, вот с тех пор и береглась. И остальных берегла. Во всем. Правда, когда гостила бабушка, мать не очень-то командовала, но за ее спиной шипела что-то непонятное, а однажды Уля расслышал, как она в сердцах буркнула «ведьма лапландская». Уля не понимал, почему бабушка и мать не любят друг друга, и во время совместного с бабушкой похода в город спросил об этом. Бабушка долго объясняла, как он должен слушаться мать и уважать ее, но когда вырастет, пусть не позволяет, чтобы она им командовала и помышляла. И добавила, что иначе его заедят, как отца, ее сына. Уля слабо помнил отца: худой, молчаливый мужчина, приходит вечером, от него кисло пахнет тавотом, а мать ворчит, что поле осталось невспаханным, и трактор некому починить, нет мужчин в округе. Потом отец исчез, приехала бабушка, несколько

дней ходила с матерью чуть ли не обнявшись, обе заплаканные. Вскоре опять переругались. Бабушка увезла Улю в город, и там, на каком-то чердачке, он впервые попробовал грибы, и они ему очень понравились. Потом пришла вода...

Сиденье аккумуляторной тележки было узким и не имело спинки. Саркис держался за поручень, чтобы не свалиться, и вслушивался в монотонное бормотание старика.

— ...А я говорю, никому ваше метро не понадобится, пока народ уговорят, да пока начнут возвращаться — сто лет пройдет. Центр весь разваливается, а строить не разрешают, заповедная зона, надо, мол, восстанавливать, как раньше было, реставраторов пригласить, а где их возьмешь, реставраторов? У нас в взпэдэ и то, что ни день, какой-нибудь панельный дом рухнет, а они — реставрировать! Да-а... вот и решил я жилищную проблему. Помню, до мора за каждый метр дрались, пока жилье купишь — посидеешь. А теперь — живи хоть в Кремле, если приперло! Только кому приперет? У нас в взпэдэ хоть только на первых этажах, но вода есть, а тут ведь все сгнило, и вся нечисть здесь...

— Что такое «взпэдэ»?

— А? Временно покинутые дома. ВПД. Временно, хм, как же! Сейчас половину домов снеси, все равно жилья выше ноздрей. Вот. И метро долго никому не понадобится. Я им говорю: дайте мне пару станций, да ребят крепких десятков — всю Москву и область грибами обеспечу, а они смеются — ничего, говорят, дед, не волнуйся, в случае чего нам Африка грибами поможет. Какая, говорю, к черту Африка, нет вашей Африки, и поможет она разве что гробами, а они смеются: ты, говорят, дед Эжен, еще внукам нужен, а я говорю, какой я вам дед, я, во-первых, вам Евгений Николаевич, во-вторых, доктор экономических наук и лауреат кейнсианской премии, а в-третьих, амикошества не терплю и требую адекватной реакции, а они все равно смеются, ну, говорят, ты бы, дед Эжен, еще чего-нибудь вспомнил, а то скучно.

Саркис чуть не заснул под убаюкивающее журчание старика, вздрогнул и крепче ухватился за поручень. Дед Эжен ему понравился. Мало того что он накормил их до отвала и наполнил чаем, ко всему еще предложил подбросить чуть ли не до Лужников. И на имя короткое не обижается. В Липее только Уля с коротким именем, он говорит, что все это глупости, и вовсе жизнь не укорачивается, если имя сокращать. Но многие так не считают и могут обидеться насмерть.

Уже в первые минуты знакомства, сидя за столом в маленькой уютной каморке, Саркис решил, что все, что было тайной наверху, перестает быть тайной внизу. Раз там никого нельзя было посвящать в тайну, даже знакомых, то здесь, наоборот, первому же незнакомцу следовало рассказать все. Что он и сделал.

Старик выслушал его, хлопнул по плечу и непонятно обозвал новым Калле Блюмквистом.

Одна стена представляла собой большую дверь, обитую пластиком. В углу на гвозде висели респираторы. Когда старик, откинув засов, скрылся во мраке, оттуда пахло знакомым резким запахом сырости. Вскоре он вернулся с коробом грибов.

А после того, как они наелись и помогли ему загрузить ящики на платформу, он велел двоим лезть за ящиками, а Саркиса пристроил рядом.

Впереди замигал фонарь. Дед Эжен притормозил, и они выбрали высокого человека с большим мотком проволоки на плече. Он бережно приподнял Саркиса, уселся на его место и посадил мальчика к себе на колени.

— Держи крепче, а то уронишь, — буркнул дед.

Незнакомец спросил о здоровье, о внуках, пообещал на днях заглянуть. Время — как песок между пальцев, пожаловался он, ничего не успеваю.

— Ты давно обещаешь зайти, — сердито ответил старик. — А вот твой брат гостит у меня чуть ли не каждый день! Хороший собеседник. Правда, заносит его...

— Знаю, — попутчик рассмеялся. — На великие дела потянуло братца. Ищет свет истины с завязанными глазами.

— А ты не ищешь?

— Кажется, я уже нашел, — задумчиво протянул незнакомец.

— Э-хе-хе, — вздохнул дед Эжен. — Ладно. Что там сегодня крутят?

Они немного поговорили о новом сериале «Огненные братья против Свинцового Замка». Старик ругал переводчика, но ему, как и Саркису, нравился бой одноглазого Гриффитта с хозяином замка на горящих балках. Немного погодя он ругнул телевидение, которое вперемежку с бодрыми заявлениями о скором возвращении жизни в прежнее русло, крутит в обилии псевдосредневековую муру. «Эскапизм, новые стереотипы», — непонятно бормотал он.

Платформа въехала на станцию и медленно покатила вдоль арочных проходов. Часть проходов была заварена листами гофрированного металла, из щелей пробивался яркий свет, слышались голоса, громкий смех.

Саркис хотел спросить, что там, но дед Эжен прижал палец к губам. Когда они снова нырнули в тоннель, старик вздохнул и сказал, что часть станции днем сдают в аренду какому-то движению, хотя, какие сейчас движения, смерть вымела почти все движения, партии и объединения, остались бледные тени — правда, тени очень шумные и даже агрессивные.

— Все это игрища! — сказал попутчик. — Суета и блекотание.

— Воняет от этих игр, — буркнул дед. — Взрослые же люди!..

— Ну и пусть играют.

— Я бы оставил игры детям. А вообще, даже в самую лихую годину дети будут играть, и даже в самой невинной игре зародыш других игр или отголосок древних. Детям без тайн неинтересно, — здесь старик Эжен назидательно вздел палец, — взрослым их тайны кажутся ерундой, зато им тайны взрослых — сушая труха!

6

Так они ползли, ползли и наконец доползли до «Спортивной». Попутчик ловко вернул Саркиса на место и прыгнул на рельсы. Махнул рукой на прощанье и исчез.

Большая толстая женщина в оранжевой куртке без рукавов встретила их сердитым басом: «Долго я вас ждать буду?»

А когда они перегружали ящики на страшно скрипящие, ребристые ступеньки бесконечно движущейся ленты, она сварливо осведомилась у деда Эжена, где он подобрал новых внуков?

Уля и Петро с интересом наблюдали, как ступени уносят вверх ящик за ящиком.

Старик ткнул пальцем в движущуюся лестницу:

— Сейчас последние загрузим, и вы за ними. Как сойдете с эскалатора, стойте и ждите меня. Ну, вперед!

Саркис осторожно ступил на ленту, тут же вздыбившуюся ступенями, пошатнулся, хотел ухватиться за желтоватые

пластины, но дед Эжен снизу крикнул: «Не хватайся, руку оторвет!»

И тогда Саркис сел прямо на ступеньку. Сверху он видел, как прыгнул на ленту Петро, за ним Уля. Уля уселся на ящик, но тут же вскочил от женского вопля: «Ты мне грибы попередавишь!» Петро стоял, пошатываясь, потом решительно двинулся вперед и дошагал до Саркиса.

Наверху два парня в толстых ватных куртках складывали ящики к стене. Завидев ребят, один из них поднял брови:

— Это что за шампиньоны?

Появился дед Эжен с большой сумкой в руке, слабо дзонкающей при каждом шаге. Кивнув грузчикам, сказал ребятам: «За мной» — и пошел к выходу.

На площадке перед станцией дед осторожно опустил сумку и оглядел мальчиков.

— Вот что, — сказал он, — через мост не проберетесь — патруль. По остову мостомоста тем более — все прогнило, вот-вот рухнет. Будем считать, что в воде дракон, и он вас не пропустит. Плыть, я так понимаю, не на чем.

Он внимательно посмотрел на Саркиса, словно ожидал, что тот достанет из-за спины надувной плот. Поскольку Саркис не имел за спиной плота, то дед Эжен продолжал:

— Для начала вы поможете донести сумку. Несите ее так, будто в ней хрупкое стекло. Тем более что в ней хрупкое стекло. А я проведу вас мимо патруля. Мало того, — с этими словами он посмотрел в темнеющее небо, — у меня есть подозрение, что до ночи вы не успеете. А потому — вам надо где-то переночевать. Конечно, ночью в ВПД безопасно, не то что днем, и все-таки... Словом, пошли ко мне. Внуки будут рады, — добавил он после секундного размышления. — Или нет. Но это неважно.

— Спасибо, — сказал Уля. — Но мы, наверно, вас стесним.

— Эх-хе-хе... — только и ответил старик и медленно пошел по тропинке. Саркис и Петро подхватили тяжелую сумку и двинулись за ним. Уля постоял, понюхал воздух и поспешил вдогонку.

Саркис помнил, как выглядят эти места на карте. До моста, казалось, было раз-два. Но они все петляли, кружили, огибали груды гнилой, трухлявой фанеры, из которой торчали ржавые скрученные балки. Иногда попадались давно выгоревшие проплешины, тогда ускоряли шаги. Откуда-то несли

гул, постепенно он нарастал, и, когда они выбрались к мосту, гул превратился в рев. Двухпалубные трехсекционные трейлеры шли один за другим. На серебристых корпусах голубела эмблема ООН.

— Лекарства везут, — сказал дед Эжен. — Или увозят.

Колонна тянулась долго, наконец показалась замыкающая машина, старый потрепанный «Урал» с брезентовым верхом.

— Ну, вперед, — сказал дед.

Патрульная будка была пуста. Проходя, дед Эжен пожал плечами, а Уля приставил два пальца к виску. А когда они вошли на мост, Саркис увидел темную громаду университета.

Старик оглянулся, заметил, что мальчики остановились, и подошел к ним. Минуту или две молча смотрел.

— Да-да, — протянул он, — а ведь я его видел во всей красе. Шпиль тогда был, и блямба такая на шпиле... А башни, башни!

На середине моста у парапета стояли два человека и смотрели вниз. Они покосились на старика и мальчиков, снова устали в воду.

— Зря ходили, Семен, — сказал невысокий коренастый мужчина. — Я тебя предупреждал. Помощи от них...

— Зря, — согласился второй, с проседью в густых волосах. — Политики, рвань, сучки плюгавые.

— Ходу отсюда! Там хоть с честью головы сложим.

— Да, только время здесь извели. Пошли, Александр.

Саркис оглянулся и увидел, как они вскинули на плечи рюкзаки и медленно двинулись в сторону Центра.

Когда перешли мост, Петро встрепенулся и сказал, что за пятнадцать минут добегит до этой большой хаты. Старик молча взял его голову и развернул лицом к берегу.

— Смотри туда! Видишь?

Мальчики всмотрелись. За деревьями темнела длинная извилистая полоса.

— Это раньше, до оползня, ты мог пробежать за пятнадцать минут, — сказал дед Эжен, — а сейчас часа два потоплешь, пока трещины обойдешь. Я не говорю уже о завалах, сами увидите!

Через несколько минут ребята убедились, что старик был прав. В стороне от дороги начинался такой железобетонный бурелом, что змея бы проползла, лишь раздевшись догола.

Слева мусорный завал казался таким же непроходимым, но дед Эжен бодро взмахнул рукой, отобрал сумку и юркнул под зловеще раскачивающийся на прутике арматуры бетонный обломок.

* * *

— Поесть, я так понимаю, пока не хотите? — спросил дед Эжен, пряча сумку в шкаф и задвигая ее одеждой.

Уля замотал головой, а Петро попросил чаю.

Из окна Саркис видел только руины, горы хлама и обвалы осыпи битого кирпича. Здание, что напротив, уцелело наполовину, а на крыше Саркис с удивлением разглядел завалившуюся набок большую птицу, пронзенную веером металлических прутьев. Странное украшение! Он вспомнил птицу у Лицея и подумал, что этой повезло меньше.

Дверь соседней комнаты запахнулась, и в проеме возникла удивительно рыжая девочка с большой кружкой в руке.

— А, ты уже дома, Ксения...

Девочка прошла в комнату, отхлебнула из кружки и оглядела ребят. Она была на голову выше Саркиса и года на три-четыре старше.

Минут через пять они уже пили чай из таких же больших и необычайно уютных кружек. Окна наливались мраком, и дед Эжен закрыл их ставнями, а потом задернул занавески.

Саркис рассказал Ксении о том, как они шли по улицам и тоннелям. Петро сосредоточенно хлюпал чаем. Дед Эжен слушал рассеянно, пару раз хмыкнул, а потом сказал:

— Вы тут хозяйничайте, а я приберусь.

И вышел.

Ксения озабоченно посмотрела вслед, а потом спросила, не было ли у деда с собой канистры или фляги какой?

Уля, честно глядя Ксении в глаза, сказал, что ни канистры, ни фляги не видел.

— Что же он тогда сейчас тянет? — И она, подтащив к себе за рукав Улю с табуретом, положила ладонь ему на голову.

— Ага, про сумку я не спросила, а там бутылки звякали. Чего только он не пьет, — скорбно сообщила она. — Хоть бы разочек приболел, может, бросил бы. У меня когда родители умерли, дед к себе взял, так он каждый день пил, потом кричать начинал, плакал, в потолок кулаком грозил. Тогда в деревню многих привезли, еды сначала не хватало, а он менял

картошку на бутылку. Потом дед однажды выпил сразу всю бутылку и полез на крышу. Упал и умер.

— Как умер? — ахнул Петро и опасливо скосил глаза на дверь.

— Евгений Николаевич меня в распределителе подобрал, — пояснила Ксения. — Я ему неродная.

Саркис не понял, о каком распределителе идет речь. Неожиданно в кухне объявился веселый дед Эжен. Наливая себе чаю, немного промахнулся, плеснув из огромного эмалированного чудовища с кривым носиком мимо кружки.

Ксения молча следила за ним, а потом негромко сказала:

— Помрешь. Вот завтра и помрешь!

Дед Эжен хитро улыбнулся и высунул язык.

— Брете, сударыня, не помру я завтра. И послезавтра не помру. Когда почувешь мою смерть, так, наоборот, сто лет обещаешь. Не перечь мне. Как пил, так и пить буду!

И неожиданно заплакал.

— Первый раз в жизни выпил, когда в институте приказ зачитали о расформировании. Со страху спирту ахнул, сутки валялся, а когда домой приполз, моих уже... уже... Всех увезли и закопали! Я только и остался, потому что пьяный был, а надо бы и мне с ними. Вот и пью, а все не сдохну. Они там, а я здесь один...

— Не один, — Ксения погладила его по голове. — Хочешь, я пойду тебе из шкафа еще принесу?

— Вот не надо! — вскинулся дед Эжен. — Что, скоро шарик в лузу хлопнется? Ты ругай меня, ругай!

Старик быстро успокоился, достал из фризера коробку с рыбными палочками и высыпал в вазу.

— Митя спит? — спросил он у Ксении.

— Кто знает, когда он спит! — пожала она плечами.

— Ну, загляните к нему, а я тут посижу.

Из большой комнаты они прошли в соседнюю, заставленную стеллажами с пластиковыми коробками. Широкая кровать у окна была накрыта красным блестящим покрывалом с золотыми драконами.

У двери в смежную комнату Ксения прислушалась. Пожала плечами и осторожно открыла ее.

— Ты не спишь? — негромко спросила она. — У нас гости.

Мальчики вошли в комнату. У Саркиса сперло дыхание от резкого запаха. Петро кашлянул, Уля отшатнулся, но, морща

нос, все же стерпел. Пахло одновременно всем! Сладковатые цветочные запахи мешались с противной химней, а исходящие дымом, тлеющие палочки в вазе наполняли и без того спертый воздух запахом... Свежего навоза, решил Уля.

Комната казалась пустой. Когда глаза привыкли к дымному полумраку, гости разглядели в углу небольшой ковер, а на ковре сидел, скрестив ноги, худой парень с оттопыренными ушами и стриженной головой. Он был закутан в клетчатый плед. Свободной рукой медленно водил перед собой, выискивая что-то расширенными зрачками, словно ловил комара.

Резкий мах ладони — и Митя торжествующе сжимает кулак. Глаза его заблестели, и он радостно объявил Ксению:

— Поймал! Красную точку поймал, такое один раз в жизни бывает!

Разжал ладонь и удовлетворенно вздохнул.

Петро разочарованно спросил:

— А где же точка?

— А где гвозди грабли? — отозвался Митя, не отрывая глаз от ладони.

Сердито засопев, Петро оглянулся на друзей. Уля подмигнул ему и покрутил пальцем у виска.

Стены комнаты были оклеены плакатами с яркими цветными пятнами, вместо занавесок висели полосы зеркальной ткани, а на большом столе громоздились банки, пластиковые емкости и высокие мензурки. Столешница — вся в темных потеках, выжатый тюбик с клейкими остатками прилип к краю и глупо торчал, не падая.

— Вы химней занимаетесь? — поинтересовался Уля.

Митя поднял глаза и внимательно оглядел его.

— Химней тоже, Великий Мудрец, — ответил он. — Не спрашивай о том, что знаешь сам. Пусть тебе на все ответит Разрушитель. — И он ткнул пальцем в Саркиса.

Саркис хотел спросить — какой смысл в его словах, но тут Митя кряхтя поднялся и подошел к ним.

— Вы тоже путешественники? — спросил он.

Саркис кивнул.

— Где вы сейчас находитесь? — продолжал вопрошать Митя.

— Здесь находимся, — сердито ответил Петро.

— Густак! — выкатил глаза Митя. — Как это вам удается? Я уже на полштути из квадратного ничто в круглое ничто.

Но здесь не нахожусь... — Он уважительно посмотрел на Петра.

Давно, когда Петро еще был маленьким, он видел таких дурных хлопцев. В Харькове их было немало — нажуются чумной резинки и валяются на парапете. Хоть часами слушай их медленные разговоры — ничего не поймешь. Несколько раз он видел, как на них устраивала облаву санитарная станция. Смешно — их ногами месят, а они глаза закрыли и ползут в разные стороны, а один в воду хепнулся, так его чуть со смеху не утопили.

Вот и Митя, наверно, из этих. Петро выразительно посмотрел на Улю и Саркиса, а потом сказал: «Спокойной ночи», и попятился к двери.

* * *

На кухне дед Эжен домывал кружки. Плотно завернул кран, отложил в сторону грязное полотенце и развесил кружки по гвоздям, вбитым в торец навесного шкафчика. Последнюю кружку он пристроил рядом с гвоздем. Кружка упала. Дед нагнулся, поднял, примерился, сощурив глаз, и лихо надел ручку на гвоздь. Гвоздь выпал из гнезда, и кружка снова грохнулась об пол.

Старик погрозил кулаком всем углам, потянулся за кружкой, но она откатилась под стол.

— Ах, вот как! — грозно сказал он. — Сейчас Ксению позову.

— Что там? — спросила, возникая в дверях, Ксения.

В соседней комнате шумели мальчишки, укладываясь спать на большом ковре. Ксения прикрыла дверь.

— Опять шалят, — с досадой произнес дед. — Уйми ты их, кружку не могу на место водворить.

Ксения прикрыла глаза и медленно втянула воздух. Выдохнула. Бросила косой взгляд в угол и шепнула: «Протяну нитку через воду...»

Звякнув, кружка выкатилась из-под стола.

7

Ночью Петро заворочался во сне и локтем уперся Саркису в бок. Саркис открыл глаза, полежал немного в темноте, сообщая, где он. После рыбных палочек хотелось пить.

Дверь на кухню была приоткрыта, там горел свет и негромко разговаривали. Пронзительный голос деда так и сыплет, а другой, глуховатый, говорит медленно.

За кухонным столом сидел дед Эжен в голубой майке и в шортах, напротив — крупный, широкоплечий мужчина в комбинезоне. У него была многодневная щетина, переходящая в бороду, темные глаза и густая черная шевелюра. От него пахло топливом. Он доброжелательно посмотрел на мальчика и спросил:

- Кто ты, ночной гость?
- Я — Саркис.
- Хорошо. А я — Сармат. Тебе воды?

Дед Эжен, не вставая с места, снял кружку, налил воды и протянул Саркису. Выпив, мальчик поблагодарил и пошел обратно. Улегся, отпихнув Петра, на свое место и закрыл глаза.

Не спалось. Он вспоминал, как они шли по улице и как пробирались под землей. Утром надо быстро добраться до громады университета и — назад. Возможно, их еще не хватились. Суббота. Учителей почти нет. Сычи, конечно, рукам волю дают, но с ними можно договориться. Да и Петра сычи не трогают. Никто из Лицея так далеко не уходил, сычи не в счет, они на платформах раскатывают. Он расскажет о хождении, не всем, конечно, а из сычей — только Богдану. Если книги уцелели, хоть одна — высокое дело! — тогда две тайны — книга и путешествие — соединятся вместе, возникнет новая, третья тайна, которая не в книге и не в путешествии и которой пока не придумал название.

Голоса из кухни не давали заснуть. Иногда тонко звякало стекло. Ночной гость негромко убеждал деда Эжена переселиться, панельные дома рушатся один за другим, их даже на консервацию не ставят, принято решение вообще все панельные коробки снести, больше двух миллионов все равно в Москву не наберут, да и то в очень далеком будущем, а в ответ дед Эжен отвечал, что он хоть сейчас, да то только барахла много, если с машиной поможет, то можно и переехать, что же касается будущего, то не надо его смешить.

- Так я договорюсь насчет трейлера. — сказал гость.
- Спасибо, Алан, только до трассы придется на себе тащить.
- Помогу. Вот и новые внуки помогут.
- Им с утра бежать надо, в Лицей могут хватиться.

— А-а, — протянул гость, — заложники. Бедные дети.

— Ты что-то путаешь... Ладно, бог с ними. Помоги вывезти записи. Хотя кому они сейчас нужны!

— Не расстраивайтесь. Сейчас не нужны, завтра понадобятся. Коллекция забавная, конечно, но...

— Вот именно, что «но», — сердито ответил старик.

Булькнуло, звякнуло. Саркис невольно вслушался в странный разговор. Почему Сармат назвал их заложниками? Слово знакомое, и смысл понятен, но какое оно имеет к ним отношение?

Речь деда Эжена замедлилась, он стал повторяться. Из его густо пересыпанной непонятными словами речи Саркис уяснил, что дед в прошлом был известным ученым, а в свободное время собирал всякие истории, таинственные и загадочные.

Саркис насторожился, когда речь зашла о таинственном, но через минуту разочарованно зевнул и закрыл глаза. Старик говорил о чтении мыслей, о перемещении предметов и прочих знакомых вещах. Словно прочитав его мысли, дед Эжен тут же добавил, что по нынешним временам все эти аномальные явления стали чуть ли не обыденными.

— Но! — громко провозгласил он. — От этого аномальность их отнюдь не исчезла. Я рес... регистрирую только новые. Кто-то еще изучает, один институт даже работает в Венгрии. Толку никакого! Объяснить ничего не могут. И не надо. Все эти мелкие чудеса, знаешь, надоели! Раньше на каждый случай полтергейста я и друзья мои скакали, задрав хвост, а сейчас — тьфу! Мне пишут те, кто уцелел. Раньше я все это считал проявлением социальной шиф... шиф... шизофрении. Поэтому я вел картотеку.

— А теперь?

— И теперь так считаю. Но! — снова взрыкнул старик, спохватился и перешел на громкий шепот: — Хорошо, что я успел переписать, в этом районе вся бумага раскисла.

— Э, Евгений Николаевич, я гляжу, и вы чуть-чуть того.

— Что — того?

— Раскисли.

— Самую малость, — согласился старик.

— А скажите, Евгений Николаевич, — осторожно проговорил гость, — вам ничего не известно о нововратниках?

— О ком?

— Ну, знаете, есть такое движение — «Новые врата».

— Ты о плюмберах, что ли? — Звякнуло и булькнуло, и Саркис, засыпая, подумал, что дед Эжен опять глотанул. — Так бы сразу и сказал, а то — «Новые врата». Поцтаузенд! Какие же они новые? Некроцапы драные! У них мозги разжились из-за своих волчков свинцовых, а ты — новые!

— Мне интересно, — ответил гость.

— Ну, тогда поищи на второй полке, в правом углу. Наклейка синяя, вру, желтая. Две желтые полоски, код не помню. И цып... цифровой перчаткой не работай, а то ненароком массивы затрешь. Зря время тратишь. Не получается управлять чудесами этими погаными. Спонтанность. Хотя у детей выходит.

— Кстати, как там моя невестушка поживает?

— Не называй ее так, Ксения сердится, когда так называешь.

— Хорошо, не буду. Вот, подарок ей передайте. Ну, пора идти. На днях загляну, посмотрю записи.

— Загляни. Хороший медвежонок, заводной наверно? За чем тебе записи?

— Не знаю. Ищу, смотрю. Время, Евгений Николаевич, просто набухло историей. Любое решение, действие, даже слово может стать критическим. Сейчас, как никогда, можно непосредственно творить историю, а не быть статистической молекулой. Я чувствую, как во мне зреет сила направлять историю, но пока не знаю, куда и как направить эту силу.

— Голубчик ты мой неугомонный, — сказал дед Эжен, — так ведь все уже было. И триумф воли был, и ярость масс была, вся эта дребедень...

— Дело не в том, что было, а в том — с кем было.

— Ну, это у нас старый разговор. Я тебя не смогу переубедить, да и не вижу предмета спора. Сколько я тебя знаю, ты всегда искал приключений. И это не время набухло историей, а тебя распирают неудовлетворенные страсти. Ты власти хочешь, а ее, как правило, добиваются люди с плохим пищеварением и скверным половым аппаратом.

— Я не жалею на аппарат и пищеварение, — засмеялся гость. — И не власть мне нужна. Однажды я услышал зов, но слов его понять не смог. Теперь слова медленно проступают в сознании, но ключьями, сумбурно. Я не знаю своего предназначения. Ищу того, кто мне поможет, раскроет глаза. А уж путь я изберу сам.

— Ну и превосходно. А сейчас я катастрофически быстро трезвею. И если не лягу спать, то буду говорить с тобой до утра, слезы уже подступают к глазам...

— Пойду, Евгений Николаевич. Поговорили, спасибо. На днях зайду. Сигнализацию не выключайте, дворники опять шалят.

* * *

Саркис давно уже спал и не слышал, как уходил ночной гость, как старик осторожно обошел их, лежавших на ковре, и пристроился на тонко всхлипнувшей раскладушке. Скрип растревожил Улю, он поднял голову, захлопал сонными глазами, а потом снова упал на подушку и заснул.

Скрип внутренним эхом растянулся, обрел форму, и Уле приснился темный тоннель — они идут втроем, а он отбивается от серых скользких чудовищ своим прутком, прут неимоверно вырос, растянулся, превратился в тяжелый посох, и вот Саркис куда-то пропал, а они с Петром ищут его в нишах-пещерах, находят и освобождают от когтистых жутких лап, со всех сторон скалятся клыкастые морды, но ему не страшно, он вдруг поднимается вверх, летит, стены тоннеля рассыпаются, под ним зеленые горы, сверху близкое синее небо, а далеко внизу по тропинке идут Саркис и Петро...

8

Утром их разбудила Ксения.

Вчера они были возбуждены и устали. Сегодня же дерзость побега открылась во всей красе. Затаенный восторг сменился опасениями: если до обеда они не вернутся, — такое начнется! Что — они сами не знали, еще не было в Лицее, чтобы сразу трое, так далеко и надолго. Бухан и его компания будут выть. Пусть воют.

— Вот что, — сказала Ксения, накормив их холодным мясом из банки и дав чаю, — я вам покажу, куда идти.

Она набросила на себя куртку. Уля вдруг поднял палец и прислушался. Из комнаты Мити неслись выкрики, он что-то громко и невнятно декламировал: «Во-первых... во-вторых...»

— Что с ним? — спросил Уля. — Может, помочь?

— Не надо, — ответила Ксения, — это он ангелов судит. Пошли.

* * *

На лестничной площадке Саркис остановился.

— Слушай, — спросил он, — твой брат...

— Он не мой брат.

— Все равно. Он болен?

— Не знаю.

— Кого он судит?

— Ангелов. Он считает, что ангелы покинули Христа, когда его соблазнял дьявол. Говорит, что дьявол соблазнил Христа, и тогда Христос превратился в свою противоположность, и все пошло не так. А во всем виноваты ангелы. Дьявол — бывший ангел, нашел общий язык с ними, уговорил, отвлек, обманул... Вот Митя их и судит. Если они не оправдаются, он их расточит.

— Как это? — вмешался в разговор Уля.

— Понюхает что-то — и все, исчез ангел.

— А ты видела, как они исчезают?

— Нет, конечно, ведь не я суд устроила, а он. Митя недавно следствие проводил: подозревал, что не Моисей вернулся с горы Синай, а какой-то самозванец. И вся история пошла наперекосяк. Пока ничего не выяснил — не та смесь, говорит.

Историю вероучений должны были проходить через два года, но ребята с большим удовольствием влезали в программы для сычей и пересмотрели почти все фильмы из этой серии. Мало что поняли, но сейчас сообразили, о чем идет речь.

Петро подумал о чумной резинке и скривился. Он помнил, как долго и мучительно болел высокий худой Панас, ходивший в одну с ним домовую школу в Харькове, как у него гноились суставы, и он все время мазал их дегтем.

Саркис смотрел на Ксению. Она явно не разыгрывала их. Митя, наверно, болен. Или, наоборот, больны они, а он здоров. Ни то, ни другое не должно помешать им идти за книгами. Ладно, пусть Ксения покажет дорогу. Вот она стоит, задрав голову, волосы рыжие, коса свернута в узел на затылке, а под левым глазом родинка.

Утром Саркис вышел из туалета и забрел на кухню. Там он увидел игрушку — заводного медвежонка, неуклюже вышагивающего по столу. Ксения внимательно следила за его движениями, держа растопыренные пальцы над головой с маленькими стеклянными глазами. Она что-то шептала. «Сила медведя, войди в меня», — расслышал Саркис.

Он тихо вышел из кухни и, остановившись в коридоре, удивленно помотал головой. Какая может быть сила у механической игрушки? Наверно, ненастоящая.

— Надо повыше забраться, — наконец сказала Ксения. — Я далеко с вами идти не могу, Митю нельзя одного оставлять, а то он всех там расточит. Покажу сверху, как до трещины идти, а там сами сообразите. Ну и немножко поколдую, чтоб вернее дошли.

* * *

Поднимались медленно, лестницы были забиты трухлявым хламом, обивка дверей расползлась, вывалив грязную вату, двери выломаны, в темных проемах квартир тихо гулял ветер.

На четвертом этаже Ксения остановилась у мутного, в пыли и паутине окна и прислушалась. Сверху шел нарастающий шорох и треск, словно большой и сильный зверь с хрустом прогрызался сквозь стены и полы дома. Лестничная площадка вздрогнула, осыпалась штукатурка, стекло мелко задрожало. Зверь ушел куда-то вбок и затих.

— Скрип прошел, — сказала Ксения, — идем дальше.

— Что еще за скрип? — озабоченно спросил Уля, успевший в эти секунды достать и вытянуть во всю длину свой прут.

— Не бойся, — улыбнулась Ксения. — Со мной не тронет. Без меня тоже не тронет, — добавила она, подумав. — Правда, днем лучше выше третьего не подниматься. Мало ли что...

Словно подтверждая ее слова, из дверного пролома донесся тяжелый вздох. Ксения замерла на полуслове, прижала палец к губам и осторожно пошла на цыпочках по ступенькам, а ребята за ней. Петро, нахмурившись, вызывающе посмотрел на черную щель и плюнул в нее. Из щели в тот же миг вылетел горшок с высохшим стеблем и, просвистев мимо его уха, врезался в стену и рассыпался сухой землей. И снова тяжелый вздох.

Петро не стал обострять отношения с печальным метателем горшков и быстро догнал друзей.

На восьмом этаже Ксения остановилась. На крышу вела ржавая лесенка, но дверь туда была наглухо заварена, даже замок намертво приварен и весь потек темными слезами окарины. Окно на лестничной клетке было забито фанерой.

Ксения решительно толкнула дверь квартиры, но тут Уля придержал ее за рукав и, выставив вперед ладони, сделал шаг, другой и остановился, как вкопанный, на полушаге. Медленно отступил и покачал головой.

Саркис и Петро отошли к стене. Ксения нагнулась к Уле, словно обнюхала его волосы, а потом сердито посмотрела на полуоткрытую дверь, присела, набрала горсть пыли и мелкого мусора, пошептала что-то над ней и метнула ее в проем.

В квартире грохнуло, рассыпалось, ржавая лестница закрипела, а потом все стихло.

— Ты что увидел? — спросила Ксения деловито.

— Ничего, — честно ответил Уля, — просто не пускало.

В квартире было тихо, разбитая мебель щетинилась во все стороны. Лохмотья драных обоев. Битый фарфор под ногами. Среди этого разгрома дико и нелепо висела сверкающая, чистая, словно новенькая, хрустальная люстра с целыми подвесками. Латунные трубки как будто начистили за минуту до их появления.

Ксения опасливо посмотрела на люстру, схватила табурет без двух ножек и с размаху ахнула по хрустальному великолепию. Саркис на миг зажмурил глаза, ожидая веера осколков по всей комнате, и не увидел, как табурет прошел сквозь люстру. Подвески, трубки, лампочки в матовых чашечках задрожали и растаяли, остались только звенья тяжелой цепи, опущенной почти до пола.

— Куда она делась? — тонким голосом спросил Петро.

— Не знаю, — пожала плечами Ксения, — мираж, что ли. Первый раз вижу.

Вокруг головы Петра закружила большая черная муха. Петро, разглядывавший ворох длинной щепы — все, что осталось от шкафа, махнул рукой, но муха нагло лезла в лицо. Петро прищурился и щелчком попытался ее сбить. Промаяхнулся.

— Не трогай! — крикнула Ксения.

Муха закружила под потолком. Ксения скосила на нее глаза, перевела дыхание.

— Кажется, ничего...

Муха жужжала все громче и громче, звук нарастал. Ксения попятилась к двери, мальчики, заметив, как она побледнела, подались к ней.

В разбитое окно с гулом влетел большой рой мух и повис в воздухе. А потом темный ком размазлся по потолку и принял

размытые очертания человека, там, где было что-то вроде головы, круглая проплешина казалась одним большим глазом. Мухи ползали, взлетали и садились, словно фигура двигала руками. Вдруг мухи опять собрались в рой и вылетели наружу.

— Что это? — сипло спросил Уля.

— Это зомбик, — пояснила Ксения. — Если не давить мух, неопасный.

Они подошли к оконному проему и осторожно, чтобы не задеть острые треугольники битого стекла, облокотились на подоконник.

Отсюда хорошо был виден темный холм университета, вырастающий из зеленого буйства деревьев. Саркис посмотрел налево: там, далеко впереди, проблескивала река и радуга почти касалась ее.

— Радуга наелась человечины и теперь пьет воду, — изменившимся голосом пробормотала Ксения.

Распустив рыжим пламенем волосы, она смотрела на радугу сквозь растопыренные пальцы и медленно водила пятерней перед глазами. Однажды Уля видел, как бабушка так же смотрела на блики в воде. Он тоже растопырил пятерню и повел перед глазами. Между пальцами образовалось слабое марево, но сколько он ни вглядывался, разобрать ничего не мог.

Ксения опустила ладонь и повернулась к Саркису.

— Все у вас будет хорошо сейчас, все у вас будет хорошо завтра, но через много лет все кончится очень плохо.

— Что кончится? — спросил Саркис.

— Все. — Потом, словно удивляясь себе, добавила: — Ну, все!

Взгляд Саркиса остановился на крыше здания. Там, где пронзенная птица распластала крылья, появилась еще фигура, но не птичья. К струнам был привязан за руки человек. Видно было, как он мотал головой.

— Арфу не видел? — спросила Ксения, посмотрела туда и охнула.

* * *

— Не надо бежать, только не бегите, — вполголоса уговаривала Ксения. Но, незаметно для себя, они убыстряли шаги и последние этажи проскочили бегом, даже ветер загудел в ушах. Потом, отдышавшись, Саркис сообразил, что не так уж и быстро они спускались. Не ветер это гудел.

В квартире Ксения откинула крышку зеленой коробочки на стене в прихожей. Положила палец на красную кнопку.

— Что за шум? — спросил дед Эжен, выходя из кухни.

— Человек на крыше, — ответил Уля, — привязан к арфе.

Старик почесал подбородок, взял кепку.

— Схожу посмотрю, что он там делает.

— Не пущу. Сейчас патруль вызову! Ты голову себе сломаешь.

— Не сломаю. Я в театре часто бывал до оползня, внуков водил. Пожарная лестница уцелела, а к ней широкая балочка ведет.

— А ты откуда знаешь? — с подозрением спросила Ксения.

— Не тебе же одной по руинам лазать! — засмеялся дед Эжен.

— Мы с вами... — начал Петро, но дед Эжен цыкнул на него.

— Если через полчаса не вернемся, зови патруль.

Он накинул на себя куртку и, виновато глянув на Ксению, ушел на кухню, а через минуту вернулся.

Пока он ходил, Ксения достала чистый, но мятый платок и разодрала на две половинки. Одну повязала на левую кисть, а вторую, после минутного раздумья, протянула Уле. Уля понимающе кивнул и затянул ее у себя на правом запястье.

— Бабушка к нитке хлебный мякиш подвешивала, — сказал он. — Если было плохо, я нитку обрывал, и бабушка мне звонила. А когда она заболела, у меня нитка оборвалась.

Саркис открыл ставень в комнате и посмотрел вверх. Птица, пронзенная арфой, была видна. Приглядевшись, он заметил и руку, все остальное исчезало за кромкой.

Дед Эжен и Ксения пересекли лежащие плашмя бетонные плиты и скрылись в проломе стены.

Часы стояли на полке. Половина десятого. На завтрак они, конечно, не успели, а вот к обеду хорошо бы... Саркис оглядел полки, потрогал квадратную коробку, приподнял крышку — битком набита дискетами. В углу комнаты на маленьком столике с причудливо гнутыми ножками — дисплей, накрытый большой салфеткой. Машинка дряхлее, чем их лицейские развалюхи.

— «Полтергейст», — прочитал Уля наклейку.

На некоторых коробках надписей не было, а на других — «Пирокинез», «Телепатия», «Проскопия». Уля чуть не выронил коробку с наклейкой «Контагиозная магия» — в комнату неслышно вошел Митя и громко спросил:

— Это я вас вижу или вы меня видите?

Петро отскочил от окна и встал в стойку богомола, но, увидев Митю, расслабился.

Митя уселся на ковер, свел перед своим носом два пальца и медленно развел их. Захихикал.

— Ты чего? — спросил Уля.

— Смешно! Третий палец с двумя ногтями. Ха!

Уля тоже свел указательные пальцы ногтями к себе и, глядя в угол комнаты, медленно развел. Действительно, между пальцами как бы возник третий, с ногтями по обе стороны. Улыбнувшись, Уля вставил между указательными и средними пальцами карандаш и сказал:

— А теперь покачай ладонями, не разводя их.

Через несколько секунд Митя катался по коврику и визгливо смеялся, держась за живот. Потом успокоился.

— Ну, я откинулся! — заявил он. — Такого захода я не знал.

Снисходительно улыбнувшись, Уля подсел к нему.

— А что ты еще умеешь? — спросил он Митю.

Саркис невнимательно прислушивался к их разговору, ходил по комнате кругами, зашел на кухню, сжевал пару рыбных палочек, вернулся и снова посмотрел на часы.

Петро прикрыл ставень и тоже посмотрел на часы. Все это ему не нравилось. Человека зачем-то на крыше привязали, дед и дивчина зря пошли, могут на дворников напороться. В Лицее рассказывали, что в заброшенных домах дворники по квартирам шарят, старые вещи шуют: картины там, если уцелели, бронзу, фарфор. Их патруль когда ловит, то руки ломает. Говорят, раньше их на месте стреляли, а потом перестали, людей мало, а эти хоть и поганые, но, может, какой прок и будет. С ворюгами, правда, разговор короткий, но так им и надо!

Между тем Митя осведомился, куда делись дед и Ксения, а выслушав Улю, вдруг забеспокоился и со словами: «Пойду поддержу их» — исчез у себя в комнате.

Его ждали минуту или две, но Митя, наверно, ушел не за одеждой, потому что, когда Саркис приоткрыл дверь, из комнаты потянуло дымом и вчерашними запахами.

— Что ты с чумным трешься? — сердито сказал Петро Уле.

Уля, не отвечая, смотрел себе под ноги. Саркис увидел половинку платка.

— У Ксении что-то неладно, — задумался Уля.

— Зову патруль! — Петро двинулся в прихожую.

— погоди, только пятнадцать минут прошло. — Уля выжидающе посмотрел на Саркиса.

— Значит, так, мы пойдем за ними, а через пятнадцать минут — зови, — сказал Саркис и снова посмотрел вверх. Человек по-прежнему был привязан к птице. Может, бед и Ксения уже поговорили с ним и теперь возвращаются?

9

Они быстро выбрались из нагромождения камней и разбитых панелей и вышли к уцелевшей части некогда большого красивого здания.

Уля посмотрел вправо, влево, подобрал камешек и с силой ударил оземь. Камень отскочил налево, и Уля решительно ткнул пальцем в сторону двери, болтающейся на одной петле. Саркис с большей охотой пошел бы к остаткам широкой лестницы, ведущей... Никуда она не вела и упиралась в огромную бетонную плиту, когда-то рухнувшую сверху. Вонзившись в ступени, она расколошматилась в пыль, а сама нелепо торчала, таким каменным, в трещинах, занавесом.

За дверью было сумрачно, но свет из дыр освещал длинный коридор и темные проемы дверей в стенах его.

В конце коридора за поворотом оказался небольшой зал с вздыбившимися остатками деревянного пола, а в углу — впитовая лестница. Уля с сомнением оглядел ее, понюхал воздух, пожал плечами и медленно пошел вперед. Саркис потрогал скользкие перила и, вздохнув, двинулся следом.

В полумраке казалось, что они кружатся на месте, держась за столб и переставляя ноги по неудобным ступеням. Вскоре лестница вывела на площадку. Крыша над этим местом была сорвана, и открылась картина разрушений — половина здания лежала месивом камней, балок и плит, а уцелевшая часть дикой глыбой возвышалась над осыпью.

До крыши еще было далеко. Они осторожно перелезли через толстые трубы, обогнули большой покореженный бак и

пошли по узенькому балкончику, прилепившемся к стене, стараясь не смотреть вниз. Дойдя до середины, Уля насторожился и попятился. Саркис, ничего не спрашивая, тоже повернул.

Рухни сейчас этот железный балкончик, Саркис бы не удивился. Нюх Ули на опасность восхищал его. И не завидно. Если рядом друзья, которые могут все, плевать, что сам не тянешь!

Ничего не происходило минуту, две... Уля стоял, тяжело дыша, потом достал из кармана часть платка Ксении и, закрыв глаза, помял его в ладони. Пошел назад, к баку и трубам, заглянул в проем. Сверху посыпалась пыль, труха. Мальчики переглянулись. И полезли бетонным колодцем вверх по скобам.

А наверху, у самого края колодца, на небольшой площадке увидели деда Эжена и Ксению, сидящих спинами друг к другу. В первую секунду они просто удивились их позам, а во вторую обнаружили, что дед и внучка привязаны друг к другу, а лица их замотаны тряпками.

* * *

— Чуть не задохнулся, — сказал наконец дед Эжен, отдышавшись и отплевываясь. — Вот негодяи!

— Я одного укусила! — гордо сообщила Ксения, а потом сморщила нос: — Хорошо, зуб не сломала.

— Куда же они делись? — озабоченно спросил старик, выяснив, что мальчики по пути сюда никого не встретили.

— Они никуда не делись, — сказала Ксения, — они рядом.

Уля выхватил свою трубку и растянул ее во всю длину. Саркис подобрал кусок ржавой арматуры.

— Не бойтесь, — сказала Ксения, — ничего они не сделают. Они испугались, упали вниз и умерли. Их зомбики убили.

Мысль о том, что здесь, на высоте, внезапно могут налететь сонмища мух и ослепить, задушить, была неприятна. Саркис шел за дедом Эженом и Ксенией, перебирался через завалы; полз по балкам, а сам думал о том, как в трещинах роятся мухи и посмей только раздавить хотя бы одну... Почему-то внизу они не опасны, а в пределах Кольца их просто нет.

По широкой балке одолели провал и влезли по небольшой осыпи на крышу.

Вблизи арфа казалась частью огромной клетки, на которой распласталась птица. К прутьям этой клетки был привязан человек. Когда они подошли к нему, то увидели худого мальчишку, молча глядевшего на них круглыми глазами. Рот его был заклеен липкой лентой.

* * *

Всю дорогу назад незнакомый мальчик шел, вцепившись мертвой хваткой в рукав Ксении. Уля пытался с ним заговорить на свету, когда они выбрались из последнего коридора, но без толку. Мальчик дергал головой, молча водил зрачками по сторонам...

У подъезда он успокоился и, пока Петро приставал с расспросами к деду, Саркису и Уле, деловито осмотрелся и отпустил рукав Ксении.

— Сначала нужно накормить человека, — провозгласил дед Эжен. — Вопросы потом.

— А я патруль вызвал, — невпопад сказал Петро.

— Да? — поднял брови дед Эжен. — Ну, что же... Куда?!

Спасенный незнакомец был уже около пролома, когда его догнала Ксения и положила руку на плечо.

Саркис и Уля переглянулись. Появление патруля означало финал их похода. Это было невыносимо! Вон торчит из-за насыпи темная скала университета. Дойти, добежать, а там и патруль не страшен. Можно даже попросить, чтобы до Лицея подвезли.

Ксения и беглец вернулись.

— Нельзя мне патрулю попадаться, — хрипло сказал мальчик.

— Нельзя так нельзя, — согласился дед Эжен. — Как тебя зовут, отрок?

— Виктор.

— М-да, — протянул старик Эжен. — Ты уверен, Виктор, что встреча с патрулем тебе сулит неприятности? Ладно, мы тебя вызволили, мы за тебя и отвечаем. Потом разберемся. Да и вы, юные путешественники, я так понимаю, не рветесь обратно в Лицей? То же самое. Ксения, доведи ребят до трещины, и потом с Виктором возвращайтесь. Ну, а вы, — обратился он к Саркису, — заживайте на обратном пути.

У пролома он догнал их и спросил Виктора:

— Ты не боишься напороться на своих? Странные нынче дворники пошли!

— Это не дворники, — коротко ответил Виктор, — это воры.

— Вот оно что! — только и сказал дед.

* * *

Перейдя трещину, они круто свернули налево и вышли на асфальтовые проплешины старой дороги. Ксения сказала, что проведет их к большому дому, а потом обратно.

Виктора ни о чем не спрашивали. Он сам, с трудом выдавливая слово за словом, рассказал, что в Омске сгорел распределитель и все разбежались; его подобрали какие-то темные личности, приютили, потом проиграли в карты одному штымпу, а тот оказался вором. Деться было некуда. Виктор не мог никак сбежать, а когда перебрались в Москву, то попытался, но не вышло, его сразу поймали и привязали на крыше. Проветриться, как сказал Боров. В следующий раз обязательно сбежал бы, а если сейчас Боров встретится, загрызет...

Саркис не очень понимал, о чем идет речь. Про дворников он слышал, а воры — это было что-то из жизни до Пандемии, когда у одних было то, чего не было у других, и те, у кого не было, воровали.

— Что они воруют? — спросил он Улю, отстав от Ксении и Виктора.

Уля пожал плечами, а Петро буркнул:

— Детей маленьких!

Петро вспомнил, как у них во дворе поймали трех воров. Они чуть не украли годовалую дочку соседки. Их сильно били, допытываясь, для кого хотели ребенка скрасть, но так и не допытались, а когда примчалась патрульная машина, то воры уже висели рядышком на каштане и языки вывалили. Патрульные все спрашивали, кто их повесил, но так и не узнали, поругали за самосуд, тем дело и кончилось. Потом у них в квартале долго шли разговоры о ворах, которые выкрадывают деток малых и продают бездетным, но богатым людям не то в Африке, не то в Австралии.

Он рассказал об этом Уле и Саркису, но они не все поняли. Одно было ясно — Виктор попал к густым мерзавцам и пытался отпрыгнуть, за что мерзавцы привязали его к арфе. Судя по рассказам Виктора, жизнь его потаскала за волосы и повидал он много такого, чего ребята даже в фильмах не

видели. Интересный собеседник, думал Саркис, жалко, что он не в Лицее. Потом мысли его пошли в другом направлении, и он вспомнил ночной разговор на кухне. Странно назвал их ночной гость. Вот Уля. Мать у него крестьянка. У Петра родители в больнице работают. Что же имел в виду бородатый человек?

Асфальтовые пятна тянулись вдоль останков поваленной ограды. Мрачная громада университета медленно росла. Саркис знал, что длинное здание должно быть недалеко от полуразрушенного колосса. Всю дорогу он не сомневался, что найдет книги своего отца, пусть даже раскисшие в прах. Но сейчас вдруг подумал, что здание могло рухнуть и даже праха не осталось. Правда, само путешествие — хорошая большая история на долгие вечера. Только обидно, если все рухнуло!

Но когда они продрались сквозь кусты, Саркис увидел, что угол здания устоял, хотя целых стекол не осталось, а многие плиты упали.

Перед входом трава утоптана, и почти никакого мусора. Все хорошо, если бы не патрульная платформа у колонн перед щитами, перекрывающими вход.

Один из патрульных спал в кресле, а второй ласково посмотрел на них, сказав:

— Ну вот, погуляли, пора и обратно. Ваши обыскались...

И добавил негромко в спикер: «Забирайте киндеров, сами пришли».

Саркис опустил голову. Сейчас за ними прилетит лицейская платформа. Книжки его отца здесь, рядом. Может, подойти к патрульному, взять его за рукав, пошмыгать носом и объяснить, что они никому не мешают и вреда от них нет? Он поднял голову и увидел пустой и равнодушный взгляд смертельно усталого человека.

Лучше он еще раз вернется сюда. Один.

Патрульный скользнул глазами по одинаковым синим курткам с лицейскими треугольными нашивками и молча посмотрел на Ксению. Она достала из кармана пластиковый квадратик с фотографией и протянула патрульному. Тот махнул рукой, и она спрятала квадратик.

Только сейчас Саркис заметил, что Виктора рядом с ними нет.

Петро завертел головой, хотел что-то спросить, но Уля мигнул ему.

— До свидания, — сказала Ксения. — Приходите в гости.

Чмокнула в лбы всех троих и скрылась в зарослях.

Патрульный в кресле раскрыл глаза и сказал: «Деду привет передавай». Потом достал из ящика под сиденьями желтые коробки, оторвал клапаны разогрева и сунул ребятам в руки.

Саркис медленно тянул горячее сладкое молоко. Глаза его были закрыты, он боялся, что если будет долго смотреть на серые стены дома, где лежат книги, то может заплакать. Все-таки обидно.

Уля, наоборот, крутил головой во все стороны, разглядывал темные полосы пустых окон, кое-где уцелевших на оплывшей громадине университета, загляделся на остов здания по ту сторону асфальтовых торосов — между этажами переплелись толстые и тонкие трубы, видны были останки больших и сложных машин.

Через несколько минут над головами повисла двухвинтовая платформа с синим лицейским треугольником на днище. Машина села, прозрачная крыша отъехала в сторону, на траву выскочили двое сычей и... Бухан!

— Приветик! — сказал Бухан. — Что же вы, дурики, файл не затерли? Я сразу высчитал, куда вы ткнетесь. Вся трасса на плане.

— Ах ты, дерьмо сушеное, — сказал Петро и взял Бухана за воротник, — дятел поганый, я тебя...

— Ну, килек, спокойно, — вмешался один из старшеклассников, — вы и так герои, столько никто не проходил. Давайте в машину!

Петро отпустил Бухана, а тот, сморщив лицо от зависти, отвернулся.

— Не полечу я с ним, — сказал Петро. — Я ему уши оторву.

— А я из ушей заплатки на штаны сделаю, — добавил Уля.

— Серьезные ребята, — засмеялся патрульный, угостивший их молоком. — Вот что, давайте я этих молодцев подброшу, а то передерутся!

Он взял за плечи Петра и Улю и подтолкнул к платформе. Второй патрульный уже сидел на вертушке. Сквозь пластик корпуса Саркис увидел, как Уля составил из пальцев «роги» и пошевелил ими на Бухана. Петро беззвучно засмеялся, махнул рукой, а потом машина раскрыла винты и с фырчаньем ушла вверх.

— Ну, пошли, — сказал сыч, и тут Саркис узнал в нем неприятного типа из компании Богдана.

Сыч с интересом посмотрел на здание, оценивающе глянул на Саркиса, снова на здание, прищурился. Все это не понравилось Саркису. Если сыч догадался о его тайне, тогда надо уходить сегодня ночью. А дверь?

Саркис обреченно двинулся к платформе. Вдруг из кустов выскочил Виктор и с криком «я с вами» забрался на платформу.

Бухан шарахнулся в угол, а сычи уставились на него, не понимая, кто к ним залез и откуда.

Саркис перебрался через борт и сел рядом с Виктором.

Угрюмый неприятный сыч проворчал что-то насчет патрулей, но второй пожал плечами и захлопнул кузов. Платформа снялась с места и медленно поднялась над площадкой. Сычи не торопились, все-таки дежурным не каждый день удается полетать. Бухан прилип носом к борту и разглядывал глыбистую машину университета. Пару раз он обернулся, злорадно ухмыляясь.

— Плохо? — тихо спросил Виктор.

— Очень плохо, — грустно ответил Саркис.

К своему ужасу Саркис вдруг обнаружил, что из глаз капало. Виктор внимательно посмотрел на него и почесал в затылке. Потом снова потянулся к своему затылку, а через секунду вдруг прыгнул и повис на плечах угрюмого.

Второй сыч развернул к ним кресло-вертушку.

— Вы что... — начал он и поперхнулся.

Виктор обхватил ногами угрюмого, одной рукой вцепился в волосы, а второй прижал к его горлу светлую полоску. Угрюмый от неожиданности замычал, но не мог вымолвить ни слова, а Бухан, увидев нож, забился под сиденье.

— Быстро вниз, — негромко сказал Виктор.

Второй судорожно закивал головой, и, пока Саркис пытался сообразить, что происходит, машина села на асфальтовую полянку, рядом с завалившимся набок трамплином.

— Пшли вон!

Бухана как ветром сдуло, сыч медленно перелез через борт и забегал глазами вокруг в поисках палки или камня.

Виктор слез с угрюмого и, покалывая в спину, выпихал его из кабины. Старшеклассники переглянулись, а когда наконец до них дошла унижительность и глупость конфуза —

Виктор им чуть не по пояс, — они почти одновременно кинулись вперед, но прозрачный кожух хлопнул, винты качнулись, и платформа, неуклюже заваливаясь, пошла вверх.

* * *

— А я не умею водить платформы, — сказал Саркис.

Виктор, не отвечая, судорожно вцепился в мягкий шар управления и осторожно шевелил пальцами. Машина дергалась в такт, но постепенно разворачивалась, и тогда он чуть вдавил полусферу.

Они шли, чуть не касаясь вершущек деревьев, а повернув, едва не заделли высокую мачту с пустыми бочонками прожекторов.

Здорово он их напугал, подумал Саркис, со смутным беспокойством понимая, что дела принимают совершенно неожиданный оборот. Вначале это была игра, а сейчас на игру ничуть не похоже. Хорошо это или плохо, он не знал, но догадывался, что теперь «комнатой раздумий» не обойтись. Могут сообщить родителям, а то и вычесть из каникул неделю.

Они опустились на то же место. Виктор откинулся на вертушке и выдохнул воздух.

— Я тоже.

— Что?

— Тоже не умею водить. Видел пару раз, и все...

* * *

Дома у Саркиса на стене висела большая карточка — у высоких стеклянных дверей стоят молодые мама и папа, а сзади много веселых людей в разноцветных одеждах.

Он узнал эти темные колонны, ступени, только вместо стекла — коричневые пластиковые щиты. Некоторые слабо держались на поперечных рейках, и Саркис легко их раздвинул.

— Ну, я пошел.

— Я с тобой, — ответил Виктор.

Они пролезли в щель и задвинули ее щитами. В полумраке идущий сверху из открытых проемов свет высветил, как им показалось, вторую стену. Перебравшись через решетчатое ограждение с уцелевшими в некоторых местах стеклами, обнаружили, что находятся в большом зале, а то, что приняли за стену — ящики, коробки, чемоданы, уложенные друг на друга и кое-где возвышающиеся чуть не до потолка.

На мгновение Саркис растерялся. С ним не было Ули, чтобы найти верный путь в узких темных проходах между вещами, и не было Петра, тот бы помог раскидать все барахло, осыпавшееся из прогнивших ящиков в проходы. Наверно, так нужно — в конце путешествия он сам, без помощи друзей, найдет книги. Хоть бы одна уцелела!

Он протиснулся в узкую щель и двинулся между штабелями вещей, когда-то принадлежавших тем, кто здесь работал или учился. Где-то должен быть ящик, перевязанный синим или коричневым шпагатом. Отец говорил — коричневым...

Виктор шел за Саркисом. Он спросил, что искать, но Саркис молчал, и Виктор не стал больше спрашивать. Он немного отстал, свернул в другую сторону и с любопытством разглядывал свернутые кипы одежды, нагроможденные друг на друга столы и шкафы, дверцы некоторых были разбиты, на пол вывалились дискеты, приборы, стекляшки цветные...

Несколько раз, блуждая темными проходами, он сталкивался с Саркисом. Тот осматривал ящик за ящиком, трогал веревки, ремни, их перевязывающие.

Потом Виктор набрел на лестницу, ведущую на широкий балкон. Поднялся наверх. Балкон одной стороной упирался в стену, а другой — уходил в коридор.

Виктор постоял у перил. Сверху он увидел, как Саркис медленно прошел узкой расщелиной и исчез из виду.

Здесь, на широкой галерее, пыль вздымалась от любого движения, но не было такого нагромождения вещей, как там, внизу. Вдоль стен сиротливо притулились разбитые киоски, на одном из них сохранилась даже облупившаяся надпись «Академкнига». Виктор не понял, что это означает. Книг он не видел никогда, а выучился читать в распределителе, застряв в нем на два года. Родителей не помнил.

Смахнув пыль, он уселся на прилавок и стал ждать, пока Саркис не найдет то, что ищет, и не позовет его. Странно, что разные люди и рыжая красивая девочка Ксения помогли ему и даже не прогнали, узнав, что он был у воров. Он помог Саркису избавиться от крючков и увел машину. Это здорово. За такое Боров похвалил бы... Вспомнив Борова, Виктор насупился. Живым лучше к нему в руки не попадаться. Как он тогда с патрульным, угодившим в засаду! Впрочем, Боров тоже пусть близко не возникает — с десяти метров Виктор попадет наифом в любую точку жирного тела.

Слабое шевеление в глубине коридора насторожило его. Нырнул под прилавок и передвинул нож в рукав. Сквозь щели в прилавке увидел, что к нему ползет бесформенная тень. Виктору не было страшно — чертовщина, водящаяся на верхних этажах, вниз к Саркису не пойдет, а сам он на любую плевал, и не такое видел. Если же люди... Смотря кто. Вдруг остро захотелось, чтобы это был Боров или кто угодно из его дружков. У Борова всегда за пазухой два ствола, однако найф быстрее.

В дверном проеме внезапно появился большой темный овал и медленно, беззвучно поплыл вдоль перил. Напротив короба, где затаился Виктор, кокон замедлил движение, с тихим шелестом распался, исчез. На его месте возник невысокий плотный человек в светлом плаще. Капюшон скрывал лицо. В руках у него был предмет, очень похожий на ружье с чудовищно толстым стволом. Он уложил ствол на перила и, припав щекой к коробке с небольшим экранчиком, направил свое оружие в зал и медленно повел им, словно целил в кого-то. Догадка поразила Виктора: он понял, что незнакомец сейчас выпалит вниз. Над прилавком взметнулась рука, и незнакомец, выронив оружие, мягко осел на грязный пол балкона с ножом в шее.

Воздух вдруг загустел, стал вязким. Виктор не мог пошевелить даже пальцем, и только мысль «влип» точно передавала его ощущения.

Он застыл, сидя на корточках перед дырой в прилавке. На балконе возникли две фигуры, почти человеческие, только странно вытянутые тела и головы колебались, словно были изображением на зеркальной пленке. Фигуры нависли над поверженным незнакомцем, одна из них повела рукой, и незнакомец исчез, рассыпавшись искрами. На миг Виктору стало жаль пропавшего вместе с телом ножа.

Фигуры встали у перил и, судя по наклону голов, смотрели вниз. Потом Виктор услышал их голоса — звучные, рокоучущие голоса медленно проговаривали слова, которые словно сами собой отдавались у него в голове.

«Осквернитель наказан!» — произнес первый голос, а второй ответил: «Истинно так». После небольшой паузы первый снова сказал: «Вот оно, начало времен — только что узрел там, внизу, Великого, бредущего в поиске». — «Да, — согласился другой, — все произойдет так, как произошло! Скоро он найдет искомое и начнет обратный путь». — «Так и бу-

дет, — сказал первый, — и ничто его не остановит». — «Ничто и никто! Только мы видели первый миг Новой Истории. Никто более не видел, и никто не знает, как началась самая великая эпоха разума». — «Никто не видел, и никто не знает», — эхом отозвался первый, и в тот же миг оба исчезли. Лишь рой искр повис на том месте, искры бледнели, медленно разлетаясь в стороны.

Виктор наконец смог вздохнуть и пошевелиться. Он забился в самый угол разбитой деревянной коробки. Его тряс озноб. Время шло, там, внизу, Саркис бродил в лабиринте вещей, и надо спуститься к нему, но не было сил подняться. Необоримый ужас леденил сердце, сковал ноги. Скоро тот, кто внизу, найдет то, что ищет, и, не дождавшись его, пустится в обратный путь сквозь бесконечно чужой и пустой город.

Искры повисли над ним, в голове защекоotalo, словно огненные точки заползли в мозг. Виктор дрожащим комком втиснулся в угол, он пытался вспомнить что-то очень страшное и важное, увиденное недавно, но не мог и, хотя из памяти стирались, исчезали события последних минут, упрямо шептал, не понимая, что означают его слова: «...я видел... я знаю... я видел... я знаю».

Часть первая

КРУЖЕНИЕ

Волны, мелко почавкивая, лизали уже вторую щепку. Всего их шесть, воткну-
тых в песок одна за другой.

«Паводок, к утру все затопит», — подумал он и отполз в кусты.

До берега триста метров. Холодна весенняя вода, но доплыть можно. Только вот на крыше речного вокзала под уцелевшим навесом летнего ресторана с комфортом засели головорезы Дубасова. Время от времени от скуки или для остротки постреливают в его сторону, пули скворчат высоко над головой. Он им нужен живым. Ночью пытались сдуру или с перепоею взять его врасплох, но батарея в прицеле еще тянула, и он первым же выстрелом разнес бензобак. Лодка вспыхнула и завертелась на месте, а с нее попрыгали живые факелы.

Теперь они надеются, что вода сгонит его с острова. Ждать им недолго. Справа мост, доплыть до быков ничего не стоит, но несколько раз он замечал подозрительные блики наверху.

В середине узкого островка на небольшом возвышении кусты погуще. Отсюда хорошо просматриваются набережная и мост. Жалкие корявые деревца на плот не годятся. Ему плот и не нужен, цепляйся за любую дере-

вяшку и плыви хоть до Каспия, стрелять не будут. Но он не один...

Выстрелы со стороны города стихли.

Она лежала, закрыв глаза, но когда он подполз к ней, чуть подняла веки.

— Это в нас стреляли? — спросила она.

— Нет. Наверно, городская милиция пыталась их выбить.

С этими словами он подоткнул края куртки, в которую она куталась, и поправил воротник. Она потерлась носом о его ладонь.

— Темнеет быстро. Если дружинники не придут... Ты их не чувствуешь?

— Нет, — она улыбнулась. — Ничего не чувствую, не знаю и не могу. Ты отнял мою силу. Может, утром вернется.

— Утром? Вода дойдет до нас прежде, чем сила придет к тебе.

— Ну и пусть!

— Пусть, — вздохнул он и поцеловал ее в лоб. — Спи.

— Не бойся воды, бойся песка, — пробормотала она, засыпая.

Он сидел на корточках, смотрел на нее и ничего не понимал. Год за годом холодной тенью проходил он сквозь города и земли, не зная, где конец пути. Теперь вдруг подумал, что это были пустые времена. Незнакомое чувство... Очень давно, на самом краешке памяти — руки отца, подбрасывающего к потолку, смех и радостный визг — год ему был тогда или полтора. Он не помнил лица, почему-то пахло нагретым металлом и топливом, что-то гудело и нестрашно рычало. И вот сейчас неожиданно вернулось — будто теплые руки отца подбрасывают к потолку, и плевать, что кто-то втягивает в дела грязные и грозные... Мог ли он предположить, что пошлет в самую глубокую и вонючую дыру все дела и обязательства, запутает себя и других, а вся круговерть событий завершится словами, которые он еле выдавит из себя: «Я люблю тебя, Ксения», и на целую секунду мир вокруг остановится, пока не услышит в ответ шепот: «Я люблю тебя, Виктор».

Могло ли прийти ему такое в голову всего пару дней назад, когда он прибыл в Саратов и ждал в условленном месте нужного человека?..

1

Он стоял на перекрестке, а наискосок — четырехэтажный дряхлый дом. Крышу венчала фигурная нашлапка, с барельефом. Сквозь копоть и грязь можно было разглядеть лихо отплясывающих парня и деву. Некто с отлетевшей головой подыгрывает на гармошке, а неуместный дед, кажется, на гуслях. Справа и слева неясные фигуры протягивают танцорам плоды. Подкрепиться, что ли?

Без четверти пять. Опаздывает. Плохо. Через пятнадцать минут закончится комендантское время, и улицы превратятся в муравейник. Виктор знал, что здесь осели сотни тысяч беженцев. Комиссию по расселению просто вырезали враждующие между собой банды. Городская милиция все силы тратила на выживание, а заградотряды, наспех сколоченные из остатков спецвойск, далеко за Волгой пытались упорядочить людской поток, идущий из глубин Средней Азии.

Саратов превратился в огромный перевалочный пункт. Он был похож на распределитель, о котором Виктор вспоминал с дрожью омерзения. На очень большой распределитель для всех — детей и взрослых.

После опустевших городов такое половодье голов, рук и ног раздражало и немного

пугало. Отсюда слабыми ручейками медленно растекались поезда, платформы, трейлеры с людьми. Распределение шло. Хлынувшие на многолюдье банды всех мастей спелись с местным отребьем, заварилось густое месиво, а там и дупилы объявились. В прошлом году, когда он проезжал через город, здесь было спокойнее.

За спиной тонко скрипнуло. Виктор скосил глаза — из подворотни на него внимательно смотрели.

— Эй, иди сюда, — негромко позвал женский голос.

Встретить должен был мужчина. Что могло измениться? Он пожал плечами и, глянув по сторонам, подошел к ржавой двери. И очутился в жирных объятиях огромной рыхлой бабищи с всклокоченными волосами. От нее шел такой перегарный винт, что Виктора замутило. Прижав к своему расплзающемуся бюсту, незнакомка жарким шепотом предлагала по нисходящей угол, направление, ствол, водку, себя, деньги в обмен на его кожаную куртку. Наконец ему удалось стряхнуть ее, но тут в спину уперся твердый предмет. Мужской голос посоветовал не обижать даму, а тихонечко положить руки на затылок и снимать курточку. Виктор положил руки на затылок и спросил, как же теперь снять куртку. «Не смей кожу портить!» — грозным шепотом сказала дама. «Ничего, ничего, — сказал мужчина, — ручки подними вверх, а потом медленно и осторожно опусти одну вниз. Повернись, может, у тебя под курткой ствол. Медленно, без резких движений».

Виктор повернулся и замер. Одутловатое, распухшее лицо, огромный живот, седая неопрятная щетина почти не скрывает точки ожогов на лице, словно на нем гасили сигареты... Он!

— Здравствуй, Боров, — негромко сказал Виктор.

На секунду растерялся Боров, сморгнул, но этого хватило — Виктор локтем отбил чудовищную конструкцию, направленную в живот, и всадил ногой в пах. Боров хрюкнул, сломался пополам и ткнулся головой ему в ботинок.

Незнакомку вынесло из подворотни во двор с невероятной для ее телес скорости. Она сгнула в подъезде.

Виктор поднял оружие. Огромный ствол, сверху примотана коробка универсального прицела. Дикий затвор с кольцом в прорези, а обойма как большая консервная банка. Густая самоделка! Откинув кожух затвора, Виктор присвистнул — в барабанах сидели охотничьи патроны с ракетными насадками. Одной пулькой разнесет легкую платформу с двухсот метров. Его что, собирались в фарш месить из-за куртки?

Боров завозил головой по земле. Тщательно прицелившись, Виктор ударил носком ботинка в висок. Потом осмотрелся и запихнул ствол в щель между мусорным контейнером и стеной, а сверху набросал пустых пакетов. Контейнер был еле виден под грудой окаменевшей дряни, которую месяцами не убрали. Взглянув на неподвижного Борова, он не торопясь вышел из подворотни. Губы дергались, он еле сдерживал улыбку. Хорошая встреча.

На перекрестке у открытой двери двухместной платформы стоял человек в синем плаще и держал в руках часы на цепочке.

Виктор подошел к нему и без слов полез в кабину. Человек сел рядом, захлопнул дверь. Распахнулись прозрачные винты, еле слышно загудел мотор, и платформа снялась с места. На часах — без одной минуты пять, а когда немного погодя Виктор глянул вниз, утренние улицы Саратова уже кишели людьми, до того коротавшими ночь по десять-двенадцать человек в комнате, и то, если повезет.

Закрыв глаза, он расслабленно ощущал, как горячая волна смывает коготь с души, слюй за слоем, и когда унесло водой воспоминания о черных днях, проведенных в банде Борова, воцарился совершенный покой. Вряд ли теперь Боров будет в жутких снах гоняться за ним с огромным тесаком. Отбегался Боров!

Он вспомнил, как десять лет назад, захлебываясь от страха и ненависти, рассказывал об издевательствах и побоях, а дед Эжен молча пододвигал к нему банку с печеньем, рыжеволосая девочка Ксения вздыхала и терла виски, а странный парень Митя иронично поглядывал на него, обводя при этом вилкой клетки на скатерти. Тогда же Виктор, после рассказа о своих мытарствах, признался, что помог Саркису добраться до нужного ему места, но потом заснул, а Саркис, наверно, не дождался и ушел. Он не стал говорить, как долго блуждал в развалинах, разыскивая их дом, как трясся от безнадежности и отчаяния, пока вдруг не вышел к подъезду...

С дедом, Ксенией и Митей он прожил всего неделю. Первые дни казалось, что с минуты на минуту его заберет патруль или возникнет Боров со своими негодяями. А когда страх исчез и он понял, что нашел дом и друзей, все кончилось. Под вечер неожиданно стали падать блоки верхних этажей. Они еле выбрались, высадив гнилые двери, через грязное помещение, куда раньше сваливали мусор. Отбежав в сторону, дети

смотрели, как с треском и грохотом что-то рушится в доме, а из окон летят рамы, пыль, бетонное крошево. Дед Эжен вдруг хлопнул себя по лбу, крикнул, что забыл картотеку, и, прыгая по обломкам, исчез в оконном проеме. Ксения рванулась было за ним, но Виктор и Митя удержали ее.

Дом медленно, с идиотским достоинством осыпался внутрь себя. Ксения, закрыв глаза, кружилась на месте, бормотала непонятные слова, а дом все рушился, рушился, а потом сильно ахнуло, в закатное небо поднялся высокий столб пыли, и наступила тишина. Они ждали час, два, а когда поняли, что дед не вернется, ушли.

Ночью у моста их остановил патруль. Потом распределитель, чехарда и неразбериха, и Виктор потерял Ксению и Митю.

Платформа загудела и пошла вниз. Виктор открыл глаза.

* * *

Хмурый человек придвинул к нему упакованный сверток.

Виктор разорвал пластик, пересчитал чеки и сунул в карман. Дело сделано. Он не знал, да и не хотел знать, что было в тяжелой плоской коробке. Всю дорогу коробка висела на стальной цепочке, а та — на шее. Будь там платиновые электроды или ампулы с «контактом» — ему что за дело! Впрочем, вряд ли местный филгал ООН нуждался в «контакте», а если кого-то скрутит, то любой химик-любитель сварит потребную отраву. Возможно, в коробке никому не нужные диски с отчетами, и ради них он трясся ночь и день в страшно скрипучем вагоне. В полупустых купе кучковались подозрительные штыпы, пару раз они приставали к нему, но он запер дверь и лег спать на ободранную полку. А утром увидел в окно, как по перрону одного из этих молодчиков волокут дружинники. Волокли за ноги, а штып не сопротивлялся, потому что был покойником.

В последние годы ему частенько приходилось лезть в густую оборотку. Но с тех пор, как старый Гонта подобрал его и воспитал, он ни во что не вмешивается. Своих дел хватает.

Вот и сейчас, получив все, что ему причитается, он кивнул и пошел к двери. Его остановил вопрос хмурого человека:

— Не могли бы вы прихватить с собой кое-что?

С таких вопросов и начиналась новая ходка. Пакет или чемоданчик, знакомый или незнакомый маршрут. Если бы Виктор знал, чем обернется для него вопрос хмурого человека...

Хотя нет, ничего не изменилось бы, вращение мировых колес неостановимо, и все равно — знаешь ты или не знаешь, где и когда сотрет тебя в прах.

Просьба оказалась пустяковой. Отвезти в Москву небольшой предмет, не больше половины ладони, и сдать его в центральное представительство Фонда лично в руки доктору Мальстрему. Оплата на месте в том же размере. Виктор обрадовался, что не нужно пересекать территории с запада на восток или, боже упаси, с севера на юг.

По тому, как небрежно ронял слова хмурый, Виктор догадался, что речь идет о произведении искусства, притом большой ценности. А когда хмурый сказал, что у него хорошая репутация и он надеется, что гонец не подведет, Виктор настоился. Хмурый что-то недоговаривал. Отводил глаза в сторону, медленно цедил слова. Наконец Виктор, не выдержав, протянул вперед руку и потребовал предмет в надлежащей упаковке. Хмурый вздохнул и извиняюще произнес, что с минуты на минуту придет человек с предметом.

Виктор пожал плечами и сел на диван с выцветшей обивкой. Глянул в окно. Крыши, трубы. Из чердачного окна соседнего дома высунулась голова и исчезла. Очень хотелось спать...

В комнату вошел высокий крупный человек. Поверх зеленой в коричневых пятнах рубахи шел ремень, а через плечо — еще один. Портупея — вспомнил Виктор старое слово. К ремню вошедшего приторочена открытая кобура, откуда выглядывала рифленая рукоять.

За ним вошли два молодых парня в таких же пыльных старых рубахах и черно-синих нарукавных повязках. Один встал у окна, а другой у двери.

— Здравствуйте, Сармат, — обрадовался хмурый, — ждались мы вас. Вот гонец, отдайте ему предмет.

Тот, кого называли Сарматом, мельком глянул на Виктора, сел на стул и огладил густую черную бороду.

— Да, конечно. Только, видите ли, Михаил, у меня сейчас нет этого предмета.

— Как — нет?! — вскочил с места хмурый Михаил.

— Не волнуйтесь, я отдам эту чертову побрякушку. Она у надежного человека. Не могу же я таскать ее с собой, когда за ней охотятся дубасовцы. Я сегодня же передам ее гонцу. Пусть молодой человек, — он доброжелательно улыбнулся Виктору, — подождет несколько часов. А еще лучше, мы вместе пойдем и возьмем ее.

— Доктору Мальстрему это очень не понравится, — сказал Михаил. — Я должен получить все гарантии, что вы передадите реликвию.

— Вы что же, мне не верите? — тихо спросил Сармат. Михаил замахал руками.

— Что вы, что вы... — С него даже хмуристь слетела. — Разумеется, верю. Только мне надо сообщить доктору Мальстрему, когда придет гонец.

Виктор пожал плечами. Он сам не знал, сколько времени займет путь.

— Насчет дубасовцев вы, конечно, пошутили, — продолжал Михаил. — Не сунутся же они к руководителю дружины, тем более что объявлены вне закона. Попытались все по нормам.

— Да вот же они! — громко сказал парень у окна.

В ту же секунду Виктор оказался рядом с ним. По спуску к дому бежала небольшая толпа, размахивающая палками. Приглядевшись, Виктор увидел, что это не палки. На крыше дома напротив возникло движение, чердачное окно беззвучно разлетелось, и что-то цокнуло в стену у окна.

Первое правило гонца — не вмешиваться во внутренние дела. Виктор спокойно вернулся к дивану и сел поближе к шкафу. Его металлический бок надежно ограждал от огня с улицы.

— Так, значит, по нормам? — задумчиво протянул Сармат. — Ну-ну...

В комнату вошли еще двое. Один достал из-под куртки карабин со сплюснутым под самый газоотвод стволом и занял позицию у окна, а второй сказал несколько слов в микрофон, висевший на груди, вышел и вернулся с тремя крепкими ребятами.

Виктор тихо сидел на диване. После первых же выстрелов Михаил исчез под столом, а Сармат подошел к окну, показал пальцем на крышу напротив и пошел к двери, помянув Виктора за собой.

Тут поднялась пальба, полетели стекла, посыпалась штукатурка, выстрелы прерывались чертыханием и матюгами из-за частых осечек.

Они шли по узкому темному коридору, за углом их встретили люди с повязками дружинников.

— Человек двадцать, — сказал один из них.

— Обнаглели, мерзавцы! — покачал головой Сармат.

— Сейчас Мартын с группой подойдет.

— Где он застрял?

— На углу Солоневича и Арбитмана, баррикаду разбирает.

Они стояли на лестничной клетке. Внизу, в подъезде, несколько человек палили сквозь дверь, подпертую большим мусорным баком. Выстрелы с улицы вышибали длинные щепы, а пули с грохотом и звоном бились о ржавые стенки бака.

Бухнул взрыв, другой, взрывом снесло дверь и кинуло бак на лестницу. Кто-то застонал.

— Вот они как, — с угрозой проговорил Сармат и положил руку на кобуру. А потом быстро закатал рукав. Виктор увидел прихваченную к кисти и локтю стальную полосу. Два щелчка, поворот рукоятки, и в руках у Сармата оказался шишковатый меч. — Все назад, — сказал он.

Снизу поднялись два человека, они под руки вели третьего, у которого лицо было в крови.

Грохнул еще один взрыв, остатки дверного косяка сдуло, по ступеням и стенам чиркнули осколки, бак качнулся, но Сармат удержал его свободной рукой.

Виктор заметил, с каким восторгом смотрит на Сармата невысокий коренастый парень, пристроившийся рядом с ним, он даже выпустил из рук карабин, и тот повис на ремне.

И в тот миг, когда в развороченный дверной проем с улицы полезли невнятно вопящие рожки, Сармат толкнул им навстречу бак, а когда атакующие на секунду застряли, пропуская грохочущее чудовище, прыгнул на них.

Через минуту все было кончено. Кто-то успел пару раз пальнуть, две или три тени выметнулись с воем на улицу. Виктор слышал только свист меча и глухие удары, а в копошении тел внизу ничего нельзя было разглядеть.

А потом снаружи громко закричали, зацокали копыта, откуда-то издали затрещал пулемет, но тут же захлебнулся.

— Сармат, ты цел?

В дверном проеме возникла крупная фигура.

— Что со мной может случиться, Мартын? — донесся спокойный голос Сармата.

Виктор увидел, как Сармат стряхнул с себя чье-то тело, подошел к Мартыну и обнял его.

— Спасибо, что опоздал! Я немного поразмялся.

— Выпороть бы тебя, лезешь куда не надо!

Они вышли на улицу, и голоса стихли. Виктор подождал немного и спросил: «Что дальше?»

Но парень не отвечал. Он привалился головой к тонким перилам, шапка с широким козырьком съехала набок, и прут острым ребром уперся ему в лоб. Тонкая струйка крови стекала из виска на грязные ступени.

Час спустя Виктор сидел в штабе дружины. Он доедал тушеное мясо из пакета и прислушивался к рокочущему голосу Сармата, идущему из дальних комнат — там прощались с погибшими дружинниками.

Волокнистое мясо вязло в зубах. Дрянная еда. Пора уносить ноги из местной заварухи. Что он люто ненавидел, так это политические склоки. Здесь, в Саратове, судя по всему, густой расклад. Самое умное — быстро на станцию и отсидеть пару недель в своем кунцевском убежище.

На брошенную дачу он набрел три года назад, прячась от шальных лупил, которым вздумалось крутануть его. Тогда он носил заплечный наиф и оставил двоих лежать на снегу. Лупилы притихли. Только ненадолго: кто-то из этой чумной братии выследил его и пошла беготня. Уходя, он набрел на спрятавшуюся в лесу дачу. Долго бродил по необъятным помещениям, дивился мраморному полу и фигурному паркету, а когда случайно нашел вход в подвал и задействовал дизель-генератор, то ахнул. Запасов еды хватило бы человек на десять и не на один год. Часть пакетов, правда, рассыпалась в труху, но густо смазанные банки блестели в ярком свете прожекторной лампы, подвешенной к потолку. Роскошный драп диванов, к сожалению, истлел.

Здесь он зимовал и отсиживался после трудных ходок.

Вот и сейчас ему хотелось отложить вилку и тихонечко исчезнуть. Получил он немало. Да и так накопилось порядочно чонов, хватит надолго. С чеками ООН никакие кордоны не страшны. Но каждый раз, несмотря на страшные клятвы плюнуть на ходки и зажить по-человечески, его бросало из одного края в другой, с гнилой неблагополучной территории в места совсем жуткие.

Несколько раз он приходил на развалины дома. Медленно заселяемая Москва сюда еще не добралась, руины оплыли, поросли кустарником. Он уходил оттуда, бормоча «я найду ее», и снова поезда, платформы, долгие и утомительные дороги...

Десять лет его мучило ощущение внутренней неполноты, двух людей он не мог забыть. И вот одного встретил — случайно или неизбежно. Боров рассчитался за свой должок.

Теперь пора платить по долгам Виктору. Если бы не встреча с дедом Эженом и Ксенией, ему недолго было жить. Подлость мира и страшная обида на всех толкали его в безумие. Но он удержался на плаву, тех дней хватило, чтобы понять — даже мимолетная доброта спасает от всеобщего негодяйства.

Для полноты бытия надо было найти Ксению. Он чувствовал: раз на его пути возник Боров, то неизбежно появится Ксения. Старый Гонта рассказал ему о законе парности встреч. Узнает ли он ее, вспомнит ли она его? Неважно! Увидеть, убедиться, что жива, помочь, если надо, и все!

Если бы ему сейчас сказали, что через несколько часов он встретит Ксению — он бы не удивился. И не удивился бы, даже узнав, что через десять лет проклянет эту встречу. Он был готов ко всему.

В комнату вошел Сармат, за ним потянулись дружинники. Из встроенного шкафа достали тарелки, хлеб, большую бутыл с мутной жидкостью. Пока один вскрывал банки и резал хлеб, второй разлил по стаканам. Остальные расселись кто на стулья, кто на подоконник.

— Ну, помянем, — сказал Сармат и поднял стакан.

Виктор вовремя положил палец на стакан и ему плеснули чуть-чуть. Он не любил пить во время работы. Потом, правда, неделю или две раскручивался после густой ходки. Среди запасов обнаружился целый погреб с большим набором, поражающим воображение. Он перетащил сверху экран и огромную видеотеку. Бывшие хозяева дачи, судя по всему, любили фильмы серьезные, но хватало и фантов. Несколько раз ему попадались записи странных встреч — кто-то куда-то прилетал или возвращался, долго выступал и что-то говорил, обещал... Наверно, это был хозяин дачи. Впрочем, дела происходили очень давно, судя по одежде и обилию людей, до мора, а то и вовсе в прошлом веке. Платформ не было, самолеты одни и моторы на колесах.

Самогон упал в желудок и расплескался озером лавы. Виктор торопливо схватил кусок хлеба и зажевал жуткое пойло.

Несколько минут сидели молча. Виктор смотрел на Сармату, а Сармат опустил голову на кулаки. Потом медленно провел ладонями по лицу и поднялся.

— Пошли, — коротко сказал он Виктору, а когда с места поднялись остальные, добавил: — Сергей и Карл с нами, остальные к Мартыну. Скажите Мартыну, пусть возьмет че-

ловек двадцать и скачет к Хибаре. И пусть захватит с собой локтевой резак.

— Пропадем ведь в Хибаре, — сказал высокий дружинник и покачал головой.

— Со мной? — поднял брови Сармат, и дружинник с облегчением рассмеялся, удивившись своему сомнению.

Они вышли на лестницу и поднялись наверх. Вход на чердак охранял дружинник с карабином. Сармат кивнул ему, спросил, где водитель. Дружинник ткнул пальцем вверх.

На плоской крыше дома стояла большая шестиместная платформа с откинутым верхом. Водитель перегнулся через кресло и смотрел за борт.

— Быстро в машину! — сказал Сармат.

Человек в кресле водителя обернулся.

— Ты кто, парень? — Рука Сармата метнулась к кобуре, а Виктор настороженно замер.

Широкий раструб в руке «водителя» дернулся, в лицо ударила тугая волна и стала душить, душить...

2

Резкая нашатырная вонь щекотала ноздри, потом так едко ударила в макушку, что Виктор чихнул и открыл глаза. Минуту или две все плавало в тумане, потом прояснилось, и он обнаружил себя в кресле. Пошевелился — руки, ноги целы и свободны. Это странно, поскольку Сармат, что сидел в кресле напротив, был примотан к спинке веревками.

Огромная комната, и много людей. Они подходили к Сармату, смеялись, тыча в него пальцем, с опасливым любопытством разглядывали лежащий на столе полуразобраный меч.

Виктор огляделся. На ободренных стенах висели портреты мужчин и женщин в старинной одежде. В углу стояло желтое знамя с черным орлом. Окна занавешены тяжелой плотной материей. В одном месте ткань отошла, видны доски, которыми забиты окна.

Шум и гомон стихли. К Сармату подошел невысокий, коротко остриженный человек с большими рыжими усами, закрученными вверх.

— Ну, что, Сармат? — осведомился он, неприятно улыбаясь. — Как говорится — здравствуй и прощай!

Вперед выскочил детина с заячьей губой и замахнулся штык-ножом. Сармат даже не сморгнул. Рыжеусый отвел руку с ножом.

— Это мы успеем. За всех наших мальчиков ответит! Разве мы звери? — Голос его задрожал, он провел рукой по усам. — У меня не было на тебя зла. Отдал бы вещь, принадлежащую нам по праву, — и мир! Мы не совалясь в твои дела. Зачем ты влез в наши?

Сармат ничего не отвечал, прикрыв глаза.

— Что же ты молчишь?

— Я с покойниками не разговариваю, — пророкотал Сармат. — Можешь заказывать себе мешок, Дубасов.

— Ах, вот оно как, — протянул Дубасов. — Ладно. Молодой человек, — он небрежно ткнул пальцем в Виктора, — как я понимаю, ни при чем. Гонец он и есть гонец. Мы его отпустим. Чуть попозже. А тебя, Сармат, закопаем живьем, если не скажешь, где реликвия. Скажешь, тоже закопаем, но мертвым. Оценил мое великодушие?

От злости Виктор чуть не задохнулся. Дубасов знал о его миссии. Плохо. Из гонца можно вытрясти связи, каналы, ходки и много всякого. А главное — коды-рекомендации, сущая находка для авантюриста. Откуда они узнали, что я гонец, — задумался Виктор, но тут все стало ясно. Из-за спины Дубасова появился хмурый Михаил.

— Я бы на вашем месте проявил благоразумие, — сказал он Сармату.

Сармат с любопытством посмотрел на него:

— Давно я не видел предателей.

— Я не предатель, — с достоинством ответил Михаил. — Ротмистр Жуков к вашим услугам.

— Эти ваши игры... — пробормотал Сармат.

До сих пор Виктору было все равно, как повернется дело. Выплыть, а здесь пусть разбираются сами. Гонец, вмешивающийся в чужие дела, долго не живет. Впрочем, добавлял обычно старый Гонта, и не вмешивающийся себе жизни не прибавляет. Виктора распирала злоба. Подлый выверт п подставка хмурого представителя ООН, случившегося местным бандюгой, меняли расклад. С Сарматом у них свои счета. Хмурый Жуков раскрыл его, гонца. Теперь пусть не обижается, если гонец начнет платить по счетам.

Он поднялся, шевельнул пальцами. В комнате человек двадцать или больше. Некоторые сидели за длинным столом,

ели и пили, один спал прямо на полу, двое стояли у знамени, а остальные столпились вокруг Сармата и Дубасова. Подобраться к стойке с оружием и взять ствол? Толку мало, срежут как куренка.

Сидящий у окна мужчина с матерчатыми нашлепками на плечах вскинул мутные глаза, бормотнул невнятно и уронил голову. Доски к рамам прибиты неплотно, сквозь щели хорошо виден двор, разбитые скамейки, мусорные баки. Почти в таком же дворе он рассчитался с Боровом.

На него вроде никто не обращал внимания, но двое у знамени, стоявшие навтыяжку, сопровождали взглядами каждое его движение. Дубасов в это время пытался что-то сказать Сармату, но тот, не обращая на него внимания, медленно и веско объяснял слушателям, что с монархистами у него прекрасные отношения, но Дубасова пусть это не беспокоит, поскольку он, Дубасов, мелкий самозванец и пидер гнойный, да ко всему еще не сумевший сберечь краденое.

Дубасова чуть удар не хватил. Лицо налилось кровью, он забрызгал слюной, пытаясь что-то сказать, а к Сармату опять подскочил кровожадный парень с ножом.

— Ваш предмет у меня, — негромко сказал Виктор.

Тишина. Сармат опустил глаза. Дубасов бросил острый взгляд на побледневшего Жукова и поощрительно оскалил зубы.

— Где же он?

— Спрятан.

— Сколько? — напрямую спросил Дубасов.

— Пятьсот чонов!

Кто-то присвистнул, но Дубасов расплылся в улыбке.

— Дорогой вы мой, что же сразу не сказали? Кто вам мешал честно заработать?

«Кто бы тебе тогда помешал прирезать меня, негодяй?» — подумал Виктор.

Ротмистр пропал, но тут же вернулся с плоским стальным ручником. Дубасов достал ключ, вставил, повертел колесики, откинул крышку и, повернув ее так, чтоб не было видно содержимого, извлек толстую пачку металлически отблескивающих чонов.

Глаза парня с ножом алчно полыхнули, он облизнулся и запоминающе посмотрел на Виктора.

«Смотри, смотри, — подумал Виктор, — я тебя тоже запомнил».

— Итак? — спросил Дубасов, перекладывая чоны в карман и щелкнув крышкой, отдал ручник Жукову.

— Предмет не у меня.

— Ну, еще бы, — усмехнулся Дубасов, — вас мы, пардон, пощупали. Так что — отпустить, и вы, честное благородное, через пять минут принесете?

— Зачем же так? — спокойно ответил Виктор. — Пойдем вместе. И его не забудьте, — кивок в сторону Сармата.

— Это недоразумение, — внушительно сказал Дубасов. — Он останется здесь. Мы неплохое местечко ему рассмотрели...

— Нельзя, — глядя в глаза Дубасову, строго сказал Виктор. — У кого брал, тому и должен отдать. Слово гонца свято, не слышали разве?

Дубасов разгладил усы, кивнул.

— Остальное, — добавил Виктор, — меня не касается.

— Итак, — быстро глянув на своих людей, сказал Дубасов, — вы передаете Сармату, получаете... — тут он похлопал по своему карману, — и слово гонца не нарушено. Так?

— Так, — согласился Виктор.

Про слово гонца он придумал сейчас. Звучало нежидко. Что-то вроде слова рыцаря Синего Пламени. Только у рыцаря всегда под рукой парочка добрых огнеметов, а в последнем сериале у него огонь хлещет чуть ли не из ноздрей. У Виктора не было огнеметов, не было и ножа. Главное — не сбиваться с ритма, он чувствовал, что боевое вдохновение приходит к нему. Немного удачи — а там поглядим!

— Адрес помните? — небрежно спросил Дубасов и, словно не придавая значения вопросу, повернулся к Жукову и указал на Сармата.

— Конечно, нет, — укоризненно ответил Виктор. — Я помню где, а вот как называется?..

Жуков рывкнул что-то. Все столпились вокруг Сармата. После долгого пыхтения и сопения они разошлись, а Сармат поднялся с кресла. Руки у него были скручены сзади, а к правой ноге привязали веревку, конец которой был в руках у парня, что пытался достать его ножом.

В шестиместную платформу набилось восемь человек. Сармата небрежно впикнули за последнее кресло, но он при этом умудрился поддать ногой хмурого ротмистра так, что тот чуть не вылетел за борт. Один из дубасовцев заржал, но тут же осекся, встретив взгляд Жукова.

Виктор смотрел вниз. Дом, куда их затащили, был на склоне горы. Он плохо ориентировался, но когда подошли ближе к воде, разобрался в сплетении улиц, несколько раз показал пальцем влево и вправо, а сам в это время старался ни о чем не думать. Никогда не строй планов, — поучал Гонта. Крутить в голове — погубить дело. А сейчас это значит — погубить себя.

Жуков не сводил с Виктора глаз и как бы невзначай уткнул ему в бок ствол карабина, лежащего на коленях.

— Теперь вниз, — сказал Виктор, и платформа зависла над перекрестком.

Прошел час, от силы два, с тех пор как он расправился в этой подворотне с Боровом. Возможно, он там еще валяется, мертвый Боров, тогда...

Первым в ворота прошел ротмистр, махнул рукой, остальные потянулись следом. Сармата держали в середине. Он оглядывался по сторонам, выискивая знакомое лицо. На улице людей было много, на их группу почти не обратили внимания, только кто-то, узнав дубасовцев, очевидно, по нашлапкам на плечах, шарахнулся в сторону и негромкий голос сзади проговорил: «Перевешать бы эту шваль!»

Жуков стоял в подворотне и настороженно вглядывался во двор. Десятка три старух обсади скамейки у подъезда. Завидев ротмистра с карабином на изготовку, они зашумели, забормотали, тыча в него пальцами. Жуков велел блокировать выход, и платформа перелетела к подворотне.

Между Виктором и мусорным баком находились двое. Рисковать нельзя.

— Дальше? — спросил Жуков, глядя на Виктора и поигрывая стволом. — Или забыл — где?

Виктор пожал плечами и двинулся во двор. У входа в подъезд Жуков обогнал его и пошел впереди. Старухи на миг замолчали, а потом заговорили сразу. Понять ничего нельзя было.

Поднимаясь по лестнице, Виктор слышал за спиной сопение и мат вполголоса. На последнем этаже постучаться в любую дверь, а потом сбить с ног идущего сзади и во двор. А там видно будет.

На третьем этаже он понял, что высоко забираться нельзя. Пока он будет скакать по ступеням, они спокойно подойдут к окну и снимут первым же выстрелом. Проскочить в квартиру, запереть двери и через балкон? Жуков может опередить...

Сейчас!

Виктор нажал на кнопку первой же двери на лестничной клетке, а когда звонок не сработал, стукнул несколько раз кулаком.

В глазке потемнело, мигнуло, а потом дверь распахнулась, и Жуков, дернувшийся вперед, чтобы не дать Виктору войти первым, упал как подкошенный от удара железным прутом по голове.

В дверях стоял Боров с замотанной головой. Наступив на ротмистра, он с ревом кинулся на Виктора, тот присел, и Боров кувырнулся на поднимавшуюся следом команду.

Спокойно перепрыгнув через перила на нижний пролет, Виктор не торопясь спустился вниз, оставив за собой крики, грохот и лязг.

Быстро пересек двор, и в подворотне метнулся к мусорному баку.

Есть!

Ствол, зарытый им в мусор, в мусоре и оказался. Виктор прокрутил барабан и вернулся во двор.

Старухи у подъезда исчезли. Он успел про себя отметить это обстоятельство, и тут из двери вывалилась дикая орава. Боров пятился, отмахиваясь прутом, на него наседали дубасовцы, пытаясь достать прикладами, а за ними, ругаясь во весь голос, выскочил парень с ножом, таща за собой Сармата. Сармат норовил пнуть его, но конвоир уворачивался и оглашал двор отборным матом.

Увидев Виктора, они на миг замерли, только Боров продолжал рубить воздух своей железякой. Виктор не целясь выстрелил им под ноги.

Отдача сильно ударила в плечо. Огненная линия пересекла двор и вонзилась в землю. Негромкий хлопок и визг осколков слились в один звук, словно чихнул сопливый великан.

Парень с ножом охнул, поднял руку к лицу и упал. Осколком ему начисто срезало нос. Высокий дубасовец держался за живот, наверно, и его задело. Боров бросил прут и задрал руки.

Виктор медленно подошел. Двое выронили карабины и тоже вскинули руки. Не отводя глаз, он присел, взял нож и на ощупь перерезал веревки Сармата.

Сармат подобрал карабины и пошел к воротам. Виктор пятился за ним. Заметив косой взгляд Борова, поднял ствол, и живописная группа опять застыла, только высокий застонал и сел на землю.

Увидев их, дубасовец, сидевший в платформе, потянулся к кобуре.

— Не надо, — мягко сказал Сармат, и дубасовец, прыгнув, сгинул, растворился среди прохожих.

3

— Больше в такие глупые истории попадать не буду, — сказал Сармат. — Тысячу раз прав Мартын, веду себя как мальчишка. И зря от охраны отказался.

Платформа круто развернулась над мостом и пошла вдоль берега.

Виктор невнимательно слушал излияния Сармата, где впережку с благодарностями к своему спасителю изрыгались угрозы в адрес Дубасова и все это перемежалось самобичеванием.

Не раз и не два приходилось Виктору вляпываться по уши в местные завороты, но никогда еще так плотно он не врезался. Прошло несколько часов всего, а уже успел наметить дел. И все из-за встречи с Боровом. Стычка в подворотне вывела его из холодного созерцательного равновесия, без которого гонец очень скоро отправляется только в одну сторону с легким грузом в голове или, чуть потяжелее, на шее. А неожиданное воскрешение Борова и драка на лестничной клетке казались Виктору кадрами из сказочного фильма, где неуничтожимый злодей время от времени возникает перед героем, дабы герой выказал свою доблесть.

Он не чувствовал себя героем. Скорее мухой, ползущей по стеклу, — жужжит, трепещет крыльями, а все на месте. Если муха уверена, что летит, то нет большой разницы, где ее встретит паук...

«Ну, это мы еще посмотрим!» — Виктор тряхнул головой, избавляясь от легкой одури, и посмотрел вниз.

Территория порта отсюда казалась неопрятной темно-серой кучей булыжников, сквозь которые местами высывались обглоданные шеи кранов, заваленные чуть ли не доверху.

Сармат кружил на одном месте, зависал, потом кидал платформу вправо или влево, снова зависал, вглядываясь в еле заметные черточки среди булыжников. Потом удовлетворенно сказал «вот они» и платформа спикировала на большой

пустырь. Черточки оказались людьми, а то, что Виктор принимал за булыжники — контейнерами.

Мартын и еще несколько всадников окружили Сармата. Молодой дружинник соскочил с коня и подвел его к Сармату. Погладив коня по холке, Сармат вернул поводья дружиннику и заговорил с Мартыном. Виктор огляделся.

Пустырь со всех сторон окружали пестрые сооружения, похожие на многоэтажные дома. Но Виктор присмотрелся и разглядел, из чего они сложены. Тысячи, а может, и десятки тысяч контейнеров уложены друг на друга, местами кладка, он из любопытства подсчитал, достигала семи, а то и восьми рядов. Ржавые и серебристые, серо-зеленые и черные, гофрированные и гладкие поверхности составляли этажи, а проходы между нагромождениями казались улицами этого города из коробок.

Виктор подошел ближе и увидел грязные потеки на ребристых боках, кое-где стенки контейнеров были вскрыты и, отвалившись, легли мостиками поверх узких проходов. Неподалеку рухнул угол и около сотни контейнеров сползали таким угловатым ледником.

Из наносов песка и земли торчали кустики, на крыше мягого алюминиевого контейнера, вылезшего из кладки почти на всю свою длину, росла щуплая березка.

Его тронули за руку. Виктор обернулся. Молодой дружинник опасливо разглядывал нависающие выступы.

— Близко не подходи, — сказал он, — здесь нарваться можно.

И словно в подтверждение слов перед ними разлетелась пустая бутылка.

Молодой дружинник отскочил, а Виктор, наоборот, рванулся вперед и прижался к ближайшему контейнеру.

Сармат и его люди насторожились, кто-то поднял карабин и пальнул в воздух.

И только тут Виктор сообразил, что контейнеры — не просто свалка. На веревках сушится белье, во многих местах прорезаны отверстия, одни затянуты пластиком, другие нет. Несколько дымков тянулись из щелей.

За нагретой поверхностью, к которой он прижался, потрескивало, из глубины шел слабый ритмичный стук, ему даже показалось, что с той стороны кто-то тоже прижался к стене и тяжело дышит.

После бутылки сверху ничего не последовало. Виктор подошел к Сармату и вопросительно посмотрел на него.

— Да, да, — кивнул головой Сармат, — сейчас мы отдадим цацку. Хотя всю эту историю с доктором Мальстремом могли придумать Дубасов и этот негодяй Михаил. Ты в два конца шел?

Виктор на секунду задумался. Конечно, сказав, что его ждут в Москве с их побрякушкой, он несколько укреплял свой статус гонца. Но сегодня уже врал достаточно. Хватит.

— Нет, — ответил он. — Ваш Михаил просил прихватить.

— Вот видишь! — обрадовался Сармат. — Нет нужды мотаться из-за этой вещи, тем более что дубасовцы повиснут на ногах. Выбрось из головы и оставайся с нами. Такой парень, как ты, нам позарез нужен. Мы с тобой большие дела завернем.

Наверно, Сармат уже рассказал своим людям о приключении. Мартын ласково кивал Виктору, соглашаясь, мол, а дружинники смотрели на него с завистливым интересом.

Виктор оглядел пустырь. Вытоптанная трава, пыль, ломаные края странного города окаймляют небо. Угроза, отовсюду угроза. Он часто думал, где конец его пути, когда он споткнется и что остановит его? Но ни в полузатопленных городах на Черноморье и Балтийском побережье, ни в джунглях Уральских гор он не ощущал такой непонятной, идущей отовсюду угрозы. Дело было не в людях, не в том, что из любой дыры могли харкнуть стволы или щелкнуть арбалеты, нет, мрачные короба давили со всех сторон, казалось, они медленно ползут: отвернешься — подкрадываются сзади, а те, на кого упал взгляд, замирают коварно, готовясь двинуться вперед, только отведи глаза...

Неуютно себя чувствовали и дружинники. Один что-то зашвистел, но тут же оборвал свист, другой водил карабином из стороны в сторону, целясь в верхние ярусы, а молодой дружинник, на которого чуть не свалилась бутылка, помрачнел и придвинулся ближе к Сармату.

— Спасибо, — сказал Виктор, — не могу. Меня ждут.

Он не соврал. Его ждали, так же как и любого гонца, ждали, чтобы получить важную посылку и передать тоже нечто очень важное. Правда, организациям и людям, нуждающимся в гонце, все равно кто: он, Виктор, или другой... Кто знает, где пропал старый Гонта? Никто! Кто всплакнул, когда Христофор утонул во время прорыва псковской дамбы? Никто! Кто спросит, куда это девался Виктор, если вдруг он загнется

от испорченных консервов в своем кунцевском бункере? Никто! Давно нет вестей от Стасова, куда-то исчез Дьякон. И никому до них нет дела. А эти ребята держатся друг за друга и давят, как могут, местных негодяев. На миг ему захотелось гарцевать с ними на коне, вершить суд и расправу над насильниками и прочей швалью, но...

Он покачал головой.

— Не могу, — повторил он. — Проводите, если можно, до вокзала.

— Непременно проводим, — пообещал Сармат, улыбаясь.

Мартын слабо хохотнул. Виктор повернулся к нему. Смех не обидный, а от Сармата просто исходила доброжелательность.

— Мне смешно, — сказал Мартын. — Обычно к нам просятся, а мы не всякого берем. Впервые Сармат зовет сам, а ему дают окорот.

Сармат благодушно рассмеялся:

— Спорим, что никуда от нас не уйдет, а если и уйдет, то скоро вернется.

— Только спора нам не хватало, — ответил Мартын. — Кто же спорит с судьбой? У него на лбу написано быть с нами.

— Ну, тогда не о чем и говорить, — заключил Сармат. — Мы сейчас найдем здесь кое-кого, а потом все вместе проводим до вокзала. Надо будет, дам ребят до Москвы, пусть хвосты отсекают. Ну а когда вспомнишь нас, возвращайся. Тебя здесь всегда будут ждать.

— Еще бы, — добавил Мартын, — человек, спасший Сармата, — это живая легенда.

— Не знаю... — растерянно протянул Виктор, но Сармат не дал ему закончить.

— И не надо. Когда узнаешь, придешь. А сейчас — вперед.

Двоих они оставили стеречь коней и платформу. Остальные пошли за Сарматом, уверенно нырнувшим в узкий проход. Между неровной кладкой контейнеров было метра два от силы, иногда вылезший бок преграждал путь, тогда протискивались между жесткими ребрами ящиков. В двух или трех местах ущелье пересекали такие же узкие темные коридоры.

В глубине кладка стала пониже, в два-три этажа. Здесь кипела жизнь. На крышах сидели, свесив ноги, странные оборванные люди и провожали их недобрыми взглядами, дети

молча носились по мосткам, перекинутым между выступающими контейнерами.

Шли минут двадцать, но Виктору казалось, что они очень долго протискиваются узкими каньонами, прыгая через лужные ямы. Из-за стены кто-то истошно закричал, заулюлюкал, выматерился и после этого засмеялся противным козлетоном.

Виктор вздрогнул и чуть не выхватил из-под куртки свой трофей.

— Да что же это такое? — невольно сказал он.

— Это Хибара, — так же тихо ответил идущий сзади Мартын и наставительно добавил, — одному тут делать нечего, здесь чужих не любят.

— Здесь никого не любят, — буркнул кто-то из дружинников.

— Эх-хе-хе, — вздохнул Мартын, — жить-то людям надо?! Вот они и ютятся. Силой их сюда не загоняли.

— Откуда все это? — спросил Виктор.

— Черт его помнит! Разгружали, загружали, потом грузить стало не на что, а транспорт все подходит, контейнеры идут, вот их и стали после разгрузки здесь громоздить. Спихватились, да уже чуть ли не половина порта в них. А когда хлынули люди, то в городе такая давка началась, что многие сюда приткнулись, думали, временно. Прижились.

— Дикие они, — сказал молодой дружинник. — По ночам в городе промышляют.

— Жалко их, — Мартын опять вздохнул, — помочь бы надо, только они уже ни во что не верят и ничего не хотят. Лишь бы их не трогали.

— Бандитское гнездо! — пробурчал знакомый голос.

— Много ты здесь бандитов видел? — возразил Мартын. — Бандиты комфорт любят.

Идти было нелегко. Чем дальше они продирались душным пыльным ущельем, тем ближе сдвигались нагретые горячим воздухом стены. Иногда приходилось лезть через упавшие контейнеры, в одном месте гнилая деревянная стремянка рассыпалась под ногами, у другого завала пришлось попытаться: мало того, что рядом не было ни кирпичика, ни доски, так еще края контейнера были густо выпачканы слюзью.

В какой-то миг Виктору показалось, что он снова идет лабиринтом, как много лет назад в поисках Саркиса. Неожидан-

но он испугался — вдруг сейчас из-за поворота выйдет на встречу дед Эжен, хмыкнет в бороду и скажет...

Но не успел удивиться непонятному страху, как узкий проход оборвался, и они вышли на небольшую площадку — двор-колодец.

Сармат задумчиво почесал бороду.

— Куда же мы попали? Черт, забыл дорогу!

— Сейчас спросим, — сказал Мартын.

У огромного котла, уставленного на черные от копоти кирпичи, стояло человек десять. Мужчины и женщины с мисками в руках сосредоточенно наблюдали за булькающим варевом. Виктора поразил блестящий медный таз, который цепко держал двумя руками невысокий плешивый человек.

На дружинников никто не обратил внимания. Из рваной дыры вылезла серая кошка, зыркнула по сторонам и шмыгнула назад.

— Кого надо? — раздался сверху хриплый голос.

На втором ярусе, придерживая одной рукой полуоткрытую створку, а второй — сползающие с чресел тряпки, стояла голая по пояс старуха.

— Проводника бы нам, мамаша, — ласково сказал Мартын.

Старуха разразилась звуками, не то смеясь, не то ругаясь. Когда бурчащий клетот стих, она вдруг ловко скользнула вниз и протянула руку.

— Жрач! — требовательно сказала она.

Сармат посмотрел на молодого дружинника. Тот покраснел, полез за пазуху и извлек плоскую бутылку.

Старуха выхватила ее, скрутила пробку, понюхала, одобрительно кивнула и, раз-два, вскарабкалась в свое убежище.

— Семен, — прохрипела она, — ползи сюда.

Плешивый человек с медным тазом вздрогнул, но не обернулся. Старуха пару раз воззвала к нему, затем махнула рукой и сказала.

— Вот вам проводник, сами договаривайтесь.

Стоявшие у огня встретили их неприветливо. Разглядев повязки дружинников, пристали к Мартыну с расспросами, когда наконец наведут в городе порядок и выметут всех сучар, люди ютятся хуже скотины, а в городе уйма негодяев, жирующих в пустых квартирах...

Мартын успокаивал, обещал и убеждал, а Сармат тихо говорил с плешивым. Наконец плешивый пожал плечами, за-

черпнул своим тазом варево, понюхал и быстро заработал невесть откуда возникшей в руке ложкой. Про дружинников мгновенно забыли, потянулись мисками к котлу. Возникла полуголая старуха. Судя по неверным движениям и блеску в глазах, она уже приложились.

Плешивый выскреб свой таз, с сожалением глянул на котел, еле видный из-за обступивших, вздохнул и двинулся к ближайшему проходу.

Он шел медленно, временами останавливался и припадал ухом к стене. Сармат намекнул, что хорошо бы поскорее, а в ответ ему неприязненно предложили не вякать.

Несколько раз им попадались свободные от контейнеров площадки-поляны. На рельсах, заросших грязной травой, сутулился кран с обломанной стрелой, обрывки троса болтались, как веревки гигантской виселицы.

Люди встречались все реже и реже, а когда потянулись ряды небольших, плотно уставленных друг к другу желтых контейнеров, плешивый зажал нос и припустил бегом.

От кислой вони у Виктора закружилась голова, молодой дружинник побледнел, схватился за горло и, споткнувшись, чуть не упал. Виктор ухватил его за локоть и помог проскочить ядовитый каньон.

На небольшой безлюдной поляне Сармат огляделся, покачал головой.

— Не припомню я этой клоаки.

— Так ты небось от реки шел, — огрызнулся плешивый. — Если такой умный, самvedi!

— Ну, ну! — прогудел Сармат и хлопнул плешивого логонько по плечу, отчего тот чуть не упал.

Немного отдышавшись, они снова углубились в лабиринт.

Вновь начались места обжитые. Временами Виктор замечал движение, взгляд, чья-то рука сдернула тряпку с проема. Плешивый чувствовал себя неудобно, поминутно озирался, ежился.

Каньон расширился, идти стало легче.

— Все правильно, — сказал Сармат, — дальше я сам. Где меня найти, знаешь?

Плешивый кивнул, вскарабкался по сорванной створке на ярус, ухватился за шест, к которому был прикручен телевизионный диполь, и по деревянной лесенке влез наверх. Гулко застучали шаги и стихли.

Сармат медленно пошел вдоль стены из серых и черных контейнеров, разглядывая царапины, вмятины и дыры. У контейнера с отвалившейся стенкой он постоял, заглянул внутрь, покачал головой и пошел обратно. Дружинники и Виктор следовали за ним.

Наконец он остановился у большой дыры с неровными краями, над которой две глубокие вмятины равнодушными глазами смотрели на него, и прищелкнул пальцами.

— Здесь! — сказал Сармат, а Мартын достал из холщовой сумки, в которой всю дорогу что-то побрякивало, фонарь.

Один за другим они вошли в контейнер. Здесь еще было светло, а когда через такую же дыру перешли во второй — Виктор уже еле мог разглядеть дружинников. Мартын включил фонарь. Острый луч obeжал стены, пол, заваленный грязными тряпками. В углу что-то лежало, похожее на ворох тряпок. Луч уперся в лицо — ворох оказался спящим человеком. Спящий открыл глаза, поднял к глазам ладонь, выругался и повернулся лицом к стене.

Дыра в этом контейнере была сбоку. Они лезли осторожно, чтобы не напороться на двойной частокор неровных краев, оцетинившихся зазубринами.

Через несколько проходов потолок и стены контейнера вдруг засняли желтыми, сиреневыми и зелеными кругами, полосами и пятнами. Мартын погасил фонарь. В несильном свете можно было разглядеть лица друг друга.

Светящиеся пятна сопровождали их шесть или семь помещений, под ноги попадались пустые баллончики из-под люм-краски.

Потом начались надписи. Светящиеся слова, в основном бранные, были выведены красным люмом, а потом краска иссякла вместе со словарным запасом пишущего. Дальше шли зеленые стрелки, зигзаги, в одном месте краской был залит весь потолок. Когда глаза привыкли к разноцветной полутьме, Виктор обнаружил, что трасса от одной дыры к другой составляет изломанный коридор, в стенах которого есть другие проходы, плотно занавешенные тряпками или заставленные грубо сколоченными деревянными щитами. Он представил себе, как по мере их продвижения, слышав шаги, жители этого мрачного улья прячутся по норам, законопачивают щели и настороженно прислушиваются, выставив перед собой стволы и лезвия.

Там, где коридор раздваивался, Сармат стоял, подолгу рассматривая знаки у каждой дыры. А когда Виктору показа-

лось, что они заблудились и давно уже ходят по кругу из этих прямоугольных контейнеров, Сармат громко и с облегчением вздохнул — очередная стена кончалась не большой дырой, а рядом маленьких отверстий, идущих снизу вверх. Виктор проследил за взглядом Сармата и поднял голову. Переход оказался на потолке, а дыры поменьше — лестницей.

Они осторожно вскарабкались по скользким острым краям, а наверху Сармат протягивал руку и по одному втаскивал на второй ярус.

Судя по ярким полоскам света, бьющим сквозь узкие длинные щели, они вышли к краю. Дружинники повеселели.

И снова они углубились в недра Хибары. Сармат шел впереди, за ним Мартын, подсвечивая фонарем там, где не было люма, молодой дружинник держался ближе к Виктору, а за ними шли двое. Потом они поднялись еще на ярус.

В длинном контейнере они слышали шорох и шевеление в углу. Из груды тряпья вытащили двух голых мужиков, один из них был напомажен и глупо хихикал, а второй отводил глаза от луча фонаря. Молодой дружинник в сердцах выругался и сплюнул.

Сармат исподлобья оглядел парочку и пошел дальше. Остальные двинулись за ним. Виктор увидел, как Мартын догнал Сармата и что-то негромко сказал ему. Тот, не оборачиваясь, сделал странный знак пальцем, словно давил клопа. У лаза Мартын пропустил дружинников, а сам вернулся назад. Раздались глухие удары, не то вскрик, не то всхлип, и через минуту Мартын догнал группу, вытирая меч о какую-то тряпку.

Виктору казалось, что их шаги раздаются далеко вокруг. Удивительно, что в этих душных коробках их до сих пор не перекололи. Случайно глянул на часы и удивился — час назад он еще заливал извилины Дубасову и его лихим ребятам.

Сармат влез по пояс в очередной проем, но тут же ухватился за край и откинулся назад, прямо на руки Мартыну.

Дружинники сгрудились у лаза. Сармат взял фонарь, осторожно заглянул в дыру. Выругался. Дна у контейнера не было, а глубоко внизу поблескивали стекла битых бутылок.

Сармат пнул несколько раз в соседние стены. Глухо.

— Будем обходить? — негромко спросил Мартын, раскрывая сумку.

Сармат кивнул и взял у него продолговатый сверток. Развернул. В бледном свете потолочной люмкляксы Виктор разглядел стальной штырь со странно изогнутыми крючьями на

концах. Сармат засучил рукав и стал пристраивать штырь к локтю. Виктор решил, что это какое-то оружие, взамен захваченного дубасовцами меча. Мартын помог затянуть ремни, достал из той же холщовины два кривых широких лезвия и вставил их в зажимы у локтя и ладони. Сармат плотно обхватил выступ одного из лезвий, а вторым, что у локтя, несколько раз подвигал перед собой.

Хрясть! Сармат вонзил лезвие в стену, двинул вперед локоть — второе лезвие вошло в металл, как в тонкий пластик. Кулак пошел влево, а лезвие вырезало полуокружность. Сармат выдернул устройство, вонзил рядом движением кисти... Вырезав аккуратный лаз, Сармат оглядел свою работу и приступил ко второй стене.

Контейнер оказался жилым. Крупный седовласый мужчина держал перед собой большой кухонный нож. Из-за его плеча выглядывала девушка. Она направила на незваных гостей пластиковую бутылку. В пробку воткнута короткая металлическая трубка, а перед ней на куске проволоки тлеет комок ваты.

— Мир всем! — сказал Сармат, доброжелательно протягивая вперед свободную руку.

Девушка недоверчиво и с опаской вглядывалась в злоеющие крючья и лезвия на другой руке, а мужчина медленно опустил нож.

— Ты — Сармат? — спросил он.

— Да. Извини, что вторглись без спроса.

Девушка притушила пальцами запал огнемета и села на маленькую скамейку. Другая скамья, побольше, была покрыта медвежьей шкурой, облезшей, с дырами. Голова с осклабившейся беззубой пастью лежала на полу. Несколько ящиков, ведро, миски, небольшой обшарпанный телевизор и матрас. Несвежий, сырой воздух.

— Как вы здесь живете?! — удивился Виктор.

— Можешь предложить комнату получше? — осведомился седовласый. — Скажи спасибо, что к нам попали, через три перехода парашный бокс, вот там нахлебались бы со своим консервным ножом...

— Где-то здесь Месроп живет, — сказал Мартын, — как до него добраться?

— Ну, это близко, — ответил хозяин, — проведу. Только кто мне дыру заштопает, вы же дворникам дорогу указали в наш ярус!

— Уйдем отсюда, — тихо проговорила девушка.
 — Спокойно, Вероника, спокойно...
 — Уйдем, немедленно уйдем... — Она говорила все громче и закончила почти криком: — Куда угодно, только подальше из этого склепа, куда угодно!

Седой подсел к ней, обнял за плечи.

— Все, Вероника, все, сейчас проведу их, и все, собирай барахло...

— Барахло! — с презрением сказала девушка и вскочила со скамьи, — сейчас все соберу.

С этими словами она принялась сбрасывать на пол миски, грохнула большую кастрюлю, посыпались вилки.

— Барахло! — кричала она, пиная скarb, и только теснота мешала ей развернуться. Под конец она отпихнула подвернувшегося дружинника и поддала ногой телевизор. Плоская коробочка отлетела в сторону и включилась. Замигали и затренькали музыкальные позывные новостей часа, экран болтался на антенном шнуре, и дикторша, висевшая вниз головой, уже открыла рот, чтобы порадовать зрителей очередным трепнабором. Но тут девушка оборвала шнур и, раскрутив над головами присевших гостей, ахнула коробку об стену. Экран покрылся сетью трещин, моргнул пару раз и сдох.

Седовласый пожал плечами и отодвинул щит. Они протиснулись в следующий контейнер, оттуда в другой, оставив за спиной грохот и лязг разносного вдребезги жилья.

По пути седовласый бормотал Сармату о том, что жить в конуре такой невозможно, но здесь хоть крыша над головой, и каждую минуту не лезут со всех сторон, как в городе, а ему нож острый, когда вокруг много народу, в детстве попал в аварию, автобус упал в ущелье, он почти сутки среди трупов лежал, придавленный, пока не выполз и не поднял крик. С тех пор толпа ему неприятна, вроде бы живые люди, а толку от них, как от покойников.

Ему явно хотелось выговориться. И он сообщил о том, какая на первом ярусе живет гнусь и мерзь, каждый второй — дворник, совсем дворники обнаглели, тащат все, что попадет, расковыряли полхибары, нарвутся рано или поздно на Черный Ящик, вот оттуда смертушка выйдет и всех разом накроет, конец мукам нашим...

Они попали в большой длинный контейнер, дыры вдоль стен были прикрыты чем попало, а в ближнюю упирался щит

с обрывком дряхлой надписи. Виктор склонил голову набок и прочитал: «ня едины».

— Все. — Сармат поднял руку. — Дальше я знаю, спасибо. Заходите в штаб, поможем по мере сил. Направление, может, выйдем.

— Да есть у меня направление, — тоскливо сказал мужчина, — четвертый месяц отмечаемся, толку никакого. Вход дальше, туда идите.

Повернулся и исчез в темноте.

Люмкраску здесь берегли, скупые мазки у входов еле освещали контейнер. Сармат быстро прошел его, перелез в следующий, такой же большой и длинный. И здесь несколько дыр.

Сармат уверенно подошел к одной из них.

— Месроп, ты жив? — громко спросил он.

Мешковина откинулась, из пролома выбрался, зевая, щуплый невысокий человек с густой бородой. Увидев Сармата, кивнул, сказал «ага» и полез обратно. Через минуту вылез и, глянув по сторонам, сунул Сармату небольшой предмет, завернутый в тряпицу.

Из соседней дыры раздался гулкие ухающие звуки, будто кашляли и чихали одновременно. Жалобный голос заканючил, занял, а другой негромко, еле слышным шепотом успокаивал.

На вопросительный взгляд Сармата Месроп притронулся пальцем ко лбу. Потом они тихо заговорили. Виктор прошел по контейнеру, вернулся. Соседняя дыра не была прикрыта. Ее рваный контур не совпадал с разрезом во второй стене, в такую узкую щель с трудом мог протиснуться не очень полный человек. Темно, ничего не видно.

Стоны и всхлипы прекратились. Кто-то, осторожно ступая, подошел к проему, и на Виктора уставились мутные глаза.

Виктора поразили не глаза, и не лицо, иссеченное мелкими морщинами, и не абсолютно лысая голова. Он понял, что это не старик, а чуть ли не его ровесник, разве что немного старше. Почему он так решил, было непонятно. Совсем непонятны были и слова лысого.

— А, ты уже пришел, — сказал он и исчез.

Потом в темном проеме возникло другое лицо, и хотя в полутьме трудно было разглядеть его, Виктор уже знал, что это девушка и волосы ее как огонь, а потом он взгляделся и увидел глаза.

— Здравствуй, Ксения, — сказал он.

4

Вода затопила третью щепку. Солнце проклюнулось из-за домов на взгорье. С берега больше не стреляли, но у моста шла подозрительная возня. Он сполз к воде и разглядел в прицеле большой ржавый катер. На него втаскивали щиты, две фигуры маячили у кормы, доносился слабый металлический лязг.

Решили пойти напролом, сообразил Виктор. В барабане осталось четыре патрона. Конечно, можно не рисковать, подпустить ближе и проделать им пару дыр в борту. Но до острова все равно доползут.

Ему свело затылок. Не отдавая себе отчета, мгновенно перекатился вбок. Там, где он только что лежал, поднялись фонтанчики песка.

Он уполз в заросли. Осторожно повел прицелом вдоль линии моста. Есть! У фонарного столба, облокотившись на парапет, целился в него дубасовец в фуражке с поблескивающей на солнце кокардой. За парашетом его почти не было видно. Ствол дернулся, над головой чиркнула пуля. Виктор метнулся назад, откатился вправо.

Вторая пуля срезала ветку совсем рядом. Медлитель было нельзя. Могла проснуться Ксения, а сверху, судя по всему, заметно любое движение.

Ружье бухнуло, на парашете вспыхнула и погасла огненная гвоздика.

С берега открыли огонь, затарахтел и смолк мотор. Не обращая на это внимания, Виктор держал на прицеле мост и, когда над парашетом снова возникла фуражка, пустил туда еще один заряд. И тут же, почти не таясь, перебежал через островок к Ксении.

Несколько минут он выиграл. Но что с ними делать, с минутами. Тот, на мосту, скоро поймет, что выстрелов больше не будет. Если затаиться, они вышлют десант. Осталось два заряда.

Ксения спала. Виктор растянулся рядом, бугорок вроде бы прикрывал их от обстрела с моста. Впрочем, если снайпер догадается отойти метров на сто в любую сторону, то спокойно их достанет.

И в который раз он проклял себя за неосторожность. Надо было так глупо влипнуть вчера вечером...

* * *

Двигатель платформы сдох на первых же оборотах, и обратно они возвращались своим ходом. Дружинники вели сзади коней, Виктор, Сармат и Ксения шли по мосту, рядом держался Месроп. Митя заснул сразу, как только вышел на свежий воздух, его перекинули через седло, и он так и спал. Молодой дружинник придерживал его, чтобы не сполз.

Сармат охал, всплескивая руками, и качал головой, слушая рассказ Ксении о мытарствах, которые они с Митей претерпели, удивлялся тому, что в Саратове они почти год и о нем ничего не слышали.

Потом, в штабе, Митю помыли, уложили на диван. Он так и не просыпался. Виктор преодолел непонятно откуда навалившуюся робость, спросил Ксению, помнит ли она его? Ксения молча кивнула головой, спросила, куда он исчез. Сармат с любопытством слушал ее, потом хлопнул себя по лбу и сказал, что и он вспомнил наконец. Три пацана шли через большой город, он их встретил у деда Эжена... Минуту или две помолчали, а потом вдруг Митя, лежащий на диване, открыл глаза и громко сказал:

— Они и сейчас еще идут.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Сармат.

— Лучше всех, — ответил Митя. — Я уже пришел. Договорите.

И повернулся лицом к стене.

Сармат вздохнул, налил всем еще чаю. Вспомнил, как сердилась Ксения, когда он ее называл невестой. Он и Виктора вспомнил, забегал тогда на минуту договориться с дедом Эженом о переезде. Был такой смуглый невысокий пацан, смотрел настороженно. Ни за что бы сейчас не узнал, так ведь и не узнал! Он раскатило захохотал, оборвал себя и виновато глянул на Митю. Но тот лежал тихо.

В штабе было шумно, входили и выходили дружинники, почти все комнаты были набиты людьми, чего-то требовавшими, женщина средних лет плакала и просила помочь, тут же несколько дружинников вышли вместе с ней. Человек с обгоревшим лицом что-то невнятно объяснял, потом вдруг запел, оказалось — густо пьян. Его аккуратно сгрузили под окном — проспаться.

Ближе к вечеру штаб превратился в ад. Повернуться было негде, не то что спокойно поговорить. Сармат вскоре усакал на вокзал — там, по сообщению из горотдела милиции, завязалась

настоящая битва между окопавшимися лупилами и доведенными до отчаяния жителями и переселенцами. Лупилы забаррикадировались в зале ожидания и никого не подпускали. Сил милиции не хватало, и Сармата срочно просили вмешаться.

Мартын недовольно проворчал что-то о гоношистых слабаках, не желающих слить силы воедино. Сармат молча оглядел присутствующих, попросил Виктора присматривать за Ксенией и ушел.

Полусонное оцепенение мало-помалу проходило. Наконец Виктор полностью стряхнул его с себя. Разве не этого он хотел — сидеть рядом с Ксенией и смотреть на нее, а она смотрит на него так, словно знает все наперед.

В комнатах было много людей, открыто же только одно окно, а другие — вообще заколочены. Спертые запахи раздражали Виктора, он хотел рассказать Ксении о себе, о том, как он искал ее, но в прокуренном мареве слова прозвучали бы не так.

Ксении тоже было не по себе в таком скопище людей. Слабо улыбнувшись, она сказала Виктору, что в последнее время отвыкла от людей, в темных лабиринтах Хибары она сидела безвылазно, время от времени выбираясь к ближайшему раздаточному пункту. Запасалась едой на неделю, и днями только и знала, что кормить вечно больного Митю. Так в полутьме и ждала... На вопрос, чего она ждала, Ксения пожала плечами.

— Тогда мы выйдем, воздуху глотнем, — предложил Виктор Ксении.

— Далеко не отходите, тут у дверей как раз скамейка есть, — озабоченно проговорил Мартын. — И его с собой возьмите... Впрочем, — тут же добавил он, постояв над спящим Митей, — лучше его не беспокоить.

И пошел к двери. Выходя, еще раз глянул на лежащего, посмотрел на Виктора и вышел.

Виктор заметил его странный взгляд, но его внимание было приковано к Ксении. Она сидела боком к нему. Волосы чуть сбились, глаза прикрыты полуопущенными веками, белое, немного одутловатое лицо в мелких красных точках укусов. Но он видел не уставшую некрасивую женщину, а девушку-подростка, стройную, гибкую Ксению тех лет...

— Не смотри на меня, — попросила Ксения. — Вот отоплюсь, помоюсь, тогда смотри.

У входа в штаб тоже кишел народ. На скамейке сидели дружинники, старуха в платочке на седых волосах требовала, чтоб

к ней немедленно вышел Сармат, и не верила, что он сейчас наводит порядок на вокзале. «Я как раз с вокзала, — говорила она, — там ужас что, а ваш старшой здесь отсиживается...»

— Пошли к реке, — сказал Виктор.

Они протиснулись сквозь толпу и вышли на спуск.

— Далеко не отходите, — крикнул им вслед молодой дружинник, стоявший у привязанных к стойке коней.

Виктор успокаивающе похлопал себя по боку. Под курткой болталось стволом вниз ружье, изъятое у Борова.

Они медленно сошли к набережной и постояли у воды. Ксения молчала, а Виктор не знал, о чем говорить. Да и не хотелось. Сытое ощущение покоя наполняло его. Вот он нашел свой дом, и не надо больше мотаться по необъятным просторам земель, не надо обходить таможи и кордоны, не надо уползать по зиме в свой бункер и время от времени искать в людных местах мелких приключений и одноразовых девиц с веселых площадок Балчуга... И вместе с тем его не покидало смутное чувство, даже не чувство, так, отблеск слабый, след тени — кончился его путь, и куда бы он дальше ни шел, куда бы ни закинула его трасса случая — поставлена некая точка, и все, что после нее, — не имеет значения.

Он с досадой пытался отбросить нелепые мысли, но тут вдруг Ксения схватила за руку и заплакала. Он не понял, в чем дело, а она уткнулась в его плечо и сквозь слезы что-то бормотала.

— Митя умер, умер Митя... — наконец расслышал он сквозь всхлипы.

Станный взгляд Мартына и неподвижное тело на диване сложились в одно. Митя был уже мертв, когда они выходили из комнаты, они не оставили его одного умирать среди незнакомых людей, говорил он, он ушел во сне и, наверно, знал, что умирает, а она кивала, утирая слезы мятой тряпкой, а ему хотелось крепче обнять ее, прямо как есть, в длинном безобразном платье до пят, успокоить, утешить.

Потом они молча и медленно шли по набережной. У высокого серого здания, на крыше которого уцелели большие буквы «ГОСТИН», они присели на каменный парапет. Только тогда Виктор обратил внимание на трех мужчин, идущих за ними. Это не были дружинники.

Он быстро сунул руку под пиджак. В это время из-за серого здания вышли еще люди, на крыше речного вокзала появилась фигура и крикнула что-то знакомым голосом.

«Дубасовцы», — спокойно констатировал Виктор.

Человек двадцать, если не больше, медленно окружали их. Виктор тихо сказал Ксении «за мной», взял ее за руку и прыгнул в кусты.

Сверху раздался топот, сдавленный голос велел не стрелять, а когда они пробирались к берегу, в просветах деревьев и кустов Виктор увидел, как со стороны ресторана бегут еще дубасовцы в своих нелепых одеждах.

Дело принимало скверный оборот. Один бы он худо-бедно прорвался. Несколько выстрелов, бросок, а там видно будет. Но Ксению оставлять нельзя, эти негодяи на все способны.

Она бежала рядом. Тропинка оборвалась у воды, и Ксения вопросительно посмотрела на него.

— Это враги, — только и сказал он, озираясь по сторонам.

Плохо дело. Дальше некуда бежать, из кустов его спокойно достанут. Островок недалеко, можно доплыть. Машинка тяжелая, придется бросить.

Он скинул с себя пиджак, высвободил из лямки ружье и бросил его.

— Поплыли, — сказал он Ксении, кивнув в сторону островка.

— Я плавать не умею, — растерянно сказала Ксения. — Плыви один.

Виктор поднял ружье, глянул, не набился ли песок в ствол. Придется держать оборону здесь.

— Сейчас я устрою большой шум, — сказал он, — а ты кустами, берегом к Сармату, зови на помощь.

Он понимал, что, даже если она быстро доберется до штаба, его за это время либо схватят, либо убьют. Треск и голоса в кустах приближались.

И когда Виктор готов был наугад выстрелить в темнеющую зелень, Ксения указала куда-то вбок. Виктор увидел большой деревянный щит, чуть присыпанный песком. Два прыжка, и он столкнул его в воду. Через минуту он плыл рядом, держась за край, а посередине распласталась Ксения, одной рукой придерживая ствол, а другой загребая. С берега кричали, звали обратно, грозили и обещали, но пока не стреляли. А когда полузатопленный щит ткнулся в кромку острова, со стороны речного вокзала застрочил пулемет, но тут же смолк. Очередь прошла высоко над головой...

5

— Поцелуй меня, — вдруг сказала Ксения. — Я не сплю. Он вздохнул.

— Не вздыхай, — Ксения повернулась на бок и, не открывая глаз, почмокала. — Мне холодно, но я все вижу. Нам помогут. Очень скоро.

Виктор прикоснулся к ее губам. Прилег рядом. Она могла ошибаться или просто успокаивала его. Слабая надежда. Но не оставаться же навсегда на этом холодном сыром клочке.

— Они слышали твой зов? — спросил он.

— Нет, пока не хватает сил. Просто знаю.

— Все из-за меня, — виновато шепнул Виктор.

— Не только, — Ксения улыбнулась. — Когда много людей, все гложет, размазывается. В Хибаре было чуть лучше, и я ждала, что ты придешь, еще за неделю.

— Ты позвала меня?

— Да... Нет... Не знаю, это другое. Увидела, услышала...

На берегу страшно закричали, разгорелась пальба, бухнули одна за другой гранаты. Долгий пронзительный визг перешел в ругань и оборвался на полуслове.

Виктор осторожно поднял голову. Из окон ресторана билось неяркое пламя, летели дымящиеся клочья. На мосту возникло движение, оттуда донесся drobный стук. С того берега мчались всадники и падали в воздух.

— Ну, вот и все, — сказала Ксения.

* * *

Он потом часто вспоминал сумасшедшее саратовское лето 2024 года. Одно событие зацепило другое, третье, закрутилось, вертанулось, не успел опомниться, как оказался в дружке Сармата, и только порой, отдыхая после тяжелого дня, полного кровавой месивки, он вдруг с изумлением скидывал голову, словно вопрошал небеса — где это я, и что я здесь делаю? Небеса, разумеется, молчали.

Сидение Ксении и Виктора на полузатопленном островке привело Сармата в бешенство. Он поднял всех на ноги. Городская милиция плюнула наконец на свой нейтралитет, да еще два батальона регуляров вышли из казарм. Объединенные силы прошлись вдоль и поперек города и окраин. Разметали не только убежища дубасовцев, но и выжгли, походя, не-

сколько осиных гнезд лупил и пару конспиративных клоповников невесть откуда и каким ветром занесенных в эти края анархо-коммунистов, взявшихся за старое. Сам Дубасов исчез. Выскочившие из облавы банды легли на дно. Правда, ненадолго.

Незаметно для себя Виктор втянулся в рутинную круговорот. Тут и пригодилось ему умение мгновенно оценивать ситуацию, находить лучшее решение и действовать не колеблясь. После первых же горячих дел Сармат взял его к себе в штаб, и никто не позавидовал, молодые ребята, да и бойцы постарше прониклись к нему уважением почти сразу. То, что для гонца было естественным, им казалось чем-то необычным — о хитрости Виктора и его изворотливости вскоре начали рассказывать истории.

Он часто вспоминал Ксению. После того, как их вызволили, она вдруг сделалась холодна с ним, а на его попытки объясниться, просто отмалчивалась, избегала встреч, только однажды пробормотала что-то вроде «время еще не пришло».

Сармат взял ее под свою опеку. В городе было неспокойно. И вот Мартын отвез ее по просьбе Сармата в деревню, к какой-то дальней родне. Вернувшись, привез от фермеров подарки и просьбу выделить десятка два крепких ребят. В тех местах тоже пошаливали. Дружинников туда Сармат определил, сало и хлебное вино извели в одночасье, а потом весь штаб маялся жуткой изжогой.

Дни летели быстро, зато вечера были долгими. Дружинники расходились по домам, оставались только ночная стража, патрульные и те, кому некуда идти. Полсотни человек спали на нарах, скамьях и на коврах.

В маленькой штабной комнате на втором этаже допоздна засиживались Сармат, Мартын и Виктор. Порой к ним заходили бойцы, маявшиеся бессонницей. Сармат подолгу беседовал с ними, шутил, а потом, когда дружинники уходили вниз спать, Мартын раскладывал карту города, Виктор доставал сводки, которыми щедро делился горотдел милиции, и они чуть ли не до утра прикидывали и гадали, где может полыхнуть очередная заварушка, куда с утра направить отряды, кому их вести...

Самый густой запар начинался, когда прибывали новые транспорты с переселенцами или внезапно накатывала очередная волна беженцев. Кошмарные дни! Но после больших разъездов наступала короткая передышка — карта летела под

стол, выпивалось все, что могло гореть, а хлебная водка очень хорошо шла под долгий разговор.

Мартын любил рассказывать о своих приключениях в затопленном поясе, Сармат подтрунивал над ним, а однажды Виктор, чуток перебрав, разговорился, и у его собеседников глаза на лоб полезли.

— Сколько же на тебя грязи и крови налипло, парень! — покачал головой Мартын.

— А ты чистенький? — бесстрастно спросил Виктор.

Мартын хлопнул его по плечу и надолго замолчал.

* * *

В июле пошла гнилая вода, а за ней пожаловала холера. Дружина и милиция валились с ног, помогая врачам. Набухла паника, и тогда Сармат выступил по местной сети, призвал беженцев расселиться по деревням и фермам, где рады любой паре рук. Эпидемию вскоре сбили.

Характер Виктора незаметно менялся. Он все еще был готов в любой момент сорваться с места, нырнуть в сторону, исчезнуть. Но ежедневная беготня и частая рубка привели к тому, что изменился судорожный, лихорадочный внутренний ритм волка-одиночки. Он попал в свою стаю, и это было хорошо.

Мысли о Ксении смазывались, бледнели. Порой Мартын, наведывавшийся изредка к своей родне, передавал всем от нее приветы. Сармат улыбался, а Виктор молча кивал.

В мае исчез куда-то Месроп и объявился только в конце лета. На расспросы не отвечал. О чем-то долго шептался с Сарматом, потом вдруг попросил Виктора найти пару свободных часов для серьезного разговора, но тут пришел транспорт с регулярками, и в дружину очень своевременно влились две сотни крепких и обученных ребят, прошедших сквозь мокрый ад приаральской заварухи.

Все хлопоты с их размещением и довольствием легли на Виктора, поговорить им так и не удалось.

Как-то вечером Мартын отрезал добрый шмат сала, разложил малосольные огурчики и вытащил из-под скамьи поместительную канистру. Спросил Месропа, не отвык ли он от домашней.

Месроп удивленно вздел бровь, хмыкнул, опрокинул в себя стакан и, нюхнув огурец, спросил в ответ, с чего это он должен был отвыкнуть?

— Кто тебя знает, — продолжал Мартын, подмигивая Виктору. — То пропадаешь месяцами в Хибаре, а то вообще вдруг исчезнешь! Говорят, тебя чуть ли не сразу в двух местах видели. Мы с тобой год уже знакомы, а вроде как и не знаю...

— Чего ты не знаешь? — спросил Месроп.

Тем временем Сармат зажал между двумя толстыми ломтями серого хлеба ломоть сала и пару огурцов, в один миг сжевал бутерброд и утер бороду.

— Не приставай к человеку! — сказал он Мартыну.

— Упаси боже! — кротко ответил Мартын. — Я только одного не пойму — что он в Хибаре делал? Не от дубасовцев же прятался!

— Не от дубасовцев, — согласился Месроп. — И не прятался.

— А что ты там делал? — не унимался Мартын.

— Во-первых, я болел. Ксения меня подобрала в полном дауне, еле выходила. До сих пор мозги плохо шевелятся, а тогда память начисто отбило, «папа-мама» сказать не мог. С ложечки кормила. Полгода прошло, но до сих пор еще не все вспомнил. Хотя, — он нахмурился, — иногда черт знает что вспоминаю!

— Это во-первых. А во-вторых?

— Ну, и еще я работал.

Мартын чуть не увел струю из канистры на стол.

— Ты аккуратней лей, разольешь!

— Нет, постой, — Мартын опустил канистру на пол. — С кем это ты работал? С Ксенией? Или с Митей, мир его праху?

— С Митей я только разговаривал. Забавный парень, жаль, себя разрушил. У него была любопытная концепция. Понимаешь, он рассматривал мир как акт совместного воображения бога и дьявола. Эта парочка договорилась о базовых понятиях, а в конкретных реалиях пошла игра воображения. Что-то вроде одного сна на двоих. Наше время идет быстро, сгущеннее, чем их явь. Как и полагается во сне.

— Не понял, — сморщился Мартын, — кто чей сон?

— Мы все их сон.

— Чей это — их?

— Ну, бога и дьявола. Иными словами, сущности добра и сущности зла. А они, в свою очередь, порождение сна Мити. Он жаловался, что удерживал их в такой форме существования большим усилием воли. Чуть не вспотел.

- Кто вспотел? — взревел побагровевший Мартын.
- Митя.

Виктор не обращал внимания на перепалку. Незаметно выплеснув остатки самогона под стол, он налил себе чаю. Отхлебнул и, поджав под себя ноги, расположился на кошке, кинутой на широкую скамью. Уперся спиной в стену и от удовольствия закрыл глаза. Ныло все тело. Целый день помогали грузиться большой партии развезжающихся. Несколько десятков двухэтажных автобусов забили стоянку, народ волновался, кто-то перепутал списки, чуть не возникла паника. Хорошо, вовремя разобрались, но сколько чемоданов, коробов, узлов пришлось перетаскать — ужас! Да и детей нельзя было оставлять под ногами у суетливо мечущихся взрослых. Двонх сразу на плечо — и к автобусу. Главное — не перепутать номер на бирках, а детей много, они ерзают, кричат что-то своим друзьям и подружкам, появившимся за месяцы, проведенные в этом человеческом котле...

- Ах ты, манихей хренов!

Виктор вздрогнул и чуть не упал со скамьи. Могучий рык Мартына согнал дремоту. Месроп невозмутимо нюхал огурец, хитро поглядывая на Сармата. Немного поспевав над Месропом, Мартын сел и, к изумлению Виктора, засмеялся.

- Ну, чего там не разобрали? — вмешался Сармат.

— Почему же, — спокойно ответил Мартын, — мы во всем разобрались. И если Месроп не хочет афишировать свою деятельность, то на здоровье. Я, конечно, знаю, да и Виктору полезно будет узнать, что наш стратег — всего-навсего резидент...

- А то он не знает! — удивился Сармат.

- Не знаю, — сказал Виктор. — Какой еще резидент?

— Резидент полевой социографической комиссии ООН. — раздельно произнес Месроп. — Но это, честно говоря, ничего не значит. И то, что я переманил к нам бойцов из регуляр, никак не связано с моей деятельностью в качестве социографа. Положа руку на сердце или на что угодно, я даже не могу сказать, существует ли еще эта комиссия. Доктор Мальстрем мог год назад урезать фонды, и комиссия приказала долго исследовать.

— Вот и замечательно, — сказал Сармат. — Давайте сворачиваться, завтра с утра дел... — Он зевнул, прикрыв рот ладонью.

Месроп и Мартын переглянулись.

— Так время же еще какое? — Мартын подержал в руке канистру и опустил. — Только сели!

— Ну так и сидите, — разрешил Сармат, — а я прилягу.

Он вышел в соседнюю комнату, где на полу вповалку спали дружинники, и через пару минут его могучие раскаты влились в сводный хор храпунов.

Мартын ходил кругами по комнате. Месроп молча оглаживал бородку. Виктор стянул с себя дремоту, выпрямился и налил еще чаю.

— Правильно, — сказал Месроп, — чай полезнее, только если не пьешь, не выливай под стол. Ты мне самогоном всю штанину облил.

Виктор улыбнулся, Месроп хохотнул.

— Смешно, да? — негромко рыкнул на них Мартын, но прекратил свое кружение и сел напротив Месропа. — Опять ушел!

— Да, — ответил Месроп. — Значит, еще не созрел.

— Чего он ждет?

— Спроси у него.

— И спрошу, я, знаешь, прямо сейчас его подниму и спрошу.

— Подними.

— Э, толку! — Мартын обреченно махнул рукой. — Сколько раз приставал к нему, а он все шуточками отделяется. Шутник. Мало ему дубасовцы вломили. Дождется, опять голову поднимут!

— За что вы так монархистов не любите? — спросил Виктор.

— Не люблю? — переспросил Мартын. — Кто тебе сказал такую глупость? Я сам монархист.

— А... — начал Виктор и удивленно замолчал. Мартын сердито шевельнул усами, фыркнул.

— Почему ты решил, что эта свора имеет хоть какое-то отношение к идее монархии? Банда самозванцев! Сколько их развелось после пресекновения рода Романовых... Эх!

— Да, — сказал Месроп, — кошмарная была трагедия. Мой друг чуть не погиб тогда, во втором... нет, в третьем году. Он опоздал на коронацию. Только добрался до Спасских, как ахнуло.

— Ахнуло? — тупо повторил Виктор. — Что?

— Вот — время летит! Двадцать лет всего прошло, а начисто все забыто.

— Еще бы, — сказал Мартын, — через три года мор начался.

— Через два, — поправил Месроп. — А что ахнуло? Успенский собор, голубчик ты мой, ахнул, да и как ему не ахнуть, если, говорят, его сотней тонн взрывчатки зарядили.

— Не сотней тонн, а калифорнием взорвали, несколько грамм пошло, — возразил Мартын.

— Кто зарядил? Кто взорвал? — терпеливо спросил Виктор. Он смутно припоминал какие-то байки на веселых площадках, что-то странное пел, подыгрывая себе на гитаре, старый Гонта. Вспомнились окровавленные тела из случайного диска по истории. Но он почти все забыл: история не география, а кого кормят ноги, тому не надо засорять голову.

— Все уже забыли, кто взорвал. — Мартын задумчиво покачал головой. — Тогда, сгоряча, многих похватали. Слава богу, до самосуда не дошло. Ну, и тут же самозванцы объявились. Их всерьез не воспринимали, а они, понимаешь, очень нервничают, когда их всерьез не принимают. Вот Дубасов. Таких, как он, — десяток на округ наберется, каждый обрасстает людьми, а чем поманишь, чем докажешь? Вот и охотятся за всякими раритетами. Ну, ты это хорошо знаешь.

Виктор усмехнулся. Весной, когда они шли по мосту с Ксенией, оставив за спиной темные лабиринты Хибары, Сармат вынул из кармана тряпку, развернул ее и, глянув на медальон с изображением усатого юноши с дикими глазами, взвесил его в руке и, не прерывая на ходу разговора, с размаха кинул в воду. «Варвар», — негромко ахнул за спиной Мартын, а Месроп непонятно ему возразил — «Разин». А Виктор чуть не обиделся — стоило рисковать!

— Все равно ничего не понимаю, — упрямо сказал Виктор. — История — это хорошо. Но при чем здесь Сармат?

— Карту иногда разглядываешь? — спросил Мартын после недолгого молчания.

Виктор пожал плечами. Карту города они использовали по миллиметру. Сейчас он прошел бы с закрытыми глазами по любому задворкам. Кроме, конечно, Хибары и заводских развалин Покровска, пропитанных старой вонючей химией. Мартын имел в виду что-то другое.

— Ты посмотри, посмотри. — Он указал на стену, и Виктор улыбнулся. К стене была приклеена карта области, а рядом сиротливо жалась страничка из атласа с двумя полужопами земного шара. Учить гонца географии — это умиляет.

Показать бы Мартыну их карты! На добытых из черт знает каких архивов огромных листах можно разглядеть не только дома и людей, но даже цветы на подоконниках. Перед ходкой гонец запоминал свою трассу, а потом сдавал карту дежурному или оставлял на явочном флэте.

Мартын горячился, тыкал пальцем в карту и громким шепотом вещал, что Саратов — это еще не центр Вселенной, и пока они наводят порядок, выбивают шваль и помогают людям, отсюда на все стороны лежат необъятные земли, города и фермы, где много еще всякого негодяйства. Вот они здесь дрыхнут и обливают штаны самогоном, а в Пензе между тем, наверняка, пришлые лупилы режут местных, и это еще хорошо, не дай бог сговорятся, а из Тамбова уже три недели нет вестей, там дружинники разругались с регулярными частями, связь оборвана, некого послать поглядеть, а поездов оттуда тоже нет, и если его, Виктора, интересуется, что творится за Волгой, то пусть он сперва отольет, а то штаны намочит, сейчас он о таких ужасах услышит...

— Ты кому это говоришь? — задремавший было Месроп вдруг поднял голову.

Мартын осекся, хмыкнул, втянул нижнюю губу, а усы сникли, и он сделался похож на обиженного моржа. Сердиться на него было невозможно. Шумный, веселый Мартын казался человеком без забот и проблем. Но Виктор знал, что три года назад Мартын был учителем и домовую школу затопило во время прорыва дамбы. Спасся только он — двенадцать детей, малыши, остались в классе. Они часто снятся ему, тогда он просыпается с криком и не может заснуть до утра. И спать он всегда ложится поздно, как можно позже, чтобы сразу наглухо забыться, но не всегда это удается, и вот он видит, как вода вдруг бьет из окон, поднимается все выше и душит одного за другим Анну, Леонида, Сергея... Они тянут к нему руки, но он не может дотянуться, вода уносит его, и они кричат, и он, чтобы не слышать этот крик, тоже кричит и просыпается...

Однажды за полночь он рассказал о своих кошмарах Виктору, и тот понял, что Мартын должен быть все время на плаву, иначе утонет и не проснется.

— Чем ты его пугаешь? — продолжал Месроп. — Он сам может такого порассказать. И прекрасно понимает, что если не объединить людей, то все рухнет. Не от голода — фермы прокормят в сто раз больше народа, и не от болезней — после

мора все нам до груши! Дичаем, братцы, вот что страшно! Лоск цивилизации сейчас настолько тонок, что не выдержит малейшей встряски.

— Ну, хорошая встряска никому не повредит, — перебил его Мартын, — а кроме того, мы почти все сохранили...

— Да, сохранили. Музеи уцелели, даже библиотеки успели переписать на диски, новую бумагу ничто не берет, а толку? Почти нет художников, писатели и поэты вовсе перевелись. Появляются изредка странные тексты, да и то неизвестно чьи.

— Анонимки? — усмехнулся Мартын.

— Нет, просто людям харкать на свою известность. Нет личного интереса. Тут еще видео... Старую культуру мы сохранили, но лень наша и дикость ее быстро сжуют. Потомкам оставим гнилые кости.

— К чему ты клонишь? — нетерпеливо спросил Мартын чуть заплетающимся языком. — Все это азы!

— Для тебя — азы. А Виктору полезно послушать.

Короткий взгляд Мартына. Виктору стало не по себе. Опять показалось, что этот разговор, как и многие до него — не случаен. Собеседники понимают друг друга с полуслова, а ему отведена роль не только слушающего: что-то пытаются ему втолковать, хитро, исподволь, незаметно.

— Когда-то очень давно я, кажется, был специалистом по медиевистике... — Тут Месроп заметил недоуменный взгляд Виктора и пояснил: — Ну, по Средневековью, скажем так. И ты понимаешь, юноша, есть у меня мрачное подозрение, медленно переходящее в уверенность, что эти времена возвращаются.

— Так не бывает, — возразил Мартын. — Дважды в одну эпоху не войдешь.

— Ты прав, — кивнул Месроп, — но дважды в одну кучу дерьма вляпаешься запросто.

— Кто тебе сказал, что Средневековье — куча дерьма, — поднял брови Мартын. — Старые сказки про мрачное да про безысходное... Инквизицию еще вспомни, чуму!

— Вспомню. Только к Средним векам они отношения не имеют, это уже Возрождение... Ну, это длинные материи, я не о том. Медиевация сознания, вот что меня беспокоит. Социальный невротизм из года в год растет — это раз! Все поголовно смотрят фантастический эпос — я как-то любопытства ради сделал выборку программ и ахнул — почти все заказные

сериалы — рыцари, волшебники, пришельцы, разбойники, маги, звездочеты... Это два!

— А что — три?

— А то, что ты прав, и дважды времена не повторяются. Но если тогда соль земли составляли святые, то сейчас... Не знаю.

— Ну, святых, пожалуй, всегда было наперечет, а вот мерзавцев хватало.

— У нас вообще нет святых.

— Хорошо. Что дальше? Ты сейчас излагаешь тезисы своего доклада на комиссии? Изучил на месте — и доложил. А доктор Мальстрем примет решение, куда сколько фондов направить, да очередной десант сбросить, из художников, скажем, или поэтов. Хранителей тайны и веры. Дальше что?

— Дальше. — Месроп сцепил короткие пальцы, так что вздулись вены на руках. — Дальше... А вот что!

Он обвел их неожиданно трезвым взглядом, поднялся с места и, подсев к Виктору, обнял его за плечи.

— Дальше будет то, что мы перестанем ходить вокруг да около юноши мягкими шагами и присматриваться. Он с нами. Если у тебя есть сомнения...

— У меня нет сомнений, — так же трезво и остро ответил Мартын, — в нем я был уверен с самого начала. Твое тестирование, признай, ничего не дало.

— Возможно, — сказал Месроп. — И я вынужден доверять эмоциям.

Виктор понимал, речь идет о нем, но смысл темнел и неясен. Как ни странно, осторожности не было. Он догадывался, что разговор — только начало густых событий, которых не избежать. Льстило, что ему, самому молодому из компании, доверяют и готовят к важному делу.

На лице ничего, конечно, не отразилось, и Месроп, внимательно глядевший на него, вздохнул.

— Мне бы твою выдержку!

— Так что, — спросил Мартын и кивнул в сторону двери. — Начнем?

— погоди, дай еще раз подумать! — Месроп помассировал виски большими пальцами. — Ты прав, тянуть нельзя. Но боязно. Если он откажется, плюну, уйду.

— Я не уйду, — негромко сказал Мартын, — мне некуда, да и не брошу его. И он не откажется.

Месроп шумно выдохнул воздух.

— Тогда вперед! Буди его, медведя!

6

Мартын без скрипа отворил дверь в соседнюю комнату и через минуту вернулся, а за ним, недовольно хмурясь и отчаянно зевая, вышел Сармат. Оглядел их, встряхнулся, и улыбка тронула губы.

— Скучно без меня пить?

— Скучно, — серьезно ответил Мартын. — Ты садись, мы сейчас поговорим немного, а потом можно и спать. Выльем немного и поговорим.

— Я не буду пить, — сказал Месроп.

— Как хочешь, а я немного... — Мартын плеснул себе, глотнул и перевел дыхание. — Вот сейчас полегчало.

Виктора пробрал озноб. Он не понимал, в чем дело, зубы стучали так, что чуть не прикусил язык. Не от волнения, мало ли какие бывают разговоры. Озноб был беспричинным и внезапным. Ноги словно ушли в холодный мокрый песок, испарина покрыла спину. Поджал под себя колени, обхватил их руками — прошло.

— Ну, в чем дело, заговорщики? — нетерпеливо спросил Сармат.

— Долго будем по мелочам ковыряться? — приспел Мартын.

Сармат, не отвечая, гладил бороду и ждал продолжения.

— Именно по мелочам! — Мартын вскочил, снова сел. — Четвертый год наводишь порядок в Саратове, три года я смотрю на это и удивляюсь — за месяц все можно уладить.

— Улаживай, кто мешает.

— Ты мешаешь, и не мне, а себе. — От возмущения Мартын стукнул кулаком по столу. Стаканы подпрыгнули. — В прошлом году могли объединиться с балашовской дружиной. Помогли бы им навести порядок, а они нам. Лишняя сотня бойцов разве помешает? Теперь они погрязли в своих дрязгах, а мы... Зимой можно было взять арсенал регуляров. Они бы с удовольствием отдали, всего-то стоило подкинуть им на месяц полсотни наших ребят.

— Зачем нам арсенал? — удивился Сармат. — В войну играть ихними стрелялками? Ломаются почем зря, заедает через раз, осечки через два...

— Не в этом дело, — нетерпеливо перебил его Мартын, — сложная техника вообще летит к черту, дело в идее.

— Какой идее? — кротко спросил Сармат.

Виктор готов был поклясться, что, в отличие от него, Сармат прекрасно понимает, к чему ведет странный разговор. Планы о слиянии сил, о сосредоточении и, наоборот, распылении обсуждались все время, но этот ночной разговор не был похож на другие. Сармат опустил голову, но Виктор поймал его взгляд: ирония или просто насмешка блеснула в глазах.

— А вот какой идее! — возвысил голос Мартын. — Союзиться с регулярами, подключить дружины Балашова, Аткарска. Затем спуститься к Камышину, они что-то давно молчат. Я готов лично пройти за Волгу и посмотреть, что за дела в Ершове. Объединенными силами прочесать все в пределах досягаемости, комнату за комнатой, дом за домом, город за городом, все леса, фермы, выбить из нор всю мерзь, и пусть самоуправление наконец заработает нормально.

— Отлично. А потом?

— Потом? Потом... — Мартын оглянулся на Месропа.

— Ага, — сказал Сармат, — на этом кончается тактика. Послушаем стратегическую разработку.

— Не такая уж и стратегическая, — улыбнулся в бороду Месроп. — Я согласен с Мартыном: чем дольше топчемся на этом пяточке, тем меньше шансов навести порядок даже на нем. Тесно, нет пространства для маневра, превращаемся в унылую жандармерию. Идея Мартына дает выход на оперативный простор. Люди ждут от нас решительных мер, от фермеров опять была делегация, в лесах снова появились негодяи, сожгли и разграбили несколько ферм. У милиции руки не доходят, а в дружине людей не хватает, да и нет четкой структуры. Ребята у нас один к одному, но все равно вольница, куда нам до регуляров...

— Понял, — восхитился Сармат, — вы предлагаете создать армию. Ну, генералы-полковники, отцы-командиры!..

— Смеяться будешь, когда лупилы сговорятся с бандами, а те с лесовиками, и возьмут город. Какая армия в наши времена, когда каждый сам по себе! До армии нам еще знаешь сколько размножиться?! Да и не прокормить армию. Зачем нам армия, когда есть дружина. Кстати, ты знаешь, как тебя за глаза называют дружинники? Виктор, скажи ему.

— Князь, — сказал Виктор. — Князем его зовут...

Он увидел взгляд Сармата и осекся. Тяжелый, мрачный взгляд, темный в отчаянной безнадежности. Но на миг, не больше, полыхнула в нем и гордость.

Действительно, молодые дружинники между собой звали его Князем, сначала с добродушной усмешкой, а потом привыкли, кличка прижилась и у дружинников постарше.

— Магия старых имен еще жива, — вкрадчиво сказал Месроп. — Смешно сказать, но народная дружина — это обычно, а княжеская — звучит, а?! Что-то просыпается далекое, забытое, но очень романтическое и красивое — князь на белом коне, в сияющих доспехах, за ним ратники, мечи сверкают... Жаль, что твой меч пропал.

— Жаль, — вздохнул Сармат.

— Нечего, теперь ты сам будешь мечом!

Мартын с довольным видом поглаживал усы, Сармат опустил веки, а Виктор смотрел на них и знал — от того, чем закончится разговор, зависит его судьба. Он вспомнил Ксению, Митю, деда Эжена и даже Борова и подумал, что, возможно, не только его судьба решается этой ночью. Густые дела заворачиваются, и он стоит у истоков дел.

— Вот как вышло, — негромко сказал Сармат. — Права оказалась та ведьма, быть тебе князем, сказала она. Сбылось первое проклятье. Значит, и остальные сбудутся. Э, да чего там... — Голос его наполнил комнату, он поднялся во весь рост, глаза грозно сверкнули. — Что будет, то и будет!

А потом он сел и попросил Виктора:

— Плесни-ка мне немного!

Виктор налил ему, остальным, подумал секунду и наполнил свой стакан.

— Исторический момент, — сказал без тени улыбки Мартын.

— Все учителя помешаны на исторических моментах, — немедленно отозвался Месроп.

— Выпьем за историю, — неожиданно для себя сказал Виктор.

В компании старших он обычно помалкивал. Сидел тихо и слушал разговоры, рассказывал сам, когда просили. Сейчас слова будто сами выскочили.

— Устами юноши... — Мартын поднял стакан.

Сдвинули, дзинкнуло стекло.

— Вот что, стратеги-тактики, — сказал через минуту Сармат. — Планы ваши хороши, да плохи. Людей я завтра наберу — хотите десять тысяч, а хотите — сто. Обращусь к населению города и попрошу помощи. Для их же защиты. Думаете, не пойдут ко мне молодые, крепкие ребята, которым

надоело слоняться без дела, ожидая подачки и распределения? Многие бы плюнули да разъехались, только родители старые, а то и семьи держат. Не бросать же! А тут и дом рядом, и дело серьезное, с фермерами договоримся, леса почистим, они нас голодными не оставят.

— Не оставят, Сармат, не оставят, — радостно воскликнул Мартын, — то есть так не оставят, что от пуза кормить и поить будут, лишь бы тишина и порядок...

— Да, друзья мои, — с непонятной улыбкой сказал Месроп, — хоть все это уже было не раз, пусть снова повторится. И ты, Мартын, монархистская твоя душа, развернешься. Кто помешает сильному князю создать империю и основать династию?

— Эк, хватил! — пробормотал Мартын и задумался.

Сармат посмотрел на Месропа и с горечью сказал:

— Мне бы ваши заботы...

7

Утром Виктор проснулся с тяжелой головой. Мартын спал прямо за столом, положив голову на руки. Сармата и Месропа не было. В соседней комнате шумели дружинники, лилась вода, кто-то чертыхался.

Протолкавшись к крану, он поморщился: вместо воды текла какая-то муть. Опять авария на насосной станции, значит, будут просить людей.

— Саботажники чертовы, — сказал Борис, высокий худой дружинник, — прижать бы их всех!

— Ты прижмешь! — ответил кто-то. — Что их жать, там все сгнило, менять пора.

— Все менять пора, — буркнул Борис.

Виктор поглядел на него, но ничего не сказал. Пока он пробирался между одеялами, валяющимися на полу, и сдвинутыми скамьями, его спросили: «Может, сбегает на станцию, посмотрим?», а незнакомый голос ответил: «Что ты смотреть будешь, гумус, ты же винта от шплинта не отличишь!»

Действительно, вольница, думал Виктор, переступая через лежащих дружинников. Одни готовы лезть, куда понесет, другие спят и будут спать, пока не позовут. Может, так и должно быть? У регуляров, конечно, пожестче, но самую

малость. Тоже не каждого пошлешь по делу, при случае сам тебя пошлет. В дружине, слава богу, порядок, но держится он на личном авторитете Сармата. Пока держится.

Он вспомнил вчерашний разговор и подумал, а что, если Сармат впрямь наберет несколько тысяч в дружину? Сейчас их три сотни, да сотни две недавно прибывших регулярлов. Уже трудно все время держать в голове, кто где, кого куда... А запутаешься — людей подставишь...

Разогрев чай, он растолкал Мартына и, пока тот с хрустом потягивался и зевал, мелко нарезал помидоры, огурцы, крошил луку, полил постным маслом и плеснул немного скисшего вина за неимением уксуса.

Мартын подозрительно нюхнул салат, но справился со своей порцией быстро. А после чая, выяснив, что дел на сегодня почти нет, Виктор поделился своими сомнениями относительно роста дружины.

Мартын поднялся из-за стола и поманил Виктора за собой.

Когда они вышли на улицу, Мартын присел на скамейку, кивнул стражникам, пару раз глубоко вдохнул, выдохнул и сообщил, что похмелся как не бывало.

— А что касается твоих сомнений, — как бы между прочим добавил он, — ты прав в одном. Справиться с такой оравой будет нелегко. Во все века... Ну, и так далее. Сейчас в два слова объясню взаимодействие боевых единиц. Над солдатом ефрейтор, а над генералом маршал. Всех дел! Штаб, конечно, разрастется, ну и что? Будешь работать с парой-тройкой толковых ребят, у них будут еще помощники, а остальное — не твоя забота. Для того чтобы обсудить важный вопрос, курултая собирать не будем. Нас четверо — Сармат, я, Месроп и ты.

— Не мало ли?

— Хватит, — отрезал Мартын и добавил, ухмыльнувшись. — Особы, приближенные к императору.

— Я серьезно...

— И я не шучу, — сказал тихо Мартын. — Идея монархии сейчас многим кажется дикой, но не так давно власть на местах держалась на таких сатрапских мордах, что хоть вешайся. Другое дело, как они себя называли — уполномоченный Совета, директор региона, представитель исполкома, председатель территории. Все это слова... Но, тысячу раз прав Месроп, магия старых имен не исчезла. Я помню года три назад повесили принародно одного демократически из-

бранного уездного голову. Оказался развратником и убийцей. Так что, знаешь, дело в людях, а не в идеях.

— Что изменится, если злодей назовется графом?

— Сейчас ничего. Но, видишь ли, есть такая хитрая штука, как кодекс чести. С одной стороны, он ограждает аристократию от, скажем так, черни, а с другой стороны, заставляет аристократию же держать себя в рамках. Наука управлять — хитрая вещь. Раньше целые институты были, учили всех. Сейчас есть немного специалистов по управлению, ну, скажем, производством. Но одно дело производство, другое — люди. Тут особый дар нужен. Талант. Может, врожденный. Но, согласись, именно тот, кто владеет таким даром, может обучить других этому искусству. Только почему это должны быть чужаки, а не свое потомство? Вот тебе и преимущество династийности. Ну а если вырождается линия, то приходят другие, которые управляют лучше или имеют толковых наследников. Однако из того же круга, замечать.

— Полвека назад это называлось номенклатурой, — раздался голос Месропа.

Он подобрался откуда-то сбоку, незамеченным. Виктор нахмурился, раньше он слышал бы шаги издали. Заслушался!

Мартын кивнул Месропу.

— Что вы здесь сидите? — спросил Месроп.

— Разговариваем.

— Почему не в доме?

— Ушей много, — ответил Мартын.

— Ночью вы кричали во весь голос, — не удержался Виктор.

— Э, юноша, — назидательно сказал Мартын, — ночью совсем другой расклад. Что делает ночью простой дружинник? Спит без задних. Что делает простой дружинник, услышав крик и шум, и разговор? Поворачивается на другой бок и спит дальше. А непростой дружинник встает, прислушивается и присоединяется к разговору. А очень непростой дружинник тихо лежит и слушает, а потом ведет себя сообразно услышанному и, к удивлению своих товарищей, быстро возвышается.

— Царедворец ты наш, — усмехнулся Месроп, — и много таких насчитал?

— Боюсь, ни одного. Но время терпит.

— Ну-ну. Впрочем, об этом после. Виктор, не откажи в любезности, сбегай за бинтом и антисептик прихвати, сам сходи, не посылай никого.

— Что? — спросил Мартын, поднимаясь.

— Ерунда, Сармат опять полез в свару, его по руке и полоснули. Царапина, но все же. Он просил никому не говорить.

— Естественно, — понимающе кивнул Мартын.

Виктор пошел на второй этаж. Почему Сармат скрывает ранение? Может, оно серьезнее, чем сказал Месроп? Да нет, зачем Месропу скрывать от него. Просто Сармат не хочет, чтобы дружинники знали, что его можно ранить. Смешно, конечно, но ему видней.

Взяв бинт и ампулу с антисептиком, Месроп многозначительно сказал Мартыну: «Ну, теперь он слегка утомонится» — и быстро ушел. Виктор понял, почему не заметил его приближения: конь привязан к дереву в конце улицы, а ухо привыкло к цокоту копыт.

Он проводил его взглядом, посмотрел на Мартына, озабоченно жующего ус. Хитрецы, оба большие хитрецы, внезапно подумал он. Большую игру затеяли, кружат вокруг него, вокруг Сармата, и все у них давно расписано. Ему показалось, что они долгие годы плели свои сети, а сейчас начали их стягивать. Но ведь они встретились недавно, по крайней мере, так говорят сами!

Раньше Виктор затаил бы свои сомнения, но ежедневные заботы о других, необходимость отвечать ударом на удар да и уверенность в силе — сотни бойцов за спиной! — убавили его скрытность.

Иногда, просыпаясь ночью, он трогал свое лицо — оно казалось чужим. Наконец сообразил, что раньше спал со сведенными от внутреннего напряжения скулами и кожа на лбу натягивалась. А сейчас он расслабился.

— Вы давно знакомы с Месропом? — спросил он напрямую.

Мартын с интересом посмотрел на него.

— Нет, недавно. Думаешь, мы что-то затеваем? Ты абсолютно прав. Мало того, в нашей затее ты стоишь первым номером. Если бы не ты, мы продолжали бы уныло следить за порядком, гонять дубасовцев, словом, киснуть. А задумали мы с Месропом... Эх, боюсь сглазить! Поговорим вечером.

Один из стражников коротко свистнул, остальные залегли за мешками с песком. В конце улицы показался всадник, несущийся к дому во весь опор.

У дома он лихо спешился и подбежал к Мартыну. Стражники опустили стволы и вышли из укрытия.

— Срочно людей к драмтеатру, — отдышавшись, сказал Борис, — там дубасовцы...

— Легки на помине! — Мартын выматерился. — Что там, сколько их?

— Человек двадцать. Взяли заложниками автобус с беженцами, требуют, чтобы Сармат к ним пришел. Сам.

— Где он? — Мартын подал знак дружиннику у конюшни, тот кивнул и распахнул ворота.

— У театра, в оцеплении.

Через несколько минут Мартын умчался к регулярам, а Виктор поднял дежурную сотню и повел к театру.

Площадь перед каменной коробкой была пуста. Дружинники перекрыли улицы, выдвинули сварной щит, за ним установили пулемет. Никто не стрелял.

Виктор подобрался к Сармату. Сверху пальнули, пуля чиркнула по щиту.

— Атаковать? — спросил Виктор, но Сармат покачал головой.

— Пока пробьемся, всех перестреляют, а там, говорят, и дети есть. Если через час я к ним не приду, грозят убивать по два человека каждые пять минут.

— Значит, у нас есть час.

Сармат вздохнул.

— Им не я нужен, а та цацка. Они не знают, что я ее...

Вскоре появился Мартын, сказал, что регуляры оцепили квартал, но толку он в этом не видит, дубасовцы никуда отсюда не собираются. Газовых гранат у регуляров не оказалось, по крайней мере, они так говорят. Сармат посмотрел на часы.

Виктор огляделся по сторонам. Задача не из легких — надо попасть в дом, да так, чтобы эти пендюры не успели вырезать заложников. Ну, думай, гонец, кто тебя остановит, если надо куда-то попасть?

— Что за люк? — спросил он, ткнув пальцем вправо.

Мартын пожал плечами, а Сармат не обратил внимания на его слова, разглядывая окна театра через узкую кривую щель. Тогда Виктор скомандовал дружинникам откатиться чуть назад и встать перед люком, закрыв его от взглядов дубасовцев.

Дружинники взялись за приваренный брус, щит скрежетнул и медленно пополз вбок. Дубасовцы дали очередь в их сторону.

Крышка сидела плотно, края были забиты грязью, прикипевшей к металлу. Орудуя ножом, Виктор расковырял, очистил паз. Тут за люк взялся крепкий, широкоплечий дружинник. Он поддел люк ножами от штыка, крикнул — люк слегка приподнялся, и тут Мартын ухватил его своими ручищами и откатил в сторону. Под люком оказалась проржавевшая железная крышка. Она рассыпалась от удара каблуком, обломки полетели вниз, в зловонную тьму.

— Это шанс, — сказал Сармат. — Пошли.

— Ты останешься здесь, — Мартын схватил его за рукав, но Сармат так глянул на него, что тот молча полез за ним в дыру.

Скобы шли одна за другой, и чем ближе раздавался плеск воды, тем гуще спирало дух от ядовитого винта, бьющего в ноздри. Виктор поскользнулся и чуть не наступил на голову Мартына. Внизу, на небольшой бетонной площадке, с трудом разместились семь человек. Последнему дружиннику пришлось вернуться назад. Виктор крикнул вслед, чтобы тот время от времени шевелил щит или постреливал.

— Огня, — приказал Сармат.

Один из дружинников протиснулся вперед, щелкнул зажигалкой. Слабый огонек еле высветил узкий карниз, идущий вдоль большой трубы, пенистую воду.

Виктор поднял голову, глянул на светлый кружок отверстия, сориентировался. Ткнул пальцем в мрачный зев клоаки — «Туда».

Они шли, держась за осклизлые стены, хватаясь порой друг за друга, чтобы не свалиться в грязную реку.

Они были уже где-то под домом, когда дружинник с огнем заметил колодец и скобы, а рядом с ними — толстые сточные трубы. И все бы хорошо, да только впереди вместо карниза торчали из стены жалкие обломки. Обрушился карниз.

Сармат глухо выругался. Мартын осторожно оперся ногой на один выступ, прижался к стене, нащупал второй и... рухнул в нечистоты, обдав всех брызгами.

Дружинник с зажигалкой не смог сдержать смеха — Мартын стоял по пояс в исходящей пузырями жидке, ворочал глазами и, держа ствол над головой, изрыгал такие матюги, что даже воздух посвежел. Вдруг замолчал, хитро улыбнулся и медленно побрел к колодцу, пару раз оглянувшись на отряд.

— Эх, — только и сказал Сармат и полез за ним.

Иного пути не было.

У самого колодца их ждал неприятный сюрприз. Дно ухodziло вниз, и к скобам они вышли чуть ли не по шее в дерьме. Мартын взмыл наверх и плечом выдавил люк, а за ним остальные мигом поднялись и протиснулись в небольшое помещение, куда сходились трубы.

Из подвального этажа они проникли на лестничную клетку. Ну, а потом, озверевшие от вони и налипшей грязи, они ворвались в большой зал, где меж разбитых кресел сидели заложники. Дубасовцы при виде измазанных вонючих дьяволов обомлели, а когда опомнились, то уже были покойниками — им не дали сделать ни одного выстрела и перекололи штыками прямо на сцене.

Рассыпавшись по зданию, дружинники сняли все огневые точки. Только один дубасовец успел выстрелить и задел Сармата в раненую руку. Сармат взревел, схватил его и шваркнул об окно. Толстое, все в трещинах, стекло раскололось, и дубасовец в эскorte осколков полетел вниз.

— Капут, — сказал Мартын, — можно выводить заложников.

— Заложниками займутся другие. — Сармат потрогал свой локоть. — Нет, только царапнула, — ответил он на вопросительный взгляд Мартына. — А теперь, — обратился он к собравшемуся вокруг маленькому отряду и улыбнулся, — теперь бегом к реке, иначе все решат, что мы с перепугу обосрались.

* * *

Теплая вода быстро смыла грязь. Вычистили оружие. Но с одежкой пришлось повозиться. Наконец она чуть подсохла, и они вскарабкались наверх, к мосту.

Дружинники, охранявшие подступы к нему, удивились, когда из кустов вылезли один за другим Сармат, Мартын и остальные. У старшего нашлась фляга, и пришла она весьма кстати.

Человек с котомкой на плечах подошел к мосту, долго смотрел на веселящихся бойцов, а потом, разглядев среди них Сармата, окликнул его.

— А, это ты, — сказал Сармат. — Далеко собрался?

— Не знаю. Может, и далеко.

Охрана моста уже вернулась под навес, а дружинники ушли к штабу. Мартын и Виктор оставались с Сарматом.

— Что же. — Сармат пожал плечами. — Одним труды, другим путешествия. Когда вернешься, заходи. А сейчас извини, много дел, вечером новый транспорт...

— Да, да, — скорбно покачал головой его собеседник. — Живи сегодняшним днем. А что будешь делать завтра, когда за беженцами явятся те, от кого они бегут?

— Завтра и разберусь! — сердито ответил Сармат. — Буду драться, а потом взорву мосты и уйду.

— Вот, ты тоже уйдешь. А я ухожу сейчас. На Восток. Свет идет отсюда.

— Это точно, — вмешался в разговор Мартын. — А потом свет уходит на Запад.

— Ты все сбиваешь с толку моего брата? — Незнакомец перекинул котомку на другое плечо.

— Его собьешь! — хмыкнул Мартын. — Ты бы лучше оставался с нами, каждый человек наперечет, времена трудные наступают.

— Стар я уже для ваших великих дел! Вот молодого человека еще, пожалуй, вы обратите в свою веру. Играйте в свои игры, создавайте анклав, обрастайте подданными... Тебе, брат, по душе подданные?

— Мне не нужны подданные, — медленно проговорил Сармат. — Мне нужны друзья.

— Э-э... — Человек с котомкой махнул рукой. — Сегодня друзья, завтра подданные. Там, где начинается государство, кончается человек.

— Конечно, ты предпочитаешь, чтобы кончилось государство, — насупил брови Мартын.

— А хоть бы и так!

Мартын снисходительно улыбнулся и покачал головой. Между тем человек с котомкой внимательно посмотрел на Виктора, краем уха прислушивающегося к разговору, и обратился к Сармату:

— Молодых хоть за собой не тащите! Вот, посмотри на него, он мог быть твоим сыном... Или моим, — добавил он вздохнув. — Они ведь ко всему серьезно относятся.

Не отвечая, Сармат бросил короткий взгляд на Виктора и нахмурился.

— А государственные идеи твоего дружка...

Но тут Мартын перебил незнакомца, поднял палец и назидательно сказал:

— Государство есть осуществление Божественной Идеи на земле.

— Кто тебе сказал такую глупость? — удивился собеседник.

— Это слова Гегеля.

— Козел он, твой Гегель! — С этими словами незнакомец махнул рукой и зашагал по мосту.

Мартын долго смотрел ему вслед, а потом негромко, как бы про себя, сказал:

— Если он спустится вниз по реке, то мы его не скоро увидим.

— Да, — односложно ответил Сармат, а потом нехотя добавил: — Если нам придется уходить, то мы пойдем к истокам.

— Это хорошо, — с удовлетворением сказал Мартын.

Виктор прислушивался к их разговору. Какие-то старые споры...

А вечером они снова собрались. Прикрыв дверь, Сармат перебинтовал руку. Рана была несерьезная, но он и впрямь не хотел, чтобы дружинники знали о его ранении. Иронично улыбаясь, Месроп сказал, что это он придумал создать ореол неуязвимости вокруг Сармата. Мартын ответил, что, мол, лучше ему об этом помалкивать — раз уж закрутило колесо, то пусть все будет по правилам. А то станет Сармат с их помощью могучим правителем и тогда припомнит все шуточки. А как же иначе, рассмеялся Месроп, неблагодарность — не закон истории, а врожденное свойство человека. Никогда еще возвысившиеся не платили благодарностью тем, кто их возвысил, сподвижники должны забыть, что стояли когда-то вровень. Похоже, согласился Мартын, на отстрел отработавшей ступени ракеты. Где ты видел ракеты? — спросил Месроп. В видео, где же еще. Хотя до Мора космическая программа разворачивалась серьезно. Лунная база до сих пор функционирует, только эвакуировать их незначем, да и некому. Знаю, сказал Месроп, я недавно в «Новостях» слышал, там уже третье поколение родилось, куда им назад, пусть вгрызаются в скалы, пока хватает энергии. Энергии хватит надолго, солнечные батареи... Это да, а все-таки жаль, что летать некому... Пока некому... Большая страна сможет в будущем... Не большая, а великая... Великую страну делают великие люди... Великих людей собирает великий правитель...

Виктор не вмешивался в путанный разговор. Он помогал бинтовать руку. Сармат морщился, виновато улыбался, а когда Виктор завязал концы бинта кокетливым бантиком, заявил, что урок впрок, и теперь только в самом крайнем случае, при острой необходимости, а так ни ногой...

Скептически заломив бровь, Мартын, выслушав Сармата, осмотрел повязку и одобрительно кивнул. Потом разложил карту города, и начались обычные вечерние прикидки на завтрашний день. Разобрались даже с насосами. Для этого Виктору пришлось дважды спускаться к дежурному и через спикер запрашивать сведения в горотделе. Наконец свернули карты, и Виктор слил остатки воды из ведра в чайник. Мартын полез было за канистрой, но передумал и задвинул ее подальше под скамью. Канистра обо что-то лязгнула.

— Черт, — бормотал он, — ящики здесь понапиханы.

— В горотделе напечатали воззвания, ночью патрульные расклеят, — сказал вдруг Сармат.

— Отлично, — Месроп округлил глаза, — значит, завтра начнем запись и формирование отрядов.

— Тогда уж не отрядов, а тысяч, — возразил Мартын. — И тысячных надо подобрать из старых дружинников. Каждый должен знать, что за верную службу будет награжден.

— Вотчинами и людишками, — в тон ему подхватил Месроп.

Сармат засмеялся, Мартын насупился, но не выдержал и тоже хохотнул.

— Что ж, покупая билет в прошлое, не надейся сойти на шолпути, — продолжал Месроп.

— Так уж и в прошлое? — пошевелил усами Мартын. — Так уж и не сойти?..

— Ладно вам! — вмешался Сармат. — Раз колеса завертятся, теперь или поедem в колеснице, или они нас раздавят.

— Не раздавят, — уверенно ответил Месроп. — Возница у нас — первый сорт!

— Не раздавят, — эхом отозвался Мартын. — Другое дело, что теперь их не остановить.

— Боюсь, потом тоже, — тихо сказал Сармат и, заметив недоуменные взгляды, добавил: — Ну соберем мы ораву, наведем порядок здесь, там, везде, а что дальше, куда такую силу девать?

— Эх, была бы сила, а применение найдется. — Мартын раскраснелся и возбужденно потер руки. — Да хоть потом пирамиды строй, на радость детям, или ракеты, им же на потеху. А сила...

Опять мгновенный взгляд-проблеск в сторону Месропа. Что-то здесь неладно, подумал Виктор. Они слова просто так

не скажут, плетут хитрую паутину, ок плетут, пауки веселые, только кто же муха — он или Сармат?

— Вот силы у нас как раз и нет, — мягко сказал Мартын, — но это особый разговор.

— Теперь уже все равно, — будничным голосом сказал Сармат. — Семь лет назад ворожила мне ведьма и прокляла за то, что посмеялся над ней. Быть тебе князем, говорила она, победишь всех, а потом придет победитель и тебя одолеет, а потом и его...

Он замолчал. Виктор, затаив дыхание, вслушивался в странные речи. Слова ронялись скучно, негромко, было заметно, как побледнело его лицо. Притихли Мартын с Месропом, а Сармат смотрел вдаль, но взгляд упирался в забитое фанерой окно.

— Ладно, — вздохнул он, — давайте чай пить.

После двух кружек он повеселел, а Мартын опять переглянулся с Месропом и повел свои речи:

— Тысячи три с ходу наберем. Их разместить надо, иначе через неделю разбредутся. Домой отпускать в любое время, если не дежурство, но чтоб возвращались вовремя. Старую гостиницу займем.

— Там госпиталь, — сказал Виктор.

— Нижние три этажа, а верхние пустуют. Не живут там, боятся. Нечисто, мол!

— Ну, как набьются в каждую комнату по пять бугаев, да как первача хлебнут, никакая нечисть не вылезет.

— И то верно, — согласился Месроп, — там, где люди, нечисти мало. А вот как быть с оружием?

— Кстати, — начал было Мартын, но осекся, задумчиво почесал бровь, тронул усы, — посмотри-ка, все ребята спят?

Виктор открыл дверь: дружинники спали где попало, на некоторых нарах лежали по два человека. Кто-то ворочался, соп и храп переливались из угла в угол. Один из бойцов, кажется, из новых, лежал у двери, натянув на голову лохматую тряпку.

— Чем мы вооружимся? — чуть ли не шепотом спросил Мартын, когда Виктор плотно затворил дверь, — палками? Огнестрельное оружие ни к черту не годится, старое ломается, а новое вообще еле стреляет.

— Сложные системы потихоньку разваливаются, — так же негромко вставил Месроп. — Двигатели все чаще барахлят, поломки одна за другой!

— Дрянью выпускают!

— Нет, тут что-то другое, — задумчиво протянул Месроп.

— Плевать! — яростно прошептал Мартын. — Пока наштамбуем арбалетов, да пока обучим — год пройдет, если не больше. Где я столько учителей возьму?

— М-да, генерал с безоружной армией, это даже не смешно, — пригорюнился Месроп.

— Вот именно! Только полководцем без армии будет он. — Палец указывает на Виктора. — А мы с тобой окажемся советниками правителя без армии.

— Как у вас быстро дружина превратилась в армию, — задумчиво сказал Сармат. — Полководец, советники... Вы уже и это продумали? Ну вот и посоветуйте, что делать!

— Хорошо! — Мартын, не отрывая глаз от Виктора, поднялся с места, и Виктор тоже невольно встал.

— Ты готов? — спросил торжественно Мартын. — Не говори, не отвечай, слушай. Сейчас решается наша судьба. От тебя потребуется ловкость, хитрость, быстрота, решительность — все, что есть в тебе. Ты был хорошим гонцом, ты и сейчас лучший гонец из всех. Ты пройдешь насквозь земли и города, тебя не остановят стены и люди. Ты уйдешь и вернешься, и принесешь нам силу. Ты сделаешь это любой ценой, единственное, на что не имеешь права, — умереть, ты нужен живой, живой, чтобы в случае неудачи снова пойти и снова вернуться, пока не найдешь силу...

Виктор внимательно смотрел на Мартына, а тот уставился на него своими глазами, шевелил бровями, голос его стал хриплым и ласковым...

«Он меня гипнотизирует», — подумал Виктор и с трудом удержался от улыбки, чтобы не обидеть Мартына. Однажды он попал в твердый переплет, из него пытались гипнозом вытянуть явки и коды, и гипнотизер был не чета Мартыну, настоящий шаман. Кончилось тем, что Виктор переколол своих похитителей, числом три, а гипнотизеру отдалил большие пальцы, чтобы не лез грязными ногтями в глаза. Теперь же он внимательно слушал и запоминал, что говорил Мартын. Гипноз гипнозом, пусть тешится, но дело знакомое, трубят старые трубы, он и позабыл почти о своих безумных ходах, и не жалел о них, а вот поди ты — потянуло старым, и сердце забилось быстрее, и живот втянулся, и боевой метроном в голове снова застучал...

Месроп сидел, уткнувшись носом в кулак, переводил взгляд с Виктора на Мартына и обратно, потом не выдержал, опустил кулак и коротко бросил:

— Кончай! Он все понимает.

Мартын оборвал себя на полуслове и подмигнул Виктору. Тот подмигнул в ответ и сел на скамью.

— Не рассаживайся, — строго бросил ему Месроп. — Сейчас мы с тобой выходим.

Виктор покачал головой.

— Обычно я хожу один, — как можно мягче сказал он и закончил, почти извиняясь, — я всегда хожу один.

— М-м-м, — застонал сквозь зубы Месроп, — я бы с удовольствием отпустил тебя одного, если бы знал...

— Не понял?

— По дороге объясню. И утешься тем, что хоть мы и должны принести то, не знаю что, зато знаем, куда идем.

— Карты?

— Не нужны. До Москвы доведешь, а там видно будет.

— Одежда, еда?

— Все здесь, — Месроп потащил из-под скамьи большой рюкзак, который зацепился за какой-то ящик, ругнулся, дернул.

Сармат и Мартын молча слушали их быстрый разговор. Вдруг Виктор понял, что Сармат все знает и что игра шла вокруг него. Удивительно. Трудно что ли попросить сделать ходку, две, три ходки? Вряд ли бы он отказал. Непонятно. Сармат и Мартын строго глядели на него, и он решил, что дело гораздо серьезнее, опаснее, чем он предполагает, и возможно, на карту поставлено все, и если он, Виктор, окажется битой картой, то рухнут планы Сармата. Именно Сармата, вдруг догадался Виктор, а вовсе не его хитроумных советников. Зря они крутят, подумал он, для Сармата он пошел бы... Куда?

— Так куда мы идем? — спросил он.

— Скажу в Москве.

Виктор покачал головой. Суеверным он не был, но все-таки гонцы не ходят. Разве что на тот свет.

Месроп и Сармат переглянулись. Приблизив губы к уху Виктора, Месроп шепнул: «Будапешт». Поднял сжатый кулак в прощальном приветствии и вышел. Виктор кивнул Сармату и Мартыну и последовал за ним. Через минуту внизу зацокали копыта.

— Теперь машина завертелась, и ее не остановить, — обреченно сказал Сармат.

— Не знаю, не знаю, — отозвался Мартын, — дай бог, если живыми вернутся, а что выйдет? Не знаю.

— Я знаю, — просто сказал Сармат, и оба замолчали.

А потом дверь медленно раскрылась, и в проеме возник коренастый дружинник.

— Что случилось? — вскрикнул Мартын. — Тревога?

— Тре-во-га! — передразнил его дружинник, кривя губы. — Дружиннички божьей матери! Вас, как кур сонных, передушить можно.

— Кто же это нас передушит, не ты ли? — с грозным весельем спросил Сармат.

— Могу и я. Третий день ночью в вашем хлеву, и хоть бы спросили — кто такой, откуда? Раз повязка — значит свой. Эх вы!

— Спасибо за науку! Присаживайся, — Сармат указал на свободный табурет. Незнакомец прошел в комнату, сел, взял стакан, понюхал и поставил на место.

— Весь самогон выжрали?

— Ближе к делу, любезный, — ледяным тоном сказал Мартын и, не вставая со скамьи, уперся ногой в стену, чтобы непрошенный гость не выскочил из своего угла.

Тот, однако, не собирался никуда выскакивать. Обвел мутными глазами комнату, почесал неопрятную растительность на щеке и со вздохом сказал:

— Бедно живете. Так и быть, помогу вашей бедности. Мне уйму денег Дубасов обещал, за каждую голову в отдельности.

— Много голов собирался настричь? — мрачно поинтересовался Сармат, а рука Мартына легла на нож.

— Да сколько есть, все бы и взял, — нагло ответил гость и подмигнул Мартыну, — а ты не елозь, я с миром пришел.

— С миром? — переспросил Мартын, опустил ногу, встал и общупал лжедружинника. — Дальше что?

— Так вот я и говорю — с миром пришел. Полежал здесь, посмотрел, послушал. Вижу, люди хорошие.

— И много чего услышал? — ласково спросил Мартын.

— А ничего, — ответил гость, — ничего секретного. Дружиннички у вас говорливые, порядку нет. Я бы у вас порядок навел, без порядка нельзя. Вот я и решил, что вы хорошие люди, и теперь не буду вас убивать.

— Даже так? — восхитился Сармат. — Вот спасибо!

— Да уж пожалуйста! Живите даром! — с этими словами он полез под скамью.

Мартын схватил его за ногу, а Сармат на всякий случай взял нож. Гость извлек большой зеленый ящик и, крикнув, водрузил его на стол.

— Что это? — спросил Мартын.

— Это смерть ваша, — медовым голосом ответил гость и скинул крышку с защелок. В ящике лежала ржавая авиабомба с огрызками стабилизаторов, к ней был примотан блестящий цилиндр, к которому от электронных часов тянулись два проводочка.

— Еще полчаса и — ах! — сладко зажмурился незнакомец. — Только я передумал на ваших головах богатеть. По нравились вы мне.

Он осторожно оборвал провода и вынул часы.

— Идут, — расплылся он в улыбке и маленькими глазками поглядел на заледеневших Сармата и Мартына.

Первым опомнился Сармат.

— Какой все-таки негодяй этот Дубасов!

— Истинный негодяй, — согласился гость. — Все мы немного негодяи, но назначать цену за голову — это варварство какое-то. Я всякое в жизни повидал...

— Простите, как вас величать? — стряхнув оцепенение, спросил Мартын.

— Николай Андреевич Пименов, — кротко представился гость. — Только кто же сейчас по отчеству? Про фамилии позабыли, не то что по отчеству. Николай — так и зовите. Можно Колей — если хотите век мой укоротить. — Он захихикал.

— И давно ящик здесь? — Сармат ткнул пальцем под скамью.

— Да вот второго дня как пристроил, так и лежит себе. Нет, порядок нужен, хорошие вы люди, а порядка нет.

Сармат долгим тяжелым взглядом смерил Николая, оглядел помятую одежду, сапоги со шнуровкой, не очень уместные в это сухое жаркое лето, кепку с широким козырьком, в тени которой прятались бегающие глазки.

— Поможешь Дубасова найти? — спросил он напрямик.

— А чего искать, — осклабился Николай, — там, внизу, у дверей... — А когда Мартын и Сармат вскочили, добавил: В мешочке головка его лежит. Несчастный случай. Ну, а я по-добрал. Может, думаю, пригодится.

9

Несмотря на комендантский час, площадь была забита народом. Пара фонарей еле освещала этот табор. Спали на мешках, узлах, чемоданах, плакал ребенок. Сгорбленная фигура бродила между лежащими и всматривалась, разыскивая кого-то. У шлагбаума, перекрывшего улицу, дремал патрульный. Второй сидел на обочине и молча смотрел на Виктора. Взял аусвайсы, повертел, не открывая, в руках и вернул. Они нырнули под трубу и осторожно, чтобы не наступить на лежащих, пошли к темной коробке вокзала.

В здании царил кошмар. В нос сразу ударил резкий аммиачный запах несвежих пеленок, плакал уже не один ребенок, а десяток: сюда на ночь пускали только с грудными, да и то если на руках было направление с подтверждением о выезде. На веревках, протянутых меж лестниц, сушились детские тряпки, под самыми лестницами на газовых плитках кипело, булькало молоко, пустые баллончики забили все ниши.

В привокзальной дежурке они сдали коней. Дружинник на вахте предложил чаю. Месроп отказался, а Виктор хлебнул немного кипяточку.

Минут пятнадцать Месроп пытался втолковать уполномоченному, что они должны очень быстро уехать в Москву, желательно прямо сейчас, а уполномоченный слушал его с открытым ртом, потом вдруг упал навзничь на топчан и заржал, как сумасшедший.

Отсмеявшись, он утер слезы, махнул рукой на патрульного, возникшего в дверях каморки, и сказал, что давно так не смеялся, и знай он, что у Сармата в дружине такие шутники, давно бы записался, только пусть его больше не смешат, а то детей разбудят. Выбравшись из-за пультавого стола, он подвел Месропа к стене и, тыча пальцем в разноцветные огоньки, со вкусом принялся объяснять, где какой поезд застрял и по какой причине, когда ждать ближайшего («в лучшем случае послезавтра, там устрою местечко на крыше»), а на вопрос Месропа, как насчет ооновских рейсов, уполномоченный по-

мрачнел и предложил валить отсюда в задницу со всеми спецрейсами, вместе взятыми, тем более что их уже полгода как отменили. Чуть не вытолкав Месропа и Виктора из помещения и бросив вдогонку злобный взгляд, уполномоченный закрыл дверь.

И тут Виктор понял, что настал его час. Всю дорогу до вокзала и на вокзале он с большим интересом следил за действиями Месропа, уверенно взявшего на себя руководство экспедицией. Забавляло, что с самого начала он все делал не так, но Виктор до поры не вмешивался, ожидая, что из этого выйдет. Естественно, ничего толкового не вышло.

Он молча взял Месропа за лямку рюкзака и потянул за собой. Привел обратно в дежурку и, не обращая внимания на любопытствующих дружинников, принялся методично потрошить рюкзак.

Стволы и заряды он отдал дежурному под расписку и велел срочно вернуть в штаб. Банки выставил на стол и вскрыл парочку. Через несколько секунд, когда над ними появился горячий пар, дружинники навалились на еду. Одежду критически осмотрел и оставил.

Брови Месропа поднимались все выше и выше, но он не вмешивался в разор дорожных запасов. Напоследок Виктор оглядел два хороших охотничьих ножа, с сожалением вздохнул и тоже отдал дежурному. По тому, как алчно блеснули его глаза, Виктор понял, что до штаба ножи не дойдут. Расписки брать, однако, не стал.

На улице Месроп долго сопел, покашливал и лишь после того, как они прошли за вокзал и зашагали по шпалам, негромко спросил, не собирается ли Виктор идти в Москву пешком?

Виктор так же тихо ответил, что каждый должен делать свое дело. А то он знает больших любителей учить гонцов ходкам.

Минуты две или три Месроп молчал, потом засмеялся, и Виктор шикнул на него — не хватало именно сейчас привлечь к себе внимание.

Когда они вышли из Саратова и начались переходы между пригородными станциями, Виктор объяснил, почему нельзя брать с собой оружие, — первый же патруль задержит для выяснения и выяснять будет не день и не два, будут держать в изоляторе, пока о них не вспомнят, а на аусвайсы за пределами города всем плевать — свои законы, свои проходные документы. Еду брать с собой не надо, лишняя тяжесть, а им

придется вскоре быстро-быстро бежать, если хотят к вечеру добраться до Москвы.

— Ты что, — не выдержал Месроп и повысил голос, — так бегом и собираешься чесать всю дорогу?

Виктор разглядел в сереющем утреннем воздухе его лицо, хмыкнул раз, хмыкнул два и уселся на рельс. Месроп сел рядом и, закряхтев, осторожно вытянул ноги.

— Как, по-твоему, доставляют грузы в Саратов? — спросил Виктор.

Пожатие плеч в ответ.

— Подумай. Что будет с грузовыми поездами, если их разгрузят в городе? Какая давка начнется, и сколько людей стопчут?

Месроп хлопнул себя по лбу и уважительно поднял большой палец. Любой гонец, даже самый лопоухий, знал, что грузовые составы разгружают на ближайших полустанках, и хотя после страшных колбасных бунтов прошло много лет, а продовольствием фермеры завалили все города, предосторожность была нелишней. Транзитные грузы иногда подвергались налетам лупил, для них самой густой радостью было свалить награбленные видаки, фризеры, экраны и прочую технику в большую кучу, поджечь и плясать вокруг костра свои дикие, страшные пляски.

К перегрузочной вышли засветло. Гудели краны, с тяжелым шелестом ходили над станцией большегрузные платформы, сдержанно рычали трайлерные многосекционные сцепки, посвистывали толкачи...

Станцию они обошли степью, по большой дуге. На возвышенностях пригибались, а ближе к путям Виктор заставил Месропа лечь, и они проползли оставшуюся сотню метров.

Приложив ухо к рельсу, Виктор замер, удовлетворенно кивнул Месропу и отполз назад.

— Как только я встану, — сказал он, — сразу за мной. Цепляйся за скобы и лезь вверх. Прижмись к кромке и не дергайся.

— А если он не в Москву?

— Там видно будет!

Рельсы загудели...

Часть вторая

**АДЕПТЫ
НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО
БОГА**

В Москву они прибыли на третий день. Последний прогон шли в полупустой электричке, вместе с реставраторами — усталыми, грязными, вымазанными краской и кисло пахнущими строительным клеем. Некоторые лежали на скамьях, свесив ноги в проход. Напротив Виктора привалился к окну грузный реставратор в спецовке с эмблемой ООН. Достал флягу, глотнул, выкатил глаза и затаил дыхание. Протянул Виктору. Тот мотнул головой. Месроп, не дожидаясь приглашения, тоже покачал головой и смежил веки — беготня на полустанках и прыжки с поезда на поезд, жажда и голод измотали его. Чернокожий реставратор не обиделся на отказ, могучим глотком опорожнил флягу и снова замер, вытаращив глаза.

На Павелецком было чисто и тихо. Через Москву давно уже не проходили транзитные потоки, центр опустел. Город обживался медленно.

По Кольцу одна за другой прошли на брейшем три открытые платформы. За ними болтался шлейф разноцветных лент. Виктору и Месропу замахали руками, что-то весело прокричала девица в огромной шляпе, мигнули сине-зеленые бортовые огни, и платформы, развернувшись над мостом, ушли в

сторону Центра, покачиваясь вверх-вниз, словно плыли по волнам.

Виктор проводил их задумчивым взглядом и почесал щетину на подбородке. Надо пересидеть надвигающуюся ночь. До кунцевского убежища идти и идти, только на попутных моторах два часа. Да и вести туда Месропа не следовало. Все-таки убежище! Мало ли как жизнь крутанется.

В нем пробуждались осторожность и недоверчивость гонца.

Неподалеку, на улице с чудным именем Щипок, находится районный флэт. Туда тем более нельзя вести Месропа. Пусть подождет, пока он сбегает за пропуском в гостевой дом.

Сразу за вокзалом они встретили харчевню. Виктор попросил Месропа посидеть здесь немного и дожждаться его. Месропу это явно не понравилось, но он смолчал. Виктор небрежно кинул хозяину пару чонов и велел поить и кормить гостя, пока тот не скажет «хватит». Месроп оживился, а огромный керамический запотевший жбан с пивом привел его в восторг. «Пиво свежее», — сказал хозяин. Месроп замычал и припал, не дожидаясь стакана, к жбану. Виктор завистливо сглотнул, но времени не было, и он, взяв со стойки холодный гамбургер, вышел. Надо было торопиться. Полгода назад за Кольдом пошаливали. Кто знает, как там сейчас!

Районный флэт был в пяти минутах ходьбы. Старые дома еще на консервации, изопленка местами продрана, а некоторые дыры заново облиты пластиком.

Вот и нужный дом. Пятиэтажная развалина черт знает каких времен выглядела сущей руиной — ее даже не поставили на консервацию. На месте дверей чернели проломы, заваленные до половины хламом и мусором, вместо окон — щиты. Обреченный домишко. Казалось, только случай спасает его от неумолимой бульдозерной десницы реставраторов.

Виктор дважды обошел дом, посидел на полусгнившей скамейке в жалком скверике и, убедившись, что никого поблизости нет, перебрался через мусор и медленно поднялся по лестнице в крошечной темноте.

На четвертом этаже нащупал уцелевшую дверь, в ней торчала рукоятка звонка. Дернул, потом пнул в филенку ногой. Минуту или две ничего не происходило. Он знал, что сейчас его разглядывают, и помахал приветственно рукой в сторону соседней квартиры, из выломанной двери которой дул свирепый сквозняк. По крайней мере, полгода назад там к потолку была прикручена мини-камера.

Замок тихо щелкнул. Виктор толкнул дверь и вошел в неосвещенный предбанник. После того как он на ощупь задвинул тяжелый болт и поставил замок на стопор, загорелась потолочная лампочка.

Ничто не изменилось. Голые стены, несколько гвоздей, вбитых в деревянную планку, на них висят старая, трухлявая телогрейка, драный плащ, кепка с большим козырьком и зонт с изогнутой ручкой. Виктор сунул руку в карман плаща и достал плоский ключ. Дверь в конце коридора распахнулась, только он дотронулся до замка, и на пороге его встретили объятия.

— Заходи, заходи, блудный сын, — сказал, наконец отпустив его, Алексей, больше известный среди гонцов как Дьякон.

Попав из загаженной лестничной клетки в роскошную обстановку флэта, Виктор на миг зажмурился. Так знакомо и так приятно вспомнить. Возвращаешься после густой ходки, не понимая, жив ты или уже нет. После беготни и мочилова устал до тошноты. И вот ты сначала влезает в большую квадратную ванну, розовую или голубую, а на одном из флэтов даже, говорят, хрустальная, моешься хорошим, пахнущим цветами мылом, а потом в пушистом купальном халате выходишь и падаешь в роскошное, обитое настоящей кожей кресло, в большом фризере ждет банка, нет две, три банки пива, закуска всякая, и, поглядывая на обитые зеленым шелком стены, на гнутые ножки музейной мебели, ведешь неспешный разговор с кем-нибудь из гонцов, оказавшихся в это время здесь, либо связываешься с дежурным и узнаешь, нет ли для тебя чего, а если и есть, то пусть подождут денек-другой, а то и неделку, пока придешь в себя и залижешь раны.

А потом можно пошарить на полках и поставить, скажем, сериал о похождениях Девы и Единорога, который не доглядел в прошлый раз. Ну, а через день ты как огурчик. Даже если никто не ввалился из гонцов с дырками в шкуре и в дымящейся одежде, долго занимать флэт неудобно. Бери пропуск в любой гостевой дом и живи там, время от времени расслабляясь на веселых площадках, пока не надоеет. А когда надоеет, иди в новую ходку...

— Давненько тебя не видел, — прогудел Дьякон, развалившись в кресле. — Поговаривали, что ты к бобику ходил.

— Кто это поговаривал, — сердито осведомился Виктор, — с того света, что ли, почта была?

Дьякон хохотнул и откинул большую голову на спинку кресла. Густые, длинные, с проседью волосы раскинулись по плечам. Черная, наглухо, до шеи застегнутая длиннополая одежда не скрывала чудовищных бицепсов, а могучие лапы могли согнуть и не раз сгибали в кольцо метательную спицу из титана. Виктор несколько раз встречал его на московских флэтах, и всегда Дьякон был при большом кресте, висевшем на груди. Толстая цепь хорошо начищена, крест тоже блестит.

Крест был скорее похож на четырехлучевую звезду, чем на православный или католический. Виктор знал, что к духовенству Дьякон не имел отношения, хотя на кличку отзывался охотно и обиды не выказывал, иначе, конечно, перестали бы так звать.

Виктор присел к столу, взял рассеянно банку пива, вскрыл, глотнул раз, два и не заметил, как выкушал три банки под веселое гудение Дьякона. Тот рассказывал последние сплетни, выдал сногшибательную новость — пришел гонец аж из Владивостока, и не просто гонец, а баба! Такого еще не видали, и на памяти ни у кого нет. Геннадий, ну, ты его знаешь, из новеньких, начал кричать про традиции, что, если так дело пойдет, скоро грудные будут ходить.

— Это потому как новичок, — сказал Виктор, вызывая диспетчера. Диспетчер несколько секунд смотрел молча, как бы припоминая, потом покачал головой и пробормотал что-то вроде «вот кстати».

С гостевым домом уладилось мгновенно. Пропуск на двоих тут же выполз из щели распечатки. Обязательные расспросы о самочувствии, здоровье и прочих важных предметах диспетчер вдруг оборвал на полуслове и попросил срочно зайти в центральную контору, не сейчас, конечно, но хорошо бы завтра днем. Странно! Обычно так не просят. Намекают, ходят вокруг да около, а тут чуть ли не приказ! Кто может приказывать гонцу? Никто. Виктор хотел было отключить экран, чтоб дежурный несколько пришел в чувство, но передумал. За полгода многое могло измениться, вон, женщины-гонцы появились...

После разговора с диспетчером Виктор поднялся.

— Уходишь? — спросил удивленно Дьякон. — Я думал, посидим, поболтаем. Ну и то верно, может, придет кто. И я потихоньку отвалю. Пошли, провожу.

Оставив ключ в кармане плаща, они выключили свет, красная точка у двери несколько раз мигнула и погасла —

флэт на контроле. Виктор медленно спускался по лестнице и недоумевал. Нет, определенно что-то произошло за время его отсутствия. Чтобы гонцы выходили на улицу вместе... Так, глядишь, Дьякон его и в гости пригласит!

Виктор вдруг обнаружил, что эта мысль неприятных эмоций не вызвала. Раньше бы он с холодной улыбкой извинился и исчез, дистанцию он держал строго, от людей всегда ждал неприятностей и уходил, как мог. От людей и от неприятностей. Но саратовские похождения изменили его. Вот говорил с Дьяконом, и не было в нем готовности в любой момент встать и раствориться в душной московской ночи. Он даже испытал мгновенный соблазн рассказать о подвигах дружины, о Сармате, но передумал. Насильно гонца не держат: не хочешь или не можешь, предупреди диспетчера, что сошел, и привет. Никто кислого слова не скажет. Да и не собирается он сходить. Там, в Саратове, просто отодвинул на третий, четвертый план, но сейчас вдруг высоко запели трубы, захотелось взять новую ходку и — вперед, напролом и в обход, превращая каждый километр в победу тела и духа.

Потом он вспомнил Месропа и улыбнулся в темноте. Они уже подходили к харчевне, и Виктор сказал, что у него здесь встреча. Дьякон склонился к низкому, почти у самого асфальта, окну и озабоченно сказал:

— Тут опять месиловка!

В окне метались тени, а потом цветное непрозрачное стекло треснуло.

Виктор ругнул себя за то, что не взял оружия. С патрульными, конечно, шутки плохи, но без хорошего ствола или найфа в городе делать нечего. Месропа, наверно, сейчас в капусту шинкуют...

Он распахнул ногой дверь, пригнулся. Над головой пролетело нечто тяжелое, деревянное и ударило Дьякона по колену.

— У-е! — взревел Дьякон.

В следующий миг Виктора внесло в харчевню, а Дьякон, ворвавшись за ним, вскочил на стол и страшным голосом возопил:

— Ноги поотрываю, протобестии!

Хозяин был привязан к стойке вниз головой, с порезов на руках стекала кровь, и бледное, безжизненное лицо почти касалось черной лужи.

Месропа подвесили за ноги к колесу, висевшему на ржавых цепях под потолком. Судя по брани, которую он изрыгал, лупилы еще не начали свой страшный хоровод. Дюжина

полуголых, тяжело дышавших мужчин и женщин щетинились на Виктора и Дьякона длинными тесаками.

Они зашипели, заскрежетали зубами и стали медленно окружать. Один бросился на Виктора, но, получив ногой в живот, отлетел в угол и заскулил. Стая завывала жуткими головами, Виктор понял, что сейчас все сразу кинутся — конец, не отбиться, даже если выхватит у кого лезвие.

— Вот вы как, — снова закричал Дьякон, — без покаяния сдохнете, сучьи потроха!

На миг лупилы замерли и повернули головы к Дьякону. Виктор ухватился за ножку стула, но тут Дьякон вдруг сорвал с цепи крест и тот распался веером на десяток тонких вертушек. Когда первая вертушка врезалась в горло жожаку, последняя уже была в воздухе, и толстощекая бабища не успела поднять тесак, как ей снесло два пальца.

Добить уцелевших было делом минуты. А потом подвешенный Месроп начал блевать с высоты.

— Ужасно, — сказал он, отдышавшись, после того как его осторожно сняли, — конечно, это бойня, но и они не люди... Волки!

— Лупилы, — сказал, как плюнул, Дьякон, обтер вертушки, собрал их вместе и повесил на цепь.

Они оттащили тела к стене. Виктор подошел к хозяину, глянул и не стал трогать. Дьякон хотел вызвать патруль, но экран был разбит.

— Вокзал рядом, — сказал Виктор, — только мне неохота связаться с патрулем.

— Ладно, — кивнул Дьякон, — ты иди, а я тут присмотрю...

Месроп пришел в себя и, трясаясь как от озноба, заявил, что в гробу видал Москву с такими шуточками и что будь здесь дружина — вся эта погань разбежится по лесам. Схватил Дьякона за рукав и потребовал, чтобы тот немедленно двигал отсюда в Саратов, а тут вообще жить нельзя...

Дьякон отцепил от себя Месропа и недоуменно глянул на Виктора. Виктор сделал успокаивающий жест ладонью и со словами «нам пора» вытолкал Месропа за порог.

На улице капал мелкий дождь, беззвучно пыхали зарницы.

1

В номере Месроп повеселел. Ругнул было Москву, но тут Виктор сказал ему, что и в Саратове душили не лучше, просто ему, Месропу, надо бы почаще выезжать на облавы, а то стратегов много, а ручками работать некому.

Месроп поворчал, огрызнулся, потом махнул рукой и пошел в ванную. Их поместили в хорошем трехкомнатном номере, правда, это стоило Виктору чона, вложенного в согнутый пополам пропуск.

Минут через десять Месроп вышел красный, чистый и благодушный. Старую одежду выбросил, новая как раз и пригодилась. В комбинезоне и зеленой пятнистой рубашке он выглядел бы не очень уместно среди дорогой мебели, картин и ковров.

— Ну что, — спросил Месроп, — будем спать?

— Нет, будем есть.

В большом фризере они нашли банку с тамбовским окороком, малиновый компот, упаковку рокфора и, к великой радости Виктора, дюжину банок пива. Месроп наотрез отказался от пива и даже немного побледнел. Видать, чуток перепил в харчевне. Есть тоже не стал.

Виктор отрезал добрый ломоть мяса, ущипнул зеленой мякоти сыра и, прихлебывая пиво, вытянул ноги.

Месроп дремал, уткнувшись подбородком в кулак. Между глотками Виктор посматривал на него и думал, что напарник совсем раскис. Саратовская жизнь вдруг подернулась легким туманом. Отдохнул, отвлекся от дел, а теперь снова начнется привычная круговерть. Да, но Ксения... В последнее время он вспоминал ее все чаще и чаще. Досадовал на себя, тем более что перед отъездом в Москву у него вроде бы притиралась втулочка к симпатичной брюнетке, сестре дружинника Бориса. Она частенько забегала к брату, вот и познакомились. Дальше мелких поцелуйчиков и легкого обжима дело пока не шло, и не сердитые взгляды Бориса мешали, а Ксения... С какой бы женщиной он ни говорил, тут же вспоминал ее, сбивался, нес околесицу. Приворожила, наверно.

— Наелся? — вывел его из раздумий голос Месропа. — Тогда поговорим.

Виктор посмотрел на него. Месроп подобрался, исчезла вялость, глаза заблестели, а нижнюю губу он чуть выпятил вперед — таким его можно было видеть над оперативным раскладом: вот он нависает над картой, минута, другая и — пальцем в то место, откуда ждать очередной каверзы. А потом уже Мартын продумывает, кого куда послать, да ругается с Сарматом из-за людей — просит сто, а получает десять.

— Надеюсь, понимаешь, — продолжал Месроп, — что главный — ты! С меня толку мало. Героические позы не в счет. До Москвы, может, и дополз бы, теряя конечности, но дальше твой ход. Не спеши, продумай все, а потом — вперед. Без страха...

— И без гипноза, — вставил Виктор. — Гипнотизер из тебя! Я же выпил, значит, хрен сработает.

— Да? — удивился Месроп. — Тогда не буду.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись. Месроп оборвал смех и серьезно сказал:

— А ты, юноша, далеко не валенок. Ох повезло, что ты с нами. Не зря Мартын тебя в полководцы назначил.

Виктор хмыкнул. Начались знакомые песни. Сейчас его на подвиги будет звать.

Но Месроп молча рассматривал свои ладони. Вдохнул, прикрыл глаза.

— Что же ты не спросил, зачем мы идем в... Ну, куда надо. Неинтересно?

— Я спрашивал, ты не ответил.

— Да, верно. Это я ошибся, надо было все сразу рассказать. Только в Саратове не хотелось, а потом как-то времени не было.

— Зато сейчас есть.

Острый взгляд, кивок на дверь.

Они вышли в коридор. Никого. Ковровая дорожка мягко уходила вдаль и скрывалась за изгибом стены. Гостевой дом стоял почти пустой. Спустившись на два этажа, они вышли в большой холл. У стеклянных дверей дремал швейцар, а рядом, на диване, пристроились двое патрульных. Один спал, положив голову на карабин, второй смотрел видео. Звук был отключен, по экрану метались, размахивая мечами, не то индзя, не то монахи, кто-то прыгал, как заводной, споро орудуя при этом боевым веером.

Бар работал. У стойки две девицы в раздутых баллонных штанах оглядели Виктора и Месропа, но интереса не проявили. Взяв по чашечке кофе и тарелку с хрустами, они отошли к окну.

Месроп отпил глоток и скривился.

— Отрава! Лучше бы коньяку взяли.

Виктор молча вернулся к стойке, выгреб из кармана ворох бумажек и показал на бутылку армянского. Бармен иронично поднял бровь и начал складывать бумажку к бумажке. Закончив, пододвинул стопку к Виктору и заявил, что здесь в лучшем случае на полрюмки. Может предложить водку или, если туго с деньгами, бесплатное пиво.

Не отвечая, Виктор сгреб бумажки и аккуратно опустил их в мусорный стоик. Девицы оживились. А когда он достал чон и кинул на прилавок, они расплылись в обещающих все улыбках. Бутылка была мгновенно открыта, невесть откуда появился серебряный поднос с двумя тонкого стекла бокалами, и бармен сам отнес его к столику.

Виктор отошел от стойки, услышав за спиной презрительный шепот: «Бабкины серьги толкнул, гуляет на единственный».

Подняв бокал, Виктор понюхал коньяк. Пахло розами. Сделал маленький глоток — приятно, но очень крепко. На пиво густо ляжет, лучше не пить. Ну а Месроп пригубил, одобительно причмокнул и выцедил бокал.

— Что ты слышал о неонеистах? — внезапно спросил он.

Виктор пожал плечами.

— Так я и знал. — Месроп плеснул себе еще, показал на бокал Виктора, тот покачал головой. — Тогда с них и начнем!

Но начать не удалось. Одна из девиц подошла и молча села Месропу на колени. Вторая от стойки наблюдала за ее действиями. Бармен притворился, что ничего не видит, и протирал рукавом зеркало. Месроп меланхолично похлопал ее ниже талии и как ни в чем не бывало сказал Виктору:

— В прошлом году мне случайно попался справочник по конфессиям, очень любопытная, доложу тебе, статистика. По многим регионам сведения, конечно, приблизительные, но тенденция прослеживается четко...

От такого откровенного небрежения у девицы даже челюсть отвисла. Она поерзала ягодицами, но Месроп, подмигнув Виктору, начал сыпать числами, терминами, и тогда она, возмущенно фыркнув, поднялась и ушла, а за ней потянулась и подруга.

— Уф! — выдохнул Месроп. — Еще немного, и я бы поволок ее в номер или разложил прямо здесь. Ладно, проехали. Так о чем это я? Да, понимаешь, традиционные религии распадаются на секты, секты возникают, как грибы, и так же быстро вянут. Но это пузырится вода на поверхности, а что творится в глубине, какие сильные течения поднимают ил и подмывают берега — никто не знает.

Все эти материи Виктору были неинтересны. Ему несколько раз приходилось общаться со священниками, однажды даже провел ночь в полузатопленном подвале с фанатичной старухой-проповедницей, она что-то иступленно втолковывала оказавшимся в западне, но Виктор так и не понял — что. Иногда ему казалось, что кто-то могучий тайно покровительствует ему, но думать об этом не хотелось, чтобы нечаянной мыслью не обидеть Покровителя, если он все-таки есть.

— ...Зреет новая религия, — продолжал между тем Месроп, — и мы ее не можем разглядеть. Я имею в виду не художочную секту, а кондовую мировую религию со всеми онерами. Вообще-то возникновение новой религии подобно вспышке молнии. Тучи все собираются, ходят кругами, громоыхивает где-то, но тем не менее удар всегда неожидан, вспышка хоть на миг, да ослепляет.

— Вспышка? — вежливо переспросил Виктор и прикрыл ладонью рот, подавляя зевок.

— Да, именно! Не всегда нужны новые чудеса, достаточно нового взгляда на мир. Возникает разность потенциалов — вжик! — и люди готовы принять новых богов.

— Ага, — догадался Виктор, и сонливость как рукой сняло, — так мы идем к сектантам?

Это в корне меняло дело. Если бы в Саратове он узнал об этом, то посоветовал бы не лезть, а если очень зудит, то без него. С религиозными фанатиками шутки плохи, они сначала режут, а потом спрашивают, кто такой и зачем пришел.

— Почти так, — кивнул Месроп, — но только почти.

— И каким же богам они поклоняются? — криво улыбнулся Виктор.

Месроп медленно налил себе коньяку, осуждающе посмотрел на почти полный бокал Виктора, глотнул, провел рукой по животу.

— Каким богам? — переспросил он. — А никаким.

Виктор спокойно ждал продолжения.

— Я не шучу, — сказал Месроп. — Неодеисты поклоняются истинно несуществующему богу.

— Атеисты, что ли? — удивился Виктор.

— Гораздо хитрее, дружок, — Месроп наставительно поднял палец, — гораздо хитрее! Атеисты отвергают идею божества вообще. А неодеисты поклоняются несуществующему богу.

— Но для них-то он существует?

— Нет! В том весь выверт! Они знают, что он не существует и поклоняются его несуществованию. Понимаешь?

— Ничего не понимаю, — честно сказал Виктор.

— Да и я, знаешь, не вполне, — признался Месроп. — Что-то ухватываю, но в целом не воспринимаю. Я смотрел их шесть доказательств небытия божьего, — туманно и сумбурно, как и положено любой респектабельной теологии. Истинно несуществующий бог неуязвим, поскольку недеятелен, бессилен и ничего не знает. Вот откуда у них начинаются забавные выводы. Идея всемогущего бога предполагает бессилие человека, отсутствие идеи бога — этический хаос и развал. А вот идея истинно несуществующего бога должна делать человека всемогущим.

— Почему — истинно? — спросил Виктор.

— Не знаю. Может, предполагается и неистинное несуществование.

Виктору показалось, что он ухватился за ниточку здравого смысла.

— Погоди. Но тогда получается, что неистинно несуществующий и есть истинно существующий?

— Получается так. Но именно это они отвергают.

— Почему?

— Не знаю, — Месроп тихо засмеялся. — Наверно, им не нравится идея существования бога. Наверно, они сами хотят быть богами. Каждый по отдельности и вместе взятые. Я отследил влияния некоторых экзотических культов...

— Ничего не понимаю, — перебил его Виктор. — Так они верят в бога или нет? Да или нет?

— Верят, но не в бога, а в идею его несуществования.

— Так я же говорю — атеисты!

— Круг замкнулся! — торжественно провозгласил Месроп. — Я тебе уже объяснил, что нет.

Виктору показалось, что Месроп уже пьян, но, несмотря на раскрасневшиеся щеки и немного замедленную речь, говорил он связно. Показалось, как тогда в Саратове, что опять плетутся хитрые речи и подталкивают его к определенным словам и действиям.

— Что, думаешь, опять кругами хожу? — неожиданно трезвым голосом спросил Месроп. — Мартына, признайся, вспомнил?

— Вспо-омнил, — протянул Виктор.

— Правильно сделал. Так вот, мы идем... — Месроп замолчал, огляделся, но никого не было, а бармен, поначалу прислушивающийся к их разговору, вскоре ушел. — Мы идем к ним.

— К Мартыну?

— Смеешься? Нет, мы идем... — он понизил голос, — в Будапешт, к неодеистам.

«Ты пойдешь и принесешь нам силу», — вспомнил Виктор и похолодел. От великих замыслов у Мартына и Месропа сдвинулось в голове. Если уж они ищут силу у каких-то сектантов... эге-ге, тоже мне, отцы-основатели...

— Ну хорошо, — успокаивающе сказал он вслух, — пойдём спать, а завтра поговорим.

— Завтра мы уже будем далеко отсюда.

«Вот это вряд ли», — усмехнулся про себя Виктор, но не стал спорить, а только спросил:

— К чему такая спешка?

— А к тому, — тихим шепотом сказал Месроп, и Виктору пришлось наклониться, чтобы услышать, — к тому, что камень, брошенный вверх, рано или поздно упадет вниз, и чтобы он не разбил наши головы, надо строить дом с крепкой крышей. Они овладели силой, и сила эта должна принадлежать нам, пока не началась большая охота.

— Так мы должны отобрать? Или украсть?

— Ничего подобного! Они с радостью научат нас почти всему, что могут сами. Скоро они возвестят миру, каким образом можно быстро и просто стать почти всемогущим.

— Слишком много «почти»...

— Да, — согласился Месроп. — Потому что я не вполне уверен... Но мы должны спешить. У нас две или три недели, а потом это станет известно всем, а значит, пользы не будет никому.

— Что это за сила? — спросил Виктор.

— Трудно объяснить. Раньше бы сказали — волшебство, магия, чертовщина, словом. Сейчас называется как-то по-хитрому, но суть не меняется. Представь себе, что все чудеса, которыми распоряжаются герои видеосериалов, воплотятся. И представь, что они окажутся в наших руках.

— В твоих?

— В наших, голубчик, в наших. Одному такая сила не по плечу, здесь неопеисты ошибаются в своем рвении сделать каждого богом. Ты, я, Мартын, Сармат... И даже не нам, зачем нам самим, когда можно создать непобедимую дружину?

— Ах, вот оно что!.. — Виктор внимательно посмотрел на Месропа.

Тот уже поплыл. Бутылка была допита, чувствовалось, что держится и говорит связно с большим трудом.

— Спать, спать, — сказал Месроп и, встав, покачнулся.

Виктор поддержал его, и они тихонечко, «чтоб не расплескать» — пролепетал Месроп, пошли к себе в номер. На лестнице Месроп пару раз порывался сесть на ступени, но Виктор все-таки дотащил его к кровати.

Уложив Месропа, он несколько минут сидел и смотрел, как тот шевелит губами и дергает пальцами, выводя носом рулады. Потом прошел к себе и лег. В таких авантюрах он еще не бывал. Тем интересней. С этой мыслью и заснул.

2

У входа в старый красный дом на Тверской Виктор, как всегда после ходки, помахал всаднику на постаменте, что стоял напротив. Некоторые молодые гонцы верили, что это их покровитель.

В коридорах, залах, переходах и даже на лестницах стояли, сидели и протискивались люди. После тихой улицы оби-

лие народа настораживало. Он постоял минуту, встраиваясь, и пошел знакомым маршрутом. Здесь обретались ооновские службы, где-то в недрах сидел доктор Мальстрем — весьма важная фигура, добраться до которой хотели многие, но удавалось не всякому. Пройти кордон подкомиссий, предварительных слушаний и кредитных экспертов без хорошо заряженного чонами проводника мало кому по силам. Впрочем, если дело было стоящим, то скользящие по коридорам юркие клерки, готовые провести куда угодно, становились необычайно предупредительными, наотрез отказывались от уместного гонорара и вели толковых людей с ценными идеями чуть ли не напрямиком к всевластному доктору. А когда счастливицу удавалось заинтересовать или убедить доктора, то перед ним открывались кредиты и выход на ооновские ресурсы.

На третьем этаже людей немного, здесь помещались технические и вспомогательные службы, в коридорах на диванах и в креслах отдыхали неудачники, измотанные пустой бегом. Они даже спали здесь, добиваясь кредитов или помощи. Дня за три-четыре любое дело решалось, а если хватало терпения и настойчивости, то и самое безнадежное — настырность клиента была гарантом его деловитости.

Многие двери всегда закрыты. Таблички: «Теплотрассы», «Ремонтное бюро», «Сантехник-аншеф» не вызывали интереса даже у самых пронырливых визитеров.

У двери с надписью «Дежурный электрик-II» Виктор остановился и постучал. Дверь открылась не сразу. В комнате трое крепких парней в спецовках возились со старым хламом. Один из них ковырялся паяльником в опрокинутом наборе электросамоваре. Это и в самом деле были электрики.

— Вам кого? — спросил старший.

— Мне туда, — показал пальцем вбок Виктор и, дождавшись кивка старшего, закрыл за собой дверь, обогнул стол, на котором паяли, и прошел в смежную комнатку. На стеллажах громоздились катушки проволоки, старые светильники, желтели внутренностями полуразобранные моторы. За стеллажом была еще одна дверь, с дыркой опознавателя. Виктор сунул указательный палец. Ничего не произошло. Вынул палец. «Опять сломалось», — пробормотал он и грохнул кулаком по двери.

Щелчок, и дверь ушла в стену. Узкий коридорчик упирался в лестницу. Поднявшись на пролет к двери без замка, Виктор открыл ее и попал в знакомую комнату. Пульт, диспетчер,

и больше ничего. Пока он пробирался известными только гонцам переходами, за ним следили с монитора. Возникли сомнения в его личности, остановили бы еще у электриков.

Диспетчер внимательно посмотрел на него и сказал, что Симагин просил подождать. Виктор упал в кресло, вытянув ноги, и закрыл глаза.

Утром Месроп хлебнул чаю и, пообещав скоро вернуться, ушел. Повидать знакомых, как он объяснил с легкой усмешкой. На совет быть осторожным и не соваться за Кольцо, он воздел руки и сказал, что такого конфуза больше не повторится и что там, у вокзала, его застали врасплох и после четырех литров пива. Иначе он бы им показал...

В диспетчерскую вошел Симагин. Виктор услышал его дребезжащий сиплый голосок, открыл один глаз, другой — Симагин тряс над ним седой бородой и сетовал, что гонец нынче хилый пошел, спит, понимаешь, когда его обыскали и обождались.

Потом махнул рукой и пошел к двери. Виктор рывком поднялся, и через минуту, пройдя лестницу, коридор и комнату с крепкими электриками, они уже протискивались, продирались и продавливались сквозь упругую массу посетителей. Симагин шел быстро, уверенно огибал барьерчики, обходил длинные ряды кресел с сидящими и спящими людьми, вел переходами, дважды останавливался у дежурных, что-то бормотал им и следовал дальше. Они были где-то на первом этаже. Или на втором? Виктор сориентировался было по мелькнувшему в коридорном окне серому тулову, но потом опять сбился в боковых лесенках.

В пустом коридоре, перегородженном столом, они подошли к двери с табличкой «№ 294» и, провожаемые внимательным взглядом дежурного, без стука вошли в кабинет.

Им навстречу поднялся жилистый мужчина.

— Я — Симагин, а он со мной. Нас ждут.

Мужчина распахнул обитую кожей дверь.

За ней оказался небольшой кабинет. Виктор с неудовольствием оглядел два стола и несколько стульев — кресел не было, а на этих хлипких конструкциях сидеть неудобно.

— Вот и мы, — сказал Симагин.

Виктор обнаружил, что у портьеры стоит человек и смотрит в окно. На голос Симагина он обернулся. Высокий худощавый мужчина со светлыми волосами и выцветшими глазами. Судя по виду, он был одних лет с Виктором, а может, и моложе.

Он радушно покивал им, подсел к столу и показал Виктору на стул рядом.

— Ну, я пойду, — сказал Симагин. — Доктору Мальстрему передавайте привет.

И вышел.

Светловолосый мужчина посмотрел ему вслед и вздохнул.

— Конспиратор, — слабо улыбнулся он. — Доктор Мальстрем — это я.

Виктор даже не удивился. После хитрых блужданий по коридорам он высчитал, что ведут его к лицу значительному, к кому-нибудь из заместителей. Ну, ничего. Доктор, так доктор.

— Мне рекомендовали вас как лучшего гонца, — сказал молодой доктор. — Виктор... Виктор... Э?

— Просто — Виктор.

— Извините. Никак не привыкну. Одних надо по фамилии, других по имени. Вы не находите это забавным?

Виктор пожал плечами.

— Кто как себя назвал, так и зовите.

— Да-да, — согласился доктор, разглядывая Виктора, — в детстве у нас было такое правило. Теперь повсеместно. Напоминает клички, но что поделаешь!

Станный разговор не удивлял Виктора. Клиенты частенько перед тем, как вручить посылку, пытались разговорить его, надеясь понять, кто он и что он, донесет до точки или исчезнет в пути с посылкой.

— У вас были какие-то приключения в Саратове? — спросил доктор.

«Не ваше дело», — хотел оборвать Виктор, но смолчал. Какой любознательный доктор! Это здесь он большой чин и денежный мешок. А посмотреть на него, когда надо прыгать с крыши вагона на скат. Да на полном ходу! Вот он, Виктор, например, не спрашивает его, что почем, да какие у него расклады, и не подкинет ли сотню тысяч на развитие рыбного хозяйства Саратова!

Доктор с минуту ожидал ответа, но не дождавшись, хмыкнул.

— Извините, если допустил бестактность. У вас свои порядки, свой, очевидно, кодекс...

Он еще говорил, извинялся, а Виктор вдруг понял, что он знает многое, если не все, о саратовских его похождениях. У доктора есть информаторы в Саратове. Конечно, экономика, культура и все такое, надо знать, куда и на что идет каждый чон и не ухнет ли он в алчную утробу местного воротилы,

а если и ухнет, то чтоб с пользой для региона. Но не слишком ли доктор кропотлив, и почему персона Виктора попала в створ его интереса?

— Очень жаль, — сказал доктор, — что нам не удалось встретиться неделю назад. Я мог обратиться через вашу диспетчерскую, но хотелось повидать вас, поговорить...

Он встал, обошел стол и сел напротив.

— Вы не откажетесь прямо сегодня выехать по одному маршруту?

«Откажусь», — хотел сказать Виктор, но пока он придумывал благовидный предлог — усталость, болезнь, да просто нежелание, доктор Мальстрем добавил:

— Это не очень далеко. Вы бывали раньше в Будапеште?

«Или это случай, — подумал Виктор, — или хитрый расклад. Но кто вступил в сложные расклады с доктором Мальстремом? Месроп, Мартын или Сармат? И для чего такие сложности с прыгами и скаками по пути сюда? Нет, все-таки случай!»

Дело простое. Добраться до Будапешта, взять у одного человека пакет и вернуться. Проездной мандат ООН, деньги и все, что потребуется — прямо сейчас.

В конце концов, подумал Виктор, гонцу должно везти, иначе он плохой гонец, а значит — хороший покойник. Раз уж его называли лучшим гонцом, то и везти должно по-крупному. Он с утра ломал голову, как обойти контрольные и таможенные посты минимум в шести точках трассы, а тут доктор собственноручно выписывает пасс, да еще интересуется, правильно ли оформляет.

— На двоих, — сказал Виктор и бесцеремонно ткнул в соответствующую графу, — вот здесь переправить.

Доктор выдернул лист, смял, вставил новый, мгновенно набрал, закатал в пластик и отдал Виктору.

— Все остальное у диспетчера, — добавил он.

Виктор кивнул и поднялся с места. Доктор, впрочем, не спешил отпускать его. Он тер подбородок, испытующе глядел на Виктора, затем снова указал на стул.

— Время быстро летит, — непонятно к чему сообщил он. — Люди гоже быстро меняются. Недавно встретил знакомого и не узнал, а всего год прошел. А за десять лет всех позабыть можно.

Доктор говорил почти без акцента, точнее — совсем без акцента. Бледноватая улыбка — то ли сейчас засмеется, то ли начнет извиняться. Виктор удивился разговору. Может, это и

не доктор вовсе, пришла неожиданная мысль. Ребята пошутили, взяли его в раскрут. Да нет, с ним шутить никто бы не стал. Виктор отбил охоту шутить с ним после первой же ходки. Наверно, доктор устал, догадался Виктор. С утра до вечера посетители, голова кругом идет, поговорить не с кем. Вот и тужится просто поговорить, а не может. Отвык.

— Кстати, — доктор вытащил из-под папок небольшую фотографию. — Вот он должен передать вам пакет в Будапеште. Узнаете при встрече?

Круглое лицо, густая темная шевелюра, глаза полуприкрыты, молодой парень. Уши, подбородок, линия бровей... Он мгновенно составил портрет. Гонта научил этой штуке, пару раз пригодилось.

— Узнаю, — кивнул Виктор.

— А сейчас?

— Что — «сейчас»?

— Сейчас не узнаете?

Виктор перевел взгляд на доктора. Что за черт, действительно, мелькает знакомое, но где и когда?..

— И меня не помните? — доктор сдержанно улыбнулся. — Может, вы и арфу забыли?

Виктор сцепил пальцы и откинулся на спинку стула. Круг замкнулся. Боров, Ксения, Сармат... Теперь вот доктор Мальстрем — один из тех, кто помог тогда, десять лет назад. Саркис. Имя второго, что на карточке, забыл. А тогда доктор и есть третий, белобрысый пацан.

— Уля! Вот ты кто, Уля! — громко сказал Виктор и хлопнул ладонью по столу. Дверь в тот же миг распахнулась, и в комнату заглянул мужчина. Доктор махнул рукой, и тот прикрыл дверь.

— Ну, я рад, — сказал доктор. — Улав Мальстрем к твоим услугам, а вообще-то можешь звать Улей, я в эти приметы насчет имен не верю.

— А он? — Виктор кивнул на фотографию.

— Петро? Он-то как раз серьезно относится к своему имени и другого обращения не признает.

— Ну а третий где, Саркис? В Москве?

— Ты гляди, запомнил! — удивился доктор. — Саркис не в Москве сейчас, а в Будапеште. Собственно говоря, из-за него вся карусель и вертится...

Он встал и подошел к окну. Виктор подумал, что все идет хорошо. Вот, снова встретились. Очень хорошо. Даже слыш-

ком. А когда слишком, это уже моча в компоте. И не расплывешься. Случайны или подстроены эти встречи, все равно действовать надо по обстоятельствам. Улю, то есть доктора Мальстрема, он помнил плохо. Он и Петро тогда шли позади. Саркис — другое дело. Вопрос — когда доктор узнал Виктора — сейчас или гораздо раньше?

— Я недавно запросил лучшего гонца, — сказал доктор, возвращаясь к столу, — мне показали картотеку, там я набрел на тебя. Узнал сразу, но сомневался.

Картотека? Вот даже как! Виктор сделал большую зарубку на памяти. Сейчас он вернется в диспетчерскую и устроит такую проборку, что долго помнить будут и молодым диспетчерам рассказывать в назидание. Надо же! Гонцы темнят всухую, путают концы, меняют флэты, чтоб, не приведи бог, на крестец кого не посадить, а они здесь картотеки заводят! Что-бы ленивый не бегал поодиночке за гонцами, а сразу в комплексе захавал.

А доктор вспоминал давний поход, вспомнил деда Эжена и очень огорчился, узнав, что старик погиб. Виктор посетовал, что так и не разобраны руины, прошлой зимой к ним еще не подступались, хотя вокруг университета идет мелкая строительная возня. Жаль. Может, записи уцелели, коллекция большая все-таки была.

— Да-да, — рассеянно проговорил доктор, — коллекция...

Он ненадолго задумался, а потом бодро объявил, что лично займется разборкой. К возвращению все расчистят, он попросит реставраторов и подкрепит свою просьбу дотацией.

Потом он встал, намекая, что беседа закончена.

— Я бы хотел повидать Саркиса, — сказал Виктор. — Дай будапештский адрес.

Доктор как будто смутился, в глазах что-то блеснуло.

— Много бы я дал, чтобы встретиться с ним, — протянул доктор, — но, увы, это невозможно. Шесть месяцев назад он исчез. Пропал, растаял, растворился, не оставив следов. Вся община бурлит... — он осекся.

— Община? — равнодушно переспросил Виктор.

— Ты понима-аешь... — растягивая слова, начал доктор, но снова замолчал, и надолго.

Виктор спокойно разглядывал его угловатое лицо, еле заметные брови, тонкие губы. Он ни о чем не думал. Интуиция подсказывала, что внутренний монолог, перебор вариантов и всяческая мозговая болтовня только мешают. Доктор сам все

скажет. В конце концов, скромный гонец не напрашивался в знакомые к столь значительному лицу. Любопытно, однако, что значительное лицо откровенно нервничало.

— Вот что, — наконец решился доктор. — Дела так густо закрутились, что лишний помощник не помешает. И если Петро не сумеет... Ладно, начнем сначала. Ты что-нибудь слышал о неодеистах?

«А как же, — подумал Виктор, — не далее как вчера». Но он смолчал. Начиналась большая охота.

— Движение «Новые врата»... Хотя, какие там новые! Они последние двадцать лет догнали потихоньку, а Саркис реанимировал. Несколько лет назад собрал с десятков последователей, все, что осталось от движения. Осели в Будапеште. Новые врата в царство истины, освобождение души вещей и все такое... Не вникал, просто нет времени. С удовольствием плюнул бы на все эти финансово-культурные дела и засел в лаборатории!..

Все дороги ведут в Будапешт, решил Виктор, и это как нельзя кстати. С Саркисом, значит, не повидаяюсь. Исчез? Как же! Знаем мы этих сектантов: сами небось уделали втихую, а потом шум подняли — исчез, вознесся...

— Ты давно его видел? — перебил он доктора.

— Как тебе сказать... После нашего похода, сразу же, на следующий день, Саркису сообщили, что его родители погибли. Он замкнулся, никому, даже нам, не показал книгу, читал ее один, а недели через две случился пожар, Лицей сгорел дотла. К счастью, никто не пострадал. На этом месте сейчас сквер. Нас расформировали по школам и курсам, с тех пор я его не видел. Но лет пять назад услышал о нем и с тех пор держал в поле зрения. Я был тогда стипендиатом ООН, ну а сейчас, как видишь...

Он обвел рукой кабинет. Доктор явно нервничал. Заботы душат. Виктор пожал плечами. В конце концов, его дело нехитрое — сходил, принес.

— А с Петром фактически мы не расставались. Он работал со мной в Гронингенских лабораториях, и мы вместе эвакуировались, когда прорвало дамбы. Он недавно тебя вспоминал, жалел, что не пересеклись, но время уже прокапало. В Будапеште сейчас густое варево замешивается, туда, как мухи на мед, со всего мира слетаются... — Он замолчал.

— Кто слетается?

— Есть всякие!

Доктор не хотел развивать тему. Виктор подозревал, что Месроп скажет больше. Интересно, задумался Виктор, знает Месроп о Саркисе и как вытянется его лицо, когда Виктор между прочим выложит ему об исчезновении вожака секты?

Немного погодя доктор Мальстрем пояснил, что Петро отдаст ему небольшой пакет с дисками. Взять — и быстро унести ноги. Прямоком в Москву, лично к нему. В городе только одна точка, и ждать надо в полдень всю неделю, начиная с двадцатого числа. Но он просит не ограничиваться неделей, а ждать, ждать, ждать, пока Петро не встретит его. Могут быть непредвиденные задержки. Хотя все так перегрето, что счет идет не на недели, а на дни. И все же он просит дожидаться Петра, а если у того возникнут проблемы, то помочь. Со своей стороны он готов с сегодняшнего дня считать Виктора в командировке, оплата суточных и прогонных сейчас и наличными.

С этими словами доктор полез в ящик стола и извлек паяз-бокс, битком набитый новенькими чопами. Взял на глазок стопку в три пальца толщиной.

— Хватит?

Виктор усмехнулся, кивнул и спрятал деньги в карман. Затянул молнию. Тысячи три, не меньше. Явно не подотчетные. Широко размахнулся доктор на ооновском коште. Интересно, бывают у них ревизии?

Доктор поднялся, пожал руку Виктору и, проводив к двери, сказал, что после возвращения надо будет поискать ему хорошую работу, не век же в гонцах бегать. Да и самому пора вернуться в науку.

В холле гостевого дома висело объявление: работали лифты и желающие приглашались на смотровую площадку. Месроп еще гулял. Виктор походил по пустому номеру, повалился на кровати, потом встал и двинул к лифтам.

На смотровой было малоллюдно. Девушка из бара прижималась к старому потертому мужчине, который с неудовольствием покосился на Виктора. Не обращая на них внимания, Виктор подошел вплотную к стеклу.

Внизу тянулись сады и павильоны Ярмарки. Когда-то здесь находилась большая выставка непонятно чего. Однажды он видел старую хронику: золоченые фигуры, плоды и злаки среди фонтанов, машины, стенды, толпы людей, арки, дороги, дорожки и тропинки, а перед ними большой жестяной мужик с такой же бабой застыли в танцевальном па.

Отсюда было видно, как муравьями сновали покупатели, подъезжали и отваливали грузовые и легковые платформы. Несмотря на зной, в торговых рядах было оживленно.

Мужчина и девушка пошептались, поднялись и ушли коридором к лифту. Холл опустел. Виктор еще немного посмотрел на город, а потом, когда в углу подозрительно закрутилась пыль и раздались тихие скрипы, сплюнул трижды через левое плечо и вернулся в номер.

Месропа он ждал к вечеру. Еще уйма времени. Заснул, и приснилась непонятная чепуха, беготня какая-то по пляжу, а потом снилась Ксения, он о чем-то говорил с ней, убеждал, но словно через подушку, слов различить не мог, голова гудела... Проснулся в сумерки с головной болью.

Долго умывался холодной водой, потом принял горячий душ. Помогло. А когда совсем стемнело и он уже стал прикидывать, по каким помойкам искать расчлененного попутчика, вернулся Месроп, в дым пьяный, но целый и очень довольный собой.

— Все ко-колечиком! — объявил он, рухнув на кровать. — Скажи дяде Месропу спасибо. Что бы мы... что бы ты без тебя... без меня делал? Завтра... Тс-с! Прямо утром. Вперед, знамена, и в путь!

Героическим усилием он приподнялся, выложил на стол дорожный пасс, упал обратно и захрапел. Виктор взял со стола пасс, повертел. Так, на две персоны. Достал свой. Близнецы, словно из одного принтера вылезли. Эге, да и номерочки-то!.. У Виктора 217, а у Месропа 218. Что же получается: проводив Виктора, доктор Уля жал руку Месропу и с тем же выражением лица хрустел чонами? Молодец доктор, в две лужи кладет!

3

Широкие ступени-скамьи из серого бетона спускались к воде, к серым же волнам. На том берегу, слева, возвышался императорский замок, а рядом нависал трилистник моста Маргит.

По набережной прошла веселая компания, крик, смех, пластиковая бутылка закувыркалась по ступеням и мягко легла на воду.

Виктор проводил ее глазами, но головы вверх не поднял. Там еще немного пошумели, что-то непонятно проскандирова-

ли, и все стихло. Месроп лежал на теплом бетоне и даже не шелохнулся, когда бутылка пролетела над ним.

— А в девяносто девятом... Нет, вру, в девяносто шестом, в девятом уже из-за мора все перекрыли, в шестом мы здесь славно погуляли...

«Сколько же ему лет? — задумался Виктор. — Сейчас уже двадцать четвертый».

— Молодой я был, — продолжал Месроп, — лихой. А выпить мог, страшно вспомнить! Ох, и попили мы тогда... — он раскрыл глаза и даже сел. — Ты вообразить не можешь, сколько мы через печень свою пропустили! Гуляли по улицам днем и ночью; красивейший город, а тогда вообще — феерия. Неделью ходили, смотрели, а потом сорвались. Из всей делегации только один был сухой, и то потому, что он еще в поезде до сердечного спазма нарубил. И вот тут, помню, ходили. Весь проспект Святого Иштвана истоптали, сюда освежиться спустились. Плюс два ящика пива. До полного хамства дошли, представляешь: встали здесь в ряд и отлили прямо в реку, а я распевал — «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок». Песня такая была, народная...

Он хихикнул и сладко зажмурился. Виктор вежливо улыбнулся. Вот уже вторая неделя, как они в Будапеште. Город поразил его. В первые дни он не понимал, в чем дело. Видывал он старые ухоженные города, встречал веселых, довольных людей, правда не часто. Видел и сумасшедшую сутолоку на перекрестках миграционных путей. Здесь было другое. Сначала показалось, что нет еле заметного, но неистребимого духа распада, тления, который преследовал его последние годы, исчезло ощущение зыбкости, неустойчивости мира. Нет, не то. Он знал, что и эти дома, площади и мосты в считанные месяцы, если не дни, могут превратиться в загон ревуших от ужаса, затаптывающих друг друга насмерть людей, стоит только не выдержать дамбам в верховьях.

Потом сообразил — уютный город, и все тут. В таких городах еще не бывал, и даже Саратов, где, казалось, он нашел свою судьбу, или, если быть точным, судьба нашла его, даже Саратов казался временным пристанищем. А здесь вдруг нестерпимо захотелось плюнуть на все, остаться и жить в старом каменном доме с осыпавшейся местами штукатуркой, на узкой прохладной улице с непонятным названием, и ничего, что никогда не станешь своим, даже если выучишь язык, похожий на песню. Люди не интересовали его. Он вдруг понял, что

вписывается в этот город. Странное чувство — светлое насто-
роженное узнавание забытых снов-видений.

Петро так и не пришел в точку на площади Кальвина, это
даже радовало — доктор просил ждать, сколько можно и не-
льзя, вот он и ждет, а там видно будет.

Каждую ночь снилась Ксения. Он просыпался с непонят-
ной досадой на себя, на нее, на всех. Потом выходил в город и
досада испарялась.

Они добрались сюда без приключений и устроились быст-
ро. Месроп сориентировался по раскладной карте, да и па-
мять не подвела. Тут же выяснилось, что он неплохо владеет
немецким, по крайней мере достаточно для того, чтобы, встав-
ляя несколько известных ему венгерских слов, договориться с
владелицей дома и снять квартиру с окнами на Дунай. Владе-
лица, пожилая осанистая дама, с достоинством пересчитала
пачку форинтов и вручила ключи. Провожая ее до дверей,
Месроп спросил, как дойти до улицы Занаду. Владелица ока-
менела, словно Месроп сказал вопиющую неприличность или
нагадил в супружеское ложе. Возможно, так оно и было, по-
тому что она холодно вздела плечо, фыркнула и молча удали-
лась.

Месроп задумчиво походил по комнатам, сел на плюше-
вый диван и заявил, что старая кошка могла быть вежливее с
постояльцами. Дом стоит пустой, как и почти все в квартале.
Виктор спросил, при чем здесь дом и владелица, если час на-
зад они были на улице Занаду?

Хитро улыбнувшись, Месроп объяснил, что плавать в не-
знакомых водах надо осторожно, особенно в тумане. Лучший
способ не налететь на айсберг или иное судно — подавать гуд-
ки. Чем громче, тем лучше. И если повезет, на них выплывут
другие мореходы.

Виктор не понял резона. Ну выплывут, что тут хорошего?
Но уточнять не стал. В последнее время он был весьма осторо-
жен в разговорах с Месропом. Тот ни словом не обмолвился,
откуда у него пасс. На тонкие вопросы не отвечал или отшучи-
вался. И тогда Виктор припрятал свой проходной документ.

После того как они устроились, Месроп поводил его не-
много по городу, а через день извинился и исчез. Вернулся то-
лько вечером. Виктора это устраивало. Он быстро сориенти-
ровался. Плох гонец, если за день не просечет город. Виктор
просек за четыре часа и понял, что безнадежно влип. Город
покорил его.

Пару раз он прошелся по улице Занаду. Улица как улица. Старые дома. Но очень мало прохожих, да и те жались к стенам, обходя выставленный вдоль тротуара невысокий барьерчик. Несколько впритык стоящих домов словно были мечены — Виктор замечал взгляды, брошенные на цветные непрозрачные стекла. Прохожие со страхом и любопытством смотрели на них. Хотя это могло ему показаться.

Он знал, что здесь резиденция неодеистов и там происходит нечто вызывающее болезненный интерес Месропа, Мартына и, как выяснилось, доктора Мальстрема. Месроп намекал, что соберутся и другие любопытствующие. Немногочисленные обитатели квартала шарахались от этих домов, как от зачумленных. Многие съехали. Местные власти ходили кругами, но найти достойный прѐдлог и выселить на законном основании сектантов не удавалось — показания напуганных обывателей сводились в основном к невинному описанию всякой чертовщины, которая не то возникла в их распаленном воображении, не то и впрямь была наведена лихими нововратцами.

Месроп рассказывал об этом устало, лениво ковыряясь в ужине. Возвращался он разбитый, с утра до вечера где-то бродил, наконец на прямой вопрос ответил, что время идет и надо ему хоть убейся войти туда, в дом на улице Ксанаду.

«Занаду», — поправил Виктор, на что Месроп отмахнулся, какая, мол, разница. Виктор буркнул, что пробраться туда пшиково: по крышам соседних домов и через окно на чердаке. Там нет решеток. Месроп рассмеялся, сказал, что Виктор — молодец и орел, но дело еще пшиковой, чем ему кажется. Войти можно через дверь, она всегда открыта, нет никакой охраны, хоть сейчас можно заскочить на огонек...

— Откуда ты знаешь? — спросил Виктор, а Месроп, скорбно опустив уголки губ, поведал, что хаживал не раз и не два, но толку мало, и что войти в этот дом еще не означает находиться в этом доме.

На следующий день Виктор пришел на улицу Занаду, перешагнул через барьер и, сопровождаемый сдавленным шепотом грозящей ему кулаком с противоположного тротуара старухи с бородавкой на щеке, подошел к резной деревянной двери. Толкнул ее. Дверь торжественно распахнулась, и он увидел самый заурядный подъезд, выложенный керамической плиткой пол, лифт и ряды почтовых ящиков. Эти жестяные сооружения с белыми цифрами смутили его. Пахнуло такой

обыденностью, что захотелось немедленно бежать прочь, пока не вышел занюханный клерк и любезно не спросил: «Теши-ик?»

Разумеется, он не ждал, что сразу же за порогом на него обрушится сверху мрачная музыка, выйдут двумя рядами закутанные в темное фигуры и начнется заваливающая черная месса. Месс он посмотрелся в сериалах про Кровавого Епископа. Но не лифт же и почта!..

Он осторожно прикрыл дверь и ушел, а старуха на улице, проводив его внимательным взглядом, вдруг перекрестилась, шмыгнула через барьер и, с трудом открыв дверь, исчезла в здании.

Месропу он не сказал о своем визите. Ну, а потом одинокое кружение по городу вытеснило все, только временами ему хотелось, чтобы Ксения была рядом.

4

Дело шло к вечеру. Месроп потянулся и зевнул. Бетон быстро остывал, потянуло свежим ветром, запахло гнилыми водорослями.

— Ну что, — спросил Месроп, — пошли домой или походим немного?

— Походим, — ответил Виктор. — Помидоры кончились, хлеба надо купить.

— И колбаски прихватим. — Месроп плотоядно причмокнул. — Завтра я никуда не пойду, возьму мяса хорошего, такое рагу сработаю, воткнешься!

— Что, плохо дело? — догадался Виктор.

— Да не то чтобы плохо, — скучно отозвался Месроп. — Дела вообще нет. Или меня грандиозно обштопали, или я дурак, и мне это не по зубам. Информация была достоверная, верней не бывает. На что Мартын, мужик осторожный и недоверчивый, и то клюнул. И здесь все сходится. Боятся этих ребят жители, муниципальные власти предпочитают не связываться, народ всякий трется вокруг. Ну нечисто здесь, и зреет что-то! А мы, как цуцки, ходим вслепую. Как бы фатально не опоздать...

— Куда не опоздать?

— К раздаче серег сестрам, — сердито буркнул Месроп. — Может, действительно, сверху попытаться? — Он с

надеждой посмотрел на Виктора. — Помнишь, ты хотел через крышу...

Тут он безнадежно махнул рукой и сказал, что таких умных тоже много совалось во все дыры. С тем же успехом. Виктор ждал, когда Месроп признает свое бессилие и скажет: «Настал, мол, твой час!» Но слов этих так и не дождался к великому своему облегчению. Там, в Саратове, в пьянящем воздухе ежедневных стычек, боев, схваток все виделось иначе, и само путешествие казалось захватывающим рейдом, состоящим из приключений и загадок. Сейчас ему ничего не хотелось разгадывать. В конце концов, дело гонца — взять и доставить. Но теперь он не сомневался, что все кончится пшиком. Нашли, где искать оружие или силу — у сектантов! Парудохлых вшей, больше ничего не найдешь. И Саркис, наверно, понял, что связался с придурками, вот и дал ходу. Петро же сейчас отчитывается доктору Мальстрему в растраченных чонах.

Набрав несколько пакетов еды, они подошли к своему дому. Месроп долго возился с замком на лестничной клетке, ругал скаредную хозяйку, экономящую энергию. Наконец замок щелкнул.

В прихожей горел свет. Месроп вопросительно посмотрел на Виктора, тот отрицательно качнул головой. Беззвучно опустив пакеты на пол, Месроп взялся было за ручку двери, но тут из кухни вышел невысокий широкоплечий человек, строго глянул на них сквозь тонкую оправу очков и сказал по-русски с еле заметным акцентом:

— Что же вы остановились? Прошу в апартаменты.

И наверно, для того, чтобы просьба не была проигнорирована, из апартаментов вышли еще двое крепких мужчин, причем стволы в их лаптях подтверждали серьезность приглашения.

У Виктора возник соблазн мазнуть по выключателю и скинуть тяжелую бронзовую вазу, что стояла на тумбочке в прихожей, под ноги нежданных гостей. Потом нырок влево и, пока они будут палить в проем двери, думая, что он уходит на лестницу, перекатиться в кухню, сбив с ног первого незнакомца. Все это быстро возникло в голове и так же быстро исчезло. Вкатится он на кухню, а там сидят за столом и пьют пиво еще, скажем, человека три! Глупый у него будет вид!

Месроп пожал плечами и вошел в комнату, Виктор последовал за ним. Один из громил мимоходом провел рукой по их одежде.

В любимом кресле Виктора прямо напротив экрана сидел немолодой человек в светлом костюме и внимательно смотрел на вошедших. Из-за их спин появился широкоплечий и выложил на стол пакеты с едой. Немолодой раскрыл один из пакетов.

— Обожаю помидоры, — сказал он. — Рад, что у нас общие вкусы.

Он посмотрел на широкоплечего, и тот исчез. Показал на кресла. Месроп сел, а Виктор остался стоять.

— Вы тоже садитесь, молодой человек, — обратился к нему незнакомец. — Вы ведь Виктор, так? Видите, Месроп уже сидит.

Слова незнакомца очень не понравились Виктору. Месропу, судя по кислой улыбке, еще меньше. Никто здесь не знал их имен. Хозяйке они как-то назвались и тут же забыли, а пасс вообще был на предъявителя. Судя по тому, как Месроп кусал губы и щурился, в голове у него шла бешеная работа — он явно перебирал в памяти, с кем встречался, о чем говорил и кто мог их раскрыть. А потом Виктор увидел на миг вспыхнувшую в его глазах искру торжества, хорошо ему знакомую, и понял, что все не так просто и еще неизвестно, кто оказался в западне. «Гудок в тумане» сработал.

— Давайте знакомиться. Меня можно называть Адам. Мистер, герр, синьор или пан — на ваше усмотрение. Считайте, что я принес извинения за бесцеремонное вторжение в ваше жилище. В случае, если мы придем к соглашению, наши извинения приобретут более ощутимый характер. Надеюсь, я понятно излагаю?

— Да, да, нечто в этом роде я и предполагал, — невпопад отозвался Месроп.

Виктор, не отвечая, сел напротив пана, синьора, герра или мистера Адама и бесцеремонно уставился на него. Не был похож Адам ни на англосакса, ни на поляка, ни, конечно, на итальянца. Чем дольше Виктор вглядывался в жесткие усы, чуть припухшие веки и короткий ежик волос, тем больше убеждался, что есть польза даже от самых бездарных исторических боевиков про ниндзя. Несмотря на матовую бледность гостя, его правильнее было бы называть Адам-сан, если, конечно, дети богини Аматарасу вправе себя числить потомками ветхого днями праотца.

— Я знаю, что вы здесь делаете, — продолжал Адам. — Заметьте, я не говорю «мы». Не намерен представлять ни

одну организацию или территорию. Только от своего имени. Вы и я, больше нам никто не нужен. Меня не интересует Сармат, вас не касаются мои интересы. За это время вы ничего не добились. Так. Не скрою, у нас, извините, у меня, успехи аналогичные.

— Ага, вы предлагаете сотрудничество? — поднял брови Месроп.

Адам опустил веки.

— Рассчитывал на ваше понимание. Рад. Еще раз извините за вторжение. Вынужден.

Короткая, отрывистая манера говорить озадачила Виктора. Может, все-таки не японец? Немец, что ли?

— Мы найдем общий язык, — удовлетворенно сказал Адам. — Уже нашли. Мы помогаем вам людьми, техникой, деньгами. Вы достаёте то, что вас интересует. Делаете копию. Одну. Вручаете нам. Все. Вознаграждения не предлагаю. Оригинал ваш — это и есть вознаграждение. Я не прав?

Месроп, не отвечая, поднялся и медленно пошел к двери. В проеме мгновенно возник широкоплечий.

— В холодильнике есть пиво и коньяк, — небрежно сказал Месроп, — ну, и там закуски поищите.

Короткий взгляд на Адама, кивок головы, и через минуту на столе возникли бутылки, банки, тарелки и прочие атрибуты хорошего вечера. К удивлению Виктора, Месроп, разлив коньяк, сам взялся за пиво. Адам пригубил, оценивающе пошевелил губами и допил бокал. Виктор не притронулся к выпивке и налег на овощи.

После второй рюмки Адам ослабил узел галстука, а после третьей повесил пиджак на спинку кресла. Погрозил пальцем Месропу и сказал, что ценит такой подвиг, зная его любовь к хорошему коньяку. Месроп хмыкнул, но продолжал тянуть из банки.

— Вы можете мне не верить, — продолжал Адам, — но я с вами отдыхаю душой и телом. Здесь все свои. Не надо врать, выкручиваться, прибегать к силовым акциям. Мы пойдем друг друга с полуслова. Это так хорошо — понимать друг друга с полуслова! Когда все кончится и мы разведемся по домам, я буду вспоминать эти часы...

— Я тоже, — сказал Месроп, — если, конечно, вы дадите нам вернуться домой.

— Не говорите так, — укоризненно воскликнул Адам. — Вы, старый опытный сотрудник ООН, объявились здесь, да

еще прихватили с собой невесть зачем юношу — и не прикрыли тылы? У вас нет отходного варианта? Вы что, не профессионал?

Месроп кивнул.

— Охотно верю. Разумеется, в моих интересах немедленно вас убрать, получив искомое. Вам это не понравится. Сделаем так: вы берете то, что вам нужно, и, не делая копий, возвращаетесь в Саратов. Там мы встретимся...

— К этому времени у вас не будет нужды в копиях, — сказал Месроп. — Еще вопрос, сумеем ли мы добраться до Саратова.

«Вот это пусть тебя не волнует», — подумал Виктор. Адам, кажется, не знает, что Виктор гонец. Они следили только за Месропом.

— Вы недоверчивы, — констатировал Адам. — Конечно, вы мне не верите. Но я даю шанс. А так — нет шанса. Есть из чего выбирать — с нами и шансом или без нас и без шанса. Зачем мне несговорчивые конкуренты?

— М-да, — только и протянул Месроп.

— Не принимайте близко к сердцу, — посоветовал Адам. — Вы здесь недавно, а я — четвертый месяц. Вам проще. Если я не успею, мне — вот так, — он провел ребром ладони по горлу. — Правда, — добавил он, — если я не успею, вам тоже будет плохо.

— Ну хорошо, — сказал Месроп. — Давайте по пунктам.

— Момент!

Адам поднялся с места, качнулся, ухватившись за спинку кресла, пробормотал что-то непонятное и вышел из комнаты. Через минуту вернулся с чемоданчиком. «Скоро чонами можно будет стены оклеивать», — подумал Виктор.

Но денег там не оказалось. Адам извлек из чемоданчика небольшую коробку и положил ее на стол.

— Тут кое-какие полезные мелочи, — сказал он, — но это потом.

Откинулся в кресле и прикрыл глаза рукой.

— Вы проделали большую работу. Мы с восхищением следили за вашими перемещениями по городу. За неделю вы обошли всех, кого в свое время обошел я. Мне потребовалось два месяца. Вам — неделя. Браво. Я очень надеялся, что пропустил кого-то и вы наведете на поводыря. Увы. Но мне лестно, значит, я чисто работал. Правда, в моем списке не было профессора Хорвата. Но и он — пустой номер, не так ли?

— И вопрос пустой! — сердито сказал Месроп.

— Да, да, — сочувственно кивнул Адам, — у меня просто сердце разрывалось, глядя, как вы носитесь, весь в мыле. Честное слово, я даже хотел остановить вас на улице и поговорить прямо там...

— Что же не остановили?

— Я в этот миг вспоминал, как входил в известную вам дверь на улице Занаду, как шел по этажам и коридорам, как заглядывал в комнаты и в залы, как разговаривал с вежливыми людьми, готовыми часами рассуждать о воплощенном логосе. И как я чувствовал себя сплошным, то есть полным, дураком...

— Круглым!

— Приношу извинения?

— Дураки преимущественно круглые, — мстительно сказал Месроп. — Полным, если угодно, будете балбесом. Идиотом тоже можно.

— Великолепно! — восхитился Адам. — Учту. Благодарен. Последний раз по-русски говорил четыре года назад. Но, признайтесь, вы тоже не чувствовали себя мудрецом в круглом зале или на музыкальных лестницах?

Месроп хмыкнул, кашлянул, но ничего не ответил.

Собрав пустые банки, Виктор прошел на кухню. Широкоплечий приветливо взглянул на него из-под очков, улыбнулся и отложил газету. Один из гостей дремал, положив голову на руки, второй доедал салат и бдительно уставился на Виктора.

— Два дня и две ночи не спали, — с легким акцентом сказал Широкоплечий.

Виктор пожал плечами и достал из холодильника полдюжины банок с пивом. Что-то в последнее время ему часто попадаютя дремлющие стражи, неожиданно подумал он. Старый Гонта, наверно, сказал бы, что таким образом мир воспроизводит себя через повторяющееся событие, коим является дремлющий страж.

Вернувшись в комнату, он обнаружил, что обстановка там немного изменилась. Коробка была распакована. Адам разложил на столе мелкую электронику и, тыча в нее пальцем, озабоченно говорил Месропу:

— Семь-восемь часов — и все! Питание садится полностью, микроволновая подпитка не доходит. Мы полагали — экранировка. Ничего подобного. Стены — как стекло, но все

глохнет, как в вате. Плутониевая батарейка села через сутки. Вы понимаете?

— Нет.

— Я тоже, — сокрушенно сказал Адам. — Никто не понимает, как может сесть батарейка, срок службы которой не менее трех лет! Да это и не батарейка вовсе, а очень хитрое устройство, раньше такие на спутниках-убийцах ставили.

— Это все вампиры, — небрежно сказал Виктор, с хлопком открывая банку.

Месроп и Адам вздрогнули от резкого звука и уставились на него.

— Какие вампиры? — спросил Месроп.

— Мало ли какие! — ответил Виктор. — Всекие бывают.

— Бред собачий...

— Хорошо, если бред, — сказал Адам. — Но если эти сказки вдруг подтвердятся... Магия на ядерном уровне — после этого просто жить не хочется, даже если дадут.

— М-да, дадут жизни, — задумчиво протянул Месроп.

И снова знакомая искра в глазах.

— Любая аппаратура у них разваливается в считанные дни. Вы знаете, как это связано с ростом глобальной нестабильности сложных систем? Я тоже не знаю. Догадываюсь, что есть взаимосвязь. Конечно, велик соблазн раздавить это клопинное гнездо, но мы с вами люди маленькие...

Он выпил еще одну рюмку, глаза заблестели, и голос стал ниже.

— Я тоже не профессионал. Это вон те, — шепотом, — что на кухне, профессионалы. Я исследователь, которого обстоятельства загнали в сыщики. Нет, в шпионы. Вы думаете, я один в цейтноте? Все в цейтноте. Если мы не заполучим их формулы или там, не знаю, заклятия, заговоры — крышка. Сначала им, потом нам.

— Даже так!

— Так. Они давно под прицелом. И если бы не важные господа, надеющиеся заполучить формулы, их бы давно сожгли. Одна секунда и — пши! Огонь придет с неба и испепелит нечестивцев...

Адам захихикал.

Старые люди, внезапно подумал Виктор. Месроп держится молодцом, за бородой и не поймешь, сколько лет, да и Адам крепкий такой, гладкий, но все равно — старые оба. Раскалились из-за ерунды, плетут друг другу сети, а всех дел

пойти и спросить прямо, а если не скажут, вытрясти. Он вскрыл очередную банку пива, хлебнул и негромко посоветовал взять любого жителя дома на Занаду и слегка потрясти его.

Месроп пару раз сморгнул и ничего не сказал, а Адам вытаращил глаза:

— Вы большой оригинал, молодой человек. На моих глазах один из тех, кого вы советуете трясти, раздавил в руке титановую трехдюймовую трубу. А потом разорвал ее на несколько кусков.

Зазвенела упавшая банка, ее выронил Месроп. Виктор не понял, при чем здесь труба. Даже если в секте одни силачи, есть способы скрутить тепленьким любого богатыря и развязать ему язык!

Взяв со стола тонкий цилиндр, Адам принялся объяснять Месропу, как включить камеру, куда ее лучше пристроить, а вот эти, — он провел пальцем над ровным рядком таких же цилиндров, стоящих на пустой тарелке, — перекрывают тепловой и световой диапазоны.

— Почему вы сами не ставите? — неожиданно спросил Месроп.

— Хороший вопрос, — сказал Адам. — Ответа не будет. Хотя... А, плевать! С каждым разом время работы сокращается наполовину. Все мы там были по нескольку раз. У человека, зашедшего впервые, работает по максимуму, то есть жалкие семь-восемь часов.

— Радиация? — поднял брови Месроп.

— Никакой. Но мы становимся мечеными. А людей у нас мало. Почти все здесь.

— Я там был несколько раз.

— Да, но без аппаратуры.

— Действительно... — задумчиво сказал Месроп.

— Вот видите! Даже если это и магия, то какая-то странная. Как бы это сказать... Научная? Нет. Последовательная? Не то. Есть в ней система. Близко, но не то. Забыл термин.

— Избирательная?

— Похоже, но... Впрочем, неважно.

Адам задумчиво повертел бокал, поставил его на стол. Сказал, что разговорчики про магию — ерунда. Достаточно нарушить второй закон термодинамики или, еще лучше, причинно-следственный детерминизм, а тогда, пожалуйста, все что хотите! Месроп кивал, соглашаясь, потом вдруг прищу-

рился и спросил, не встречались ли они случайно лет пять назад в Лозанне, на диспуте по металогии? А когда собеседник, улыбнувшись, стал перечислять все выпитое и съеденное на диспуте, Месроп рассердился и спросил, какого же черта он полез в это дерьмо. Виктор задремал в кресле, но и сквозь дрему слышал, как Адам объяснял Месропу, в какую клешню он попал, а потом возник еще один голос — Виктор приоткрыл глаза и обнаружил в комнате очкастого Широкоплечего. Широкоплечий говорил что-то о долге и чести. Виктор понял, что это и есть главный профессионал, и заснул.

— Давайте перейдем в соседнюю комнату, — тихо сказал Широкоплечий, — молодой человек спит.

Месроп и Адам глянули на Виктора, поднялись, при этом Адам опрокинул свой бокал, виновато улыбнулся, и они вышли.

В соседней комнате Широкоплечий сказал, что все, о чем договорились с Адамом, остается в силе, мало того, он лично обещает поддержку. И ушел на кухню.

— Негодяй, — прошипел ему вслед Адам, — все они негодяи. И мы тоже, потому что работаем на негодяев.

Он сел на диван и подогнул под себя ноги. Раскачиваясь из стороны в сторону, совершенно пьяными глазами тарасил-ся на Месропа, потом икнул и повалился набок.

Месроп никак не мог вспомнить его фамилию, да и звали раньше Адама иначе. Веселый крупный мужчина, полбутылки коньяку для него что глоток. Ослаб, годы...

Он с отвращением понюхал пиво и бросил банку под диван. Отхлебнул коньяк прямо из горлышка. Адам открыл один глаз и томным голосом сказал:

— Совсем другое дело, не правда ли? Я же помню, что в Лозанне ты от пива бегал, как черт от ладана.

Со стоном оторвав свое тело от дивана, он сел, озабоченно пощупал живот и со вздохом сообщил:

— Мне вообще нельзя пить, но как же не пить, когда все летит к дьяволу! Одно хорошо — минут пять полежу, сразу как огурчик... Да? Или огурец?

Месроп пожал плечами.

— Понимаю вас, — продолжал Адам, — ученый в роли шпиона — зрелище недостойное. Но вы тоже не на диспут приехали. Не терпится запустить руки в секреты этих психопатов. Но! Вы работаете на вашу креатуру, а я даже не знаю, кто мой работодатель. Что вы на меня так смотрите? Если

вашу жену и дочь выкрадут и спрячут, что вы будете делать? Вот я и прыгаю здесь, как блоха на барабане.

Сочувственно вздохнув, Месроп спросил, сколько лет дочке. И в ответ услышал длинную тираду о том, что современные девицы, если не успевают удрать из дома в шестнадцать лет, то становятся источником неприятностей еще на такой же срок, пока в них ферменты не перебродят. Тем не менее он очень любит свою дочь и ему безумно жаль, что она попала в жернова заговора.

— Старый мир обращается в ничто, — провозгласил он, подняв палец, — а новый мир создают, увы, мерзавцы.

Не услышав ни возражения, ни согласия, он вдруг разгорячился и принялся объяснять Месропу и возникшему на шум Широкоплечему, почему все великие люди неизбежно преступники, даже лучшие из них. В силу своего величия они же великие нарушители этики своей эпохи, и поэтому создают свою мораль, свою этику. И, пройдя через огонь, воду, распятие, мученичество и победу, они как бы осеняют благодатью свое преступление, а общество рано или поздно воспринимает их мораль. Но не становится ли оно тогда обществом мерзавцев?

Широкоплечий неожиданно вмешался в разговор и заявил, что преступность — имманентное свойство человека, ни на что больше в природе не годного. Он выламывается из вечного цикла обновления своей неистребимой склонностью к разрушению и саморазрушению.

Адам героически пялил глаза, но коньяк оказался сильнее. Пробормотав что-то о Валаамовой ослице, он упал лицом в диванную подушку и мерно засопел. Месроп озабоченно потрогал его за плечо, но Широкоплечий посоветовал не беспокоить доктора Адама, а лучше хорошенько выспаться, тем более что завтра сложный день, времени, как ни считай, не остается.

Вернувшись в свою комнату, Месроп обнаружил кресло с Виктором у самой двери, а когда он на миг остановился, сообщая, как это спящий передвинулся из одного угла в другой, Виктор открыл глаза и подмигнул ему.

Потом шепотом сказал, что крики Адама разбудили его. Жалко человека, добавил он. Жалко, так же шепотом согласился Месроп, укладываясь прямо в одежде на кровать, только пять лет назад он помнит Адама, или как его там, убежденным холостяком и о наличии жены и тем более взрослой дочери не слышал от него ни слова. «Ага», — только и сказал Виктор.

После того как Месроп заснул, Виктор поднялся и бесшумно подошел к окну. Пустая улица. Даже если кто-то засел в подъезде, по широкому карнизу можно дойти до угла и спрыгнуть на киоск. Только зачем? Непрошенные гости прекрасно экипированы, и грех не воспользоваться их техникой.

5

В вестибюле его пробрал озноб. Виктору остро захотелось плюнуть прямо на чистый кафельный пол и убежать отсюда. Но Месроп уже миновал лифт и поднимался по лестнице. Обернулся, пробормотал что-то вроде «не робей», и Виктор убыстрил шаги. К своему удивлению, за коробом лифта Месропа он не застал, а шаги доносились откуда-то сверху и издалека. Не мог же за несколько секунд взмыть так высоко? Виктору стало не по себе.

— Э-эй! — негромко позвал он, а потом чуть громче: — Месроп!

Шаги наверху смолкли на миг, потом застучали, быстро приближаясь. Через минуту перед ним очутился запыхавшийся Месроп.

— Что? — испуганно спросил он. — Ты как здесь оказался?

Виктор пожал плечами.

— Тебя не догнать! — сказал он. — Бежал по лестнице?

— Конечно, — ответил Месроп, — услышал твой крик... Понимаешь, я был уверен, что ты идешь за мной...

— Да нет, — перебил Виктор, — я поднялся сюда, а тебя уже не было, и шаги далеко.

— А-а, — начал Месроп и осекся, округлив глаза.

— погоди, — шепотом сказал он, — кто же это тогда за мной шел?

Они молча смотрели в глаза друг другу, и Виктор понял, что у Месропа такое же острое желание дать ходу отсюда и чтобы на улицу Занаду больше ни ногой. Но тут в глазах Месропа появились знакомые искры, он упрямо набычил голову и махнул рукой.

— Нас на испуг не возьмешь! Подумаешь, мелкая чертовщина! Я и не такого навидался в...

— Где? — спросил Виктор, глядя на внезапно замолкшего Месропа.

- Неважно. Пошли, нам на второй этаж.
- А ты с какого спустился?
- М-да... — только и протянул Месроп.

Они медленно пошли по лестнице. Виктор подобрался, ожидая с секунды на секунду нападения, неприятности, словом, неожиданных событий. Но ничего не произошло. На втором этаже двери двух квартир были заложены кирпичом. Кляксы раствора прикипели к полу. Дверь третьей квартиры открыта, вернее, и двери никакой не было. Пройдя светлым коридором, через несколько метров оказались в большой комнате, пол которой был устлан поролоновыми листами. Судя по следам на стенах, перегородки в квартире снесли. На противоположной стене сиротливо торчал умывальник, а рядом белел писсуар.

— Нам туда, — махнул в сторону сантехнического устройства Месроп.

Рядом с раковиной находилась маленькая, неприметная, в цвет штукатурки, дверь. Месроп подошел к ней, потом, стесненно хихикнув, помочился и умыл руки. Приглашающе кивнул в сторону умывальника, а заметив, как у Виктора полезли брови на лоб, опять хихикнул и сказал, что ритуальное очищение может принимать совершенно будничным характер и он очень советует найти в себе силы, а лучше — мочу, иначе просто не откроют дверь.

Виктор спокойно расстегнул ширинку. Ритуал — это святое, и лучше следовать ему, а не упираться. Видал он штуки и почище. Однажды ему пришлось участвовать в ритуальном погребении любимой канарейки главаря не то секты, не то банды, окопавшейся под Курском. Самое забавное, что ска тулку с канарейкой ежедневно выкапывали, дабы после мощного возлияния в очередной раз, под всеобщие рыдания, заламывание рук и громкий стон, проводить в последний путь. Менее забавно было то, что отказавшихся участвовать в тризне немедленно убивали и закапывали на том же холме, где покоилась усопшая птичка.

За дверью их ожидал короткий коридор, и упирался он в лестницу.

— Опять, — пробормотал Месроп, — в прошлый раз ее вроде бы...

Оглянулся на Виктора, словно проверяя, на месте ли он, а потом негромко сказал, что лестницы ему здесь не нравятся, все время ждешь подвоха.

Виктор оценивающе посмотрел вверх — полтора десятка ступеней и еще одна дверь. Он обошел Месропа и стал медленно подниматься. На последних ступенях его вдруг пронзила уверенность в том, что Ксения где-то рядом, и на миг показалось, что он все еще распят на арфе, а Ксения и дед Эжен поднимаются к нему, чтобы отвязать, а потом вылезут невесть откуда Тит и Бурчага, схватят их и замотают лица, но тут вдруг возникнет черная жужжащая медуза, протянет щупальца к негодяям и столкнет вниз, а потом рассыплется мошкой, растает...

Все это вспыхнуло в памяти и тут же исчезло. Он стоял перед дверью. Подошел Месроп и толкнул ее.

Они вышли на балкон, опоясывающий большой круглый зал. Здесь сломали не только перегородки, но и перекрытия этажей.

Дощатый пол, пустой круг, ни мебели, ни людей. Четыре двери внизу, еще одна — на противоположной стороне балкона. На секунду Виктор почувствовал себя маленьким испуганным пацаном, затаившимся среди разбитого деревянногохлама на другом балконе, а к нему приближается что-то темное и непонятное. Тряхнул головой, отгоняя наваждение.

— Это и есть круглый зал, — вполголоса пояснил Месроп.

— Ну и что? — так же тихо отозвался Виктор.

— А-а, ну да, ты же не знаешь... Здесь они проводят свои сеансы. Место священнодействия. Странно, что никого нет!

С этими словами Месроп, озираясь по сторонам, вытянул из кармана цилиндр и прижал его торцом к перилам так, чтобы объектив смотрел вниз. Вздыхнул с облегчением и бодро зашагал по балкону к дальней двери.

Виктор тоже глянул вниз. Неожиданно закружилась голова. Этого еще не хватало! Высоты он никогда не боялся. Поднял глаза и пошел за Месропом.

Потянулись комнаты, коридоры, лестницы, наконец они увидели человека, сидящего на корточках перед дверью, потом их обогнал другой, стали попадаться и женщины. Вовремя, а то Виктор уже начал подозревать, что обитатели дома вымерли, сбежали или ритуально истребили друг друга. Впрочем, через пару коридоров он подумал, что присутствие людей еще ни о чем не говорит, возможно, это просто любопытствующие, или вроде них — очень непросто любопытствующие.

На них почти никто не обращал внимания, хотя пару раз Виктор замечал настороженные взгляды, а высокий, коротко

остриженный мужчина в голубой долгополой рубашке вдруг испуганно отшатнулся и закрыл глаза ладонью, словно разглядел в их лицах нечто ужасное.

Месроп покосился на человека в рубашке, а когда они завернули за угол, шепотом сказал Виктору, что порой ему кажется, будто он здесь каждый пяточок знает и каждую скрипучую половицу, хотя был всего три раза, а порой — словно впервые попал в этот чумной дом. Виктор не успел ответить, его отвлек лежавший на голом полу голый парень. Остеклевшие глаза смотрели в потолок, лицо желтое, и совсем как покойник, если бы не странные плавные движения левой рукой. Сложные пассы завершались сильным хлопком по полу. Стараясь не наступить на лежавшего, они протиснулись узким коридорчиком, и Виктор заметил, что после каждого хлопка тело вздымается в воздух. У поворота Виктор оглянулся и увидел, что парень уже парит над полом, невысоко, правда, сантиметрах в двадцати.

Затем они попали в библиотеку. Там шесть старух в длинных синих хламидах сидели кружком и сосредоточенно передавали из рук в руки книги. Время от времени одна из них наугад раскрывала том, впивалась подслеповатыми глазами в страницы, шевелила губами, а затем разочарованно захлопывала ее и отдавала сидящей рядом. Совершив полный круг, книга летела в угол, где уже громоздилась безобразная груда томов с выдранными страницами, без обложек, а некоторые словно побывали под копытами тяжелой конницы.

Старуха с бородавкой на щеке подняла голову, прищурилась, словно узнавая, на Виктора, неодобрительно поджала губы и снова ухватила книгу.

— Что они делают? — спросил Виктор Месропа.

— Ты меня спрашиваешь? — кротко сказал Месроп, выходя из библиотеки. — В прошлый мой визит два мальчика вырывали страницы и запускали птичек.

— Откуда столько книг? Это же настоящая старая бумага.

— Не знаю.

— Хорошо, — терпеливо продолжал Виктор. — Тогда что мы здесь делаем? Много еще осталось? — и он показал пальцем на оттопыренный карман куртки Месропа.

Месроп кивнул головой, достал из кармана что-то похожее на кнопку и всадил ее в косяк двери библиотеки. Матовая белая поверхность кнопки через секунду пожелтела и слеплась с некрашеным деревом.

И опять коридоры, лестницы, комнаты... В большой столовой с длинными рядами скамей Месроп оставил несколько микрофонов и камеру. Им попадались странные комнаты — пятиугольные, с небольшой круглой возвышенностью в центре. В одной из таких комнат они увидели девушку, почти подростка. Она сидела на возвышенности, скрестив под собой ноги, и, закрыв глаза, пыталась достать языком до носа.

Наконец Месроп рассовал всю технику, и они двинулись обратно. Виктор опасался, что дорога назад окажется трудней и там, где раньше была лестница, возникнет тупик, а двери перестанут открываться или же выведут к балкону без перил. Но все оставалось неизменным, и на полнуги, узнавая помещения и коридоры, он даже слегка разочаровался.

Они уже подходили к круглому залу, когда им встретился человек в обычной одежде. Взглянув на них, он сказал несколько слов по-венгерски. Виктор догадался, что он спрашивает, не может ли быть чем-то полезен.

Месроп поблагодарил и ответил по-немецки. Собеседник почесал в затылке и что-то буркнул себе под нос. Месроп насторожился и заговорил на незнакомом Виктору языке. После того, как незнакомец вдруг расплылся в улыбке и обрушил на Месропа поток такой же речи, а Месроп, в свою очередь, просидял, Виктор сообразил, что Месроп нашел соотечественника и, следовательно, говорят они по-армянски.

Он был доволен тем, что угадал. За Кавказским хребтом ему быть не доводилось, да пожалуй, и никому из гонцов. Там творились дела непонятные. Плотные кордоны на перевалах, живым никто не проходил, а неживые молчали. Видимо, свои проблемы в тех краях люди решали сами и в постороннем вмешательстве не нуждались.

Месроп весело сообщил Виктору, что, вот, земляка встретил. «А то я не понял!» — хмыкнул Виктор. Подмигнув ему, Месроп сказал, что немного пообщается, а он пусть подождет. Незнакомец улыбнулся и позвал кого-то. Из-за угла показался молодой парень.

— Добры дэн, — сказал парень Виктору. — Ходи со мной.

Виктор вопросительно посмотрел на Месропа, а тот пояснил, что его поведут по зданию, покажут музыкальные лестницы, это интересно. Походи, посмотри, скороговоркой добавил он, а потом иди домой и жди.

Виктор молча пошел за парнем. Ясное дело, Месроп решил обойтись без него. Обидно, вместе ведь шли! Тут

Виктору стало смешно. Он, всю жизнь идущий один, вдруг раскис — и из-за чего!

Прошли мимо библиотеки и свернули в проход, которого раньше они с Месропом не заметили. Новая сеть коридоров и лестниц.

Они здесь помешались на лестницах, решил Виктор. И десяти метров нельзя было пройти, чтобы не упереться в очередные ступени. Посторонний быстро перестанет соображать, где он, на каком этаже. «Музыкальные лестницы» — вспомнил он и каждый раз, поднимаясь или опускаясь, ждал, когда заиграет музыка.

Но музыки не дождался. В конце одного из коридоров его поводырь ткнул пальцем в правую дверь и сказал: «Слушать», указал затем налево, в такую же, со словами: «Смотреть», а потом махнул рукой вперед «Ходить дом».

И ушел, не попрощавшись.

За правой дверью оказался небольшой круглый зал, младший брат того, что с балконом. Виктор остановился в дверях, оглушенный разноголосым шумом. На стульях, скамьях, толстых матах сидели, стояли и лежали человек двадцать мужчин и женщин разного возраста. Все одновременно пели, кричали, кто-то истерично хохотал: мальчик, стоя на табурете, кажется, декламировал стихи, но из-за шума его не было слышно. Звуки отражались от металлических пластин, прибитых к стенам, эхо дробилось, вибрировало, сливалось в рокот, прорезаемый всплесками выкриков.

На одной из пластин желтой краской выведены надписи на разных языках. Виктор обнаружил и русскую:

«Слушай только свой голос».

Он пожал плечами, попятился назад и потянул ручку. Гул стих. Ему вдруг захотелось вышибить ногой дверь, ворваться к этим верещающим пендюрам и выложить все, что о них думает. Мысль, что в гомоне он не услышит сам себя, остановила его. Через минуту легкий шок от встречи с этой вопливой командой прошел, и он сообразил, что круглая комната напоминала тренировочный зал. Зря они вчухали технику Адама в большом круглом зале. Ничего, кроме визга и мява, Адам и его мордovorоты не услышат. Вряд ли это им понравится.

Виктор остановился перед левой дверью. Плунуть на все и уйти домой. Но где тот дом?.. Он чуть-чуть приоткрыл створку, чтобы сразу захлопнуть, если и там окажется банда крикунов.

В комнате, однако, было тихо. Она показалась ему пустой. Рассеянный верхний свет, синие стены. А потом заметил, что в комнате есть люди. Двое. Сидели в дальнем углу друг перед другом и держали в руках странные предметы, напоминающие сложенные вместе узкие таблички.

Виктор подошел к сидящим, посмотрел сверху вниз. Парни как парни. Короткая стрижка, синие хламы. На него не обратили внимания.

— Пива у вас не найдется? — неожиданно для себя спросил Виктор.

Они даже бровью не повели.

— Может, вам нельзя? — не унимался Виктор. — Так мне можно, я и за вас выпью.

Он понимал, что несет ахинею, но не мог остановиться. Надо было обязательно вывести из равновесия этих застывших истуканов. Ничего даже, если они пару раз ему приложат. Для чего это было нужно, он не знал, словно изнутри чужой голос приказывал тормозить, не давать им сосредоточиться.

— ...вас выпью... — звучным эхом вдруг отозвался один из сидящих, и Виктор застыл от удивления.

Сказано вроде шепотом, но голос прозвучал звонко, каждый звук чисто и гулко отдался в ушах и лег на свое место.

Второй пробормотал неразборчивую скороговорку, но Виктору показалось, что он медленно и членораздельно декламирует чуть ли не по складам балладу на незнакомом языке. Странна была такая акустика без глотка или понюшки.

Тем временем парни, не проявляя к нему интереса, взмахнули разом предметами, что держали в руках. Те раскрылись веерами. Это и были веера.

Один держал веер изогнутой рукой снизу, а второй — сверху.

Медленно, плавно взмахнули ими перед лицами друг друга, чуть не задевая носы, забормотали в такт, забубнили непонятно, и снова голоса дрожащим гулом отдались в голове. Виктор хотел уйти, но пульсирующий рокот завораживал. Ватные ноги сделали всего два шага к двери. Прислонился к стене, не в силах оторвать глаз от струящихся переливов двух вееров — огромная бабочка все сильнее и быстрее била крыльями, но никак не могла вылететь отсюда, из тесного объема, зажатого стенами, на воздух между синим, зеленым и белым...

Ему открылись небо и трава, но Виктор тряхнул головой, и видение исчезло. С трудом поднял руки, чтобы зажать уши

ладонями, освободиться от звукового дурмана, но так и замер со вздетыми перед собой ладонями — он обнаружил, что ничего не слышит, хотя деревянные крылья вееров бешено трепещут, а губы дергаются и жестикулируют в том же невероятном ритме. И словно невидимые пальцы мягко, но сильно нажали ему на уши.

Угроза шла отовсюду, надо было уносить ноги. Преодолевая непонятную боль в суставах, сделал шаг, другой, пятясь к двери. Но тут он увидел, как веера в руках задымались, и остановился.

Это был не дым. Пластины вееров таяли, исходя серой тонкой пылью, которая дымкой повисла в воздухе. И только сейчас Виктор заметил, что эти двое словно в зеркало смотрятся — губы извивались двумя парами червей совершенно одинаково и так же одновременно дергались веки.

А потом огрызки вееров полетели на пол, они протянули друг другу руки, и между четырьмя ладонями возник светящийся шар.

Парни обессиленно легли на пол и закрыли глаза. А шар, размером с большое яблоко, проплыл рядом с головой окаменевшего Виктора и, чиркнув по стене, исчез, оставив за собой густую дымную полосу.

Дым рассеялся. Виктор сообразил, что это такая же пыль, как и от вееров. Провел ладонью по гладкой канавке, которую прогрыз шар в бетонной стене: глубиной с кулак, в конце она плавно сходилась на нет. Очевидно, шар терял свою силу.

Виктор оценивающе глянул на длинную выемку, перевел взгляд на неподвижно лежащих парней и покачал головой.

Да, это сила. Более того — оружие. Но пока они будут распалаться, он спокойно подойдет к ним и перережет глотки. И никаких шариков! Хотя, может, издалека?.. Он с сомнением покусал нижнюю губу. Все равно, только они начнут криком исходить, любой снимет их пулей или стрелой. Забавы. Если Месроп и доктор Мальстрем напрягали кишку из-за этих фокусов, то зря тужились.

— Жаль, что у вас нет пива, — укоризненно сказал он и пошел к двери.

Лежачие даже не пошевелились. Ему показалось, что они и не дышат. Он вышел в коридор и тут же забыл о странных парнях, потому что навстречу шел Адам и вид у него был прекрасный.

6

Адам прошел мимо, сделал по коридору еще несколько шагов, замер на полушаге и так, с поднятой ногой, развернулся на месте, чуть не упав.

— Рад, рад встрече! — Он вцепился в ладонь Виктора и затряс ее.

— Вас что, помоями облили? — спросил Виктор, осторожно принюхиваясь.

— А, это... — Адам брезгливо ткнул пальцем в тошнотворные потеки на роскошном костюме, — сам не понимаю, где меня так.

Он стащил пиджак и, не обращая внимания на шарахнувшегося к стене Виктора, глянул по сторонам, обнаружил урну и зачихал в нее пиджак.

— Музыкальные лестницы! — сказал, как выругался, он и добавил пару непонятных слов.

Виктор осторожно перевел дыхание. От Адама шел мощный винт старой забродившей помойки.

— Где наш друг? — спросил Адам.

— Здесь, — Виктор неопределенно повел рукой.

— Хорошо, — сказал Адам, потом добавил: — Плохо. Мы тут как дураки. Они тоже дураки. Учитель исчез, завещание выслушать некому...

Он тоскливо вздохнул. Виктор немного подумал и рассказал Адаму про фокус с шаром.

Адам громким шепотом сообщил, что все эти фокусы ему надоели и, будь в его власти, давно бы дал команду спалить дотла клопинное гнездо.

При этом он многозначительно закатил глаза. Виктор посмотрел на потолок и ничего там не обнаружил. Все немного сошли с ума, решил он. Ничего страшного, лишь бы не кусались.

Адам хлопнул Виктора по плечу и побрел дальше по коридору. Виктор смотрел ему вслед и думал: хорошо, если он, уйдя за поворот, сгинет навсегда, пропадет со своими подручными, чтобы ему, Виктору, не ломать голову, как избавиться от непрошеного знакомства.

А через минуту из-за того же поворота вышел Месроп со своим земляком и, помахав рукой Виктору, исчез в соседнем коридоре. Виктор пожал плечами и медленно пошел за ним.

Свернул за угол, но Месропа там не обнаружил. Тупичок опять заканчивался лестницей, а рядом в неглубокой нише виднелась полуоткрытая дверь из некрашенной фанеры. Виктор сел на ступени. Ему вдруг захотелось спать, прямо вот растянуться на полу и закрыть глаза.

Отчаянно зевая, он с трудом поднялся со ступенек. Сонливость мгновенно исчезла. «Чертовы лестницы», — подумал он и шагнул назад. Споткнулся и чуть не влетел головой в комнату за фанерной дверкой. От удара плечом дверь распахнулась, и он еле удержался, схватившись за косяк.

В маленькой комнатухе причудливыми башнями громоздились желтые пластиковые ведра, несколько щеток на длинных ручках, в углу темнела большая круглая тумба на колесах, обмотанная толстым шлангом. Шланг был весь в дырах, наверно, пылесосом давно не пользовались. Тусклая пыльная лампочка голо висела под низким потолком.

Виктор окинул взглядом кладовку и, взявшись за ручку двери, мазнул ладонью по выключателю. Лампочка моргнула и погасла. Он закрыл дверь.

Пройдя несколько шагов по коридору, остановился. Повернул обратно и снова оказался у двери. Что же там привлекло его внимание? Закрывая дверь, он краем глаза заметил что-то, мелькнула полоса непонятная...

Открыл дверь, включил свет и внимательно оглядел стены, потолок и все, что лежало на полу. Легонько толкнул ногой ведро. Ведро откатилось в сторону. Ничего!

У двери послышались голоса. Он насторожился. Беззвучно подкрался к щели — в коридоре Широкоплечий разговаривал с худым человеком в синем комбинезоне. Широкоплечий смотрел себе под ноги и протирал тряпочкой стекла очков, а худой быстро и негромко объяснял ему что-то, размахивая руками.

Виктор прислушался, но ничего не понял. Проскакивали английские, немецкие слова, пару раз ему показалось, что они и по-русски говорят, но толку все равно было мало — он ничего не понимал.

Мужик в синей робе, наверно, из местных, догадался Виктор, быть того не может, чтобы Адам своих людей сюда не понавыкал!

Широкоплечий стряхнул пылинку с рукава, поправил галстук и, судя по интонации, задал вопрос. Худой пожал плечами и виновато затараторил. Широкоплечий покачал головой и

длинно причмокнул. Его собеседник побледнел, шарахнулся в сторону и рванул по коридору, прыгая от стены к стене.

Две или три секунды понадобились худому, чтобы добежать до поворота, но Широкопечий уже плавно вздел руку, ствол с длинной насадкой в его руке дернулся, слабый хлопок, и беглец упал.

Не торопясь, Широкопечий подошел к нему, взял за ноги и потащил обратно. Виктор мгновенно сообразил, где будет спрятано тело. Один взгляд, и он метнулся за пирамиды ведер, лег прямо на грязный пол. Голова упиралась в шланг пылесоса, было страшно неудобно, но выбирать не приходилось — если Широкопечий обнаружит его, то как свидетеля отправит вслед за худым. И, как на грех, с собой нет ни ствола, ни лезвия паршивого!

Войдя в кладовку, Широкопечий на миг замер, повел глазами из-под очков по сторонам и отпустил свою ношу. Ноги худого глухо ударились об пол. Снова издав продолжительный чмок, Широкопечий вышел, погасив за собой свет.

Выждав несколько минут, Виктор осторожно выбрался из своего укрытия. Приоткрыл дверь — в коридоре никого не было. Тонкая темная линия прямо посередине пола вела к кладовке. Надо было спешить, в любой миг на кровавый след могли выйти обитатели дома. И если они решат, что Виктор разделался с худым... Что тогда? Месроп, кажется, ничего не говорил, всепрощенцы ли они или, наоборот, практикуют жертвоприношения.

Но что привело его в кладовку, зачем он вернулся сюда? Вот оно!

На противоположной стене тонкая светящаяся нить очерчивала прямоугольник. Еще одна дверь.

Не зажигая света и чуть не наступив на покойника, он подошел к стене и осторожно припал ухом к двери. Тихо. Надавил справа, слева и даже не удивился, когда прямоугольник подался, открывая проход в ярко освещенный коридор.

Помешались на коридорах, подумал Виктор, прямо как в доме на Тверской. Да пропади они все вдребезги, решил он, пора домой, поесть и поспать немного. Снова накатила сонливость. Виктор с опаской глянул по сторонам, нет ли поблизости коварных лестниц.

Одна из дверей открылась, вышел высокий мужчина в странном полосатом халате. На голове криво сидел грязный колпак из пестрой свернутой тряпки. В руке он держал

деревянный сундучок. Медленно, полуприкрыв глаза, он прошел мимо Виктора, распахнул ногой дверь в следующую комнату и вошел.

Через несколько секунд дверь опять распахнулась, мужчина в полосатом халате, прижимая к груди сундучок, вылетел оттуда большой неопрятной птицей, а вслед неся такой отборный мат, что у Виктора сразу потеплело на сердце и он решительно двинулся в сторону источника родных звуков.

Войдя в комнату, он в изумлении застыл. Стол, заваленный банками пива и большими жестяными флягами, никак не вязался с местной атмосферой мелких тайн и мистерий. А вскрытые и нетронутые консервные банки, валяющиеся на столе и под столом, завершали картину восхитительного бардака.

Молодой человек сидел за столом, уронив голову на руки. Резко двинув локтем, смахнул на пол несколько банок. Поднял голову и уставил на Виктора мутные глаза.

— А, это ты, — и снова уронил голову.

Виктор узнал его, и раздражение поднялось в нем. Не так давно он желал, чтобы этот парень не появлялся как можно дольше, но теперь ему стало просто обидно. Пока они с Месропом, как дешевые гаврилки, бродят по дурацкому дому, шпигуя дурацкой техникой комнаты, Петро навалился на жрач и плевать ему, что он, Виктор, каждый день шляется на площадь Кальвина и ждет, когда он явится с подарочком для доктора Мальстрема.

Не говоря ни слова, он подошел к столу, взял банку с пивом, открыл и, выцедив до капли, смял в кулаке, а смятый ком запустил в стену.

Петро вздрогнул и поднялся с места. Прошел, держась за стену, к встроенному шкафу, сорвал с вешалки пиджак и с минуту о чем-то размышлял, держа его перед собой на вытянутой руке. Потом пробормотал «Ага», полез в карман и достал оттуда небольшой белый прямоугольник. Пошатываясь, вернулся к столу и, положив перед собой прямоугольник, пристально посмотрел на Виктора. Кивнул, снова поднялся и пошел тем же маршрутом.

Виктор взял прямоугольник и чуть не выругался вслух. Вот свиньи. Вернется в Москву и даст в морду негодяю, снабдившему Петра его фотографией. И неважно, чья это затея, диспетчера или доктора! Раз-два по рогам, а там пусть соображают, можно ли фотографировать гонца без спроса!

Он положил фотографию в карман. В это время Петро перестал рыться в своем белье и извлек из-под груды носков, маек и трусов небольшой пакет.

— Вот. Забирай и тикай, пока ноги не оторвали.

— Кто же будет ноги отрывать? — осведомился Виктор.

— А? — Петро рухнул на стул и уставился на Виктора. Вскоре вопрос дошел до него, и он криво улыбнулся.

— Есть тут любители ноги отрывать. Улыбаются, сучьи потрохи, и рвут. Улыбаются и рвут...

— Кому?

— Что — кому?

— Кому рвут, спрашиваю? — терпеливо повторил Виктор.

Раздражение быстро прошло. Он смотрел на своего пьяного собеседника и пытался соединить увиденное и услышанное с этой косо сидящей фигурой. Петро не увязывался ни с парнями, испускающими светящиеся шары, ни с крикунами в зале, ни тем более с покойником в кладовке.

Виктор взял пакет, взвесил в руке.

— Здесь все, — сказал Петро. — Весь учебный курс, отбор и остальная хреновина. Семь дисков. Тикай хлопчик. Пропадешь!

— Что доктору передать?

— Кому?.. А, доктору! — Наморщив лоб, Петро зашевелил пальцами, потом махнул рукой. — Ничего не надо. Скажи, все тут сволочи, трусы и негодяи. Саркис пропал. Нет, ничего не говори. Кишка у всех тонка, понимаешь, у них тонка, а у меня нет. Нашли дурака. Дурак — это я. Согласился. Больше некому. Такая честь, говорят. А сами в глаза боятся смотреть. Ученички хреновы. Так и скажи. Нет, ничего не говори!

Он упал щекой на стол и захрапел.

Времени раздумывать над словами Петра не было. Пакет в руках гонца, и теперь каждая секунда на счету. Если правы Месроп и Адам, то именно за этими дисками идет большая охота.

7

Как всегда в такие минуты, вела его память гонца: обратно он шел чуть ли не с закрытыми глазами и, когда ноги подскакивали — налево, направо, туда и сворачивал. Сбился только дважды, но быстро выбрался из тупиков и через несколько минут был на улице.

Прошел к набережной, несколько раз сворачивая в переулки. Никто, кажется, за ним не следил. Даже если Адам или кто другой засек пакет, есть немного времени, чтобы спрятать его, а самому залечь в тихом укромном месте и выждать, пока все стихнет. Лучше всего, конечно, не теряя ни минуты, взять на ближайшей стоянке платформу помощнее и в три-четыре джампа добраться до Москвы. Там уже без спешки обдумать, куда дальше с грузом — к доктору Мальстрему или к Сармату.

Но, бросив Месропа на растерзание Адаму, неудобно появляться в Саратове, даже размахивая дискетами. А к доктору почему-то не хотелось, правда, взятые чоны обязывали. Сделать копии? Сармату, Уле и этому Адаму, чтобы отвязался. Но если Адам сочтет миссию исполненной, то может, походя, придушить его и Месропа.

Перебирая варианты, он вышел на Элмункастер, огляделся и свернул налево, потом запомнившимся переулком попал на стоянку. Он ее приглядел три дня назад, на всякий случай. При любом раскладе исчезать отсюда придется с наивозможной быстротой. Кто поручится, что, протрезвев или, наоборот, добавив, Петро не начнет говорить налево-направо о нем?

Сидевший за конторкой пожилой, усатый, голый по поясу мужчина долго не мог понять, чего хочет Виктор. Наконец, после махания руками, тыкания пальцами в платформы и прочих жестов, он сообразил, взял блокнотик и нарисовал сумму залога. Потом оценивающе посмотрел на Виктора и прибавил еще сотню. А когда Виктор показал ему чоны, быстро стер пару нулей и, преисполненный уважения, проводил к сектору, где стояли три платформы. Две были новенькие, с иголки, незнакомой марки. Рядом с ними неуместной развалиной пристроился старый, обшарпанный «паккард». Виктор ткнул в него пальцем, и хозяин, невозмутимо показав ему большой палец, отдал ключ-жетон.

Машину он посадил за киоском так, чтобы она не очень выпирала из-за угла. По пути он немного погонял ее на форсаже и остался доволен: турбины работали хорошо. Новая техника хуже старой, тут ничего не поделаешь. То ли разучились собирать, то ли по другой причине. Размышляя над этим, он правой рукой вытянул рычаг до отказа, а затем, упевшись коленом, чуть-чуть отжал его вбок. Как и ожидал, выпуклая пластина слегка приподнялась. Пакет лег в гнездо. Отпустив рычаг, подергал в разные стороны — без помех.

Сделал купол прозрачным, откинул его, выбрался, заблокировал купол и пошел вокруг квартала на квартиру.

Дома никого не было. Поев, он развалился на диване, еще раз напомнил себе, что лучший план действий — это полное отсутствие планов, и задремал.

Проснулся от тихих шагов за стеной. На кухне звенела посуда, шумела вода, а потом Месроп громко спросил, какой идилт жарит мясо на растительном масле?

Виктора встретили неласково. Широкоплечий в кокетливом переднике из гардероба хозяйки резал лук и исходил слезами, Адам размахивал бутылкой с оливковым маслом и что-то втолковывал Месропу, а Месроп молча выливал шипящее масло из сковородки в раковину. Широкоплечий тут же утер лицо фартуком и вручил Виктору нож, приглашающе указав на недорезанные луковицы.

Минут через десять они сидели за кухонным столом. В сковороде жарилось мясо, рядом в кастрюле тушились овощи, в животе у Широкоплечевого время от времени бурчало, после чего он виновато улыбался и протирал очки. Кобура мешала ему, но он ее не снимал, хотя Месроп ехидно предложил расслабиться и не натирать себе ребра глупыми железками.

Так, перебрасываясь пустыми фразами, они съели все, и Адам как-то неуверенно пригласил обменяться впечатлениями.

Месроп хмыкнул, вывалил грязную посуду в раковину и ушел в комнату. Переглянувшись, Адам и Широкоплечий пошли за ним. Широкоплечий при этом взял с подоконника небольшой ручник.

Виктор тоже поднялся, но вместо того, чтобы идти в комнату, распахнул кухонную секцию. Не помешает вооружиться. Кухонные ножи не годились, либо слишком длинные, либо хлипкие ковырялки. Вдохнув, Виктор сунул в карман медный пестик из старой позеленевшей ступки.

В комнате он застал всю троицу у небольшого плоского экранчика. Широкоплечий держал в руке брелок дистантника и время от времени переключал каналы. Приглядевшись, Виктор обнаружил, что смотрят не местную программу, а работу камер, которыми они с Месропом наспиговали дом на улице Занаду.

Мелькнул знакомый круглый зал. Пару раз рыбы глаза объективов упирались в надоевшие до тошноты коридоры. Пустая библиотека. Виктор удивился, вроде бы сюда они не всаживали! Хотя там бродили Адам и Широкоплечий. Техника быстро дохнет, но кое-что они рассчитывают увидеть.

Жаль, нет камеры в подсобке. Интересно, какое было бы лицо у Широкоплечего, возникни на экранчике его покойничек?

Широкоплечий выключил экран и, оставив его на столе, вышел. В комнате стало тихо. Месроп сидел, сцепив ладони на затылке. Зевнул и прикрыл глаза. Адам молча посмотрел на него. Наконец Месроп хрустнул пальцами и вздохнул.

— Хорошо бы подвести итоги, — сказал он.

— Да, неплохо, — согласился Адам.

— Итогов нет.

— Техника пока работает, — осторожно проговорил Адам. — У нас в запасе день или два. Есть время...

— Нет у нас ничего, — сердито сказал Месроп. — Можно сворачивать технику и расходиться по домам. Я долго общался с одним человеком и разобрался в сути дела.

— Даже так! — вскинул брови Адам. — Вы говорили с руководством секты?

— Секты, собственно говоря, нет. Почти все разбежались, осталась кучка неофитов. Очень шумные люди, достигшие середины пути... И все!

— Я бы не сказал, что осталось несколько человек, — Адам смотрел мимо Месропа и тер пальцами виски.

— Не в этом дело. Физически они все здесь. Но распалась общность, духовная, или там мистическая, связь. Они так и не смогли пережить исчезновение Саркиса. Сейчас даже не могут найти добровольца-восприемника.

— Не понял.

— Перед исчезновением Саркис сообщил пятерым некие слова. То ли это мантры, то ли составные части какого-то заклятия, внятно объяснить не смогли. Нужен человек, который выслушает эти слова и соединит их вместе. Возникнет некая точка слияния, некий вектор движения, своего рода ключ к Новым Вратам.

— Даже так! — опять сказал Адам.

— Может, так, а может, иначе. Я немного запутался. Впрочем, это не имеет никакого значения. Добровольца не нашлось. А завтра, наверно, уже будут рассекречены все их тайны. И давайте выпьем немного коньяка, — неожиданно заключил Месроп.

— Пейте сами свой коньяк! — мрачно сказал Адам. — Мне нужно подумать.

Он вышел из комнаты. Месроп большим и указательным пальцем разгладил усы и вполголоса сказал:

— Сейчас они решают, кончать нас прямо здесь или плюнуть и забыть. Надеюсь, они выберут второе. Это справедливо: мы помогали им по мере сил. К тому же этот вариант мне нравится больше. Адам не похож на человека, которому нравятся трупы.

Рассуждения о том, будут ли их убивать, Виктор пропустил мимо ушей. У него были свои резоны по этому поводу. Он только спросил у Месропа, что за история с добровольцем. Месроп оживился и сказал, что история самая заурядная. Как всегда, кашу заваривают одни, а на амбразуру предлагают ложиться другим. Заметь, сугубо добровольно и желательно с должным энтузиазмом. При чем здесь амбразура, спросил Виктор. К слову, ответил Месроп, просто образ. Если угодно, можно сказать иначе — один человек должен принять странное, чтобы все остальные превратились если и не в богов, то во что-то похожее.

Виктор почесал переносицу и спросил, неужели любой, овладевший этими мелкими трюками, становится богом. Отнюдь, и даже напротив, громко сказал Месроп, все эти разгоны, тренинг, медитативная гимнастика и горловое пение только стадия кокона, личинки. А вот когда аспекты истинного существования и несуществования сойдутся в точке сингулярности, которая есть истинный логос, тогда... Тогда...

— Что — тогда? — спросил Виктор.

— Не знаю. Боюсь, они тоже не знают, что тогда произойдет. Они только надеются.

— На что надеются?

— А? — Месроп рассеянно посмотрел на Виктора.

— Что там сойдет в точке? — терпеливо спросил Виктор.

— Да, извини, задумался. Когда все пять ингредиентов сольются, что-то должно грянуть, качественный скачок, понимаешь, резонанс. Все, чем они сейчас владеют, окажется детской шалостью по сравнению с тем, что они смогут тогда. И все упирается в сущую малость — нет добровольца.

— Почему?

— Да потому что каждому хочется стать богом, но желательно бесплатно. А каково тебе знать, что ты только сосуд, в котором плавится волшебная пилюля?

— Ничего не понимаю.

— Носитель сущности и сама сущность не одно и то же.

— Не понимаю, — упрямо продолжал Виктор.

— Ну как тебе сказать... Во-первых, они просто не успели найти добровольца, все раскручивается слишком быстро. Следуя воле своего учителя, они вынуждены отдать имение свое миру. Будь у них больше времени, нашли бы молодого неопфита.

— Это опасно?

— По всей видимости — да. Своего рода жертвоприношение... Нет, неверно, это скорее единоборство. Точнее, ритуальная битва одновременно с богом и с дьяволом.

— Но ведь они не существуют! По крайней мере, для них.

— Ты попал в точку. С несуществующими богами сражаться гораздо трудней. Честно говоря — совершенно безнадежно. Но это пустой разговор. Никто из них не решается принести себя в жертву.

— Не уверен, — тихо сказал Виктор.

Месроп быстро глянул на дверь, поманил его пальцем к себе и подошел к окну. Указал пальцем на свое ухо.

Виктор шепотом поведал о своей встрече с Петром, не сказав ничего о дискете. Так, случайная встреча с пьяным неопфитом, который готовится лечь на амбразуру или взойти, куда попросят.

— Что же ты молчал, — яростно прошипел Месроп, — вот молчун чертов!

— Интересно, — насупил брови Виктор, — и Адаму я должен был рассказать?

Уткнувшись носом в стекло, Месроп тяжело сопел. Виктор смотрел на улицу. Второй этаж. По карнизу до киоска, а с него на купол платформы. На все двадцать секунд. Сумеет Месроп пройти по карнизу? Широкий, сантиметров сорок.

— Цейтнот, — сказал Месроп, — не могу сосредоточиться и выработать план. Все летит кувырком. Я почти договорился с... одним человеком. Обещал приехать к нам в Саратов и научить всему. Что же получается — врал? Или только посвященные знают? Боюсь, наша авантюра с треском рассыпалась. Сармат будет смеяться...

Виктор пожал плечами.

— Тебе хорошо, — горестно усмехнулся Месроп, — а мы с Мартыном вокруг этих ребят много чего закрутили. Теперь у нас считанные часы или минуты. Что делать?

— Вести себя достойно, — неожиданно раздался голос за спиной.

8

В комнату вошел Адам, а за ним и Широкоплечий, вынимая на ходу из уха шарик с круглой пружинкой.

— Очень достойное занятие — подслушивать! — с досадой сказал Месроп.

— С такими партнерами ничего другого не остается, — отпарировал Адам.

Он укоризненно погрозил пальцем Виктору и уселся за стол. Широкоплечий включил экран и медленно пошел по точкам.

— Вы очень самоуверенны, — сказал Адам. — Информация молодого человека интересна. Но! — Он поднял палец. — Вы думаете, что информация с наших камер не идет еще куда-нибудь? Вы полагаете, что мы одни напичкали камерами дом на улице Занаду? Мы здесь пытаемся обмануть друг друга, а в это время наши подопечные, возможно, начали ритуал провозглашения финального заклатья. События приобретают такой угрожающий характер, что там, — опять поднятый палец, но на этот раз не назидающий, а просто показывающий вверх, — могут принять соответствующее решение, и мы вместе с нашими богочеловеками рискуем в ближайшее время обратиться в пепел. Что вы об этом думаете?

— Я ничего не думаю, — сухо ответил Месроп.

— Правильная оценка своих возможностей, — кивнул головой Адам. — А я вот думаю, что сейчас чьи-то пальцы ложатся на пыльные кнопки...

— Гхм! — произнес Широкоплечий.

— Бросьте! — отмахнулся Адам. — Мы сгорим вместе, если эта дрянь на орбите сработает. Одна надежда, что за долгие годы там все разрядилось.

— А-га, — медленно протянул Месроп. — Лазерная бомба.

— Так, — согласился Адам. — И поверьте, я не знаю, где и кто держит в прицеле дом на улице Занаду. Не знаю радиуса поражения. Не знаю, блеф это или на самом деле у них есть коды...

— У кого это — у них? — спросил Месроп.

— Гхм, — вторично сказал Широкоплечий, и Адам замолчал.

На экране мелькали коридоры, комнаты. Широкоплечий вопросительно поглядывал на Адама.

— Ну-ка, минуточку, — сказал вдруг Месроп.

Виктор подошел к столу и встал за спиной Широкоплечего. Тот недовольно дернул плечом, но промолчал.

Это был круглый зал, Виктор вспомнил, что камеру прилепили на балкончике. Сверху почти невозможно разглядеть лица, но Виктор готов был поклясться, что фигура в центре — Петро. А когда Широкоплечий тронул сенсоры и дал наплыв, тот на миг поднял голову, и Виктор вздрогнул, увидев его абсолютно трезвые, злые глаза.

К стене прижались пятеро людей, и Виктор догадался, что именно они и именно сейчас отдадут ему части целого. Во что превратится парень, стоящий в центре, после того, как станет носителем целого? Виктор почувствовал, как вспотела спина. Он хотел снять куртку, даже взялся за лацкан и потянул его, но тяжелый пестик ткнулся в бок, и он передумал.

Сверху было видно, как пятеро медленно пошли по кругу, один за другим, раскачиваясь из стороны в сторону. Один время от времени всплескивал руками, другой держал руки за спиной, остальные просто шли, переваливаясь, как утки.

Тот, кто всплескивал руками, начал сужать круги и наконец подошел к Петру. Они соприкоснулись ладонями и, хотя Широкоплечий усилил звук до предела, ничего, кроме тяжелого дыхания, услышать не удалось. На секунду или две экран покрылся кляксами-вспышками помех. Потом подошел второй, третий... И каждый раз возникали краткие помехи. Виктор обратил внимание на пульсирующий гул. Вначале еле слышный, он нарастал, давил на уши. Адам и Месроп переглянулись.

Последний носитель оказался женщиной. Гул стал невыносимым, и Широкоплечий убавил звук. Но скачущий ритм все равно болезненно отзывался в голове.

Пятеро разбежались в стороны и, раскинув руки, прижались к стене. Петро стоял, нелепо задрал локти, и слабо шевелил опущенными вниз пальцами. Потом медленно закружился на месте, оседая. Когда он распластался на полу, Широкоплечий дал крупный план.

Виктор облегченно выдохнул — гул исчез. Вглядевшись в глаза лежащего на полу человека с искаженным в гримасе ртом, он понял, что тот мертв. В следующий миг вспомнил, что на полу лежит Петро. Целое убило его.

— Теперь он ничего не скажет, — прошептал Адам.

Один из пятерых произнес что-то, женщина кивнула и быстро вышла из зала.

— Вот оно как... — пробормотал Месроп.
— Что? Что? Я не расслышал! — вскинулся Адам.
— Они послали за хоккеаром, — неохотно пояснил Месроп.
— Это меняет дело, — Адам потер подбородок, — если хоккеар опытный и волчок у него хорошо откалиброван, то, может, что-нибудь и выщупает у покойника. Мы услышим, как звучит заклатие, убившее этого парня. Вопрос, не убьет ли оно и нас?

— Очень скверная ситуация, — неожиданно вмешался в разговор Широкоплечий и причмокнул.

Виктор похолодел. Знакомое чмокание не сулило ничего хорошего. Он вскинул пестик, однако Широкоплечий уже выхватил пистолет, и Виктор понял, что сейчас Месроп будет убит.

Тяжелый медный цилиндр пошел вниз, к затылку Широкоплечевого. Хлопнул выстрел, и Адам с простреленной головой упал лицом на стол. Но в тот миг, когда во лбу Адама возникла аккуратная дырка, пестик врезался в затылочную кость Широкоплечевого.

Секунду или две Месроп оцепенело смотрел, как наливается кровью скатерть под головой Адама и как Широкоплечий медленно падает вместе со стулом на пол. Потом он вздрогнул, вскочил, но Виктор, приложив палец к губам, молча указал на дверь. Месроп кивнул и скрылся в коридоре. Виктор на всякий случай глянул в окно. Никого. Взял со стола экранчик и сунул его в ручник, прихватил сумку с вещами и вышел за Месропом. Тот уже стоял у выходной двери и растерянно тер лоб. Виктор похлопал по его плечу и открыл дверь. Спускаясь по лестнице, он молил всех существующих и несуществующих богов, чтобы подручные покойников не встретились им по пути.

Внизу никого не было.

— Куда теперь? — сипло спросил Месроп.

Виктор кивнул в сторону киоска.

Платформа была на месте. Пока он открывал кузов, подошел Месроп. Молча забрался внутрь, сел рядом и, только когда они взмыли над домами, не то спросил, не то сказал сам себе:

— Странно, почему не в меня?..

Виктор ничего странного не видел. Раз уж Широкоплечему пришла блажь убить всех, то начать, конечно, нужно со своего. Это ввергает остальных в легкое замешательство, а расправиться с ними тогда значительно проще. Вторая пуля предназначалась Виктору, но Широкоплечий не знал про пестик.

Через пару минут, когда машина поднялась на сотню метров, Виктор подтянул к себе ручник и достал экран. Месроп оживился, пристроил его к приборной доске и включил.

Виктор вел невысоко. Пару раз садился на крыши, смотрел по сторонам. Погони вроде не было, с десятков машин крутилось над императорским замком, грузовые же линии далеко за окраинами. Две большие платформы вынырнули со стороны вокзала и ушли за реку.

Ничего подозрительного. Но лучше выждать. Если в их квартире обнаружили тела Адама и Широкоплечего, то кинутся по всем направлениям. Если нет... Все равно, суетиться не надо. Отдохнем немного, потом хороший прыжок к Ужгороду, а оттуда ни одна собака не возьмет их след. Виктор слабо улыбнулся, вспомнив, как по дороге в Будапешт их несколько раз проверяли. Лети они на платформе — вынудили бы сесть, иначе собьют. А отсюда на восток — вали на здоровье, если приспичило.

Он опустил машину около стадиона и загнал ее под деревья. Выключил двигатель и откинулся в кресле.

Месроп, не отрываясь, смотрел на экранчик. В круглом зале ничего не происходило. Петро лежал на полу, а вокруг молча стояли четверо.

— Чего они ждут? — спросил Виктор.

— Хокеара.

— Что это такое?

— Это... безумие... — Месроп тер ладонями щеки, а глаза у него были шальные. — Они хотят... Нет, форменное безумие. Не понимаю, почему он застрелил Адама?

— Потом он застрелил бы нас, — терпеливо сказал Виктор. — Так кого они позвали и для чего?

— А, да! Понимаешь, тоже своего рода секта. Посредники, так сказать, устанавливают связь между живыми и мертвыми.

Виктор кашлянул. Что-то многовато становится сект, подумал он.

— Лет тридцать назад, — продолжал Месроп, — или сорок, обнаружили такие частицы, аксионы. Я не физик, плохо разбираюсь. В общем, каждый предмет, одушевленный или наоборот, оставляет квантовый след. Не помню, сверхпроводимость там или сверхтекучесть, но след держится долго. Митя, светлая ему память, рассказывал. Кто-то в темноте свинцовый волчок крутил и зафиксировал аксионные кольца. Остановил

волчок — а кольца неделю еще держались. Ну и пошло-поехало. Митя красиво излагал, про разницу темпов жизни и сна, и будто эти кольца есть у каждого существа, а после смерти они еще долго пребывают как бы во сне. Понимаешь?

— Нет!

— Довольно-таки стройная концепция. Я тоже не все понял, но одно ясно — сплошной скучный материализм. След, слепок личности некоторое время как бы функционирует в некой среде. И с ним при определенных условиях вроде бы удастся наладить контакт. Там, правда, было еще сложное вранье о формировании аксионной сверхструктуры — она эволюционирует, питаясь душами, и как бы составляет божественный сверхразум.

Виктор зевнул. Месроп говорил скучно, монотонно, время от времени протягивал руку к ближайшему кусту и срывал мелкие красные ягоды. Одну из ягод положил в рот, сморщился, выплюнул.

В круглый зал вернулась женщина, а за ней вошел человек. Сверху была видна его широкая накидка.

Виктор не знал, как манипулировать объективом. Он почти уперся носом в экран и с трудом разглядел странную шапку на голове у вошедшего и небольшой предмет, похожий на коробку, в руке. Сундучок? Вспомнил тут же о человеке, которого Петро вышиб из комнаты за минуту до их встречи.

— Позволь-ка, — Месроп отпихнул его плечом и придвинулся к экрану. — А, вот и хокеар пожаловал.

Виктор посмотрел на часы. Скоро начнет темнеть, движение над городом прекратится, и патрульные машины повиснут в небе. Правду говорил Петро, уносить пора ноги, а то оторвут. Вспомнив о Широкоплечем и Адаме, Виктор холодно улыбнулся. По крайней мере двумя любителями отрывать ноги стало меньше. Но сколько их осталось, рыщущих по городу в поисках дискет?

Все. Пора лететь.

9

Он вывел машину на газон, провел ее невысоко над стадионом, а потом, не торопясь, двинулся вдоль широкой улицы, которая, как он справился по карте, вела к старому шоссе на Хатван.

Никто за ними не шел. Тогда он врубил форсаж и по крутой спирали поднялся вверх. Улицы, сады и крыши ухнули вниз и превратились в плоскую карту.

Изображение покрылось рябью.

— Повиси немного здесь, — попросил Месроп, — сигнал глохнет.

Хокеар достал из складок балахона черную тряпку, замостил себе голову и лицо и лег рядом с Петром. Одну руку он возложил на лоб Петра, а второй хлопал по полу.

— Волчок разгоняет, — почему-то шепотом сказал Месроп.

Виктор зафиксировал машину и глянул вниз. Вон там, по левую руку, в паутине кварталов напротив острова, стоит дом на улице Занаду, в доме лежит мертвый парень, а рядом пристроился чумной парчак и крутит дурацкую юлу.

По экрану расплзлись кляксы помех.

— Давай назад, — нетерпеливо сказал Месроп. — Слабый сигнал.

Виктор взялся за шар, но тут же снял с него ладони.

— Я уже видел такие помехи.

— Ты прав, — отозвался Месроп. — Неужели некроцап что-то нашупал? Никогда бы не поверил!

Странная догадка пронзила Виктора.

— Но тогда и он... — с этими словами Виктор причмокнул, пытаясь воспроизвести звук Широкоплечего.

— Не уверен, — Месроп не отрывал глаз от экрана. — Все-таки след этого сводного заклатья не есть заклатье. Нет, ты только посмотри!

Хокеар вскочил на ноги, сорвал с головы черную тряпку и закружился на месте. Его халат раздулся большим колоколом, цветные полосы слились в мерцающий тусклый диск.

«Сейчас рухнет», — подумал Виктор.

Но вертящийся огромной юлой человек не падал, продолжая свое кружение, затем резко остановился, и пестрый балахон обвился вокруг него. Хокеар прыгнул в одну сторону, в другую, воздел руки к потолку, поднял лицо — широко открытый рот дергался, а в зеве красной змеей бился язык.

— Эх, динамики не прихватили, — вздохнул Месроп.

«Твое счастье!» — хотел ответить Виктор, но удивился своей мысли и смолчал.

Изображение сделалось поразительно четким. Виктору на миг даже показалось, что исчезли не только помехи, но и сам

экран и будто в открытый проем они внимают беззвучным крикам хокеара.

Вдруг изображение пропало. Месроп взвыл от досады и щелкнул по экрану. Ничего! Растерянно посмотрел на Виктора, а тот пожал плечами и глянул вниз.

Он хотел утешить Месропа, но не успел сказать, что возвращаться нет смысла, да и просто опасно, как замер с раскрытым ртом, словно тот хокеар, что корежился в круглом зале.

Там, где должен был находиться дом на улице Занаду, возникло серое пятно. Виктор прилип к прозрачному борту и увидел, как быстро растет серый круг: светлые и темные дома, разноцветные крыши, зеленые и желтые пятна деревьев обесцвечивались, а круг рос, и все в нем теряло цвет, окраску. И когда уже половина острова Маргит была захвачена серой плесенью, словно огненная спица прорезала облака и вонзилась сверху прямо в центр серого круга, в дом на улице Занаду.

Платформу сильно тряхнуло и отнесло в сторону. Виктор схватил шар и развернул машину так, чтобы можно было видеть.

И он увидел...

Волна, стирающая краски, остановила свой бег, и ему показалось, что она, то ли иссякнув, то ли отразившись от невидимого барьера, пошла обратно. И в ее движении назад, к точке исхода, дома, сады и дворцы обращались в прах, рассыпались серой пылью, и чем ближе она была к своему началу, тем глубже становилась воронка.

Виктор, не раздумывая, кинул машину на форсаже вверх и в сторону, а затем выровнял и, судорожно оглядываясь, повел ее прочь.

Он успел заметить, как хлынула вода в огромный круглый котлован. Пришел злобный гигант и аккуратно вынул черпаком все, что подвернулось под руку. Над выемкой поднялся столб пыли и быстро растаял.

Месроп съежился на своем сиденье и что-то бормотал, но Виктор не понимал его слов. Он думал о том, сколько людей исчезло, обратилось в серый дым и как будут потрясены уцелевшие, обнаружив, какую дыру выела страшная сила в самом сердце прекрасного города...

* * *

Топлива им хватило до Ужгорода. Хозяин заправочной долго присматривался к машине, цокал языком, а потом предложил за нее хорошенькую сумму, которой, как он сказал, им

вполне хватит, чтобы добраться до любого места. Он так понимает, заявил, усмехнувшись, что платформа краденая, и пока не объявился владелец, лучше договориться по-мирному. Чтобы придать весу его словам, из дверей заправочной вышел детина в замасленной спецовке, пренебрежительно глянул на скившего Месропа, на Виктора и прогудел, чтобы те уносили ноги целыми.

Виктору очень не понравилось упоминание о ногах, в последнее время слишком часто на них покушались. И он без предупреждения воткнул пальцы в глазницы детины. Тот взвыл, схватился ладонями за лицо, упал и покатился по земле. Хозяин дернулся в сторону, но Виктор уже приставил лезвие к его глотке и тихо попросил заправить машину.

Больше ничего с ними не происходило, и в три джампа они добрались до Саратова.

Все это время Месроп был в легком оцепенении. Виктор чувствовал, что тоже заболевает — тело ломило, головная боль изматывала и постоянно хотелось пить. Он забыл о том, что собирался сначала в Москву, сделать копии, он начисто забыл и о дискетах, спрятанных между тягами.

Вспомнил о них только тогда, когда они сели на крышу штаба. Достал их, сунул за пазуху и помог Месропу выбраться из машины.

Набежали дружинники, проводили их вниз, и тут они попали в объятия Мартына, а потом к ним вышел Сармат и рокочущим басом поздравил с возвращением. Оглядев их, добавил, что самое главное — они целы и невредимы, а что сгоняли впустую, не страшно. Наша главная сила — это люди. Вот, кстати, познакомьтесь с новым сподвижником, зовут Николай, бесценный человек, за неделю наворочал дел на год, а уж порядок навел...

Виктор тупо кивал в такт его словам, повернулся, чтобы увидеть бесценного Николая, и в первый миг даже не удивился, обнаружив в нем Борова, а Боров смотрел на него и умильно улыбался. И только в следующую секунду Виктор, болезненно морщась, полез за пазуху, достал оттуда пакет с дискетами и запустил его прямо в улыбающуюся физиономию...

Часть третья

УЧЕНИКИ УЧЕНИКОВ

Из зарослей со стороны Солянки выехал всадник. Сверху было видно, как он медленно приближается к дозорным на мосту, говорит, склонившись к ним, а потом дозорные оттаскивают вбок плетень с рогатинами. Взмах флажком — и на тропу выезжают еще несколько всадников, за ними тянутся два десятка пеших воинов. Кроме бойцов там были еще люди, их светлая одежда выделялась среди зеленых пятнистых курток дружинников. Замыкает шествие телега. Отсюда можно разглядеть, что копья свалены в телегу, а кое-кто и арбалеты пристроил туда же. Значит, раненых нет.

Перейдя мост, всадники погнали этих людей к центральному входу.

«Вернулась засада с Калужской дороги», — подумал Виктор. Вот один из всадников спешился и идет к Хоромам. Докладывать спешит.

За спиной осторожно кашлянул хранитель левой руки. Виктор отвернулся от окна.

— Ну, что там?

Хранитель, худой, нескладный Иван, тихо сказал, что Мартын интересуется, не занят ли Виктор, а если занят, то когда может принять?

— Проси! — сухо отозвался Виктор.

Иван скрылся за портьерой. Виктор неприязненно посмотрел ему вслед. Новый хранитель ему не нравился. Раньше левой рукой у него был Леонид, проверенный еще в саратовских месилках старый боец. Пропал недавно за окраиной. Напоролся на предательский клинок или дурохвост из чащи на шею прыгнул... Теперь уже не узнать! А может, маги подстроили, чтобы своего к Виктору подвести? Наворочал дел Николай со своими порядками, и хранителя себе не подберешь!

Худоба, взбухшие суставы пальцев и пятна под глазами выдавали в двадцатилетнем парне мага. Впрочем, он и не скрывал этого.

Ссориться с Борисом и его лихими мракушниками никто не хотел, и тем более Николай, утрясающий свои дела не нажимом, а лаской и тонким обхождением. Хранителей они с Сарматом назначали из только им известных резюнов, и в эти расклады лучше было не соваться. Хотя и не последним лицом был Виктор в Хоромах, но и он не совался.

В прихожей громко хлопнула дверь, портьера отлетела, в комнату ввалился Мартын, шумный и всклокоченный. Черный берет порхнул в угол, за ним последовала темно-вишневая куртка. Гость упал на стул и перевел дыхание.

— Брысь! — сказал он своему хранителю, и тот исчез.

— Ффу, — просипел он, — чтоб я еще когда-нибудь так... У тебя нет водки? Да, доброе утро!

Виктор улыбнулся, достал из буфета небольшой квадратный штоф и плеснул в фужер. Мартын зажал нос пальцами, глотнул, давась, раз, другой, выдохнул и, повеселев, откинулся на спинку стула.

— Все! — сказал он. — В последний раз пил. Не смейся, хочешь, поспорим?

— Да я уже спорил с тобой.

— А? Э-э... Ну ладно. Черт, аж пот прошиб... — Мартын рукавом бархатной блузы утер лоб, взглянул на штоф и отвел глаза.

— Ты молодец, что вчера рано ушел, — сказал он осевшим голосом. — Опять все перепились до безобразия. Однорукий пел, пел, а потом струны порвал. Девки какие-то... Николай целовался с Борисом и уговаривал выпить...

— Уговорил? — заинтересовался Виктор.

— Черта с два! Слушай, откуда вчера у нас девки взялись?

— Не знаю. Из казармы, наверно. Прикажу — выгонят.

— Да? Впрочем, оставь. Ребята твои со скуки подохнут. Потом и мы за ними. Знаешь, плесни-ка еще чуть-чуть и спрячь.

— У тебя что, кончилось все? — спросил Виктор, наклоня штоф.

— Да... Нет... Хранитель клянется, что я ночью все вылил, а посуду перебил. Я ему говорю, где битая посуда? А он — выкинул, говорит.

Выпив, Мартын поднялся с места и подошел к зеркалу, задев плечом колонну. С отвращением посмотрел на свое отражение, провел рукой по двухдневной щетине, пригладил волосы.

— Что, — спросил он Виктора, подмигивая своему отражению, — совсем спился первый советник? — и, не изменяя голоса: — На завтра я назначил Большой Сбор.

Глаза Виктора блеснули. Наконец-то. Последние месяцы проходили в сущем безделье. Мелкие стычки на окраинах с забредавшими невесть откуда шайками, унылые засады — и все дела. Люди застоялись и потихоньку опускаются. В казармах девки появились, вторую неделю гульба идет, да и Сармат попить стал.

— Так ты не опаздывай, — негромко сказал Мартын, — в полдень и сядем. Гонца пришлю, чтоб напомнил.

— Не надо, не опоздаю.

— А еще лучше, приди пораньше. На часок. Поговорим, прикинем. Можешь пораньше, а?

Виктор понял, что у Мартына своей выпивки хватает, а придумал он хорошенький предлог, чтобы пронырливые маги не донесли своему Верховному, мол, первый советник и маршал о чем-то договаривались накануне Совета. Мартын вправе рассчитывать на его поддержку. Впрочем, Борис тоже. В любом случае не следует торопиться. У Мартына грандиозные планы — есть где развернуться войску, а то приуныли совсем. Но и с магами лучше не ссориться.

— Жаль, Месропа нет, — неожиданно сказал Мартын, — вот кого сейчас не хватает. Ты о нем ничего не слышал?

Виктор молча покачал головой. Исчезновение Месропа пять лет назад, перед исходом из Саратова, было необъяснимым. Да что там говорить — просто скверным.

Слухи ходили разные. Одни говорили, что он сгинул в богучарских топях, другие — что не сгинул, а бродит в лесах за Кологривом, время от времени объявляясь в бестелесном виде случайным путникам, а третьи и вовсе твердили несусветное, будто ушел он далеко за Кавказские горы и вернется оттуда с могучим воинством соплеменников покарать обидчиков своих. Но слухи так и не стали легендами, а после похода на Москву и они заглохли.

Не веря ни одному из слухов, Виктор был уверен, что Месропа давно нет в живых, иначе маги нащупали бы его и изловили.

— Ну, спасибо, ты меня оживил, — бодро сказал Мартын и гаркнул в сторону двери: — Эй, где ты там?

Возник хранитель и пропустил Мартына, подобрал берет и куртку. Уходя, еле заметно подмигнул Виктору. Распустились...

* * *

Он снова подошел к окну. Завтрак стыл на столе, но после вчерашнего есть не хотелось. Он почти не пил, налегая на жаркое, и, кажется, переел.

С шестого этажа хорошо просматривалась Москворецкая набережная вплоть до кремлевской пустоши. Далеко за буйной зеленью деревьев торчала обглоданная наполовину телебашня. Местами из растительного покрова вылезали жилые прямоугольники, одинокими утесами торчали высотные дома — вернее, то, что от них осталось.

Сюда, на Котельническую, они успели вселиться до того, как воздушная нечисть распоясалась и начала жрать сверху вниз постройки. А потом Борис и его маги вообще загнали страх небесный вверх, гораздо выше, чем это было лет десять назад, и теперь разве что на глухих окраинах неведомая дрянь шалит, да и то не ниже пятого-шестого этажа.

Центральное строение Хором заняли маги. Редкие смельчаки взбирались на самые верхние этажи. Однорукий уверял, что если долго всматриваться в воздух, прижавшись лицом к стеклу, то может явиться сам владыка мелких тварей в образе мерзостном до сумасшествия. Один раз Виктор влез под самый шпиль высотки, долго смотрел. В вечернем воздухе вдруг померещились ему глаза, внимательно его разглядывающие. Потом сообразил, что видит свое отражение в толстом стекле.

Там, где обретались маги, страх небесный таял, уходил вверх, так же, как и при большом скоплении людей.

Из-за портьеры возник Иван и доложил, что просится с докладом сотник. Виктор кивнул.

Сотник крепко стоял на ногах, но флягу у пояса перекосило и глаза блестели.

— Ну, что? — спросил небрежно Виктор. — Никого не потеряли?

— Какой там! — весело сказал сотник. — Мы на них только выехали и пару раз под зад ликой — разбежались, как тараканы.

— Где ты тараканов видел? — свирепо зарычал Виктор.

— А? — растерялся сотник.

— С утра нажрался! — Виктор стрел сотника за воротник, но тут же отпустил. — Распустились, черти, давно в деле не были!

— Эт-точно! — вскричал сотник. — Разве это дело — в засаде сидеть, мухоморов отлавливать. Хотя бы кто защищался. Вченые! — процедил он.

— Пленных много?

— Всех взяли. Железки их, как велено, побили — и в воду.

— Велено, велено... Сначала надо было магам показать!

— Так с нами был один. Старье, говорит, ломай к черту.

— Ну, свободен.

Сотник развернулся к двери, чуть качнулся и почесал в затылке.

— В чем дело, Евсей? Что забыл?

— Да, один из этих, вченых, к вам просился.

— Не понял.

— Ну, отведи, говорят, к маршалу, дело есть. Ему шипя под нос, а он вас по имени знает. Ну, вот думаю...

Виктор внимательно посмотрел на сотника. Скорее всего лазутчик вернулся. Забыл пароль или долго был в разведке и не знает новый. Но как он оказался на калужской дороге, если шел из-за Волги? Хотя, тут Виктор слабо улыбнулся, ему ли не знать, какими хитрыми и неожиданными путями идут люди. Ну, раз назвали его имя, а не тысяцкого Егора, ведающего разведкой ближней, то, значит, серьезный человек пришел.

— Не маг? — спросил он на всякий случай у сотника.

— Проверили, чистый, — ответил Евсей.

В войске магов побаввались, а при случае подстраивали мелкую гадость. Случай не всегда выходил. За это тоже не любили.

— Ладно, vedi. Только чтоб лица не видели.

— На нем колпак такой, хрен что увидишь.

Сотник вышел. Виктор тронул подбородок. Не нравилось ему внезапное появление лазутчика, особенно перед Сбором. Может, это и не лазутчик вовсе, а подосланный убийца? Правда, в Москве покушений на людей значительных не было, пропадали иногда бойцы неосторожные, но на окружение Сармата никто не посягал. Знали, выловят маги умыслившего еще на подступах к Хоромам.

На всякий случай Виктор приказал Ивану встать за колонной, а сам отпер ларь с оружием и потянул было обоим с метательными найфами, но передумал и взял стилет. Потом накиннул на себя легкую куртку со вшитыми пластинами — дар Сармата. Если ударит маг — не поможет, но клинок или спицу держит прилично.

Прошелся по залу. Отсюда можно попасть в спальню, кабинет, гостевую, две комнаты он отвел для штабных нужд, там порой засиживались с дежурным сотником.

Когда-то давно на этаже было несколько квартир и двери их выходили к этому залу. После вселения много стен выломали, пару-тройку проходов заложили кирпичом, комнаты слегка перестроили и забили лишние окна. Вот здесь, за колоннами, раньше были двери лифтов. Их сразу же заколотили досками от старой мебели, а уцелевшую мебель придвинули к стенам вплотную.

Вошел сотник, а за ним человек в светлой куртке с большим капюшоном, надвинутым аж до подбородка. В комнате появились еще два дружинника и встали по обе стороны двери.

Усевшись в кресло, Виктор поманил к себе пленника и велел ему встать лицом к нему.

— Слушаю тебя, — сказал он.

— Здравствуй, Виктор, — почти шепотом ответил гость и немного приподнял капюшон.

Виктор взгляделся, прикусил губу, а потом молча кивнул и поднялся с кресла. Бойцы у дверей вскинули арбалеты, а сотник Евсей положил руку на тесак.

— Все свободны! — Виктор указал на дверь. — Благодарю за службу.

Дружинники вышли, сотник хотел что-то сказать, но передумал и последовал за ними.

— Ты тоже свободен, Иван, — сказал Виктор. — Когда понадобится, позову.

Не взглянув в сторону гостя, Иван скрылся за дверью и плотно затворил ее. Виктор молча перешел в соседнюю комнату, оставив портьеру открытой, чтобы можно было наблюдать за входом. Гость откинул капюшон и, улыбаясь, последовал за ним.

Не говоря ни слова, Виктор обнял его за плечи, сжал и отпустил.

— Ну, так еще раз здравствуй, Виктор, — сказал гость.

— Здравствуй и ты, Месроп.

1

Опустошив блюдо, Месроп аккуратно собрал корочкой подливку, съел, глотнул вина и, отдуваясь, упал на диван.

— Давненько не едал такой баранины, — сообщил он.

— Ты, я вижу, вообще давно не ел, — отреагировал Виктор.

— Что ж, ты напитал мою плоть, а я готов насытить твое любопытство.

— Насыщай.

Месроп оторвал голову от валика, с сожалением оглядел стол, потянулся было к вазе с фруктами, но потрогал живот и со вздохом уронил руку.

— Прежде всего скажи, что будет с пленными. Понимаешь, со мной...

— Ничего с ними не будет, — пожал плечами Виктор. — Их отвели к магам. Не хмурься, их не будут варить в котле и пытаться. Проверят, кто способен принять силу, и предложат ее, а кто не сможет или не захочет, поработает немного на плантациях — и все!

— А, — хитро прищурился Месроп, — кологривские плантации магов. Что за хитрые травы они там выращивают?

— Не знаю.

— Ты много чего не знаешь, — вздохнул Месроп.

— Не спорю, — сухо ответил Виктор. — А для начала я хотел бы узнать, куда ты исчез из Саратова? Главное, почему?

Виктору показалось, что Месроп сейчас рассмеется: уголки губ поползли вверх, глаза прищурились. Но было не до улыбок. Виктор надеялся, что Месроп сразу же развеет все несуразицы, прояснит муть, наведенную на него, и они вместе пойдут к Сармату, и можно даже немного разыграть Правителя, только не перебарщивая, а потом позвать Мартына и ради такой встречи крепко гульнуть.

— Действительно, надо разобраться, — озабоченно сказал Месроп, приподнявшись на диване и усаживаясь. — Я помню, там, в Саратове, было какое-то недоразумение.

— Недоразумение, — эхом отозвался Виктор и горько усмехнулся.

Он молча смотрел на Месропа, и ему казалось, что видит перед собой мертвеца. Жизнь гостя не стояла ничего, и жить ему оставалось до первого мага. Хорошо, что Иван быстро ушел и не всмотрелся в гостя; для него что в капюшоне, что голенький. Хотя, как знать, может, он уже привел своих ребят, и они дожидаются Месропа на лестнице. Здесь, конечно, его не тронут, живи хоть сто лет, не выходя, только Сармат сам явится на суд и расправу, а с ним и Борис, по праву Верховного мага.

«Недоразумение!» Неужели он не знает или не понимает? Да нет, знает, чертушка старый, и прекрасно все понимает, иначе за пять лет объявился бы или подал весть. Но почему он тогда исчез? Впервые за долгие годы сомнение вползло в душу Виктора.

Пять лет назад в Саратове на одном из больших сборов долго обсуждали, что делать: держать до последнего оборону на Волге или взрывать мосты и уходить в Москву собирать силы. Тогда еще маги были наперечет — три десятка начинающих и пара-тройка сильных. Тут Николай снова выказал организаторский дар и ввел обучение двумя потоками, ревностно следящими друг за другом. Быстро выдвинулся Борис, проявивший недюжинные способности, а в помощники к нему подобрали двух послабее. Правда, вдвоем они могли его одолеть. А к тем двоим приставили еще более слабых, но по трое к каждому. С тех пор и присматриваются, чтоб кто из них слишком в силу не вошел и в соблазн не впал.

Сработала перекрестная система, когда один из начинающих магов сдуру или по наущению пытался убить Сармата. На Сборе из угла зала вдруг над головами сидящих метнулся с вытянутыми вперед руками, и долети он до Сармата, прошел бы того насквозь ладонями. Но из другого угла промчалась в воздухе наперерез другая тень, мелькнула искра стального когтя — и рухнул убийца на сидящих, закручиваясь в собственные кишки.

За неделю до Сбора исчез Месроп. Искали его, не нашли, а тут вдруг покушение. На магов смотрели косо. Горячие головы предлагали вырезать подчистую, навалиться дружно и всех передавить. Но тут маги привели одного из своих и устроили на глазах у Сармата и тысяцких знаменитую мельницу. Запрыгали вокруг, закружили, а маг связанный и начал выкладывать, как Месроп подбивал его да того, что на Сармата прыгнул, на злое дело.

Верить не хотелось, многие и не поверили, но деться было некуда, и спросить тоже некого — исчез Месроп и тем словно вину свою признал.

— Вот, значит, как оно повернулось, — задумчиво сказал Месроп, выслушав сумбурный рассказ Виктора.

— Да, так! — сердито рявкнул Виктор. — И не говори, что ты ничего не знал, иначе хоть восточку послал бы!

— Да знал я, знал, — с досадой ответил Месроп. — А что я мог сделать — маги добрались бы до меня раньше, чем я до тебя или Мартына. Кстати, Мартын тоже думает, что я злодей?

— Почему — тоже? Я в тебе не сомневался.

— Ну, спасибо.

— Да уж пожалуйста! — Виктор опустил кулак на столешник.

Он ничего не понимал! Почему Месроп так вызывающе себя ведет? Неужели не понимает, что перед ним не замкнутый, угрюмый гонец, отвечающий только сам за себя, а маршал, который по команде может поднять несколько тысяч и повести куда и на кого угодно? За пять лет Месроп, кажется, не изменился, но это не делает ему чести. Разумеется, он не отдаст его в лапы магов и даже поможет выбраться из Хором. Но чего это будет ему стоить, и найдет ли он слова оправдания, если узнает Сармат...

— Ладно, — сказал он, лихорадочно соображая, сойдет ли Месроп за лазутчика. — Тебя маги вроде не засекли, а бой-

цы из засады уже забыли. Считай, что тебя здесь не было. Отдохни, поешь как следует. Стемнеет, я тебя выведу. Дам коня.

Месроп поднялся с дивана, подошел к окну. Виктор глядел ему в затылок и не понимал, почему он так спокоен. Может, все слова и доводы магов не стоят одного слова Месропа? Скажет Сармату и смое с себя поклеп! Что же он сейчас молчит!

— Да-а, — протянул Месроп, — Москву не узнать. Леса, сады. Сколько жителей осталось, тысяч сто, наверно.

— Пятьсот. — Виктор подошел к нему и посмотрел вниз.

Все спокойно. От центрального входа никто не идет. Но это ничего не значит. Егор недавно намекал, что есть у магов ходы, пробитые между стенами корпусов на нежилых этажах.

— Тяжело было Москву брать? — спросил Месроп.

— Да кто ее брал? — удивился Виктор, а потом засмеялся. — Пришли и заняли пустующие дома.

Он смотрел вниз, на реку и вспоминал, как удивились представители ООН, когда к ним ввалились дружинники и очень вежливо пригласили на переговоры. Доктора Мальстрема Виктор не застал. В отъезде был доктор. В ответ на просьбу свернуть свои структуры и сдать дела, ооновцы начали горячиться и требовать референдума. На что Сармат немедленно согласился, чтобы не было повода для вмешательства извне.

С появлением магов нечисть притихла, но и вся сложная техника развалилась окончательно. Прокламации набирали вручную и расклеивали в людных местах. Ну и, естественно, срабатывали лозунги, хватит, мол, опеки добрых дядей, сами с усами, наведем порядок. И все.

— Не брали мы ее, — повторил Виктор. — Осталось как прежде. Самоуправление поддерживаем, ну и следим, чтобы разбоя не было.

— Клятву блюдете? — хитро прищурился Месроп.

— Что? А-а... — Виктор закатил глаза, — блюдем, еще как!

Референдум выяснил, что москвичам надоел ласковый контроль ооновских функционеров. Сармат решил выступить перед народом и присягнуть ему на верность. Идея была Мартина. Ну конечно, и маги постарались. Очень эффектно. Правитель, тогда еще, правда, всего лишь начальник дружины, стоял на Лобном месте и, воздев руки, кричал слова клятвы. В ласмурном небе над ним вдруг образовалась проплешина, облака быстро таяли, а когда он проревел последнее «и в этом тоже клянусь», солнечные лучи брызнули на него. Народ очень радовался.

Борис потом крыл на чем свет стоит все эти радости, у него три мага с точки слетели от натуги, теперь их с ложки кормят и «папа-мама» учат говорить. К тайному злорадству многих дружинников, как ни колдовали Борис и его команда над дискетами, пока еще техника работала, но так и не вчухались, — как не стать идиотом, если постоянно практикуешь. За силу приходилось расплачиваться.

Вышло так, что чем сильнее маг, тем реже и осмрительнее использует свою силу. Гуртом наваливаясь, могут, конечно, дел наделать, но в своей стае присматривают друг за другом. Поговаривали, что самых способных Борис с друзьями долго держат на нижних ступенях, отупляя потихоньку. Слухи в последнее время от безделья пышно расцвели.

— Дома рушатся, — сказал Месроп. — От телебашни осталась пшик. Да, воистину небо становится ближе. Кончается город.

— Отстроим, — уверенно возразил Виктор. — Народ собирается, нечисть притихла. Люди строятся помаленьку, понимаешь, не в старые дома вселяются, а наново строят. Красивые домишки, сам видел. Будут люди — будет и город.

— Ну, значит, так тому и быть, — согласился Месроп.

«Что он все тянет? — подумал Виктор. — Спросить в лоб, что ли?»

— Лес вроде там поредел, — Месроп завопил пальцем по стеклу.

— Вырубаем помаленьку. Осторожно, стекло не выдави!

— Ага. Хорошо. Зима в этом году ничего. Снег шел.

— Два раза.

— Кончается потепление, скоро все назад пойдет. Вода уже остановилась. Знаешь, почему?

— Нет.

— Меньше жечь стали. Вот парниковый эффект и сошел потихоньку на нет. Понимаешь?

— М-м...

— Впрочем, это тебе неинтересно.

— Отчего же, — медленно сказал Виктор, — очень интересно. Вода уйдет, земля освободится. Надо будет заселять.

— Да, действительно. Только куда вам столько земли?

— А это пусть наши внуки решают.

— Ты гляди, — Месроп покачал головой, — а я и не сообразил. Государственно мыслишь!

Они вернулись к столу. Виктор смотрел на изможденное, заросшее темной с проседью бородой лицо Месропа и не по-

нимал — издевается он над ним или нет. А потом вдруг сообразил, что, в сущности, говорит с покойником, и раздражение уступило место стыду. Как ни кинь — далеко не уйдет, не ускользнет. Раз уж объявился в этих краях, то маги его учуют, если уже не учуяли. Может, хитроумный Борис нарочно позволил ему прийти сюда? Какая нужда? Странно, что Месроп появился перед Большим Сбором. Завтра, конечно, многое решится, может, на годы вперед. И от того, чьи доводы покажутся Сармату убедительными, решится судьба великого дела. Есть ли нужда Борису устраивать скандал во время Сбора, если Виктор примет не его, а Мартына сторону? Вряд ли. Маги на Сборах слова не имеют, хотя мнение свое, совет, пожелание могут высказать, но как Сбор решит, так и будет. Голоса Мартына и его, Виктора, перевесят, пожалуй, всех тысячник, а Николай почти ни разу не высказывался — что решат, то и ладно. Правда, слово Сармата перевесит все, но тут уж как сказать, как убедить, уговорить. Недаром Мартын зовет на час раньше.

— Значит, внуки, говоришь. — Месроп взял из вазы апельсин, повертел, полюбовался оранжевой кожурой и положил обратно. — Кстати, ты семьей не обзавелся?

Виктор покачал головой. Короткий сумбурный роман с Мартой, остротой Бориса, начался и закончился в Саратове почти сразу же после возвращения из Будапешта. Несколько месяцев длилась их связь, а потом Марта простудилась, слегла, да так и не поднялась. Виктор не был убит горем, скорее — потрясен ее нелепой и неожиданной кончиной, он только-только свикся с ее бурным темпераментом, складывалась привычка, которая обещала перерасти в привязанность — и вдруг такая глупая несправедливость. За те месяцы, что они прожили вместе, он ни разу не вспомнил Ксению, словно сошло с него наваждение, а потом, через неделю после смерти Марты, вдруг ни с того ни с сего накатило, взял одну из последних еще летавших платформ и рванул на ферму, где жила Ксения. Вместо фермы он обнаружил пепелище. Вылезшая из шалаша старуха сказала, что все сожгли лупили, люди разбежались: часть ушла в Саратов, остальные двинулись к Тамбову. Ксению она знала, но уцелела ли та во время побоища, сказать не может. Долго стоял Виктор, уставившись неподвижно на обгорелые руины, а потом предложил старухе увезти ее отсюда. Та не согласилась, сказав, что своих здесь закопала, вот и охраняет могилки. А если вдруг забредет кто,

спросил Виктор, на что старуха вытянула из-за спины ржавый серп

Исчезновение Ксении легло в ряд потерь. Когда вдруг пропал Месроп, некий внутренний голос словно сказал — «три», и наступило опустошающее успокоение. Виктор понял, что теперь долго не будет никого терять, и только неделю спустя задумался — а кто остался?

Что же теперь означает появление Месропа: случайная встреча или начинают возвращаться ушедшие?

— Ты не изменился, — вдруг хохотнул Месроп. — Вижу, как тебя распирает любопытство, а все равно сдерживаешься.

Виктор медленно выдохнул. «Знал бы ты, что меня распирает, — подумал он, — не смеялся». Он словно увидел, как маги волокут Месропа, скрутив ему руки назад и подрезав сухожилия на ногах, и Месроп исчезает за тяжелыми, окованными медью дверьми центрального входа.

— Ладно, — резко оборвал свой смех Месроп, словно и ему привиделась эта картина, — давай по порядку. Ты сам понимаешь, что никакого заговора я не составлял, и почему маги на меня зуб наострили — не знаю. Вернее, скажем так, причины тогда им не были известны. Хотя... — он задумался, — при сильной предикции они могли что-то унюхать.

— Не понял.

— Ну, им не по вкусу придется то, чем я занимаюсь последние годы. Но тогда еще повода не было.

— Ты продолжай, продолжай. — Виктор поднялся с места и заглянул в соседнюю комнату.

Пусто.

— Всё, пожалуй.

— Но покушение на Сармата...

— Ты в своем уме?! Зачем мне на Сармата покушаться, да еще так глупо? Что мне плохого Сармат сделал! Я же его, медведя такого, как брата люблю. Да и сам посуди, кто бы мне помешал во время трапез по горлу полоснуть?

— Э-э... — протянул Виктор, но ничего не сказал.

Все резоны долго обсуждались и, увы, не в пользу Месропа. Самому идти с ножом — это верная смерть, а если задумал хитрую игру, то проще подговорить кого. Наивные доводы приводит, неужели ни разу не задумывался, что Сармату сказать при встрече?

Месроп все-таки взял апельсин, очистил и съел. От вина отказался. Уперся кулаками в лоб и закрыл глаза. Виктор

озабоченно посмотрел на клепсидру в углу — до полудня еще немало.

— Я не думал об этой истории, — сказал наконец Месроп, — знаешь, сейчас масса других забот, а тогда и вовсе забыл...

«Врешь, — сказал про себя Виктор, — не забыл!»

Месроп внимательно посмотрел Виктору в глаза, улыбнулся.

— Ну, не то чтобы забыл, а задвинул в сторону и старался не попадаться на глаза магам. Я надеялся за год-полтора разделаться со своими делами, но все затянулось до безобразия... если не до бесконечности.

Виктор поднял свой фужер, посмотрел на свет и отпил глоток. Вино было хорошее, с калужских виноградников. После того как там навели порядок и разогнали банды, местные крестьяне безвозмездно пополняют погреба Сармата. Разумеется, время от времени приходится слать отряды, помогая им отбиваться от пришедших лихих людей. Сторожевыми вышками и световым телеграфом густо утыкана московская земля, ни одна банда не просочится незамеченной. Людей не хватает, хотя в дружину идут молодые ребята охотно. Растет войско, но медленно. Придется скоро опять скликать народ и подмоги просить. Впрочем, это завтра на Сборе решится.

— За что, говоришь, на тебя маги зуб точат?

— Разве я не сказал? — удивился Месроп. — Есть только одна вещь, из-за которой они могут на меня гноиться. Ты помнишь нашу ходку в Будапешт? Так вот, Борис, который был, говорят, хорошим программистом, разобрался с дискетами и распечатал методику тренинга и других магических штучек. Потом они начали отбор и тренировку, и тут вся мало-мальски сложная техника полетела. А дискета пропала. Она все равно не была им нужна, но могли заподозрить, что я ее украл.

— И поэтому возвели на тебя клеп?

— Знаешь, мозги тогда у многих были набекрень, головы кружились, вот она, сила, в наших руках! Они чуть не молились на дискеты, а Борис просто дышать боялся на них.

— Ёрунда какая! Объяснил бы Сармату что к чему. Он и сейчас иногда тебя незло поминает.

— Трудновато объяснить, — сказал Месроп, цокнув языком.

— Да почему?! — вскричал Виктор.

— Так ведь я их действительно украл, — спокойно и даже самодовольно ответил Месроп.

Молчание длилось несколько минут.

— На кой черт они тебе? — наконец спросил Виктор.

— Не мне.

— Та-ак.

Еще хуже. Шутит он, что ли? Да какие могут быть шутки в его положении!

— Хорошо, что мы встретились именно сегодня, — сказал Месроп и взял второй апельсин.

— Кто мешал встрече год или два назад? Почему сегодня, а не вчера или послезавтра? — Виктор медленно, неохотно цедил слова, а сам лихорадочно пытался увязать концы.

Он ничего не знал об исчезновении дискет. Маги сохранили это в тайне. Зачем? Дискеты уже тогда никому не были нужны, даже Виктор о них забыл. Но это второе. А первое — расклад теперь упирался не в Месропа, а в него, Виктора. Одно дело — общаться с безвинным, оболганным страдальцем, который, выясняется, и впрямь пальчики подпачкал, и другое дело — закладывать на густую интригу, от которой на сто верст разит могильной сыростью.

— Год назад не мог. — Месроп понюхал апельсин, покатал оранжевый шар по столу. — Был хороший случай у Истры, я хотел подойти, но ты был плотно окружен магами. Вершил суд и расправу над волчарами.

— Хороший случай? — криво улыбнулся Виктор. — Ты-то что там делал?

Он помнил грязное и кровавое игрище под Истрой с поголовным истреблением лупил на Северо-Западе. Дружинники разорили несколько больших гнездовий и очистили прибрежные земли. Поначалу у некоторых молодых бойцов были сомнения, шевелилась жалость. Но потом они увидели горы человеческих голов, наваленных к врытым в землю бревнам, украшенным конскими хвостами. Сомнения мгновенно испарились, жалость тоже.

— Ну а если тебя уже распознали и ждут? — Виктор указал большим пальцем себе за спину, в сторону двери.

— Тогда мне венники, — легко ответил Месроп. — Но они не узнали. Порой я сам себя не узнаю... — Он задумался, встряхнул головой и продолжил: — Ну, об этом потом. А пока, я надеюсь, ты не откажешь мне в маленькой просьбе?

— Проси.

— Отговори Сармата идти походом на ученых.

— Ах, вот оно что-о!..

Виктор отпил глоток и прикрыл глаза. Опять как в добрые старые времена начинается хитрая круговерть. Ай да Месроп! Гонимая, затравленная жертва, надо же! У него в Хоромах соглядатай. И не мелкая вша, а человек, близкий к Сармату. Итак, вчера вечером с большого перепоя Мартын назначает Сбор. А сегодня утром как бы случайно возникает Месроп и, смертельно рискуя, просит отменить поход. Интересно, что еще вчера приходил в трапезную после него? И вдвойне интересно, что о походе на Бастион говорит как о деле решенном. Он, маршал, не знает, куда Сармат направит силы, а Месроп уже в курсе!

— Я и не знал, что собираемся воевать вчен... ученых! — поднял брови Виктор. — Зачем их трогать? Сидят тихо в Бастионе, ну и пусть. Или могут уйти, никто помехи чинить не будет.

— Так уж и не будет! — прищурился Месроп. — А как я здесь оказался?

— Порядок должен быть, — наизидательно сказал Виктор. — Любой человек волен идти на все восемь дымов. Другое дело — городское имущество. Указ градоправителя никто не отменял. Нарушать указы нельзя.

— Градоправитель — только декорация. Ты знаешь, кто всем заправляет.

— Кто? — поинтересовался Виктор.

— Да брось ты!..

— Ладно, — согласился Виктор. — Сейчас брошу. Какое ты имеешь отношение к Бастиону? Ты тоже вч... ученый?

— Куда мне! — вздохнул Месроп. — Я давно не ученый. Путаюсь немного под ногами умных людей.

— Так это умные люди тебя прислали?

— В некотором роде.

— Хорошо. Тогда давай сначала. Вопрос: почему ты забрал дискеты, для кого, с какой целью, сколько за них получил, через кого передал, кто помогал? И, заодно, что ты делал все эти годы? А я пока немного подумаю о твоей просьбе.

— Как ты ловко вопросы задаешь, сразу и не ответишь! — пожаловался Месроп, сморщив нос. — Ты хочешь меня допросить?

— Нет, — прошептал ему в лицо Виктор. — Я никого не допрашиваю. Для этих надобностей есть другие люди. Просто хочу тебя спасти. Но если вопросы тебе в тягость, забудь о них. Как только стемнеет, выведу отсюда, дам пару бойцов — проведут через заставы. Но это все, чем я могу помочь.

— Очень много для меня, — серьезно ответил Месроп. — И очень мало для...

— Я знаю только тебя, остальные мне до грюши.

Апельсин покатился по столу и шлепнулся на ковер.

— Рад, что не забыл меня.

«Тебя забудешь!» — подумал Виктор.

Вот и Мартын недавно вспоминал, часу не прошло. Поймай-ка!.. Как ловко все закручивается. Уж не Мартын ли вызвал сюда беглеца? Опять хитрые дружки разыгрывают хитрую историю для своих хитрых целей. Но и он давно уже не юный гонец, и еще надо посмотреть, какие цели ему по нраву, а какие по выгоде.

— За пять лет у меня столько приключений было, что с ходу и не вспомнишь. — Месроп потрогал бороду и вздохнул.

— Ты не торопись, — успокоил Виктор. — Еще утро.

Месроп опустил голову.

— А по мне уже давно глухие сумерки. Но это к слову. Есть о чем поговорить. Но здесь не очень удобно. Если не возражаешь, побродим немного на воздухе. Может, встретятся люди...

— Умные люди?

— А? Ну да, — расплылся в улыбке Месроп.

— Ты хочешь, чтобы я прогулялся с тобой к Бастиону? — удивился Виктор.

— Вот именно. Мы заскочим туда ненадолго, поговорим, и тут же назад. Если хочешь, я могу остаться. Опишу тебе дорогу...

— Я знаю дорогу к Бастиону, — перебил Виктор.

— Этой дороги ты не знаешь.

— Что дальше?

— Все! Поговори с умными людьми. Они бы сами пришли, но их плохо встретят.

— М-да, — усмехнулся Виктор, — неласково.

— Пойдешь? — с надеждой спросил Месроп.

— А ты?

— Подожду тебя здесь.

— Заложником стало быть?

— Да хоть бы и так!

Виктор поднялся и навис над собеседником. Разговор закрутился в неожиданную и многообещающую сторону. Ученые хотят встречи с ним и готовы пожертвовать Месропом. Либо они очень боятся похода, что естественно, либо не очень дорожат Месропом, что не делает им чести. Теперь ясно, для

кого Месроп увел дискеты. Но в те времена об ученых никто и слыхом не слыхивал. Только в прошлом году патрульные отряды перебрались через разлом и вышли к Бастиону. Тогда его и Бастионом не называли. Все уже забыли, из-за чего начались мелкие стычки. Потом вмешались маги, а когда и у них хряпнулось, заимели большой зуб и до сих пор его точат.

Но что, если Месроп просто жертвует собой? Бастион заплатит такого роскошного заложника, как маршал. Мартын предложит за него выкуп. А Борис? Их отношения после смерти Марты стали почти дружескими, но со временем взаимная приязнь остыла. Маг чувствовал легкую настороженность Виктора. Виктор же никак не мог забыть, что имеет дело с магом. Когда говоришь с ним, вскоре начинает трясти легкий озноб, холодом несет от магов.

Нет, вряд ли рискнут взять его заложником. Еще неясно, состоится ли поход, а такая акция, наоборот, может подвигнуть Сармата на решительные действия. Ударит кровь ему в голову, тогда не посмотрит ни на заложников, ни на кого. Дров наломает много. И ученые прекрасно знают о делах в Хоромах. Знают, очевидно, и то, что он против похода на Бастион. Тогда вдвойне непонятна цель приглашения.

Здравый смысл подсказывает, что лучше не связываться. Интуиция молчит. Никаких предчувствий. Появление Месропа запутало и без того туго скрученный клубок раскладов между обитателями Хором. Что же, хочешь распутать — потяни за свободный конец.

— Хорошо, — сказал Виктор. — Я не прочь прогуляться. Вместе с тобой.

— Отлично, — мгновенно отреагировал Месроп. — Тогда поехали, тебе ведь надо вернуться к вечеру.

— К чему такая спешка, в крайнем случае переночую у тебя.

— А ты не опоздаешь... — Месроп замялся.

— На Сбор? Да нет, успею.

— Ну и славно. — Месроп встал и взял с дивана свою куртку.

«Слишком просто я выяснил, что он знает о Сборе, — задумался Виктор. — Что же он так сразу признался и глазом не моргнул? Я же ничего про Сбор не говорил! Мартын тоже хорош — ни словом не обмолвился, что жив дружок. Неужели ради ученых Месроп пошел на риск? Его могли помять в стычке. Да рисковал ли он? Месропа ли взяли во время засады?

Пока Евсей шел к нему с докладом и спускался за пленником, Мартын вместо одного мог подсунуть другого. Может, Месроп спокойно дожидался случая в покоях Мартына? Нет, слишком сложно, да и от хранителей его прятать морока».

Надев куртку и опустив капюшон, Месроп ждал у дверей. Виктор прицепил к поясу обоймы с найфами, взял было бумагу, но, вспомнив, что месяц не тренировался, повесил на место. Военный наставник при встречах ругался последними словами.

— Возьми что-нибудь посерьезнее, — сказал Месроп, — мало ли кто по дороге наскочит.

Виктор проверил магазин и повесил арбалет на спину.

— Если хочешь, — добавил Месроп, — прихвати с собой охрану, телохранителей там, или еще кого...

— Маг тебя устроит?

— Лучше не надо.

— Тогда обойдемся без телохранителей. Впрочем, минутку...

За дверью в караульной сидел Иван и смотрел в окно. Заметив Виктора, вскочил.

— Вот что, — сказал Виктор, нахмурившись, — где сейчас Богдан?

— Спит.

— Разбуди. Поедет со мной.

Иван и бровью не повел, хотя мог бы и удивиться.

2

На Москворецкой набережной их остановил патруль. Богдан выехал вперед, сказал слово. Один из патрульных узнал Виктора, подобрал живот и молодецки приставил пику к сапогу. Маршал усмехнулся, но, проезжая мимо, поднял два пальца к виску, благодаря за службу.

«Плохие бойцы из горожан, — подумал Виктор, — но стараются».

Лучшие воины, конечно, из фермеров, но селяне неохотно отдают молодых в дружину, у самих руки наперечет. Разве что коней добрых, не заезженных, пообещаешь. Ребята, правда, резво бегут к Сармату, не всякому охота в земле ковыряться, но тут порядки строгие — без родительского благословения в дружину не брали, и порой с большим сожалением

заворачивали дюжего парня обратно. Находились хитрецы, которые подделывали грамоты от родителей, но таких было мало, и за ловкость их без особого шума брал к себе тысяцкий Егор. Ну а уж самых густых пройдох обласкивал Виктор: готовил из них ходоков, благо не забыл свои старые подвиги, и засылал далеко за Волгу, в самое средоточие Итильского каганата. Не всякий возвращался оттуда, а вернувшийся рассказывал о делах тугих и невеселых. Большие отряды бродили за Волгой, и куда они двинут, неясно.

Из Саратова пришлось уходить, когда давление из-за реки стало невыносимым и надо было отвечать на вылазки ударом по Казани либо отступить.

Тогда отступили. Дали друг другу клятву в вечном мире и тут же ее нарушили. Старые дружинники до сих пор горделиво крутят усы, вспоминая рейд на Оренбург, но предпочитают помалкивать о том, как пришлось бросать обозы с трофеями, идти дневными и ночными переходами отбивать Симбирск.

За Волгой нет магов, и слава богу! Да и откуда им взяться у итильцев? Разве что Месроп?.. Нет, он не похож на самоубийцу.

Всадники поравнялись с дозорной вышкой, что на краю пустоши возвышалась над руинами кирпичных стен. Богдана окликнули. Веселый голос спросил, нет ли с собой чего выпить. Богдан молча погрозил вверх кулаком. «Кто это с тобой?» — спросил другой голос, но Богдан, не отвечая, проехал мимо. Месроп за ним. Наверху забормотали, кто-то присвистнул, узнав маршала.

«Почему он едет не таясь? — задумался Виктор. — Может, и впрямь не боится магов?»

У огромного круглого пруда, по берегам которого росла жесткая серая трава, Месроп придержал коня и, поравнявшись с Виктором, сказал с явным облегчением в голосе:

— Вот теперь отпустило! Не поверишь, до дрожи в коленках боялся напороться на мага.

— Не похоже, чтобы ты чего-то боялся, — ответил Виктор.

— Попадешь к вашим живодерам...

— Ты веришь этим сказкам? — удивился Виктор. — Маги никого не мучают. Ты можешь себе представить Бориса, сдирающего с пленника кожу? Да они сами на себя наговаривают, чтоб боялись!

Месроп склонил голову набок и хмыкнул.

За прудом Виктор свернул было к набережной, но Месроп махнул рукой направо и двинулся по тропе между кустами сирени. Виктор тронул поводья и последовал за ним. Сзади, чертыхаясь вполголоса, проламывался на своем огромном жеребце Богдан. Виктор обернулся и подмигнул ему, не робей, мол. Богдан расплылся в улыбке.

Без телохранителя выезжать из Дворца не полагалось.

Виктор недолюбливал хранителя левой руки, но Богдана привечал. Молчаливый незаметный Иван не обнаруживал обиды или недовольства, — служба, никуда не денешься.

На прошлой неделе шальной дурачок с жутким мявом внезапно кинулся с дерева на Виктора, встречавшего плот с оружейной сталью. Иван разрубил зверя в воздухе, да так, что на каждую половину пришлось по хвосту. Виктор осмотрел забрызганную кровью куртку и недовольно хмыкнул. Вечером он не нашел на куртке никаких следов крови. Хранитель мог просто отдать куртку в штрафную команду постирать, но вывел пятна сам. Благодарности Виктор не испытывал. Маг, он маг и есть, никогда не знаешь, о чем он думает, да и слово Верховного для него первее, чем приказ маршала.

Богдан, простодушный увалень, был в переделках всего пару раз, а в последней стычке чуть не лишился зрения. Его конь, испугавшись визга недобитого лупшлы, шархнулся аккурат в кусты ядовитой крапивы. Виктор успел выдернуть парня из седла, схватив за рукав. Рукав треснул, а Богдан полетел в траву. Ослепшего коня хотели прикончить, но передумали и отвели к ближайшему дозору. Пойдет обоз, может, кто из крестьян прихватит, конь справный, жалко. После этого случая Виктор испытывал к Богдану отеческие чувства, хоть был старше его лет на десять, не больше. Пытался учить грамоте, сколько сам знал, но юноша забывал буквы и только таращил глаза, когда Виктор велел читать слова.

На поляне Виктор огляделся. Сквозь деревья просвечивали невысокие полуразвалившиеся дома, на некоторых еще сохранились обрывки серебристой консервационной пленки.

За поляной начинались такие густые заросли, что кони с трудом продирались сквозь них по еле заметной тропинке. Большой шмель завис над головой Виктора. Виктор поднял голову, но ничего не увидел. Гудение стихло.

На следующей поляне Месроп спешил и привязал коня к кусту.

— Передохнем.

Пожав плечами, Виктор соскочил на землю. Это не поляна была, а большая утоптанная площадь. С одной стороны она упиралась в глухую стену, заросшую плющом до единственного нелепого окна. Почти в центре площадки торчала круглая кирпичная башня, ее верх опоясывали пустые проемы окон. С противоположной стороны четыре бревенчатых дома стояли на кирпичных фундаментах. Один из домов был в три этажа, с балконом, который подпирали два фонарных столба. Окна в глухих ставнях, из трубы идет слабый дымок. Дверь на балкон приоткрылась, вышла полная немолодая женщина в красном халате и неодобрительно посмотрела на Виктора. Сказала что-то в глубь помещения, попятилась и захлопнула дверь. Через несколько секунд Виктор заметил, как на первом этаже в ставне откинулось смотровое оконце.

Богдан засопел и встал перед Виктором, прикрывая на всякий случай от стрелы. Но обитатели дома, не видя дурных намерений пришельцев, успокоились — вскоре оконце прикрыли. Месроп крутил головой по сторонам, всматриваясь в кусты.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спросил Виктор.

— Тут у меня есть приятели, — ответил Месроп, продолжая вертеть головой, — я их слегка опекаю. — Он замахап рукой в сторону темного столба, на котором возвышался почерневший старый памятник неизвестно кому, густо облепленный воробьями.

Из-за столба-постаментa вдруг выскочил полуголый ребенок и с радостным криком бросился к ним. Рука Виктора произвольно дернулась к обойме, но он тут же расслабился — у лупил не бывает детей. От крика стая воробьев снялась и рассыпалась в стороны, открыв скульптурную группу — мальчика и птицу.

На поляну высыпала пестрая толпа людей, одетых в немыслимое тряпье. Они окружили всадников, дети теребили Месропа, а он доставал из карманов горсти таблеток и засовывал им во рты. Взрослые разглядывали Богдана и Виктора, один из них, седовласый густобородый мужчина, долго приглядывался к Виктору, потом хлопнул по плечу.

— Мы в Саратове встречались, — громко сказал он, — только не помню где.

Виктор присмотрелся к нему, но не узнал, да особо и не старался. Сколько тысяч лиц прошло перед ним за эти годы. Сотников он еще помнит по именам, а рядовых бойцов нет.

Впрочем, Николай знает всех поименно, да еще и о семьях рассказать может.

— Никто вас не обижает? — спросил Месроп, когда детская орава отхлынула от него и обступила коней. Богдан стал по очереди поднимать их на свое седло, началась кутерьма, отпихивание, визг.

— А что нас обижает? — удивился мужчина. — Мы никого не трогаем. Нас обидеть никому не в радость.

— Что-то я Вероники не вижу, — сказал Месроп.

— Умерла Вероника, — равнодушно сказал мужчина, — на той неделе в воду упала и утонула.

Виктору вдруг померещились темные длинные коридоры и ощущение опасности, которое было связано с седовласым. Еще миг, казалось, и он вспомнит, при каких обстоятельствах видел его. Но тут с седла сверзнулся пацан, расквасив нос в кровь. Виктора поразило, что никто из женщин не кинулся к малышу. А тот заходился в реве, размазывал по лицу кровь и слезы. Внезапно Виктор понял, что это за люди, и недобро прищурил глаза.

— Ну что, — оборвал он грубо седовласого, — все происходит так, как должно происходить?

— Истинно так, — добродушно согласился мужчина и хотел было сказать что-то Месропу, но Виктор взял Месропа за рукав и, оттолкнув седого, повернулся к толпе спиной. Он не боялся этого табора. Можно спокойно и медленно передуть одного за другим, и ни один даже не хрюкнет, не вступится за своих. У-у, слизь противная!..

— Я вижу, — процедил он, — у тебя новые друзья завелись?

— Мне их жалко, — ответил Месроп. — Ладно, поехали. Лекарства я роздал, а там уже как им повезет.

Они вскочили на коней, и Месроп двинулся в проход между домами. Богдан и Виктор последовали за ним. Взрослые спокойно глядели им вслед, и только дети некоторое время бежали следом, но потом отстали.

— Чудные какие-то, — негромко проговорил в спину Виктора хранитель. В ответ маршал только сплюнул.

После того как они пересекли Садовое кольцо и двинулись по Пироговке, дорога улучшилась, и дома здесь еще стояли.

— Ты куда ушел из Саратова? — внезапно спросил Виктор.

— У тебя испортилось настроение, — немного помолчав, сказал Месроп. — Мои знакомые тебя расстроили.

— Не люблю. Черт, лучше бы лупилы, те хоть звери, и с ними разговор короткий, а эти... Слизь!

— Я встречал много забавных и не очень забавных обшин. Были интересные, но страшные, были нестрашные, но скучные. Эти — самые безобидные. До сих пор я не разобрался, из какого месива учений сложилась концепция ничегонеделания. Ты знаешь их символ веры — все происходит так, как должно происходить. Доводилось встречаться?

— Доводилось...

В прошлом году во время патрульного рейда по окранным бойцы чудом спасли десятка два таких вот неделаяк. Их со смаком и не торопясь рвала на части парочка шальных лупил и уже успела разорвать почти всех женщин. Лупил прирезали, а неделаяк согнали в Хоромы. Виктору чуть не стало дурно, когда ему рассказали, что эти скоты даже не поворачивали голов, когда убивали их детей. Маги занялись ими и взвыли. Почти каждый из уцелевших мог воспринять силу! Во время одной из трапез пришел редкий гость Борис и, утирая пот со лба, сообщил, что из дерьма не слепить кирпич. Тот из неделаяк, в кого смогли впихнуть начальные умения, мгновенно начинал исходить силой до изнеможения, не останавливаясь, пока не превращался в идиота.

Виктора же взбесило то, что мужики были как на подбор крупные. Прекрасные вышли бы из них бойцы.

Он не стал ничего объяснять Месропу. С магами он не спорил — жизнь каждого человека сейчас ценна. Но разве это люди? Люди строят дома, дамбы, землю возделывают, ремесла восстанавливают, сражаются... Да хоть баклуши бьют, как Однорукий. Но любой за себя постоит, и если даже не одолеет врага, то хоть с честью погибнет! А эти... тьфу! Людей не хватает. Тут еще маги пугают своими сказками, будто в центре Африки объявился могущественный чародей, подмывает людей и земли, а как войдет в полную силу, так на всю планету свою длань и возложит. Вот, мол, и понимать надо, — чем больше магов соберется под знаменами Сармата к часу решающей битвы, тем лучше.

Сказки сказками, но на севере прибрежные поселки разоряют пираты, управы на них нет, и если бы не маги, на безлюдье с ними вообще не совладать, а там, не приведи господь, они и дамбы порушат! На западе гетманские кордоны, а с востока медленно и неотвратно наползает иная сила, человеческая.

Из-за ржавой полурассыпавшейся ограды вышел человек с коротким мечом у пояса. Когда Богдан обернулся, рядом с тем стоял еще один.

— Шляются тут, защитнички! — сплюнул себе под ноги горожанин с мечом, провожая всадников недобрым взглядом.

— Других ведь нет! — отозвался второй.

— И этих надо гнать ко всем хренам! Дармоеды!

— Ладно тебе воспаляться, Кирилл! Пошли ко мне, посидим. Калганной еще четверть осталась.

* * *

Кони шли медленно, неторопливо переставляя ноги.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказал Виктор.

— Ах да! — Месроп улыбнулся в бороду. — Из Саратова я подался в Москву.

— К доктору Мальстрему? — иронично спросил Виктор, вспомнив наконец фамилию, которую с утренней встречи безуспешно пытался выловить из памяти.

— А ты откуда знаешь? — впервые за все время Месроп удивился, даже слегка натянул поводья, и его саврасый недовольно фыркнул.

— Догадался.

Месроп что-то коротко и неразборчиво пробормотал, наверно, по-армянски. Виктор испытал легкое удовлетворение от того, что смог поразить Месропа, но сразу же пожалел об этом. Стоило ли говорить о своем знакомстве с доктором, ведь Мальстрем был в некотором роде и его работодателем. Может, до сих пор ждет гонца с дискетами... Ах ты, черт!

Озарение сверкнуло молнией.

— Детали можешь опустить, — скучно проговорил Виктор, — кстати, про то, что дискеты отдал доктору, тоже не рассказывай.

— Молодец! — восхищенно проговорил Месроп. — Нет, какой молодец! Я никогда в тебе не сомневался, но ты меня убил!

Он хотел еще что-то сказать, но тут Виктор поднял руку, призывая к молчанию. Месроп осадил коня.

Деревья и кусты сужались, почти забивая узкую тропу. Далеко впереди, сквозь редкие просветы, можно было разглядеть высокие старые стены.

Конь Виктора нетерпеливо топтался на месте, но Виктор не отпускал поводья. Что-то беспокоило его; не то ветка кач-

нулась неестественно, не то сучок под копытами хрупнул слишком громко...

Богдан проехал немного вперед, вернулся.

— Вроде бы чисто... — начал он, но громкий шелест сверху насторожил его.

Виктор поднял голову, одновременно сбрасывая с плеча ремень арбалета. Месроп негромко выругался, а Богдан поднял коня на дыбы и выхватил меч, пытаясь достать им до крупноячеистой сети, падающей на них. Зашевелилась трава, палая листва под ногами вздыбилась, и со всех концов прогадины натянулись толстые веревки, подняв такую же сеть снизу. Ноги коней застряли в ячейках, а вылетевшие из-за кустов и стволов арканы опутали всадников.

Хотя веревки и легли туго, Виктор нашупал обойму с наифами и потянул лезвие за выступ. Узкая холодная полоска привычно легла между пальцами. Подвигал кистью — для хорошего броска нет размаха, но метров с семи-восьми он готов встретить любого.

Месроп кряхтел и ворочался, пытаясь освободить руки, но только больше завяз в веревочных петлях.

— Что за дьявол, — сказал он, ворочая по сторонам головой. — Вчера я здесь спокойно прошел...

— Это потому, что вчера отец-настоятель браги перебрал и забыл дозоры назначить, — сообщил откуда-то из листвы веселый юношеский голос.

Ветви качнулись, и с дерева прыгнул невысокий парень в длинной холщовой рубахе. Подойдя к огромному клубку из людей и коней, он с любопытством разглядывал пленников. Одно движение кисти — и найф войдет ему в горло по самый упор. Но, стараясь не делать резких движений, Виктор медленно повернул голову к парню и спросил:

— Вы всех так останавливаете?

Парень хмыкнул и засмеялся. Богдан задержал рукой, пошевелил мечом, но Виктор цыкнул на него, и тот притих. А когда через несколько секунд из кустов полезли такие же молодцы с копьями и взведенными арбалетами, Виктор мысленно похвалил себя за осторожность.

Навалились дружно, и не успели пленники опомниться, как их освободили от сетей и пут, а заодно и от оружия, крепко взяли по двое, по трое за руки и повели. Месроп шел и чертыхался, а Виктор, прислушиваясь к пыхтению Богдана за спиной, старался не выронить заложенный между пальцами найф.

Вскоре их привели к стене. Тропинка шла вдоль рва, наполненного водой. Виктор огляделся. Он узнал это место. Монастырские стены хоть и не были видны из-за зелени, но с Котельнической хорошо просматривались темные купола и кресты. Недавно он вел команду пластунов на тот берег, поближе к Бастиону, и чуть не завяз в ржавом буреломе рухнувшего моста. Оттуда ему открылся вид на монастырь, он даже заметил там какое-то движение. Но тогда голова была занята другим, и он забыл об увиденном.

— Куда вы нас тащите? — сердито спросил Богдан.

— А куда надо, туда и тащим, — охотно ответил ему высокий парень с длинной суковатой палкой. — Мы вас сюда не звали, а раз пришли, то теперь держите ответ перед отцом-настоятелем, кто такие и куда путь держите.

— Отец-настоятель с похмелья строг, — добавил другой голос. Виктор не разглядел говорящего. — Да только ежели вы не лихие люди, то вам стеснения не будет никакого, а ежели лихие, то не взыщите.

«Или какая-то новая банда, — подумал Виктор, — или ученые выдвинули свои форпосты на этот берег. Банда — это плохо, измываться будут. Если успеют. Отцу-настоятелю, или как его там, — найф в дыхало, а там посмотрим... Ученые? Нет, Месроп бы знал».

От больших деревянных ворот пахло свежей краской, и это успокоило Виктора. Банда не стала бы красить ворота, решил он. Проходя через узкую дверцу, как бы случайно качнулся и прижал одного из своих конвоиров к доскам. Конвоир выпустил его плечо, заругался и принялся оттирать синее пятно с рубахи. Виктор повеселел.

Впустив всех, дверцу захлопнули. Виктор обернулся и увидел огромные стальные засовы на воротах и два здоровенных бревна, подпирающих створки. «Осаду, что ли, собираются держать?» — удивился он.

Его, Месропа и Богдана подвели к небольшому помосту в центре двора. Высокий парень куда-то убежал. Виктор огляделся.

Несколько юношей под руководством старика в черном мешковатом плаще с капюшоном подметали двор, вздымая облака пыли. Старик брызгал с веничка водой, пытаясь прибить пыль, но это у него выходило плохо. Человек двадцать кидали дротик в связки соломы, подвешенные к цепи, натянутой меж двух столбов. Виктора поразила ухоженность кустов и

деревьев. Аккуратно все обрезано-подстрижено, травы почти не видать. Судя по всему, здесь люди поселились давно и собирались жить долго. Вопрос только, кто они?

Конвойные подтянулись, ребята с метлами заработали проворнее, а человек, дремавший на деревянном насесте над воротами у большого закопченного котла, двинул кочергой, и под котлом заиграло пламя.

С высокого крыльца спускался крупный широкоплечий человек в черном длиннополом одеянии с островерхим капюшоном. Справа и слева шли молодые парни, поддерживая его под руки. Виктора поразил большой, желтого металла крест на груди и толстая желтая цепь, на которой он висел. Если это золото, то каково шее? — подумал он и поднял глаза на лицо шествующего. Лицо поразительно знакомое, правда, крест тогда был другой. Этот крест цельный, а тот... Постой, да это же!..

Выпавший из пальцев найф слабо звякнул об каменную плиту под ногами. Стоявший рядом парень набычился и усталвил копье Виктору в живот. Подошедший отец-настоятель обвел пленников рассеянным взглядом, тяжело вздохнул, потом еще раз, внимательно посмотрел на Виктора и расплылся в широченной улыбке.

— Воистину земные пути ведут недалеко! — зычно объявил он, простирая руки к Виктору. — А ты убери рожно, — сказал он парню с копьем, и тот поспешно отступил в сторону.

— Ты ли это, — спросил отец-настоятель, возлагая руки на плечи Виктора, — или морок, нам во искушение явившийся?

— Да я это, я, — смеясь, ответил Виктор, — а ты, я вижу, пошел в гору, Дьякон...

3

Солнце проходило сквозь разноцветные стекла небольших окон и радужными пятнами ложилось на пол трапезной. Лампада у большой темной доски еле высвечивала суровый лик с золотым нимбом.

Отец-настоятель, Виктор и Месроп сидели у края длинного стола с лавками по обе стороны. Богдан повел коней в стойло, да там и остался, на всякий случай.

Виктор осторожно отхлебывал из огромной деревянной чаши крепкую духовитую брагу, а Месроп налег на отварную

рыбу, густо приправленную зеленью. Дьякон добродушно поглядывал на них, время от времени поглаживая могучую, с сильной проседью, бороду.

— Не изменился ты за пять лет, — гудел отец-настоятель, — как был व्यюн, так и остался. Харчи плохие, что ли? Иди ко мне, молодых уму-разуму поучишь, в тело войдешь. Да и ты, — обернулся он к Месропу, — вспомнил я тебя, от волжар отбивали, совсем тебе тогда карачун выходил. Тоже худой, — озабоченно поцокал языком.

Месроп вежливо улыбнулся в усы и потянулся за новым куском рыбы.

— Так ты теперь здесь вроде начальства? — спросил Виктор.

— Почему — «вроде»? — воздел брови Дьякон. — Между собой меня зови по-старому, но при молодых — смотри! Отец-настоятель я, и не вроде, а воистину и до скончания века моего.

— Амины! — тихо сказал Месроп и приветственно поднял чашу.

Дьякон сверкнул на него грозно очами, но тут же фыркнул, мотнул головой и рассмеялся.

— Ладно вам, — почти просительно сказал он. — С молодыми без строгости нельзя. Ну а я тут присматриваю за хозяйством, пока не сменят меня, недостойного. Господи, тяжела ноша, ох, тяжела!

И он перекрестился на большую икону.

Чуть не поперхнувшись брагой, Виктор закашлялся, а потом в изумлении уставился на него. Дьякон не играл и действительно полагал себя хранителем или настоятелем монастыря. Раньше Виктор долго бы размышлял о том, как прозвище определило судьбу и что такие повороты не удивительны, а скорее закономерны. Сейчас же он вдруг поймал себя на мысли, что Дьякон, он же отец-настоятель, должен быть хорошо осведомлен о делах соседей на том берегу. Он был рад встрече со старым знакомым. Тогда они неожиданно попали в маленькую заварушку с кровопусканием, потом, кажется, договорились о встрече и расстались почти на пять лет.

— Хорошие у тебя ребята, крепкие, — сказал Виктор. — Почему в дружину не идут?

— Это к кому, к Сармату, что ли?! — насутился Дьякон. — У каждого своя служба. Мы власти мирской не помеха, но и не подмога. Лихих людей сами окорачиваем. Ежели

помочь чем надо, Бог сподобит, поможем, а только мы грехи людские здесь замаливаем и никакое воинство земное нас не укрепит.

— По-моему, — вмешался в разговор Месроп, — это единственный действующий монастырь.

— Ничего, — ответил отец-настоятель, — братья сейчас заново стены Сергиева Посада кладут. Помаленьку отстроим.

— Давно вы тут? — спросил Виктор.

— Третий год пошел. Раньше отец Власий, мир его праху...

В трапезную вошел высокий парень, что встретил Виктора и Месропа в засаде.

— Что тебе, отроче? — обернулся к нему Дьякон.

— За рыбой приплыли.

— А! Ну, пусть подождут. Ножи привезли?

— С полсотни будет.

— Мало! — взрыкнул Дьякон. — Ладно. Ступай с Богом, сейчас приду.

Парень вышел, а Виктор проводил его взглядом. Хороший боец получился бы. Интересно, с кем они здесь мену ведут?

— Отдохнете, может? — спросил Дьякон. — Ежели не торопитесь. А то оставайтесь на денек-другой...

Месроп положил вилку на стол, удовлетворенно вздохнул и сказал:

— Да, хорошо у вас тут, тихо, спокойно. Но мы спешим.

— Это куда же такая спешка? — хмыкнув, спросил Дьякон, глянул остро на сотрапезников.

— На тот берег, — просто ответил Месроп. — Может, переправите? Я так думаю, что моя лодочка пропала.

— Ага, так это твоя посудина к сваям была привязана? А я дозорным выволочку учинил, проглядели, мол, стороннего человека! Лодке твоей стгоряча днище пробили, ты уж извини.

Совершенно не огорчившись, Месроп заметил, что лодка — это пустяки, знай он о строгих порядках в монастыре и окрест него, шел бы днем, а так не хотел привлекать к себе лишнего внимания. На это отец-настоятель небрежно махнул рукой и сказал, что порядки строгие до тех пор, пока братия не упьется браги сверх меры, а там не то что лодка, Левиафан может принимать ванны... Ничего, добавил он, полегоньку строгость наведет, вот только отцу Власию обещал жалеть монастырских да слабости не враз изводить, но уж скоро перестанут они беса тешить, постом и молитвами дурь выбьет из старых, а молодые уже сами себя блюдут...

— Ежели вам на тот берег надо, — безо всякого перехода сказал он, — так пошли со мной, скажу — перевезут.

И поднялся с места, а за ним встали Виктор и Месроп.

Выйдя из трапезной, отец-настоятель вдруг остановился и велел немедленно идти на колокольню, дабы воочию увидеть прибывшего на днях из Ростова чудо-звонаря. И они полезли на самый верх. Месроп при этом сопел, отдувался и вполголо-са изрыгал глухие проклятия.

Звонаря наверху не оказалось. Дьякон рассвирепел и сам потянулся к веревкам. Колокол отозвался густым бархатистым раскатом. Люди во дворе замерли, а двое побежали к колокольне.

Виктор сообразил, что стоит на открытой, ничем не защищенной площадке и весьма высоко. Он инстинктивно прижался к столбу, всматриваясь напряженно в воздух. Дьякон иска-са посмотрел на него и заметил, что над монастырем нечисти почти нет. Раньше пошаливала, да всю ее колокольным звоном разогнали.

Недалеко отсюда виднелась насыпь, а на ней остовы вагонов. Вплотную к старым путям подступал кустарник, несколько ржавых цистерн наполовину утонули в зелени. Полтора месяца назад патруль набрел на такие же цистерны в районе Павелецкой заставы. Виктор объезжал те края и поспел как раз к тому моменту, когда молодые дружинники запалили под большой, в черных потеках цистерной систему самоподогрева и ждали, что из этого выйдет.

Один из старых бойцов, сопровождавший маршала, надавал юнцам пинков и перекрыл вентиль трубы, из которой весело хлестал огонь и струились ручейки горячей смолы. Потом он рассказал, что когда-то работал на строительстве дорог и такие вот емкости крепили на колесных моторах. А однажды спяну перегрели, клапан не сработал, и рвануло. Сам он чудом уцелел, а от остальных и пепла не осталось.

Месроп с интересом рассматривал хитросплетения цепей и веревок, идущих к языкам колоколов. Потянулся было к толстому канату, но Дьякон легонько шлепнул его по руке.

Прибежал взъерошенный звонарь, и отец-настоятель тут же наложил на него епитимью — три дня поста да тысячу раз с поклонами вокруг колокольни обойти.

Звонарь явно не понял, в чем провинился, но прекословить не посмел.

Виктор посмотрел на реку и увидел, что на узкой полосе земли между водой и стенами суетятся люди, перетаскивая на плот корзины.

— Пошли вниз, — сказал Дьякон, забыв о звонаре, — а то всю рыбу уже погрузили.

— Рыбкой приторговываете? — спросил Виктор.

— Меняем помаленьку на всякий инструмент, — ответил Дьякон. — Во-он с ними меняем. — И ткнул пальцем влево.

Мельком глянув в ту сторону, Виктор увидел на другом берегу то, что ожидал увидеть, — высокую черную пирамиду Бастиона.

Дьякон тем временем рассказывал, как его, раненого, истекающего кровью, чудом уплзшего из западни, подобрал отец Власий, выходил да на путь истинный наставил, и пока он два месяца лежал пластом, читая труды отцов Церкви, открылась ему в тех трудах премудрость великая, и хотя только за краешек истины ухватился он, грешный, но и того хватило, чтобы новую жизнь начать...

Слушая его вполуха, Виктор сочувственно кивал головой, хмыкал уместно, а сам не мог оторвать глаз от мрачного треугольника Бастиона.

Густой выдался денек. Неожиданные встречи — Месроп, Дьякон... Кто следующий для полного набора? И еще выяснилось, что ученые не сидят затворниками в Бастионе, пытаюсь время от времени вывезти свое добро. Разведка плоты проглядела. Головы пообрываю, одну за другой, ротозен! Может статься, телеги со ржавой рухлядью для отвода глаз оттягивали на себя магов и патрули, а самые ценные приборы, на которые маги облизывались, давно уплыли по течению.

— Да ты меня не слушаешь, — горестно покачал головой Дьякон. — Молодой, глупый. Жалко тебя. И Сармата жалко, и всех вас, сирот, безотцовщину.

— Это в каком смысле? — спросил Месроп.

— Не знаете вы Отца Небесного, вот в каком! — громыхнул Дьякон. — И Он вас оставил, прости, Господи, за дерзкие речи! Нечисть смутная кружит вам головы, хмарь телесная и бестелесная очи мутит, а вы без поводья в тьме крошечной ползаете, аки черви во прахе. И пребудете во мраке до тех пор, пока Дух православный не одолеет сонмище бесов, а уж тогда и Держава возродится!

— Тебе лучше с Мартыном поговорить, — сказал Виктор. — Он насчет Державы тоже складно говорит. И раз такое дело, что же ты не хочешь Сармату помочь?

Дьякон всплеснул руками.

— Вот ведь глухарь какой! Неужели не понял, что Церковь у власти мирской больше в потаковниках ходить не будет! И на ребят моих не поглядывай, хоть и люблю тебя, как сына, но будешь в дружину соблазнять — запрю тебя, на хлеб-воду посажу!

— Не надо меня на хлеб-воду, — засмеялся Виктор, — у меня таких парней четыре тысячи, один другого крепче.

— Вот и славно! — обрадовался отец-настоятель. — Завтра мне десяток ребят пришли. Дровишек надо напилить, а рук не хватает.

— Пришлю. Только вы их сетями не отлавливайте, они этого не любят.

В разговор вмешался Месроп и спросил, как бы все же им переправиться на ту сторону. Дьякон сказал, что без его благословения мены не будет, плот никуда не денется, на нем и поплывут.

Они спустились с колокольни и пошли вдоль стены. По дороге отец-настоятель полюбопытствовал, не напрасно ли Виктор его обнадеежил людьми и в каком он чине-звании, раз под ним ходят тысячи. На это Виктор нехотя ответил, что он в некотором роде распорядитель живой силы Правителя, а как его называть-именовать — без разницы. Конечно без разницы, добавил Месроп, но на маршала он тоже отзывается. Дьякон хмыкнул и спросил, в каком чине сам Месроп, на что тот неопределенно пошевелил пальцами и высказался в том смысле, что до чинов у него еще нос не дорос. И с этими словами потрогал свою носяру.

— Ну-ну, — пробурчал отец-настоятель, а потом сказал Виктору: — Дай мне толкового мужика, пусть ребят натаскает, ратному делу научит. Сетями, конечно, складно, однако не ровен час, какие душегубы нагрянут!

— Непременно пришлю наставника, — пообещал Виктор. — И людей побольше.

— А-а, — хитро улыбнулся Дьякон, — гарнизон хочешь поставить. Ладно, сотню ратников приму, жилье отведем, кормить-поить, конечно... Только чтоб без озорства. Баб начнут водить — пороть буду, не глядя на чин. И ребят моих пусть учат, да не сманивают. А ежели кто из твоих захочет Богу послужить, в том ему помехи не чинить. По рукам?

— По рукам! — Виктор со смехом хлопнул по огромной пятерне Дьякона.

Не пустая вышла прогулка. Такой форпост напротив Бастiona — находка! Сюда не сто, а полтысячи дружинников можно разместить. Монастырские, конечно, потеснятся, но ведь и для их блага! А если наладить плоты и лодки, можно на том берегу хороший плацдарм захватить. Но захочет ли Сармат брать Бастion измором?

— Да, — вдруг встрепенулся Дьякон, останавливаясь у маленькой кованой дверцы в стене, — и чтоб ведьмаков здесь ноги не было! Смолы у нас на всех хватит.

— Чем это вам маги досадили? — заинтересовался Месроп.

— А ничем! Их дело — дьяволу служить, а мое — Богу. Нет нам места одного.

— Постой, — с досадой сказал Виктор, — какому дьяволу, они вообще ни во что не верят!

— Истинно, ни во что не верят, — согласился Дьякон. — Вот я и говорю — сатанинское отродье, прости, Господи, за поминание врага. А смолы у нас много!

— Да что ты заладил со своей смолой! Их ничто не берет. Они дружке очень помогают.

— Нашли помощничков! Ничто не берет, говоришь? Смолы-то горяченькой они не любят.

— Не знаю, — пожал плечами Виктор. — Сказок много всяких.

— Может, и сказки. Их и без смолы Дева-воительница душит и режет.

Виктор поморщился. В последний месяц ходили по казармам слухи о некой Деве-воительнице, безжалостно истребляющей магов. Но от безделья и праздности и не такое придумают. Насчет партизанских отрядов амазонок никто из разведчиков не сообщал. Правда, был недавно случай. Виктор с небольшим отрядом осматривал засеки под Люберцами. На околице деревеньки их встретила хлебом и солью девушка. Так, пигалица, лет шестнадцати. Пока Виктор с коня слезал да поводья хранителю отдавал, она глазами позыркала, да вдруг из-под передничка арбалет небольшой выхватила и единственному магу промеж глаз стрелу всадила. Юркнула сквозь дыру в плетне — только ее и видели. Наконечник у стрелы серебряным почему-то оказался, а древко — смоленным. О Деве-воительнице слухи тогда и пошли, может, с этой девушки и сказка родилась.

Между тем Дьякон открыл дверцу, прошел узкой прохладной щелью, и Виктор с Месропом, следовавшие за ним, вышли на песчаную косу.

У плота трое монастырских парней оживленно переговаривались с двумя девушками в зеленых брезентовых комбинезонах. Завидев отца-настоятеля, парни замолчали и один за другим нырнули в проход.

Одна из девушек засмеялась, но вторая ткнула кулаком ей в бок.

— Взяли рыбку? — ласково спросил Дьякон.

Смешливая девушка кивнула.

— Вот и хорошо, — так же ласково продолжил Дьякон. — Значит, с собой еще вот их возьмете, на тот берег надо. Мои друзья оба. А начальству своему скажете так: еще раз особ женска полу пришлют, — без рыбы сидеть им аж до морковкина заговенья. Ясно излагаю? — гаркнул он неожиданно.

Смешливая чуть не выронила шест. Месроп подмигнул девушкам.

— Так когда вас ждать? — спросил Дьякон.

— Сегодня и вернемся, — сказал Виктор, — засветло.

— Ладно, -- кивнул Дьякон, — за коней не беспокойтесь, и паренька вашего не обидим.

И пошел обратно, широко размахивая полами длинного одеяния. У дверцы остановился, перекрестил грудь и нырнул в узкий проем.

4

Девушка подняла шест с пестрым лоскутом на конце и помахала им. Немного погодя плот мягко сошел с места. Виктор заметил натянувшийся трос, идущий к тому берегу, и перестал озираться в поисках весел.

— Далеко путь держите? — спросила смешливая девушка.

— Там видно будет, — усмехнулся в бороду Месроп.

— А обратно как? За рыбой только послезавтра...

— На месте разберемся, — ответил Месроп.

Вторая девушка внимательно посмотрела на него, потом что-то зашептала на ухо смешливой. Та вздела брови и перевела взор на Месропа и Виктора.

— Так вы к нам? Что же сразу не сказали?

— К кому это — к вам? — поинтересовался Виктор.

— Да бросьте ветер гнать, — махнула рукой смешливая, — секреты развели! — и сердито замолчала.

Виктору понравилось, как она сердится. Насупленные брови на круглом лице делали ее похожей на обиженного котенка. Симпатичные девушки у ученых, наверно, тоже по уши в науке и просто с ними не поговоришь.

— А скажите, — вкрадчиво начал Виктор, — это правда, что от науки глисты особые заводятся и дети в крапинку рождаются?

— Сам ты в крапинку! — фыркнула смешливая.

Плот шел медленно. Выяснилось, что смешливую зовут Светланой, но можно и Светой, а вторую только Марией. Между веселой болтовней Виктор вставил пару вопросов о том, чем они заняты в Бастионе, но Света вообще не обратила внимания на хитрый вопрос, а Мария пожала плечами и сказала, что долго рассказывать. Предложил встретиться на ближайшем гулянии, обе погрузились, но вразумительно ничего не ответили. Месроп в разговор не вмешивался, время от времени отечески добродушно похмыкивая.

У берега Света и Мария замолчали. Трос уходил в кусты, а когда плот уперся в пологий берег, из кустов вышли несколько мужчин и взялись за большие корзины. Один из них, с белым шрамом над бровью, смерил взглядом Виктора и Месропа и осведомился у Марии:

— А это что за рыбы?

Мария пожала плечами.

— Настоятель просил перевезти.

— Да? Ну пусть себе идут. — И спрашивающий повернулся к ним спиной.

Света раскрыла было рот, но посмотрела на Марию, на Месропа, рассеянно поглядывавшего по сторонам, на Виктора, равнодушно провожавшего взглядом мокрые корзины, и смолчала.

Когда мужики с корзинами скрылись в кустах, Месроп тихо сказал Свете:

— Вы нас проведете к себе без шума, ладно.

— Я... не знаю.

Взгляд Марии неожиданно стал жестким.

— В чем дело? — спросила она.

— У нас должна быть сегодня встреча, — прошептал Месроп.

Мария посмотрела в сторону кустов, потерла пальцем висок и медленно пошла вдоль берега. Света догнала ее. Месроп

приглашающе махнул рукой Виктору и заторопился следом за ними.

Виктор брел по песку и размышлял о причинах осторожности Месропа. Наверно, их миссия была достаточно деликатна и не для посторонних ушей и глаз. Может, в Бастионе тоже свои расклады. Следовало прихватить с собой Богдана и коней, но если начнутся неприятности, на конях через разлом не уйти, а Богдан и так слишком много увидел. Надо будет его оставить в монастыре, пусть встречает гарнизон. Назначу квартирмейером...

Вода доплескивала почти до ног. Следы идущих впереди Месропа и девушек быстро размывались, таяли. Внезапно Виктору показалось, что песок под ним расползается и его тянет в вязкую топь. Невольно он сделал несколько шагов в сторону. Его движение осталось незамеченным, потому что Мария как раз в это время свернула к кустам. Продравшись сквозь них, они вышли на тропинку.

Тропа заворачивала от берега, и громада Бастиона осталась слева, потом они попали на узкую просеку, и после нескольких поворотов Бастион замаячил перед ними сквозь густые кроны.

Догнав Свету, Виктор попытался ее разговорить, но та с досадой отмахнулась, а потом, через несколько шагов, негромко, так, чтобы не услышала Мария, спросила, правда ли, что их собираются отсюда изгнать. Виктор сделал большие глаза, но втуне, она на него не смотрела и не заметила его гримасы. На вопрос, кто же собирается ее гнать, не ответила. Виктор осторожно взял ее за локоть и стал негромко втолковывать, что сейчас-то времена не смутные, в городе порядок, безобразий почти нет, и если кто ее обидит, то будет иметь дело с ним... Света опустила голову и улыбнулась.

5

К самому Бастиону они пробирались по деревянному настилу, уложенному на каменистую осыпь. Виктор заметил, что камни правильной прямоугольной формы, словно плиты рассыпавшегося дома. А потом он поднял глаза и на миг даже замер, пытаясь оценить высоту темного, уходящего вверх сооружения.

Из глубины памяти выплыло другое здание, почти такое же, только по краям были какие-то башенки, и вроде не та-

кой пирамидой сходилось оно в выси, а кончалось острым навершием, да и вода была не у самых стен. И еще поразили его тогда ряды оконных дыр, с уцелевшими кое-где переплетами, с осколками стекол. Но это было очень давно или во сне.

Вблизи Бастион не казался грозным монолитом. Внизу наращивали бетонные ребра и пояса, и рельсовые стяжки выпирали ржавыми полосами — руина, хорошо сохранившаяся, подлатанная, но руина.

— Бастион! — невольно сказал Виктор, не то удивляясь, не то смеясь.

— Что? — не поняла Света.

Виктор замаялся, а потом объяснил, что издалека Бастион похож на крепость, а вблизи — на многоэтажный курятник. Света засмеялась и сказала, что она впервые слышит, чтобы это строение называли Бастионом. Кто из обитателей зовет его Домом, кто-то Берлогой, а есть, действительно, некоторые, которые иначе, чем курятником, и не зовут. А до оползня, говорят, это было красивое здание. Она видела снимки, но ей не понравилось. Натыкано много лишнего.

Настил пошел впритык к стене. Виктор сперва решил, что бетон и проглядывающая местами кирпичная кладка почернели от старости, но, случайно коснувшись стены, хмыкнул от удивления.

Стало ясно, откуда исходит странный и не очень приятный запах. Чтобы убедиться в своей догадке, как бы случайно мазнул пальцем по стене. Так и есть! Все вымазано густым слоем смолы. Это что же, ученые надеются за просмоленной стеной отсидеться, если миром дело не решат? Когда маги ударят холодным огнем, что стены смолой мазать, что свою задницу — все одно. Возможно, задницу полезнее.

Свернули за угол и догнали мужчин с корзинами рыбы. Тащили корзины по двое, держа за плетеные ручки, а последний нес небольшую корзину на плече. Откуда-то сбоку возник тот, что подходил к ним у плота, спросил что-то у Марии, та пожала плечами и, не останавливаясь, отодвинула его в сторону. Месроп виновато развел руками и последовал за ней. Виктор и Света, проходя мимо, услышали, как мужчина, покачив головой, громко сказал: «полный развал». Потом он исчез за бетонной плитой. Месроп замедлил шаги, а когда Виктор подошел к нему, взял его за рукав и дождался, пока Света пройдет вперед.

— Никто не знает, что ты здесь, — шепнул Месроп. — И не надо. Мы поговорим с одним или двумя... э-э...

— Умными людьми?

— Скажем так. Все они сейчас немного взвинчены, измотала неопределенность последних месяцев. Так что пусть никто не знает, кто ты.

— Я так полагаю, что среди умных людей встречу и доктора Мальстрема? — кротко спросил Виктор.

Месроп осклабился:

— Умен черт!

Последний носильщик снял с плеча корзину и прислонил к стене. «Рыба смолой завоняет», — успел подумать Виктор. Носильщик выпрямился, держа в руке изогнутую палку. Края ее блеснули металлом. Медленный, даже ленивый взмах руки — и палка, вертясь, полетела в их сторону. На глазах палка вдруг распалась на несколько таких же изогнутых полосок — и вся стая вертелок пошла на них. Виктор изо всех сил оттолкнул в сторону Месропа, и тот кувыркнулся с настила прямо на осыпь. Сам он упал вбок, и вовремя — бумеранги разрезали воздух над ними и почти сразу же развернулись назад. Несколько полос упало, не долетев до хозяина, а часть веером разошлась в стороны, и Виктор увидел, как одна вертелка на излете коснулась плеча Светы. Девушка упала.

Все это произошло в полном безмолвии. Носильщики медленно тащили свои корзины, Мария их обогнала и скрылась из виду. А тот, что напал на них, нагнулся и поднял еще одну изогнутую палку.

Но Виктор уже стоял на ногах, и, хотя до злодея было метров десять, он не мог тратить время на рывок вперед. Пальцы легли на обоймы с найфами, а дальше все заняло меньше секунды — издали могло показаться, что Виктор бросает невидимый мяч.

Убийца замахнулся, но бумеранг выпал из руки: восемь лезвий торчало у него в груди, горле и только два воткнулись в ногу и пах.

Виктор бросился к Свете и перевернул ее на спину. Глаза ее остекленели, а рот искажила судорога. Хотя бумеранг лишь задел ее за плечо, она была мертва. Подошел, прихрамывая, Месроп и осторожно подобрал изогнутую пластину с врезанной в край бритвенной остроты металлической полосой. Поглядел на нее и указал Виктору на белесый налет вдоль лезвия.

— Яд! — коротко сказал Месроп.

Виктор молча смотрел на лежавшую на камнях девушку. Жалко. Ни за что пропала. Он видел много смертей, но эта была самая нелепая.

— Так ты говоришь, — обернулся он к Месропу, — никто не знает, кто я?

6

Изнутри Бастион казался неким подобием Хором на Котельнической — такие же высокие потолки, толстые колонны и скользкий вытертый мрамор. В слабо освещенном вестибюле Виктор разглядел штабели мешков. Втискиваясь в узкий проход вслед за Месропом, он холодно усмехнулся — из прорех сыпался песок. Шесть или семь дружинников здесь наведут такой тарарам, что песок посыплется из защитников. За такой хлипкой стеной свои приборчики не сохранишь в целости. Но, выбравшись из тесного извилистого лаза, он перестал усмехаться. Из прорези в стальном щите прямо на него уставились четыре ствола. После некоторой заминки он вспомнил — крупнокалиберные пулеметы. Серьезные приборы. Неприятный сюрприз.

Он мог и раньше догадаться, что свечение в окнах Бастиона, о котором докладывали разведчики, — это не только факелы, а если здесь есть электричество, если работают приборы, стало быть, не вся сложная техника развалилась и отказала, и значит, оружие старое у них тоже имеется. Может, блефуют? — мелькнула короткая мысль, но тут же и ушла — нет смысла.

Из-за щита вышел человек в зеленом комбинезоне, за ним показалась Мария. Строго глянув на Месропа, она спросила:

— Итак, в чем дело?

Не отвечая, Месроп обратился к мужчине:

— Вызовите кого-нибудь из охраны.

— Я — охрана, — сообщил мужчина, — что дальше?

— Куда уж дальше, — сердито сказал Месроп, — пока вы тут отсиживаетесь за дурацкими вашими мешками, прямо у входа спокойно убивают...

— Кто... Кого убивают? — вскинулась Мария, замерла, схватилась за щеки и, сорвавшись с места, исчезла в проходе.

— Стой, куда?! — ринулся было за ней мужчина, но тут же вернулся, вытянул из-за пазухи длинноствольный писто-

лет с рукояткой посередине и коротко приказал: — Лицом к стене, руки на затылок!

Виктор мысленно одобрил первое верное действие стража. Хотя и запоздавшее — будь они с Месропом лазутчиками, давно бы лежал он в своем зеленом комбинезоне, как ежик, ошетиженный лезвиями. Тут Виктор вспомнил, что оставил наифы в теле убийцы и сейчас практически безоружен, если не считать пары заплочных лезвий.

Верхняя часть щита откинулась, и Виктор покачал головой. Он недооценил надежность охраны. Из-за щита вышло несколько человек, к тому же открылась почти невидимая из-за слабого освещения площадка у потолка, откуда вниз были нацелены еще два ствола. Вот они бы и встретили нападающих в вестибюле, перед баррикадой, сообразил Виктор. Нелегкая задачка для тех, кто будет штурмовать в лоб.

Их не очень умело обыскали и, не обнаружив у Виктора заплочных лезвий, провели в небольшую комнату. Там Месроп коротко рассказал, что произошло у стен Бастиона. Двое, не дослушав, сорвались с мест и выскочили из помещения, человек в зеленом комбинезоне успел крикнуть вслед — «перекройте спуск!». Виктор покачал головой. Слабовато с дисциплиной.

В эти минуты он словно раздвоился: одна половина сознания искренне переживает глупую смерть симпатичной девушки, с которой он только успел познакомиться и с удовольствием продолжил бы знакомство, другая же половина холодно оценивает ситуацию и пытается извлечь как можно больше сведений об этом месте.

Вернулась Мария. Она взяла стражника за лямки комбинезона, притянула его к себе и свистящим шепотом спросила, откуда взялся этот носильщик, кто он такой, почему она впервые видит его и когда наконец будет порядок. Потом внезапно отпустила его, и стражник чуть не упал. Мария обвела всех темным взглядом и вышла из комнаты.

— Ну, вот что, — негромко сказал Месроп, — немедленно проведите нас к доктору Мальстрему.

Стражник молча кивнул и пошел к двери. Месроп и Виктор поднялись с жестких деревянных скамеек, и только тут Виктор понял, что его смущало в этой комнате. Свет шел с потолка, из круглого матового плафона, неяркий, временами мигающий свет. Все-таки электричество. Наверно, и старое оружие действует. Большая кровь будет, если Сармат пойдет на Бастион.

Они прошли мимо толстых, пузатых колонн, обогнули ржавые трубы строительных лесов, теряющихся в вышине большого темного зала. Миновав частокол бетонных столбов, подпирающих потолок, вышли к узкому простенку с двумя рядами двустворчатых дверей без ручек. Стражник нажал на кнопку, одиноко торчавшую в стене, двери, что были посередине, с негромким урчанием разошлись в стороны. «Лифт», — догадался Виктор, увидев небольшую кабину, обшитую древним потрескавшимся пластиком.

Они вошли в кабину, и стражник, пробормотав что-то насчет почетных гостей, осторожно нажал на одну из кнопок.

Кабина с шелестом пошла вверх и через несколько секунд остановилась.

— А дальше я и сам знаю, — сказал Месроп и шагнул из кабины. — По коридору направо третья дверь.

Стражник кивнул и почесал задумчиво бровь. Створки захлопнулись.

7

— Господи, как обидно и нелепо, как нелепо! — доктор Мальстрем ходил по большому кабинету, сжимая и разжимая кулаки.

Виктор сидел в глубоком кресле у окна и, не обращая внимания на его перемещения, тербил плотную тяжелую штору. Как бы случайно отогнул — вместо окна глухая стена. Замуровали.

Наконец доктор вернулся за свой стол.

— Надеюсь, — сказал он, — эта смерть не будет дурным предзнаменованием для наших переговоров.

Месроп кашлянул.

— Ладно, — поднял палец доктор, — не будем играть в политику. Ситуация трагична, времени нет совсем. Причем, возможно, буквально. Поэтому оставим деликатные телодвижения, — короткий взгляд в сторону Месропа, — и сразу перейдем к делу. Если мы располагаем хотя бы часом или двумя...

Он замолчал, вопросительно глядя на Виктора.

— Располагаем, — протянул Виктор.

— Отлично. Тогда я оповещу всех заинтересованных лиц и надеюсь собрать их за полчаса. А пока давайте просто побеседуем.

— Давайте-те, — эхом отозвался Месроп.

Доктор слабо улынулся. За прошедшие годы он сильно изменился, волос почти не осталось, морщины вокруг глаз, а сами глаза совершенно выцвели. И как-то сгорбился, усох, что ли?

— Мы расстались при довольно-таки странных обстоятельствах, — начал доктор. — Упаси боже, я не намекаю ни на какие взаимные обязательства. Какие могут быть сейчас обязательства!

А вот это он не прав, подумал Виктор, как раз на взаимных обязательствах все и держится. Но не ему напоминать доктору об этом. Все-таки свою миссию он не довел до конца. Вернее, довел, но совершенно в другом смысле.

— Я рад, что мы встретились, — продолжал между тем доктор. — В конце концов, только мы с вами и остались. — Он замолчал, откинулся на спинку кресла и на миг закрыл глаза. — Да, только мы. Я не знаю, жив ли Саркис и где он. Боюсь, этого никто не знает. Была еще девушка...

— Она пропала, — коротко сказал Виктор.

— Да-а, — протянул доктор, — значит, только мы двое. Странное было мероприятие, этот наш детский поход. Кстати, спасибо, что тогда в Москве вы мне напомнили про картотеку Евгения Николаевича. Мы ее раскопали. Удивительное дело, такой массив совершенно разрозненных фактов, и вдруг...

Он пожевал губами, вздохнул и обратился к Виктору:

— У вас, я знаю, все в порядке. Вы главный военачальник у правителя Сармата. Да, а он все еще именуется правителем, или уже выбрали красивый титул?

— Не знаю, о каком правителе идет речь, — ответил Виктор. — Сармат — руководитель дружины самообороны, и все! А я — его заместитель по боевой части. И все!

— Дипломат! — улынулся доктор. — Все мы сейчас дипломаты. Ну и пусть. Лишь бы мухи не кусали.

— Какие мухи? — не понял Виктор.

— Такая поговорка, — пояснил доктор.

— Где ты мух видел? — вмешался в разговор Месроп. — Мухи что, тоже дипломатия? Время-то идет!

— Ты полагаешь? — вздел бровь доктор. — Ну, если так, тогда я сразу прошу не считать нас врагами. Мы никому не враги, никому.

— Я знаю, — после некоторого молчания сказал Виктор. — Но я здесь сам по себе, никто мне не поручал вести переговоров.

— Какие переговоры! — страдальчески изогнул губы доктор. — Поверьте, это неудачная шутка. Какие могут быть у нас переговоры?! Они возможны между равными, а сейчас...

Виктор насторожился. Если это западня, то первый залп — доктору.

— Переговоры! — горько повторил доктор. — Ничего подобного. Мы просто полагаемся на ваше великодушие и рассчитываем, что на завтрашнем Сборе вы не будете настаивать на немедленном штурме. Мы не собираемся ни с кем воевать, ни от кого обороняться. Пусть нам позволят спокойно уйти. Все, что находится здесь, — он широким жестом обвел стены, — здесь и останется. Владейте!

То, что доктор Мальстрем знал о Сборе, Виктора не удивило. Его поразила готовность ученых без боя оставить Бастион со всеми потрохами. Нет ли здесь подвоха? Старое оружие! Вот займут они Бастион, введут дружину, а где-то внизу, в каком-нибудь подвале, взрывчатки тонн десять или больше и часовой механизм тикает. Правда, когда маги сюда войдут, всякая хитрая техника быстро выйдет из строя, но чтоб на воздух все поднять, много времени и большой хитрости не требуется.

Он не знал, что сказать доктору Мальстрему, и молча изучал свои ногти.

— Ваше молчание, — мягко сказал доктор, — обнадеживает. Вы не отвергли мое предложение. Не все коллеги со мной согласны, но я надеюсь убедить их в моей правоте. Рассчитываю на ваше содействие.

Подняв голову, Виктор столкнулся со взглядом доктора, и такое отчаяние вдруг прочитал в его глазах, что ему стало не по себе. Доктор молча опустил веки и негромко сказал:

— В конце концов, я просто обязан спасти людей. Плевать на все эти железки, плевать на тех, кто ищет власти, плевать на всю чертовщину и чудеса вместе взятые! Я должен спасти эти мозги, чего бы мне это ни стоило.

— Насколько я знаю, — заговорил Месроп, — магам нужны только приборы, оборудование.

— Пока им нужны только приборы, — перебил доктор, — а потом им потребуются люди. Они не против науки, не против знаний, наоборот. Просто они хотят держать науку под своим контролем.

— Наука под контролем — не наука.

— Ты это им скажи! — пожал плечами доктор.

Из небольшой коробки на столе у доктора послышался негромкий треск. Доктор ткнул в нее пальцем, сказал «занят» и развернулся с креслом к Виктору.

— Может, я сейчас говорю глупость, но что, если пригласить к нам ваших коллег и поговорить с ними. Понимаю, Сармат вряд ли сюда придет, но советники...

— Советники? — покачал головой Виктор. — Не знаю...

Хитрит доктор. Какие еще советники ему понадобились? Он уже здесь. Мартын, судя по всему, давно с ними общается. Николая позвать? Вот смеху-то! Николай везде измену ищет, радости для него будет по самое темечко. Странное предложение.

— Когда же теперь звать, — спросил он доктора, — да я кого? Николая, разве что?

Доктор никак не отреагировал, но Месроп вдруг оживился.

— Постой, — сказал он, — это какой Николай? Боров, что ли? Ты же его убивал долго. Неужели помирились?

— Да как тебе сказать, — замылся Виктор.

«В самом деле, — задумался он, — с Боровом не мирились, но и врагами перестали быть как-то незаметно, плавно...»

8

Пять лет назад трагичное возвращение из Будапешта завершилось скандальным финалом. Виктор вспомнил, как душил Борова, а его оттаскивали в сторону, висли на руках, Боров постно закатывал глаза и бочком-бочком продвигался к двери, а Мартын пытался что-то втолковать, но после того, как Виктор случайно задел его по носу, обиделся и велел окатить Буяна холодной водой. Принесли ведро, Виктор, расвирепев не на шутку, пнул водоношу ногами в живот и тот полетел прямо на Мартына, окатив его штаны ледяной водой. Тут уже Мартын озверел и велел связать Виктору руки. Боров исчез.

Вскоре Виктор немного успокоился и сам поразился своей вспышке. Вместо того чтобы устраивать истерики, надо было просто подойти к Борову и, дружески пожимаю руку, свободной взять за кыдык или, еще лучше, аккуратно вставить ему лезвие в ливер.

Эти мысли неотвязно вертелись в голове. Он рассказывал о приключениях в Будапеште и никак не мог избавиться от

навязчивого образа — Боров с найфом в кадыке. К вечеру у него вдруг начался жар, и он слег.

Двое суток тогда провалялся без памяти. Потихоньку стал приходить в себя, и поначалу даже не удивился, обнаружив у своего изголовья Борова, заботливо поправляющего подушку.

Отложив расправу с врагом до выздоровления, он вынужден был примириться с такой сиделкой. Боров же, хлопоча у больного, между делом как-то заметил, что сам вызвался выходить его в залог собственной шкуры, и если, не приведи господь, Виктор загнется, то с него личную шкуру снимут. Сармат и снимет.

А когда Виктор немного окреп и еле ворочавшимся языком стал поносить Борова, то Боров уселся прямо на дерюгу перед кроватью и повел долгий разговор.

Виктор и сам не понял, когда стал прислушиваться к доводам, как задумался над делами прошлых дней, ну, и слово за слово втянулся в беседу.

И сейчас перед глазами встало корявое лицо, неопрятные седые космы и тусклые глаза, смотревшие вбок. Послушать его, так во всем был Виктор не прав. И детей воры похищали с самыми благими намерениями. «Ведь у кого брали-то, — жарко шептал Боров, — у голытьбы и рвани всякой, они себя прокормить не могли, на подачках держались, а плодили такую же рвань и нищету». Ну, а он, Боров, естественно, выходил истинным благодетелем, потому что дитя пристраивалось в надежные, хорошие руки, вот тебе крест, только здоровым состоятельным родителям, посредники надежные, да и ребеночка приобрести могла не всякая семья. Он лично знал двух пацанов, которые выбились в большие люди благодаря приемным, так сказать, родителям. А то подошли бы или ковырялись в навозе...

Откровенное бесстыдство Борова и его нахрапистый монолог привели Виктора в легкое оцепенение. Он лежал в полудреме, а тот все гудел и гудел под ухом. Вспомнил и о том, как защищал Виктора от обидчиков в банде, а когда Виктор спросил, почему тогда велел привязать его на крыше, Боров аж взвился и, выслушав небрежное пояснение, вскричал, что только сейчас понял, куда исчезли Тит и Бурчага. А насчет того, что велел привязать, так это чушь собачья! Ничего он про это не знал, ну пусть вот Виктор посмотрит ему в глаза и плюнет в них, если он слышал от него приказ! Да и потом, вскочил тогда с места Боров и забегал по каморке, когда Вик-

тор и те двое исчезли, его вообще в Москве не было, денька на три отлучился, кхе-кхе, товар сбыть, дело деликатное... А с Виктором, наверно, счета Бурчага сводил, сволочь большая, не забыл, наверно, как Виктор ему большой палец прокусил!

Целую неделю Виктору приходилось слушать пространственные речи о том, что да, приходилось ему обретаться среди негодяев, но попадались порядочные люди, которых обстоятельства толкнули на дела несправедливые, и что он, Боров, общаясь с негодяями, сам замарался и на старости лет стал сущим разбойником, хотя, случайно, помог ему избавиться от дубасовцев... И вообще, грех Виктору жаловаться, не пройди он тогда в банде хорошую школу выживания, вряд ли уцелел после стольких передраг. В том, что из мелкого пацана вырос такой державный хлопец, есть заслуга и его, Борова.

Сработала ли грубая лесть, а может, просто убедительные интонации, но, когда Виктор встал на ноги, мысли об истреблении Борова куда-то отошли. Узнав, что его недруг учинил большой шорох, помог Сармату разорить все притоны в Саратове и окрестностях, а главное, навел в дружине железный порядок, Виктор стал звать его Николаем, а прошлое стерлось, смазлось.

— Не придет сюда Николай, — сказал наконец Виктор, — и хорошо, что не придет.

Месроп вопросительно посмотрел на него, но Виктор молчал. Не говорить же здесь о том, что Николай ведает внутренней безопасностью, и если узнает, что мимо Сармата идет какая-то возня, то начнет ворошить все осиные гнезда, до которых дотянется. И ему, Виктору, совершенно не улыбается, если на очередном Сборе Николай вдруг встанет и ласковым голосочком начнет выкладывать всем присутствующим о том, кто с кем встречался и о чем говорил. Сармату все можно объяснить, но лучше это делать самому и первым. Правитель — мужик горячий. Иногда подолгу тянет да взвешивает, а порой сначала рубанет, а потом только смотрит — кого и куда. Стаеет, что ли?

— Ну, не придет так не придет, — развел руками доктор Мальстрем. — Тогда мы через полчаса и продолжим. Я поговорю предварительно кое с кем, у нас тут свои сложности. А вы можете отдохнуть, поесть. Или прогуляйтесь по зданию.

— Мы лучше походим, посмотрим, — сказал Месроп. — Может, на смотровую площадку поднимемся. Благо, лифт работает.

— Лифт? — Доктор Мальстрем посмотрел куда-то в сторону, потом слабо улыбнулся. — Лифт — это наша маленькая показуха. Когда мне сообщили, что на плоту еще двое, я велел проводить ко мне на лифте и его специально включил. Топлива для генераторов хватает, но тросы проржавели, лучше не рисковать.

Виктор сделал в памяти еще одну зарубку. Значит, отсюда ведется наблюдение. Хорошая подзорная труба или даже уцелевший бинокль — давняя мечта. Пусть ученые потрясут свое добро, в конце концов, должны они его ублажать или нет?

— Оптика у вас хорошая? — небрежно спросил он.

— Не жалуемся, — ответил доктор.

— Да, если машины работают...

— У нас все работает, — перебил его доктор, извинился и сказал, что должен бежать, а на просьбу Месропа дать провожатого, кивнул и вышел из кабинета.

Минут пять они ждали, придет ли кто за ними, но, так и не дождавшись, покинули комнату.

— Я здесь не очень ориентируюсь, — сказал Месроп, — но кое-что помню. Пошли на лестницу!

В конце коридора, за большой, темного дерева, дверью, обнаружилась лестница. Широкая люминофорная полоса освещала ступени. Через несколько пролетов Месроп запыхался, махнул рукой и сунулся было в дверь, но не тут-то было.

— Заперто, — огорчился он.

Виктор пожал плечами. Удивительно, если бы она была нараспашку. Месроп почесал затылок, потом хитро улыбнулся и, встав на цыпочки, пошарил по косяку.

— Ха! — И торжествующе показал ключ. — Старые студенческие хитрости.

На этаже пусто, безлюдно. Откуда-то из-за стен доносился слабый гул, пощелкивание. Виктор насторожился, а потом сообразил, что эти давно забытые звуки издают работающие машины.

На дверях были таблички, но под стеклами в мелких трещинах невозможно было разобрать, что на них написано. На некоторых дверях белой краской намалеваны номера. Пару раз они заметили белый кружок, перечеркнутый крестом. В одну из таких дверей, повинувшись внезапному наитию, и толкнулся Виктор. Дверь была не заперта.

В темное помещение пробивались тонкие лучики света. Месроп пошел вперед, натолкнулся на лязгнувший предмет и

негромко выругался. Заскрипел ставень, и они на миг зажмурились от яркого света.

Отсюда хорошо были видны быки моста с разношерстными пролетами, крыши, выглядывавшие из зарослей на том берегу, и часть монастырской стены.

Виктор долго смотрел на спокойное течение воды, на густые облака, сгрудившиеся далеко на горизонте. Хороший отсюда вид, подумал он, а потом, задев локтем холодный металл, осмотрелся и обнаружил, что рядом с ним у оконного проема на массивной треноге стоит спаренная пулеметная установка.

Он цокнул языком и уважительно оглядел вороненый корб, провел рукой по ребристым стволам и не смог удержаться от соблазна: влез на высокое сиденье и повел стволами вправо-влево. Клавиша под скобой, очевидно, включала прицельный экран, но Виктор не стал трогать систему управления. Глядя вдоль стволов, он засек сектор обстрела. Он был уверен, что машинка работает. Неважно, почему здесь техника держится — помогают ли вымазанные детем стены или ученые чего придумали — одна такая машинка уложит сотню, если, конечно, без ума на нее переть. А ведь и поперли бы, на лодках и плотах, а отсюда, не вставая с вертящегося сиденья, всех спокойно и утопили бы, как котят в кадке.

Месроп, искоса глянув на Виктора, припавшего к пулемету, усмехнулся и снова обратил взор на плававшую в зелени Москву.

— Сколько здесь таких штучек? — спросил Виктор, с неохотой слезая с сиденья.

— Да я тут был всего ничего... — начал Месроп, но, встретив пристальный взгляд Виктора, хмыкнул. — Порядочно. Тут много чего есть. Этажом выше, если не ошибаюсь — орудия, а на смотровой, кажется, лазер стоит.

— Пошли на смотровую! — загорелся Виктор.

Боевые лазеры в деле он видел только в фильмах, да и то давно, когда еще техника работала. Старый вояка Семен Афанасьевич рассказывал, что у них было два славных лазера, но когда их пустили в ход во время очередной осады, сработал только один, а второй даже не фыркнул. Впрочем, хватило и одного: пожгли все осадные башни итильцев. С тех пор, правда, и второй не работает, но об этом враг не знает.

Месроп немного поартачился, на смотровую ему лезть было неохота, но потом смирился и, ворча, побрел к лестнице.

Минут через десять они вышли на темный этаж. Смотровая оказалась большой комнатой с длинными, во всю стену окнами, прикрытыми ставнями, от которых крепко несло смолой.

К толстой, с двумя вздутиями на концах, трубе тянулись шланги и провода, турель, к которой была привинчена труба, грубо сварена из толстых железных полос. С некоторым разочарованием Виктор оглядел устройство — оно ничем не напоминало ему грозные конструкции, поблескивающие стеклом и хромированным металлом, виденные в полузабытых фильмах. Но именно грубость конструкции убедила его, что это тоже — действует!

Не прикасаясь ни к чему, он обошел турель. Сбоку к трубе двумя стальными хомутами притянута труба поменьше. Виктор насупил брови.

— Ты гляди, — потыкал пальцем в устройство Месроп, — они телескоп приспособили.

Для Виктора этих слов было достаточно. Оптика! Он нагнулся к телескопу и уперся в мягкую пластиковую насадку, выпиравшую из торца.

В первый миг он не понял, что перед ним. Потом сообразил: окно, вернее часть окна, с задернутой темной занавеской. Он поднял голову и обнаружил сбоку ручку с круглым набалдашником. Снова припал к окуляру, крутанул ручку. Окно поехало назад, отдалилось, и вдруг он сообразил, что смотрит на Хоромы. Ему даже показалось на миг, что это его окно. Двигая ручку вверх и вниз и вращая ее, он прошелся по верхним этажам дома на Котельнической. Вскоре он понял, что телескоп был направлен на окна Мартына — темно-вишневые занавески только у него, да и отсюда можно было разглядеть наглухо заделанную форточку в одном из окон — след бурного празднования чьих-то именин. Кажется, Виктор и запустил бутылкой в кого-то, и не попал...

Он еще немного посмотрел на Хоромы, прикинул, достанет ли отсюда луч жилые этажи. Решив, что пробьет, вздохнул и пошел к двери. Месроп закрыл ставень и двинулся за ним.

Спускались молча. Слишком все гладко получается, думал Виктор, ну, слишком все на Мартына указывает. Ему не надо гонцов слать или даже зеркальный телеграф устраивать — пиши прямо все как есть и на окошко прилепи — прочтут. Чересчур складно. И телескоп вроде случайно направлен, и я тут подвернулся вроде случайно. Но если не Мартын, то кто?

Впрочем, это пустое! Ротозей здесь изрядные — оружие без присмотра оставили! Вон он сейчас как пройдет по всем комнатам, с перечеркнутыми кружками на дверях, да как выведет из строя всю технику! Но вслед за этой мыслью пришла другая: может, и впрямь ученые бросают свой Бастион, отдают со всеми потрохами? И доктор Мальстрем не крутит, а действительно озабочен только спасением ученых. Странно все-таки, никто им не угрожает, с таким оружием не то что Москву, а все земли до Урала под себя поднять можно. Если смола защищает технику, то обмотать просмоленными тряпками стволы, патронов побольше в ящики набить и тоже обмазать...

Они спустились на этаж, где обретался доктор Мальстрем. Пустой коридор. Тишина.

— Слушай, — вполголоса сказал Виктор, — может, пока мы тут ходили, они все давно сбежали? Плынут вниз по речке...

Месроп не ответил, только озабоченно покачал головой. Его что-то беспокоило. Наверно, решил Виктор, он не ожидал быстрой капитуляции ученых. С другой стороны, податься Месропу некуда: здесь оставаться — ямка, с учеными идти — да вроде он у них тоже сбоку.

Из-за поворота вышел доктор Мальстрем с двумя молодыми людьми в синих халатах.

— Очень хорошо, — сказал доктор. — Минут через пятнадцать все соберутся. Ах да! — Он приложил ладонь ко лбу. — Все позабыл, я же вам обещал...

Он обратился к невысокому парню с зачесанными назад волосами и большими залысинами на лбу.

— Я вас лично прошу, Мамасахлисов, проведите наших гостей по... ну, покажите им что-нибудь, расскажите...

— Что — показать и что — рассказать? — потрогав родинку под глазом, спросил парень с фамилией, которую Виктор попытался воспроизвести в уме, но не смог.

— Придумайте сами что-нибудь! — с досадой простонал доктор. — Это наши высокие гости, — со значением добавил он.

— У меня в лаборатории не прибрано... — начал было ученый, но доктор перебил его:

— К чертям лабораторию! Вы не выспались, что ли?

Доктор скрылся в кабинете. Месроп выжидательно смотрел на парня, тот страдальчески закатил глаза и, сказав: «ну, пойдёмте, высокие гости!», двинул по коридору к лестницам.

9

Пятнадцать минут растянулись на целый час. Время от времени их провожатый связывался по внутренней линии с доктором и, услышав невнятное бормотание, вздыхал и вел их дальше.

В лабораториях было скучно и пусто. Техника, приборы стояли выключенные, в слепых дисплеях отражались только лица вошедших. В одном из помещений они застали пожилую женщину в синем халате, наливавшую в большой конический стакан кипяток из огромного алюминиевого чайника. В пятой или шестой комнате Виктор обратил внимание на то, что во всех комнатах у дверей над косяком привинчены короткие трубки с мигающими зелеными точками по краям. Он кивнул на них Месропу, но тот отнесся к ним равнодушно, как, впрочем, и ко всем остальным приборам и устройствам. Провожатый заметил взгляд Виктора и стал подробно объяснять принцип действия детектора индетерминизма. С минуту или две Виктор пытался понять, что означают слова «период полураспада», «многослойный сцинтиллятор» и тому подобное. Ученый запнулся на полуслове, глянул искоса на своих подопечных и сказал, что об этом долго рассказывать. Просто на одном конце трубки ампула с изотопом, а на другом счетчик излучения, а вернее, даже не излучения, а вполне определенных ядерных процессов. И регистрация не менее определенных событий свидетельствует, нарушается ли поблизости причинно-следственная связь.

— Ах, вот даже как, — заинтересовался Месроп. — Каким же образом?

Ученый вздохнул и терпеливо пояснил, что если событие фиксируется до того, как оно произошло, то, значит, вероятность иных нарушений причинно-следственных связей возрастает. Собственно говоря, добавил он, это единственная более или менее изученная методика. Калибровка детекторов, конечно, никуда не годится, но лучше они, чем ничего.

— Стало быть, — не унимался Месроп, — вы перепробовали всякую защиту, пока не дошли до смолы?

— Ну, что-то в этом роде, — замялся ученый. — Для малых объемов есть средства и получше, но смола — это пока самое доступное и дешевое сырье.

— Что еще, кроме смолы? — вмешался в разговор Виктор. — Охота вам в этой вонище сидеть!?

— Кроме смолы есть еще кое-что, — сказал ученый и вдруг захихикал, — собачий кал, например. Прекрасно держит защиту от деструктивного воздействия. Но с ним у нас напряженно.

— С чем, — спросил Виктор, — с калом или с воздействием?

— С калом, — любезно сообщил ученый, — собачек мало-вато.

Издевается, наверно, решил Виктор, но не рассердился. Одичали ученые, очумели среди приборов и смолы. Насчет смолы надо будет подумать, нет ли здесь какой ниточки к магам, может, они и впрямь слабины имеют?

В небольшой комнате с металлическими полками, забытыми разноцветными коробками, ученый с видимым облегчением плюхнулся на стул и вытянул ноги.

— А вот это — моя лаборатория. Располагайтесь.

Он пошарил взглядом по сторонам и виновато развел руками.

— Ничего предложить не могу. Спирта нет, чай упакован.

— Даже спирта у вас нет! — соболезнующе заметил Виктор.

Ученый внимательно посмотрел на него, крикнул и, не вставая с места, перегнулся через низкий, заляпанный чем-то столик. Достал из-за большого, обитого металлической полосой ящика плоскую бутылку. Отвинтил крышку и, понюхав, закатил глаза.

— Прощу. — И протянул ее Виктору.

— Что это? — спросил Виктор.

— Это — хорошо! — внушительно ответил ученый. — А впрочем...

Приложившись к горлышку, он сделал основательный глоток. Осторожно выдохнул, утер набежавшие слезы и, чуть смежив веки, медленно повел кулаком от горла к животу, а потом, сказав «Ба-бах!», растопырил пальцы.

— Спирт на апельсиновых корках, слегка разбавленный крепким чаем, — пояснил он. — Называется «Тунгусский метеорит».

Виктор недоумевающе посмотрел на Месропа, тот еле заметно пожал плечами.

— Ладно, — сказал Виктор, поднимаясь с шаткой табуретки, — вы люди занятые, не смеем мешать.

Бастион отдают без боя, и это еще надо обмозговать. А сейчас главное — быстро вернуться в Хоромы. Делать здесь больше нечего, пусть себе метеориты запускают.

В дверях он столкнулся с доктором Мальстремом.

— Ага, вот вы где, — сказал доктор. — Тысяча извинений.

— Я больше не могу ждать, — с этими словами Виктор небрежно кивнул доктору. — Мне пора. Ваш совет, надеюсь, все решил?

— Совет? М-да, совет, — доктор сложил губы трубочкой, — можно сказать и так — решил. Все остается в силе. Завтра нас здесь не будет. А совет... — И он негромко рассмеялся.

— Непредвиденные осложнения? — спросил Месроп.

— Если бы!

Виктору не понравились интонации доктора, горечь и злоба проскальзывали в них. Нападение у подножия Бастиона, долгое ожидание совета... Может, слово Мальстрема не имеет веса или лукавит он, и с минуты на минуту ворвутся эти, в синих халатах, чтобы взять его в заложники? Ну тогда и доктору не уйти. Неизвестно, правда, как себя поведет Месроп.

Доктор Мальстрем сел на большой деревянный ящик и потрогал пальцами виски.

— Не было никакого совета, — громко сказал он. — Спешно пакуются, всем наплевать на всех, и никто не хочет принимать решения, брать на себя ответственность. Они на все согласны не глядя, лишь бы дали спокойно унести ноги. Отдают мне мыслимые и немыслимые полномочия.

«Слизняки, — подумал Виктор, расслабившись, — ничем не лучше тех, что на поляне».

— В общем, мы уходим. Ставим вас в известность. Не хочется, чтобы это хозяйство, — доктор мотнул головой, — осталось беспризорным. Лучше Сармат, чем...

Он замолчал и, взяв за горлышко бутылку, внимательно осмотрел ее.

— Чем кто? — спросил Виктор.

Доктор пожал плечами и хлебнул «Тунгусского метеорита». В следующий миг он схватился за горло, его выпуклые глаза налились слезами, и сильный кашель минуту или две колотил его.

— Какую вы гадость пьете, Мамасахлисов, — укоризненно сказал он, отдышавшись. — Вы же себя отравите, позорник этакий!

Ученый подмигнул Виктору, отобрал бутылку у доктора и закрутил крышку.

— И это — наша гордость и надежда, — покачал головой доктор. — Вы не поверите, — обратился он к Месропу, — сколько сил и времени мы ухлопали на этого юнца. Последний, можно сказать, ученый, и так распоряжается своим организмом.

— Ну, иногда молодым людям надо встряхнуть мозги, — добродушно сказал Месроп, — да и почему — «последний»?

— А других просто нет, — ответил доктор. — Некому учить, некого учить. Вот в него десять лет вбивали остатки знаний по крупицам. И не будь его прирожденной гениальности, толку было бы мало.

Молодой ученый кротко потупил глаза, но Виктор заметил, как он хитро улыбнулся. Парень ему понравился. Хоть и ученый, но, видно, нормальный.

Между тем доктор рассеянно взял бутылку обратно и хорошо глотнул. На сей раз прошло гладко.

— Гори все огнем, — сказал доктор. — Здесь и сейчас мы проиграли. Может быть, в другом месте другие люди разберутся во всей этой чертовщине.

— В другом месте других людей будет интересоваться другое, — вставил Мамасахлисов.

Доктор вскинулся и минут пять говорил о неблагодарных сопляках, о сумерках времен, о том, что, когда падут последние очаги знаний, наступит долгая ночь... Все это звучало очень красиво, но Виктор еле удерживался от зевка. Для кого ночь, а для кого утро. Весь день впереди, дел полон рот, а с выпивки, конечно, тянет поскулить иногда. Пора идти, Дьякон, наверно, заждался, да и в казармах дел невпроворот. Он опять поднялся с места, но тут в разговоре между доктором и ученым проскользнули слова, заставившие его насторожиться.

Это был явно старый и долгий спор.

Они говорили о вещах непонятных и говорили непонятно, но несколько раз, упоминая о каком-то Массиве, ученый с непроизносимой фамилией виновато осекался и осторожно поглядывал на Виктора и Месропа. Когда наконец доктор обратил на это внимание, то вдруг расхохотался и ласково обозвал ученого дурачком.

— Да ведь если бы не он, — доктор кивнул в сторону Виктора, — черта бы с два нашли архив Евгения Николаевича.

Виктор нахмурился. Тон доктора все меньше и меньше нравился ему. Что он себе позволяет! И тут сообразил — речь идет

е картотеке деда Эжена. Судя по разговору, ученый с трудной фамилией годами копался в коллекции деда, пытаясь разобраться, что там к чему, а доктор относился к его занятию несерьезно.

Нашли время и место для своих споров, подумал Виктор. Бедолаги, каждый год изо дня в день говорят все об одном. Немудрено слегка повредиться в голове.

— Все вы оболтусы, — горячился ученый, — и вы, доктор, извините, первый среди них. Я вас люблю и уважаю, но вы возглавляете эту банду оболтусов. Вы до сих пор ничего не поняли, хотя таблица распределения лежит у вас в кабинете под стеклом.

— Я тоже оболтус, и тоже ничего не понимаю, — вмешался Месроп. — Какое распределение, при чем здесь Массив и, кстати, что это такое?

Доктор чуть заплетающимся языком объяснил, что давно один старый человек собрал коллекцию всяких загадочных и таинственных случаев, а сейчас, когда все эти загадки и тайны превратились в заурядную чертовщину, толка в ней никакого нет, а интерес разве что исторический. Экспонат, можно сказать. Сами вы экспонат, возразил ученый, кто два года вместе со мной копался в картотеке, а доктор в ответ пренебрежительно махнул рукой, но Виктору показалось, что на долю секунды доктор остро глянул на него, трезво и изучающе.

— Вы понимаете, — ученый взял Виктора за рукав, а Виктор с трудом удержался, чтобы не оттолкнуть его, — понимаете, все эти случаи удивительно красиво укладываются на временную шкалу.

— На шкалу? — вежливо переспросил Виктор.

— Ну да!

— Замечательно! Однако нам пора. — И он поднялся с места.

— Одну минуточку! — Месроп умоляюще взглянул на него. — Это действительно интересно.

Виктор вздохнул и сел. Месроп опять в своей стихии. Любит слушать тронутых ребят. С Митей, покойничком, долго возился, до сих пор вспоминает. И с этими, на поляне, тоже...

Ученый оторвался от Виктора и уставился на Месропа.

— Вам на самом деле интересно? — вздел он брови.

Месроп кивнул.

— И вы понимаете, о чем идет речь?

— Не вполне, — Месроп усмехнулся, — но я очень постараюсь, если вы будете говорить медленно.

«Сейчас пойдет молотилка», — обреченно подумал Виктор и уселся поудобнее. В конце концов, Месроп сделал свое дело, привел его сюда, и он, Виктор, как бы получил с рук на руки Бастион. А пока они тут языками чешут, надо спокойно и без суеты обдумать последствия этого события. Завтра утром Сбор, и вот большой вопрос — сказать сразу о том, что защитники Бастиона оставили все и ушли, или выложить в последний момент, если маги дождут Сармата и поход на Бастион все же будет назначен? Есть и другой вариант — поговорить с глазу на глаз с Сарматом, пусть сам решает. Не лучший выход. Сармат полон сил и бодр, как никогда, но в последнее время стал намекать, что и собственными умишками надо трудиться. Да, еще и Мартын — сложный получается расклад.

Боевая техника — подарок неожиданный! Старое, нестрелявшее оружие — мечта для любого вояки. Старое новое оружие или новое старое оружие, запутаешься, черт. Только разницы никакой не будет, если маги здесь поторчат день-другой. Все развалится, а жаль! Несколько лазерных штучек — и можно идти обратно Саратов отбивать, а там и с Казанью разговор другой выйдет.

— Никогда не баловался этим! — размышления Виктора прервал смех Месропа.

— А у меня в детстве неплохо получалось, — задумчиво сказал доктор, — потом тихо сошло, да и не только у меня. Там, где появляются маги, у простых смертных начисто исчезают паранормальные способности. Они словно все в себя втягивают.

— Не надо им завидовать, — ученый поднял указательный палец, — вы же знаете, какой ценой им достается.

«А ты-то откуда знаешь, пацан?» — незлобно подумал Виктор. Парень определенно нравился ему. Хлипковат, конечно, но боек, мозгами шевелит. Подкормить, обучить и взять к себе, пусть походит в штабных, а там глядишь...

— В конце концов, не так уж важно, что происходит, — продолжал между тем ученый, — но посмотрим, когда и как происходит. Если отметить события на одной линии, то можно заметить, что с каждым днем их все больше, но они как бы... мельче, что ли, обыденнее...

— Ну и что? — спросил Месроп.

— Ничего. Только вот такая странная закономерность — если в очень далеком прошлом каждый эксцесс носил харак-

тер чрезвычайный, ну, там, из-за них людей жгли, чудеса всякие, то сейчас мелкие чудеса доступны каждому магу, а до них такие способности были почти у каждого второго.

— Они и сейчас проявляются, особенно у детей. — Доктор вздохнул и добавил: — Только быстро исчезают.

— Ну и слава богу, — сказал Месроп. — Но я никак не пойму, при чем здесь временная шкала?

— Да как вам сказать, — ученый скривился и почесал подбородок, — если мы имеем ряд событий, частота которых нарастает, а интенсивность падает, наверно, есть какая-то закономерность, а вернее — причина этого.

— Естественно, — согласился Месроп, а по блеску в его глазах Виктор понял, что Месроп заинтересовался.

— И причина, вероятно, одна, — веско произнес ученый.

Месроп молча ждал продолжения.

— Вам это ничего не напоминает?

— Мне это напоминает волну, — ответил Месроп. — Кинули камень в воду, вот волна и пошла, постепенно слабея.

— Гениально! — вскричал ученый. — Какая жалость, что мы с вами не встретились раньше. Вы почти попали в точку. С одной небольшой поправкой — камень еще не брошен.

— Не понял.

— Вы знаете, что такое цунами?

— Догадываюсь, — кротко ответил Месроп.

— Так вот, представьте себе, что плывете на корабле по океану и где-то под вами на большой глубине вздрагивает земля. Вы почти ничего не почувствуете, так, легкий толчок. Возникнет небольшая волна и покатит к берегу. Чем ближе к суше и чем меньше глубина, тем выше будет вздыматься волна и наконец обрушится на берег, смывая все. Понимаете — чем ближе к центру цунами, тем мельче волна, а если предположить, что источник, или событие, породившее волну причинно-следственных сдвигов, находится в будущем, то получается, что мы движемся к нему, а не от него.

— Логично, — протянул Месроп. — Выходит, эта волна идет в прошлое, на «мелководье», а там... — и он вздел руки.

— Вот именно, — повторил его жест ученый. — Я не знаю и даже не думаю о том, что является источником. Может, это и есть давно обещанный конец света — и весть об этом идет в прошлое и будущее. Колебания темпоральных осцилляторов...

— Э-э?

— Ну, словом, что-то в будущем случится такое...

— Минутку! — перебил его Месроп. — Я так понимаю, что чем дальше в прошлое, тем круче волна, хотя, скажем так, единичнее чудеса?

— Да.

— Тогда выходит, что далеко в прошлом произошло штучное чудо такой интенсивности, которое соизмеримо с причиной этой волны.

Ученый с уважением посмотрел на Месропа и хотел было что-то сказать, но Месроп продолжил:

— И это чудо, если уж впереди грядет конец света, есть именно его начало, его рождение, создание мира. А возникнув, мир идет к своей гибели и... так далее.

Бадья с водой, подумал Виктор, волны идут от черпака к краям, оттуда к середке, потом снова, пока не заглохнут. Все эти ученые разговоры — колебания воды в бадье.

— Замкнутый круг, — после некоторого молчания сказал Месроп.

— Возможно, — согласился ученый. — Хотя не имеет никакого значения. Даже если наш мир и есть этот замкнутый круг — что из того? Мир возникает, идет к своей гибели, а гибель эта порождает причину его возникновения. Все повторяется, все происходит так, как уже происходило.

— Впечатляющая картиночка. — Месроп искоса глянул на Виктора. — Но если характер грядущего конца света связан с нарушением причинно-следственных связей, то не проще ли искать причину катаклизма в нарушителях этих связей.

— Вы имеете в виду магов? — ученый прищурил глаза.

— Я ничего не имею в виду, просто задаю вопрос.

— У меня нет ответа.

— Зато у меня есть, — неожиданно сказал доктор. — Я предлагаю допить это пойло и заняться своими делами. Вы, Мамасахлисов, со своей концепцией центра цунами всем здесь печенку выели, а теперь на свеженьких потянуло.

Доктор глотнул еще, передернулся, хлопнул по плечу Месропа, Виктора и пошел из комнаты. В дверях обернулся, велел ученому проводить гостей до выхода и исчез в коридоре.

Ученый проводил его долгим взглядом, но ничего не сказал.

— Вы нас не будете убивать? — неожиданно спросил он у Виктора и поднял уголки губ, словно улыбаясь.

— Не буду, — серьезно ответил Виктор. — Никто вас не собирается убивать.

— Это хорошо. Тогда пойдемте, я вас выведу.

В коридоре они с Месропом о чем-то заспорили, но Виктор шел за ними не прислушиваясь. Он запоминал расположение коридоров и лестниц. Здесь не то что отряд, тысячу можно разместить вольготню. А магов придержать, чтоб не лезли. Тогда с техникой веселые игры пойдут, с лазерами повозимся, оптика... Хорошо! Но разве магов остановишь! Может, они и впрямь смолы боятся?

Обходя толстопятую бетонную опору, Виктор спросил, кто так основательно подлатал здание. Ученый почесал нос и сказал, что никто не знает. Насколько он помнит, когда они заняли домину, повсюду были следы ремонта. «Полгода строительный мусор выносили, бетон к полу прикипел, ломали, скалывали».

Потом он поднял палец и произнес фразу на непонятном языке, похожем на немецкий. Месроп засмеялся и ответил в том смысле, что, мол, настала очередь науки взойти на голую вершину. У всех своя голая вершина, уныло согласился ученый, но радости от этого мало.

И тут они вышли к щитам и мешкам.

Никого не было. Одни щиты прислонены к стене, другие просто навалены на мешки с песком. Виктор поднял голову — наверху, у пулеметов, тоже никого.

— Прощайте! — сказал ученый. — Может, еще... — не договорив, повернулся и ушел.

За баррикадой тоже ни души. Виктор и Месроп вскоре оказались на берегу.

— Ну, и нам пора прощаться, — сказал Месроп.

— Надеюсь, не навсегда?

— Вот уж нет! Мы еще встретимся!

И он исчез в кустах. На миг Виктор пожалел, что они быстро расстались, на многие вопросы он так и не получил ответа. Но посмотрел на высокое светлое небо, на воду и густую зелень, и это было так хорошо после затхлого воздуха Бастиона и его серых красок, что он облегченно вздохнул.

Часть четвертая

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Длинные полосы копоти на потолке и стенах напоминали о том, что раньше в коридорах горели факелы. Недавно умельцы-оружейники склепали из обрезков старых, пришедших в негодность дождевых труб масляные плоски с козырьками — копоти стало меньше, но света не прибавилось.

Были горожане, еще помнившие дом на Котельнической жилым. Ходили вверх-вниз лифты, этажи поделены на квартиры, а по ночам в окнах горел свет. Люди бросили дом сразу, как только мор начал свою пляску смерти.

Квартиреры дружины, рыскавшие в поисках места для размещения, нашли огромный дом в состоянии вполне приличном, хлама и мусора почти не было, вещи, сложенные в узлы и чемоданы, словно ждали хозяев, вышедших на минуту глянуть, пришел ли транспорт. Минута затянулась, узлы сгнили, чемоданы покрылись белой плесенью, и пыль легла на все.

Маги почему-то с недоверием относились к старым вещам и повыбрасывали все, до чего дотянулись. Борис невнятно толковал насчет памяти вещей, якобы ждущих своих хозяев, но сбился и признал, что и сам не может толком объяснить, какую угрозу таит в себе хлам. И даже не угрозу, а ненужное, мутное, лишнее...

Коридор упирался в деревянный щит с узким лазом. Прислонившись к щиту, на полу сидел стражник и клевал носом.

— На посту спим! — гаркнул из-за спины Виктора сотник Евсей.

Дружинник вздрогнул, вскочил и уронил пику.

Виктор ничего не сказал, покачал только головой и протиснулся в лаз. «Раздубы, щепы тухлявая!» — ругнулся сотник. Он топал сзади и долго еще бубнил, но Виктор его не слушал.

С Мартыном так и не удалось поговорить. Замучили дела, не было времени даже поспать. Мартын, впрочем, не обидится — с Бастионом вышло складно, руки развязаны, да и с магами расклад простой: берите приборчики тепленькими, только не сразу, а чуть погодя, когда старое оружие вывезем и в надежном месте схороним. «Зачем вам старое оружие, если есть новая сила?» — спросит опять Борис. Пусть спрашивает.

Две сотни тихо снялись ночью и ушли в монастырь. Сотнику Дежневу был дан секретный наказ, что делать после того, как отец-настоятель их разместит. Наверно, сот-

ник уже переправляет людей через реку и расставляет посты. Будет хороший подарок Сармату.

В центральном корпусе Хором Виктор и сотник миновали еще несколько щитов с лазами и спустились на третий этаж. У входа в зал их поджидал невысокий седой мужчина в старой куртке с нашлепками на плечах. Увидев Виктора, он вытянулся, щелкнул каблуками и приложил ладонь к древней фуржашке с потрескавшимся козырьком. Сотник Евсей завистливо вздохнул. Он не раз пытался повторить эти движения, даже перед зеркалом пробовал, но выходило коряво, не было четкой лихости, восхитившей сотника в первые же минуты знакомства с полковником.

Вечерами он угощал старого вояку и требовал, чтобы тот научил его щелкать каблуками и правильно отставлять локоть. Полковник от чарки не отказывался, но на приставания сотника отвечал уклончиво, намекая на пустую голову, к которой ничего не прикладывают, о выправке, которой сопляков надо годами учить, а однажды вдруг гаркнул на Евсея многоэтажно, поразив его виртуозностью мата, и совершенно сразил незнакомым словом «субординация».

Виктор улыбнулся полковнику и вошел в зал, а полковник ловко отгёр сотника и последовал за ним.

Усевшись на свое место, Виктор указал полковнику и сотнику на лавку у стены, поближе к себе, чтоб в нужный момент были под рукой. Нашел взглядом тысяцкого Егора и кивком подозвал его. Егор прервал разговор с Мартыном, подошел и сел рядом. Мартын подмигнул Виктору.

В левом углу сидел Борис, а рядом — его неизменный советник, старый замшелый маг с огромным носом и подслеповато прищуренными глазами. Имени его никто не знал, звали Нюхачом. Иногда во время Сбора он начинал шумно втягивать воздух. «Измену вынюхивает», — шепнул однажды Егор, недобро поглядев на мага.

Тысяцкие сидели напротив Виктора, так, чтобы он мог их видеть, по первому сигналу готовые встать и доложить, если будет в том нужда. Александр крутил длинный ус и тоскливо поглядывал на маршала, он здесь был впервой и чувствовал себя неуютно. Григорий и Чуев негромко переговаривались, время от времени бросая внимательные взгляды по сторонам.

Сармат, разумеется, опаздывал. Еще месяца два назад он приходил первым, затевал шумные разговоры с входящими, но Николай постепенно укрепил его в мысли, что неуместно

ему, Правителю, ждать других, напротив, надобно входить последним. Николая ко всеобщему удивлению поддержал Мартын, в последнее время посматривающий на него ревниво. Быстрое возвышение насторожило старых сподвижников Сармата, но Николай вкрадчивой лестью и учтивым обхождением приглушил их недовольство.

И вот Мартын на вечерней трапезе потребовал, чтобы Сармат не просто вваливался на Сбор, а выходил к ним торжественно, чинно. Воспламенясь своей идеей, Мартын вскочил, опрокинул бокал и заявил, что за три дня распишет подробный ритуал, где будет указано каждое уместное и неуместное телодвижение. Сармат долго смеялся, а потом прогнал всех спать. Но через неделю стал понемногу припаздывать, а сейчас все уже привыкли, что он появляется последним и его приличествует ждать, не начиная большого разговора.

Нетерпеливо барабанив пальцами по столешнице, Виктор поглядывал на водяные часы в углу комнаты. По всем расчетам Дежнев сейчас гуляет по Бастиону. Может, уже рассматривает через телескопический прицел окна Хором. С минуты на минуту он вывесит в одном из окон синее-белое полотнище — стяг Сармата. А на самой верхотуре Хором, за двойными стеклами укрепленных смотровых щелей, сидит наблюдатель и ждет сигнала. Завидев знамя, немедленно доложит об этом маршалу, даже если ради этого надо будет прервать Сбор. И тогда Виктор объявит Сармату, что Бастион в их руках и руки теперь свободны для иных дел. «Великих дел!» — обязательно вставит Мартын.

О старом оружии докладывать сразу не след, дело частное, мелкое. После Совета — прием посольства, будет трудный и тяжелый разговор. Казанцы настроены решительно, но теперь, когда в тылу не маячит непонятная тень Бастиона, с ними можно говорить и пожестче.

— Как там посольство? — Виктор склонился к Егору.

— Ждут.

Помолчав, Егор шепотом добавил:

— Сейчас доложили — прошлой ночью с десятков всадников от посольства отделились и двинули на юг. Шли лесами, и быстро, значит, с проводником. Приказа остановить не было, вот они и оторвались, выследить не удалось.

— Вот как? — насутился Виктор. — Не нравится мне это!

— Все дозоры на местах, а в секреты я свежих бойцов поставил.

— Куда же это они, а? — спросил как бы сам себя маршал.

— Скоро узнаем, — пообещал Егор. — Небось сами объявятся!

Они и не подозревали, что слова тысяцкого попали в самое яблочко.

Дверь распахнулась, из внутренних помещений появился Николай, обвел всех быстрым взглядом. За ним двое хранителей. И только после них вошёл Сармат.

Годы его не старили. Лишь в волосах прибавилось седины, и стал грузнее в плечах. Могучая борода по-прежнему черна, а глаза смотрели весело и грозно. Свою любимую зеленую куртку он не снимал годами, даже во время приемов и застолий. Застиранная, выцветшая, вся в заплатках куртка не раз поминалась в байках и песнях дружинников.

Кресло под ним заскрипело.

— Ну, начнем! — прогудел он.

Мартын опять подмигнул Виктору и поднялся.

— Я попросил собраться вот почему. — Тут он задумчиво почесал нос, словно вспоминая. — Скоро в доспехах мыши заведутся, а мы, если не сопьемся, то от скуки перемрем. Мхом заросли!

Виктор откинулся в кресле и смежил веки. Он знал, о чем Мартын будет говорить и уговаривать. Вот сейчас он расскажет о страннике, остановившемся на распутье и не знающем, которую дорогу выбрать. Потом, как всегда, вернет про ответственность перед людьми, вверившими Сармату бразды правления, и о браздах немного поразмышляет. Опять призовет собрать людей в большой и крепкий кулак, идти за Урал, исконные земли возвращать, а уж наведя порядок, обернуться на Запад и установить справедливое правление от Ламанша до Камчатки...

— Здорово! Вот это по-нашему! — голос старого полковника заставил вздрогнуть не только Виктора, но и задремавшего было от знакомых речей Сармата.

Полковник от возбуждения вскочил и горящими глазами смотрел на Мартына. Мартын на миг осекся, а потом, улыбнувшись, указал пальцем на старика.

— Вот — глас народа! — провозгласил он. — Такими людьми строилась держава, ими же она возродится. Я уверен, что тысячи и десятки тысяч ждут, чтобы мы пришли и покончили с хаосом и беззаконием, собрали воедино по лоскутку...

— Так точно! — гаркнул полковник. — Дайте только знак, за Волгой поднимутся, за Яиком только ждут сигнала, а уж беженцы хоть сейчас готовы...

Встретив хмурый взгляд Виктора, он осекся, щелкнул каблуками и, буркнув «Виноват», сел на место.

Полковник с горсткой гвардейцев недавно прибыл в Москву. О делах за Волгой с ним уже говорили во время ночного застолья у Сармата. И Мартын, стуча кулаком по столу, снова требовал немедленно поднимать тысячи и вести их куда угодно, только не киснуть здесь, а старый вояка сдвинул бутылки и блюда в сторону, разложил дряхлую, треснувшую на сгибах карту и осторожно, чтобы не рассыпался ветхий пластик, водил пальцем. Он показывал Сармату, где стоят Укрепления, сколько людей за каждым, какая связь и на кого можно рассчитывать. Сармат внимательно слушал, сопел в бороду, но ничего не обещал.

Виктор сочувствовал полковнику. Тому приходилось заправлять одним из бывших военных городков в степях за Саратовом. Превратившись в своеобразные крепости, городки сдерживали, как могли, напор с юга и с севера, с запада и с востока, выживали среди враждебного окружения, которое тоже, в свою очередь, раздиралось местными склоками, воевало или пыталось воевать с сопредельными территориями. Правда, после того как возникла Корпоративная Ассоциация Городов «Итиль», атаки на Укрепления стали нарастать неудержимо. Крепости стояли насмерть, но силы были неравными. Натиску КАГ «Итиль» обитатели Укреплений могли противопоставить только мужество, отвагу, боевую науку, передаваемую от отца к сыну, ну, и немного старой техники, быстро выходявшей из строя. Их ряды таяли, людей оставалось все меньше и меньше. Они действительно были готовы выступить и по первому же сигналу перерезать коммуникации КАГ «Итиль», многими попросту именуемой Итильским каганатом, поддержать огнем и маневром дружину Сармата. Грозная сила Казани и ее союзников наливалась сталью и плотью на берегах Волги, и, если помедлить, ничто не удержит ее от броска известными дорогами на запад.

Виктор не хотел раньше времени говорить о своих давних связях с Укреплениями, о многомесячной и тонкой работе, которую он вел с гарнизонами крепостей, о десятке верных людей, направленных туда говорить от его имени, обещать подмогу, составлять карты и намечать сроки. Сармат одобрил его

работу, но большого интереса не проявил, а магам и вовсе не-зачем знать до поры до времени. Им найдется работенка в урочный час, а час, судя по всему, уже настал, только пусть старый полковник не спешит, не торопит. Хотя и его можно понять, у него каждый день на счету.

Борис доброжелательно посмотрел на полковника, скосил глаза на Нюхача. Нюхач вдруг тяжело задышал и, не поднимая век, что-то просипел. Наклонившись к нему, Борис метнул в сторону Виктора пронзительный взгляд.

«Засуетились! — подумал Виктор. — Ничего, с минуты на минуту прибежит вестовой и сообщит о занятии Бастиона. Забавное будет лицо у Верховного мага!»

— Так что ты предлагаешь? — прервал Сармат излияния Мартына. — Прямо сейчас идти воевать Казань, что ли?

— Я полагаю, — с достоинством ответил Мартын, — что надо в ближайшее время разобраться с делами в своем тылу, и, не мешкая, в поход.

— Если мне будет позволено сказать, — негромко начал Борис, и все замолчали, — проблем с тылом не будет. Мы не хотели силового решения спора с каганатом, но дальше отступать некуда.

— И ты туда же? — насупился Сармат. — А эти? — неопределенный взмах рукой.

— Если Правитель имеет в виду так называемый Бастион, — вкрадчиво сказал Борис, — то мы полагаем, что маршал блестяще устранил это маленькое затруднение. Возникла, правда, другая проблема, но о ней в свое время.

И он, приятно улыбнувшись Виктору, уселся на место. Сармат удивленно посмотрел на маршала, но ничего не сказал.

У Виктора свело скулы. Хорошо, что у него нет вражды с магами. Поднатужившись, они выведывают все, что хотят. Но вряд ли они вчера кружились в своих страшеньких танцах. «Иван сообщил, больше никому!» — решил Виктор. От мага-хранителя не могла укрыться неожиданная прогулка маршала вместе с незнакомым гостем. Месропа он, конечно, не узнал, иначе сейчас был бы другой разговор. Проследил за ними, высмотрел, а догадаться, что к чему, — дело плевое. При другом раскладе — хуже. Прознай маги о Месропе, скрутили бы его вместе с маршалом и кинули к ногам Сармата. Но если они уже взяли Месропа и выбили из него все, что он знал? И теперь по сигналу Бориса введут его в зал Совета,

и тот начнет каяться и сдавать, пуская слюну и ничего не видя пустыми глазами. Совсем плохо, если маги и ученые в сговоре. — Но пока нет подтверждения такому дикому союзу, лучше не забивать голову новыми страхами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — сердито сказал Мартын. — Не хотите слушать меня — не надо. Давайте тогда пригласим посланников, а там будет видно, прав я или нет. Пусть явится сюда посольство, прямо сейчас!

Сармат огладил бороду, глянул на Николая, скромно сидящего в углу, кивнул, соглашаясь. Николай сорвался с места и исчез за дверью.

Виктор осторожно перевел дух. Все складывалось хорошо. Сармат на время забыл о Бастионе, а пока будут судить-рядить с казанцами, все и прояснится. Жаль, что пока нет сигнала! Ну, да посольство не один день будет вести торг. Виктора смущало поведение Мартына, не понявшего, о чем вел речь Борис! За последние годы Виктор настолько изучил Мартына, что по малейшему движению губ или глаз мог сказать, когда тот говорит правду, а когда умалчивает о ней. Сармат, тысяцкие, советники и сотники тоже не были для него загадкой. Только Борис непроницаем, а на Николая он никогда долго не глядел. Так вот, Мартын ничего не знал ни о его посещении Бастиона, ни о делах в нем. Странно!

Столы раздвинули, составили их подковой к двери, так, чтобы, войдя, посольство оказалось в середине. Мартын хотел было подложить несколько ковров под кресло Сармата, чтобы выглядело внушительнее, но Сармат отмахнулся. Он подозвал Виктора и спросил, как он полагает, тянуть переговоры или сразу дать по рогам?

— Бойцы застоялись, — уклончиво ответил Виктор.

— Знаю, — кивнул Сармат. — Но ты-то как считаешь?

— Мартын прав, — коротко ответил Виктор. — Или мы, или они.

— Если бы так, — вздохнул Сармат. — Черт знает, какая сила накапливается за Каспием! Пока мы тут будем с итильцами драться, друг друга изводить, как хлынут!..

— С Казанью они сговорятся быстрее.

— Это верно. Ладно, зови Мартына. Нет, погоди, вечером ко мне оба зайдите, поговорим. Как твои ребята?

— Застоялись, — повторил Виктор.

— Будет им работенка. Да, на что это Борис намекал, а?

— Потом скажу.

— А? — Сармат улыбнулся. — Ну, смотри, не тяни.

Вошли казанцы, шесть человек. Впереди плотный высокий человек, чем-то неуловимо похожий на Сармата и обросший такой же могучей бородой.

Он поклонился, а потом заговорил. Виктор знал несколько десятков татарских слов и понял, что посол приветствует Сармата. Затем выступил вперед толмач, но посол движением руки отстранил его и повторил свою речь на русском языке без малейшего акцента. Потом он стал говорить о годах непонимания, о жертвах и кознях, о том, как прекрасен мир и как тяжела война. Говорил медленно, за это время тысяцкий Егор успел незаметно исчезнуть и возникнуть снова.

— Никаких новостей, — шепнул он. — Сейчас доложили, что в посольстве два новых человека объявились. В Казани их не видали, да и под Москвой замечены не были. Один захворал, из комнаты не выходит, второй — вон тот, в белой чалме.

Виктор пригляделся. Ему не нравились странные перемещения людей вокруг посольства. Ладно еще, если итильцы ведут свою разведку. Хуже, если с ними встречались эмиссары Великого Турана. Но туранцам нет нужды искать встречи здесь, под самым носом Москвы, их в Казани и так встретят как дорогих гостей!

Мужчина в белой чалме смотрел по сторонам, а когда встретил взгляд Виктора, отвел глаза в сторону. Маршал насторожился. Он готов был поклясться, что недавно видел этого человека. Так, шрам над левой бровью. Постой-ка, не он ли встречал их на том берегу, принимал рыбу?

Тихо поднявшись с места, Виктор пробрался к двери и вышел в коридор. Проходя мимо столпившихся магов, он услышал бормотание Ньюхача, на миг замер, прислушиваясь, но ничего разобрать не смог. Старый маг невнятно бормотал что-то не то «руки с нами», не то «другое зная».

В коридоре подозвал Евсея.

— Ну, что там Дежнев?

— Пока тихо.

— Попроси кого-нибудь из магов осторожно пощупать посольских, пусть понюхают. Узнай, когда и где пристроилась к ним эта парочка.

— Какая парочка?

Пояснив сотнику, о ком идет речь, Виктор прошел обратно в зал. Там Мартын держал ответную речь и с тем же напором,

с которым полчаса назад доказывал необходимость немедленного похода на каганат и полного его разгрома, вещал о мире и дружбе, о трудных временах, которые надо преодолевать сообща, и о прочих, столь же благородных материях...

После Мартына снова выступил посол и сказал, что при таком понимании друг друга нет причин для вражды и можно не медля, но, разумеется, и не торопясь, прямо на днях, а лучше сегодня, заключить договор о мире и дружбе на вечные времена, а там уже торговля и взаимные уступки сделают все остальное.

Воцарилось молчание. Все смотрели на Сармата. В глазах Мартына тревога, он не был готов к такой резвости посольства и откровенно побаивался, как бы Сармат вдруг не согласился на договор.

Сармат медленно и задумчиво оглаживал бороду, а потом осведомился у посла, о чем, собственно говоря, будет идти речь в договоре, кроме общих слов, и почему такая спешка?

— Договор заключим и за минуту, но готовить его надо без спешки, — добавил он.

— Да будет известно Правителю, — масляным голосом тут же отозвался посол, — что мудрость его слов нашла дорогу в сердца слушателей. Воистину, поспешает только неразумный, а мудрый не торопясь идет к цели. Но и промедление может оказаться смерти подобно, как говорил один великий человек, — посол хитро прищурил глаза, — особенно в минуты, когда судьбы мира решаются, по соизволению Аллаха, сильными мира сего. Ибо пока нет договора — нет мира, а нет мира — нет и границ, а если нет границ, все, что видит сильный, он и берет.

— Это угроза? — удивился Сармат.

— Нет, о Правитель, — ужаснулся такой догадке посол, — Аллах свидетель, что в словах наших нет угрозы. Нам ничего не надо чужого, а умные люди всегда договорятся между собой о сферах интереса и влияния, об исторических границах.

— А-а, — протянул Сармат, — исторические границы...

Виктор понял, что идеи Великого Турана закружили головы и казанцам. Очевидно, эмиссары из Средней Азии очень торопились и поэтому догнали делегацию здесь. Нет, не получается! «Рыбного человека» он видел не далее, чем вчера. Сколько же времени он ошивается в Бастионе? «Плохо, —

подумал Виктор, — события начинают управлять нами, а не наоборот».

— Хорошо, — поднялся с места Сармат, — мы выслушали вас и в скором времени дадим ответ. Надеюсь, долго ждать не придется.

— И мы надеемся, Правитель, — согнулся в поклоне посол, — и будем терпеливо ждать мудрого решения. Только, да не сочтутся мои слова дерзостью, Аллах награждает не только терпеливых, но и достойных.

Посольство вышло из зала.

— Что он имел в виду? — спросил в пространство Мартын.

Сармат пожал плечами. Он казался озабоченным.

— Когда можешь доложить о состоянии дружины? — спросил он у Виктора.

Виктор глянул на тысяцких. Александр тут же вскочил со скамьи, но Григорий за рукав осадил его и, показав Виктору два пальца, хлопнул себя по боку.

— Часа через два, — ответил Виктор.

— А почему не сейчас, маршал? — сердито насупил брови Сармат.

— Часа через два, — спокойно продолжал Виктор, — дружина будет готова к походу.

— Молодец! — расплылся в улыбке Сармат. — Ладно, пусть не дергаются, я думаю, время у нас есть.

— Если мне будет позволено сказать, — тихо заговорил Борис, — времени у нас больше нет.

В коридоре послышались громкие шаги, крики, дверь распахнулась, в комнату ввалился дружинник, волоча за собой вцепившегося ему в плечи стражника. Виктор мгновенно узнал наблюдателя и вскочил с места.

— Отпусти его, — крикнул он стражнику.

Неожиданно освободившись от хватки, дружинник кувыркнулся вперед и ударился головой о стол.

Виктор подбежал к нему и встряхнул.

— Говори, что видел? Есть флаг?

— Ф-флаг есть, — заплетающимся языком пробормотал дружинник и сморщился от боли.

Виктор отпустил его, и дружинник сел прямо на пол, обхватив голову руками.

— Вот и все, — сказал Виктор Сармату, — зная Правителя сейчас развешается над Бастионом. Без боя, без крови — Бастион наш.

Цепляясь за край стола, дружинник с трудом поднялся и что-то промычал.

— Иди отдохни, — сказал ему Виктор. — Спасибо за службу.

— Зеленый, — с трудом выдавил из себя дружинник.

— Кто зеленый? — не понял Виктор.

— Флаг зеленый, — процедил дружинник и со стоном опустился на пол.

2

Бойница в стене была наполовину заложена кирпичом свежей кладки. Виктор уперся подбородком в шершавую штукатурку, приподнялся на носках — ничего не видно. Стоявший рядом Дьякон кивнул послушнику, тот подкатил короткий толстый обрубок бревна.

— Голову береги! — предупредил Дьякон.

Виктор, не отвечая, вскочил на торец. Теперь в узкой щели был виден темный треугольник Бастиона. У его подножья что-то горело, грязный дым клочьями неся по ветру.

— Утром они переправились, — помолчав, сказал Дьякон. — Первая ладья причалила, вон она, догорает, а остальные... — Он вздохнул.

Виктор коротко глянул на него и стиснул зубы. Он уже знал, что произошло с сотней Дежнева. Ладьи отплыли утром, не таясь, дружинники ежились от прохлады, налегали на весла, шумно перекликались с доплывшей до берега головной ладьей, и тут сверху на их головы обрушился огонь и металл.

Может, кто уцелел и хоронится в зарослях на том берегу, да только от них сейчас проку нет. Потом, когда пластуны выберутся по руинам моста к Бастиону, доподлинно станет известно, сколько народу осталось, а сколько нашло свой конец в темной воде.

Надо было ждать. Ждать вестей с того берега, ждать, пока дружина идет к Новоспасскому мосту. К вечеру, наверно, выйдут они через Раменки в тыл, и не раньше утра маги сюда подтянут свои тяжелые обозы.

Посольство взяли под стражу тотчас же после известия о захвате Бастиона. Презрительно кривя губы, посол сказал, что подчиняется силе, но такого оскорбления Казань не простит, а лично он, будь помоложе, вызвал бы на поединок

любого... «Встретился бы ты мне под Кандагаром, когда я был моложе!» — рявкнул тогда старый полковник.

Человека со шрамом от посольства отделили, и хоть бранился он и цедил угрозы, внимания на то не обратили и свели напрямик вниз, к магам, чтобы вытрясли из него все, что знает. Они и вытрясли.

О туранцах ничего не знал человек с родинкой, служил каганату и в Бастион, после того как ученые на плотах ушли, тотчас же впустил десяток своих людей, тех, что от посольства оторвались. Народ бывалый, с оружием совладают, а с лазерами тоже разберутся. Вот тогда и начнется разговор, вот тогда и переговоры пойдут как надо.

Выжатого досуха врага спустили с камнем на ногу в Язуу. Посольство до поры не трогали.

За спиной послышались торопливые шаги Евсея. Покосившись на Дьякона, он негромко доложил, что прибыл отряд копейщиков, на подходе две сотни пеших ратников. И еще, тут Евсей снизил голос до шепота, Борис велел сказать, что через мост им долго перебираться, хорошо бы отсюда.

— Ну, чего там? — сердито заворчал Дьякон, почуяв неладное.

Выслушав Виктора, коротко бросил:

— Не пущу! — посопев, добавил: — Вон, пусть с берега своей волшбой и промышляют, а сюда чтоб ни ногой!

Виктор отослал Евсея и сошел со стены. Уселся на скамью и, закрыв глаза, попытался увидеть сверху, как ползут обозы просеками и улицами, как охватывают в полукольцо Бастион, выдвигаясь слева и справа, отозванные спешно с ближних рубежей отряды. Но одна мысль не оставляла его: а что, если захват Бастиона — это обманный маневр, и пока они будут с ним ковыряться, быстрыми переходами внезапно подойдет итильская конница и, сметая заслоны, ворвется прямо в город. Впрочем, кто ворвется, тот и навернется — коннице здесь намнут бока, каждая улочка, каждый дом встретят стрелой или камнем, московский люд отчаянный, умеет постоять за себя и семью, да и скarb свой так просто не отдаст. Виктор вдруг понял, что время колебаний и долгих рассуждений кончилось — теперь уж Сармату размышлять и взвешивать не пристало, поход на Казань — дело решенное. А может, только этого туранцы и добиваются — столкнуть Москву и Казань лбами, а того, кто верх возьмет, можно голыми руками брать, сил на два расклада не хватит.

— Пойду за тебя помолюсь, — вдруг сказал Дьякон, перекрестил Виктора и направился к часовне.

Виктор долго смотрел ему вслед невидящим взглядом, клубы дыма вставали перед внутренним взором, огонь падал с неба, люди и кони срезались беспощадным лезвием огромной косы, а коса была в руках женщины, неуловимо похожей на Ксению...

Он потряхнул головой, и видение исчезло.

— Коня! — сказал он.

Богдана словно ветром унесло, и через пару минут он вывел коней к воротам. Они пропустили входящий отряд копеечников. Сотник, завидев Виктора, отсалютовал ему мечом.

За стенами монастыря пешие ратники натягивали брезентовые полотнища, подвешивая котлы к треногам. К Виктору подскочил Иван, ждавший его близ ворот. Внутри не пускали, распознав в нем мага.

* * *

Середина огромного амфитеатра поросла кустарником. Когда-то здесь собирались десятки, сотни тысяч людей и предавались забытым развлечениям. Деревянные сиденья давно сгнили, металлические сетки, ограждавшие ряды, рухнули — остались только гигантские серые ступени. Из трещин в бетоне лезла трава. После оползня, обрушившего в реку горы земли и камня, берег у стадиона размывло, и вода подступала почти к самому основанию гигантского овала.

Наверху, меж колонн, в одном из проемов сколотили дозорную сторожку, но шальная очередь зацепила ее и иссекла доски в щепу.

— Мы как раз выскочили наружу, — докладывал Виктору один из дозорных, — с той стороны треск пошел, искры разноцветные полетели, и лады все вдребезги. Потом нас ша-рахнуло, мы залегли, а сторожку побило.

Виктор молча кивнул. Бастион казался толстой занозой, выпершей из земли и впившейся в небо. Он знал, что десятки недобрых глаз следят оттуда за рекой и окрестностями, а руки лежат на гашетках.

А другие руки сейчас возьмется с лазерными установками и, как только разберутся с ними, ударят по городу, по Хоромам, выжгут вокруг все — не подойти, не пролезть. Кончились долгие месяцы бездействия, вот он, враг, за толстыми стенами, обманно, коварством проник в самое сердце, украл

добычу из-под носа. Может, ученые в стоворе с казанцами? И никуда они не ушли, сидят сейчас в своих кабинетах, выпивают и закусывают, подносят снаряды. Хотя вряд ли, нет нужды. Захоти они держать оборону, к чему им итильцы? Да и его не отпустили бы.

Туча, шедшая с юга, громыхнула, в лицо нажал сильный ветер, хлестнуло дождем, все попряталось. Но через несколько минут тучу разогнало. С белесого неба полилась жара.

Снизу донеслись крики, ржание лошадей. В пролом медленно вползали обозы, несколько всадников обогнали их, спешили и начали карабкаться по ступеням.

Тяжело дыша, Мартын добрался наконец до вершины, хлопнул по плечу Виктора и привалился к дощатому ограждению.

— Ну, что? — спросил он.

Виктор пожал плечами. Пластуны еще не вернулись, и неизвестно, вернутся ли. В кустах у подножия Бастиона их могла поджидать засада, да к тому же и не одна. Правда, ребята опытные, голыми руками их не возьмешь. Но не голые руки у злодеев, ох, не голые. Он до боли в глазах всматривался в темнеющие на том берегу заросли — не блеснет ли зеркальце, не замигает ли зайчик.

— Разведку ждешь? — Мартын утер со лба пот и продолжил: — Жди. А я вот не поленился, сам к тебе прискакал. Что это?

От Бастиона в сторону Хором пыхнула огненная спица.

— Лазером бьет, сука! — Пробормотал Виктор. — Хорошо, что ты здесь.

Судя по всему, старую наводку не сбили. Над Хоромами за клубился легкий дым. Виктор помнил, куда был нацелен лазер. Он со смешанным чувством посмотрел на Мартына, тот и не догадывался, что жилье его сейчас выжжено дотла.

— Пока не забыл, — озабоченно проговорил Мартын, — там, в Бастионе, смертники заперлись. Они будут держаться, покада хватит припасу и пока техника не сдохнет, а потом оружие покорежат, а Бастион взорвут.

— Чем взорвут? — переспросил Виктор, пристально глядя Мартыну в глаза.

— Черт его знает! Там много чего есть, рванет сильно.

— Зачем тогда оружие портить?

— Не знаю. На случай, если не рванет.

— Это точно?

— Точно. — И Мартын ожесточенно потер седую щетину на щеках.

Виктор еще раз посмотрел на Бастион, велел дозорным внимательно следить, не будет ли сигналов, и отвел Мартына в сторону:

— Теперь скажи, — и он крепко взял Мартына за локоть, — откуда ты все это знаешь?

Старые неясные подозрения проснулись в нем. Станные разговоры, прицел, наведенный на окно...

— Посла немного тряхонули, — тихо ответил Мартын.

— Маги?

— Да нет, мы сами немножко поработали. Егор помог, да и твой полковник большим умельцем оказался.

— Егор? — неприятно удивился Виктор. — Без моего приказа?

— Я его обманул, — усмехнулся Мартын. — Сказал, что ты и велел.

— Где же теперь посол?

— С посольством.

— А посольство где?

— Да кто его знает! Может, уже до шлюзов доплыло, а может, еще дальше, если рыбы не съели.

Мгновенно оценив ситуацию, Виктор покачал головой. Он не знал, сердиться ему или восхищаться. Опять неуловимым финтом обошел его старый хитрец. Послов, конечно, не убивают. Но это было не посольство.

— Ты понимаешь, — сказал Виктор после короткого молчания, — что это война?

— Еще бы не понимать, — тут же ответил Мартын, и глаза его весело блеснули. — И не надо меня благодарить. Устроил разве что сегодня вечером хороший стол.

— Так и так воевать бы пришлось, — негромко сказал Виктор.

— Э, пока наш медведь раскачается да пока тысячу раз влезет! Никуда теперь не денется.

— Раньше бы знать! — с досадой проговорил Виктор. — Каких ребят потерял!

— Кто же знал, что так повернется, — немного виновато промолвил Мартын. — Помянем дружинников вечером... А, смотри, маги свои железки достают.

Дозорные подошли к самому краю. Иван мельком глянул и снова отвернулся, разглядывая Бастион.

По нижним ступеням, огибая заросли, маги и дружинники тащили завернутые в полотнища большие плоские коробки, туки, рядом хлопотали старшие маги в полосатых разноцветных балахонах.

Вернулся Богдан.

— От Евсея, — и вручил свернутый в трубку лист.

Виктор посмотрел донесение. Облегченно вздохнул. Многие спаслись, выплыли и затаились в кустах на той стороне, ждут приказа. Пластуны доложили, что вход завален, оконные проемы высоко, но можно сунуться ночью. Пропали человек десять. Дежнев ранен.

Но даже если бы ни один дружинник не пострадал — Бастин оставял в руках итильцев невмочь. Виктор помнил обидный исход из Саратова, когда дружина грузилась в разбитые вагоны под свист и улюлюкание тайных и явных пособников Казани. Многие жители, да и, что удивительно, беженцы не устояли перед искусами адаптированного ислама. Уставшим, измученным людям не хотелось в очередной раз собирать нехитрый скарб и пускаться неведь куда в поисках жилья и покоя. А тут был обещан покой и достаток в обмен на лояльность и на несколько слов, свидетельствующих о принятии новой веры. Больше от них ничего не требовалось. Пока. И даже те, кто помнили ходжентскую резню и ответные карательные походы на Ходжент атамана Курбатова, именем которого, наверно, и сейчас пугают детишек на афганской границе, и те не устояли, поскольку никто вроде бы не покушался ни на обычаи, ни на очаг...

Страх перед манипуляторами гипер акустикой искусно раздувался эмиссарами Казани, и, хотя с каждым днем, по мере того как крепла сила манипуляторов, нечисти над городом становилось меньше и шалила она реже, боялись магов больше, чем нетопырчиков, бубновых клякс и прочей хмари.

3

С той стороны из зарослей брызнул солнечный зайчик.

— Что там? — спросил Виктор дозорного.

— Наши мигают. — Дозорный приложил ладонь козырьком ко лбу. — Ждут сигнала.

— Сигнала? — Виктор огляделся и увидел, что завернутые предметы внесли на площадку и метрах в двадцати от не-

го распаковывают, освобождая от тряпья длинные узкие бронзовые зеркала.

— А ты черт! — Виктор закусил губу. — Моргни скорей, чтобы ноги унесли оттуда!

— Ага! — кивнул дозорный, опасливо глянул на магов, копошившихся у зеркал, и бегом, перескакивая через трещины и обломки, подбежал к куче хвороста и сучьев, сложенных поодаль между колоннами.

Через пару минут поднялись сизые клубы. Дозорный, размахивая курткой над костром, сигнализировал дымом.

— Что он делает, болван такой!? — пробормотал Мартын. — Сейчас как е...

Он не успел договорить. Со стороны Бастиона протянулась тонкая дымная полоса, и на месте костра грохнул взрыв. Дозорного швырнуло вниз. Завизжали осколки. Костер разметало. Мартын дернул Виктора за руку и втянул за колонну. Дружинники закричали, многие залегли, а некоторые бросились наверх. Маги же, словно ничего не произошло, ставили бронзовые зеркала на треноги. Виктор посмотрел вниз и отвел глаза — дозорный лежал неподвижно, тело его было смято. Высоко. Если и не убило взрывом, то разбился насмерть.

— Молодые, — с горечью пробормотал Виктор, — старое оружие не знают.

— Зато вон те знают! — Мартын кивнул в сторону Бастиона, и глаза его недобро прищурились. — Как только покончим с ними — сразу в поход, сразу! Не медля ни на день, ни на час.

Виктор удивился. Свои самые важные мысли Мартын умудрялся преподносить между шутками, как бы несерьезно, и только потом, когда слова залягут в памяти собеседника, исподволь добивался своего. Жесткие интонации были для него внове.

— Вечером приходи к Сармату, — сказал Мартын. — Я без всякого этикета сегодня из него вырву решение.

— Поход — дело серьезное. Надо подготовиться...

— Ты давно готов, — сердито бросил Мартын. — Тянуть нельзя. А я спешу. Мне много лет, и я хочу увидеть, как будет заложено основание будущей империи.

— Что? Ты это всерьез?

Виктор рассердился. Здесь, под обстрелом, высокопарные речи Мартына, ставшие почти ритуальными во время совместных возлияний, казались неуместными. Только что

убили дружинника, и неизвестно, кто еще найдет свой конец на полузатопленной арене. Надо думать о том, как справиться с очередной закавыкой, как выдернуть эту неожиданную загозу, а Мартын тянет песни, которые все знают наизусть.

— Да, всерьез! — Мартын сжал кулаки и поднял их над головой. — Я клянусь тебе, что ничего серьезнее не знаю и знать не желаю. И пусть меня убьет на этом месте, если я лгу хоть в одном слове. Да, я тороплюсь. Я вижу, как тьма надвигается со всех сторон, и только сильный, могущественный властитель сумеет остановить ее. И горе Сармату, если... — он уронил руки и посмотрел Виктору в глаза.

Мартын повернулся и медленно пошел вниз, осторожно ступая по разрушенным, склизким ступеням, иногда приседая и держась за кусты.

Маршал проводил его взглядом и глубоко вздохнул. Вдалеке маячил Бастион. Именно там сейчас тьма, и ее надо развевать. Пусть Мартын печалится о своем, у него, Виктора, простые земные заботы. Может, подумал Виктор, старику потому так тяжело, что тьма разрастается в нем самом?

В этот миг на солнце напозла небольшая туча, жаркое марево смягчилось, Виктор заметил, что небеса непривычно заголубели, облака в два или три ряда окаймляли горизонт, воздух, чистый и неподвижный, застыл. Вода словно сделалась отражением неба, и в этом отражении было место всему — и угрюмому замку на том берегу, и зелени, и стаям птиц, и даже ему, стоящему здесь, среди полуразрушенной колоннады.

Он вдруг услышал слабый гул, идущий сверху. Может, высоко летящие птицы стонали там, наверху, преследуемые чарами, а может, гула никакого и не было. Он понял, что жернова рока снова провернулись и судьба в очередной раз несет его на пороги. Все стало значимым и полным смысла — застывшие в нелепых позах маги у зеркал, дружинники у коней и Мартын, замерший на полушаге у пролома внизу. Мир остановился, и это было похоже на сон, когда все вокруг полно движения и угрозы, а ты оцепенел, только сейчас с точностью до наоборот — мир словно заснул, но в этом сне только он, Виктор, мог двигаться и был единственной движущей силой сна.

Ему даже показалось, что нет нужды в дружине и магах, он сам спокойно переправится, не замочив ног, через реку, войдет в замок и выкинет оттуда наглых захватчиков. И он

почти укрепился в этой странной мысли, только беспокоило, что на берегу ноги завязнут в песке...

Треск осыпавшейся бетонной крошки заставил его вздрогнуть. Он тряхнул головой, отгоняя неожиданную одурь. Мияр стремительно набрал прежнюю скорость. Осталось только будоражащее чувство собственной включенности в мир и непонятная гордость, граничащая со смущением, — словно он, проявив чудеса ловкости, подсмотрел сокровенную тайну мироздания, а тайна оказалась непристойной.

Он подошел к магам. Они уже закончили сбор установки. Восемь почти в два человеческих роста зеркал, вогнутой частью обращенные к Бастиону, стояли ровной линией. Зеркала походили на странные плоды или большие половинки стручка дикой фасоли. Сходство усиливалось еще и неким подобием черенка внизу. Там под прямым углом вперед торчала литая бронзовая лапа, а в пустотелую трубку, которую она сжимала, был вставлен грубо обтесанный ножом кусок древесного угла. Отражения черных стержней расплывались в зеркалах.

Невысокий маг, подпоясанный красным кушаком, вопросительно взглянул на маршала.

«Удара восьми зеркал я еще не видел, — мелькнула у Виктора мысль. — Не будет ли перебора?» — опасливо пожелился он. Но тут же отбросил сомнения и поднял ладонь.

Два мага, стоявшие у крайних зеркал, медленно закружились на месте, постепенно убыстряя свое вращение. Их длинные халаты раздуло, разнесло большим пузырем, цветные полосы слились в сером мерцании.

На всякий случай Виктор отошел на несколько шагов и присел за большой обломок. Несколько раз он использовал боевые зеркала, однажды довелось пустить в ход даже строевые. Но сразу восемь?!

Между тем остальные маги, встав перед зеркалами так, что их поднятые руки почти касались бронзовых лап, нараспев затанули песнь. Слов разобрать было невозможно, хотя они выкрикивали их громко и отчетливо. Казалось, они произносят некие имена, но только задом наперед.

Со стороны реки затрещало, загрохотало. Несколько ракет залетели в стадион и разорвались внизу, в зарослях, никому не причинив вреда, а одна врезалась в останки черного прямоугольника на противоположной стороне, невесть с какой целью давно здесь установленного.

Маги не обращали внимания на обстрел. Голоса их становились то пронзительными, то опускались до грозного рокоющего баса. Вдруг они рухнули на бетонные плиты. Первыми упали кружившиеся в безумной пляске волчки, а вслед за ними и осипшие заклинатели. Но кто-то продолжал петь, и песнь становилась все громче, гул уже исходил из пространства перед зеркалами, а когда давление на уши стало невыносимым, пыхнуло ледяным пронизывающим ветром и в воздухе, далеко впереди, над серединой реки, возник огромный светящийся тусклым светом шар.

Три мага с трудом поднялись, остальные так и остались лежать. Маги простерли ладони — и шар с громким шелестом пошел вперед, все быстрее и быстрее...

Виктор вскочил и, прижавшись к парапету, смотрел, как шар удаляется в сторону Бастиона. Со злорадством он подумал, что еще пара секунд — и защитники Бастиона даже не почувствуют, как обращаются в прах.

Шар долетел до того берега и на миг закрыл собой черный треугольник замка. Послышались шипение, треск и свист, клубы пыли забурили над берегом.

Пыль быстро осела. Холодный огонь выел в зарослях жуткие проплешины. Часть берега исчезла совсем, испарилась, а там, где, иссякая, огонь прошел на излете, остались просеки.

И среди дикого разорения, словно ему все было нипочем — да так оно, по всей видимости, и было, — нагло высилась громада Бастиона, невредимая и даже словно посвежевшая — в черноте её появился блеск.

Смола! Виктор закусил губу. Значит, ученые не врали. Если казанцы узнают о такой защите, а эти вот уже наверняка знают или сообразят в ближайшие минуты, то войнство Сармата наполовину лишится своей силы. Не надо было уповать на магов. Удвоить, утроить дружину, вон сколько ребят рвется... Ладно, это потом. А сейчас — Бастион.

Страх не было, прошла и досада. В конце концов, война. Обычное дело — в сражениях не всегда везет. Но если пошевелить мозгами и не паниковать, дело все равно будет выиграно.

Снизу набежали маги, подхватили своих выдохшихся соратников, бережно унесли вниз. Оставшиеся захлопотали у зеркал, вставили свежие уголья и приготовились к новой атаке.

— Повременим, — негромко сказал Виктор магу в красном кушаке.

Маг тяжело дышал и держался за живот двумя руками. Время от времени он бросал короткие взгляды на Бастион, и Виктор разглядел в его глазах откровенный страх. Правда, маршала смутила защита от магического огня, но шевельнулось и тайное удовлетворение. Дело не только в том, что маги слегка обосрались. Они вовсе не всеведущи, иначе предусмотрели бы такой конфуз! А то, что есть от них защита, — неплохой козырь. Мало ли как завтра дело повернется с Борисом. Они, конечно, пока не враги. Но что будет завтра — никому не ведомо. Впереди трудный поход. Сармат еще не старик, но все же...

Виктор покраснел и с опаской взглянул на мага, гадая, услышал ли тот его мысли. Раньше такое ему в голову не приходило, он знал свое место и свое дело. Хотя порой Сармат в веселые минуты застолья объявлял его наследником и восприимчиком, всерьез к этому не относился, потому что, протрезвев, Правитель ни словом, ни жестом не вспоминал о своих словах.

И еще Виктор поразился тому, что равнодушен к закрутке сегодняшней битвы, словно наверняка знает ее исход. Он снова подумал о том, что сейчас тайными тропами к Москве подбираются отряды казанцев и что, опираясь на Бастион, они без труда вышибут из Москвы дружину, вернее, то, что от нее останется. Но эти мысли не пугали. Он был уверен, что сидящие за толстыми осмоленными стенами обречены. Не боятся огня? Ну и черт с ними! Удар за ударом выжжет, расточит пылью основание Бастиона, и он рухнет прямо в воду.

Тем не менее он выжидал. Через амбразуры и щели огонь мог проникнуть в Бастион и выесть все. Тогда крепость только снаружи выглядит грозной и неприступной, внутри же она пуста и безобидна, как гнилой орех.

Хорошо бы послать пластунов, но кто знает, сколько их уцелело на том берегу! Его охватило нетерпение. Скорее кончат с Бастионом и — в поход! Великие дела начинаются. Завел его все-таки Мартын, опять завел!

— Веди летунов, — распорядился Виктор.

Богдан кинулся вниз. Иван остался, невидимой тенью охраняя маршала.

Снизу подняли жерди и рамы, толстые кожаные ремни, скатанные в плотные рукава, вкатили ржавые жернова проти-

вовесов. Быстро собрали рамы на кованых распорках, натянули ремни и подвесили грузы.

— Все сразу пойдут или поодиночке? — спросил Виктор.

— Сразу, — ответил маг в красном кушаке.

Виктор понимающе кивнул. Вместе как бы сил прибавляется, легче держать направление, да и защиту. Правда, он предпочел бы двумя-тремя группами с разных направлений, но выбирать не из чего.

На рамах осторожно закрепили большие треугольные прозрачные крылья. Летуны, похожие на птиц из страшного сна, вцепились в поручни и замерли, ожидая команды.

— Эх, полетать бы! — завистливо сказал дружинник с копьем.

— Разлетался! — ответил другой. — Эти куда хотят, туда и правят, а ты прямо в дерьмо ноздрями хлюпнешься.

— А когда-то собирались летать к звездам... — с тоской сказал первый.

У летунов не было оружия, да оно им и ни к чему. Магам только добраться до цели, а там они голыми руками передумают всех, кто под эти руки подвернется. Виктор знал, что и крылья-то им нужны, чтобы сберечь силы, не тратить их на большие прыжки.

— Делай! — сказал он магу в красном кушаке.

Летуны одновременно выдернули стопорные палки, тяжелые противовесы ухнули вниз, а жерди, на которых лежали крылья, встали торчком. словно стая жутких остроклювых птиц тяжело поднялась в воздух и пошла над водой.

Кончаются запасы пленки, подумал Виктор, скоро на крылья целого куска не останется. Ободрали последние дома, из лохмотьев еле скроили три десятка. А ведь он помнил времена, и не столь давние, когда огромные здания, район за районом, были обмотаны крепкой хорошей пленкой. Все родники иссякают!

Он посмотрел в небо и увидел, что летуны повисли над серединой реки и широкими зигзагами поднимаются все выше и выше, чтобы потом спикировать к подножию молчащего, словно мертвого, Бастиона.

«Может, ты уже давно пустой?» — шепотом спросил Виктор, вперив взгляд в темную глыбу.

И Бастион ответил.

Яркий разноцветный пунктир вдруг ушел в небо, дымные полосы и огненные спицы протянулись к маленьким треугольникам.

Захлопали разрывы над стадионом, два или три луча ударили по колоннам — испарились доски, жаром опалило лица дружинников.

Виктор стиснул зубы от бессильного гнева, наблюдая, как один за другим вспыхивают крылья, разваливаются и, крутятся, падают на берег. Двое из летунов освободились в воздухе от обломков и, раскинув руки, взмыли вверх, развернулись и понеслись на Бастион. Ожила еще одна амбразура, и еле видные снизу фигурки перечеркнула пулеметная трасса. Виктор закрыл глаза. Но он словно воочию видел, как острые пули впиваются в людей, иссекают тела, вырывая кусок за куском, но маги еще живы, не так-то просто убить носителя силы, но вот уже металла в них больше, чем живой плоти, и в черные стены Бастиона врезается нечто бесформенное и бездыханное...

— К зеркалам! — проревел маг с красным кушаком.

Виктор так и не узнал, как его зовут. Маги таят свои имена. Вот и этот растратится безымянным.

Залегшие у колонн маги собрались у зеркал.

— Бейте в низ, в основание! — крикнул им Виктор.

И снова рокошующее пенie, гул и после выкрикнутого хорм многосложного слова с тугим шипением возник шар и метнулся к Бастиону.

Второй удар магического огня выжег изрядный кусок берега перед замком. Дружинники радостно завопили. Но Виктор не обольщался, он не был уверен, что у магов хватит сил расточить берег настолько, чтобы опрокинуть в реку черную твердыню.

Засевшие в Бастионе сообразили, откуда исходит угроза. Со зверским уханьем разорвались снаряды, осыпав стадион градом острых стальных пластинок, пулеметные очереди не давали поднять головы, и пару раз для остратки пыхнули лазером по колоннам. Дружинники забили в щели и рвы между руинами трибун, коней успели увести еще до начала атаки. Сверху было видно, как несколько растерявшихся бойцов мечутся по заросшему густой травой полю. Один упал, двое подскочили к нему и потащили за ноги к трибунам.

Маги же, наоборот, взбежали на стены и, озверев от потерь, встали насмерть. Первая линия держала защиту — они уводили снаряды и пули, а лучи словно отражались от невидимых зеркал. Потери магов были велики — то один, то другой, обессилев, хватался кто за голову, кто за сердце и падал лицом вниз. На их место вставали другие.

Иван прикрывал Виктора, широко раскинув руки. Между ладонями, казалось, струится легкое марево. Три пули одна за другой с визгом ушли вверх. Виктор знал, что маг отвел их, но благодарности не испытывал — каждый делает свое дело. И еще он подумал: чем больше снарядов и пуль изведут защитники Бастiona на магов, тем меньше их достанется бойцам. Он даже устыдился своей мысли; глупо, скоро большой поход, маги нужны будут позарез, а он тешит свою неприязнь.

Между тем битва разгорелась нешуточная. Маги посылали огонь за огнем, медленно, но неотвратимо выжигая берег, а цитадель отвечала все усиливающейся пальбой. Часть колонн была снесена, снаряды дробили бетон трибун, сквозь огромные проломы лучевые удары подожгли какую-то труху на противоположной стороне стадиона. Едкая гарь поплыла над полем.

Воздух дрожал и струился, там, где отраженные лучи били в воду, взбухали облака пара, визг и грохот сливались с криками магов и шипением огненных шаров в грозную мелодию.

Тучи над рекой рассеялись, распались на лохматые клочья, а те словно обрамили проем. Полыхнуло солнце, и многим дружинникам в этот миг показалось, что и наверху идет битва, словно дым и пламень земной отразились в небесах и там пошли новой круговертью.

А Виктор мучительно вспоминал, когда же он видел нечто подобное — высокий треугольник, только не черный, а ярко-зеленый, и тоже весь сверкает, переливается разноцветными огнями, совершенно не опасными и даже, наоборот, связанными с радостью, с праздником. Это было очень давно, кажется, у него были тогда отец и мать... «Да это же елка!» — вспомнил он и удивился. О детстве своем ничего не помнил, все начисто забыл еще до того, как попал в банду Борова. А вот сейчас — надо же! Он попытался вспомнить отца и мать. Ничего не вышло. В памяти закружились лица знакомые и незнакомые, потом всплыли Ксения, Сармат, мелькнул и исчез Месроп...

Он тряхнул головой, отгоняя неуместные мысли. Слабо улыбнулся — вместо того чтобы героически возглавить битву, маршал предается воспоминаниям. Знали бы бойцы!

Вдруг его пронзило знакомое чувство неестественности происходящего. Он никак не мог преодолеть отстраненность

Словно перед экраном заработавшего видео смотрит очередной сериал с пальбой и кровищей. И поэтому на секунду даже растерялся, когда внезапно наступила тишина.

Бастион прекратил огонь. Еще не растратившие силу маги повалились на плиты, переводя дыхание.

Иван уронил руки и сел на обломок бетона.

Снизу доносились стоны, крики. Дружинники зашевелились, короткими перебежками собрались под навесами у проходов, быстро связали носилки и унесли раненых.

Бастион молчал. Устоявшие маги, немного передохнув, вернулись на свои позиции. Мага с красным кушаком среди них не было. «Растратился», — почти равнодушно подумал Виктор.

Минута шла за минутой, маги ждали от него сигнала, а он стоял за колонной и не отрывал глаз от того берега.

— Надо что-то делать, — еле слышно пробормотал за спиной Богдан.

Виктор не удостоил его ни словом, ни взглядом. Молодой еще. Когда-нибудь поймет, что высшее искусство воина проявляется в том, чтобы ждать, не мешая року творить свои дела.

Он знал, он был уверен, что предчувствия, в отличие от людей, не обманывают. Все вот-вот закончится, и закончится благополучно, драка за Бастион всего лишь эпизод, главное начнется потом, позже.

И он почти не удивился, даже не вздрогнул, когда красная трещина с сухим грохотом расколола черный треугольник Бастиона, а миг спустя на его месте выросло огненное дерево.

— Ффу! — только и сказал Богдан, придя в себя. — Вот и конец.

— Ты так полагаешь? — с иронией спросил Виктор.

4

Шатры натянули поверх уцелевших стен. Город обезлюдел давно. Судя по зарослям и редким проплешинам, в немногие уцелевшие дома никто не заходил лет пять или шесть. Кирпичная кладка выщерблена, плесень выела штукатурку, бетонные плиты — как решето.

Большая поляна, наверно, когда-то была площадью. В центре ее из кустов выпирал толстый столб-постамент, на нем густо увитая плющом фигура вздела руки к небу.

Крепежные кольца насадили на эти увитые руки, взялись за тросы и с гиканьем втащили брезентовые полотнища.

Не прошло и получаса, как задымили кухни, вестовые забегали между сотнями, со стороны подошедших обозов пошел смех и крик, те, у кого еще доставало сил, любезничали с кухарками и дразнили коноводов.

В небе громыхнуло, ветер дернул полотнища, вздул и снова отпустил. Зашелестел дождь. Кашевары второй тысячи, не дожидаясь подмоги, впряглись в кухни и оттащили их от края, чтоб не заливало. Из прорех немного лило, но на такую ерунду никто не обращал внимания.

Прибежал Богдан и весело сказал, что приглашают откусать сотники первой тысячи.

— Скажи, может, и подойду.

Богдан кивнул и ушел к кострам.

Маршальская палатка одним боком упиралась в каменную стену, сиротливо торчавшую у края поляны. Виктор обошел стену, соображая, для какой нужды она была построена. Хорошая каменная кладка, высотой в три человеческих роста, но никаких следов других стен, словно, выстроив одну, каменщики обиделись и ушли. Чуть позже Виктор обнаружил на одной стороне следы от вбитых в камень стальных клиньев — рокавые пятна и дыры остались от них. Шли они ровными рядами, а кое-где на камне проступали глубокие царапины, словно большие прямоугольники были когда-то прибиты к стене. Мох и плесень не брали камень.

Вернулся Богдан, покосился на Ивана, угрюмо протиравшего раниру маршала, и полез в узел с едой. Выложил на салфетку хлебец, нарезал вяленого мяса. Понюхал с сомнением кусок сыра, завернутый в тряпицу, после достал флягу. Вопросительно посмотрел на маршала.

Виктор улыбнулся и покачал головой.

— Пойдем угощаться, — сказал он.

Богдан плотоядно потер руки.

— Рубай, Иван, с утра ведь не ел! — Богдан поднялся с травы и поправил на себе ремень.

Иван еще раз молча прошелся ветошью по ранире, затем отнес ее в палатку. Вышел в плаще, к поясу был подвешен короткий меч.

— Я с вами, — негромко сказал он.

Виктор хотел было приказать ему остаться, но передумал. Не в правилах Ивана идти, когда не зовут. Стало быть, опасаясь

ется чего. Впрочем, хранитель левой руки в походе должен быть неотлучен. Ладно, пусть!

Обойдя круг костров, маршал вернулся к палатке и, усевшись на свернутое одеяло, привалился, отдуваясь, к стене. Здесь кусок, там глоток... Чуть не лопнул, а обижать никого нельзя. Сотник в походе фигура важная, иной сотник в трудную минуту тысяцкого стоит.

Можно вздремнуть минуточку-другую. Дозорные на местах, патрули широким веером пошли во все стороны, да и маги спокойны. Отдохнуть надо, сил набраться, до Казани два-три перехода. Даже если проскочит итильский лазутчик — поздно, дело уже сделано.

Рядом на тук тяжело опустился старый полковник:

— Поспал бы немного, вон какие круги под глазами.

— Посплю, — согласился Виктор, — ты тоже поспи, Семен Афанасьевич.

— Не спится. Все думаю — ребята мои под Бугульмой сигнала ждут, а я весточки отсюда подать не могу.

Он вздохнул, посмотрел вверх, туда, где меж брезентовых полотнищ в узких щелях темнело вечернее небо.

— Слани же гонцов.

— Не дойдут. Ты прости, что спать не даю. Может, колдунов твоих попросить, пусть наворожат, нагадают, весть какую им перешлют. Ведь могут, а?

Виктор смежил глаза. Полковник не зря беспокоится. Последняя весть с укреплений пришла месяц назад. Сдерживают натиск. Самы выступают против мелких отрядов. Учинили даже рейд на Мамадыш, пощипали казанцев. Но если большая сила навалится, не сдюжат, уйдут лесами к Волге. И еще сообщили, что с юга странные ходоки приходили, сулили много, склоняли послужить богатым людям, а кому — не говорили. Так тех ходоков вышибли, а кого и порубили.

— Места знакомые, — вдруг сказал полковник, а Виктор, вздрогнув, открыл глаза. — Я детство здесь провел, три или четыре года. Отец трубы тянул, а вон там — он махнул влево — хранилища варили. Газ качали. Или нефть, не помню.

В той стороне, на пустырях, даже трава не росла. Огромные металлические емкости, собранные из листов. Многие в дырах, ободраны, жалостно торчат ребра-каркасы. И трубы — толстые, тонкие, ржавые и не очень, какие-то лохмотья наворочены, много старого железа. Эти места дружина обходила с опаской. Маршал выслал вперед пластунов и, пока те

не обшарили каждый уголок, двигаться не разрешал. Да и после нервничал, каждый миг ожидая коварного удара из незамеченной щели. Однако пронесло.

— А город здесь был смешной, — Семен Афанасьевич зевнул, прикрыв рот ладонью, — и название было смешное: Помары.

Дождь давно кончился. Один за другим гасли костры, разговоры и песни стихали. Подошел Егор, сделал замечание охране маршальской палатки, у него слова не спросили, непорядок. Покопался на тонко храпящего полковника. Присел рядом на корточках.

— Что? — шепотом спросил Виктор.

— Тихо.

— Сармат?

— Ждем к утру.

— Ладно.

Тысяцкий кивнул и бесшумно исчез. В темноте большими крыльями неведомой птицы хлопали полотнища, усыпляли монотонным шумом. Но сон не шел.

События последних месяцев всплывали одно за другим, теснили друг друга. Виктору казалось, что его опять затянул поток, вихрь, несущий вперед вопреки его воле. Не так давно он был уверен, что после падения Бастиона все встанет на свои места и на тех местах утвердится. Но случилось иначе.

Мартын бил себя в грудь и топал на Сборе ногами. Но кулак он мозолил втуне — дружина фатально не была готова к походу. Рейд на Бастион дорого стал не только магам, но и бойцам. Хоть погибших можно по пальцам перечесть, а с потопленных судов почти все выплыли, но в суматохе и беготне сломанных рук и ног, вывихнутых пальцев оказалось предостаточно. Не говоря уж о том, что на стадионе от бетонных осколков толком укрыться не смогли, многих побило, хорошо не до смерти, а синяки и шишки без счета шли. Подводы, что зеркала магов везли, на полпути завязли, у кого ось полетела, где колесо рассыпалось, пока лошадей перепрягали, пока перетаскивали...

Неделю после побоища Виктор ходил белый от ярости, на глаза ему не то что сотники, тысяцкие боялись попадаться, двух дозорных, задремавших на тихом посту, разбудил кулаком в зубы, а потом велел раздеть догола и в таком виде домой отправил, к мамкам на печку.

Дружина притихла и подтянулась. Сотники забегали по казармам, веселые девки только успели свои вещички собрать, пух и перья со свистом летели. А как начались утренние побудки затемно, да марш-броски в полной выкладке через всю Москву аж до Савеловской заставы и обратно, не останавливаясь, тогда попотели дружинники, враз жирок сбросили да про ночные гульбища забыли.

Кабачки, что прилепились к Хоромам, позакрывали на время. «Веселого сударчика», правда, не тронули. Толстый Семен бил Мартыну челом и двумя кадками такой смачной браги, что советник уговорил маршала дать кабатчику поблажку. Семейным дружинникам домой только по воскресеньям теперь отпуск вышел, кому не по нраву — воля его. Нашлись и такие, которые не сдюжили и попросили вольную. Принуждать не стали, тем более что пришли молодые крепкие парни, ленивым житьем в казармах не утомленные.

Месяца не прошло, как Виктор повеселел, стал к Мартыну на чарочку заглядывать, а семейных и по субботам отпускать разрешил.

Сармат уже подумывал выступать. Осень стояла сухая, теплая, но маги засомневались, чего-то им не показалось.

А тут под Арзамасом пропало несколько патрулей. Один из дружинников все же приполз, умирая от ран. Успел рассказать: напоролись на засаду, всех положили из пулеметов. Даже маги не помогли, стреляли издалека, из укрытий, а патруль как раз на ровное место выехал.

Много позже, во время похода на Казань, в такие переделки попадали не раз. Между Воротынцом и речкой Угрой потеряли целую сотню. Хитрая была засада: на деревьях насесты сколотили для стрелков и словно знали, где пойдут отряды.

Неделю дружина стояла на месте, пока не выжгли все норы, а потом вперед магов пускали с малыми патрулями. Тогда же и пошли на хитрый маневр: повернули от Воротынца двумя тысячами и по старой дороге назад подались, а Сармат с тысячей двинул на Канаш. Пока казанцы к Канашу силу стягивали, Виктор с двумя тысячами Волгу переплыл, ночными и дневными переходами вышел к Ветлуге и ее одолел. В это же время знамена Сармата реяли то у Мамадыша, то под Умарами, сбивая с толку и запутывая казанцев.

Надежные проводники незаметно провели дружину Виктора мимо Йошкар-Олы, лесными тропами и гатами обошли заставы Шелангера, но в Сотнуре, где рассчитывали немного

отдохнуть перед броском на Казань, неожиданно встретили ожесточенное сопротивление, ожесточились сами и всех подчистую истребили.

Осенью уже и маги были согласны на поход. Неожиданно заболел Сармат. Лихорадка долго не отпускала его, иссох Правитель, пожелтел лицом.

Маги копошились, вытягивая из него хворь, и он вроде шел на поправку, но через день-другой опять слабел. Николай, тот вовсе от больного не отходил, дневал и ночевал рядом, сам тоже иссох, казалось, раньше Правителя отойдет, чтобы, согласно обыкновению, лично проверить, нет ли там какого подвоха или умысла...

На исходе осени Сармат призвал Мартына и Виктора.

Виктор хорошо помнил тот день. Сармат полулежал, опираясь на подушки, глаза впали, могучая некогда борода свисала неопрятными вьючками. Говорил тихо, еле слышно, временами пытался взрыкивать, но выходил лишь хрип. Грустно кривил сухие губы, ругался шепотом. Ждали Бориса. Говорили о пустяках.

Потом, когда все собрались, Сармат попросил пить. Долго не отрывался от чашки, глаза прикрыл, веки в синих и красных прожилках дергались.

До слез было жалко этого сильного большого человека, обглоданного болезнью. Виктор вспомнил, как в Саратове учил его Сармат работать с мечом, как гонял день за днем до изнеможения, заставляя повторять каждый вольт сотни раз, а через пару месяцев неожиданно похвалил, сказав, что когда его убьют, то Виктор будет лучшим рубакой. Его не убили, он уходил сам. Виктор понимал, что сила и бессилие равно проходящи и никого не минует минута уныния. Поэтому он смотрел на Правителя спокойно и слезы, подобно Мартыну, не точил. Голос Сармата окреп. Он давал распоряжения, советовал, что и как наладить в оружейных мастерских, велел удвоить дозорных на постах, но сменять чаще. В какой-то миг показалось, что идет обычный Малый Сбор, даже Мартын, непривычно тихий, начал что-то возражать, спорить по мелочам. Потом осекся, поняв неуместность своих реплик. И Сармат вдруг замолчал, задышал тяжело.

— Ну, все, пожалуй, — сказал он. — Вроде рано еще, а, судя по всему, без меня придется... Пока вчетвером и управляйтесь, а как меня закопаете, так Виктору преемником быть. Слышали?

Все опустили головы, а Виктор растерянно поднялся с места, потом снова сел.

— Идите, дел невпроворот. А тебя, — уставил пожелтевший палец в Виктора, — когда отходить буду — позовут. Напоследок дам наказ.

Разошлись молча и не глядя друг на друга. Мартын запил, и запил сильно. Борис исчез в своих подземельях, маги не то новые зеркала работали, не то просто силу копили. Виктор готовил дружину к походу и навел такую дисциплину, что даже старый полковник умильно щурил глаза и ласково говорил:

— Скинуть мне годков двадцать, мы бы с тобой великие дела закрутили!

Каждый вечер, после обязательного доклада, тысяцкий Егор просил позволения остаться и, макая усы в чашу с молодым тульским, спрашивал о здоровье Правителя и вздыхал. Ничего более не говорил, но смотрел испытующе. Во взгляде, однако, читалось: ты, маршал, только мигни, а уж мы в одночасье посадим на трон, и ни одна душа живая слова поперек не хрюкнет.

А потом, когда Сармат вовсе стал плох, намекнул: может, Правителю свежий воздух нужен, простор. Под Серпуховом, вкрадчиво шелестел Егор, дом отгрохали для Сармата, не дом, а суший дворец, год зазывают, а ему все недосуг. Больного, оно конечно, с места поднимать вроде и неладно, но если с бережением, осторожно, глядишь, и на поправку пойдет, все же перемена обстановки, покой...

Зачастили по вечерам и другие тысяцкие, неведь как прознавшие о воле Сармата.

Виктор на хитрые вопросы не отвечал, пил слабое пиво и на пустые разговоры не шел. Неожиданно взял да разрешил открыть питейные. Толстый Семен глядел кисло, дружинники, набивавшиеся в «Веселый сударчик» битком, повеселели и разбрелись по кабачкам.

В один из вечеров Егор, посмеиваясь, сообщил, что у Коломны пластуны наткнулись случайно в лесу на становище вчужих. Плкнули бы на них и прошли мимо, но с пластунами два мага были, пришлось вязать. Маги железки чуть не облизали, от жадности тряслись, поганцы, ну и проворонили. Одного под дых осмоленным колом пихнули, а пока второй разогревался да огнем харкал, многие в кусты порскнули. Ну, ребята осерчали, помяли крепко, кого изловили, и только папочку целыми приволокли.

— Веди сюда! — коротко приказал Виктор.

Егор развел руками.

— Сам Верховный к себе забрал. Как увидел, от радости чуть не запласал.

Неприятно дернуло под лопаткой, на миг толстый ковер под ногами зыбко поплыл, осыпался мелким песком. Виктор вдруг подумал, что один из пленных — Месроп. Вроде и ушел один, но кто знает! Это не страшно, но плохо. Сармату сейчас все по дуньке, но если Борис кинет скрученного магическим узлом Месропа к ложу, а Месроп признается во всем, что нашепчут ушлые маги, — что тогда? Может, и впрямь — Серпухов?

— Видел пленных? Какие из себя? — небрежно спросил Виктор.

— Один худой, высокий, смуглый такой и глаза раскосые. Другой тоже худой, но поменьше, молодой да почти лысый. Зовут смешно, запомятовал. Что-то про маму...

Ученый со смешной фамилией. Точно. Виктор вспомнил, как молодой парень втолковывал ему что-то умное, но неприятное. Жалко, что попал в лапы к Борису. Быстро превратят умника в слюнявого идиота.

Внезапно захлестнула едкая ненависть к магам. Он стиснул зубы, досчитал в уме до девяти и перевел дыхание. Надо сдерживаться, сейчас не время для эмоций.

После того как Сармат назвал его восприимчивым, Виктор, к своему удивлению, вдруг обнаружил, что только в эти дни он ощутил свою сопричастность происходящему. Ушла отстраненность, и после ее исчезновения он понял, что она была в нем всегда, невидимым барьером отделяя его от мира. Жизнь легка, когда не соприкасаешься ни с кем и ни с чем. Теперь же он понял, что зависимость от людей, предметов и событий, угнетая душу, тем не менее порождает и зависимость мира от его, Виктора, воли. Даже когда он посылал сотню за сотней в бой, когда сам врубался в гущу, орудуя мечом, как мясник на бойне, даже тогда он не испытывал такой полноценности бытия. Неужели два-три слова Сармата настолько изменили его включенность во внешний мир! Хотя эти слова означали власть...

Через несколько дней после свидания с Сарматом зашел Николай, коротко сообщил о самочувствии Правителя, пристально глядел, ждал каких-то слов и, не дождавшись, ушел.

А потом явился Борис. Обсудили дела, договорились, сколько дружинников выделит Виктор на охрану зеркал, и разговор вдруг зашел об ученых. Улыбаясь непонятно чему, маг сообщил, что им давно не попадался такой отменный экземпляр. Многие в сомнении, предлагать ли ему силу. Разумеется, мощный ум воспримет ее в полном объеме без ущерба. Другое дело — он может понадобится именно как ученый. Есть масса идей, которые толком даже проверить не удастся. Увы, за силу приходится платить, аналитические способности и у ведущих магов ни к черту не годятся, даже он, Борис, сейчас не в состоянии пройти элементарный тест по микропрограммированию ведь, если показали дорогу к цели, ты не будешь ползти заросшими тропами даже с хорошим попутчиком.

Виктор поначалу не понял, о чем идет речь, но когда Борис, сплетая словеса, как бы случайно упомянул монастырь, насторожился. Маг знал о путешествии в Бастион, знал, возможно, с кем маршал путешествовал. Да, не зря все-таки Иван при нем левой рукой! И вот сейчас Борис мягко намекает, чтобы Виктор не совался в их дела.

Странно. Не такой уж изрядный случай, чтобы гнуть страсти, но вот надо же! Маги вклинились в ученого. Судя по всему, у них густой интерес. И ради этого готовы закрыть глаза на его тайную встречу с Месропом.

Он почти убедил себя в этом, но тут маг сказал, что на днях его люди изловили было одного старого знакомого, но тот ушел, впрочем, может, и не ушел, а загнуллся от ран в чащобе.

— Ты его, наверно, забыл, — прищурившись, добавил Борис. — Помнишь, был такой Месроп?!

Удар был силен. Они убили Месропа, сообразил Виктор. Теперь тот ничего не скажет. Но облегчения не испытал, только едкое бессилие плеснулось в душе. Жаль, жаль Месропа!

Виктор призвал к себе тысяцкого Егора. Тысяцкий поклялся, что расшибется в плюшку, но все выяснит. А еще через три дня он пришел веселый, сказал, что кони оседланы. Хранителей Виктор оставил, Егор взял с собой дюжину самых ловких бойцов, на всякий случай. Богдан надул губы, Иван равнодушно кивнул, узнав, что с маршалом идти им не след.

Они выехали на поляну, Виктор сразу узнал ее.

— Вот здесь его чуть не взяли, — Егор обвел плетью окрест, — три дружинника и маг. Он от реки шел, а дозорные

с заставы возвращались. Маг его учуял, ну и пошла охота. Дозорные — ребята молодые, не злые, но распалились, вот один стрелу и пустил. Месроп, может, и увернулся бы, но промеж этих бегал, наступить боялся...

На траве по всей поляне сидели, валялись и бесцельно слонялись люди. Виктор невидящим взглядом обвел их. Вот, значит, куда шел Месроп. Он возился с неделяками, считал, может, друзьями, да и они вроде его замечали. Столько здоровых лбов — что им стоило скрутить дозорных, да просто задержать, кинуться под ноги, свалить — Месроп и ушел бы...

— Что теперь с ними делать? — вздохнул Егор.

Виктор молчал. Месропа не нашли, хотя кровавый след тянулся в заросли и уходил к ядовитой крапиве. Даже если он остался жив, эта мразь дала ему истечь кровью и, скорее всего, пальцем не шевельнула, чтобы помочь.

— Детей отобрать — и на воспитание. Женщин — на плантации.

Егор одобрительно крякнул.

— А мужиков?

«Короткий суд и длинная веревка!» — мелькнули в голове слова из полузабытой песни Однорукого. Виктор с трудом сдержался, чтобы не бросить «Всех вздернуть!», и только приказал:

— Вон из города!

А через два дня Сармат, к удивлению многих, выздоровел. И с той поры миновало полгода.

5

Виктор поежился. От стены тянуло сыростью и холодом. Рядом мерно сопел полковник, темные фигуры стражей у палатки замерли неподвижными изваяниями. Перед входом в палатку спал Богдан, а чуть поодаль сидел Иван и водил пальцем по ладони. Костерок догорал, и в его слабом свете еле отсвечивало скуластое лицо мага, короткие русые волосы. Губы беззвучно шевелились.

«От ночной волшбы добра не жди», — вспомнил Виктор старую присказку.

Сон упорно не шел. Виктор рывком встал и двинулся к ближайшим кострам. За ним тенью последовал Иван.

Дружинники почти все спали, только кое-где бойцы из ночных служб тихо погромыхивали котелками, да коноводы осматривали копыта захромавших лошадей.

Подойдя к костру, Виктор подсел к бойцам. Дружинники раздвинулись, достали чистую миску, и, хотя есть было невозможно, он через силу проглотил немного варева.

Бойцы сосредоточенно ели мясо с овощами. Только высокий бритоголовый ратник жевал какие-то сухие рассыпчатые лепешки, держа узелок с едой у груди, чтобы не просыпать ни крошки. Встретив удивленный взгляд маршала, дружинник улыбнулся и протянул ему кусок своей еды. Виктор попробовал — сладко, мучнисто. «Что ж, — подумал маршал, — чем меньше мясоедов, тем меньше надо припасов. Да и постники злее дерутся!»

Поговорив о том, о сем, он вернулся к своей палатке. Спать не хотелось совершенно. С часу на час ждали вестей от Сармата. И тогда тишину и мрак рассекут крики команд, поднимутся тысячи и не мешкая пойдут к месту встречи. Сармат, по всей видимости, уже оторвался от отрядов каганата и хитрым зигзагом идет к Бурундукам. Оттуда и подаст сигнал. Не пройдет и дня, как они соединятся под Казанью, а сбитые с толку и отставшие силы казанцев возьмет на себя тысяча Мартына, по всем раскладам уже проплывающая Кокшайск.

До сих пор им везло. Большие города обходили далеко стороной, а в маленьких жители вели себя смирно. Разве только в Сотнуре закавыка случилась! А селянам и подавно все равно, чья власть.

Иван бесшумно вскочил, раскинул предостерегающе руки. Стражники встрепнулись и взяли арбалеты на изготовку.

К ним быстро приближались две фигуры. Сотник Евсей шепнул слово и подошел к маршалу.

— Сказал, к вам идти немедля, — и скосил глаза в сторону мага, закутанного в темный плащ.

Виктор кивнул магу, и они прошли в палатку. Богдан перестал храпеть, медленно поднялся на ноги, запалил огонь, прикрутил фитиль и вышел.

Седой маг с тонким хрящеватым носом потер виски, закрыл глаза пальцами и звенящим шепотом передал весть.

Все хорошо. Сармат уже переправляется на тот берег, надувные плоты, найденные давным-давно на заброшенных

складах Саратова, не подвели. И еще Сармат велел конницу вперед не пускать, а выставить лучников. Наступать же после того, как положат зверье. Выступать спешно.

— Повтори, какое зверье? — не понял Виктор.

Слово в слово маг повторил весть.

— Что за зверье?

Маг пожал плечами. Виктор нахмурился.

— Свободен. — И, выйдя из палатки, сотнику: — Егора ко мне!

Сотник исчез. Маг потоптался рядом, вздохнул и уселся на траву, отчаянно зевая.

— Ступай в обоз, — велел Виктор, — спать здесь не дадут, могут и стоптать.

Маг помотал головой, со стоном поднялся и заковылял к обозу. Виктор вернулся в палатку и развернул карту. Это была дряхлая, еще на старой бумаге, закатанной в белесый от трещин и царапин пластик, карта, выдранная, очевидно, из книги или альбома таких же карт. Разноцветные линии тянулись от кружочков с названиями — линии когда-то были дорогами. К утру Сармат закончит переправу. Немного поспали ребята, и ладно. Еще с полчаса можно подождать.

Появился Егор, за ним пришел Чуев.

— Пора? — спросил Егор.

— Запрягайте коней, обозников поднимайте, а потом дружину.

— Дорога чистая? — спросил Чуев.

— На полперехода никого нет, — сказал Егор, — но лучше магов вперед пускайте. Мало ли что!

А когда Чуев исчез во тьме, Егор негромко доложил Виктору:

— Свежий человек пришел, говорит, у казанцев связь сохранилась. Старье какое-то! Большие коробки за плечами и штырь торчит.

— Радио?

— Похоже. Только я помню, они небольшие такие были, в карман влезали. И без штыря.

— Что еще?

— Моторы ходят, тоже развалины, но несколько штук осталось, бойцов перевозят. Дороги плохие, толку от них мало.

— Насчет зверей ничего не слышал?

— Зверей?! — вскинулся Егор. — Каких зверей?

— Это я тебя спрашиваю.

С окраины поляны донесся шум, голоса. Заскрипели телеги. Негромко пропел рожок, второй. Дружинники зашевелились, в нескольких местах вспыхнули костры.

— Было одно донесение из Казани месяца два назад, — задумчиво тронул подбородок тысяцкий. — Наш человек слышал, как у соседей жена на мужа кричала, чтоб его медведи разорвали. Пару раз медведей помянула, а сосед ее и прибил. Чтоб помалкивала.

Виктор сдвинул брови. Какие еще медведи? По слухам, больше похожим на сказки, далеко за Уралом расплодились диковинные твари, двухголовые птицы, лисы бесхвостые, а люди там не живут, мрут сразу. То ли заводы когда-то рванули, то ли еще какая отравка протекла. Даже если казанцы медведей выставят — что с того! Кони, правда, могут испугаться. Может, Сармат об этом и предупреждал. А так, что медведи, что слоны — против хорошего самострела, что впятером натягивают, а стрела с добрый кол, никакой медведь не устоит. Ну и маги, конечно, не подведут.

Сворачивали шатры. Снизу канаты, сходящиеся к центру и слабо подсвеченные кострами, казались большой паутиной. Но вот несколько дружинников влезли на постамент, тросы провисли, упали на землю.

Было прохладно. Виктор поежился и запахнул плащ. Палатку уже скатали. Богдан вручил сумку с картами, а Иван подвел коня.

«Следующую ночь должны встретить в Казани, — подумал Виктор. — Возьмем с ходу и отоспимся».

Он еще не знал, что они застрянут на первой же линии обороны.

6

Шершавый занозистый брус больно царапал лоб. Виктор, не отрываясь от смотровой щели, дожевывал кусок холодной зайчатины. Протянул руку, пошевелил пальцами. Богдан свинтил крышку и отдал флягу маршалу.

Виктор безуспешно пытался сосчитать укрепленные насыпи, но сбился на третьем десятке. Заградительные холмы, обложенные бетонными плитами, высились в шахматном порядке и прикрывали все подходы к обитаемой части города. Дома

и деревья перед ними были снесены километра на два, незаметно подобраться большими силами невозможно.

Самое позднее к вечеру надо проломиться сквозь эти насыпи, иначе дело кончится большой кровью. Подойдут мобильные отряды. Сармат хоть и оторвался от них, но, скорее всего, ненадолго. А если еще и моторы ходят, то времени совсем не остается. Ударят по московскому войску с двух сторон, тут уж и нескольких сотен хватит, чтобы потреться.

Надежды на то, что поднимутся сочувствующие в городе, не оправдались. Перебежчик сообщил, что задолго до подхода войск Сармата к Казани Сафар и верные ему люди ночью были схвачены. Сафар теперь томится в башне Сююмбег. Часть друзей Сафара успела затаиться и, если дружинники прорвутся в город, поддержат. А горожане в свару не полезут, им все равно, кому налоги платить, лишь бы поменьше. Прокламации Сармата, в которых он обещал на три года освободить всех от налогов, в веру не притеснять, а в торговле дать полную волю, сделали свое дело. В ополчение шли неохотно, многие землепашцы к весне разошлись по своим хозяйствам, а торговые люди предпочли откупиться. Разведка донесла, что войско казанское наполовину из туранских наемников, бойцов матерых и беспощадных. Это был второй неприятный сюрприз, а первый — насыпи с бревенчатыми стенами поверху, и в ярком солнце видно, что смолой жирно обмазаны бревна, а против осмолённых стен магический огонь бессилен.

Одну насыпь все же скосырули, ахнули из больших зеркала по бетону, а потом с час долбили по тому же месту, пока не вывели землю и камни настолько, что покатила, рассыпаясь по бревнышку, укрепленная точка. Но на этом силы магов иссякли, и они передыху запросили, да и Сармат велел понапрасну сил не тратить, неровен час подойдут еще вражьи отряды — стрелами да пиками не отобьешься.

Против московского войска каганат, может, всего две тысячи и выставил, но старое оружие еще стреляло у них, пулеметные гнезда на холмах близко никого не подпускали, а отряд пластунов, добравшийся до стен, почти весь перебит, взорван. Уцелевшие принесли с собой два небольших цилиндра с опереньем, с привязанным к ним желтым брусом, похожим на мыло. «Авиабомбы», — определил Сармат, а тысяцкий Егор доложил, что в городе разведчики заметили конструкции, похожие на рамы для запуска летунов. С этих рам и

мечут бомбы. «Баллисты, черт бы их побрал!» — пробормотал Мартын.

Несколько молодых магов, выдвинувшись вперед, метали огненные шары, пытаясь всадить их в узкие амбразуры пулеметных точек, но втуне. Сверху засекали мага и жарили по нему длинными очередями, не давая высунуться, поэтому и точности никакой, а вести шар размером с голову, когда твоя голова вжата в весок и траву, — это даже старым магам не по плечу. Силы все же берегли.

После того как отряды Сармата и Виктора соединились, а позже и Мартын подошел со своими, хотели ворваться в город спозаранку, но напоролись на ураганный огонь, потеряли сотни три бойцов и откатились. Тогда на Сборе Виктор впервые осмелился резко возразить Сармату. Идея штурмовать с ходу принадлежала Правителю, и так он ею загорелся, что чужого голоса не слышал. На Сборе Сармат был зол, но бодр, ругань Виктора выслушал посмеиваясь, но потом нахмурился и сказал, что назначает его главнокомандующим и что он, старый дурак, должен был с самого начала отдать маршалу все бразды, но погорячился. И с этими словами вручил свой жезл Виктору, подмигнул и объявил Сбор свободным. Сармат ушел в свой шатер, а Виктор так и остался с открытым ртом и жезлом в руке. Неожиданный ход Сармата сбил его с толку. Действительно, удайся утренний наскок — Сармату прибавилось бы славы, а тут, ежели завязнут или, не дай бог, отступить придется, чести Правителя урону нет, а Виктору позор. Кому отвечать, если уйдут битыми? Ему. На миг захотелось сломать жезл о колено, вскочить на коня и...

Ему плевать было на место у трона, маршальское звание и все прочие атрибуты и регалии. Но с недавних пор он вдруг увидел себя не песчинкой, налипшей на колеса истории, а самим колесом, пусть малым, но колесом, и он понимал, что к прежней вольной жизни возврата нет.

Ярость мгновенно ушла, Виктор яроводил холодным взглядом Сармата, спокойно воспринял даже то, что спустя минуту вестовой пригласил тысяцкого Александра в шатер Правителя. Год назад Александр, тогда еще юный дружинник, сбил стрелой дурохвоста, прыгнувшего на Сармата из кустов. Даже маг-хранитель не успел вскинуть руку, как в глазу полутораметрового хищника сидела стрела, и не попади он в глаз, долети зверь клыкастый до шеи Сармата, пришлось бы искать нового правителя.

Отметив юношу сотником, Сармат стал приглашать его иногда на большие застолья, а после того как сотня отличилась во время люберецкого побоища, сделал Александра тысяцким. Старые сотники поворчали было, но успокоились — Сармату виднее. Впрочем, новый тысяцкий гонору не казал, стариков ублажал всячески и без совета с ними и шагу попервой не делал. После, конечно, пообвыкся, крылышки взъерепенил.

Виктор принялся втолковывать ему воинскую премудрость, тысяцкий схватывал все на лету и учеником был послушным, но потом вдруг заметили, что учиться он хоть и горазд, но делает все по-своему, причем весьма толково. И тогда маршал перестал его учить.

* * *

Отхлебнув из фляги, он прополоскал горло и выплюнул. На солнцепеке крепкое изюмное вино, что твоя дубина, сразу по голове ахает.

Наблюдательный пункт он расположил в полуразрушенном кирпичном доме. Когда-то это было трехэтажное строение. Сохранился только остов и несколько балок от перекрытий. На балки кинули доски от забора, поверху уложили щиты. Пристроили штурмовую лестницу. Оконные проемы заколотили, заложили корзинами с песком, оставив смотровые щели.

Раскуроченный магами холм торчал неподалеку гнилым зубом. Между двумя насыпями второй линии три, а то и четыре сотни метров. Можно проползти в темноте. Однако ночной штурм — верная гибель! Кто прорвется сквозь «оленьи рога» и плетни, обмотанные колючей проволокой, далеко не уйдет. Каждая улица и переулок станут западней, ловушкой, могиллой. Сразу ударить по жизненным центрам? Знать бы, где эти центры! Начнется слепая резня, и здесь преимущество у осажденных. Конечно, если постоять тут месяц-другой, все старое оружие казанцев само постепенно выйдет из строя, то ли от заклятий магов, как полагают дружинники, то ли в их присутствии сложная техника просто не работает. Хотя что сложного в оружии, хмыкнул Виктор. Потом досадливо вздохнул: нет у них месяца, у них и пары дней нет. Обойти бы днем эти курганы окаянные, а там и сам черт не страшен, при свете дня дружине в городе работы на час.

Несколько всадников поскакали к холмам, не доехав, развернулись обратно, потом снова вернулись. Один из дружинников нацепил окорок на пику и, размахивая ею, поскакал

вдоль линии холмов. Ударил очередь, другая, но всадник, то осаживая, то прищпоривая коня, метался от холма к холму и выкрикивал обидные слова. Вдруг Виктор и многие, кто с любопытством следил за ним, ахнули: пули зацепили коня, и дружинник рухнул вместе с ним. Но тут же вскочил и, петляя, побежал назад под свист и крики с той и другой стороны.

— Узнать кто, — приказал Виктор, — выдать нового коня, флягу вина за храбрость и десять плетей, чтоб другим неповадно было.

Побежали исполнять приказ. Вскоре пришел расстроенный Александр просить за своего дружинника.

— Молодой еще, глупый, — усмехаясь, сказал он. — В обиду ему плети-то!

— Молодого можно и простить, — согласился Виктор. — Только мертвому плеть не в обиду. Но тогда пусть его сотник кару примет или другой заступник...

Александр раздул ноздри, свирепо засонел в жидкие усы, но под ледяным взглядом маршала смутился и ушел.

Издалека донесся долгий вой, потом кто-то заревел. Щиты, прикрывающие одну из улиц, раздались в стороны.

«Ага, сейчас зверье свое выпустят», — подумал Виктор.

Утром Сармат рассказал, что в последней схватке им пришлось биться не только с людьми, но и с двумя медведями. Заметив иронически поднятую бровь Виктора, вспыхнул и заявил, что ему, Сармату, не стыдно признаться в страхе великом, который эти зверюги на него нагнали, и он еще посмотрит на него, Виктора, когда тот встретит зверя, только глянет издалека, потому что вонять будет крепко. «От кого вонять?» — не понял Виктор. — «От тебя! — рявкнул Сармат. — В штаны наложишь!» Мартын усмехнулся, а Виктор тогда смолчал, но после утреннего конфуза припомнил Сармату штаны, посоветовав впредь, идя конным строем на пулеметы, надевать юбку, чтоб бежать было удобно.

Насчет зверей Егор знал мало. Разведчики говорили неясно, будто туранцы привели из-за Урала медведей, да не простых, а сущих дьяволов. Егор чесал в затылке и рассуждал об уродах, что в обилии рожают за Уралом люди и звери. Потом решил, что речь идет о «мохнатых шайтанах», о которых рассказал ходок с яицких земель.

«Медведь в человеческий рост, а если на задние лапы встанет, то и в три. Быстро бегают, а когти... — Егор хмыкнул. — Может, все врут, не видал я таких медведей...»

Щиты не успели развести. Они рухнули под напором изнутри, и один за другим в поле вывалились три... чудовища!

Виктор почувствовал, как волосы его становятся дыбом. Какой шутник назвал их медведями? Наверно, их бабушка и принадлежала к медвежьему роду. Но эти дьяволы в три человеческих роста, с чуть ли не полуметровыми когтями и жуткими клыками могли привидеться разве что в дурном сне.

Звери огромными прыжками уже преодолели половину расстояния до Сарматовой дружины. Навстречу полетели арбалетные стрелы, гроздя огненных шаров всплыли над руинами и упали на страшил. Но магический огонь только скользнул по черной блестящей шкуре.

«Смола!» — догадался Виктор. Очевидно, маги тоже сообразили, больше не пытались ударить огнем.

Медведи ворвались на позиции и, давя разбегающихся бойцов, принялись крушить уцелевшие местами стены.

— Где самострелы? — закричал Виктор.

Иван прижал кулаки к вискам, лицо его перекосилось, побледнело, глаза закатились.

«Есть!» — прошептал он и перевел дыхание.

Со стороны кирпичной невысокой башни, где стояли штатры Сармата, раздались крики, свист, ржанье. На открытое место выскочили повозки, запряженные четверками коней. Дуги самострелов выпирали далеко в стороны. Издали казалось, что кони сейчас взлетят, взмахнув длинными крыльями. Завидев их, медведи перестали ломать стены и заревели. Один из них поднялся на задние лапы, и Виктор почувствовал, как у него ослабли колени. В смотровую щель было видно, что голова медведя вровень с окнами третьего этажа.

Укрепления на холмах открыли пальбу. Стреляли по колесницам, но издали попасть не могли. Потом что-то зашумело, дымная полоса ткнулась в стену дома, вспышка, грохот, и стена рухнула. Медведи кинулись на повозки, те мгновенно развернулись — громко зазвенела тетива, вторая — и два тяжелых копья вонзились в зверя, который почти догнал повозку.

Чудовище взревело так, что заложило уши. Потом медведь вдруг сел и принялся сучить передними лапами, пытаясь выдернуть копыя. За спиной Виктора кто-то истерически, с призывом засмеялся, смея перешел в икоту. Виктор не мог ото-

рвать глаз от побоища, учиняемого этими жуткими порождениями отравленных земель Зауралья.

Пока раненый зверь возился с копытами, два других набросились на боевые повозки. Снова запели стальные тросы, но в спешке или с перепугу самострельщики поторопились, и копыта лишь задело плечо второго медведя. В тот же миг тяжелая лапа подбросила коней вверх, захрустели дуги, с треском разлетелись под ногами-тумбами доски. Возницы и самопальщики бросились в стороны, набежал третий медведь и пошибал их с ног, а кого и передавил. С наблюдательного пункта было видно, как несколько дружинников сбились у обломков стен, выставив перед собой пики и арбалеты, а с двух сторон на них надвигаются черные горы мяса, и бежать некуда.

Одна из тварей нависла над ними и распахнула пасть, обнажив неправдоподобные, почти с локоть, желтые клыки. Крики ужаса и стоны пошли над позициями дружины. Многие закрыли в страхе глаза и не видели, как из щели поднялся маг в полосатом одеянии и вскинул руки. Огненный комок впился прямо в зев чудовища. Медведь издал громкий булькающий звук и рухнул, похоронив под собой смельчака. Рядом с повергнутой тушей оказался другой медведь, недоуменно обнюхал лежащего и помотал головой. Раненый зверь, выковырявший наконец копыта, тоже замер. Со стороны города высоко запела труба, бухнул несколько раз барабан.

Медведи большими скачками понеслись обратно, оборачиваясь на бегу. Проход между домами снова закрыли щитами.

Прискакал тысяцкий Чуев, поднялся наверх, минуты две виртуозно обкладывал зверей, родителей зверей, создателя зверей и тех, кто всякую тварь на человека натаскивает. Затем перевел дыхание и доложил о потерях. Удар просмоленных тварей достался его тысяче. Насмерть убило десятка два и покалечило не меньше сотни. Если так дело пойдет...

— Дело еще и не начиналось! — перебил его Виктор. — Никто позиций не оставил?

Глаза Чуева налились кровью, и он набрал в грудь воздуха, чтобы достойно ответить, но Виктор рассмеялся, обнял его и, похлопав по спине, сказал, что в его молодцах не сомневался и чтоб прямо сейчас вынесли на позиции вина — каждому по чарке. Чуев успокоился, повеселел и сказал, что несколько отчаянных голов уже оттяпали заднюю ногу битого зверя и соорудили великолепный шашлык.

— Быстро они! — восхитился Виктор. — Неужели съели?

— С большого страха у них только аппетит разыгрался, — ответил Чуев и отправился к своим.

Виктор посмотрел ему вслед. Страх — всего лишь страх. Звери — они звери и есть, против человека им не устоять, будь ты хоть медведь трехметровый или дракон сказочный. Но если казанцы, смолой защищенные, выступают с повозками или на моторах, да с оружием старым, — вот это будет катастрофа. Пройдут сквозь позиции, разрежут на клинья и перестреляют. Даже если захватить пулеметы, мало кто умеет с ними обращаться. Сегодня надо брать город или уходить. Сниматься ночью осторожно, оставив зажженные костры, и вдоль берега двойными переходами, обмотав копыта тряпками.

Он поймал себя на мысли, что уже прикидывает в деталях, как с малыми потерями отступить, как погоню отсечь, где засадные сотни оставить. И рассвирепел, озлился на себя. Только начини отступать, подумал он, так до порога своего и допятишься, сдерживая натиск. Лучше здесь лечь костями.

Закрыв глаза, он расслабился. Когда не думаешь ни о чем, решение приходит само, будто подсказанное. Но сейчас отвлечься не удавалось, в голове возникали и пропадали лица сотников, выплыли сердитые глаза Сармата, лицо Мартына в обрамлении буйной русой с проседью шевелюры и бороды. Он задумался над планом ночного штурма — магов вперед, за ними штурмовые лестницы, пройти гуськом, цепочкой меж насыпей, а уж в городе как получится.

Да, единственная надежда — ночной штурм. Сейчас спешно выставить заслоны, как можно дальше от Казани. Пусть держат оборону, отходят при натиске на новый рубеж, снова сдерживают. Завалить дороги, чтобы моторы не прошли, а против пешего строя — засады, маленькими группами вдоль троп. И тянуть до ночи! Даже если враг в одном переходе — пять, шесть сотен вперед, всю тысячу.

— Вестовых ко мне! — вскричал Виктор, поднимая жезл.

А потом добавил:

— Тысяцкого Александра призвать немедленно!

Внизу забежали, заскрипели ступени. Иван, не дожидаясь приказа, расстелил карты на досках, уложенных поверх кирпичей.

Не прошло и получаса, как поднялись сотни, одна за другой двинули на указанные места, веером ушли разведчики, и

заросли бесшумно сомкнулись за ними. Лучшие маги настороженно замерли, ожидая срочной вести.

Виктор взглянул на небо. Уже за полдень, и изрядно за полдень. Через семь или восемь часов стемнеет. Тогда несколькими колоннами на штурм, со всех сторон. Отвлекающие удары маги нанесут прямо отсюда. Часть бойцов спустится вниз по реке и попробует с той стороны. Ох, много крови примет река, потемнеют воды ее...

7

Солнце никак не садилось. Ожидание темноты изматывало. Один за другим прискакали гонцы от Александра. В первом донесении он сообщал, что крупных сил неприятеля пока не встретил, мелкие патрули рассеял, на дорогах устроил завалы. Во втором донесении сотник Панас сообщил, что тысяцкий тяжело ранен, засадные сотни сдерживают натиск большого отряда. Моторные повозки подбили и сожгли, подмоги не требуется, только пусть вышлют несколько телег для раненых.

Выслушав гонцов, Виктор покосился на удлиняющиеся тени, перекусил травинку, зажатую в зубах, и обратился к Сармату:

— Пора строить дружину в штурмовые колонны.

Сармат кивнул.

— Как там Александр? — спросил он.

— Ранен.

— Вот как! — Сармат пристально глянул Виктору в глаза, но больше ничего не сказал.

Шатер Правителя раскинули среди яблоневых садов, на небольшой возвышенности за старой кирпичной пятиэтажкой. До боевых насыпей казанцев было километра два. Время от времени высоко над шатром посвистывали пули, а однажды небольшой снаряд упал за стеной дома и не взорвался. Старый полковник не поленился и, сходяв за дом, принес металлический огурец. С любопытством повертел его и вздохнул.

— Раньше у моих ребят таких штучек много было, — сказал он. — Полезная в хозяйстве вещь — ранцевый метатель «сквозняк». Девять таких снарядов за плечами — и хрен кто тебя остановит! Если рванет, полстены в щебень перемелет.

Мартын осторожно взял снаряд, взвесил в руке и хотел зашвырнуть подальше. Но Семен Афанасьевич перехватил его руку.

— Не надо, — шипло прошептал он. — Могилка!

Взглянув на побелевшее лицо и вытаращенные глаза старого полковника, Мартын тоже побледнел и нежно положил цилиндр на стол.

Виктор поднял палец. В шатер вошел Иван, оглядел сидящих и уставился на снаряд. Вдохнул, повел над ним ладонью, осторожно взял и вышел. Через несколько минут неподалеку глухо бухнуло.

— Узнай, что там, — велел Виктор Богдану.

Богдан не успел выйти, как снова появился Иван и сказал, что бросил снаряд в заброшенный колодец. Если еще залетят такие, лучше не трогать, а позвать любого мага, что окажется поблизости.

— В бога, в душу, в семьдесят два святителя, — прорычал тысяцкий Чув и положил свою лапищу на плечо полковника:

— Ты что же это, старый, нас угробить хочешь?

Полковник сбросил руку с плеча, виновато улыбнулся и повел долгий рассказ о том, как с помощью ранцевых метателей он и десятка три молодцев разбили в пух и перья большой отряд туранцев под Актюбинском. Сармат слушал его, посмеиваясь и подзадоривая, а старый вояка вошел в раж и выдавал одну историю за другой. А когда он со вкусом рассказал, как доходил чуть ли не до Термеза, Чув не выдержал и ехидно спросил, уж не встречал ли в тех краях Семен Афанасьевич легендарного атамана Курбатова? Старик хмыкнул и покачал головой, пряча улыбку в усы.

Вошел вестовой, посмотрел на Сармата, но поскольку жезл покоился на коленях Виктора, то ему и доложил, что взяли лазутчика. Хотя, может, и не лазутчик вовсе. Шел не таясь.

Тысяцкий Егор поднялся было со скамьи, но Сармат махнул рукой.

— Давай его сюда, — сказал он. — Может, это человек Сафара?

Неодобрительно покачав головой, Егор снова сел. По его разумению, пленного следовало допросить непринужденно, хоть все здесь свои, а из сотников, почитай, никого, но порядок должен быть. Тем более, если это свой человек, велика ли нужда вести через позиции, мало ли чей недобрый глаз увидит, запомнит? А ну, как ему снова возвращаться в город.

Хоть и непроницаемо было лицо Егора, но Виктор отлично понимал, что означает чуть вздетая правая бровь и еле заметно опущенные уголки губ. Язык сейчас позарез нужен, а если свой человек — то и подавно: может, какие хитрые ходы в город знает. Тогда малой кровью возьмем.

В шатер ввели пленного. По бокам встали дружинники с мечами на изготовку, а за спину Сармату зашел его личный маг, седовласый гигант, имени которого никто не знал.

На пленном был белый шелковый халат, опоясанный цветастым платком. Голову покрывал другой платок, с завязанными по краям узелками. Виктор взгляделся в него. Нет, не из его лазутчиков. Но он готов был поклясться, что когда-то видел этого человека.

— Вот мы и встретились, Сармат, — спокойно сказал пленный. — Ты пришел на восток, и с тобой пришла тьма.

— Будь справедлив и признай, что не запад породил эту тьму, — ответил, и даже не ответил, а провозгласил Сармат.

На миг Виктор забыл о пленном и воззрился на Сармату. Давно, почитай, с самой болезни, Правитель так еще не говорил. Осадка его неуловимо преобразилась, словно он не сидел на деревянной грубой скамье, а восседал на троне. Таким густым и сильным голосом Сармат давал клятву, посылал в бой, отдавал приказания, это был голос Правителя, а не сварливого старика, в которого — о чем даже боялся думать Виктор — Сармат превращался в последние месяцы.

Пленный без страха оглядел присутствующих, задержал взгляд на Викторе.

— Ты постарел, — констатировал Сармат. — И ты с моими врагами. Но я не хочу иметь врагов. Справедливость...

— Не тебе говорить о справедливости, — резко перебил пленный, — это ты стоишь под стенами Казани, а не наоборот! Ты истребил посольство, что непростительно даже варвару. А ты себя, по всей видимости, считаешь просвещенным государем. Кстати, ты уже короновался или решил помазаться на царство после героического похода?

— Или ты глуп, или у тебя плохие шпионы, — спокойно ответил Сармат, но Виктор заметил, как гневно раздулись его ноздри и покраснел лоб. — Я — всего лишь руководитель дружины. Мое дело — защищать мой народ. И если понадобится для этого стать под стены Казани и любого другого города, — так и будет!

— Хорошие слова! — склонил голову набок пленный.

Тысячки с недоумением прислушивались к странному разговору. Ни Чуев, ни Егор не были в Саратовском деле, а Григорий сейчас отсутствовал. Мартын подошел к пленному, взгляделся в его лицо, покачал головой и сел на место.

— Если бы не голос, я бы тебя не узнал.

Не обращая на него внимания, пленный подошел было к Сармату, но из-за плеча Правителя поднялись ладони мага, и пленный словно натолкнулся на невидимую преграду.

— Ах, да, — сказал он, — я забыл про твоих шайтанов. Но зря ты продал им свою душу. Скверная будет расплата за столь нечестивую сделку. Но прежде чем наступит окончательная расплата, ты увидишь, как причиненное тобой зло тысячекратно умножится и вернется к тебе. Ты пришел сюда как завоеватель, ты нарушил мирный труд землепашцев и горожан, а твои головорезы...

— Полно тебе! — зарычал Сармат. — Покажи хоть одного мирного жителя, которого обидели мои дружинники, и тогда поговорим. Сражения ведут воины, остальные сидят по домам. Те, из-за кого началась свара, будут наказаны, прочие — невиновны. И все!

— Нет, не все! — глаза пленного полыхнули огнем. — Не твои ли головорезы дотла спалили Сотнур? А кто разрушил дамбы под Кокшайском?

— Война... — только и сказал Сармат.

— Ты привел сюда войну и будь готов к тому, что война придет в твой дом. Ты даже не подозреваешь, какие силы вскоре поднимутся на тебя.

— Подозреваю, — прогудел Сармат. — Но напрасно ты считаешь меня глупцом. Я пришел сюда не плодить врагов, а искать друзей.

Пленный медленно покачал головой, вздохнул.

— Да, — нехотя согласился он, — у Сафара много сторонников, и казнят расколот. Но так просто город тебе не взять, а каждая капля пролитой крови воззовет к отмщению. А когда поднимется знамя войны за веру...

— Ха-ха-ха! — зарокотал Сармат, и Виктор даже вздрогнул от громкого хохота. — Да я завтра же приму ислам, окрещусь или изберу буддизм, если это пойдет на благо людям и миру!

Глаза пленного расширились, словно он увидел нечто страшное.

— Ты очень опасный человек, — тихо сказал он. — Ты не остановишься ни перед чем. Если бы я был вправе... — Он замолчал.

— Говори, говори, — кивнул ему Сармат. — Тебя никто не обидит. Уйдешь, как пришел. Я знаю, что ты никогда не будешь со мной. Но тот, кто идет против меня, идет против времени. Ты не голоден, — внезапно сменил тон Сармат, — не испытываешь ли какую нужду?

— Благодарю, — ответил пленный с коротким поклоном. — Я недавно ел.

— Тогда присядь и отдохни. Полагаю, ты не останешься здесь?

— Разумеется. Но вряд ли ты разрешишь мне вернуться в город.

— Отчего же! — искренне изумился Сармат. — Завтра утром мы с тобой продолжим разговор в Казанском Кремле.

— Так, — прищурился пленный, — значит, ночной штурм?

Виктор чуть не выругался. Он не мог вспомнить, кто этот человек и что его связывает с Сарматом. Но про себя твердо решил, что, даже если Правитель отпустит пленного, далеко тот не уйдет. Сквозь откинутый полог шатра видно, как тысяцкий Егор сидит неподалеку на камне и смотрит в их сторону. Один знак — и незнакомца аккуратно скрутят и уложат в обозе.

Пленный между тем присел к столу. Мартын налил ему вина, но незнакомец покачал головой.

— Вот как? — удивился Мартын. — Раньше, помню, ты после трех кувшинов только начинал гулять...

— Аллах простит мои прегрешения, — вздел очи незнакомец, — а поминать о прошлых грехах тоже есть грех.

— Вот даже как! — Мартын задумчиво потрогал бороду. — Ты случайно не шейх какой или имам?

— Я бы выпил воды, — негромко сказал незнакомец.

Мартын растерянно посмотрел на Виктора.

— Есть у нас вода? — спросил он.

Виктор позвал вестового и велел принести воды. Через пару минут доставили флягу с теплой мутной водой. Вестовой усмехнулся, открыл рот, но, встретив взгляд Виктора, поперхнулся и вышел. Семен Афанасьевич до сих пор сидел молча и не отрывал глаз от пленного. Когда тот сделал несколько глотков, старый полковник поднялся со своего места и подсел ближе.

— Где-то я тебя видел, — недобро прищурился он.

— Мир велик, — кивнул пленный, — возможно, и встречались.

Старик засопел, но ничего не сказал.

Пленный отложил флягу и обернулся к Сармату.

— Ты тоже постарел. Зачем тебе все эти хлопоты, для кого?

— Тебе не понять.

— А, высшие интересы... — слабо улыбнулся незнакомец.

— Да, представь себе, — вмешался Мартын. — Высшие интересы, и только они.

«Он, — вспомнил Виктор. — Разговор на мосту в Саратове. Опять пустые слова».

— История повторяется, — вздохнул пленный. — Снова Москва пошла войной на Казань.

— Что ты несешь! — нахмурился Сармат. — Почему это снова?

— Его спроси, — кивнул пленный на Мартына. — Он историю хорошо знает. Даю голову на отсечение, а голова эта немало стоит, что именно Мартын тебя подвигнул на поход! Он еще в Саратове бредил державой.

— Что тебя смущает? — спросил Мартын. — Одним нравится идея Великого Турана, а мне по душе российская державность.

Пленный засмеялся, хлопая себя по коленям.

— Ох, — сказал он, успокоившись, — вот уж кто самый патриот, так это Мартин фон Таубе!

Воцарилось неловкое молчание. Виктор впервые услышал фамилию Мартына, и бестактность пленного неприятно поразила его. Без спроса, без разрешения назвать человека — надо быть очень близким или, наоборот, ненавидеть его.

— Что же, — между тем спокойно отвечал Мартын, — были времена, когда среди лучших патриотов встречались и немцы. Суть не в этом.

— В чем же? — полюбопытствовал пленный.

— А в том, — немедленно сказал Мартын, и в голосе его громынул металл, — что без высшей идеи человек есть скот, достойный ножа мясника.

— Все равны перед Аллахом, — миролюбиво ответил пленный, — что носитель высшей идеи, а что и простой смертный.

— Идея Великого Турана тоже есть великая идея, — назидательно поднял указательный палец Мартын, — и я скорее соглашусь на владычество Турана, нежели обретаться среди безвластия и дикости.

— Тебе нужна не власть, тебе нужен Правитель, — вздохнув, пробормотал пленный.

— Так, только так! — и с этими словами Мартын строго посмотрел на Сармата.

— А Правителю нужны подданные, — еле слышно добавил пленный.

Мартын только склонил голову на эти слова.

— Может, ты и прав, — голос пленного окреп, — но я не приемлю твоей правоты. Не во имя ли державы сейчас льется кровь? Не во имя ли державы атаман Курбатов вырезал мирные селения под Термезом?

— Вспомнил! — вдруг вскричал Семен Афанасьевич. — Вспомнил я тебя! Ты же советником был у Алибека, сучий ты потрох, сколько из-за тебя ребят моих полегло!

— Каких ребят? — спросил Сармат, но пленный, не обращая внимания на него, медленно поднялся из-за стола, вперив взгляд в старого полковника.

— Что уставился, родственника узнал? — презрительно спросил полковник. — Смотри, смотри, пока глаза не вырвал и в задницу тебе не сунул!

— Это ты. — Пленный вытянул палец в сторону полковника. — Это ты, негодяй, убийца, имя твое проклято вовек! Кровь твоих жертв падет на тебя, а живые...

— А живые... — грозно захрипел старый полковник, горделиво подбоченясь, — а живые всегда будут вздрагивать, вспоминая атамана Курбатова!

8

У Мартына отвисла челюсть. Все, кто были в шатре, и дружинники у входа замерли. Грозное имя атамана Курбатова давно стало легендой, сказкой о неустрашимом мстителе, лихом удалце, сильным и, конечно же, молодом богатыре. Но никто даже не усомнился в словах старого полковника. Для самозванства такого нужна была смелость, не уступающая истинному носителю имени. Да и ненависть, исходящая от пленного, способна была расточить в прах все вокруг, если бы в той ненависти была сила.

А затем пленный медленно вздел руки, поднял лицо вверх и зашептал что-то. «Наверно, молится», — подумал Виктор. Не прошло и минуты тягостного молчания, как пленный сно-

ва вперил свой взор в старого атамана и, не опуская рук, торжественно произнес:

— Ты приговорен, палач, а потому сейчас умрешь!

И в следующий миг плюнул.

Лезвие бритвы стальной искрой блеснуло в воздухе и впилось в горло старика. Курбатов издал булькающий звук и мягко осел, схватившись ладонью за шею.

Маг из-за спины Сармата вскинулся: загудел, зазвенел воздух, невидимая тугая струя отбросила Мартына и Егора к брезентовой стене, ударила в пленного, перевернула его в воздухе и хряпнула о землю.

— Зови санитаров! — крикнул Виктор вбежавшему в шатер дружиннику. Тот развернулся на пятке и шумно попер через кусты. Подойдя к пленному, Виктор пошевелил голову носком сапога. Глаза раскрыты, но смотрят пусто. Наверно, готов, — решил Виктор. К полковнику он не решался подойти. Хоть крови он повидал немало, но сейчас боялся увидеть Семена Афанасьевича с перерезанным горлом. За последние месяцы он привязался к старику. Эх, если бы знать, что это был сам атаман Курбатов!

Вбежали санитары, захлопотали над полковником. Потом уложили на носилки и унесли. Пленного куда-то оттащили.

Сармат молча смотрел перед собой немигающими глазами, пальцы, лежавшие на рукояти меча, чуть подергивались. Тишину прервал Мартын.

— Сегодня мы слышали странные слова, — негромко начал он, — и увидели странных людей. Но сейчас нам вверена судьба не только тысяч дружинников и не только города, — взмах руки в сторону Казани, — но и будущее земель на востоке и западе, где ждут нас и нашей силы. И поэтому...

Снаружи громко заговорили, в шатер сунулся бритоголовый дружинник, сказал, что со стороны реки что-то движется. Над леском птицы кричат и треск громкий идет. Может, опять эти мохнатые демоны?

Мартын, прерванный на полуслове, недовольно поглядел на него, на Виктора и сердито велел паники не устраивать, а на всякий случай выдвинуть самострелы.

Бритоголовый исчез, а через минуту в шатер вошел Борис.

— Что тут произошло? — спросил он.

Седовласый маг, хранитель Сармата, подскочил к нему и зашептал в ухо. Борис кивнул и сел на скамью.

— Я был не прав, а Мартын прав, — сказал он. — Нельзя допускать к Правителю первых встречных. И не только чужих. Чем недоступнее Правитель, тем больше уважения.

— Ага! — вскричал Мартын. — То-то и оно! А вы — церемонии, этике-ет! Как же без этого? Тут не то что чужие...

— Он не чужой, — глухим голосом прервал его Сармат. — Это был мой брат.

— Вот оно как! — только и сказал Чуев.

Мартын и бровью не повел, из чего Виктор сделал вывод, что эта новость для него и вовсе новостью не была. Борис казался удивленным, а у Григория так вообще глаза полезли на лоб.

— Прошное хватает нас за жопу в самую неподходящую минуту, — с кривой улыбкой сказал Мартын.

— Да, — кивнул Сармат. — Тогда либо мы становимся прошлым, либо...

— Побеждаем его, — подхватил Мартын, — стряхиваем прах времени с наших ног, и вперед!

Он поднялся с места и возбужденно потряс кулаками. Потом обнял Сармата и похлопал его по спине.

— Ты победил прошлое! — С этими словами он обвел присутствующих строгим взглядом. — Ты доказал свое право на власть. Тебе вверили свои жизни тысячи, а управлять ты будешь миллионами. Теперь я спокоен за державу.

«Где это он нашел державу?» — подумал Виктор. Он знал, что Мартын плохой прорицатель, но все пророчества — дело второе. Надо было обдумать явление брата, взвесить последствия, а времени не хватает. Пора выводить дружину на штурмовые позиции, еще час — и наступят сумерки. Потом, когда все кончится, можно побеседовать кое с кем. Хотя, возможно, и говорить не придется — хранитель ударил сильно, и пленник замолчал навсегда.

Сармат на миг закрыл лицо ладонями, затем встал и грохнул кулаком по столу.

— Что было, то ушло! Начинаем штурм!

И пошел из шатра.

Когда Виктор и остальные вышли вслед за ним, к Правителю уже подвели коня. Сармат вскочил в седло, обернулся к Мартыну, но не успел ничего сказать.

* * *

Со стороны реки, из леса, ломая деревья, с лязгом выползли четыре грязно-зеленые машины, издали похожие на больших лягушек. Затрещали выстрелы, машины окутались сизым дымом, взвыли, загрохотали гусеницами и врезались в обозы.

Крики раненых дружинников были еле слышны из-за надсадного рева машин. На миг Виктору показалось, что это опять какие-то чудовища. И если из леса вдруг вслед за ними вышел бы великан, погоняющий страшных зверей вырванным с корнями деревом, Виктор бы не удивился.

Сармат на коне был виден издалека. Одна из машин развернулась и, давя повозки, пошла в их сторону. Первым схватился Виктор. Он подскочил к Правителю и сдернул его с седла. Вдвоем они покатались на траву, конь заржал и отпрянул.

Пули прошли высоко, посыпалась кирпичная труха. Короткий ствол башни пыхнул дымом, и тут же шатер словно ветром сдуло. Осколки с визгом ударили о стену дома. Тысяцкий Чуев схватился за локоть и выругался — осколок срезал нашивку, лишь оцарапав кожу.

Виктор помог Сармату подняться. Они залегли за бетонной старой трубой. Отсюда было видно, как дружинники разбегаются от машин, пытаясь укрыться в руинах и за деревьями. Закусив губу, Виктор смотрел, как десятками валяются бойцы, скошенные пулеметными очередями. Многие лежали под гусеницами.

Вступили в дело маги. Но огненные шары вреда машинам не причинили. Одна из них вдруг дернулась, встала, двигатель несколько раз взвыл и заглох. Но подобраться к ней было невозможно, башня вращалась, пулеметы никого не подпускали.

— Эх, бензинчику бы немного, — застонал Мартын, — их не магическим огнем надо, а зажигательной смесью!

— Где я возьму бензин? — глухо ответил Виктор.

Дело было проиграно, и дружина в панике разбегалась. Собрать уцелевших и, благо темнеет, быстро отходить, решил Виктор.

Может, через год или два удача будет на их стороне. Кто мог знать, что у казанцев сохранилось столько техники! С этими машинами можно бороться, но для этого нужно время, подготовка.

Отступить, немедленно отступить!

— Отходим, — не то спрашивая, не то утверждая, сказал Виктор Сармату. Правитель, не отрывая глаз от изрыгающих дым машин, хлопнул его по плечу и буркнул: «И как можно скорее».

9

Крики и пальба вдруг стихли. Виктор поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда всматривались Сармат и Мартын.

Среди руин замелькали фигурки в длинных развевающихся плащах, а с деревьев на опушке спрыгнули другие. Плащи оказались просто огромными тряпками. Они легли на смотровые щели машин и ослепили тех, кто ими управлял. Виктор увидел, как откинулся люк ближайшей к ним машины, оттуда высунулась голова и тут же отлетела под ударом клинка.

Машины, что гонялись в руинах за дружинниками, слепо ворочали башнями, несколько раз пальнули наугад, но снаряды ушли в сторону города.

Дружинники опомнились, набежали, вбили бревна между стальными колесами и гусеницами, погнули стволы. Разожгли костры под днищами и выкурили водителей и стрелков.

Неожиданная помощь поразила маршала. Он уже свыкся с мыслью, что позорное отступление неизбежно. И вот теперь чувство облегчения смешивалось с непонятной досадой — все начиналось сначала, а он в глазах Сармата хоть на миг, но дал слабину.

Он вышел из-за укрепления и сделал несколько шагов вперед, вглядываясь в фигурки, оседлавшие боевые машины. Что-то странное было в них.

Бритоголовый воин приложил ладонь ко лбу, заслоняясь от лучей уходящего за реку солнца.

— Господь Кришна! — воскликнул он. — Да это же бабы!

* * *

Сармат восседал на бетонной трубе, как на троне. Мартын и Виктор стояли по бокам, а дружинники и маги двумя рядами составили коридор.

Все изнывали от любопытства, глядя, как неведомые спасительницы медленно приближаются к ним. Сармат с интересом разглядывал стройные фигуры, обтянутые лохмотьями, сквозь

которые розово проглядывала кожа. Длинные волосы выбивались из-под решетчатых полушлемов, скрывающих лоб и глаза.

У Виктора не было сомнений. Судя по тому, как тяжело дышал стоявший рядом Борис, Верховный маг тоже догадался, кто эти женщины.

Еще одна легенда неумолимо наливалась плотью и, надо сказать, плотью весьма аппетитной. Собственно, после того как внезапно Семен Афанасьевич случился атаманом Курбатовым, Виктор невольно ожидал чего-то подобного. Он на своей шкуре испытал закон парности событий. Другое дело, что суматоха внезапной атаки броневых машин мгновенно выбила из головы все отвлеченные мысли. Но вот теперь три женщины легко и быстро идут к ним, и он не сомневался, что это и есть воительницы легендарной Девы, а одна из них, возможно, сама...

Он попытался сосчитать, сколько человек в этом женском отряде, но не смог, их обступили дружинники и, слышался смех, веселые голоса. Виктор заметил, что группы не разбросаны по позициям, а как бы полукругом охватывают ставку. В случае чего — придут на помощь этой троице.

Приблизившись к Сармату, та, что шла впереди, приветственно подняла руку. Сармат благосклонно кивнул.

— Мы благодарны за помощь, — сказал он. — Наши друзья, кто бы они ни были, всегда могут рассчитывать на доброе отношение и защиту. Правда, — добавил он, еле заметно сдвинув брови, — я бы предпочел, чтобы кровавый труд ратника исполняли все-таки мужчины.

Стоявшая впереди женщина протянула руку к шлему и сняла его со словами:

— Да ты, дядя Алан, я вижу, мне совсем не рад?!

«Что-то родственники к Правителю зачастили», — подумал Виктор, а потом пригляделся к говорившей.

Перед ним стояла Ксения, ничуть не изменившаяся. Виктору даже показалось, что она помолодела.

На ликующий рев Сармата сбежались дружинники, а соратницы Ксении как-то незаметно вдруг оказались рядом. Одна из них дышала в затылок Виктору.

Когда шумная радость Сармата несколько приутихла, Ксения высвободилась из его объятий. Взгляд в сторону Виктора — у него вдруг заломило левую бровь, он прикоснулся пальцами ко лбу. Ксения улыбнулась, кивнула Мартыну, который, непонятно отчего, насутился.

На Бориса было страшно глядеть. Верховный маг подобрался, как духовост перед броском, ноздри его раздувались, а лицо побелело. Он оттолкнул стоявшего рядом дружинника и подскочил к Сармату.

— Надеюсь, ты не будешь отрицать, — прошипел он так, что Мартын и Виктор невольно взялись за рукоятки мечей, а дружинники из охранения подались назад, — ты не будешь отрицать, Правитель, что это и есть та самая истребительница лучших наших людей...

— Постой, постой, — примирительно поднял руку Сармат, но Борис перебил его и продолжал голосом, полным ненависти:

— Нет, теперь ты постой! Всей силой своей мы служили тебе и все отдали тебе. Она же, — длинный указательный палец пошел сначала вверх, а потом криво устоялся в Ксению, — она же убивала! Подло, злодейски, коварно убивала твоих бойцов...

— Нет, ты все-таки постой! — загремел Сармат, не замечая, как все ближе и ближе стягиваются маги в полосатых одеяниях, как неуютно озираются дружинники, а воительницы ловко проскользнули мимо охраны и взяли Ксению в кольцо.

Борис замолчал. Ксения же с легкой улыбкой смотрела на Виктора, а потом сорвала травинку и завязала ее узлом. Виктор поверх голов нашел Чуева и подал ему знак опасности. Чуев исчез, но тут же из укрытий вылезли бойцы, подошли арбалетчики.

Поход, осада — все стало безразличным Виктору. Главное — предотвратить свару, не допустить, чтобы маги причинили Ксении боль, а если для этого надо будет применить силу, то он применит ее. Пока Сармат укорял Бориса за невыдержанность, пока он добродушно вопрошал Ксению, впрямь ли она устроила охоту за его ребятами, а если да, то почему, и, не дождавшись ответа, предлагал не кричать криком, не позориться, а сесть и спокойно разобраться, потому что он никогда не поверит, что Ксения замыслила ущербное ему дело, — здесь Ксения кивнула, соглашаясь, а Борис сжал кулаки, и вот, пока он так говорил, подошли дружинники, сотники пошептались с Чуевым и разбежались по отрядам.

Заметив, что бойцы взяли арбалеты на изготовку, Виктор сделал несколько шагов вперед и оказался возле Ксении и

Бориса. Правитель устал от увещеваний и взглянул на него, переводя дух и остановившись на полуслове.

— Правитель велел не ссориться, — негромко сказал маршал. — Стало быть, всем разойтись по местам. За непослушание — кара! — И он показал на ряды арбалетчиков.

Четыре мага встали спиной к спине и вскинули руки. Среди воительниц тоже произошло движение, и невесть откуда у многих появились небольшие арбалеты. Одна из женщин сделала шаг за спину Бориса и уперла в его поясницу короткий черный дротик.

Все замерли. И тут тишину прервал смех Ксении.

— Твои вояки, дядя Алан, смелы только против нас! — сказала она, оборвав смех. — Признайся, вы же собрались отсюда уносить ноги, и у твоих ведьмаков силушки оказалось маловато...

— Сама ты ведьма! — вскипел Борис.

Сармат махнул на него рукой, улыбнулся. Смертельное противостояние кончилось сварой, скандалом. Пусть ругаются, целее будут.

— Вот что, — вдруг заговорил Мартын, — вы как хотите, а я здесь больше оставаться не хочу. Место уж больно бойкое. Слишком много встреч. Скоро здесь соберутся все живые, да и не только живые... Я поднимаю свою тысячу, надо отходить.

— Сначала я взгляну на укрепления, — властно сказала Ксения, — а потом решим, что делать.

Мартын с изумлением посмотрел на нее и покачал головой.

— Вот это правильно, — обрадовался Сармат.

Они прошли узкой тропой между домом и нагромождением старых разбитых бетонных труб. Мартын шел рядом с Виктором и бормотал о том, что люди, словно волны в кадке, вот разбежались в стороны, будто навсегда, ая весь мир-то умещается в ободьях, и вот сбегаются снова к середине, к месту встречи.

Вышли к передней линии. Дружинники прятались за бугорками, остатками кирпичной кладки, за рядами больших корзин с землей и песком.

Ксения окинула взором ряды насыпей, посмотрела вверх, в темнеющее небо, и негромко бросила:

— И с этой гнилью вы так долго ковырялись? Гони ты их в шею, дядя!

Борис даже не вспылел. Он улынулся, и тут Виктор испугался за Ксению.

— Не тебе, рыжая, гнать нас в шею, — ласково сказал маг. — Вот город, бери его, он твой.

— Да я и без тебя вижу, что он мой, — пробормотала Ксения, не поворачиваясь к магу. — Вы заигрались со своей силой...

— Что ты имеешь в виду? — нахмурил брови Сармат.

— Они расточают, распыляют душу вещей, — почти шепотом сказала Ксения, — а ее просто надо выпустить, но освобождение души вещей требует большего могущества.

Несмотря на шепот, Борис услышал ее слова.

— Так освободи! — ледяным голосом предложил он. — А мы посмотрим.

— Ну, смотрите же, — вздохнула Ксения и, вытянув вперед указательный палец, тихо сказала: «Раз!»

Вершину ближней насыпи разметало, словно труху ветром. Беззвучно поднялись и закружились в воздухе бревна, камни, взлетели бетонные плиты и, мягко ухнув, осыпались на траву.

«Два», — опять прошептала Ксения, направив палец на соседнее укрепление.

На этот раз вершина просто исчезла — поднялся столб дыма, обернулся смерчем и ушел в сторону города, встреченный там криками ужаса.

И тут она громко выкрикнула: «Три!» и неуловимо быстро крутанула пальцем над головой. Секунду или две ничего не происходило. Увидев ее побледневшее лицо и капли пота, выступившие на высоком лбу, Виктор подумал, что сила оставила ее. Но вдруг пыльные, дымные столбы с гулом встали по всему кольцу укреплений, опоясывающих город, и он понял, что ворота на Казань открыты.

— Сигнал к атаке! — крикнул маршал тысяцкому Чуеву.

Запел рожок, штурмовые колонны пришли в движение, кавалерия вырвалась вперед и с молодецким гиканьем и посвистом уже была у стен, когда рухнули щиты и в поле вырвалась пара мохнатых чудовищ.

Маршал громко выругался. Пока ратники добегут до укрытий, да пока развернутся повозки с самострелами, народу поляжет немало.

При виде огромных медведей Ксения и бровью не повела. Только услышав вопли разбегающихся дружинников и испу-

ганное ржанье коней, устало вздохнула и подала знак своим амазонкам. Одна из них, высокая плечистая воительница, сорвалась с места и, ловко перепрыгивая через рвы и плетни, побежала вперед.

— Сумасшедшая, — негромко сказал Чуев, но при этом вопросительно глянул на Ксению.

Мартын, искоса поглядывая в поле, о чем-то говорил с Борисом, но вот и он застыл с раскрытым ртом. Сармат же хладнокровно наблюдал, как воительница, добежав, оказалась рядом со зверем, еще миг — и она оседлала его.

Медведь заревел, поднялся на дыбы, но вдруг спокойно опустил лапы и затрусил к городу. Второе чудовище в это время гонялось за конем без седока. Но вот и этот зверь остановился, недоуменно посмотрел вслед усмиренному сотоварищу. Помотав головой, слабо хрюкнул и последовал за ним.

Крики на стенах усилились, вспыхнула и тут же смолкла пальба, а потом из окна уцелевшего многоэтажного дома высунулась палка с белой простыней на конце, и наступила тишина.

Виктор не мог даже вздохнуть с облегчением. Да, победа! Но если бы не Ксения... Неожиданные встречи сулят новые заботы. Хорошо, что Ксения жива, помнит его. Он перевел взгляд на сбившихся в стайку магов и увидел Бориса. Виктор вздрогнул. Он впервые увидел страх в глазах Верховного мага.

Много позже он вспомнит этот взгляд.

Часть пятая

**ВОСХОЖДЕНИЕ
НА ГОЛУЮ ВЕРШИНУ**

На посыпанной желтым песком, хорошо утопанной тренировочной площадке было шумно. Военный наставник Белов показывал молодым дружинникам работу с боевым цепом. Тяжелые палки, соединенные толстым сыромятным ремнем, так и мелькали вокруг наставника, со зловещим свистом рассекая воздух.

Безусый воин крутанул цеп, подражая наставнику, но прием не вышел — он огрел себя по спине и выронил палки, стиснув зубы от боли. Стона, однако, не издал и даже не выругался. Белов внимательно посмотрел на бойца и еще раз повторил движение, на этот раз медленно, чтобы юноша запомнил хитрый поворот кисти.

Боец почесал ушибленное место, пошевелил кистью, а потом вдруг ловко закрутил цеп.

— Молодец! — похвалил наставник. — В спину всегда бьет только собственная глупость.

Затем он обвел взглядом дружинников и подозвал к себе одного из опытных бойцов. Через минуту тот уже пытался достать его двумя крюками, а наставник показывал, как от крюков отбиваться доской или веревкой, а напоследок в прыжке обхватил нападающего

ногами и уложил его на песок. Дружинники загомонили, засмеялись...

Виктор сидел под легким навесом и следил за тренировкой. Всю последнюю неделю он изнывал от безделья и придумывал себе заботы. Он тоже обратил внимание на молодого дружинника и велел Егору присмотреться к нему, испытать в бою, а там, подучив, взять в особую сотню.

Всего месяц прошел после казанского сидения, а казалось, что год. Дневные хлопоты не спасали, время тоскливо тянулось, а он все ждал вечера, чтобы на застолье у Сармата снова увидеть Ксению.

Он не мог понять, какие чувства в нем так густо бродят. Иногда спозаранку приходила мысль, что старый огонь давно погас, но в сумерки угли раздувались, он не находил себе места, и ноги сами вели в Малый зал, где обычно вечерял Правитель.

Покои Ксении были двумя этажами выше. Там держали стражу ее воительницы, неподкупные, суровые и на посту шуток не понимающие. Впрочем, после службы они отмякали — бабы, как бабы. У многих бойцов закрутились сердечные дела с женским пополнением дружины.

Сотник Евсей тонко уловил настроение маршала и сразу же по возвращении из похода стал не только докладывать ему о делах и нуждах, но и исправно пересказывать все слухи, сплетни и пересуды, кочевавшие с этажа на этаж. Приятели Евсея с кухарского крыла знали все про всех обитателей Хором, а чего не знали, то домысливали.

Поговаривали о том, что Ксения нрава строгого и вольности к себе не позволяет, а особо проницательные добавляли, что никто с вольностями к ней и не подступает. О старой связи Виктора забыли, а кто помнил, тот помалкивал. Мало кто остался из саратовской гвардии. Впрочем, те мимолетные дни порой и ему казались полузабытым сном.

В тяжелую для него минуту явилась Ксения, и пришла победительницей, исполненной силы. Но тогда, под Казанью, на миг показалась чужой, незнакомой женщиной. И если бы не взгляд, от которого заломило бровь...

На самое простое: подойти к ней, обнять за плечи, напоминая о минутах близости, он почему-то не мог решиться. Да и Ксения во время мимолетних встреч порой впивалась в него взглядом, а еле уловимое движение губ словно предупреждало об опасности. Он хотел поговорить с ней наедине. Увы, никак не выходило. Сармат плотно взял ее под свою опеку.

Шум на площадке усилился. Два бойца с алебардами насакивали на Белова, бешено размахивая лезвиями, обмотанными войлоком. Наставник уворачивался, перепрыгивал через древка, а когда его чуть не прижали к навесу, где сидели Виктор и Егор, подпрыгнул высоко в воздух, на лету захватил цепом алебарду и вырвал ее из рук нападающего. Перелезев через навес, мягко опустился на ноги и отшвырнул в сторону алебарду.

— Я так никогда не смогу, — завистливо сказал Егор. — И годы не те!

— Белов старше тебя лет на двадцать, — ответил Виктор, взяв с тарелки горсть засахаренных вишен. — А то и больше. Возраст ни при чем.

— Это да-а, — протянул Егор. — Нам бы еще пяток таких наставников, и остальных тогда на покой. А дружину через полгода можно будет посылать в пекло за угольками.

— Где я тебе еще возьму наставников? — сердито спросил Виктор, шевеля липкими пальцами. — Белов сам пришел. И не к нам. Скажи спасибо Семену Афанасьевичу!

Атаман Курбатов на удивление всем выжил. Говорить, правда, долго не мог, шептал хрипло, да больше спал, оправляясь после тяжелого ранения. Когда дружина вернулась в Москву, к нему началось сущее паломничество. Всяк хотел посмотреть на живого или, как он пошутил, чуть оклемавшись, «пока живого» грозного атамана. Лекари с ног сбились, гоняя дружинников, а те норовили сунуться к старику с гостинцами через дверь или окна лазарета. Потом объявился Белов, невысокий беловолосый и совершенно неприметный человек, который незримо прошел сквозь кордоны и заставы, невесть как проник в Хоромы и, словно не стражники, а чучела стояли на всех этажах и коридорах, возник у ложа атамана.

Неделя всего прошла, как вернулись из похода. Рана на шее нагноилась, старик метался в жару, бредил. Белов сел на пол у изголовья, долго шептал что-то на ухо, гладил больного длинными пальцами по вискам, и тот постепенно затих, успокоился, а через день медленно пошел на поправку.

Заметили, крикнули стражу, набежала охрана вязать незнакомца, но тот спокойно, мягко повынимал из их рук мечи и арбалеты и негромко объяснил сотнику, что он друг Семена Афанасьевича и вот пришел проведать, зла ли на кого не име-

ет и вреда никому причинять не желает, а хорошо бы еще ему с начальством поговорить, может, от него какой прок будет...

В ответ на эти речи сотник полузадушенно мычал, поскольку шея его была зажата между двумя пиками, отобранными у его бойцов. Незнакомец говорил ласково, пинками отшвыривая от себя дружинников, норовящих кинуться на него со спины.

Наконец сотник с трудом высвободил шею и велел всем уgomониться.

Незнакомец прошел с сотником к Евсею, после краткого разговора тот, минуя Егора, сразу привел его к маршалу.

Так Белов оказался в дружине. Откуда узнал о ранении своего атамана, как за неделю добрался сюда из-за Каспия, об этом не говорил, только похмыкивал и отводил глаза. Сказал лишь, что верные люди ждут Курбатова, готовы по сигналу подняться, но мало их, очень мало осталось. Все равно уходить придется, так хоть память о себе оставят.

Виктор представил себе, какую память оставит одичавшая и отчаявшаяся горстка людей, день за днем тратившая силы и кровь на выживание и борьбу с морем вражды, и содрогнулся. Наверно, это тот случай, когда надо просто уйти, если невозможно найти общий язык, как-то договориться. Но он понимал, что Белову об этом говорить нельзя, да и не поймет он, годами живущий набегами и отражением набегов.

Место пришельцу нашлось сразу, как только он показал свое искусство. Вскоре Евсей сообщил, что Белов пытался выведать у дружинников, кто ранил его командира да куда делся обидчик, но ничего вразумительного не услышал, потому что никто ничего не ведал. Жив тот пленный или нет, неизвестно было и Виктору. Одно знал: на следующий день, после того как дружина вошла в Казань, пленный, живой или мертвый, исчез из обоза. Тысяцкий Егор глухо намекнул, что, мол, кое-кому, возможно, не хотелось иметь при себе такое напоминание о прошлом, но Виктор цыкнул и велел ему нишнуть. В семейные дела Правителя лучше не со-ваться.

Сегодня или завтра вернется Мартын со своей тысячей, вспомнил Виктор, и мысль эта немного развеселила. В последнее время у них с Мартыном заладились отношения, и если раньше все было как-то недосуг просто сесть и между пере-менами вин вести пустой разговор, то после болезни Сармата Мартын стал все чаще заходить к Виктору. А маршал велел

дружинникам нести всякую найденную книгу Мартыну, тот давно собирал старую печать.

Тысячу оставили в Казани, помочь Сафару навести порядок. Через неделю уже пришла весть, что дел никаких нет и не предвидится, народ спокоен, даже казиат после некоторого размышления смирился и признал Сафара правителем. Мартын советовал не оставлять там гарнизон, Сафар уже набирал свою дружину.

Кое-кто из тысяцких и советников ворчал, сулили в будущем неприятности, если оставить казанцев без догляда, но тут Сармат был непреклонен — пусть даже Сафар войдет в большую силу и будет себе голова, лишь бы с Тураном не заигрывал и на юге держал границы. В том, что Сафар не переметнется, он был уверен. Не так давно туранские лазутчики пытались отравить Сафара, жена и отец умерли на его руках в жестоких мучениях.

Словом, на ближайшие годы Итильский каганат становился союзником. Но сейчас Виктору было плевать на все эти великие дела.

Почувствовав, что ноги затекли, Виктор встал и пошел к реке, размяться. Невслышной тенью скользнул за ним Иван. Богдан, с упоением следивший за борьбой на площадке, недовольно заворчал, но затопал следом, все время оборачиваясь назад.

— Насмотришься еще! — сказал ему Виктор.

Он хотел было оставить парня на площадке, но идти только в сопровождении Ивана не хотелось. В последние дни маг сильно осунулся, щеки пожелтели и впали, а глаза словно были обведены траурной каймой.

За мостом, у «оленьих рогов», стража резалась в кости. Завидев маршала, вскочили, один из дружинников наступил на кустики.

— Посмотри, что выпало! — велел маршал.

Дружинник с виноватой улыбкой отвел носок.

— Две пятерки! — весело сказал он.

Второй стражник, растерянно глядя на Виктора, повертел в руках монету и отдал ее выигравшему.

— Десять нарядов в ночную смену, — коротко бросил маршал, а потом, глядя стро-

го, присел, повертел в ладони кости, хитро усмехнулся и незаметно тронул липким пальцем единички.

Метнул.

— Две шестерки! — ахнула хором стража.

— То-то! — назидательно сказал Виктор, отобрал у дружинника монету.

И пошел дальше.

Бойцы проводили его взглядом.

— Стояк! — уважительно пробормотал проигравший. —

А мог и в зубы дать...

Чуть поодаль молодые дружинники под присмотром сотника рубили кустарник, прокладывая дорогу к подземным гаражам на Солянке, недавно обнаруженным и раскопанным. Еще до похода Виктор заглянул в темную пещеру, уходящую в глубь холма. При свете факелов он увидел ряды моторов, на вид целых, но стоило прикоснуться, как они рассыпались трухой. Все прогнило! Впрочем, в одном из отсеков нашли штабеля нержавеющей труб. Умельцы из оружейных мастерских, прознав, возбудились и потребовали трубы себе. И вот теперь наконец дошли руки и до них, подводы уже снаряжены, осталось прорубить дорогу.

Кустарник рос густо, здесь часто прогоняли скот, вытаптывавший все по пути.

Виктор понаблюдal немного, как дружинники, молодецки ухая, размахивали большими секачами. Затем пошел вперед, к полуобвалившейся церкви. Сотник что-то крикнул предостерегающе, но Виктор только плечом дернул.

Одна из стен рухнула, но каким-то чудом храм еще стоял. Нависали в воздухе сомкнутыми ладонями арки и своды, две колонны смотрели прямо в небо сквозь обвалившийся купол. Внутри было чисто, старый кирпич давно вынесли и приспособили для строительных нужд. Николай порывался даже снести все, что осталось, и пустить камень на ограждение Хором. Но воспротивился Сармат, и не потому, что жаль было, просто не видел толка в стене. Если врага подпустим к дому, то никакие стены не спасут, сказал он, и Николай согласился. Впрочем, он во всем соглашался с Правителем.

Виктор иногда приходил сюда. В сумерках после трудного дня хорошо отдыхалось, сидя на возвышении. Он не знал, что когда-то место это называлось алтарем, а если бы и узнал, то остался равнодушен — старые имена ему давно ничего не говорили.

Порой странные мысли и воспоминания посещали его. Непонятное сожаление о некоей забытой, утерянной тайне, тщетные потуги вспомнить родных, отца. Но ничего не осталось, кроме больших рук, что держали его, поднося к дереву, украшенному разноцветными огоньками. И еще вспоминался запах, вязкий незнакомый запах. Недавно, когда он в полумраке всматривался в древние истлевшие машины на колесах, ему показалось, что от угрюмых угловатых конструкций исходит именно тот запах.

Он недолго оставался в разрушенной церкви. Вскоре покой сменялся неясной тревогой, и она гнала его прочь, выталакивала... А однажды, когда закрыл глаза и привалился спиной к колонне, ему вдруг послышались слабые голоса, далекое пение и постепенно смолкающий гул большого скопления людей.

Сейчас он стоял у колонны, смотрел вверх, но днем тут все было обычным.

Близ набережной он заметил движение. Две вонительницы, склонившись низко к траве, высматривали что-то.

Виктор неслышно подошел.

— Здесь не бывает змей, — сказал он весело.

Девушки выпрямились, одна из них глянула остро, и Виктор подумал, что она похожа на... Как же ее звали? Глаза такие же и волосы. Глупая смерть у подножия Бастиона...

— А, маршал, — узнала та, что была постарше, и приложила два пальца к виску. — Какие будут распоряжения?

— Никаких, — ответил Виктор. — Что ищем?

— Вот, — показала молодая, ткнув себе под ноги, — железка.

В глубокой колее, проложенной недавно телегами, виден был округлый кусок металла. Молодая вонительница ковырнула носком сапожка землю — обнажилась еще часть железки.

— Это рельс, вот это что, — сказал Богдан. — Я такой недавно видел. Застава на Курской дороге из рельсов сложена, а поверх земля насыпана...

Богдан подробно, в деталях, рассказал, как в прошлом году они с маршалом проверяли заставы, да как прямо у него из-под коня дуохвост порскнул, чуть его не скинул, а маршал спас, ухватив за шиворот. Виктор, посмеиваясь, не мешал хранителю трепаться. Богдан разошелся и поведал, как маршал в одиночку рубился с сотней врагов и всех до одного поубивал. Тут Виктор хлопнул хранителя по плечу и велел

замолкнуть. Все это время Иван отводил глаза, а воительницы его словно и не замечали.

Два дня назад Виктор был свидетелем тяжелого разговора Бориса с Сарматом. Маг пугал Правителя неизбежными распрями между его людьми и воительницами Ксении. Он вопрошал, кто отомстит или искупит кровь невинно погубленных магов, взывал к здравому смыслу Сармата — ведь беспричинная ненависть этих сумасшедших баб к магам легко может смениться ненавистью к нему, Правителю. Сармат отвечал вяло, советовал не горячиться, а сесть всем вместе и обсудить расклад, что же касается вражды беспричинной, то мало ли кто из людей Бориса мог обидеть Ксению или кого из ее подручных, а бабы — они народ злопамятный и мстительный, лучше с ними помягче. А когда Борис намекнул, что всякое может стрястись, в том числе и несчастный случай, Сармат вскинулся и спросил грозно, уж не его ли ждет означенное несчастье. На это Верховный маг кротко отвечал, что ни в коем разе, но как он может поручиться за кого-либо из своих, если тот встретит в темном месте одну из удалых шлюх этой ведьмы.

Разговор шел у окна. Виктор сидел на скамье, спиной к ним, и даже вздрогнул от свистящего шепота Правителя, велевшего Борису никогда впредь Ксению ведьмой не называть. А что касается несчастного случая, продолжил Сармат вполголоса, миролюбиво, ты же знаешь, бойцы в девах души не чают. Случись что, кто их удержит? Как начнут магов на смоленные рожна брать, ха-ха!

Борис еле слышно пробормотал что-то, Виктор расслышал только слово «пророчество». Сармат негромко засмеялся, и Виктор обернулся на этот смущенный, даже виноватый смех, столь непривычный в устах Правителя. Надо ли обращать внимание на старые байки, сказал примирительно Сармат, да мало ли что он наговорил в бреду. Так старые байки или бред, въедливо спросил Борис, и при чем здесь бред, о пророчестве известно давно... «А вот это не твое дело!» — прорычал Сармат, а затем объявил, что все свободны.

Виктор не понял, о каком пророчестве идет речь. Не это его волновало. Стало ясно, что Сармат прикипел душой к Ксении, а разговоры о том, что пора, мол, Правителю обзавестись Правительницей, Сармату известны, и разговоры эти он не пресекает, а, может, даже и поощряет. Виктор гнал мысли о Ксении, но стоило встретить любую женщину, как невольно ее вспоминал.

И сейчас, глядя на воительницу, заметил, что у старшей волосы густо лучатся во все стороны, а у второй, когда она смеется, ямочки на щеках точь-в-точь как у их предводительницы. Наверно, подумал он, если выстроить бабье воинство, то в каждой обнаружится хоть крупница схожести с Ксенией, и случись что с ней, не пропадет, а незримо составится, соберется вновь из этих частиц. Мысль пришла неожиданно, была странной и тут же, впрочем, забылась.

— Как вас зовут? — спросил он.

Младшая открыла рот, но под взглядом старшей осеклась, пожала плечами и виновато улыбнулась.

— Ну ладно, — пожал плечами Виктор и пошел вдоль берега. Воительница молча смотрела ему вслед, потом снова нагнулась и ножнами меча принялась ковырять землю.

Имен своих не открывали. Дружинники немного поудивлялись, а потом свыклись, дали прозвища, чтобы различать. На прозвища девы откликались.

Звонко плеснула хвостом большая рыба, круги пошли к берегам. Постояв над водой, Виктор пошел обратно, мельком глянул на раскиданную землю — воительницы отрыли почти два метра рельса и теперь копались в стороне.

— Второй ищут, — пояснил Богдан, — их два должно быть. Или три? — задумался он.

Виктор вздохнул. Когда-то по рельсам ходили поезда и он даже ездил в них. И не так давно. Но он почти забыл, а эти ребята и вовсе не помнят, может, и не видели даже.

В Хоромы он вернулся усталый, как после долгого пешего перехода. Повалился на кровать, а пока Богдан стаскивал сапоги, велел Ивану принести вина.

Когда Иван вошел в спальню, то увидел, что маршал спит, тихо похрапывая, а Богдан грозит пальцем, чтоб не будил. Эта картина так поразила мага, что он чуть не выронил кувшин, — спящего днем Виктора он никогда не видел, да и вообще дневной сон казался ему грубым извращением. Маги спали не более трех-четырех часов в сутки.

Виктор спал тяжело, погружаясь в муторные вязкие сны. Мелькали незнакомые лица, преследовали карлики с выпученными глазами, а потом появилась Ксения и повела его, как маленького, за руку по темному страшному коридору к светлому проему далеко впереди...

Проснулся он в сумерки с тяжелой головой. Взглянул на водяные часы и осипшим голосом кликнул Богдана.

Появился Иван, негромко сказал, что Богдан отлучился ненадолго, обещал скоро вернуться.

— Распустил я вас! — проворчал Виктор, натягивая сапоги.

Маг ничего не ответил. Стоял, упершись тяжелым взглядом в пол.

Виктор поднялся с кровати и взялся пальцами за виски.

— Голова болит!

Иван кивнул, осторожно повел ладонями у затылка маршала, посопел, бормотнул скороговоркой неразборчиво, коснулся холодным пальцем мочки уха. Чуть полегчало.

— Все равно болит, — раздраженно сказал Виктор.

Обычно маг снимал легкую хворь за считанные секунды, а если не мог сладить, то, значит, серьезная болезнь пришла. Так, однажды маршал запустил простуду, а потом валялся неделю в кровати, гонял чай с малиной, потел до омерзения, и хоть Борис прислал пару сильных магов, но и они вместе с Иваном на ноги его не сразу поставили. Ну а у лекарей от простуды средство одно — липовый цвет, медовый чай да малина.

Вот и сейчас Виктор чувствовал, что головная боль не ушла, а затаилась. Стоит сделать резкое движение, напрячься, повысить голос, как она вернется.

— Плохо лечишь.

— Не могу найти точку, — ответил Иван, — сбиваюсь, сосредоточиться трудно. Последнее время...

Виктор махнул рукой, и маг замолчал. Наверно, на воительниц будет жаловаться, решил Виктор. Маги сейчас все какие-то взъерошенные, ходят вдвоем-втроем, от дев нос воротят.

Из-за окна донеслось слабое пение рожка, ему ответил другой, раздались крики.

Мгновенно забыв про головную боль, Виктор подскочил к окну. К мосту колонна за колонной подходили ратники, развевались флажки на копьях, набежавшая детвора облепила всадников, те подхватывали ребятишек и сажали к себе, а перед колонной гарцевал на вороном коне Мартын в малиновой куртке. Словно разглядев в окне Виктора, он сорвал с головы берет и приветственно помахал, глядя вверх.

Колонна свернула к казармам, а Мартын обогнул ее и проскакал ко внутреннему двору Хором.

Вскоре прибежал вестовой от Сармата и сообщил, что Правитель ждет маршала на Сбор.

У двери в зал Виктор догнал Семена Афанасьевича, тот, осторожно держась за стены, пробирался вперед.

— Совсем плохой стал, — просипел старый полковник. — Вчера чуть не грохнулся.

Стражники при виде старика вытянулись. Виктор пропустил его вперед, тот поупирался, бурча про субординацию, но все-таки прошел первым и уселся поближе к камину.

— Семен Афанасьевич, дорогой! — вскричал Мартын, подойдя к старику. — Выжил, молодец какой! Я так рад...

— Я, знаешь ли, тоже! — усмехнулся старик.

Вошел Сармат. Старый атаман, кряхтя, поднялся с лавки, приложил ладонь к своей немисливо измятой фуражке с потрескавшимся козырьком и снова сел. Сармат ласково покивал ему, спросил о здоровье и, не дожидаясь ответа, велел всем садиться, а Мартыну докладывать.

— Докладывать, собственно, нечего, — с легким смешком сказал Мартын. — По дороге никого не потеряли. Десяток бойцов животом ослабли, кислых яблок наевшись, так ничего, довели в обозе. Хотя и слабило их очень...

— Что ты мне о своих засранцах, — удивился Сармат. — В Казани-то как дела?

— Хорошо. Сафар крепко сидит, — тут Мартын задумался, выпятил нижнюю губу, — помочь бы ему, десяток магов туда, пусть местных научат огонь метать.

Николай, до той поры тихо и незаметно сидевший в углу, встал и подошел к столу.

— Я вот что скажу, ребяташки, — начал он своим мягким голоском. — Оно, может, сейчас Сафар нам друг, да мало ли, как дело обернется. Мы своих чудесников, — поклон в сторону Бориса, мрачно стоявшего у заложенного кирпичом окна, — беречь должны. Пусть басурмане железки до ума доводят, глядишь, и нам они сгодятся. Так что я полагаю — ни к чему это.

И он вернулся на место. Виктор готов был согласиться с Николаем. Старый хитрый Боров понимал, что, займем казанцы к своей боевой технике еще и магов, великие дела могут завертеть и еще неизвестно, кто у кого в меньших побратимах ходить будет. Оно, конечно, где маги, там сложным машинам карачун выходит, но события последних месяцев показали, что и на эту закавыку есть управа. Обмажут броневые моторы смолой, и вперед!

Но не все было просто, и поэтому Виктор молчал. Согласиться с Николаем — значит обидеть Мартына. Ведь Сафар

ему приходится старым дружком, еще с саратовских времен. Мартын подобрал его, раненного во время облавы, и выходил мальчонку. Потом нашлась его родня, многочисленная и сильная, и у Мартына были с ней хитрые расклады. Виктор помнил, что несколько раз приезжал Сафар со своими людьми — шум, веселье, подарки. Умный тонкий Сафар понравился Правителю, и, когда началась большая политика, не один тайный гонец ушел на Волгу, обвешанный мешочками с золотом.

Мартын внимательно посмотрел на Николая, заговорил медленно, лениво цедя слова. Он высоко ценит Николая, лучшего управителя ему не доводилось встречать. Но державные интересы не надо путать с хозяйственными нуждами. Конечно, свое добро надо беречь, но если вовремя не поделиться с друзьями, то придут враги и отберут все.

Борис усмехнулся и поблагодарил Мартына за то, что он сравнил его с домашней утварью, на что Мартын попросил не толковать его слова превратно. Дело в том, продолжил он, что в последние дни, перед тем как его тысяча вышла из Казани, были задержаны туранские лазутчики. На допросе пересудствовали, а то и нарочно их придушили, чтобы не сболтнули чего лишнего. Вокруг Сафара сейчас много людей толпится, и сколько из них на юг поглядывают, неизвестно. И неизвестно, кстати, что там, в Средней Азии, делается. А ну как подтвердятся старые страхи?

У Верховного мага неприятно дернулась щека. Виктор догадался, о чем тот подумал. В прошлом году много разведчиков послали в те пределы, но сгнули, пропали, исчезли они. Вернулся только один, оглохший, почти слепой и повредившийся в уме. Твердил непонятное: «Сухой огонь, сухой огонь», а потом началась у него горячка, и он умер. Виктор сообщил об этом Борису. Он помнил, как вдруг разволновался маг, объявил Большой Круг, собрались почти все маги, а через пару дней повеселевший Борис сказал Виктору, что тревога, как он надеется, ложная и хоть много сил они потратили, но одно ясно — до ближайших морей во все стороны ни одного мага нет, все здесь. Виктор представил себе ночное бдение магов, их поначалу медленное, а затем убыстряющееся кружение, бесконечный хоровод, сходящийся и расходящийся, а в центре извивающихся колец стоит один, всматривается и видит. Или не видит.

— Что маршал скажет? — спросил Сармат.

Виктор не знал, чью сторону принять. И Борис прав, и Мартын. Можно найти тропу посередине, но надо подумать. Он хотел было попросить перенести Сбор на вечер, но тут заметил, что Сармат расплылся в улыбке и смотрит куда-то ему за спину. Легкий скрип двери. Даже не повернув головы, Виктор понял, что вошла Ксения.

Борис равнодушно осведомился у Сармата, можно ли считать Сбор свободным, на что Сармат ответил, что нет, а вход сюда никому не заказан, любой — будь то дружинник или горожанин — может явиться и сказать дельное слово. Ну разве что так, скривился Борис в неожиданной улыбке.

Немного погодя Виктор позволил себе обернуться.

Она стояла у дверей. Длинное синее платье, волосы схвачены желтой лентой. Исчезни сейчас все вокруг, Виктор, наверно, так и остался бы сидеть, глядя на нее, а потом они вместе долго молчали бы у камина. Смутные образы мелькнули у него в голове, но тут он увидел глаза Мартына и стряхнул с себя теплое оцепенение.

Мартын словно окаменел. Он медленно ворочал зрачками, попеременно разглядывал то Ксению, то Сармата. Глаза налились кровью, он шевелил губами, пытаясь сказать что-то, но Сармат уже поднялся с места и, подойдя к Ксении, ласково предложил ей сесть, а потом, обращаясь ко всем, заметил, что Борис, конечно же, прав, вечером Сбор будет продолжен, а пока все свободны.

Верховный маг темным призраком пересек узкий солнечный луч, шедший из бойницы, в дверях обернулся, но ничего не сказал. Тысяцкие вышли следом, а Николай умиленно поглядывал на Сармата и Ксению, благостно сложил руки на животе и замурлыкал легкомысленный мотивчик. Потом хлопнул себя по лбу и со словами «все забыл, дел же невпроворот» быстро удалился. Мартын же сидел, положив на столешницу кулаки, и смотрел перед собой. Резко поднялся, чуть не опрокинув скамью, и, топоча ногами, пошел к двери. Сармат, не обращая внимания, сказал Виктору, что вечером, после Сбора, неплохо бы посидеть, вспомнить дни былые. Голос был просительный. Ясное дело, обращается и к Ксении. Виктор кивнул, соглашаясь, но Ксения развела руками и посоветовала на хлопоты.

— Какие еще хлопоты? — удивился Сармат. — Ты только скажи, людей пришлю, все сделают. Горожанок можно позвать.

— Да нет, дядя Алан, с этим только я справлюсь, — улыбнулась Ксения.

Тут Сармат стал ей ласково выговаривать за то, что она его дядей кличет, а не просто по имени, на что Ксения, продолжая улыбаться, сказала, что если он против, то она будет звать его Правителем, а что касается воспоминаний, то их лучше оставить на потом, когда все великие дела будут свершены.

— Еще одна державница на мою голову, — добродушно проворчал Сармат, — вот радости-то Мартыну будет.

Ксения промолчала, а Виктор был уже в дверях, когда услышал странно изменившийся голос Сармата.

— Так, может, я к тебе зайду?

Он осторожно прикрыл за собой дверь и ответа не слышал. Да и не хотел его слышать. Кровь вдруг ударила в голову, он почувствовал, что еще немного — и начнет орать, бесноваться, устроит дикий скандал из-за того, что факелы в коридоре чадят, у стража копье приставлено к ноге, а невыносимо скрипучий пол так и хрустит деревянными шашками под ногами!

Придя к себе, он грубо оттолкнул Богдана, сунувшегося было помочь с застешками, рыкнул на Ивана и велел им сгинуть. Долго стоял у окна, медленно успокаиваясь. А когда он удивился беспричинной вроде бы вспышке, в дверь робко заглянул Богдан и спросил, не угодно ли будет маршалу принять гостя. Виктор не успел ответить, как дверь хранителя отнесло в сторону и в комнату ввалился Мартын.

— Что вы тут без меня накрутили? — громогласно спросил он, вздевая руки к потолку. — Месяц всего не было...

Оглянувшись на застывшего в дверном проеме Богдана, он гаркнул «брысь!» и, когда хранитель прикрыл за собой дверь, подошел вплотную к Виктору, взял за пряжку ремня и чуть приподнял.

— Ты мне скажешь, что здесь происходит? — задышал он на Виктора угрожающе.

— Если не уронишь меня, скажу, — попытался улыбнуться Ксия Виктор.

Мартын медленно выпустил воздух, пробормотал «извини» и отпустил ремень. Виктор уселся за стол и хладнокровно наблюдал, как гость ерошит свою седеющую шевелюру, мечется от стены к стене. Он решил, что разбушевавшийся гигант сейчас расколошматит старую мебель. Но Мартын вскоре притих и упал в кресло. Кресло хрунуло.

— Вина? — спросил Виктор.

— А!.. — раскрыл рот Мартын и с минуту поливал Виктора, Сармата, Бориса, Ксению и всех, кого вспомнил, отборнейшей руганью. Склонив голову, маршал с видом ценителя слушал рулады и загибал пальцы, считая колена хитроумно выстраиваемых матюгов, а когда Мартын иссяк, наполнил старым подольским большой фужер. Мартын зарычал, но тут же всосал вино и утер бороду и усы ладонью.

— Теперь рассказывай, — спокойно сказал он.

— О чем рассказывать?

— Как — о чем? Этому старому хрычу бес в ребро ударил, а вы ему и слова поперек не скажете! Знал бы, что так обернется, ни минуты в Казани торчать бы не стал! А Борис хорош! Глазами только хлопает, ну... — Залп брани сотряс воздух.

Виктор опустил голову, чтобы гость не заметил его смущения. Вот и до Мартына дошли разговоры о брачных потугах Правителя, и Мартын потуги эти не только не одобряет, но и категорически против.

Мелькнула даже мысль, что если Мартын крепко отругает Сармата и посоветует выбросить блажь из головы, то Правитель может послушаться советника. Но мысль эта исчезла быстрее, чем пришла. Старик завелся всерьез. В глубине души Виктор понимал, что сейчас ему не о чем говорить с Ксенией, пять, а то и шесть лет, — громадный срок, сколько за это время у него было женщин, он и не вспомнит, да и она вряд ли коротала ночи в одиночестве. Хотя почему-то тешила его байка дружинок о том, что якобы Ксения к себе мужиков не подпускает, вроде как обет дала. Сейчас его неотвязно влекло к ней, хотя временами он даже удивлялся: что он нашел в этой немолодой женщине? Однако стоило увидеть ее, как начинало ломить бровь и тревожное ожидание неких неизбежных событий томило его. Может, околдовала, подумал однажды всерьез, но голова вдруг так невыносимо разболелась, что впредь подобные мысли он гнал сразу.

Ему были неприятны неуклюжие заходы Сармата. То, что Мартын пошел вразрез, — обрадовало. Тем не менее он невинно спросил Мартына:

— Что ты гноишься? Хорошая партия, с такой Правительницей можно идти дальше земли воевать, она двух или трех сотен магов стоит. Если у тебя есть другие невесты, так ты скажи Сармату, объясни ему, что такое династический брак.

— Та-ак! — смежил веки Мартын и с минуту молчал. — Как же это я забыл! У тебя ведь с ней в Саратове... Ладно, все, ничего не было. — Он поднял ладонь, осаживая вскочившего из-за стола Виктора. — А ты молодец. Кто тебе говорил о династических браках?

— Да ты и рассказывал, — сердито ответил Виктор. — В Саратове.

— А-га! — значительно протянул Мартын.

Он покосился на дверь, на портьеры, нахмурился и, громыхнув табуретом, поднялся.

— Вот что, — он прищелкнул пальцами, — а пошли-ка немного прогуляемся.

— Сейчас велю коней...

— Не надо! Наверх пойдем.

В прихожей Богдан чистил меч. Искоса взглянув на маршала и его гостя, продолжал орудовать тряпкой с наждаком. Пыль летела во все стороны. Заметив, что Виктор собирается выходить, он отложил клинок и выскочил.

— Останься, — коротко сказал Виктор. — А где Иван?

— Вышел, сказал — ненадолго.

«Побежал Борису докладывать о Мартыне», — неприятно подумал Виктор.

На лестничной клетке Мартын почесал бороду и двинулся вверх. Виктор следовал за ним. Через каждые два пролета на площадках под плашками светильников стояли стражники. Никто даже для виду не спросил слова. Виктор решил, что все, хватит, месяц отдохнули после трудов ратных, а с завтрашнего дня он порядок наведет.

На девятом этаже пока никто не жил, но здесь было чисто, прибрано. Часть служб ютилась в тесноте, да и женское пополнение нуждалось в удобном жилье, не в казармы же, а к семейным тем более не годилось.

Выйдя на этаж, Мартын первым делом плотно закрыл дверь. Затем обошел комнаты, стукнул кулаком по щиту, прикрывавшему шахту лифта, и чуть не пробил его.

Осмотрев все помещения, он вернулся к Виктору и сел рядом на широкий подоконник. Молча посмотрел в окно. Сквозь толстое зеленоватое стекло был виден город — редкие серые острова старых домов, выпиравшие из зелени, а ближе к Хоромам уверенно тянутся вдоль новых улиц кирпичные двух-, трехэтажные дома под разноцветными крышами. Строились много, подводы с кирпичом день и ночь скрипели по

Бутырскому тракту. Год назад зелени было больше, подумал Виктор, а потом сообразил, что последний раз смотрел из окна именно год назад, когда внезапно объявился Месроп, чтобы в тот же день исчезнуть.

— Я хочу знать, — начал Мартын, — насколько серьезные разговоры о сочетании Правителя с Ксенией. Не слухи и не предположения, их я сегодня наслушался сверх меры. Скажи прямо — это правда или нет?

— Ты же был на Сборе...

— Стой! Не надо вкривь! Да или нет?

— Я полагаю — да, — нехотя проронил Виктор.

Итак, свершилось! — медленно сказал Мартын, а Виктор почувствовал, что у него холодеет затылок. Что-то зловещее было в печальном и одновременно торжественном голосе Мартына.

— Колесо судьбы совершило оборот, и мы пришли к началу. Или к концу, — продолжал Мартын тихо. — Пророчество исполняется. Но мы остановим рок. Этой свадьбе не бывать!

— Какое пророчество? — спросил Виктор.

— А? Старое пророчество. Сармат как-то спяну рассказ о нем в Саратове. Там много всего было, и почти все сбылось. Во время своей болезни он опять вспомнил. Тебя тогда не было, я и Борис... Да, вот и Борис о пророчестве знает. А может, он еще тогда знал? — бормотание стало неразборчивым, Мартын полузакрыв глаза и шевелил губами.

Виктор терпеливо ждал. Саратовские времена канули в вечность, он уже не тот мальчишка, которого можно завести на трубный зов великих дел.

— Итак? — прервал он молчание.

Мартын вздрогнул и открыл глаза.

— Да, — молвил он и торжественно поднял палец, — пророчество! От семени нашего Сармата некая дева с огненными волосами родит последнего человека.

— И что?

— Не знаю. Если верить предсказанию, сей роковой младенец станет Великим Освободителем и выпустит душу вещей на волю. И тогда всему конец.

— Бред какой-то! Ты веришь в эти сказки?

Мартын пристально посмотрел Виктору в глаза и покачал все еще вздетым пальцем.

— Вот ни на столько! — показал с этими словами мизинец. — Но тем не менее я сделаю все, чтобы их кровь не соединилась. Чего бы это мне ни стоило!

— Сармат очень удивится, — сказал, усмехаясь, Виктор, — когда ты вступишь к нему на брачное ложе и примешься спихивать его с невесты.

— Мне не смешно, — шепнул Мартын, — мне страшно.

— Но почему? — так же шепотом спросил Виктор, ощутив вдруг легкий озноб.

— Да потому, что она — это новая сила. Трон Правителя тесен для двоих, а она не похожа на скромную спутницу жизни. Она подомнет Сармата у нас на глазах, а мы слова не успеем сказать, — еле слышно проговорил Мартын.

— И когда ты это понял? — со внезапно проснувшимся подозрением спросил Виктор. — Не Борис ли об этом тебе нашептал, когда ты в Казани всю ночь провел у него в шатре?

— О чем ты говоришь? — с досадой поморщился Мартын. — При чем здесь Борис? Магов, кстати, мы еще смогли обуздать, а вот Ксения с присными нам не по зубам. История знает примеры, когда расцвет империй приходился на царство женщин, но меня это не устраивает. Лично меня, понимаешь? Пусть они родят самого распоследнего человека, но если воспитание наследника не будет совершено должным образом, то труд наш пропадет втуне, расточится прахом. А сильная женщина не сможет воспитать сильного мужчину.

Доводы Мартына не показались Виктору убедительными. Он пожал плечами.

-- Все это очень сложно, — а потом усмехнулся и в полный голос спросил:

— Что это мы с тобой шепчемся, как заговорщики?

— А мы и есть заговорщики! — с готовностью пояснил Мартын. — И вот сию минуту мы с тобой составили заговор против нашего Правителя.

Виктор не успел переварить услышанное, как знакомый голос произнес:

— Хорошенькими делами вы здесь занимаетесь! Третий вам не помешает?

2

Мартын не шелохнулся, а Виктор, цапнув по ремню, вспомнил, что меч остался внизу. Пальцы легли на обойму с найфами, и он медленно повернул голову к двери.

В дверном проеме стоял Верховный маг и с приятной улыбкой глядел на них. От его улыбки Виктора передернуло.

— Нам никто не помешает, — ответил Виктор, не снимая руки с обоев.

Он прикинул расстояние. Дело плевое, но Борис легко отобьет найфы. А если подобраться ближе и заплечным наикосок по кадыку чиркнуть?

— Не надо меня убивать, — сказал Борис. — Давайте лучше поговорим.

И он прошел вперед. Виктор молча обогнул его, осмотрел коридор и соседние комнаты. Никого. Зашел магу за спину.

— Я знаю, что тебя привело к нам, — подал голос Мартын. — Но ты скажи сам.

— Прежде я хотел бы узнать, как ты догадался, что мы здесь? — потребовал Виктор. — Хранитель ушел до того, как мы поднялись. Сколько магов следят за мною?

— Ни одного.

— Не серди меня, — тихо сказал Виктор.

— Ни одного мага, — повторил Борис. — Я не хочу таить от тебя: Иван — нерадивый соглядатай, а вернее, он вообще не следит за тобой.

— Тогда кто? — жестко спросил Виктор.

— Ну, ты уже сам догадался. Богдан хороший хранитель, но очень старается быть хорошим со всеми. Ты понимаешь, он не мог отказать мне в маленькой просьбе. Но я очень надеюсь, что к нему с такой просьбой не обращался Николай или кто другой.

— Значит, Богдан... — только и сказал Виктор.

Все встало на свои места, но лучше бы не вставало. Иногда ему казалось, что он относится к хранителю, как к младшему брату, иногда — как к сыну. Узнай неделю или месяц назад о том, что Богдан доносит Борису, — выгнал бы к чертям пинками, чтоб впредь знал, кому служит, и ценил место. А сейчас только слабое удивление мелькнуло и ушло. Другие заботы вызрели, и не зря сошлись пути троих на пустом этаже.

Борис мельком глянул вниз, отвернулся от окна и сцепил пальцы.

— Мартын не верит в пророчества, — проговорил он. — Напрасно. Через две недели соберется Большой Круг, и тогда я узнаю все. Жалко людей, но иначе не остановить.

— Что ты собираешься останавливать? — спросил Виктор. Борис пожал плечами и ничего не ответил.

— Ты что, чумной совсем! — рассердился Мартын. — Сегодня она воссядет с Правителем, а завтра на нашем месте появятся новые советники и маршалы. Женского рода.

Теперь Виктору стало все ясно. Пророчества и ужасы, конечно же, как без них! Но самый обыкновенный страх потягивать свое место был ему более понятен.

Мартын заговорил о том, как в истории всегда повторяется одно и то же — на своем горбу одни возносят правителей на трон, а после приходят другие и сметают старую гвардию. И еще говорил, что так просто Сармата он не уступит, не для того пестовал и вдалбливал в него свои идеи, чтобы какая-то пришедшая баба охомутила его и бабской суетой вывихнула мозги.

Борис сочувственно кивал, а Виктор подумал, что Мартын, может, и преувеличивает неблагодарность Сармата. Но ведь и ему, Виктору, неприятно то внимание, которое Правитель выказывает тысяцкому Александру. Кто знает капризы правителей! Возьмет и объявит завтра тысяцкого восприемником. Впрочем, если верить пророчеству, объявится законный наследник. Правда, он еще не родился, и неизвестно, родится ли.

Виктора не смущала возможность опалы. Что сейчас загадывать о небылом. Но вот Мартын! Что-то слишком откровенно говорит о своем интересе. И глаз странный, не хитрый, но смотрит как-то особо. Лукавит, ох, лукавит! Не так ли он глядел, когда вдвоем с Месропом брали его в работу во времена саратовских авантюр? Да и к Ксении он никогда вражды не выказывал... Темнит, старый интриган! Или, может, все-таки верит в пророчество?

— Меня не волнует, кто будет маршалом или советником, — заговорил Борис. — Я знаю цену власти. Цена ей — дерьмо. Но я знаю и цену пророчествам. И я боюсь этого нерожденного младенца. Лучшие мои люди пытались заглянуть, что таится в новоявленной невесте, но ничего, кроме тьмы, липкой, вязкой тьмы, не увидели. Я не знаю, какие силы породили ее, но страх мой велик...

— Ужас нерожденного! — хмыкнул Мартын.

— Называй, как тебе удобно, — согласился Борис. — Но если один младенец возвестил начало новой эры, то почему бы другому не возвестить ее конец?

— Ах, вот оно что, — многозначительно покачав головой, сказал Мартын. — Но что поделать! Любой младенец — это начало одной эры и конец другой. Так уж повелось. Уходят старые боги, приходят новые.

— Да, да, — грустно сказал Борис. — Все так и есть. Только ужасно неприятно, когда сумерки богов плавно пережидят в кровавый рассвет.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Мартын.

Борис стал пространно излагать свои соображения относительно стержневой сущности фурий, поселившихся в Хорумах. Виктор уже слышал, как маг пугал Сармата. Те же слова о том, что неизвестно, какие страсти вдруг вспыхнут у этих чертовски опасных бабищ. За что, спрашивается, они устроили сущую охоту за его людьми? Кто поручится, что однажды ночью они не пройдут по всем этажам и не вырежут обитателей Хором?

Таким словоохотливым Виктор никогда ещё не видел Бориса. Страх развязал язык сдержанного, холодного и немного высокомерного мага. Его можно было понять — в привычном раскладе сил появилась новая, неясная, а потому угрожающая. Виктору не верилось, что воительницы Ксении истребляли магов без всякой причины. Но спросить ее напрямую пока не привелось. Он вдруг опять вспомнил, что уже месяц Ксения здесь, а он с ней ни разу не встретился наедине.

— Так что делать будем? — прервал Виктор излияния мага.

Вздыхнув, Борис грустно посмотрел на него:

— Я не знаю.

— Зато я знаю, — пророкотал Мартын. — Сейчас пойдем к Сармату и вложим ему ума в одно место. Поговорим начистоту.

— Поздно, — сказал Борис.

— Да, поздно, — неожиданно признал Мартын и уныло добавил: — Тогда и я не знаю.

Виктор заметил мимолетный взгляд, брошенный в его сторону. Он молчал. И Борис, и Мартын ждут от него каких-то слов. Не дождутся. Времена не те, и он уже не тот, чтобы глотать тухлую наживку. Им страшно, пусть они и думают. Вряд ли, конечно, один из них сразу побежит к Правителю доносить на остальных, но кто знает?! Годы идут, люди меняются и, как правило, не в лучшую сторону. И доносить, кстати, не надо. Два-три слова ненароком сболтнуть при Борове или

Александр, а там и до Сармата дойдет. А в последние дни обидчив стал Правитель, нервы шалят. Женихаться вздумал, чтоб его!

Отвернувшись к стеклу, он разглядывал, как в вечеряющее небо поднялись дымы над крышами, засветились окна. «На манеж так и не сходил, сегодня жеребцов объезжали», — вспомнил Виктор. И еще какие-то мелкие дела, в общем, не требующие его участия, остались в уходящем дне. Да, должен был прийти Егор с картами, вернулись разведчики с севера, но тысяцкий так и не явился. Может, увидел, что маршал спит, и не стал будить? Тогда хранители доложили бы. Вот... Что там еще?

Он поймал себя на мысли, что в прошлом году почти так же смотрел в окно, только у него был другой собеседник. И сразу же после того разговора события понеслись вскачь. Возможно, нынешний разговор будет иметь продолжение, и очень скоро. Теперь пусть другие суют пальцы в огонь.

Но после всех сказанных на этом пустом этаже слов так просто разойтись уже не удастся. Мартын и Борис опасаются союза Ксении и Сармата. По крайней мере, они так говорят. Какие планы бродят в хитроумной голове Мартына — никому не ведомо. Во имя державной идеи он готов идти на все, и остановить его невозможно. Страхи Бориса тоже понятны. И надо признаться: одна только мысль о том, что Сармат поведет Ксению к брачному ложу, казалась невыносимой. Правитель не мог не знать, что они были близки. Неизбежно Сармат постарается отдалить его от себя. Но он, Виктор, не мальчик, чтобы взять и тихо убраться от восприимчивости. Никто еще безнаказанно не давал ему пинка!

«Что-то я распалился, — подумал он. — Старею, надо спокойней».

С недавних пор ему все труднее было сохранять невозмутимость, а после того как объявилась Ксения, временами хотелось говорить глупости, громко смеяться или густо чужить.

— И все-таки поговорить надо, — неуверенно сказал Мартын, и глаза его вдруг блеснули, а голос окреп. — Все! Теперь я понял!

— Ты полагаешь, что Сармат... — начал Борис, но Мартын прервал его, подняв большой палец:

— Не Сармат! Надо поговорить с Ксенией.
Маг поморщился:

— Изволь. Говори, если считаешь нужным. Но я выхожу из дела.

— Ишь какой быстрый! Нет, мы уже сказали друг другу слишком много, чтобы вот так взять и уйти. Впрочем, разве что в окно...

— Хорошо, — терпеливо сказал Борис. — Чего ты хочешь? Ну, расскажешь ей о своих великих замыслах, а онакинется тебе на грудь и оросит куртку слезами раскаяния?

— Это вряд ли. К тому же говорить буду не я.

— А? Это другое дело, — оживился Борис.

— Ну-ну, — сказал Виктор, — становится любопытно. Ты предлагаешь мне выступить ходатаем твоих забот?

— Не моих, — поправил Мартын, — наших.

— Что же я скажу? — серьезно продолжал Виктор. — Не ходи за Правителя, у него женилка кривая и яйца в крапинку...

— Ты сам придумал, что сказать, — Мартын насупил брови, — и как можно скорее. Запугай, обольсти, все, что угодно! Я видел, как смотрел на неё сегодня Сармат. Счет идет на дни!

— Да с чего ты решил, что она вообще согласится? — не выдержал Виктор. — Если мы начнем суетиться, то скорее уложим их в постель.

— Она согласится, — уверенно ответил Мартын. — Она знает о пророчестве и согласится.

Борис вдруг прислонился к стене и взялся за сердце.

— Для меня это новость, — чуть ли не шепотом сказал он. — Ты уверен, что она знает о пророчестве?

— Более того! — рявкнул Мартын. — Я даже подозреваю, что она и напроорочила. А рассказы о старой ведьме — для отвода глаз.

— Большой Круг, — пробормотал маг, — срочно Большой Круг...

И, держась за стену, поплелся к двери.

— Так я к тебе зайду утром, — сказал ему в спину Мартын.

Борис остановился в дверях, повернул к нему бледное осунувшееся лицо и молча кивнул. Дверь за ним с треском хлопнула. Посыпалась штукатурка.

Переглянувшись, Виктор и Мартын пошли следом.

А двумя этажами ниже на них выскочил из коридора взмыленный вестовой и сказал, что Правитель велел бросать все дела и явиться к нему не медля.

3

В покоях Сармата над длинным столом склонились тысяцкие Александр и Егор, сам Правитель водил пальцем по карте, прижатой к столешнице вазой с фруктами. С первого взгляда стало ясно, что разведчики с севера вернулись и принесли столь серьезные вести, что Егор счел нужным явиться лично к Сармату, минуя маршала. Это ладно, а вот что здесь Александр делает? Легкая досада кольнула Виктора, но он спокойно кивнул всем и подсел к столу, не обращая внимания на виноватый взгляд Егора.

— Обыскались тебя! — сердито буркнул Сармат, не поднимая головы. — Где Мартын? Почему Бориса нет?

— Здесь я, — ответил Мартын, входя в комнату. — Что еще стряслось?

— Сейчас стрясется! — пообещал Сармат и ткнул пальцем в сторону Егора. — Ты говори!

Тысяцкий кашлянул в кулак и вздохнул.

— В Новгороде не все ладно, — сказал Егор. — То ли хотят отложиться, то ли Федору шлея под хвост попала. Не буду, говорит, данником и золота ни щепотки больше не дам.

— Кем он не будет? — спросил Виктор.

— Данником, — повторил Егор. — Наместник Федор не хочет с нами больше знаться. Каждый год он обязался по два пуда золота присылать, всего раз и прислал, в прошлом году. Больше не желает.

Виктор помнил Федора, веселого словоохотливого дружинника, еще с саратовских времен. В позапрошлом году Сармат отправил его с небольшим отрядом в Новгород, там распоясалась пришедшая банда, да и лупилы появились. Донесения Федор слал бодрые, людей не просил, сам быстро набрал дружину, и вот голова, видимо, закружилась. Или благополучную минуту учуял, не до него, мол, будет!

— Ребятки у меня надежные, — продолжал Егор, — в прошлый раз они золотишко и доставили. А теперь их взащей выперли, да еще погоню вслед пустили, пожалели, наверно, что отпустили. Не догнали.

— Ну, это по твоей части, — сказал Виктор Мартыну.

— Ты полагаешь? — хмыкнул Мартын. — Казна казной, а кто Федора усмирять будет?

— Оба, — вдруг сказал Сармат. — Оба усмирять и пойдете. А золота взять вдвое, чтоб впредь неповадно было. Федора, шлюздяка вонючего, выбить к черту, пусть кур разводит.

— Это что же получается, — кротко спросил Мартын, — мне, стало быть, тысячу прямо сейчас поднимать?

Правитель грозно засопел, нахмурился, потом хлопнул ладонью об стол.

— Да, совсем забыл. Ты же только вернулся... Ладно, людей оставь, хватит одной тысячи, это не Казань воевать. Пойдешь с Виктором, поможешь там порядок навести.

Было заметно, что Мартын расстроился. Ему не хотелось сейчас, когда зрели большие события, покидать Москву, Хоромы. Но отказаться нельзя. Он с утра до вечера твердил, что без послушания тому, кто над тобой, нет повиновения того, кто под, а смысл верховной власти именно в установлении должной и справедливой иерархии, в коей найдется место любому по делам его.

Ну, а Виктор даже обрадовался. Может, и впрямь лучше быть как можно дальше отсюда, не видеть помолодевшего, возбужденного Сармата, загадочно глядящую Ксению, всех... Да и внезапный стговор был чреват действием, а все сходилось к тому, что действовать заставят, уговорят или обманом подвигнут именно его.

— И вот еще что, — странным голосом сказал Егор. — Возвращались они, большого крюка на север дав, и видели предивное...

Он замолчал.

— Что еще там? — недовольно спросил Сармат.

— Не знаю, может, привиделось. Говорят, фигуры огненные среди бела дня над лесом прошли, выше деревьев якобы, на людей похожи, но размытые, словно из огня.

— Немедленно Бориса сюда! — крикнул Сармат.

В коридоре затопали, удаляясь, сапоги.

— Почему раньше не говорил? — Сармат так стукнул кулаком по столешнице, что верхнее яблоко подскочило и скатилось с вазы. Егор проводил яблоко взглядом и, дождавшись, когда оно упадет на пол, сдержанно ответил:

— Не поверил я, да и сейчас не верю. Привиделось, устали хлопцы, две ночи не спали, мало ли что могло померещиться!

— Да, так оно спокойнее думать, — иронично сказал Сармат. — Ну а как чужие маги объявились?

— Пронеси, Господи! — с чувством сказал Егор и перекрестился.

— Подумаешь, маги, — беззаботно встрял в разговор Александр. — Бабы с нашими справляются, так с чужими и подавно...

— Молчи, дурак! — сквозь зубы прошипел Мартын, а Сармат только искоса глянул на тысяцкого, но ничего не сказал.

До самой полуночи Мартын и Виктор выверяли карты, гоняли сотников в оружейные склады, а Егор сбился с ног, встречая и провожая разведчиков. Сармат немного побыл с ними, поглядел на суматоху, благодушно ругнул пару раз нерадивых мастеровых, тянувших с новыми дугами для больших самострелов, а потом ушел во внутренние покои.

Он покинул комнаты, а Виктор с минуту сидел, напряженно вслушиваясь, не раздастся ли из соседних помещений смех Ксении. Но было тихо.

Борис так и не появился.

Утром, наскоро перекусив, Виктор велел Богдану снаряжать коней для похода. Богдан уложил переметные сумы на плечо и ушел. Маршал проводил его тяжелым мрачным взглядом.

Кликнул Ивана. Долго ждал и, не дождавшись, вышел в прихожую. У дверей сонный страж встрепенулся от толчка в плечо и, подавляя зевоту, сказал, что Иван вечером ушел и не возвращался.

— Распустились, сучары битые! — расвирипел Виктор.

Вскоре он влетел в казармы, выстроил сотников и нагнал такого страху, что даже стекла вспотели. Запели рожки, гул и грохот сапог смешался со ржаньем коней, звон металла пошел во все стороны. Не прошло и часу, как тысяча была выстроена перед главным входом, обозы стянуты к мосту, а колесницы с самострелами выкатили из-под навесов.

Маршал проехал вдоль войска, довольно хмыкнул в усы и распустил на полчаса — прощаться. Опоздавших пригрозил списать вчистую к прачкам или на кухню.

Бойцы с веселым гомоном разбрелись.

Со стороны главного входа показался Сармат со свитой. Николай что-то нашептывал ему, одобрительно поглядывая на бойцов. Мартын сверкал блестящими шипастыми наплечниками и грозно шевелил усами. Сзади шли советники, среди них Виктор разглядел Ксению в окружении ее воительниц.

Борис держался особняком, шел, опустив голову, а за ним сменяли трое магов.

Подъехав к Правителю, Виктор спешил и доложил, что войско готово, через два часа выступит.

— Молодец, — коротко сказал Сармат. — Не затягивай дело, возвращайся скорее, тут, — он бросил взгляд на Ксению, и Виктор невольно посмотрел в ту же сторону, — намечается кое-что...

Ксения разговаривала с городским советником. Заметив взгляд Виктора, она еле заметно улыбнулась, и снова у него заломило бровь. Он отвел глаза и спросил подошедшего Бориса:

— Где мой хранитель? И где, кстати, твои боевые единицы?

— Ах, да, — вместо Верховного мага отозвался Сармат. — Тут вот что получается — придется на этот раз без магов обойтись. Они на свой Круг собираются. Нашли время!

— Это наше право, — еле слышно сказал Борис.

— Да знаю я, — пророкотал Сармат. — Прав ваших не ущемлю, но повременили бы с полмесьца!

Маг покачал головой, и Сармат с досадой отвернулся. Потом хлопнул Виктора по плечу.

— Ну, и так справишься. В Новгороде магов не должно быть. Или все-таки есть? — он развернулся к Борису.

— Никого, — уверенно сказал маг. — Все на полпути сюда.

— Ну, смотри... — с неудовольствием протянул Сармат. — А ты себя береги, — сказал он Виктору. — Постарайся миром дело решить, людей без нужды не гробь. Мартына слушай. Возьмете Федора живым, живьем ко мне и доставьте.

Виктор с недоумением выслушивал наставления Правителя и наливался гневом. Да он что, за несмышлениша его принимает!

А Правитель, держа его за локоть, продолжал говорить какие-то пустые слова и шаг за шагом отводил в сторону, а когда между ними и свитой стало шагов десять, понизил голос:

— Теперь вот что. Все, что говорил, — забудь. В Новгород пошлешь сотню-две, не больше. Федор взбунтовать не мог, здесь какая-то интрига, может, Тихон под него копает, а Тихон с Егором дружки. Сам на север иди, с Мартыном. Беспокоят меня эти великаны огненные. А ну как не сказки это? Пойдут на Москву, что делать будем?

Всё это складно, подумал Виктор, очень даже возможно, что новгородская закавыка — только предлог, чтобы удалить его и Мартына. Отсюда странный указ идти на север. И смот-

рит Правитель куда-то вбок, глаза отводит в сторону. Если история с золотом — лопота, что тогда выходит? Зазря людей гонять! Неужели ради того, чтобы к Ксении подобраться ловчее? Ай да Сармат! Все к тому и идет, к возвращению отряда больших новостей следует ждать. То-то Борис невеселый ходит, голову понурил.

Хождение за золотом имело свой резон. В последние годы немало дел уладилось без вмешательства меча и стрелы, спасли многих бойцов. Вовремя переданный нужному человеку тяжёлый мешочек склонял его в сторону Москвы. Южные рубежи держались больше весом золота, нежели воинской силой. Но золота не хватало. Группы старателей забирались в самые гнилые развалины, рискуя быть погребёнными под бетонной трухой. Добыча скудела, порой за месяц добывали десятка два золотых безделушек. Переплавлять на монеты уже в сущности нечего, а людей теряли — кто нарывался на старые, но действующие ловушки, а кто вовсе пропадал, словно и не было человека. Среди старателей ходили легенды о некоем золотом запасе, хранящемся не то в бочонках, не то в ящиках, но запас тот в руки просто не дастся, его порошком волчьей травы надо обсыпать да трижды плюнуть, иначе в землю уйдет. Кое-кто из старых искателей золота хранил при себе малую толику сушеной травы, зашитой в уголок неприметный, но держали это в тайне — найдись у кого волчья трава, заporоли бы до полусмерти, а затем на плантации, чтоб дурь потом вышла...

— Ну, вперед! — сказал наконец Сармат.

Подвели коней. Виктор и Мартын вскочили в седла. Старый атаман взял под козырек, Ксения подняла голову и посмотрела вверх, а потом кивнула им медленно, словно снисходя. «Правительница!.. — обожгла Виктора едкая досада. — Уже сговорились». На миг пришла в голову шальная мысль — перекинуть ее через седло и умчаться! Пустой номер, рядышком ее волчицы стоят, в секунду порубят.

Загрохотали большие фуры. Бойцы разбились на десятки, одни загрузились на дощатые скамьи, другие взялись за поручни. После привала они поменяются местами. Использовать фуры для перевозки бойцов придумал Виктор. После казанского похода, разглядывая сожженные и разбитые моторы, он понял, что пешком впредь трудно будет вершить ратные дела. Конница идет ходко, но без пешего строя ей не всё под силу. А ждать, пока усталые и голодные ратники подойдут к месту

битвы и начнут рубиться, — это надежды дураков. Таким воинам надо порубать для начала наваристых щей да поспать часиков шесть, а уж потом — с полным удовольствием! — руби направо, колги налево!

Пропустив мимо себя обозы, Виктор и Мартын выехали на мост. Обернувшись, Виктор увидел, как свита Правителя скрывается за большими дверями, обитыми медными щитами.

— Нас, кажется, убрали, чтобы под ногами не путались, — сказал Мартын.

— Похоже, — согласился Виктор и, к своему удивлению, почувствовал облегчение.

— Вернемся через пару недель в аккурат на объедки свадебного пиршества. — Мартын выругался и прищипорил коня.

4

Вернулись они через два месяца.

После Дмитрова вышли на большой утопанный тракт. Кони, перестав вязнуть на раскисших после дождей лесных тропках, пошли веселей, пешие бойцы тоже подтянулись.

На исходе лета листья на деревьях пожухла, и, хотя впереди ожидалось теплые, а то и жаркие месяцы, местами в кронах проглядывали желтые пятна.

Виктор шел рядом с конем, держась за луку седла. Конь устал, да и седок тоже. Мартын отсыпался на телеге, которую вчера обменяли у земледельца на пару коней. Скрипучая трухлявая телега — вот что осталось от фур, обозов... И тысячи не было, сотни три насчитать, и то хорошо. Глядя на измученных, оборванных бойцов, Виктор думал, что таким ходом они доберутся до Москвы дня через три-четыре.

В Дмитрове они простояли чуть ли не двое суток. Отощавшие ратники набирали силы, а Мартын и Виктор вели хитрые разговоры с наместником Желтовым, выпытывая последние новости.

Но толком ничего так и не узнали. Народ почти весь на полях, урожай выдался отменный, косы просто горят, в кузнях перестук с утра до вечера, только успевают коней перековывать да жнейки чинить, мастеровой люд с ног сбивается...

Наместник все подливал и блюда с яствами пододвигал, а сам косился хитро да пытался разузнать, чего знают, а чего не знают гости.

В конце концов Мартыну надоели хождения вокруг да около, и он велел Желтову не юлить, говорить прямо, нет ли каких вестей о московских делах, а если есть, чтобы выкладывал. Наместник враз посерьезнел, сцепил пальцы на животе и озабоченно сказал, что вроде бы все, слава богу, по-прежнему. Поговаривают, правда, что скоро большой пир будет в Хоромах, будто всех наместников созовут, вроде бы Правитель жениться надумал. И все, больше никаких новостей нет. А с его стороны просьба будет к гостям поговорить с Борисом. Ежели дмитровские маги, созданные на Круг, уже без надобности, так чтоб скорее возвращались, тут с погодой чёрт-те что, не поймешь, когда стоговать, а когда ворошить...

«Что-то у них затянулось, — сказал тогда Мартын, оставшись с Виктором наедине, пока наместник распоряжался насчет опочивален. — Я-то думал, наш молодежен уже вторую или третью неделю наследника строгают...» «Может, и строгают, — ответил Виктор, — с какой стати наместников ещё созывать. Дело семейное».

«Ты не прав, не семейное, а государственное! — полез было в спор Мартын, но тут махнул рукой и устало добавил: — А впрочем, черт с ним и со всеми делами. Живы они и ладно! И мы живы, как ни странно!»

Упав на свежие хрустящие простыни, Виктор потрогал мокрые после баньки волосы, натянул одеяло по самый нос и закрыл глаза. Но он знал, что сразу заснуть не удастся...

* * *

Новгородская разборка началась лихо. Не успели они выехать за последние кордоны, как Мартын принялся подзуживать маршала плюнуть на тайный указ Сармата и двигать всем войском на Новгород. Он не верил в сказочки про великанов и так же, как Виктор, полагал, что их просто отослали из Москвы. Может, кто подслушал их разговор с Борисом, а может, просто Сармату надоели увещевания советника, вот и решил пару недель от них отдохнуть. «Дело молодое», — подмигнул Мартын, а когда Виктор спросил, как же его страхи, тот бодро ответил, что все как раз по планам. «Каким планам? — удивился Виктор. — Разве у нас есть планы?» «А ты думал! — бросил Мартын. — Пусть теперь Борис и действует. Не все им чужими руками да колдовскими штучками...»

Виктор спросил его напрямую, не собирается ли Борис убить Ксению, на что Мартын равнодушно сказал, что это его

совершенно не касается. Вряд ли что у мага выйдет, а если и выйдет, тогда посмотрим. И вообще, бодро заключил он, после некоторых раздумий он пришел к выводу, что все должно происходить так, как и происходит. Кажется, я от кого-то слышал эти слова, — ядовито сказал Виктор. Но Мартын, не обращая внимания, пояснил свою мысль — даже если бракосочетание не удастся остановить, так это еще не все, пока она понесет от Сармата да пока родит! За это время всякое может случиться.

«Вроде бы ты боялся другого, — не преминул уязвить его Виктор, — а сейчас выходит, что веришь в пророчество?» Мартын долго кряхтел, ворочался на кошке, а потом сказал, что судьбу не перехитришь, а против власти тем более переть не след. «Так что же ты меня подстрекаешь на Новгород идти?» — взвился Виктор. «Это другое дело, — рассудительно ответил Мартын, — во-первых, указа никакого не было, сказал тебе на прощанье Правитель, что в голову взбрело. Истинный указ — сгинуть с глаз долой на время. Тебе велено меня слушать, вот и слушай!» «А письменный указ?» «Какой указ?» — удивился Мартын. «Днем гонец нагнал, указ Сармата привез». «Покажи», — Мартын даже скинул с себя плащ и сел.

После того как Виктор показал ему короткое послание Сармата, где повторялось сказанное им, Мартын надолго задумался, а потом заявил, что, выступив в поход, полководец больше никому не подчиняется. «Так кто из нас полководец?» — спросил Виктор. Вытаращив на него глаза, Мартын помотал головой, а потом расхохотался так громко, что подбежали двое стражей. Отослав их, он хлопнул себя по коленям, а потом сказал, что упаси Господь его соваться в маршальские дела. Он, Мартын, здесь просто так, за компанию, а советом его Виктор может утереться, если полагает, что маршалу неуместно держать советчиков.

Немного поразмыслив, Виктор сказал, что Мартын прав, а он, хоть и маршал, но в последнее время дурака валяет. Стало быть, на Новгород идти всем, разобраться, а там видно будет.

* * *

Как Сармат и предполагал, никакой измены в Новгороде не было. Когда стяги Правителя затрепетали у окраин, на встречу выехал наместник Федор со всеми своими людьми, весьма удивленный, но спокойный.

— Бунтуешь помалу, Федор? — спросил его Мартын, а наместник при этих словах чуть с коня не свалился.

После короткого разговора все встало на свои места. Воду действительно замутил Тихон, уличенный в издомстве и казнокрадстве, поротый прилюдно и сбежавший глухой ночью невесть куда. Собранное золото с ним и пропало.

Пока горожане стаскивали на брусчатую площадь столы, резали коров и кур, готовясь к большому угощению дружины, Виктор и Мартын взяли с наместника письменный доклад, а потом и приступили к трапезе. Виктор налег на копченого гуся и, обгладывая косточки, размышлял между здравяцами о том, что Егор оказался ненадежным. Богдан, Егор... Сколько их было и сколько еще будет. Знал ведь Сармат, что зря гоняет войско, знал, что Егор дружка покрывает, но счел повод достойным. Что он скажет, когда они вернутся? Ничего не скажет, решил Виктор, ожесточенно разжевывая исходящую дымным ароматом гусятину. Егор тонко чувствует обстановку, может, пронюхал о том, что Виктору не быть восприимчивым. А может, и нюхать нечего. После Сармата останется Правительница. Этой новой силы боялись Борис и Мартын. Правильно боялись, ежели из-за нее сотнями швыряются, как камешками!

Проспавшись после бурного застолья, Мартын и Виктор освежились рябиновой горькой настойкой и, выйдя на воздух, долго редили, что делать.

Мартын, как бы шутя, предложил поднять дружину, двойными переходами идти назад, прихватив новгородский гарнизон, да и попутно все остальное воинство, что в городках и заставах попадетсЯ, окружить Хоромы, объявить Сармата низложенным, вздернуть Егора, чтоб неповадно было. Выслушав Мартына, Виктор серьезно ответил, что сил не хватит, другое дело — выманить Сармата, заставить его подписать отречение в пользу, ну, скажем, Мартына, а тогда уже объявить всем о ювом Правителе.

Мартын склонил голову, раздумывая, но тут Виктор засмеялся, и Мартын тоже хохотнул.

— Да, — сказал он, — единственная проблема — в Сармате. Он и власть сейчас неразличимы, привычки складываются быстро, хотя, может быть, самому Правителю имеет смысл уйти ради идеи сарматства...

Виктор не понял, что имел в виду советник, но слова эти возбуждали. Вдруг он представил себя в глуши, командиром далекого, полузабытого гарнизона, всех забот которого следить, чтоб тетива от бездействия не гнила, да ухлестывать за

дочерями землепашцев. Ему стало дурно от этой мысли, он уже не видел себя вне темных коридоров Хором, ночных бдений над картами, когда знаешь, что, следуя твоему пальцу по линиям и точкам, придут в движение люди, кони, заскрипят боевые колесницы, запоят стрелы и застонет холодная сталь... Странное чувство охватывало его, когда он шёл мимо ровного строя ратников, ему казалось, что силы его неизмеримо возросли и каждый воин, словно его частичка, по одному слову и даже мысли кинется вперед, в бой. Лишиться всего этого из-за каприза, прихоти Сармата?

Дружинники держались поодаль, пока они с Мартыном прохаживались у колокола, но тем не менее маршал и советник говорили еле слышно. Каждый понимал, что уже сами разговоры — не только заговор, но и прямая измена. Клятву верности они давали Сармату, а не какой-то идее, что бы там хитроумно ни сплетал Мартын.

Поговорив, они вернулись в палаты наместника и учинили великий загул. Неделью никто не просыхал. Народ веселился на площадях, танцевал, дружинников растащили гостевать по домам — ратников здесь любили, в прошлом году они надолго отбили охоту у пиратов шарить в этих краях.

А однажды утром, жадно глотая холодный рассол, Виктор шурился от яркого, режущего глаза света. Потом глянул в окно и увидел дружинников и горожан, вповалку спящих у опрокинутых столов, в обнимку с пустыми бочками. Выругался осипшим голосом и побрел на ватных ногах к Мартыну. По дороге не встретил ни одной бодрствующей души. Богдан храпел, привалившись к стене, люди наместника вообще пропали, расползлись по домам еще на третий день большого пьянства.

Хранитель Мартына лежал вдоль порога. Когда Виктор перешагнул через него, хранитель слабо пошевелился на скрип двери, но глаз не открыл.

Храп Мартына обычно сотрясал стены и осыпал штукатурку. Но сейчас он лежал пугающе тихо, а когда Виктор подошел к нему, то увидел, что Мартын не спит, а еле шевелит губами и косит глазами в сторону стола. Маршал с трудом повернул свою голову, углядел среди бутылок и объедков большой стеклянный жбан с пивом и поднес его Мартыну. Тот, застонав, приподнялся, схватил его дрожащими руками и с урчаньем всосал в себя полжбана. Перевел дыхание, прикрыл глаза, а через минуту открыл.

— Ты меня спас, — сказал он бодро. — Я лежал и думал, если никто сейчас не придет — умру.

С этими словами он влил в себя оставшееся пиво, осторожно подвигал ногами и медленно поднялся, держась за спинку кровати.

— Пора завязывать, — проговорил Виктор, отчаянно зевая и с трудом подавляя накопившую дурноту.

Мартын кивнул, обежал глазами стол, выругался и стряхнул бутылки на пол.

К вечеру дружина немного очухалась. Сотники подсчитали потери и велели никому не расходиться, выступление было назначено на следующий день. Недосчитались троих ратников, но бегать по домам и искать их под одеялами у вдовушек не было резона. Виктор оглядел помятое, хмурое воинство, еле держащееся на ногах, велел кормить всех острой похлебкой, кроме пива, ничего не давать, а утром выступать по прохладе.

Так начался поход на север.

5

Два дня шли малыми переходами, во время долгих привалов дружина отсыпалась и восстанавливала силы. Так полегоныку и дошли до Вологды.

Несколько десятков домов да полудостроенная крепостца — все, что осталось от некогда большого города. Воды двух морей сплескивались здесь во время больших приливов. Набеги морских лихих людей были в привычку. Стоило задымиться кострам на дальних островках, как население снималось и уходило в леса, выжидая, пока пираты накуражатся и отбудут восвояси. Потом заново отстраивали дома и приводили в порядок разоренное хозяйство. Так и жили от набега к набегу. Раньше здесь стоял гарнизон, но со временем поредел, поистрепался.

Наместник был готов на коленях просить Виктора задержаться хоть на неделю; рыбаки с дальних островов видели в море какие-то подозрительные баржи, медленно дрейфующие на юг. Один из рыбаков пытался забраться на баржу, но только руки раскровянил о ржавые борта, а ухватиться было не за что. Ему же послышался изнутри шум неясный, вроде как человеческие голоса.

Мартын хлопнул наместника по плечу, да так, что тот чуть не рухнул, и зычно объявил, что сам разберется с этими баржами, а Виктор пусть большую часть дружины ведет на север. Наместник, худой, щедущий человек, радостно сообщил, что на север идти никак нельзя, разве что плыть. Белое и Балтийское моря, слившись, дотянулись языками именно досюда. А когда он узнал, в чем причина похода, помрачнел, сказал, что сказки об огненных великанах ему известны, а если это даже и не сказки, то гробить людей из-за невесты какой чертовщины нет нужды, у них как раз поспела копченая белорыбца, пальчики оближешь...

Что же касается огневищ поганых, добавил он после мрачного раздумья, то это на восток надо забирать, туда, где леса идут вперемежку с выжженными пустошами. «Людей зазря погубите», — горько сказал он, но тут жена наместника пригласила к столу, и разговор прервался.

Виктор с удовольствием плюнул бы на все были и небылицы и продолжил развеселое хождение по городам и городищам, гостеприимным и добродушным. В пирах и похмелье он забывал Ксению, Сармата, Хоромы...

Но Мартын был непреклонен, полагал, что даже самый идиотский приказ должен исполняться. Другое дело — как и в какое время. Во время послеобеденного отдыха он снова вернулся к тому, чтобы им разделить, а к Москве возвращаться порознь. Виктор так и не понял, что задумал Мартын и какой резон в его предложении. Могло стать так, что, пока Виктор плутает в лесах, Мартын быстро идет к Москве и... Что? Дружину поднять не удастся, воины Сармата обожают, особенно молодые, повода для недовольства он не давал. Да свою тысячу надо еще обломать, обмануть, чтобы она взбунтовалась! Виктор улыбнулся таким мыслям. Пару месяцев назад он и вообразить не мог, что будет хладнокровно прикидывать, как бы половчее устроить мятеж.

Они лениво переговаривались, удобно расположившись в вынесенных на галерею креслах. Внизу шуршали точильные камни, переругивались коневоды, дымили походные кашеварни. Вдруг кто-то громко позвал дозорного, пошла беготня. Наверх поднялся Богдан и доложил, что с ближайшего острова дымят, стало быть, тревога. Виктор сухо отослал его вниз, к бойцам. В последнее время он стал придирааться к хранителю, но тот, как ни в чем не бывало, нес службу весело.

Вскоре объявился наместник и сообщил, что замеченные ранее баржи, воровски таясь, идут вдоль берега, часа через два окажутся прямо в бухте. Народ в лес собирается, сказал он, выжидательно глядя Виктору в глаза.

— Не надо в лес, — распорядился Виктор. — Пусть дома сидят, но — тихо!

С этими словами он взял пояс с ножнами, проверил обойму с найфами, крикнул Богдану, чтоб принес арбалет.

— Сам поведешь, — понимающе кивнул Мартын. — Ну и я, пожалуй, разомнусь!

Две баржи, как огромные черные рыбины, медленно всплыли в бухту. Длинные, пустые палубы, полуразрушенные решетчатые фермы. Но по тому, как поставлены большие выцветшие полотнища на мачтах, вели посудины явно не ветер и волны, а чьи-то умелые руки.

Притаившиеся за домами и изгородями дружинники наблюдали, как одна за другой ржавые громадины с шипением врезались в песок. И в наступившей тишине лишь паруса хлопали по ветру да мычала корова.

Потом прямо на носу баржи медленно, с жутким скрежетом и скрипом опустилась часть борта, и по нему на берег хлынула толпа одетых в черное людей. Они веером разбежались и залегли, выставив перед собой короткие палки.

«Оружие, — догадался Виктор, — старое оружие».

Точно такой маневр произвели и со второй баржи, только у них пандус заклинило, и люди в черном попрыгали в воду.

Виктор, прячась за углом дома, дважды взмахнул желтым флажком и проследил, все ли сотни дали отмашку. Затем, убедившись, что они приняли его команду подпустить ближе и встретить стрелами, послал вестового к затаившейся в садах коннице и велел ждать сигнала.

Люди в черном осторожно продвигались вперед. Вскоре запыхали руболовные суденышки, пошел треск и гул — пришедшие рубили бревенчатый сарай. С барж сошли еще несколько десятков людей. Ими командовал здоровяк с копьём и какой-то штуковинной, которую он время от времени подносил к лицу.

Пираты вышли к домам. Они громко перекрикивались смеялись. И когда они оказались на косогоре, сходящем к берегу, запел рожок, треск упавших плетней и заборов слился с сухими щелчками арбалетов. Первый ряд бил с колена, чтобы

не мешать второму. Воздух наполнился пением стрел, испуганными вскриками, стонами... Не прошло и минуты, как все было кончено, — улица и берег усеялись телами пиратов, не успевших даже понять, кто их убивает.

Несколько человек залегли за пылающим сараем и открыли беспорядочную пальбу, однако скоро у них вышли патроны, и они побежали к баржам. Но, не сделав и нескольких шагов, легли на песок с короткими стрелами в спинах.

Те, что оставались у барж, вроде бы растерялись, потом скрылись в тёмных чревах. Виктор хотел скомандовать атаку, но тут же передумал. Для таких больших посудин людей было маловато. Он велел немедленно отойти к домам, подальше от берега. И вовремя!

Из распахнутого нутра ближайшей баржи с ревом и гулом выкатила обшитая металлическими листами колесница. За ней, паля во все стороны, повалила толпа пиратов. Со второй баржи бросили сходни, и по ним побежали один за другим вооруженные копьями и закованные в латы воины. Вскоре на берегу оказались сотни три пиратов. Но Виктор не ободрялся тем, что у него людей в три раза больше, — магов с ними не было, а в ближнем бою против старого оружия ратникам не устоять. Коротко бросил команду, и дружинники полезли на крыши, засели на чердаках. Приволокли из обоза трофейный ствол, прихваченный в Казани Мартыном. Тут же появился старый кашевар Луцев. Он размотал промасленные тряпки, протер трубу и осторожно вложил в нее небольшой снаряд.

— Вот здесь это было? — бормотая он. — Все позабыл!

Но палыцы как бы сами собой быстро откинули прицельную рамку, выкрутили сбоку кривую железяку, и через минуту Луцев, кряхтя, опустился на колено и пристроил трубу к подоконнику. Велел придерживать створку окна, неровен час — ветром хлопнет.

Из-за угла с грохотом и лязгом выкатила колесница, чадая и стреляя дымом. Из щелей торчали стволы. Пули зацокали по стенам, со звоном посыпались разбитые стекла.

Луцев медленно повел трубой и нажал на спуск. Ухнуло, свистнуло — длинный огненный палец протянулся к колеснице и уперся в нее. На месте боевой машины возник ослепительный шар, во все стороны полетели железные лохмотья.

— Сработало! — удовлетворенно сказал Луцев, закрутил усы и пошёл к себе, посоветовав скорее кончать потеху, обед на подходе.

Пираты растерялись. Тут с крыш и ударили арбалетчики, а когда из лесочка выскочила засадная сотня Мартына и отрезала пиратов от барж, они дрогнули и побежали. Не прошло и получаса, как все были перебиты. Пощады им не давали, да они и не просили.

Вожака с биноклем среди трупов не оказалось. Виктору это не понравилось, а тут еще прибежал человек от наместника и сказал, что видели нескольких злодеев, огородами ушедших в сторону капища.

— Какое еще капище? — крикнул подскакавший Мартын. — Давай туда! — и подхватил человека к себе на коня.

— погоди, — сказал Виктор и, взяв с собой полусотню, двинулся вдоль берега.

Вскоре они выбрались к безлесым холмам.

— Вон туда побежали, — сказал проводник, с опаской поглядывая по сторонам.

— Что это за чертовы штуки там торчат? — спросил Мартын, ссаживая его.

— Это капище, — пояснил проводник и сплюнул себе под ноги. — Поганое место, нечистое. Раньше, говорят, темные дела здесь творились.

Снизу казалось, что на вершине когда-то росли деревья, но от них уцелели только остовы. Когда дружина осторожно, прячась за валуны, взобралась повыше, стало видно, что это не деревья, а врытые в землю без всякого порядка столбы с заостренными концами.

Вершину холма окружили, бойцы залегли за поваленными кое-где бревнами.

Виктор немного выждал, но из глубины частокола столбов не доносилось ни звука. Пираты могли быть где-то неподалеку. Затаились вон там, где бревна стоят гуще, и ждут. Но что, если они побежали дальше, к другим холмам? Упускать головорезов нельзя, они здесь дел натворят!

Подав знак Богдану, маршал двинулся вперед, переходя от ствола к стволу, каждую секунду ожидая выстрела. За ним редкой цепью двинулись дружинники, стягивая кольцо вокруг капища.

До вершины уже оставалось совсем немного, когда Виктор набрел на гору всякого барахла, сваленного у оснований высоких, в пять или шесть человеческих ростов, бревен, заостренные верхушки которых словно угрожали небесам.

Внизу, у подножия холма, проводник толком не смог объяснить, кто устроил капище, каким богам поклонялись. Твердил только, что место проклято издревле, а раньше сюда сходились людишки непотребные, коих след давно простыл. Некоторые стволы были свежесрубленными, белая древесина острый еще не потемнела. Видимо, кто-то следит за этим местом, подумал Виктор, а потом взгляделся в свалку.

Самые невообразимые предметы лежали здесь, словно принесенные в жертву неведомым силам. Разбитая и целая посуда, стальные и медные щиты, изрядно проржавевшее и сильно попорченное оружие, смятые холсты и картины в рамах, много техники, грубо сваленной вперемешку с рассыпанными монет и медалей.

Он чуть не споткнулся о плоскую серебристую коробку. Кажется, очень давно у него была такая штука. Склонив голову, он внимательно посмотрел на нее и хмыкнул — да, точно, на такой машинке он крутил фильмы. Виктор настороженно огляделся по сторонам — эта свалка напомнила ему гнездовья лупил, те тоже любили сваливать к колям свою добычу. Правда, добыча у них страшенькая. Нет, вряд ли лупилы... Но кто?

Никогда он не узнает, кто и зачем воздвиг эти столбы, с непонятной досадой подумал Виктор. На необозримых землях во все стороны от Хором столько тайн и загадок, что не хватит и девяти жизней, чтобы их разгадать, его же время уходит на дела простые, но без которых на землях этих воцарится хаос.

Он пунул машинку, а та, словно в ответ, с мягким жужжанием выдвинула деку, в которой радужно блеснул диск. Виктор чуть не расхохотался. Вся техника давно сгнила, а вот эта с идиотским упорством предлагает воспользоваться своими услугами. Интересно, какой там фильм? Нагнулся, чтобы прочитать надпись на диске. В тот же миг над головой щелкнуло, от столба отлетела щепка, и только после этого он услышал свист второй пули.

Защелкали выстрелы. Никого из дружинников не задело.

— Мы что, сюда отдыхать пришли? — спросил вдруг Мартын своего хранителя, вскочил и кинулся на вершину, а за ним с молодецкими криками и уханьем двинулись бойцы.

Пиратов было немного, они сгрудились у огромного валуна и встали насмерть. Заряды кончились, в ход пошли мечи. Стрелки могли их расстрелять издали, но Мартын движением руки велел опустить арбалеты. А затем он хищно оглядел стайку пиратов и, увидев вожака, ослабил.

Когда Виктор оказался на вершине, Мартын уже бился с вожаком. Пират ловко крутил копьём, делал молниеносные выпады то в голову, то в пах, но Мартын увертывался и шёл на ближний бой, размахивая своим огромным двуручным мечом.

Дружинники окружили их кольцом, а связанные попарно пираты вертели головами, пытаясь разглядеть, как идет поединок.

Маршал сел на бревно и залюбовался тем, как Мартын крутил мельницу, вводил копьё восьмёркой, а затем обрушивал меч сверху, заставляя противника скакать из стороны в сторону. Потом неуловимое движение рукояти — сталь волной пошла вверх, вниз, вбок — и голова вожака отлетела далеко в сторону, а тело на миг уперлось было копьём в траву, но тут же грузно покатилося с холма.

Виктор подошел к валуну и подобрал разбитый бинокль. С сожалением повертел его в руках, заглянул в пустые дырки и швырнул его вслед обезглавленному туловищу. Мартын воткнул меч в землю и уселся рядом.

— Чуть не вспотел, — сказал он.

Когда они вернулись в городище, рыбаки уже высыпали на берег. Дружинники принесли факелы, и смельчаки полезли на баржи. Оттуда вдруг раздался крик и плач, по сходням потащили кричащих и отчаянно отбивавшихся женщин, за них цеплялись дети. На песок полетели узлы, свертки, котлы. Заблеяли овцы, которых по сходням гнали вниз.

— Морской народ, — сказал кто-то из дружинников и покачал головой.

До московских пределов иногда доходили жуткие истории о пиратах, владычествующих на дальних и ближних водах. Говорили, что морское племя скитается со всем своим скарбом, безжалостно истребляя жителей побережья. И будто бы они не просто морские бандиты, а обреченные до поры на скитания безумцы, которых гонит непонятная сила, мешая осесть на любом берегу.

Прибежал сотник Харитон и доложил, что на барже обнаружили полоняна, а среди них и его пропавший племянник сыскался.

Через два дня дружина снялась и ушла на запад. Наместник дал проводников и просил далеко в леса не забираться, а еще лучше — вообще туда не идти. Проводники шли неохотно. Дружинники, напротив, после разгрома пиратов приободрились.

Сразу же за Вологодой начались густые леса. Хорошие дороги незаметно рассыпались тропами. Фуры оставили на сохран у землепашцев в деревеньке, название которой забылось тотчас же.

Шли узкими просеками, а на редких полянах немедленно разбивали лагерь и ждали до утра. Зверь в чащобе встречался непуганый. С каждым днем все меньше встречалось даже звериных троп. А когда вдруг и птицы исчезли, проводники вывели дружину к большой, поросшей хилой травой пустоши и повернули обратно, не слушая уговоров и посулов. Карты этих мест были старые, негодные.

Сотники начали поговаривать, что пора, мол, назад поворачивать. Молодые бойцы спрашивали у Виктора, кой черт их сюда занес да где враг, против которого они выступили? Виктор отвечал уклончиво, а то и вовсе не отвечал. Мартын же хитро улыбался в усы, сочувственно поддакивал дружинникам и сетовал на Сармата. Наекал, что и сам бы рад хоть сейчас вернуться, да указ Правителя... Один из подвыпивших сотников загнул в адрес Сармата коленце, а Мартын только погрозил ему пальцем, но выволочки не учинил. Тогда другой сотник вполголоса сказал, что, пока они здесь в глуши топчутся, в Хоромах небось пьянка идет вусмерть, и совсем тихо, но слышно добавил что-то о старых кобелях, коим неймётся. Мартын и его не осадил.

На следующий день они вышли к гари.

Одна за другой сотни подходили к невысокому обрыву. Там, внизу, ничего не росло — до самого горизонта тянулось чёрное пространство. Несколько обугленных стволов сиротливо торчали вдалеке, и от них вид черной пустыни делался совсем унылым и жутким. Слабый порыв ветра поднял облако пепла и рассеял его над лесом, подступившим к обрыву.

Молча стояли ратники, глядя на безмолвные поля смерти. Казалось, здесь прошелся огненной косой сказочный великан и ничего, кроме пепла, за собой не оставил.

Пахло старым затхлым дымом.

Мартын долго смотрел вдаль, нюхал воздух, а потом громко выругался и сказал:

— Вот ради этого дерьма он нас сюда загнал!

Сотники понимающе переглянулись.

Разъезды никаких признаков человеческого жилья не нашли — только леса тянутся по обе стороны обрыва, а внизу —

мертвое поле. В паре километров обнаружили далеко уходящие в лес языки пепелищ.

— Я знаю, что это такое! — вдруг объявил сотник Дежнев и закашлялся.

Виктор глянул на него. После вынужденного купания под Бастионом сотник простудился, долго лежал и сильно сдал в последнее время. В поход, однако, пошел.

— Лесной пожар, вот что! — проговорил наконец сотник.

С чего бы это гореть лесам, не сухие же дрова, задумался Виктор. Он никогда не видел лесных пожаров — сырость, влага, чему там гореть? Но Мартын одобрительно похлопал Дежнева по плечу.

— Дело говоришь! — зычно сказал он. — Давненько не было лесных пожаров, но и сырость не всегда стояла. Раньше, я помню, леса часто горели.

Старые дружинники закивали, соглашаясь, по рядам прошел говор. Виктор отметил про себя, что и это лыко будет Сармату в строку. Одно дело — идти в бой на злобное чудище, другое — стаптывать сапоги на лесных пепелищах.

— Ну что, — обернулся Мартын к Виктору, — сразу повернем или привал на опушке сделаем?

Виктор, не отвечая, следил, как несколько всадников, осаживая коней, спускались по осыпи на пустошь. Они проехали немного и вернулись, подняв гору серого пепла и пыли. И когда, спешившись, начали карабкаться вверх, ведя за собой коней, откуда-то из-за горизонта пришел гулкий протяжный звук, словно чудовищно огромный владелец горелых земель заметил потуги людишек вторгнуться в его пределы и удивленно протянул «о-о-о».

Тут вскрикнул испуганно Дежнев, ткнул пальцем вверх и попятился. «Смотри, смотри!» — раздался крики среди воинов.

Облака над пустошью стремительно таяли, разлетались клочьями, открывая яркое синее небо. Потом высоко над головами сразу потемнело, нависли, зашевелились зыбкие фигуры... Мартын ахнул — там, в вышине, как в большом неровном зеркале, отражались деревья, пустошь и дружина, словно разглядывающая тех, кто толпился внизу...

Потом Мартын клялся, что за несколько мгновений до появления огневиков зеркало в нескольких местах выгнулось, стекая большими каплями вниз, а навстречу «каплям» встали столбы пепла, и, когда они коснулись друг друга, «капли» эти

налились изнутри пламенем и свернулись в клубок. Виктор же ничего не успел заметить. Конь под ним скакнул в сторону, он чуть не вылетел из седла. А когда совладал с конем и глянул в пустыню, то, как и все, окаменел.

Из глубины черного поля на них беззвучно и грозно надвигались четыре огненных шара. Виктор решил было, что это магический огонь, но мгновенно сообразил, что такие огромные пылающие солнца мог сотворить разве что маг-исполин.

— Все назад, в лес! — крикнул маршал. — Труби отход!

Но ратники уже хлынули в чашу, не ожидая сигнала. Заржали кони, затрещал валежник. А потом огонь настиг их...

Пройдет немало дней и ночей, но еще не раз Виктор будет просыпаться в холодном поту, судорожно глотая воздух. Ему опять увидится, как огненные сгустки с воем и гулом вонзаются в зеленую плоть леса и проходят сквозь деревья, людей и коней, оставляя за собой обугленные стволы и скелеты; от жара мгновенно вспыхивают трава и кусты, опущка превращается в пекло, те же, кого миновали четыре огня, исторгнутые неведомой силой, находят свою смерть в пламени лесного пожара.

Виктор не помнил, когда под ним упал конь. Он полз в дыму, и со всех сторон был огонь, а потом чья-то рука сильно толкнула его, и он, пролетев через пылающий кустарник, рухнул прямо в ручей. Это спасло. Чуть не захлебнувшись в теплой, почти горячей воде, он отполз подальше от стены горящих деревьев.

Огонь быстро затух в сыром лесу.

Виктор еле поднялся и побрел, обходя догорающие стволы. Вскоре он наткнулся на задохнувшегося от дыма воина. Рядом валялся сигнальный рожок.

На звук рожка вышли и доползли всего три сотни. Мартын пришел одним из последних. Богдан, Дежнев и другие пропали...

6

Заснуть так и не удалось. Даже здесь, за крепкими стенами, были слышны песни и молодецкие клики гуляющих дружинников и горожан. Тихие улицы Дмитрова давно не видели такого разгула.

Виктор откинул одеяло, встал и подошел к окну. За полуоткрытыми ставнями металось красное зарево от костров и

факелов. Запах жареного мяса проникал в палаты наместника. Виктор поднял глаза — небо было на редкость чистое. Он увидел звезды и попытался вспомнить, когда же в последний раз смотрел на них. Кажется, во время казанского похода, на привале. Что ж, это уже не такое событие, как лет десять назад. Тогда он впервые увидел звезды и испугался. Но с каждым годом облака постепенно редеют, бывает, по два-три дня в небе ни облачка...

Он знал, что звезды очень далеко и они такие же светила, как солнце. Верилось в это с трудом, но он еще помнил какие-то смутные объяснения про огненные шары, висящие в холодной пустоте. Однажды ему пришла в голову мысль, что эти шары мог зажечь необычайно могущественный маг. Но куда он потом исчез, почему оставил все без присмотра? Может, одинокие светящиеся точки смотрят вниз в поисках хозяина?

Одна из звезд медленно ползла по небу. Виктор следил за ней до тех пор, пока она не ушла за горизонт. Почесал бровь — он не помнил, должны ли звезды передвигаться.

Ночная прохлада заставила его поежиться. Он нырнул под одеяло и вскоре заснул.

К Савеловской заставе они вышли поздно вечером, почти ночью. Долго не могли докричаться стражников, те появились, когда дружинники уже приступили с топорами к ограждениям и готовы были разнести в щепу сторожки над воротами. Отчаянно зевая, полуодетые стражи долго вглядывались в дружинников и все требовали, чтоб те сказали слово, и только после того как Мартын выехал вперед и сказал им все, что о них думает, засуетились, заскрипели створками, оттащили решетки из прохода и открыли вторые ворота.

Уставшее и оголодавшее воинство, вернее, то, что от него осталось, медленно шло пустыми улицами вдоль домов. Изредка мелькал отблеск свечи в окне, за Сушевой на них выехал ночной дозор, поздравил с благополучным возвращением. Виктор хмыкнул, но ничего не сказал. Среди патрульных он разглядел воительницу. Помирились с магами, что ли? В честь бракосочетания.

И вот наконец они вышли к Хоромам. Темная громада здания с редкими пятнами света нависла над ними.

У моста зашумели, закричали радостно, запел сигнальный рожок, в окнах семейных казарм затеплились огоньки, набежали, причитая и голося, бабы и дети.

Виктор приказал сотникам поименно отметить в списках всех не вернувшихся и к утру сдать ему. А потом они с Мартыном прошествовали к Сармату, отмахиваясь от любопытствующих. Однако к Правителю не попали. Николай, дремавший в малой зале, после объятий и надлежащих слов сказал, что утомленный дневными трудами Сармат спит, а завтра с утра примет их с докладом.

— Перетрахался, что ли? — грубо спросил Мартын.

На это Николай непонимающе вздел брови, а потом кротко сообщил, что они вернулись как раз вовремя, не далее как послезавтра будет помолвка, а уж вскоре и свадьба.

Мартын и Виктор переглянулись и молча вышли из покоев. В коридоре они остановились под ближайшим факелом. Мартын смежил веки и тихо сказал, что сейчас пойдет к Борису, узнает, как тут дела. А утром, перед тем как идти к Сармату, надо будет поговорить. Виктор кивнул и пошел к себе.

В коридорах и на этажах, как всегда, было много народу. В помещениях для стражи резались в карты и кости сменные караулы, в покоях младших советников стоял дым коромыслом, громкий женский смех сменялся радостным визгом.

На верхних этажах было пристойнее: стражники на углах держались за копья, а не за стены и выглядели трезво. Виктор шел быстро, небрежно кивал в ответ на приветствия, а когда поднялся наконец к себе, то с облегчением вздохнул — шум и суета Хором сейчас раздражали его.

Страж у дверей при виде маршала вытаращил глаза, осклабился, а потом приложил руку к берету. Виктор подергал дверь. Заперто!

— Где Иван? — спросил он стража. — А ну, бегом, и без него не возвращайся!

В глазах молодого безусого воина мелькнул непонятный страх. Он вздохнул, хотел что-то сказать, но маршал рявкнул: «Ну!», и тот, чуть не уронив копье, загрохотал вниз по лестнице.

Виктор прохаживался по площадке перед дверями, ожидая Ивана с ключом. Итак, свадьбы еще не было, ожидают только помолвку. Что же они так тянут? Хворь какая приключилась с женихом, или невеста капризничает? При мысли о Ксении у него опять заломило над бровью, он даже на миг остановился и прижался лбом к холодной гладкой колонне. Зашагал кругами.

Все в Хоромах по-прежнему, да не все. Чего-то не хватало, вроде бы он даже обратил внимание, когда шел к себе, а сейчас из головы вылетело, какая-то странность несущественная...

Страж пропал. Иван тоже не появлялся, хотя не мог не знать, что дружина вернулась — шум по Хоромам стоял великий. Виктору надоело ждать хранителя с ключом. Он знал особенность замка. Оглянувшись на лестницу и никого не заметив, ввел в щель тонкий стилет, отжал к себе язычок и толкнул тяжелую дубовую дверь.

Не прикрывая створки, он вынес из прихожей масляную плошку, зажег ее от факела и только после этого захлопнул дверь.

Осмотрел все комнаты и запалил свечи. Придвинув кресло к стене, уселся и, положив на колени меч, медленно обвел взглядом стены. Шкаф платяной, кровать, скамья, кресла, стол... Чисто на столе, стало быть, Иван прибрал. Но что-то неладно в комнате! Вот эти пятна на ковре, были они? Подсвечник не в центре стола, а с краю, ну, это ерунда, при уборке сдвинулся.

Так, теперь нужно разобраться с картами и донесениями наместников. Завтра с утра Правитель перво-наперво потребует отчета. Виктор пересел к столу и вытряхнул содержимое походной сумки на столешницу. Карты, пакеты, мятые платки вперемешку со всякой мелочью, огниво, трут, вилка с костяной ручкой — единственное, что осталось от столового набора, остальное пропало с Богданом. Кольцо на кожаном ремешке, а на кольце старинный складной ножик со множеством лезвий, с шильцами, даже миниатюрные ножницы и то были, а рядом болтается наждачный брусочек в деревянной оправке, ключ...

Ключ? Эт-то еще что такое?! Вот же он, ключ от его покоев! Один-единственный, другого нет. То-то сгинул страж, и Ивана не видать, небось сейчас рыщут по всем щелям и углам, а ключ — вот он.

В следующий миг Виктор рывком поднялся со скамьи и взял лежащий на кресле меч. Кто же это хозяйничал в его отсутствие? Неясная тревога, которая не проходила с того момента, как он вступил под тяжелые своды Хором, усилилась.

Кто-то здесь был совсем недавно. Может, еще прячется неподалеку? В соседней комнате или под кроватью... Подосланный убийца? Вряд ли. Удар бы нанесли, когда он входил в темную прихожую.

Виктор приподнял мечом полог кровати. Никого. Но он не сомневался — дело нечисто, предчувствия не могли его обмануть. Подошел к двери, приоткрыл, хлопнул и замер, прислушиваясь. И через несколько секунд услышал, или ему показалось, что он услышал слабый стон. Одним прыжком оказался у платяного шкафа и, занеся меч для удара, свободной рукой распахнул дверку.

Из шкафа выпал ворох тряпья. В глубине, закрыв лицо руками, скорчился человек.

— Вылезай! — скомандовал Виктор.

Человек уронил руки, и Виктор вздрогнул. Лицо спрятавшегося в шкафу обезображено жуткими багровыми потеками. Но Виктор узнал его. Это был Иван.

Хранитель закрыл глаза и мягко повалился набок.

* * *

Мартын отправлял в рот куски жареного мяса и проглатывал, почти не разжевывая. Запивал прошлогдным вином, гулко опорожня чашу за чашей. Виктор медленно потягивал вино и не отрывал глаз от пламени свечи. Хранитель Мартына внес блюдо с печеными овощами, поставил новую бутылку и вышел.

Оглядев налитыми кровью глазами стол и не найдя ничего подходящего, Мартын сдернул с кровати покрывало и вытер жирные руки. Кинул покрывало себе под ноги и, откинувшись в кресле, хрипло сказал:

— Итак, новая сила нанесла удар раньше, чем мы ожидали.

Отпив глоток, Виктор неопределенно склонил голову набок.

— Что делать будем? — спросил Мартын. — Неужели опоздали? На свалку нас пора!

Не отвечая, маршал взял картофелину, очистил кожуру и посыпал крупной серой солью. Повертел в пальцах и положил обратно на блюдо. Он не знал, что делать. «Все повторяется...» — кружилась неотвязная мысль.

Не далее как час назад пришедший в себя Иван рассказал ему о том, что произошло здесь во время их отсутствия. Страшные дела вершились в стенах Хором, чудовищные злодеяния! Маг задыхался, говорил еле слышно. Две недели, как он прятался здесь, съел все объедки, выпил всю воду, что оставалась в умывальнике. Услышав это, Виктор нашел в по-

ходной сумке несколько сухарей, раскрошил их в тарелке и залил остатками вина из фляги. Маг жадно съел тюрю, несколько окреп и поведал о расправе.

Он не знал, кто и как подготовил эту ловушку. Когда маги собрались на Большой Круг и повели было для вопрошения будущего свой хоровод, потолок вдруг разверзся и на них хлынули потоки горячей смолы. Они метались по залу, спасаясь от огненных струй, вязли в смоле, падали и горели, горели... Двери оказались заклинены. Все свершилось так быстро, что никто не успел использовать даже малую толику своей силы. Ивана сбили с ног, он откатился под скамьи и уткнулся лицом в решетку, прикрывавшую вентиляционную трубу. Он вырвал ее и сполз в пыльное жестяное нутро, а вслед плюнуло смолой огненное месиво.

Иван так и не понял, кто и как раздобыл столько смолы, сумел незаметно пронести в Хоромы, воспламенить ее, а затем проломить перекрытия... А Виктор вдруг вспомнил, как две девушки расковыривали рельсы.

Иван рассказал, как он полз, почти теряя сознание от боли, по коридорам и никто, никто даже не посмотрел на него. Кто отворачивался, кто смотрел невидящими глазами, а когда он, еле живой, скатился по лестнице прямо под ноги дружиннику, тот, ни слова не говоря, переступил через него и пошел себе.

«Как через дохлую собаку», — сказал Иван и всхлипнул.

Вначале он думал, что выбрался из адской ловушки один. Но когда дополз до нижних этажей, отведенных Борису и его людям, то понял, что здесь была бойня. Магов, очевидно, застали врасплох — Василия пригвоздили к двери просмоленным колом, другие истыканы черными арбалетными стрелами. Увидев все это, он лишился сознания. Пришел в себя, когда его за ноги тащили к дверям. Застонал. Испуганные дружинники прянули в стороны, потом один из них вернулся, присел над ним и прошептал, чтобы уносил ноги, если может, а если нет, то дело плохое. И еще старый дружинник сказал, опасливо озираясь, что скоро сюда придут эти злоющие на магов бабы и если увидят его, то тут же прикончат. Он бы помог, да и ребята на магов зла не держат, но так уж вышло...

Иван уполз в самые дальние помещения, долго прятался в лабиринте комнат, залов и коридоров, а потом, когда запылали факелы и послышались голоса, выбрался наверх и спрятался у маршала.

Рассказав все это, Иван обессиленно закрыл глаза и несколько минут не шевелился. Потом еле слышным голосом попросил вывести его из Хором. «Как же ты пойдешь?» — спросил Виктор. «Скоро силы вернутся ко мне», — ответил маг. Он лежал на диване, сложив руки на груди, и время от времени беззвучно шевелил губами. Багровые потеки на лице немного посветлели.

Через несколько минут он сел, а потом и встал на ноги, сказав, что может идти.

«Куда же ты?» — спросил Виктор. Маг пожал плечами. Неохотно сказал, что пока и сам не знает. Может, кто еще уцелел, на Круг не все пришли, кто-то сказался больным, кто опоздал. «Будешь мстить!» — понимающе кивнул Виктор. Но маг горько скривил губы. «Кому и зачем?» — спросил он. И добавил, что так, по всей видимости, было предначертано и если сильнейшие из сильных не увидели надвигающейся гибели или не захотели ее предотвратить, значит, так тому и быть. Уйдет, отлежится, потом видно будет.

Виктор дал ему свой плащ, нахлобучил кожаный шлем, стальные пластины по краям закрыли почти половину лица. Вывел мага к мосту. В коридорах и на лестницах никто на них не обратил внимания.

Стражники, завидев маршала, вскочили было, но он махнул рукой, и они снова расселись у костра.

На той стороне маг поднял глаза к небу, вздохнул и со словами «до свидания» растаял во тьме. «Прощай», — кинул вдогонку Виктор.

* * *

— Главное, никто нам полслова даже не сказал! — исходил гневом Мартын. — Представляешь, я ицу Бориса — никого, конечно, возвращаюсь — навстречу Александр. Индюк надутый, прошел, кивнул еле, словно вчера только расстались! Я к Николаю вернулся, так он мне полчаса всякие байки рассказывал, пока я в лоб не спросил, где Борис? А нет его, говорит, измену на Правителя задумали маги, вот их и извели. Я — как извели, а он — взяли, говорит, и извели всех под корень. Чтoб другим неповадно было. А сам смотрит на меня глазом змеиным, хоть и говорит ласково, а чую — злобу таит. Ну, я плюнул ему под ноги и к себе вернулся. Тут и ты подошел...

Потом Мартын вскочил, заявил, что сейчас же идет к Сармату и выложит ему все в лицо, а потом уедет, уедет...

— Никуда ты не уедешь, — сказал Виктор, после того как Мартын, запнувшись, почесал в затылке. — Никуда нам с тобой ехать. Приехали!

— Да-а, — пустым голосом протянул Мартын. — Отъеду к своим в Калугу. Сыну четыре года уже, пора воспитанием заняться. Год как не видел. Думал, перевезу всех сюда, чтоб при дворе рос. Вырастет тут!

— Ну, почему же, — сказал Виктор. — Остепенится Правитель, потише в Хоромах станет, почище.

— Бабье царство будет! — Мартын стукнул кулаком по столу. — Не мальчик Сармат, знает, чье после него правление. Ты понимаешь?

Виктор промолчал.

— Что молчишь? — вскинулся Мартын.

— Не о том говорим, — нехотя ответил Виктор.

С грохотом отлетело кресло. Мартын вскочил и навис над Виктором. Тот продолжал медленно цедить вино маленькими глотками. Допил, перевернул чашу над столом. Несколько капель упали на измятую скатерть.

— Вот смотри, — сказал Виктор. — Одна капля — Борис, другие — ты, я, Николай...

Гигант обмяк, попятился и сел на хряпнувшую кровать. Потер кулаками глаза.

— Так оно и есть, — тихо согласился он. — Кончилось наше время, сейчас приходят другие времена, и люди другие придут. Если он Бориса не пожалел! — Он посмотрел на Виктора умоляющим взглядом, словно ожидал, что тот опровергнет его слова.

— И нас уберет! — безжалостно сказал Виктор. — Всех, кто встанет между ним и...

Пламя свечей металось, тени прыгали в такт словам, тянулись к потолку, опадали. Порой Виктору казалось, что это не их тени, а когда он выпил еще немного — что это и не тени вовсе. Слабое вино неожиданно ударило в голову.

— К черту! — сказал он заплетающимся языком. — Всех к черту!

— Пойду к Сармату, — решил Мартын, хотел было подняться с места, но снова рухнул на кровать.

— Голова закружилась, — удивленно сообщил он. — Совсем старый стал!

Пригорюнившись, он уперся подбородком в кулак и смежил веки. Виктор смотрел на него, но в глазах плыло.

«Что-то не то, — мелькнула вялая мысль, — с чего это развезло?»

— Пусть он нас гонит! — вдруг громыхнул Мартын так, что одна из свечей погасла. — Пусть всю старую гав... гвардию к свиньям в хлев, но их кровь не должна соединиться. Этого ребенка я боюсь.

— П-почему? — Виктора мутило, он ухватился за столешник.

— А-а... — Слабо махнув рукой, Мартын упал головой на подушку и захрапел.

— Я пойду к Сармату, — громко сказал Виктор.

Новая мысль пришла в голову и поразила его своей простотой.

— Нет, — сказал он и погрозил свече пальцем, — я пойду не к Сармату.

В коридоре было прохладно, ему несколько полегчало, а когда он спустился тремя этажами ниже, то уже был в норме. Это ему совсем не понравилось — странной была накатившая дурь, но более удивительным — неожиданное отрезвление.

А Мартын в это время тоже вдруг открыл глаза, поводит головой из стороны в сторону и, никого в комнате не обнаружив, уставился в потолок. Долго глядел на змеистые реки и протоки трещин, а полосы копоти чем-то напоминали темные облака. На миг показалось, что тело стало невесомым, вот он летит и смотрит вниз, на плоскую землю... Потом протянул руку в изголовье и нащупал стопку листов, перевязанную бечевкой. Выдернул наугад и прочитал на старой, пожелтевшей странице:

«14. Нарушен вечный сон древней стихии, с ревом она уносится прочь:

15. Рухнул алчный король, тщетно крыльями бил он; седые его советники, грозные воины, дрогнувшие ветераны среди шлемов, щитов, колесниц, коней, слонов и знамен, крепостей, луков и стрел

16. Мечутся, падают, гибнут! Погребены под руинами в подземельях Уртоны;

17. Всю ночь под руинами; иссякло мрачное пламя, толпятся они вокруг мрачного Короля.

18. В огне и громе ведет он орды бесплодной пустыней, провозглашает десять вороньих заповедей, но в черном унынии из-под век косится он на восток.

19. Где в златопером облачке утра сын пламени

20. Разгоняет тучи, исчерченные проклятиями, воздвигает
столп закона на прахе, выпускает из подземелий ночи коней
вечности и возглашает:

ИМПЕРИЯ УМЕРЛА! ОТНЫНЕ СГИНУТ И ЛЕВ, И
ВОЛК!»

Низ страницы был оборван, и Мартын, вздохнув, уронил
листок на пол. Свесив ноги с кровати, пробормотал: «Умерла,
умерла империя...», а потом погрозил кулаком потолку и
крикнул страшным голосом:

— Умерла? Черта с два, она еще и не жила!

Сверху упал кусок древней штукатурки и рассыпался в
труху.

7

На этаже Ксении было тихо. Виктор немного постоял на
лестничной клетке.

Решимости поговорить начистоту с Ксенией в нем не уба-
вилось, наоборот, он сейчас даже не понимал, как они до сих
пор и парой слов не перекинулись! Другое дело, что путь к ее
покоем охраняют воительницы. Он был готов призвать дру-
жинников, столько, сколько потребуется, чтобы смести всех,
кто помешает ему! Усмехнулся. Вот так и Сармат. Мысль эта
показалась очень серьезной, но додумать ее он не успел.
Дверь без шума распахнулась, выглянула коренастая воитель-
ница в кожаной куртке, обшитой медными бляшками.

Неодобрительно прищурилась и приглашающе мотнула го-
ловой.

— Иди! — хрипло сказала она. — Тебя ждут.

Чистые, выбеленные стены, вместо факелов — свечи в вы-
соких подсвечниках, натертые до блеска полы... На малень-
ком столике в прихожей стояла ваза с фруктами. Желто-фио-
летовые портьеры аккуратными складками ниспадали к полу.
Виктор покачал головой и вошел в покои.

Воительница указала на кресло и вышла. Через минуту в
комнату вошла Ксения.

— Вот мы и встретились.

— Да, — кивнул Виктор.

— Здравствуй!

— Здравствуй и ты!..

Она засмеялась, а он подошел к ней и положил руку на плечо.

— Столько лет... — с горечью проговорил Виктор, но Ксения перебила его:

— Не думай об этом. Не было этих лет, не было времени, мы ни на миг не расставались.

Виктор вздохнул, привлек ее к себе. Теперь все было пустым и незначимым, и показалось, что вокруг нет никого, только песок и вода.

— Я ждала тебя, — сказала Ксения.

— Но... — Виктор смеялся, не нашел, что сказать, а то, что просилось на язык, прозвучало бы грубо.

Они сели на обитую кожей скамью. Ксения взглянула искося, Виктор потрогал бровь.

— Ты чем-то обеспокоен? — спросила она.

Он не успел ответить, как из внутреннего помещения вышла женщина с ворохом одежды.

— Потом, потом, — махнула рукой Ксения.

Женщина фыркнула и исчезла.

— К свадьбе готовятся, — пояснила Ксения. — Никак не могут подходящего платья найти. Хотя вот!

Она выдернула из сваленной на стол кучи длинное розовое платье с желтыми помпонами на рукавах и приложила к себе.

— Неплохой фасончик, а?

Вырвав из ее рук платье, Виктор скомкал, швырнул на пол и так поддал ногой, что оно улетело в угол.

— Неужели не понравилось? — огорчилась Ксения. — Может, синее?

Виктор грубо схватил ее за руку, притянул к себе. Ксения улыбнулась.

— Ты бы еще полгодика подождал! Впрочем, ты прав, и синее платье ужасно.

Она вдруг перестала улыбаться, лицо стало серьезным. Выбодила руку и подвела его к зеркалу.

— Посмотри, как я выгляжу на самом деле, — сказала она и повернулась к другому зеркалу, что висело на стене напротив.

В первый миг Виктор рассердился. Не затем он шел сюда, чтобы глядеться в зеркало! «А зачем?» — растерянно спросил себя. Потер лоб. Никак не мог вспомнить. Внезапно пришел страх — ему почудилось, что в зеркале вместо Ксении

в двойном отражении он увидит лик чудовищный. Но нет, на него глядела Ксения, только черты лица были немного размыты, может, это из-за стекла... Он хотел что-то спросить, но не успел. Ему показалось, что из глубины бесконечного коридора, зажатога меж двух зеркал, движется неясная тень, и если помедлить еще мгновение и не закрыть глаза, то тень обретет плоть и кровь, проломится сквозь зыбкую пелену зеркал и вырвется наружу. Виктор вздрогнул и отвел глаза.

— Теперь ты понял? — спросила Ксения, а когда он помотал головой, засмеялась.

— Ну, значит, и не надо! Хочешь яблоко?

«О чем же я хотел спросить ее?» — мучительно думал Виктор, но никак не мог вспомнить.

В покоях было чисто, светло, уютно, никуда не надо было спешить, все дела уладятся сами собой, а если и не уладятся, ну и пусть, гори они огнем!

Вспомнил! Огонь, маги, обожженное лицо Ивана и страх в глазах Бориса.

— Почему ты убила их? — спросил он.

Ксения непонимающе посмотрела на него, потом усмехнулась.

— А-а, так вот что тебя привело сюда? А я-то думала, вспомнил обо мне, захотел узнать, где была, что делала.

— Я тебя никогда не забывал, — сказал Виктор, а Ксения, опустив веки, кивнула, знаю, мол. — Но... — и замолчал.

Она терпеливо ждала продолжения, а Виктор вдруг понял, что слова, будучи произнесенными, немедленно окажутся страшно глупыми, и единственно разумное — взять ее за руку, вывести отсюда, оседлать коней и увезти прочь, как можно дальше от Сармата, Мартына, Николая, Бориса...

Он вздрогнул. Все время забывает о том, ради чего пришел. Или это только повод, чтобы увидеть ее?

— Что они тебе сделали плохого?

Ксения подошла к нему.

— Посмотри мне в глаза! Вот так, — тихо произнесла она, а потом продолжала.

— Когда шайка напала на ферму... Под Саратовом, помнишь? Дружинников было трое, и с ними один маг. Так они бросили нас и убежали, а подбил их на это маг. Я пряталась за печкой, слышала разговор. Дружинники хотели устроить засаду, но маг был против. Он очень убедительно доказал

ним, что ради трех изб и пяти старух рисковать не надо, лучше отойти к проселку и дожидаться помощи, которую он вызвал. А в это время в лесу бандиты выли, по деревьям стучали, жители прятались, а эти трусы... — Она перевела дыхание.

— В общем, — сказала она, — вся шайка оказалась из четырех человек. Если бы в избе оказался арбалет, сама бы справилась. Так они даже грабить не стали, подождали избы и прошли мимо. Я спряталась в печи, чуть не сгорела. Успела выскочить. Остальные не успели. И тогда я поклялась...

Она замолчала и медленно опустила веки. Виктор почувствовал неодолимую злобу и ненависть. Подлые трусы! Воистину, справедливая кара этим негодьям. Да нет, что-то не то... Он тряхнул головой, отгоняя тихую одурь. В ушах тонко звенело, кровь прилила к глазам и застилала все вокруг кровавым туманом. Его разрывали противоречивые чувства. Хотелось немедленно учинить погоню, догнать Ивана, отыскать всех уцелевших магов и предать их лютой казни. Но одновременно с этим он понимал, что дело нечисто, не мог он ни с того, ни с сего так рассвирепеть. Ох, наводит она на него чары!

Он тоже закрыл глаза и выдохнул воздух. Потом еще раз. И когда в легких почти не оставалось воздуха, открыл глаза и посмотрел на огонь. Немного отпустило.

Ксения, слабо улыбаясь, наблюдала за ним.

— Постой, — сказал Виктор, — мало ли кто мог оказать-ся трусом! Из-за него всех истреблять? Может, его и в живых давно нет!

— Ну, нет, — ответила Ксения. — Живехонек... был. Я его сразу узнала.

— Борис? — догадался вдруг Виктор.

Ксения медленно кивнула.

— Даже если и так... — начал было Виктор, но Ксения перебила его:

— Не защищай их. Дело сделано!

— Да, сделано, — согласился Виктор. — Грязное дело. Кто бы тебя ни обидел, почему за обидчика должны отвечать другие? Если я совершу преступление, что — всю дружину под нож?

— Если дружина участвует в твоём преступлении, да, — сухо ответила Ксения.

— Это безумие! Безгрешных людей не бывает. А так мы друг друга в одночасье истребим.

В глазах Ксении мелькнула растерянность. Она прижала ладони к вискам, нахмурилась.

— Да, кажется, ты прав, — прошептала она. — Но это не моя воля. Так было задумано...

— Кем? — насторожился Виктор.

Ксения не ответила. Она щелкнула пальцами, и из-за портьеры в комнату скользнула коренастая воительница с дротиком в руке. Алчущими глазами уставилась на Виктора. Ксения указала ей на ворох платьев и велела унести. **Выбросить или раздать.**

Воительница сгребла тряпки и вышла.

— Что ты намерен делать? — спросила Ксения.

— Я? — от удивления Виктор поперхнулся.

Славный вопрос. Вообще-то он и пришел к ней для того, чтобы спросить об этом. Но она опередила. Или он пришел для другого? Опять мысли запутались.

— Что у тебя с Сарматом?

— Ничего, — пожала плечами. — Он вбил себе в голову, что должен жениться на мне. Глупости. Не он будет моим мужем.

— А кто?

— Ты!

— И давно это решила? — Виктор попытался улыбнуться, но не смог, губы внезапно свела судорога.

— Не знаю, не помню, — задумчиво ответила Ксения. — Может, еще тогда, когда подняла голову и увидела тебя, распятого на арфе.

— На какой... Ах, да! — он потер лоб. — Но Сармат...

— Забудь о нем! Свадьбы не бывать! Он не знает, да и ты, кстати, тоже...

— Легко сказать — забудь! — перебил ее Виктор. — Он сам о себе напомнит.

И словно в подтверждение этих слов в прихожей раздался громкий топот, шум, крики. Дверь распахнулась, в проеме возник Сармат.

— Вот, значит, как отдыхает маршал! — загремел он. — Ты это что же?

Ксения с досадой топнула ногой и ушла во внутренние покои, хлопнув дверью.

Сармат проводил ее растерянным взглядом и, не глядя на Виктора, повелел:

— Марш к себе! Немедленно! Две недели не выходить! Высунешь нос за дверь, укорочу на голову. Вон отсюда!

Виктор вспыхнул, рука дернулась к поясу, но он стерпел. Опустил голову и молча прошел мимо грозно сощевшего Сармата, мимо дружинников из личной охраны, смотревших в сторону и будто не видевших маршала, мимо Николая, укоризненно качающего головой. Не оборачиваясь, он поднялся к себе, а в дверях на миг задержался и увидел, как догнавшие стражи встали по обе стороны от входа. На лестничной клетке заметил еще двоих.

Вошел к себе и задвинул засов. Услышал слабый скрип и припал к смотровому глазку, мутному, оставшемуся с незапамятных времен. Разглядел, как стражник доской подпирает дверь.

Маршал попытался и чуть не опрокинул табурет. Осторожно подхватил его за ножку и чуть ли не на цыпочках прошел в комнату. А там со всего размаха саданул табуретом по столу. Свечи попадали и угасли. Осталась только одна, в углу на оружейном сундуке.

В нем бушевали ярость и стыд. И вместе с этим он чувствовал непонятную легкость — узел разрублен, и теперь события пойдут сами собой. Не нужно будет ломать голову, соображая, что к чему. Да и две недели — срок немалый! Есть время поразмыслить обо всем. Голова вдруг закружилась, внезапно захотелось высадить дверь, порубить охрану и тогда уже поговорить с Сарматом. Но о чем? Как ни крути, вина его. Вломился в покои невесты Правителя. А то, что раньше они...

Он лег на кровать и закрыл глаза. Выбраться отсюда — дело плевое, принесут еду, двинет раз, и все. Не будут же голодом морить.

Через час, когда в дверь постучали, он понял, что уйти будет не просто. Короб с едой и бутылками сопровождал эскорт из шести человек.

Весь следующий день он провел у окна. Два раза приносили еду. На вопросы не отвечали, отводили глаза.

За окном все было по-прежнему. Дымили трубы над мастерскими, патрули приезжали и уезжали, детвора иногда забегала к бойцам за ограждение. Виктору пришла в голову мысль, что простая жизнь горожанина, возможно, более радостна, чем копошение в темных недрах Хором. Иметь свой дом, взять жену, наплодить детей и ремеслом пробавляться

нехитрым... Только какое его ремесло? Строить планы и разгадывать замыслы противника? Потом он вдруг представил себе Ксению в объятиях Сармата, и мысли о простых радостях мгновенно испарились, гнев ударил в голову, он чуть не запустил подсвечником в стекло.

Ближе к вечеру он налил вина и впал в тяжелое оцепенение. И только шум и крик за дверями заставили встрепенуться.

Он медленно прошел через комнаты и приоткрыл дверь. На площадке Мартын ругался со стражами. Доска, подпиравшая дверь, валялась в стороне. Незнакомый сотник уважительно, но твердо повторял, что приказ Сармата исполнять должно всем, тем более советнику, и что он бы рад выпустить его, но никак не может. А когда Виктор распахнул дверь настежь, воины скрестили копыя, перекрывая выход. Он мог сбить их с ног. Скрутить сотника, а остальных Мартын без труда разбросал бы по углам. Но, может, Правитель только и ждет от него откровенного непослушания?

Мартын отпихнул сотника и подошел к Виктору. Глянул сверху вниз на стражников, покачал головой.

— Вот свинство, а?! Как с последними сопляками обращается! Соберу нынче людей, пусть все услышат, что я об этом думаю!

Сотник, увидев, что Мартын не собирается проникать за дверь, а Виктор, в свою очередь, наружу, успокоился и не стал мешать разговору.

Из сумбурной ругани и угроз Мартына Виктор ничего не уяснил. Но вдруг Мартын запнулся на полуслове, махнул рукой и сказал, что утром зайдет. Обнял, не обращая внимания на копыя. Древно уперлось Виктору в грудь.

«Плохи дела, — шепнул Мартын. — Правитель смотрит волком, а Сбор разогнал. Говорят, Александра назначил маршалом. Помолвка завтра, свадьба через три дня. Увезет ее в Серпухов. Если можешь — беги!»

И он ушел. Виктор посмотрел ему вслед, сделал шаг назад и закрыл дверь.

Хмель слетел, голова очистилась. Бежать, уходить! Давно он не вспоминал свое старое занятие. Посмотрел в зеркало, увидел впавшие глаза, обросшие щеки и холодно усмехнулся. Угроза, вот чего ему не доставало. Одно дело, когда тебя прикрывают сотни и тысячи дружинников, другое, когда мир опять тесен для тебя и надо изворачиваться, уходить, отвечать

ударом на удар. Ему не хотелось думать о том, как случилось, что Сармат оказался недругом. И до появления Ксении холодок сквозил в их отношениях. Накопилось за последние годы много лишнего — неосторожные слова, взаимная усталость, много ерунды всякой.

Он подошел к оружейному сундуку. Взял малый арбалет, оттянул рукоять. Железная стрела вышла из прорези магазина и легла на штифты. Разрядил и осторожно положил арбалет на стол. Выбрал несколько наيفов и рассовал под одежду, а к поясу прицепил пару обоем с метательными лезвиями. Кожаная куртка с кольчужной подкладкой тяжело легла на плечи. Подержал в руках стилет с серебряной рукояткой — подарок оружейников. Спрятал за пазухой.

Подошел к окну. Высоко. Да и веревок нет. Можно свить из занавесей, хватит этажа на три-четыре. Спуститься прямо к окнам Ксении, а оттуда уйти вместе с ней. Не годится. Ее этаж под наблюдением: вон как быстро Сармат прискакал, доложили, что гость в покоях невесты! Да, высокогато. Вдруг нечисть шалить начнет? Магов истребили, теперь разгуляется!

Он не хотел признаваться себе, что боится высоты. Страх был давний, но временами он просыпался, и тогда окна занавешивались шторами. Сама мысль о том, чтобы высадить стекла и ползти по карнизам и скользким плитам, приводила его в содрогание.

Но выход должен быть. Долго разглядывал площадку перед дверью. Опять подперли доской. Значит, неожиданный прорыв исключается. Хотя если осторожно сдвинуть проржавевшие шпингалеты на вторых створках и пнуть как следует... Один, второй, вон еще двое... В выпуклом зрачке было заметно движение и на лестнице. Даже если там всего двое — не очень хорошо. В полутьме почти не видать. Достанут стрелой, пока он будет рубиться со стражами.

Ему стало стыдно. С дружинниками он не один год делил кусок хлеба, кров и удачу. Но это было давно. Старые бойцы почти все ушли, одни на покой, другие на погост. К этим же относился иначе и думал не о каждом в отдельности, а о сотнях, тысячах. Все равно, не враги же они ему!

И Сармат мне не враг, с ожесточением сказал он себе, и Борис Сармату не был врагом, а маги служили верно. А расплата за верную службу — ему опала и заточение, Борису и его людям — смерть лютая.

Уйти можно. С шумом, с грохотом прорубиться, оставив за собой кровавый след. Но Ксения останется здесь, и Сармат будет смотреть в ее глаза, прикасаться к ее телу...

Виктор сел в кресло и расслабленно откинулся на спинку. Давно, когда он еще был гонцом, старый Гонта научил в трудные минуты закрывать глаза и ни о чем не думать. Решение или подсказка всплывали изнутри, и тогда — вперед!

Забывание не удавалось. Изнутри чужой нетерпеливый голос торопил, подуживал немедленно, не теряя ни минуты убираться отсюда любой ценой, а если в эту цену встанет кровь, то и ценой крови. Но другой, полузабытый голос старого Гонты шептал: «Не торопись, суетливый гонец — мертвый гонец». И еще он вспомнил присказку Гонты — чем хуже дела, тем ту их на хрен! Мысли путались, смутные образы, лица медленно всплывали на темную маслянистую воду, а потом сверху опустилось бесшумное пушистое пламя, и лица исчезли в кипящей воде...

Он вздрогнул и проснулся.

Тревога накатила на него, но тут же прошла при взгляде на часы. Воды утекло всего на два часа. Самая полночь, время для побега.

Страхнув дремоту, Виктор тихо подобрался к двери. Проклятье, стражников прибавилось! Да им тут тесно, подумал Виктор. И ведь никто не спит — мечут кости или просто топчутся на площадке, словно ожидают чего.

«Ждут приказа! Придет сотник, а может, и тысяцкий, мигнет — тут они и вломятся его вязать. Сколько их там?»

Насчитав дюжину воинов, маршал удовлетворенно хмыкнул. Знают, сучьи потроха, что так просто не возьмут. Первому стрелу в лобешник, а с остальными видно будет. А если еще подойдут?

Прикидывая, как сковырнет пяток стражей и, воспользовавшись суматохой, уйдет на лестницу, он, тем не менее, трезво понимал, что этот путь закрыт. Через окно... Ночью? Нет, исключается. Но выход был! Когда проснулся, он уже знал его, но забыл, надо всего лишь вспомнить. И еще всплыли в памяти чьи-то полузабытые слова о том, что закрытых дверей не бывает, но он не помнил — чьи.

Виктор еще раз проверил снаряжение. Подумал немного и снял меч. Но через минуту передумал и снова взял его. Потом пригодится. В коридорах махать им несподручно. Если дело дойдет до рубки в Хоромах, то никакой меч не поможет. Уйти

надо тихо, не хлопая дверями. Лучше всего. — вообще не подходить к дверям. Он обошел стол и, наступив на какие-то тряпки, выругался.

На полу валялись остатки одежды Ивана. Впопыхах они не выбросили полуобгорелые лохмотья.

«Иван поднялся сюда, — подумал Виктор. — Кто же мешает мне спуститься отсюда?» И тут как вспышкой озарило — как же маг проник в покои, если у него не было ключа? Через дверь? Но там страж днем и ночью. Итак!..

Глубоко вздохнул и обвел комнату взглядом. Нет, не здесь, а в большой прихожей, что без окон.

Он не стал даже сдвигать тяжелый платяной шкаф. Распахнул створки, сдвинул в сторону вешалки с одеждой и обнаружил, что трухлявые фанерные листы, составляющие заднюю стенку, рассыпались, обнажив забитый досками проем лифта. Две доски были выбиты.

Щель чернела в полутьме шкафа большим жадным ртом. Виктор сунул в проем свечу, но сильный воздушный удар мгновенно задул ее. Тогда он принес из спальни комнаты канделябр с древним стеклянным шаром, запалил свечку и осторожно приник к щели.

Снизу шел теплый сырой поток. Слабый свет высветил ковяные стенки шахты, но видны были только лохматые тросы на несколько метров вверх и вниз. Остальное — тьма.

Обмотать руки тряпками и вниз! Но как смог полуживой Иван подняться сюда по тросам? Виктор опустил голову и выставил руку как можно дальше. Так и есть — какие-то крюки или скобы, выступают ненамного, но удержаться можно. Если прошел Иван, то он и подавно одолеет. Правда, мага гнала идущая по пятам смерть. «А кто идет за мной?» — подумал Виктор.

Спускаться по скобам лучше, чем болтаться ожившим висельником на тросах. Металл, наверно, давно проржавел насквозь, да и так просто его не ухватишь. Виктор знал, что такое старый металлический трос, когда-то он сгоряча ухватился за такой же, оттаскивая в сторону балку, прикрывавшую вход в одну из его нор. Тысячи мелких иголок впелись в ладони, долго потом саднило кожу.

Темно! Маг, даже полумертвый, в темноте мог видеть хорошо. В какой-то момент возникла соблазнительная мысль — прикрутить шнуром подсвечник к шлему. Худо-бедно освещение! А потом он представил, как ползет по стене с бронзовым

подсвечником и зеленым стеклянным шаром на голове, как горит свеча идиотским рогом, а воск капает ему за воротник... Картинка была омерзительной, хуже того — смешной! Если кувыркнешься в темный колодец, то никакая свеча не поможет!

Выругался, отложил подсвечник и, ухватившись за прибитый поперек толстый брус, сполз в щель, нащупывая носком скобу. Но тут же подтянулся обратно и, укоряя себя за торопливость, снял сапоги на толстой подошве, связал их и повесил на шею. Натянул домашние, мягкие.

А через минуту он уже медленно спускался вниз, перехватывая скобы и нащупывая следующие.

Теплый воздух давил снизу, поддерживая его, поток уходил вверх со слабым гулом, а откуда-то из выси еле слышным эхом отдавалось мерное «хо-хо-хо-хо...», будто невидимый наблюдатель, утробно хохоча, смотрит, как он пластается по стене.

Спустившись на несколько метров, он замер, прислушиваясь к невнятным голосам, идущим сбоку. Осторожно протянул руку и нащупал справа от себя шершавые занозистые доски.

Он не помнил, кто жил под ним. Кажется, кто-то из тысяч. Может, Александр? Мелькнула шальная мысль вломиться, надрать уши возмнившему сопляку, но Виктор только хмыкнул и поискал следующую скобу.

Спустившись на два этажа, он вдруг обратил внимание на то, что скобы не литые, а кованые. Неровные ребристые грани хорошо прощупывались. Они явно вбиты в стену после того, как лифты вышли из строя, иначе при движении кабины скобы сорвало бы за один проход.

Он не знал, кто соорудил эту странную лестницу, кто еще мог ползти во мраке вниз или вверх, спасаясь от неведомой напасти. А вскоре это перестало его волновать — по всем расчетам, он оказался на этаже Ксении.

Вокруг пояса он предусмотрительно обмотался веревкой. И вот сейчас пропустил конец веревки под скобу и завязал сухим узлом. Откинулся чуть назад — держит. И тогда он сдвинулся левее, держась на одной ноге. Нашупал доски. И застыл, услышав тихий скрип. Доски подались неожиданно легко.

Он вытолкнул вперед одну, вторую... Доски упали на что-то мягкое. Повел рукой во тьме — шкаф. Даже без задней стенки.

Вспомнил, что, когда они вселялись в Хоромы, расстановкой мебели и вообще всеми хозяйскими делами заправлял Николай. Что же получается — можно незаметно проникнуть в любые покои, а потом внезапно объявиться из шкафа? Или не объявиться, сообразил Виктор. Достаточно посидеть тихонько, послушать, кто что говорит. Ай да Боров!

И еще Виктор сообразил, что если шахта спускается в подземелья магов, то выходит, Борис и Николай снюхались давно и накрепко.

Но не вступился старый разбойник за мага. Может, почувал, что новая сила и его сметет, если поперек встанет, а может, какой хитроумный расклад в голове составил. «Плевать!» — ожесточенно подумал Виктор, сейчас вот он эту «силу» сгребет в охапку и утащит отсюда. А если и пропадут, то вместе, не достанется она Сармату. Мысли опять поплыли, он не вполне представлял, кого имеет в виду — Ксению или нечто иное? Но краткое головокружение тут же прошло, как только он отвязался от скобы и, подтянувшись, забрался в шкаф. Замер, вслушиваясь. Тихо. Все спят, наверно.

Холодная скользкая ткань обвилась вокруг шеи. Он страхнул, осторожно пошевелился и обнаружил, что зацепился арбалетом, висевшим на спине, за другую тряпку. Пока высвобождался, нога попала в какой-то рыхлый узел с тряпьем, показалось, что наступил на что-то живое. Дернулся, потерял равновесие и, хватаясь за висевшую на вешалках одежду, рухнул вместе с дверкой прямо на пол.

На голову упало несколько платьев, ноги запутались в тряпках. Сейчас он был легкой добычей. Поэтому с минуту он не шевелился, стараясь уловить хоть какой звук. Но так ничего и не услышав, принялся медленно выпутываться из вороха одежды.

А когда выбрался из него и поднялся на ноги, оглядел себя — вроде бы все на месте, только обойма с найфами сбилась набок. Осмотрелся. Покои Ксении. У противоположной стены в кресле с высокой спинкой сидела сама Ксения в дорожной куртке, с кожаной сумкой у ног.

Она с любопытством наблюдала, как он копошится на ковре в куче платьев, а потом, когда он ее увидел, сказала громко:

— Ты бы мне хоть пару платьев оставил целыми. Все испортил!

Виктор молча подошел к ней. Она поднялась и положила руки на его плечи.

— Я уже устала ждать... — успела шепнуть она до того, как он закрыл ее рот поцелуем.

9

Путь вниз занял немного времени. Виктор хотел было подстраховать ее веревкой, но она только покачала головой.

Он полез первым, а Ксения неслышно следовала за ним. Так неслышно, что в какой-то миг ему даже почудилось, что в крошечной тьме она вовсе не цепляется за скобы, как он, а парит над ним, медленно опускаясь вослед, а потом вдруг показалось, что он сам вовсе не спускается, а, наоборот, карабкается вверх.

Потом они оказались на дне шахты. Виктор ощупал стены, но не нашел лаза. Негромко вырутался. И тогда Ксения чиркнула огнивом. При свете тусклого огонька, дрожащего на краешке щепки, он увидел, что лаз чуть выше головы. Оттуда и шел сильный ток воздуха.

Старые тросы опускались до самого пола и свивались кольцами. Он присмотрелся к ним. Что-то не так. Дотронулся и вздрогнул, когда от его прикосновения кусок троса превратился в труху, а остальная часть, упав, тут же рассыпалась сухой пылью.

Он представил себе, как там, наверху, решив, что тросы металлические, геройски сигает на них, хватаят и... летит вниз с сапогами на шее, сопровождаемый шлейфом трухи, в которую рассыпаются гнилые веревки.

Пробираться лазом было трудно. В лицо бил воздух, иногда вдруг шибало такой вонючей гарью, что слезились глаза. В одном месте Виктор зацепился кольцом ножен за какую-то кривую железяку, но Ксения, ползущая сзади, тут же освободила его. Лаз полого спускался вниз, расширялся и незаметно перешел в узкий коридор.

Ксения опять запалила огонь. Они стояли у железной двери. Виктор потрогал ручку. Дверь с тихим скрипом приоткрылась. Но он не спешил. Он не боялся удара клинка или свиста арбалетной стрелы. Виктор был уверен, что сейчас в помещениях магов нет никого. Никого из живых. Он представил себе, как вдруг оказывается в круглом зале и видит чер-

ные обгоревшие фигуры, замершие в страшных корчах, а сверху фестонами свисают застывшие потоки смолы.

— Там все прибрали, — прошептала Ксения, и он вздрогнул от ее шепота, — на той неделе мои навели порядок.

«Да уж!» — мрачно сказал он про себя и толкнул дверь.

Виктор никогда не был на нижних этажах, занятых магазинами. Он знал только, что где-то здесь должен быть запасной выход к конюшням. Когда-то давно Борис зазывал его вниз, обещал показать всякие забавные штуки, но мало кто нашелся бы в дружине, кто бы сам, по своей воле, появился сюда. Тогда Виктор ответил магу, что забавных штук он насмотрелся еще в Будапеште, и после этого Борис отстал.

Вскоре он с легким изумлением обнаружил, что различает стены и предметы, стоящие вдоль стен. Источник света не был замечен, но крошечная тьма сменилась серым полумраком.

Ксения прижалась к нему. Они проходили через большое помещение, заставленное странными громоздкими вещами. Виктор на миг остановился, пригляделся к ним и пошел, придерживая Ксению за локоть. Он вспомнил: точно такие устройства, а может, эти самые, он видел в Бастионе.

Быстро шел вперед, увлекая за собой Ксению, распахивал ногой двери, сворачивая в длинные коридоры, и только когда оказался в низком сводчатом зале с переплетениями толстых труб, обмотанных какими-то лохмотьями, остановился и задал себе вопрос: а куда это он так мчится?

Он закрыл глаза и попытался восстановить направление своего пути. Если правильно сориентировался в шахте и не очень уклонился в сторону, блуждая в комнатах и коридорах, то выход должен быть поблизости. Днем проще, хоть откуда — да мелькнет лучик света.

Виктор огляделся. В центре помещения возвышалось, подпирая потолок, большое сооружение из медных дисков, нанизанных гирляндами, белых, словно костяных, труб, сходящихся к середине устройства. Стеклообразные шары венчали стальные штыри. Черные жгуты змеились вокруг, тянулись в глубь помещения, а вокруг, по периметру машины, были расставлены небольшие магические зеркала, словно готовые в урочный час извергнуть огонь прямо в нутро сооружения. Приглядевшись, Виктор заметил, что держащие когти отсутствуют, а на их месте приклепаны раструбы, из которых вбок уходят небольшие короткие трубки, заканчивающиеся деревянными круглыми нахлобучками.

— Что за пендюря? — пробормотал Виктор.

Машина чем-то встревожила его. Он тряхнул головой, отгоняя видение, вставшее перед его глазами, — он и Месроп бредут причудливыми коридорами дома на улице Занаду...

Подойдя к устройству, Ксения потрогала трубки, коснулась деревянной нащепки и заглянула в отверстие.

— Как большой мундштук от трубы, — сказала она.

— Что?

— У Мити была труба. Красивая такая, блестящая, — грустно проговорила она. — Иногда он дул в нее, и труба рычала голосами. Вот эти штуки похожи. Словно в них дули или кричали.

— Поня-а-тно, — протянул Виктор.

Ему ровным счетом ничего не было понятно. Возможно, маги дули в эти трубки или выкрикивали свои заклятия, и тогда слова их бились о магическое зеркало, а затем сходились в сердцевине, где поблескивает сплетенный из желтой проволоки небольшой шар. А может, и не звуки отражались от зеркал. Но так или иначе — все это ушло вместе с магами. Рассыплется ржавчиной или будет выброшено на кузнечный двор. Новые времена, новые вещи.

Ксения вдруг насторожилась, замерла, подняв голову, и он потянул руку за спину, к арбалету, но тоже замер, прислушиваясь. Невесть откуда, словно со всех сторон, еле слышный шепот возник в помещении, шуршание, слабый шелест донесся до них и исчез, растаял тихим шипением, будто стены скороговоркой пожаловались — некому больше ходить здесь и колдовать с хитрыми машинами...

Он поежился, да и Ксения как-то неуверенно поглядела на него.

— Пошли отсюда, — громко сказал он, и внезапно эхо отозвалось из какого-то закутка: «...да ...да ...да».

Почти бегом они пересекли один зал, другой, широким коридором вышли к высоким колоннам, уходящим во тьму, и уперлись в большие двустворчатые двери с огромной медной ручкой.

Виктор перевел дыхание и обнял Ксению за плечи.

— Здесь! — выдохнул он.

Он видел такую же ручку, только с той стороны. Задний двор при конюшнях выходил к берегу. Порой, после того как перед осмотром давал разгон сотникам конницы, он выезжал

к реке, чтобы спрямить путь. Косился на эти двери, которые никогда не были открытыми, но особого любопытства к ним не проявлял.

С потолка донеслись слабые глухие удары. Виктор не помнил, что находится над ними. Не то оружейные склады, не то запасы вина. Он прислушался, потом осторожно потянул ручку к себе. Приоткрылась темная узкая щель.

«Ночь...» — слабо удивился Виктор. Ему казалось, что они проплутали здесь до утра. Ксения сунулась было наружу, но Виктор удержал ее за локоть.

«Иди за мной!» — прошептал он. Ксения кивнула и достала из-за широкого пояса стилет. Виктор скинул с плеча арбалет, взвел — мягко шелкнул затвор.

На площадке между ступенями и рекой никого не было. От конюшни несло кислым потом, всхрапывали кони. Виктор знал, что ночью со стороны заднего двора можно пробраться к конюшне, там обычно не ставили стражи, а калитка запиралась на щеколду изнутри.

Так оно и оказалось. Вдоль стены они прокрались к длинным деревянным строениям. У ближайшего стояла Виктор замер, а Ксения отвела руку, собираясь метнуть стилет.

Прислонившись к столбу, сидя прямо на опилках, дремал молодой дружинник, а другой, постарше, с седой прядью в волосах, обстругивал палочку. Масляный светильник с тремя рожками висел под потолочной балкой. Виктор узнал Харитона и его племянника.

Маршал беззвучно выступил из тени. Харитон выронил палочку, но Виктор опустил арбалет. Седой дружинник нагнулся, поднял палочку и пару раз провел по ней ножом. Потом негромко сказал дремлющему:

— Эй, дрыхун, пора обход делать!

Племянник замычал спросонок и пошарил рукой вокруг себя в поисках меча. Виктор отошел за дощатую перегородку. Навел арбалет на стражей, собираясь выстрелить при первом же крике. Но Харитон только сказал:

— Посмотри там, у входа, а заодно сбегай к «Сударчику» за жбаном.

Молодой дружинник истошно зевнул, вздрогнул, поеживаясь, и затопал вглубь конюшни. Сделал несколько шагов и вернулся подобрать оставленный меч.

«Охраннички чатовы, выпердыши мелкие!» — выругался Виктор и тут же с легким злорадством подумал, что даже если

маршальский жезл и достанется Александру, то у сопляка кровь из задницы пойдет, пока тот порядок наведет.

Харитон проводил взглядом своего племянника, пересел на его место и надвинул шлем по самый нос.

Виктор отвязал двух коней и вывел через задний двор. Ксения, держась в тени, следовала рядом. Дружинник приподнял шлем и проводил их долгим взглядом, а потом, когда Виктор прикрывал за собой калитку и встретился взглядом с его глазами, выпятил нижнюю губу и поднял большой палец. Если бы Виктор мог заглянуть во тьму конюшни, то он бы увидел молодого дружинника, восхищенно уставившегося на него и Ксению.

Стражников у малого моста, как и ожидал Виктор, не оказалось. Хотя деревянный настил и был поднят, вал с цепью не на замке, а просто заклинен толстой палкой.

Взялся за ворот, выдернул палку и медленно, чтобы не гроыхнули цепи, опустил щит на трехметровый пролом. Ксения легко вскочила в седло, и он повел коней за собой. Копыта глухо зацокали по бревнам, и через минуту они были на том берегу. Он еще не знал, в какую сторону им держать путь, но времени на раздумья не было. С минуты на минуту могли вломиться к нему и обнаружить только дыру в стене. Или же нетерпеливый жених заявится к невесте.

Виктор хмыкнул, вскочил на коня и двинулся направо.

Часть шестая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕТРА

Небо с востока наливало утренним светом.

Виктор и Ксения выбрались на Рязанский тракт. У первой заставы придержали коней.

Стражи не было. Видно, все спали в бревенчатом насесте над воротами. Маршал с трудом подавил в себе искушение подняться к ним, устроить большую выволочку и покидать парчушек вниз, чтобы службу не забывали. Но только выругался шепотом, оттащил лестницу в сторону и широко распахнул ворота.

Оставив их открытыми, повернул назад. Ксения удивленно подняла брови, но молча тронула поводья и последовала за ним.

Он не стал объяснять, что вот-вот их хватятся. После неизбежной суматохи и беготни доложат Правителю. Пройдет не меньше часа, пока выяснят, каким образом он ушел и куда. И вот тогда начнется беспощадная погоня, верером, с запасными конями, поднимутся все заставы и патрули. Вот пусть до самой Рязани и гонятся, след он оставил густой. Пока же они отсидаются у одного хорошего человека.

Когда они проехали линию валовых мостов, уже рассвело. Задымили трубы, издали донесся лязг кузнечного молота, заскрипело водяное колесо.

За Садовым Виктор свернул на еле заметную тропу. Места вырубок почти все поросли кустами. Хищная и одичавшая тварь давно распугана, разогнана и перебита. «Кажется, уже недалеко», — подумал Виктор, вспоминая дорогу.

Они выехали на поляну, и тут Ксения предостерегающе вскинула руку. Навстречу, из-за старого перекошенного плетня, выехал патруль.

Два молодых дружинника и воительница. Бойцы, увидев маршала, заулыбались. Жилстая скуластая воительница равнодушно глянула на него и уставилась на Ксению. Виктор хмыкнул — на воительнице не было ничего, кроме коротких штанов и кожаной безрукавки на голое тело.

Один из дружинников вдруг перестал улыбаться и, насупив брови, шепнул что-то напарнику. Тот метнул взгляд на Ксению и положил руку на рукоять меча.

— Осмелюсь спросить, — нерешительно начал дружинник, — вроде бы...

И замялся. Виктор мог продолжить за него. Вроде бы маршалу полагалось сидеть под домашним арестом и ждать решения своей участи, а не разъезжать с невестой Правителя зелеными тропинками. «Когда-нибудь каждый в Хоромах будет заниматься исключительно своим делом и знать только то, что ему положено! — внезапно подумал Виктор, и мысль эта была спокойной, будто он наперед знал, что рано или поздно ему придется наводить порядок в том бардаке, из которого он бежал сегодня ночью. — Иначе каждое слово или шевеление в покоях Правителя будет отдаваться дурным эхом в казармах».

Справиться с дружинниками не составит труда, но это — лишняя кровь. Виктор сурово процедил, чтобы они заканчивали объезд и возвращались с докладом к сотнику.

— Так ведь сотник... — сказал было дружинник, но второй ткнул кулаком ему в бок, и он замолчал.

Виктор насторожился, незаметно положил руку на пояс.

— В чем дело? — негромко, но властно спросила Ксения.

Воительница не успела ответить, как затрещали ближайшие кусты и на поляну выехал сотник. К седлу были приторочены две большие фляги.

— Эге! — сказал он, увидев маршала и Ксению. — Непорядочек, а?

И нехорошо улыбнулся. Сотник из молодых, незнакомый. Пока Виктор с Мартыном блуждали на севере, в дружине

произошла большая перетряска. Толку, конечно, никакого, решил Виктор. Сотник, а держится в седле рыхло, бросил патруль, сам за вином отлучился.

Глаза сотника хитро блестели. Он уже успел хлюпнуть из фляги. А на лице было написано желание отличиться, схватив беглецов. Догадаться, что это беглецы, сумел бы и самый тупой конюх — об аресте маршала, небось, гудела с утра вся дружина, и если были сочувствующие ему, то они помалкивали: у Николая ушей и глаз много. Сотник маршалу явно не сочувствовал. Он мигнул дружинникам и взялся за сигнальный рожок.

Плохо дело, подумал Виктор. Достать сотника, пока тот не протрубил, поднимая на ноги патрули и дозоры окрест, — пустяк, но дружинники успеют вогнать в него одну или две стрелы — арбалеты у них под рукой.

Ксения тихо кашлянула и хлопнула в ладони. И тут вонтьельница с пронзительным воплем вдруг взвилась из седла в воздух. Виктор успел только заметить ее широко раскинутые ноги. Дружинники вылетели из седел, а пока они падали в траву, вонтьельница оказалась перед сотником, взмахнула руками, и тот медленно повалился набок с двумя короткими дротиками в груди.

Учинив молниеносное побоище, она подошла к ним и склонила голову перед Ксенией. Виктор перевел дыхание. Лучше встретиться в бою с медведем, чем с такой суровой теткой.

Он спрыгнул с коня и подошел к дружинникам. Один из них слабо стонал, а второй вроде и не дышал. Виктор покачал головой. Ему было жаль молодых ребят, но ничего не поделаешь, не повезло им. Не будь сотника, может, и разминулись бы мирно.

Ксения тоже спешила. Она приложила ладони к затылку вонтьельницы и что-то шептала ей. Только сейчас Виктор увидел, что вонтьельница стара, лицо все в морщинах, а из-под шлема выбиваются грязно-седые космы.

Через минуту Ксения расцепила ладони, громко сказала:

— Я возвращаю твое имя, я возвращаю твою душу, так возвращайся домой, Анастасия! — и, приставив пальцы к ее лбу, слегка толкнула.

Глаза вонтьельницы вдруг наполнились слезами, каменное бесчувственное лицо обмякло. Схватив ладонь Ксении, прижала к своим губам. Миг, и она уже в седле. Взмахнула рукой, крикнула хрипло:

— Удачи тебе, хозяйка!

И исчезла в чаще.

— Куда это она? — спросил Виктор, недоумевая.

— Я отпустила ее, — задумчиво ответила Ксения.

— В казармы?

— Домой. Увидит внуков, тут же забудет про казармы, про все, — со вздохом проговорила Ксения.

Виктор задумался. Молча помог ей взобраться на коня, подтянул ремень и только после этого спросил:

— А когда ты отпустишь меня?

Ксения непонимающе вздела брови, и тогда он спросил, не приворожила ли она его чарами, как своих воительниц, и не колдовскими ли штучками изводила там, в Хоромах?

На это Ксения ответила, что почти всю силу растратила под Казанью, поднимая на воздух пояс укреплений. Теперь долго будет пустая. Ну, а может, не унимался Виктор, заклятые наложила, когда он еще пацаном ее сопровождал к развалинам на Воробьевых горах? Ксения удивилась, о чем это он, и тогда Виктор напомнил, как после сошествия с арфы они провожали трех лицестов к вместилищу старых вещей, и как напоролась на патруль, и как она целовала их в лоб, прощаясь. При этих словах невольно потрогал левую бровь. Немного помолчав, Ксения сказала, что память ей до сих пор не изменяла, и она доподлинно помнит, что при виде патрульной машины он порскнул в кусты и так хорошо затаился, что уже и не чаяла его увидеть. Впрочем, добавила она серьезно, если он считает себя обделенным, то готова сейчас же его доцеловать, восполнить недоцелованное. Виктор хмыкнул, а она рассмеялась и спросила, может, он вовсе не любит ее, а просто прихватил с собой в качестве заложницы? Виктор расхохотался в полный голос и прищипорил коня. Ему вдруг стало легко на душе, весело. Много позже он понял, что она так и не ответила на вопрос.

Лес растаял в просеках и полянах. Солнце осветило жилые дома, лепившиеся друг к другу. За ними серыми исполинами громоздились старые руины. Их постепенно разбивали на щебенку.

Завидев белые стены монастыря, Виктор вздохнул с облегчением — он рассчитывал пересидеть пару дней у Дьякона. А там видно будет. Правда, встреча с патрулем может навести на след. Хотя пока хватятся, пока найдут...

Он привязал коней к дереву, велел Ксении дожидаться и, прижимаясь к холодным камням, двинулся вдоль стены к задней калитке. На полпути остановился, замер, прислушиваясь, а когда из высокой густой травы вдруг встали два послушника и уставили на него рожна, он миролюбиво развел руки и велел провести к настоятелю.

* * *

Дьякон пододвинул к ним братину с квасом, глянув искоса на Ксению. Седины у него не прибавилось, он вроде даже стал шире в плечах, а голос по-прежнему был могучим. Чем-то похож на Сармата, решил Виктор и взял еще кусок рыбы. Ксения почти не ела. Сидела тихо, скромно опустив глаза. Моло-

дой послушник, прислуживавший за столом, старался на нее не глядеть, но нет-нет да стрелял глазами. Дьякон пару раз усмехнулся, заметив, что послушник слишком часто появляется в трапезной то с солью, то хлеба подрезать, а потом цыкнул на него, и тот пропал.

После еды Виктор немногословно рассказал о том, что покинул Хоромы и нуждается в убежище. Настоятель не удивился, только побарабанил пальцами по столу и ни с того, ни с сего спросил, правда ли, что у Сармата на старости лет моча в голову ударила и он невестой обзавелся? На это Виктор ответил, что сущая правда, а невеста — вот она. Дьякон удовлетворенно хмыкнул и, глядя, как Ксения сонно покачивает головой, предложил ей располагаться тут же, на широкой скамье, а они ненадолго выйдут. Ксения благодарно улыбнулась и свернулась калачиком, подложив дорожный узел под голову.

Некоторое время Дьякон молча смотрел на нее, потом перевел взгляд на Виктора и, взяв с соседней скамьи покрывало, протянул ему:

— На вот, прикрой.

В большом помещении, примыкающем к трапезной, Дьякон подошел к окну. Сквозь разноцветные стекла на него падали синие, желтые и розовые пятна. Он озабоченно почмокал губами и сказал:

— Да ты никак у своего Правителя невесту умыкнул?

Виктор сел на трехногий табурет и прислонился к стене. Глаза слипались, бессонную ночь он продержался спокойно, но сейчас, когда отпустило напряжение и за толстыми стенами монастыря он почувствовал себя в надежном укрытии, ужасно захотелось спать.

На вопрос Дьякона он не ответил, спросил только заплетавшимся языком, слышал ли тот об истреблении магов. Дьякон помрачнел, вздохнул, поднял очи к потолку и перекрестился.

— На дух не переносил этих крошечников, — прогудел он, — ан все одно, больно лютую казнь учинили. Без разбору, правых и виноватых. Да еще огнем! Негоже человеку подменять собой суд Божий! Говорят... — Он пожевал губу и испытующе поглядел на Виктора. — Говорят, к этому делу женщины руки приложили?

Короткий взгляд в сторону трапезной.

— Да, женщина, — полусонно согласился Виктор.

— Ну, Бог ей судья! — вздохнул Дьякон. — Куда стопы направишь?

— Куда-нибудь, — пробормотал Виктор, — погощу у тебя денек-другой, а там и... — Он зевнул, закрыл глаза, обмяк на табурете и мерно засопел. Настоятель прошелся несколько раз вдоль стены, оглаживая бороду, а затем вышел.

Не прошло и получаса, как он вернулся. Неслышно подошел к Виктору, осторожно тронул за плечо.

— А! — вскинулся Виктор.

Табурет отлетел в сторону.

— Не время сейчас спать, — проворчал Дьякон. — Худые новости.

Виктор перевел дыхание, вложил меч в ножны и потянулся, отчаянно зевая. Встряхнулся, сгоняя сон. Легкий озноб заставил плотнее запахнуть куртку.

— Гонец прискакал, сотнику пакет привез, — сказал Дьякон.

— Какой еще сотник? — не понял Виктор. — Дружина подошла?

— Память отшибло? — рассердился Дьякон. — Сам здесь гарнизон ставил!

Виктор закусил губу. После битвы у Бастиона он собирался вывести дружинников из монастыря, но как-то за делами да хлопотами запамятовал. Плохо. А может, и не плохо.

— Кто здесь сотником? — спросил он, зашнуровывая куртку.

— Зовут Кириллом. Мужик тихий, людей в строгости держит.

— Не помню такого, — пробормотал Виктор. — Седой, что ли?

— Да нет, молодой. Худющий и длинный.

— А... — только и ответил Виктор.

Он вспомнил. Из новых и, кажется, дружок Александра. Соблазнительная мысль поднять сотню и увести с собой растаяла. Он хоть и забыл про гарнизон, да вот другие, видать, ничего не забывают. Что ж, может, по праву молодые сейчас вверх рвутся, не все же им в рядовых боях мечами размахивать!

— Суетиться не след, — говорил между тем Дьякон, — но и залечь тебе здесь не дадут. А ну как видел кто или коней заметил?

— Надо уходить, — согласно кивнул Виктор.

— Надо. Да не торопись. Ее пока не буди, наверх поднимешься, запру вас там. А как стемнеет — дам лодку. Коней загодя переправят, велью к условному месту прямо сейчас полегоньку вести. Скажешь, куда. Отдохнете, перекусите, а на все остальное воля Божья.

Виктор прошел в трапезную. Ксения лежала тихо и дышала ровно. Когда он протянул руку, чтобы разбудить ее, она открыла глаза и пристально посмотрела на него.

— Погоня? — спросила она шепотом.

Виктор покачал головой и погладил ее по волосам. Дьякон неодобрительно хмыкнул и прикрыл дверь.

2

Когда он проснулся, день был в самом разгаре. В полуоткрытое окно сочился яркий солнечный свет, а у окна на резной скамейке сидела Ксения и расчесывала волосы. Заметив, что Виктор проснулся, она улыбнулась. Виктор нашел свою одежду аккуратно сложенной у изголовья. Никак не мог вспомнить, когда же он разделся.

На столе большой льняной салфеткой прикрыты печеные овощи, холодная рыба, серый рыхлый хлеб. Квас в большом глиняном жбане. Ксения сказала, что уже поела.

В дверь стукнули, и сразу за стуком вошли Дьякон и высокий монах в черной длинной одежде.

— Поспал?! — не то спросил, не то утвердительно сказал Дьякон. — Вот и хорошо. Половина дружины снялась и ушла куда-то. Может, за тобой. И рад бы тебя приютить, да взаперти ведь сам не удержишь.

Внезапно настоятелю пришла в голову мысль, от которой он расцвел, заулыбался.

— Слушай! — вскинул он широкие рукава. — Что бы тебе схму принять, а? В послушниках немного походишь, а до того я твой дух испытывать буду. Наложу епитимью за грехи прошлые — месяц безвылазно в келье просидеть, а келью запечатаю. Нужды в еде-питье знать не будешь. Из тебя хороший монах выйдет!

Виктор чуть не поперхнулся квасом. Откашлялся и сдавленным голосом поблагодарил Дьякона. А потом, глянув на Ксению, добавил:

— Может, когда-нибудь потом, попозже...

— Смотри не опоздай! — разочарованно буркнул Дьякон. — Ладно, говори, куда коней вести?

Виктор задумался. Он не собирался на тот берег. Хотел выждать день-два, пока вернется ни с чем погоня по Рязанскому тракту, а потом, обогнув Москву с севера, идти на Рязань же. Хитер наместник рязанский, но поладить с ним можно. Сейчас дело менялось. И дружинники гарнизонные рыщут, наверно, вдоль берега. Переправиться, а там...

И тут молнией сверкнуло воспоминание — крепкие невысокие строения, огромные подвалы, набитые всякой всячиной, затаенное место в необжитых краях. Когда же он последний раз был в своем кунцевском убежище? Да после Саратова, пожалуй, и не был! Интересно, найдет ли дорогу?

— Хорошо бы коней вместе с нами переправить, — сказал он и вопросительно глянул на Дьякона.

Тот пожевал губу, что-то прикинул.

— На плоту можно, — сказал монах. — Вниз, правда, снесет, к пепелищу.

Виктор поднял голову и взглянул на него. Голос показался знакомым. Пригляделся — вроде тот парень, что его и Месропа пленил. Но за год вырос очень. Глаза строгие.

— Все равно куда, — сказал Виктор.

Монах кивнул и вышел.

Дьякон присел к столу.

— Как дальше жить будешь? — спросил он.

Виктор пожал плечами.

— Несет вас, как былинку в поле. Сильный ветер поднимается... — Настоятель сцепил руки перед собой. — Может, и впрямь последние дни наступают. Только не нам дано исчислить времена, в соблазн сей не впаду, сохрани Господь! А Сармат твой гордец! — Внезапно Дьякон распалился и даже грохнул кулаком по столу. — Возомнил, прах земной, себя невесте кем! Впали людишки в мерзость безверия, а он первым из мерзавцев возжелал стать! И ты такой же... — Он упер обличающий перст в грудь Виктора. — Злодейские времена наступают, и ты хочешь быть сильным среди злодеев, но зла тем не одолеешь.

— А чем его одолеть? — спросил Виктор, пряча улыбку.

— Так тебе все и скажи! — хитро прищурился Дьякон. — Оставайся — поговорим, на путь истинный наставлю...

— Одному оставаться, или как?

— А... — Настоятель запнулся, глянул на Ксению, да так и застыл с открытым ртом.

Рыжие распушенные волосы огненным ореолом горели вокруг головы, рыжее пламя стекало на платье, обливало ее всю. Она стояла напротив окна, и дневной свет делал фигурку темной, почти тающей в потоке света.

— Жена, облаченная в солнце... — прошептал настоятель и медленно осенил себя крестным знамением. Затем перевел взгляд, исполненный сострадания и жалости, на Виктора.

— На все воля Господня! — еле слышно сказал он. — И ежели соединится семя зверя и блудницы, то так тому и быть!

Виктора пробрал легкий озноб. Он не понял, что хочет сказать Дьякон, но от слов его веяло страхом. Капли крупного пота выступили на лбу. Пальцы дрожали. Справившись с волнением, настоятель опустил глаза.

— Не удержать мне тебя, — глухо сказал он. — Путь твой темен, но ты пройдешь его до конца.

В дверь робко постучали, створка приоткрылась, и в комнату сунулась голова послушника.

— Что тебе? — спросил устало Дьякон.

Послушник вошел и, склонившись к его уху, негромкой скороговоркой что-то сказал. Дьякон кивнул, указал на дверь, а когда послушник удалился, озабоченно проговорил:

— По всему выходит, что тебе медлить нельзя. Дурные вести из Хором. Ищут тебя повсеместно. И велено искать, пока не същут, живого или мертвого.

Виктор спокойно кивнул. А как же иначе!

— Это не все, — мрачно продолжил Дьякон. — Сармат объявил цену головы.

— Какой головы? — не понял Виктор.

— Твоей! — рявкнул Дьякон.

«Что ж, — хладнокровно подумал Виктор, — теперь не только патрули и дозоры будут смотреть во все глаза, но и дружина засуетится. Среди горожан тоже найдутся охотнички».

Конечно, не все ратники в одночасье кинутся ловить его по лесам и оврагам. Многие при встрече отвернутся, как бы не замечая. Зла от него дружина не терпела, со многими

сотниками водил дружбу, не чванился. Только вот сотников тех заменили, да и старых бойцов почти не осталось.

— Мешок со снедью к плоту снесут, — сказал настоятель. — Хотя и светло еще, а времени терять не след. На той стороне не задерживайся, особенно ночью. Нечисто там. Огни среди руин пару раз примечали, а недавно шум великий до несса, словно зверь какой ревел. Плохое место.

— Спасибо за все! — Виктор поднялся.

Ксения взяла куртку и подошла к нему. Молча встала рядом и посмотрела на Дьякона.

Старик ответил ей тяжелым взглядом.

* * *

Они вышли через небольшую дверь в стене на песчаную отмель. Кони с завязанными глазами уже были на плоту. Виктор вспомнил, как они с Месропом проходили этой же дверью, и невольно повернул голову налево.

Высоко над берегом из зеленого месива торчали чудовищными головешками останки Бастиона, нависая над водой страшноватым трезубцем.

— Да, — сказал Дьякон, заметив его взгляд, — знатное учинили тогда побоище. Мы уж думали, и нас не минует огонь сатанинский. Ну, да Бог миловал!

— Кто же там шныряет? — спросил Виктор, не отрывая глаз от зловещих руин.

— Не знаю. Может, лихие люди, а может, и не люди во все. Много еще нечисти, и вольготно ей. А как будет порядок на земле, да как вернутся человеки к вере своей, так нечисть и сгинет.

— Скорее бы! — улыбнулся Виктор.

— А вот это уже не в твоей и не в моей воле! — строго ответил настоятель. — Твое сейчас дело ноги уносить. Давеча помогли двоим переправиться на ту сторону. Один обгорел, бедняга, второй ноги еле волочил, а тоже, вроде тебя, выпытывал, нет ли там какого шевеления.

— Кто такие? — равнодушно спросил Виктор.

— Обгорелый на ведьмака похож, ну, да теперь уже все равно!

— Ты гляди! — встрепенулся Виктор. — Как же его звали, не Иваном?

— Может, и Иваном, — ответил Дьякон. — Не спрашивал.

— А второй?

-- Молодой парень, только почти без волос. Звался смешно, вроде как маму поминал.

-- Вот оно что! — пробормотал Виктор.

Судя по всему, это были маг и ученый. Но как нашли друг друга, куда путь держали? Впрочем, ныне следовало позаботиться о своем пути.

-- Часто монастырские в Хоромах бывают? — спросил он Дьякона.

-- Что им там делать, в вертепе?! — рассердился настоятель.

-- Ну, мало ли...

-- Чего надо, прямо говори.

-- Мартыну весточку послать.

-- Так бы сразу и сказал. Пошлю.

-- Только тихо надо, за ним, наверно, сейчас догляд большой.

-- Не учи! Ежели от него что будет, куда тебе?

Виктор задумался. Даже при большом желании он не смог бы на словах объяснить, как добраться до кунцевских лесов. И сам больше надеялся на везение, чем на память.

-- На той стороне пусть к палке тряпицу привяжут да воткнут в дупло какое, к воде поближе. Значит, весть пришла. Сам приду или пришлю кого.

-- Где лодку возьмешь? — спросил Дьякон, хмыкнув. -- Ты лучше костерок небольшой разведи да в сторонку подайся. Как заметят мои, так лодку и вышлю. А ежели гарнизонные заметят, уходи, а на следующий день в то же время обратно, только уж без костра. Ну, с Богом!

Он перекрестил Виктора, сделал вид, что не заметил Ксению, и исчез за дверью.

Виктор молча смотрел ему вслед.

-- Какой он суровый, — сказала Ксения и тронула за рукав. -- Нам пора.

-- Пора, — эхом отозвался он.

3

Переправились быстро. Глядя, как шипит и пенится вода под широкими лопастями тяжелых весел, которые с трудом ворочали молодые крепкие послушники, Виктору на миг показалось, что сейчас заговорит о чем-то непонятном Месроп,

засмеются незнакомые девушки из Бастиона, а потом они пойдут тесными тропами, забираясь все выше и выше, к черному зданию...

Сведя коней на берег, послушники развязали им глаза, вернулись на плот и отчалили. Виктор заметил, с каким опасливым интересом они напоследок посмотрели на Ксению.

Виктор дождался, пока плот не дошел обратно до середины реки, а потом вскочил на коня. И Ксения легко взлетела в седло.

— Веди меня, мой принц! — весело сказала она. — Куда поворачивать коней?

Виктор улыбнулся, поднял указательный палец и, покрыв им в воздухе, указал налево. Потом озабоченно глянул на солнце. Оно стояло высоко. Надо поторапливаться. И он прищипорил коня.

Дороги хорошей в нужную сторону не было. Плохой тоже. Они пробирались опушкой невысокого молодого леса. Долго шли по насыпи, заросшей травой и густым кустарником. Виктор смутно помнил, что когда-то по насыпи тянулись рельсы. Потом стали попадаться длинные проплешины, заросшие травой, — давным-давно здесь проходил широкий проспект. Виктор вглядывался в руины, в их очертания. Когда высокое серое здание с осыпавшейся плиткой и темными провалами окон, своим остроконечным шпилем чем-то напоминавшее Бастион, осталось за спиной, он стал потихоньку припоминать. Миновав невысокое круглое сооружение, все облепленное плещом, вспомнил направление, которого надо было держаться, чтобы пройти между большими завалами старых домов.

Но завалов он не нашел и немного растерялся. На вопрос Ксении, не заблудились ли, ничего не ответил. Долго всматривался окрест, узнавая и не узнавая места, а потом вдруг догадался, что два холма, поросших травой, кустами и редкими кривыми деревцами, и есть завалы. Засыпало, запорошило бетонные и кирпичные груды.

За холмами дорога пошла веселей. Он вспомнил длинный многоэтажный дом с единственным уцелевшим окном. К его удивлению, окно и сейчас было цело. Поблескивая стеклом на солнце, оно как бы дразнило всякого, кто проезжал мимо. Виктор когда-то все собирался залезть туда, посмотреть, не живет ли кто, да так и не нашел времени. И сейчас вдруг остро захотелось соскочить с коня и пробраться через заросшие руины к дому.

Ксения проследила за его взглядом, увидела застекленное окно и нахмурилась. Подъехала к Виктору поближе и крепко взяла его за локоть.

— Не нравится мне это, — кивок в сторону дома. — Слово глаз наблюдает за нами. Поехали, а?!

Виктор вздохнул и тронул поводья. Надо было спешить, ночью в этих безлюдных краях делать нечего.

Потом они все-таки заблудились. То ли он свернул не там, то ли перепутал бетонную высокую стену, вдоль которой, кажется, надо было следовать до конца. Пришлось возвращаться к полуразрушенному дому, похожему на большой зуб, и искать другой проход.

Уже темнело, когда они выбрались к густому старому лесу. Виктор вспомнил высокие прямые сосны, бесстрашно уходящие в небо.

— Где-то здесь! — уверенно сказал он, привставая на стременах и оглядываясь.

Через несколько минут они выехали прямо к железным воротам в высокой кирпичной стене. За ржавой решеткой сквозь зелень еле проглядывал каменный дом.

— Какой милый домик! — восхитилась Ксения. — Мы здесь теперь будем жить, да?

Виктор приложил палец к губам. Он долго всматривался в увитые плющом стены, окна, забитые досками и заложенные щитами. Щиты он давно притащил с заброшенной стройки. А вот доски? Он не помнил, чтобы заколачивал окна. Хотя мог и забыть. Пять лет, семь или еще больше?

Еще в те годы, когда Виктор набрел на эту дачу, хитроумные запоры на воротах не работали, а сами створки были заварены крест-накрест толстыми стальными полосами. Но он знал, как открывать эти ворота.

Рукоятью меча постучал снизу по чуть вылезавшему из петель стержню, поддел, вытянул наполовину, а затем, спешившись, проделал то же самое со вторым. Взялся за нижний брус и медленно потянул ворота на себя. С жутким скрежетом рама повернулась на оставшихся петлях. Ксения въехала в ворота и повела за собой его коня.

Виктор постоял немного, прислушиваясь. Но ржавый крик ворот остался безответным, ни зверь, ни птица не откликнулись на него. Закрыв ворота и вбил стержни петель на место. Он понимал, что лучше бы оставить ворота распахнутыми, мало ли что, вдруг придется спешно уходить. Но он ре-

шил при любом раскладе остаться здесь. Это его убежище, и даже если забредет шальной патруль, то он поговорит с ними по-хорошему. И они примкнут к нему. А если нет, тогда разговор будет плохой.

Он с досадой подумал о том, что побег был слишком поспешным. Будь у него чуть больше времени, увел бы с собой не одну сотню. Глядишь, можно было бы и не уходить!

Они подошли к дому. Виктор с улыбкой потрогал полуогнившие перила высокого крыльца и с опаской ступил на скользкие каменные ступени. Была еще небольшая дверца с задней стороны, которой он обычно пользовался. Покидая надолго убежище, он придвигал к ней огромную пустую бочку и подводил колено водостока. За бочкой разглядеть лаз невозможно, но, возвращаясь иногда в дождливую погоду, он проклинал свою осторожность, ковыряясь в хитром засове большой двери.

Привязав коней к перилам, поднялись наверх. Кожаная обивка двери давно истлела, от нее остались неопрятные лохмотья по краям.

Достав стилет, Виктор осторожно ввел его в замочную скважину и качнул вверх. Но стука откидываемой щеколды не услышал, а стилет с тупым стуком уперся во что-то. Виктор вздохнул. Все проржавело. Он пару раз крепко двинул ногой по загнувшейся двери, затем снова попробовал. Без толку.

Повозившись немного с дверью, он готов был плюнуть на эту затею и посмотреть, как обстоят дела с бочкой. Может, там воды самую малость, или бочка давно уже рассыпалась, а он здесь потеет!

В тот миг, когда он разогнул спину, Ксения вдруг прикоснулась пальцем к его локтю и тихо сказала:

— Опасности!

Поворачиваясь, он одновременно сдернул со спины арбалет, а свободной рукой задвинул Ксению к себе за спину в дверную нишу.

На поляне перед домом никого не было. Только ветер тонко стонал в вершинах сосен. А может, и не ветер...

В густых сумерках еле видны ограда и ворота. Виктор заметил, как сквозь решетку блеснули глаза. «Если дураков — плохо дело! — успел подумать он, взведя арбалет. — Хорошо, если патруль».

И тут с воем и сдавленными воплями через ворота и поверх забора во двор полезли оборванные полуголые фигуры, помчались странными прыжками, размахивая руками, приседая и заваливаясь набок.

Виктор содрогнулся. Это были не звери. Хуже зверей. Он уже и думать о них забыл: казалось, давно и бесповоротно истребили всех лупил, утопили в болотах и перевешали на осинах.

Холод прошел по спине, когда он увидел горящие мертвым огнем глаза и скрюченные пальцы с длинными ногтями. На миг пожалел, что Ксения растратила свою силу, но тут же устыдился этой мысли, а стыд породил злобу.

Первые лупилы уже карабкались по скользким ступеням крыльца, когда сухо защелкал арбалет, и пятеро легли под ноги стаи. Не обращая на них внимания, топчя тела, остальные полезли вверх. Испуганно ржали кони, а потом затихли, только урчание донеслось оттуда.

Виктор уронил ненужный арбалет и сунул пальцы в прези найфов. Плохо, что ступени широкие, подумал он спокойно и, выдернув ладонь из кожаной обоймы, послал найфы один за другим в месиво тел, а потом еще, и еще...

Груда мертвых и умирающих лупил громоздилась перед крыльцом, а они все лезли через ограду и набегали сюда, словно породившая их тьма не смогла удержать и исторгла из своего чрева.

— Слева! — предупредила Ксения.

Виктор резко взмахнул рукой, и огромный детина с жуткими клыками, поблескивающими в лунном свете, остановил грудью все пять лезвий. Мотнул головой, захрипел и свалился вниз. Виктор пожалел, что истратил на него всю закладку — сунув руку в обойму, обнаружил, что она пуста.

Он успел заметить, что вроде из леса больше они не лезут, как вдруг на него сверху прыгнул лупила, подобравшийся по остаткам навеса над крыльцом. Острые ногти расплосовали рукав куртки, а зубами он тянулся к горлу, но так и рухнул с открытым ртом и со стилетом Ксении в бок.

Виктор пинком сбросил тело с крыльца, выхватил заплечные лезвия — и еще двое повалились, хрипя и царапая вокруг себя землю в смертных судорогах.

А потом он отдал свой стилет Ксении и шагнул вперед, чтобы случайно не задеть ее.

Луну заволокло дымкой, видно было всего на несколько шагов. Виктор надвинул шлем поглубже и обнажил меч. И в тот же миг на него кинулись сразу трое, а у одного в руке был зажат стилет, выдернутый из тела своего товарища.

Виктор холодно улыбнулся и в полуобороте срубил двоих одним ударом, а третьего достал острием в горло, перепрыгнув через рухнувшие тела.

Потом появились еще, и еще... Он работал спокойно, как на учебном плацу. Это была легкая добыча, но трудная работа. Он почувствовал, что начинает уставать, и стал предельно осторожен. Плиты на площадке скользкие от крови, одно неверное движение и...

Один из нападающих, голый, грязный мужик, взмахнул огромной суковатой палкой и пробил жестяной навес над крыльцом. Он не понял, что произошло, и когда сук застрял, то так и замер с поднятыми руками и вытаращенными глазами. Виктор легко полоснул его по животу, кишки вывалились на пол, лупила проводил их пустым взглядом, прежде чем у него подогнулись колена и он рухнул вслед за ними.

— Берегись! — вскрикнула Ксения.

Виктор крутанул мечом, но удар пришелся по воздуху. Маленький юркий лупила подобрался снизу и вцепился зубами в лодыжку. Виктор погрузил в его тело меч, лупила судорожно вскинулся, неожиданно мертвой хваткой вцепился в клинок и рухнул вместе с ним с крыльца.

Оставшиеся лупилы радостно взвыли. Виктор отметил, что голосов не так уж и много. Он отступил к двери, и Ксения сунула ему в ладонь рукоятку стилета.

По телам карабкались темные фигуры. Одна, две... четыре! Только четыре, подумал Виктор, но без меча. Он надеялся, что кто-то из нападающих возьмет его меч, тогда он отберет его — и всех дел на полминуты. Но они шли, выставив перед собой колья, и Виктор проклял их кровожадную туопость, ради двух людей уложившую почти всю стаю, проклял себя, что завел Ксению в эту ловушку, проклял строителя дома, сделавшего оконце сбоку от двери в нише крохотным, через которое и ребенок не пролезет, не то что Ксения...

Он успел прикинуть, как уйти нырком под колья, достать одного, второго, а там видно будет, как вдруг из темного проема оконца высунулась толстая гладкая палка, и к его ногам упал топор на длинной рукоятки.

Виктор не глядя метнул стилет и ухватил топориче. Три раза он взмахнул, хекая, а четвертым ударом в бок просто перерубил последнего лупилу.

С минуту он стоял, всматриваясь в темноту, но ни звука не шло оттуда. Кто-то в груди тел слабо застонал, но стон сменился булькающим звуком, и все стихло.

Дверь скрипнула и приоткрылась. Ксения вжалась в стену, а Виктор поднял топор.

Слабый свет высветил дверной проем, свет шел от площадки, а площадку держал в дрожащих пальцах старый человек с огромной бородой, закрывавшей почти все лицо.

— Ты великий воин! — слабым голосом провозгласил старик.

Виктор бросил взгляд на мертвые тела. Он не мог вспомнить, были среди нападавших женщины или нет. Опустил топор и мрачно ответил:

— Ты хочешь сказать — великий мясник? Впрочем, спасибо за подмогу. А теперь отвечай, что ты делаешь в моем доме и сколько вас там еще?

4

Коптилка еле освещала комнату. Старик, шаркая немислимыми опорками, ушел в темноту и принес еще пару масляных плошек. Копоти прибавилось, но светлее не стало.

Виктор сидел в старом кресле, а Ксения осторожно стаскивала с него куртку, чтобы осмотреть раны. Виктор был рад, что кресло уцелело. И большой круглый стол тоже. Другая мебель, как он сообразил, пошла на укрепление окон. Мебели он оставил немного, одна из зим выдалась холодная, и он спалил почти всю. Наверху неуютно, внизу, он помнил, гораздо веселей. Но лучше об этом помалкивать, может, новый жилец и не обнаружил ход в нижний ярус.

Старик между тем расставил плошки и подошел к ним. Склонив голову набок, молча стал смотреть, как Ксения, отвернув рукав, трогает пальцем края глубокой царапины.

— Что ты делаешь, глупая девчонка! — сказал он неожиданно сильным голосом. — Разве так обрабатывают раны?

С этими словами он поплелся в угол комнаты, кряхтя, нагнулся и достал из маленького шкафчика сверток.

Положил его на стол и развернул — по блестящей стали забегали огоньки светильников. Виктор увидел небольшие, странной формы лезвия, напоминающие найфы с плоскими рукоятками, маленькие ухваты, кривые щипцы, смахивающие на ножницы, и ножницы, ни на что не похожие.

Отодвинув Ксению в сторону, старик ловко, одним взмахом распорол рукав, срезал лохмотья кожи, а потом, хитро прищурившись, обмакнул полоску чистой тряпицы в пузырек с едко пахнущей коричневой жидкостью и прошелся ею по ране. Виктор зашипел и вполголоса ругнулся.

— Твое счастье, что зашивать не надо. Чем это хватанули, ножом?

— Ногтями, — сквозь стиснутые зубы ответил Виктор.

Старик поцокал, качнул бородой и, наложив край редкой белой ткани на рану, быстро обмотал руку повыше локтя.

— Ну, ерунда! — бодро сказал он. — Послезавтра и следа не останется.

— Спасибо, — кивнул Виктор, сдерживая ухмылку.

Любой маг, даже самый хилый, заживил бы такую царапину в одну минуту. И не жгло бы, словно горячими угольями посыпали рану. Маги были горазды лечить, в походах на ноги ставили сразу, или отступались, коли рана серьезная, — там уж как повезет. Может, доведется еще с Иваном встретиться, подумал Виктор, сейчас ему не помешал бы маг-хранитель, ох как не помешал!

Ксения внимательно разглядывала инструменты, а когда потянулась было к толстой кривой игле с шариком на конце, старик несильно хлопнул ее по руке, сгреб инструменты и завернул все в сверток.

Потом он уселся на табурет и сцепил пальцы на животе.

— Теперь пора нам познакомиться, — благодушно сказал он. — Меня зовут Иосиф. Мне восемьдесят шесть лет. Квартуюсь в вашем имении три года. Прошу простить за самовольство, но вас здесь долго не было. Если вы полагаете, что старику места не найдется, то я уйду.

— Да ладно уж, — усмехнулся Виктор. — Места на всех хватит.

— Это точно, — подтвердил старик, — особенно выпзу...

Он встретил взгляд Виктора и осекся.

— Я что-то не так сказал? — вскинул он пушистые седые брови.

Виктор, не отвечая, махнул рукой. Старик все-таки обнаружил лаз. Мало ящиков навалил. Конечно, неприятно, когда посторонние шарят по заветным углам твоего убежища, но семь лет — большой срок. Вот и появился новый жилец. Судя по всему, он здесь времени даром не терял. Да и не будь его — неизвестно, чем окончилась бы резня у дверей! Впрочем он сунул топор, что и говорить!

— Мне надо привести себя в порядок, — сказала Ксения.

— Это туда, — старик указал вбок, — по коридорчику до конца и налево.

Ксения взяла плошку и скрылась в темном проеме. Старик проводил ее взглядом и сказал:

— Я нашел шланг и воду провел. Бочка с водой очень удачно стоит, так что все удобства имеются. А раньше, я так понял, этих удобств на каждом этаже по пять штук располагалось. То ли народу много было, то ли с животами что-то не в порядке, боялись не добежать.

Виктор хмыкнул. Вот и бочка в дело пошла.

— Я полагаю, — старик доверительно понизил голос, — вы с девушкой путешествуете, а сюда заглянули по старой памяти, прихватить кое-чего на дорожные нужды?

Пожав плечами, Виктор ничего не ответил. Он не понял, о чем говорит старик. А тот погрозил пальцем и неслышно рассмеялся:

— Ай-яй-яй! Какой недоверчивый молодой человек! Вы думаете, Иосиф немного поживился вашим добром? Так давайте пройдем по всем закоулкам этого шалмана, и если пропала хоть одна ваша тряпка, то я возьму весь ущерб.

Не обращая внимания на его слова, Виктор полез в суму и достал припасы. Старик же продолжал ворчать о том, что в крайнем случае можно недосчитаться одной или двух сотен банок с консервами, но они и так уже были несъедобны, пришлось выбросить, а насчет мебели, он надеется, претензий никаких не будет, дерево пошло на то, чтобы забить все дыры, а то время от времени, особенно в полнолуние, лезут сюда всякие. Вот как только что эти упыри полезли!

Виктор разложил на столе снедь, собранную Дьяконом. Хлеб, рыба, десяток вареных картофелин, огурцы, помидоры, зелень. Небогато.

Старик замолчал, склонился над столом и внимательно оглядел рыбину. Потом со словами «э-хе-хе» зашаркал в сторону, исчез в одном из коридоров, а через несколько минут

появился, держа перед собой на вытянутых руках большую овальную посудину. Виктор узнал старое, в мелких трещинах блюдо. Когда-то на нем были видны пышнотелые женщины в старинных одеждах. Изображения стерлись, еле проглядывали контуры, а от одной женщины только голова и осталась, да еще заметен был полуоткрытый рот, словно она удивленно вопрошала — что же это, судари милостивые, на меня навалилось? А навалилась на нее большая копченая курица, добытая стариком из своих закровов.

Собравшийся было поблагодарить старика за курицу Виктор замер с раскрытым ртом — из тьмы возникла Ксения.

Зеленый бархат в неясном освещении казался черным, тонкая золотистая полоска блестела у горла, а длинные рукава окаймляла золотая же бахрома. Глаза ее блеснули в полумраке, и Виктору вдруг нестерпимо захотелось сию же секунду броситься на нее, сорвать одежду и повалить на пол...

Он стиснул зубы и медленно перевел дыхание. Как же он мог столько лет не видеть, не прикасаться к ее телу, не ласкать ее! Опустив глаза, он увидел свои кулаки и разжал пальцы. Ломило над бровью, а скулы свело, будто он наелся кислоты.

Ксения подошла к столу, села рядом и строго посмотрела на него. Улыбнулась.

— Ты посмотрел на меня так, словно хотел проглотить!

— Зачем тебя глотать, девушка, когда есть такая прекрасная курочка? — удивился старик.

Он понюхал рыбу, закатил глаза и, отломив большой кусок, повел долгий и обстоятельный разговор о дурных консервах, сущем дерьме, не стоящих и упоминания; о том, что успешно пользуется как скот, так и пейзаж, коим скот принадлежит, а благодарные поселяне деревушки, что неподалеку, приносят ему качественный харч, а ему много и не надо, консервы же вонючие, чуть в руках не взрывались...

Виктор не слушал его. Слова о жителях деревни отложились в памяти, но тут же ушли вглубь, утонули. Он держал Ксению за руки и молча глядел в глаза. Никогда в жизни ему не хотелось просто сидеть перед кем-то и смотреть в глаза, ничего не говоря. В нем поднялась глухая непонятная обида, он не понимал, на кого обижается, но ясно одно — его обокрали! Не сейчас, не в эти годы он должен был вот так молчать и смотреть в глаза, ушло время! Обида растаяла быстро, как и пришла.

— Так вы будете есть куру или я ее уношу? — громко спросил старик.

Ксения вздрогнула и отвела взгляд. Одна из плошек затрещала, изошла копотью и погасла. Стало чуть темней.

Трапеза шла под неумолчный говор старика. Он был рад неожиданным гостям-хозяевам и не скрывал этого. Тонко выпытывал, кто такие, да куда путь держат, долго ли намерены здесь оставаться, а если он их стесняет, то завтра же переберется в деревню, все равно скоро уходить, а может и остаться, места займет немного, хлопот от него никаких, шуму еще меньше, а при надобности, — тут он героически взмахнул погнутом столовым ножом, — при случае может и в бою сгодиться.

Виктор, жевавший куриную ногу, чуть не подавился. Скрыл усмешку и сказал, что благодарит за молодецкий порыв, не сомневается в доблести и отваге, но дел пока немного — выйти, оттащить падаль за ворота, а то провоняет все окрест. Старик уронил нож, покосился на забитые окна и спросил, есть ли нужда торопиться, все-таки ночь, а вот с утра пораньше будет хорошо, да и парнишка придет из деревни, принесет молока и хлеба, заодно и поможет.

Немного подумав, Виктор согласился. Он не боялся новой атаки лупил. Вряд ли в лесу затаились уцелевшие. Насколько он знал их повадки, ходили всегда плотной стаей, не разбиваясь на группы. Но все же ночью возиться не стоит. Вдруг какой недобиток пырнет во тьме твоим же лезвием!

Покончив с едой, Виктор уперся затылком в изголовье кресла и закрыл глаза. Потом спросил, не встречались старик в здешних лесах поляны с кольями или бревнами, врытыми в землю? Старик почесал бровь, задумчиво поводит бородой и сказал, что ничего похожего не видел, другое дело, что торговцы, вернувшиеся с южных пределов, рассказывали о чем-то подобном, но сам он торговцев тех тоже не видел и знает об этом через десятки уст.

Виктор вздохнул и поднялся. Ксения осталась в комнате, а он решил пройтись, осмотреть дом. Конечно, надо было это сделать, как только вошли, но Виктор сразу понял, что в доме никакой опасности нет, да и Ксения ее не ощутила.

Старик взял плошку и увязался за ним.

Внизу все оставалось по-прежнему. Только картины, сваленные им в угол, были развешаны по стенам, а техника, давно уже вышедшая из строя, наоборот, в угол задвинута.

Проходя мимо больших, во всю стену и до потолка, шкафов, старик виновато улыбнулся. Раньше полки были забиты саморазогревающимися консервами.

У последней комнаты старик похлопал по деревянным ветхим перилам и, заговорщицки подмигнув, сказал:

— Зато здесь все в полном порядке!

Виктор не обратил внимания на его слова и пошел дальше. В конце коридора, под лесенкой, ведущей к запасному выходу, он нащупал ящик, набитый старым промасленным тряпьем и достал из него тяжелую кожаную сумку. Старик с любопытством поглядел на нее, но ничего не сказал.

Поднявшись наверх, Виктор сел рядом с Ксенией. Задел ногой за скамью и поморщился. Рядом со щиколоткой саднило. До того он не обращал внимания на некоторое неудобство, но сейчас завернул штанину и стянул сапог.

Ну и ну! Лупила не только прокусил сапог, но и до крови разодрал ногу. Кровь уже запеклась.

Старик перегнулся через стол, увидел рану и пробормотал что-то непонятное. Протирая ее своей жгучей жидкостью, долго ругался, пугая всякими напастями. Потом еще раз осмотрел рану, нахмурился и замолчал.

Как только перестало жечь, Виктор провел Ксению в комнату, где находилась большая кровать. Через несколько минут к ним приполз старик с ворохом мятых, но чистых простыней. Рассказал, как он наловчился кипятить их в большом тазу. Потом вздохнул, пожелал спокойной ночи и ушел.

Виктор посмотрел на Ксению.

— Подожди немного, — сказала она и тихо рассмеялась, — я только застелю кровать...

* * *

Утром он проснулся от негромкого пения. Сквозь щели окна продавливались солнечные лучи. Одна из досок была сорвана, и широкая светлая полоса высветила край кресла, стену, обшитую деревянными панелями, и Ксению, сидящую у стола. Она разглядывала себя в осколок зеркала и что-то напевала.

Он зевнул, потянулся и тут же скривился от тянущей боли. Вчерашний укус еще не зажил. Ксения положила зеркало, возникла рядом и поцеловала его.

— Если все почистить и вытрясти, неплохой домишко будет, — сказала она.

— Да, — согласился он и замолчал.

Он чуть не сказал, что долго в этом гнездышке им не сидеть, погоня уже идет во все концы широким веером, а за его голову назначена цена. Но утро начиналось безмятежно, и хлопоты дня еще впереди. К тому же он сам разберется со своей головой.

Они прошли в столовую. Старик уже сидел на табурете и недоверчиво их разглядывал, словно гадал — приснились вчерашние гости, проложившие к нему дорогу по трупам, или все было наяву?

— Молоко почти остыло! — наконец сказал он. — Прошу, завтракать!

Разжевывая подсохший хлеб и запивая его молоком, старик вдруг спросил, правда ли, что между Москвой и Казанью война учинилась?

— Какая еще война! — недовольно сказал Виктор. — Так, сходили, разوبرались. Легкая прогулка.

Ксения улыбнулась, но ничего не сказала.

— Вояки! Нашли себе забаву! — Старик отставил чашку и сердито посмотрел на Виктора. — Надо дома стронуть и людей лечить, а не сабельками махать! Этот ваш Правитель...

— Что -- Правитель? — с интересом спросил Виктор.

— Ладно, ладно, — добродушно сказал старик. — Я все помню. Собрание ликующих горожан — и он, дающий клятву. Тебя тоже помню, стоял рядом, а вид был ужасно гордый. Я уже тогда знал, чем все это кончится.

— Разве все уже кончилось? — спросила Ксения.

— Нет, еще и не начиналось. Но эти разговорчики об ответственности за всех, красивые слова и жесты... Сначала ответственность, потом власть, а там, слово за слово, кончится, как всегда, большой кровью. Да вот уже и сейчас потихоньку принялись убивать друг дружку, и ты, — он ткнул пальцем в Виктора, — почему-то оказался здесь без свиты дурацкой. Я знаю, ты тоже начальник. Или был? — Старик хитро прищурился.

Виктор допил молоко и сдвинул чашки в сторону. Поднял с пола кожаную сумку и вывалил содержимое на столешницу. С глухим звяком посыпались обернутые в тряпицы железяки. В первом свертке оказались слегка тронутые ржавчиной болты для арбалета. Виктор тщательно протер их, смазал чуть-чуть жиром, оставшимся на блюде от вчерашней курицы,

и один за другим вложил в магазин. В других свертках были найфы, пара стилетов, кастет без одного шипа. Разворошив тряпки, он достал тяжелый сверток, туго обвязанный бечевкой. Развернул. Рукоять удобно легла на ладонь, вороненый металл тускло заблестел. Эту штуку он нашел давно, во время одной из ходок, через год или два после исчезновения старого Гонты. Ни разу не пользовался. Старое оружие. Пару раз сработает. Он нажал на шпенец сбоку — откинулся барабан, и желтыми глазками на него уставились доньшки патронов. Высыпал их на ладонь, осмотрел — вроде все в порядке, только кое-где появились маленькие зеленые пятна. Скрутил промасленную тряпицу фитилем и протернул сквозь ствол. Чисто.

Ксения молча наблюдала за его действиями, а старик пробормотал: «Вот-вот, именно это я и имел в виду», и, навалив на блюдо грязную посуду, ушел.

Покончив с делами оружейными, Виктор позвал старика, спросил, скоро ли придет его парнишка из деревни? На что старик пожал плечами. Тогда Виктор спросил, что за деревня, раньше здесь не жили. Это точно, согласился старик, они близ Ходынки обретались, да налогами допекли, вот и ушли оттуда. Какие налоги, не понял Виктор, а старик и сам толком не знал. Вроде как люди Правителя чуть ли не каждый месяц требовали то одного, то другого.

Виктор задумался. Он не помнил, чтобы хоть раз на Сборах говорили о налогах. Конечно, время от времени Мартын в своих государственных рассуждениях и об этом толковал, но в очень отдаленном времени, когда все установится. Скорее всего самозванцы объявились или ловкачи.

«Нет, порядок навести непременно надо!» — в который раз подумал Виктор.

— Что ж, — сказал он, — раз нет твоего парнишки, то придется самим.

Он подошел к двери и, осторожно приоткрыв, долго вслушивался. Шумел лес, птицы пересвистывались, но человеческого голоса или стоны слышно не было. Тогда он распахнул дверь настежь и, зажмурившись от яркого света, вышел на крыльцо.

Старик, выйдя за ним, охнул и схватился за дверной косяк.

— Извини, — еле слышно прошептал он, — но я тебе не помощник.

К полудню Виктор закончил. Нестерпимо ныла рана, знобило. Но четыре десятка тел он оттащил далеко в лес и, найдя подходящий овражек, свалил туда. Через пару дней вонища пойдет во все стороны, но он полагал, что к этому времени они с Ксенией покинут убежище. Жаль лошадей! На них страшно было смотреть — казалось, из их тел выгрызали огромные куски мяса. Может, и выгрызали.

Солнце уже пекло в зените, когда он позвал старика на помощь, и вдвоем они оттащили конские трупы за ограду.

Виктор, хромая, добрал до дома, вскарабкался на крыльцо, а в комнате рухнул в кресло.

— Все в порядке? — обеспокоенно спросила Ксения.

Он кивнул головой, но старик вдруг потребовал, чтобы Виктор показал ногу. Долго водил носом над раной, словно обнюхивал, цокал языком, но ничего не сказал. Виктор заметил, как потом старик копался в угловом шкафу и звенел стеклом. Достал несколько пузырьков и поднес к щелям в окнах, разглядывая надписи.

Ксения разогрела на маленькой железной печке еду. Виктор ковырнул овощное рагу и отложил ложку. Есть не хотелось.

Старик между тем ел и похваливал. А потом, довольно откинувшись к стене, сказал, что так вкусно кормят только в деревне, хотя и там не знают, что такое настоящая еда.

При этих словах он назидательно поднял палец. Ксения спросила его, что же такое настоящая еда, но старик благодушно махнул рукой и сказал, что незачем ворошить былое. Все равно не жизнь, а сплошная имитация.

Ксения не поняла, о чем говорит старик, но вопросов больше не задавала. Старик закрыл глаза и несколько минут размеренно сопел носом. Когда Виктор решил, что он спит, вдруг широко распахнул глаза и внушительно сказал:

— Именно так! Мелкие игрища, возня у власти. Вся эта пародия на феодализм кончится большой кровью. Но и ваши грандиозные битвы за стратегически важные коровники и сортиры — всего лишь имитация, муляж, химера...

— Что, что? — спросил Виктор, морщась от боли.

— Битое стекло! — снова вздел палец старик. — Старая трагедия только сейчас заканчивается, а в ожидании конца все эти правители и присные их пытаются склеить старое зеркало цивилизации. Под руки попадают смешные предметы, обломки вазы, бокала, писсуара... Но из них ничего не склеишь.

Чем больше пытаетесь вспомнить, тем больше забываете. И ваши опереточные походы — возня с осколками. Когда повзрослеете, выбросьте к чертям осколки и займитесь настоящим делом.

Виктор с трудом понимал, о чем говорит старик. Виной тому, наверно, была стреляющая боль. Нога горела, светлые щели в окнах нестерпимо жгли глаза, хотелось закрыть их и лечь.

— А ты, — еле разлепив губы, спросил он сипло, — а ты что делаешь?

Старик внимательно посмотрел на него, вздохнул.

— Чтоб я знал! — горько сказал он. — Порой мне кажется, что я — последний из моего народа, кто остался на этом огромном пространстве между двумя океанами. Еще в прошлом веке... Или в прошлом тысячелетии все, кто еще обрелся в сей юдоли, покинули эти пределы, ушли туда, где начиналась история. А я остался у котлов мясных. Звала, звала меня родня во все концы, во все пределы, у меня одних племянников на всех континентах не счесть. Я, можно сказать, родовитый космополит... — Старик негромко рассмеялся.

— Но я остался, — продолжал он. — И не потому, что мне было интересно, как наступает судный день на этой земле, нет, я не настолько бессердечен. Просто не успел. Или не захотел, не помню. Когда началась пандемия, я уже не мог уехать отсюда. Помогал, делал все, что мог, а мог очень мало. И вот я остался один! — Голос его окреп, плечи распрямились. Он будто стал выше ростом. — Я остался один, но голос мой не будет услышан в пустыне. Скоро я уйду, завершатся мои земные дела. Я даже рад, что не увижу наступления новых времен. А новые времена набухли гроздьями, вот-вот прорвет плотину, а старой истории и старым людям нет места в новом потоке...

Виктор закрыл глаза. Голос старика гремел в ушах, острыми иглами сыпался в голову.

— Я не знаю, где встречу свой последний день, — говорил старик, — но я смежу веки свои с улыбкой. Может, я самый старый человек из всех живущих. Я жил в двух веках и двух тысячелетиях, видел величие и падение империй. У меня были друзья и враги. Все они давно мертвы. Умру и я.

Он умолял. Ксения подождала немного, а потом уважительно спросила:

— Ты из тех, кто видит будущее?

Старик улыбнулся и покачал головой.

— Спасибо тебе, девушка. Пророком меня еще никто не называл. Я польщен. Но, увы, последние пророки умерли давно. Тысячу, две тысячи лет назад! Теперь долго еще... — Он осекся и посмотрел на Виктора.

Тот не слышал ни старика, ни Ксении. Голова лежала на столе, он был без сознания.

— Боже мой! — вскричал старик. — Надо немедленно перенести его в кровать! Это все рана на ноге. Очень плохо, очень...

Ксения поднялась со скамьи и положила ладонь на голову Виктора. Замерла, словно пыталась что-то услышать.

— Он болен, — сказала она наконец. — Но это не очень плохо. Это гораздо хуже.

5

Он уходил в вязкую глухую муть, бесконечное падение изматывало, а когда оно закончилось, сбоку из тьмы всплыли огромные соты, и вот он уже брел, проламываясь сквозь липкие стены, которые дробились, рассыпались от малейшего прикосновения. Тягучий мед вытекал из разбитых сот, обволакивал его, душил...

И после того, как он вмерз, окаменел в янтарном шаре, все рассыпалось песком, и он рассыпался тоже, а песок смыла холодная вода...

Временами, приходя в сознание, он видел склонившуюся к его изголовью женщину. Кажется, он знал ее, но никак не мог вспомнить имя. Чужая, чужая, чужая — монотонно крутилось в голове, а потом рядом с ней возникала старческая голова, пальцы, оканчивающиеся длинной иглой, и вновь он падал в мутное забытие.

Потом ему стало немного легче. Он лежал легкий и пустой, холодная испарина покрывала тело, а Ксения полотенцем обтирала пот с его лба. Сквозь полумрак и дрожащее пламя свечи он едва различал ее лицо. Глаза были закрыты, она медленно качала головой из стороны в сторону и что-то монотонно бормотала...

— ...вернись, вернись, возвращайся, душа. Не ходи на восток: там из огненной ямы выплавляется солнце; там девять великанов несут раскаленное светило, они унесут и тебя.

Вернись, возвращайся, душа. Не ходи на север: там большая вода и злые рыбы, они сожрут твоё тело и обгложут кости, они уходят в глубину и унесут тебя с собой. Вернись, возвращайся, душа. Не ходи на запад: там живут черные змеи с шестью головами, им прислуживают длинноголовые люди с синими зубами, они съедят тебя. Вернись, возвращайся, душа. Не ходи на юг: там на огромных кольях гниют днем и ночью мертвецы, они съедят тебя, а полосатые муравьи ростом с человека превратят в труху твои кости. Вернись, возвращайся, душа. Не улетай на небо: там пустота и холод, там ничьи глаза смотрят во все стороны, и те, кого они увидят, рассыпаются в пыль, там восемь страшных солнц охотятся друг за другом, пожирая и выплевывая друг друга, они съедят и тебя. Вернись, возвращайся, душа. Не уходи под землю, там шестнадцать стражей ждут тебя, чтобы пропустить через колесо, там полуголовый зверь, не имеющий имени, съест тебя всю. Возвращайся, вернись, это я призываю тебя, вернись скорее ко мне, ты еще не прошла свой путь до конца, вернись, вернись, вернись...

Голос Ксении таял, обволакивал. Виктор пошевелил тяжелой рукой, с трудом нащупал ее ладонь и слабо пожал ее. И тут же заснул.

Он просыпался и снова засыпал,пил горячее и холодное, несколько раз видел сквозь пелену Ксению, старика и незнакомого юношу, испуганно смотревшего на него.

А однажды он проснулся и долго лежал с открытыми глазами, всматриваясь в серый полумрак. Хотелось есть. Он понял, что выздоравливает.

Хворь, неожиданно свалившая его, была подобна удару молнии. Не мог же укус вонючего лупилы ввергнуть в ничейные земли между жизнью и смертью! Наверно, судьба подавала ему знак. Он был испепелен, размышлял Виктор, а сейчас как бы возродился в новом качестве. Долгие годы ему казалось, что внутри сидит стальной ёж, ошетиленный во все стороны жесткими прутьями. И сейчас вдруг концы этих прутьев словно вошли в свои гнезда, и ёж перестал колотиться о его, Виктора, оболочку, и это дало хозяину тела совершенно иную свободу и силу, большую, чем была у магов и есть у Ксении.

И как только он подумал о ней, она вошла в комнату.

Положила узкую прохладную ладонь ему на лоб и тихо сказала:

— Вот ты и вернулся.

* * *

Через два дня он встал на ноги.

Старик ворчливо сказал ему, что извел последние ампулы с антибиотиками и, собственно говоря, собирался ампутировать ногу, но Ксения не разрешила и правильно сделала. Он не верит в чудеса, но то, что Виктор выжил, — чудо из чудес. По всем правилам медицинской науки ему полагалось загнаться от гангрены или общего сепсиса.

Виктор с улыбкой выслушал речь старика, пересыпанную незнакомыми словами, поблагодарил его и заверил, что не забудет о нем и в иные дни.

Старик бросил на него странный взгляд.

— Иные дни наступят скорее, чем мы ожидаем, — сказал он после короткого молчания. — Но мне уже все равно. Я подзреваю, что моя миссия здесь и сейчас подходит к завершению.

Виктор сидел в кресле и внимательно следил, как пятнышко солнечного луча пробилось сквозь щелку и медленно переползает с тарелки на стол.

— Одна миссия завершается, другая начинается, — проговорил он. — Лекари всем нужны, особенно в дружине. Без магов трудно придется.

— Кху! — не то поперхнулся, не то подавился старик. — Спасибо за сравнение! Польщен, знаешь ли! Где уж нам, сиволапым...

— Ну почему же! — благодушно возразил Виктор. — У тебя неплохо получается, хотя и без магии.

Он хотел сказать приятное старику, а сам, конечно, был уверен, что именно странные заклинания Ксении вернули его с полпути в долину смерти. Но старик почему-то не обрадовался. Сложив губы трубочкой, он проницательно посмотрел на Виктора.

— И ты веришь в эту чушь? — с этими словами обличающе уставил палец на собеседника.

— В какую? — кротко спросил Виктор.

— Ну, со всеми этими чудесами, страхами... — Старик неопределенно повертел ладонью над головой.

— Ты имеешь в виду Страх Небесный? — Виктор задумчиво посмотрел на потолок. — Да, говорят, что появились секты поклонников, и будто они ставят колья острыми в небо. Только я думаю, что это все же становища лупил.

— Я не о том! — досадливо перебил его старик. — Ты говоришь так, словно Страх на самом деле существует!

— А разве нет? — улыбнулся Виктор.

Смешной старик, подумал он. И говорит смешно.

— Кто бы мог подумать, — горестно покачал головой старик, — что невежество людское расцветет пышным цветом! Кстати, все эти ваши страхи — результат действия испарений некоторых растений. Давно очень вывели какой-то хитрый гибрид эфириноса с коноплей, вот их аэрозоли и мутят вам головы! Понимаешь, взвеси такие легкие поднимаются в воздух и разносятся ветрами, в зависимости от погоды их действие усиливается или ослабевает. Так что это вовсе не страх, а сплошная химия!

— Химия? — вежливо спросил Виктор.

— Да! — громко сказал старик.

— А маги?

— Что — маги?

— Маги — тоже химия?

Сморщившись, словно от зубной боли, старик процедил, что насчет магов у него нет разумного объяснения. В работе он их не видел, а мало ли что понаарасскажут! Может, так называемые маги обладают даром внушения, а чего только не привидится человеку, нанюхавшемуся испарений.

— Значит, рассказы только? — переспросил Виктор.

— Именно! — воодушевился старик. — Ты хоть раз видел какое-нибудь по-настоящему магическое действие или их пресловутый огонь?

— Видел.

— А! — Он на миг запнулся. — И что, в самом деле...

— В самом деле. И не только огонь.

— Ну, тогда я не знаю, — сердито отозвался старик и повернул голову к Ксении, не вмешивавшейся в разговор и разглядывавшей старый альбом.

— А ты, девушка, тоже видела магов?

— О каких растениях ты говорил? — спросила Ксения, не отвечая на вопрос старика.

— Что? Ну, я не помню! Очень давно читал статью об этом. Какие-то умники возились с генами кактусов, трав и кустарников. Был побочный эффект, но, конечно, я забыл детали. Ты мне скажи, сама видела фокусы этих затейников?

Ксения внимательно посмотрела на старика.

— Ты прав, — сказала она, — они действительно прикоснулись только к краешку силы, и им было неподвластно освобождение души вещей. Что уж говорить о душе растений! Но фокусы им неплохо удавались, хотя сила больше разъедала их самих.

— О чем мы говорим! — еле слышно пробормотал старик, вздохнул, пересел на лавку к стене и смежил веки.

Все эти разговоры Виктору казались несущественными. Дни и ночи беспамятства, словно воды большой реки, смыли с него коросту старых привычек и страхов. Он чувствовал себя неуязвимым, не понимая, откуда в нем эта уверенность. Каждая минута, каждый час были наполнены ожиданием неких событий, хотя в старых, пропитанных ароматом тления и распада комнатах изо дня в день ничего не происходило, и время тянулось под бормотание старика и уютное молчание Ксении. Гонта учил быть терпеливым. Если ничего не можешь сделать или не знаешь, из какой щели вылезет враг, говорил он, не суетись, нарыв сам лопнет.

Вот он и ждал теперь, чем лопнет двухнедельное сидение в убежище. Через пару дней он сможет выйти, попытается раздобыть коня. А там видно будет.

Он не понял, что имел в виду старик, говоря об испарениях. Не на волчью ли траву намекал? В самом деле, что выращивали маги на своих плантациях?

Чтобы размять ногу, он часами ходил по дому, показал Ксении все углы и закоулки. В одном из встроенных шкафов они нашли ящики со старыми книгами. Многие страницы были убиты плесенью, не разлипались, таяли в руках скользкой гнилью. Уцелели скучные тома без картинок, иногда в них попадались фотографии тусклых лиц. «Речи и выступления, — прочел Виктор на обложке. — Мартына бы сюда, — подумал он, — вот радости-то ему!» Он задумался, куда все-таки исчезли книги? Новую бумагу ничто не брало. Но пропали не только библиотеки. Куда-то сгинули музеи, хранилища... Может, вместе с техникой, а может, еще раньше.

Он спросил у старика, что тот думает о наведении порчи на сложные механизмы. Старик устало пробормотал, что для дурака и ржавчина — колдовство, и еще добавил, что чем сложнее техника, тем легче выходит из строя, а кувалдой или, хм, мечом ее не починишь.

Ксения раскопала большой, хорошо сохранившийся альбом и часами рассматривала цветные изображения лесистых

гор и замков на их вершинах. Однажды она показала Виктору большой замок, прямо дворец, высоко над старым городом, утопавшим в зелени, а внизу река, рассеченная мостами. Ему показалось, что он видел когда-то замок и реку, но не мог вспомнить где.

— Я хотела бы жить в таком доме, — сказала Ксения.

Старик, дремавший у стены, разлепил глаза, прищаркал к ним и заглянул через плечо. Бормотнул о губе, что не дура, и вернулся обратно.

Виктор смотрел на картину, но перед глазами вставал острый, впивающийся в небеса контур Хором. Что там сейчас делается, каково Мартыну, направит ли Сармат еще погоню? Ему даже привиделось, как длинными темными коридорами быстро идет Правитель, за ним свита и охрана, трещат факелы, полосы света и тени извиваются на потолке, идут сотники, тысячные, вот только лиц он не может разглядеть, но еще усилии, и он увидит лик Правителя...

Видение прервал стук в дверь. Он поднял со скамьи арбалет, взвел. В дверь еще пару раз коротко стукнули.

Старик не обратил внимания на стук, а Ксения успокаивающе похлопала Виктора по локтю и пошла к двери.

Рослый парень со светлыми вьющимися волосами ввалился в комнату, обвешанный битой птицей, связками свежей, трепыхающейся рыбы и с большим мешком за спиной.

— Хлебца горячего принес! — радостно провозгласил он, а потом, увидев Виктора, смутился и тихо сказал: — Вот и рыбки тоже. Здравствуйте!

Виктор отложил арбалет и приветственно взмахнул рукой. Парень, робко поглядывая на него, подошел к столу и навалил снеди.

— Куда кладешь! — не открывая глаз, сварливо сказал старик. — Неси в кладовую!

— Ага! — В тот же миг юноша сгреб все в охапку и кинулся в коридор.

Что-то там грохнуло, зазвенело. Ксения улыбнулась.

— Это Андрей, — сказала она. — Еду приносит.

И добавила, что парень во время болезни приходил каждый день, ухаживал за ним и даже помогал перевязывать.

— Ну да, — проворчал старик, — и стащил мой ланцет. Андрей вернулся и присел на краешек скамьи.

— Садись ближе, — велел ему Виктор, а когда парень молниеносно пересел, спросил у него: — Далеко ваша деревня?

— Час ходьбы.

— Людей много?

— С полсотни будет.

— Кони есть?

— Есть. Десятка три-четыре.

— Хорошо.

Виктору понравилось, что Андрей, вопреки обыкновению селян, не стал многоречиво рассказывать о селе, жителях и лошадях, а отвечал кратко, толково.

— Небось в дружину хочешь сбежать? — испытующе глядя на него, спросил Виктор.

Парень кивнул. Смущенно улыбнулся. Потом грустно сказал, что отец его и отпустил бы, да вот платить нечем. На недоуменный взгляд Виктора пояснил, что сборщики налогов за рекомендацию требуют пять коней или малую меру золота, а откуда его взять?

После расспросов Виктор понял, что за самозванными сборщиками стоит кто-то из Хором. Закралась мысль, уж не Егоровы ли следы тянутся сюда и на кой предмет Егору золото. Сармат решил поправить запас? Но почему об этом не знали ни он, ни Мартын? Виктор решил, что скоро всей суетной кутерьме и неразберихе придет конец и каждый будет заниматься тем, что ему положено, либо же конец наступит для обитателей Хором.

Заметил, что Андрей собирается сказать что-то, но не решается. Поощрительно кивнул ему.

— А правда, что вы всех волчар положили? — спросил он. — Я к овражку когда вышел, чуть не рухнул с перепугу, сколько их там нава-а-лено!

— Невелика доблесть, — отозвался Виктор. — Будь они с оружием, совсем другой разговор вышел бы. Сам-то чем работаешь?

— Да я... — Парень замаялся, но тут со скамьи привстал старик и, хрустнув суставами, потянулся.

— Не скромничай, — сказал он. — Палкой он орудует, большой виртуоз. Помню, возвращались с ним вечером... Когда же это было? Кто рожал тогда, а? — Старик нахмурил лоб, вспоминая, а потом махнул рукой. — Все забыл. Так вот, он трех диких кошек прибил, я даже испугаться не успел. Вжик, вжик — и готово!

Виктор с уважением посмотрел на Андрея, тот потупился. Молодец, с тремя дуროхвостами справиться — большая ловкость нужна, их, бывало, и клинком-то сразу не достанешь. Пока замахнешься, он у тебя уже на спине сидит и шею грызет.

Парень нравился ему. Что ж, хранителей нет, один пропал, второй тоже сгинул. А этот вроде ничего.

— Пойдешь со мной? — спросил он.

Юноша вскочил со скамы, вытянулся, замер с горящими глазами.

Старик хрипло рассмеялся.

— Пойдет, куда денется! Ты теперь для него герой! — Покачал головой и добавил совсем тихо: — Бедные мальчики, бедные глупые мальчики.

— Раз ты хорошо работаешь палкой, — сказал Виктор, — то меч и копые для тебя в самый раз. Мечом владеешь?

Парень испуганно качнул головой. Виктор рассмеялся.

— Ну, пошли во двор, покажу кое-что!

Старик посмотрел им вслед и сказал Ксенни:

— Может, оно и к лучшему. Андрей — смелый и честный юноша. К сожалению, твой герой не будет ему хорошим другом.

— Зато он будет ему хорошим господином! — ответила Ксення, не поднимая головы от альбома.

Старик только вздохнул и снова лег на скамью.

6

Не прошло и трех дней, как силы полностью вернулись к Виктору. Вечерами чуть-чуть ныла нога, но он уже не обращал на нее внимания. Время летело быстро — с утра до вечера на заднем дворе они с Андреем предавались ратным утехам. Юноша оказался на удивление способным и для начала обезоружил Виктора, показывавшего ему нижний удар мечом. Виктор сперва и не понял, как Андрей умудрился палкой выбить из рук меч. Посмотрел на лежащий в траве клинок и попросил еще раз показать, а потом серьезно сказал, что вряд ли сможет его чему-нибудь научить, впору самому поучиться. Парень от удовольствия даже покраснел.

«Копье или пика, вот что ему подойдет», — решил Виктор и спросил юношу, кто его научил так ловко крутить палку.

Андрей замялся, а потом сказал, что никто не учил, несколько лет назад нашел старые листки, на которых были изображены люди с палками в разных позах. Пасти коров — дело нехитрое, времени много. Вот он и наловчился. Ну, и с деревенскими ребятами иногда приходилось считать пальцы.

Виктор все же показал ему несколько приемов. Андрей с опаской взял тяжелый меч, взвесил в руке, взмахнул, крутанул.

— Хорошо, — похвалил Виктор, — представь себе, что работаешь тяжелой палкой.

Андрей кивнул и так махнул клинком, что срубил молодую березку.

Наблюдая за его прыжками и ударами, Виктор заметил, как быстро юноша принаоровился к мечу. «Это будет великий боец, — подумал Виктор, — если только не сложит голову вместе со мной».

Он вздохнул и посмотрел на небо. Большими сизыми кляксами расплзались тучи, наливались чернотой, синие прогалины быстро таяли. Запахло близким дождем. Едва успели добежать до крыльца, как пыхнуло, грохнуло и полило.

После ужина Андрей собрался уходить. Закинув пустой мешок за спину, он сказал Виктору, что только предупредит отца — и сразу обратно. Обернется быстро.

— Для начала ты должен был испросить у меня разрешение, — мягко сказал Виктор, но, заметив, как испуганно округлились глаза парня, добавил: — Но, поскольку ты еще не на службе, то волен поступать по своему усмотрению.

— Ага, — вмешался старик, возившийся у шкафа со склянками, — дисциплина — это всегда хорошо.

— Мне можно идти? — спросил Андрей.

Виктор улыбнулся и указал на скамью. Глядя, как юноша торопливо плюхнулся на нее, чуть не рассмеялся. Сел рядом.

— Значит, так, — сказал он. — Скоро будет темно, так что жду тебя утром. Переночуешь дома. И вот еще. Монастырь на том берегу знаешь?

Андрей кивнул.

— Утром пройдишь по берегу. Напротив монастыря посмотри, нет ли где тряпки, привязанной к ветке или палке. Потом сразу сюда. Все понял?

— Переночевать дома, утром на берег смотреть тряпку.

— Молодец. Какое оружие возьмешь?

Андрей молча показал на палку, прислоненную к двери.

— Хорошо. Возьми еще это, — Виктор протянул ему стилет с тяжелой серебряной рукояткой. — Когда вернешься, научу метать найфы. Вперед!

Прицепив стилет к поясу, Андрей встал, кивнул старику, сделав неловкий поклон в сторону Ксении и вышел.

Ксения захлопнула альбом и отложила его в сторону.

— Кажется, ты что-то задумал? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Кое-что, — тут он хлопнул себя по лбу. — Забыл спросить, как деревня называется!

Булькающие звуки из угла заставили его вздрогнуть. Старик смеялся, кашляя и задыхаясь. Отсмеявшись и прокашлявшись, он сказал:

— Деревня называется Фили.

— Что в этом смешного? — удивился Виктор.

— Ничего, просто вдруг смех разобрал, сам не знаю почему. — Старик выронил зажатую в кулаке пустую склянку и поднялся. — Вот и лекарства кончились. Значит, и мне пора. Провожу вас, и сам потихоньку начну собираться.

— Куда нас проводите? — спросила Ксения.

— Э-э! — погрозил ей пальцем старик. — Если бы вы знали, сколько революций, войн и мятежей я пережил, то не задавали бы глупых вопросов. Вижу, что затевается маленький славный дворцовый переворот! Андрей меня на прошлой неделе выпрашивал, правда ли, что у Правителя невесту умыкнули, да будто сам маршал и увез ее, а теперь голову его оценили?

— Я не думаю, — спокойно ответил Виктор, — что Андрей приведет стражников. Я не думаю, что ему нужна моя голова. И я полагаю, что он не способен на предательство. Иначе никто из живущих не стоит даже того, чтобы его предавали.

Старик беззвучно поцеловал кончики пальцев.

— Давно я не слышал столь достойной речи, — сказал он. — Я рад за мальчика. Рад и за тебя. Не буду сулить тебе великого будущего, будущее всегда ужасно. Но ты разбираешься в людях. И люди пойдут за тобой. Служить тебе будут радостно. Но друзей у тебя не будет.

Виктор молча смотрел в угол комнаты. Он видел пустое ровное пространство, а на нем множество людей, пеших и конных, идущих нескончаемым потоком в щели между серым небом и серой землей...

— А что будет со мной? — вдруг спросила Ксения.

— Да откуда я знаю! — рассердился старик. — Ты бы лучше со стола убрала!

Ксения улыбнулась, собрала посуду и вышла.

— Когда женщины лезут в дела мужчин... — начал было старик, но не закончил, поднялся со скамьи и подошел к Виктору. — Да, металлчик на месте оставишь или переложить куда?

— Какой металлчик? — не понял Виктор.

— Ну, вот опять! — вспыхнул старик, но, глянув на Виктора, засмеялся. — Да ты и не знал, оказывается!

Он взял подсвечник и зашаркал по коридору. Виктор недоуменно пожал плечами.

— Ну, долго я ждать буду! — донесся голос старика.

Тогда он поднялся и не торопясь пошел за ним.

Дойдя до лестницы на второй этаж, старик положил руку на широкие деревянные перила и лукаво сказал:

— А сейчас добрый дядюшка Иосиф сделает тебе царский подарок.

С этими словами он ухватил за выступающий край и сильно рванул вверх доску. С треском, подняв кучу трухи и пыли, доска отвалилась. Внутри поручня был желоб. А в нем длинной узкой змеей один за другим лежали, уходя вверх, аккуратные желтые брусочки. Виктор нагнулся и разглядел выбитые клейма, цифры, номера, изображения серпа и молота...

Проследив взглядом желтую полосу до второго этажа, он равнодушно спросил:

— Что, до самого верха выложено?

Старик разочарованно кивнул. Наверно, он ожидал восторга или бурного проявления радости. Виктор и сам немного удивился своему спокойствию. После болезни он понял, что теперь не события будут вести его, а он — события. Но вывод из этого сделал неожиданный — следовало не предпринимать до поры до времени никаких шагов, и все само собой разрешится. Теперь, когда он неожиданно стал обладателем золота, многие вопросы, приходившие на ум, нашли ответ. Не раз и не два, просыпаясь среди ночи, он думал, как набрать свою дружину, где разместить и, главное, на что содержать? Часто размышлял, что и в какой последовательности надо будет предпринять при благоприятном стечении обстоятельств. И вот обстоятельства стеклись сюда, золотым ручьем прямо

к его ногам. Может, и не надо будет набирать новую дружину, возникла мысль и тут же сменилась другой — встреча с Мартыном нужна позарез.

— Что ж, — сказал старик, — был ты голый и нищий, а стал золотой и серебряный.

— Есть еще и серебро? — заинтересовался Виктор.

Старик усмехнулся и покачал головой.

— Я пошел спать, — сказал он и, прихватив свечу, ушел к себе. Виктор долго стоял в темноте, осторожно поглаживая пальцем гладкий холодный металл. Потом медленно, касаясь рукой стены, прошел в спальню, где его ждала Ксения.

* * *

Утром он проснулся рано. Ксения еще спала. Виктор быстро умылся, натянул одежду и вышел в коридор. Старик тихо погромыхивал посудой на кухне.

Виктор попытался выдернуть один брусок, но они плотно были вбиты в желоб. Расковыривать кладку не хотелось. Если все посыплется, то хлопот не оберешься. Он посадил доску на место и прихлопнул ее кулаком. На шум вышел старик, иронично скривил губы и скрылся за дверью.

В столовой Виктор вынул пару досок из щита и сел в кресло у окна. Вскоре он заметил, что чуть ли не поминутно всматривается в сторону ворот, не идет ли Андрей. Покачал головой и пересел к столу.

Появилась Ксения. Она была одета в дорожную куртку и штаны. Поцеловала Виктора в лоб и сказала, что ей приснилось, будто она всю ночь укладывала вещи, собираясь в дорогу.

— Даже сейчас руки ноют! — сказала она, смеясь.

— Сон в руку, — ответил Виктор. — Действительно, пора собираться.

После завтрака он проверил оружие, еще раз перебрал старые запасы, смазал и протер револьвер и сунул его во внутренний карман. Повертел в руках трубку с сигнальным огнем, завернул в тряпку и спрятал на самое дно дорожной сумы.

Старик молча пил молоко, на суету и сборы не обращал внимания. Потом спросил, когда собираются в путь. Виктор ответил, что как только дождутся Андрея.

— Ладно, — сказал старик. — Тогда прощаться будем позже.

— Почему же прощаться? — спросил Виктор. — Мне кажется, мы еще не раз встретимся.

— Нет, — покачал головой старик, — не встретимся.

Виктор и Ксения переглянулись. Они привыкли к ворчливому, но добродушному соседу. Да и Виктор был благодарен ему за золото, хотя и воспринял столь щедрый дар как должное. Поскольку золото находилось в доме, а дом принадлежал ему, то старик как бы нашел вещь, утраченную хозяином. Разумеется, Виктор отблагодарит его. В свое время.

Андрей вернулся далеко за полдень. Под глазом темнел большой синяк, рукав висел на нитках. Он сбросил мешок у порога и отсалютовал палкой.

— Что с тобой? — спросил Виктор. — Ты был на берегу?

Юноша кивнул и достал из-за пазухи мятую грязную тряпку.

— Вот. к ветке была привязана.

— Молодец! — с этими словами Виктор хлопнул парня по плечу. — Кого по дороге встретил?

— А, это... — Андрей весело улыбнулся и подергал за полуоторванный рукав. — Это еще дома, утром.

— Опять сборщики налогов?

— Да нет, другие. Вроде искали кого, спрашивали, не объявлялся ли кто чужой.

— Стражники?

— Они.

— А ты что же? — Виктор механически задавал вопросы, а сам прикидывал, за сколько времени доберется до реки и разложит костер.

Судьба судьбой, а времени терять нельзя. Ему уже наступают на пятки. Андрей тем временем рассказывал, как один из дружинников заметил подаренный ему стилет и велел показать, долго рассматривал, а потом стал выпытывать, откуда он у него. Андрей заметил, что одновременно дружинник подавал знак другим, но не стал дожидаться, пока его схватят, сбил с ног троих, четвертый успел подбить глаз, но взамен Андрей выбил ему пару зубов. Тут они взялись за самострелы, и он дал деру, успев только огородами пробраться домой и попрощаться с отцом.

Виктор тут же подарил ему новый стилет взамен отобранного и велел не мешкая выходить.

Старик проводил их до ворот, обнял на прощанье Андрея, кивнул Виктору и Ксении. Сказал, что если, вернувшись сюда, они его не застанут, то все, что есть в доме, на месте и останется. Виктор понимающе улыбнулся, и старик медленно побрел обратно.

7

К берегу они вышли утром. Поначалу Андрей хотел пробраться к выгонам и увести коней, но Виктор не разрешил. Стиллет насторожил дружинников: такие серебряные рукояти делали только умельцы из Хором. Уже несется гонец с донесением, и скоро усиленные патрули двинутся в сторону Кунцева.

Ночь они пересидели в заброшенном доме. Андрей очистил комнату от хлама, вместе с Виктором они завалили остатками мебели единственное окно и дверной проем. Огня не разводили и, наскоро перекусив, улеглись на пыльную старую рухлядь. Ближе к утру Виктор сменил Андрея, тот расположился на полу и сразу же захрапел.

Виктор сидел у двери и прислушивался к звукам, идущим из глубины дома. Тихие, еле слышные вздохи и поскрипывания, будто старые стены вспоминали поколения людей, весело и бурно живших здесь, и оплакивали их, ушедших навсегда. А снаружи ночь шелестела листвой, неожиданный мят дурохвостов леденил кровь, и шелкала неподалеку ночная птица...

У реки они затаились. Виктор долго разглядывал берега, всматривался в желтые купола и белые стены монастыря. Не заметив ничего подозрительного, раздвинул кусты и осторожно спустился по крутому склону к воде. Ксении и Андрею велел ждать сигнала.

Пройдя вдоль берега, он углубился в заросли. Замер, вслушиваясь. Засады, кажется, не было. Вернулся, махнул рукой. Цепляясь за ветки и кусты, к нему спустилась Ксения, а Андрей с шумом скатился вниз, вскочил на ноги и с боевым видом выставил перед собой стилет.

У дерева, где Андрей нашел палку с тряпкой, развели костерок. Когда сучья запылали, подбросили в огонь немного листьев для дыма, а потом спрятались в лесу.

Проверив на всякий случай арбалет, Виктор ждал. Время шло медленно. Ксения сидела, прислонившись к толстому

стволу, и покусывала травинку. Вдруг улыбнулась и показала глазами на Андрея. Юноша забрался на валун и стругал деревяшку. Виктор тоже улыбнулся — как только у парня выдавалась свободная минута, он пускал в ход лезвие, и любая подвернувшаяся под руку ветка превращалась в маленькую изящную зверушку или человечка. В один из вечеров, когда они сидели в убежище, Андрей вырезал из старой дощечки смешную игрушку. Мужик и медведь по очереди молотили по наковальне, стоило потянуть за палочку вниз. Ксения пришла в восторг и немедленно получила игрушку в подарок.

Солнце уже стояло в зените, когда Виктор заметил лодочку, быстро идущую к берегу. Течение сносило ее аккуратно к месту, где дотлевали угли костерка. Лодка ткнулась в песок. Выскочил высокий бородатый мужик и втянул ее на берег. Осмотрелся по сторонам и уселся у костра.

Виктор хотел было послать вниз Андрея, но передумал. Сделал Ксении предостерегающий знак, от дерева к дереву, медленно и бесшумно подобрался к гостю и внезапно объявился перед ним.

Прибывший смерил его взглядом с головы до ног. Виктор узнал его — старый знакомый, тот, что, будучи послушником, пленил их сеть. Улыбнулся, но гость смотрел строго и, не говоря ни слова, достал из-за пазухи туго свернутую бумагу.

Виктор взял ее и, не раскрывая, спросил, как здоровье отца-настоятеля. Монах ответил в том духе, что все под Богом ходим, и отец-настоятель тоже, а потому о здоровье грех спрашивать.

Выслушав его, Виктор развернул листок. Он узнал руку Мартына. Видно, писал в спешке — слова напознали на слова, кое-где трудно было разобрать, словно буквы смыло водой или потом.

Из письма Виктор понял, что дела плохи. С каждым днем Сармат все больше и больше распаляется на него гневом, и есть хитрецы, ловко этим пользующиеся. Но далее Мартын писал, что многим в дружине не по нраву нынешние порядки. Поменяли старых сотников, да и тысяцких всех почти сменили, а на их места посадили мальчишек. Люди Николая совсем оборзели, ищут везде измену. Нескольких хороших бойцов за неосторожные слова публично пороли. В конце письма был туманный намек на то, что он надеется на лучшее, и как

только послание будет получено, надлежит его немедленно известить. Подписи, разумеется, не было.

— Так! — сказал Виктор. — Передай настоятелю, чтобы, не медля, послал гонца, ну, он знает к кому. Буду завтра ждать на этом месте.

Монах сверкнул очами, но смолчал. Виктор кивнул ему и начал карабкаться вверх по склону. Он не видел, как монах перекрестился, сплюнул в воду и прошептал: «Изыди, нечистый дух!»

Ближе к сумеркам они нашли подходящую поляну. Андрей влез на дерево и крикнул, что сверху виден берег и монастырь. Тогда Виктор велел ему спускаться и рубить ветки для шалаша.

Уже стемнело, когда шалаш был готов. Поужинали холодным мясом, а потом Ксения вдруг сказала, что Виктор непременно должен выспаться, завтра у него будет тяжелый день. Если надо, она сама ночью покараулит. Вот еще, обиженно возразил Андрей, он-то на что! Ты тоже будешь спать, коротко бросила Ксения. Юноша открыл было рот, но она так взглянула на него, что он немедленно рот захлопнул. Виктор молча улегся на плащ, кинутый на траву. Андрей потоптался у входа в шалаш и тоже лег.

Среди ночи Виктор проснулся. Снаружи еле заметно поблескивал огонь, пахло дымом, пряный сладковатый запах проник в шалаш. Приподнявшись на локте, он выглянул наружу. Над углями дрожал маленький язык пламени. Ксения неподвижно сидела перед ним, скрестив ноги и обратив ладони к небу. Глаза ее были закрыты. Она медленно опустила руки, взяла что-то с земли и провела ладонью над огнем. Костерок затрещал, угли пару раз стрельнули, повалил сильный дым. Струя дыма пошла кругом, обвила спиралью Ксению и растаяла. У каждого своя работа, подумал Виктор. Воинам — сражения, женам — ворожба. И с этой мыслью он снова заснул.

* * *

День выдался пасмурным.

Андрей разогрел на горячих углях мясо и вареные картофелины, и они с Виктором поели. Ксения отсыпалась после ночного бдения.

Наконец и она проснулась.

Взобравшись на дерево, Андрей наблюдал за берегом. Виктор же на всякий случай обошел все вокруг. Места были

тихне. В лесу иногда попадались крутые холмы, поросшие густой травой и редкими кривыми березками. Холмы, словно прыжки, выпирали неожиданно из земли на ровных полянах и лужайках. Нечто подобное он видел по дороге в Кунцево. Холмы — это засыпанные руины домов. Там, под толщей земли, в переплетении корней таятся пустые коробки бывшего человеческого жилья. А может, и не пустые. Мысль использовать погребенные дома как тайники, убежища ему не понравилась. Он представил себе эти большие могилы, засыпанные пылью...

Вернувшись на поляну, он обнаружил, что Ксения разложила свой скарб на плаще и озабоченно перебирает одежду.

— Надо было взять зеленое платье, — огорченно сказала она. — Сегодня может пригодиться.

Виктор уселся перед ней на траву и посмотрел в глаза.

— Почему? — негромко сказал он. — Что произойдет сегодня?

— Не знаю, — ответила она, — пока не знаю. Что-то очень важное.

— Сила возвращается к тебе? Загляни в будущее, хотя бы на день!

Она покачала головой.

— Это не сила. Другое. Нет названия. Он научил водить дым и вопрошать золу. Но я больше люблю воду. Когда сила была со мной, вода говорила все.

Рассмеялась и ласково взяла его за руку.

— Прости, но это я показала тебя, Мартына и... ну, того... Помнишь, перед тем как вы ушли в поход на север, был разговор втроем на пустом этаже. Вы так смешно озирались по сторонам. Сармату ваша встреча не понравилась, он все требовал, чтобы я сказала, о чем вы говорите. Но я уже иссякла. Хотя даже если и смогла, все равно не сказала бы, уж очень гневался он.

— В воде, значит, нас показала? — задумчиво переспросил Виктор.

Скоропостижная затея с походом стала ясной, их действительно услали от греха подальше.

— С дымом плохо получается, — виновато сказала Ксения, — мне вода ближе.

— Лучше вода, чем огонь, — пробормотал Виктор, раздумывая о северном походе, а потом долго молчал, глядя на свои сцепленные пальцы, и наконец прервал молчание:

— Каким образом он говорит с тобой? Ты слышишь голос, или он является из тьмы?

— Ты о ком? — удивилась Ксения.

— О том, кто научил тебя водить дым, — не поднимая глаз, сказал Виктор. — О том, кто повелел тебе истребить магов.

Ксения потянулась ладонью к его лицу и погладила по щеке.

— Бедный ты мой, — ласково сказала она. — Я же тебе ничего не успела рассказать!

— Может, я и бедный, — слабо улыбнулся Виктор, — а может, и не очень. Но я ничего не знаю о тебе. Правда, я знаю, что ты — моя, и этого достаточно. Но все-таки...

— У нас будет много долгих вечеров, — мечтательно сказала Ксения. — Мы сидим у открытого огня, я рассказываю тебе, как прошли эти долгие годы, а ты на высоком кресле... — Она запнулась. — Я вижу кресло с резной спинкой и кожаными подлокотниками, но не пойму, где я могла видеть такое?

— Это кресло Правителя, — спокойно ответил Виктор. — Иначе говоря — трон.

— Да, это трон. Я вижу высокие потолки, большие залы, шеренги суровых воинов, везде царит порядок и закон, враги усмирены, покой приходит на большие земли, и тогда возвращается он и приводит...

— Кто — он? — резко спросил Виктор.

Ксения вздрогнула и раскрыла глаза.

— Извини, — она виновато улыбнулась, — мне казалось, я тебе уже говорила. Ты ведь его хорошо знаешь. Он тебя очень любит. Он говорил, что, если бы не ты, маги бы его живьем съели...

Виктор не поверил своим ушам.

— погоди! — хрипло перебил он. — Так это Месроп?!

— Да, — ответила Ксения.

Виктор закурил губу, опустил руки на колени и медленно откинулся на спину.

Он лежал на траве и смотрел, как высоко над ним причудливыми жгутами свиваются облака. Сквозь тугие узлы раскрывался на миг синий зрачок неба и тут же затягивался серой занавесью.

— Я даже не знал, что вы знакомы, — выдавил он.

— Ты знал, — улыбнулась Ксения, — просто забыл. Вспомни Саратов!

— Ах, да! — Виктор хлопнул себя по лбу. — Хибара!

— Я тогда выходила его. Он приполз откуда-то страшно больной, умирал уже, ничего не помнил, кто он, откуда. Лекарств не было, но помог Митя. — Ксения глубоко вздохнула и взяла Виктора за руку. — Мне удалось вернуть его душу. Но я тогда очень боялась и что-то напутала. Кажется, я впустила в него еще чью-то душу.

— Как он мне сейчас нужен! — пробормотал Виктор. — Где он?

— Если бы я знала! — с неожиданной горечью сказала Ксения. — Он возникает неожиданно и исчезает, когда захочет.

— Значит, Месроп твоими руками разделался со своими обидчиками, — прищурил глаз Виктор. — Лихо!

— Нет, не так! — возразила Ксения. — Он мне давно объяснил, в чем дело. Но я почти ничего не поняла, а сейчас и вовсе забыла его слова. Суть в том, что их как бы и не было.

— Кого? — Виктор даже приподнялся на локте.

— Ну... магов.

— Конечно, нет! — хмыкнул он. — Как же им быть, когда их так горячо попросили не быть.

— Не то, совсем не то. — Ксения не обратила внимания на его сарказм: морща лоб, она мучительно пыталась что-то вспомнить, но втуне.

На краю поляны зашуршали кусты. Появился Андрей.

— На том берегу всадники. У стен монастыря, — запыхавшись, сообщил он. — Много.

Виктор посмотрел на его ободранные до крови ладони. Юноша смущенно спрятал их за спину.

— Ветка хрупнула, чуть вниз не полетел, — пояснил он.

— Протри водкой! — Виктор кинул ему небольшую флягу, обшитую кожей.

Пока Андрей, морщась и шипя сквозь стиснутые зубы, осторожно лил на ладони водку, Виктор помог Ксении собраться.

Потом они спустились вниз.

Из-за кустов трудно было увидеть, что делается по ту сторону воды, но Виктор не хотел рисковать. Андрей не разглядел, сколько там было людей. Десятка два, не меньше, сказал он.

Вскоре показалась лодка. Она достигла середины реки. Всего двое дружинников. Пристали к берегу в сотне шагов от

них. Втащив лодку на берег, один из них снова забрался в нее, а второй воткнул пику в песок и побрел вдоль берега, время от времени останавливаясь и озираясь по сторонам. Виктор пригляделся — тысяцкий Григорий.

Виктор был уверен, что его послал Мартын, прибывший со своими людьми. Если бы гонца перехватили, то вряд ли сюда заявились бы всего двое. А может — ловушка?

Он тронул за рукав Андрея и, кивнув в сторону дружинника, шепнул:

— Подойди к нему!

Андрей старался двигаться осторожно, но Виктор только морщился, следя, как парень с шорохом и треском проламывается сквозь листву. Тысяцкий мгновенно насторожился, замер на месте. А когда Андрей, раздвинув кусты, вышел прямо на него, Григорий приветственно взмахнул рукой.

Было видно, что Андрей держится на приличном расстоянии и палку свою держит хоть и под мышкой, но руки с нее не снимает. Григорий что-то сказал, Андрей пожал плечами. Тысяцкий, судя по всему, рассердился. Андрей отскочил от него еще на пару шагов. Виктор пожалел, что послал его, мальчишка может наломать дров. Неопытен, горяч.

Не получив ответа на свои вопросы, Григорий тем не менее пришел к какому-то выводу. Он достал из кармана клочок бумаги и, кивнув Андрею, пошел к лодке. Андрей подхватил листок на лету и чуть не бегом пустился по берегу к тому месту, где скрывались Виктор и Ксения. Григорий на миг обернулся, и Виктор увидел, как он покачал головой. Тысяцкий смеялся — парень все-таки неискушен, и вместо того, чтобы кустами скрытно пробираться, сразу попер! Впрочем, вряд ли тысяцкий сомневался, что пока он пытается что-то узнать у парня, его самого держат в прицельной рамке арбалета.

Виктор не сказал Андрею ни слова упрека, наоборот, похвалил за осторожность, добавив, что Григорий — боец умелый и опасный.

— Он не враг, — сказала вдруг Ксения. — И на берегу пока нет врагов.

Она стояла, прислонившись к стволу. Глаза были закрыты, а правая рука протянута вперед, словно пыталась нащупать невидимый предмет.

Виктор посмотрел на нее, потом отвел глаза и развернул листок. На нем рукой Мартына было начертано: «Час пробил! Я здесь. Жду тебя».

Высоко наверху зашел ветер, облака расслоились, тонкой огненной линией полыхнуло солнце. Виктор прикрыл на секунду глаза ладонью. Он знал, что времени обдумать ситуацию уже нет. Григорий с дружинником ждут в лодке, они никуда не спешат. Будут ждать и час, и два, и больше. Но каждая минута, проведенная здесь, в уютной безопасной тени, растянется потом на годы изгнания и позора.

Мысли об этом возникли и тут же пропали. Он обнял Ксению и прижал к себе. Затем спустились вниз, а Андрей шел вслед с дорожными сумками через плечо.

Григорий, увидев их, понимающе улыбнулся и кивнул. И тут же, перестав улыбаться, выпрыгнул на песок и помог Ксении забраться в лодку. Задремавший дружинник вздрогнул, широко раскрыл глаза, громко вздохнул и взялся за весла.

Тяжело осевшая лодка шла медленно. Нашлась вторая пара весел, и дело пошло. Порой от неосторожного движения лодка опасно кренилась. Виктор старался не смотреть по сторонам, старая боязнь воды давала себя знать. Но неожиданная мысль о том, что он может торжественно потонуть на глазах Мартына, Григория и Ксении, рассмешила его.

На берегу их ждали.

8

Мартын спешил и сделал несколько шагов навстречу. Виктор подошел к нему и положил руку на плечо.

— Исторический момент! — еле слышно проговорил Мартын и хитро прищурился.

— На летопись работаешь? — так же тихо спросил Виктор, и оба улыбнулись.

Виктор оглядел собравшихся. Несколько знакомых сотников, из тысяцких — только Григорий. Но зато дружинники — все молодые. Это хорошо!

Подошла Ксения. Галантно подав руку, Мартын вывел ее с песчаной полосы на траву. Сделал знак пальцем — один из сотников спешил и подвел к ней своего коня.

— Для тебя тоже найдется! — подмигнул Мартын Виктору. — Сейчас должна еще сотня подойти, двинем в город, а там посмотрим. Чем больше встретим патрулей и отрядов, тем лучше. Все пойдут с нами!

— Ты собираешься брать штурмом Хоромы? — удивился Виктор. — Лихо!

— Мы, — ответил Мартын, — просто войдем в Хоромы без боя и там решим все вопросы ко всеобщему удовлетворению.

«Безумная затея!» — подумал Виктор, но вслух лишь спросил, почему же раньше он не решил в Хоромах все вопросы.

На это Мартын, значительно подняв палец, заявил, что одно дело, если он, бывший советник, разжалованный в тысяцкие, учинит разборку, и совсем другое — маршал, которого разжаловали за глаза, который умыкнул невесту Правителя и тем самым как бы одержал над ним верх, который... Да что там перечислять, оборвал себя Мартын, имя твое стало легендарным, а бойцы пересказывают друг другу истории о твоих молодецких подвигах, истории же от слушателя к слушателю обрастают такими подробностями, что впору эпос творить!

— Ну, если так... — с большим сомнением протянул Виктор, — тогда поехали!

— Вперед! — отозвался бодро Мартын. — Ага, а вот и мои ребята!

Из-за угловой башни выехали всадники, десяток за десятком протискиваясь на узкую полосу земли между стеной и песчаным наносом. Настороженный взгляд Андрея заставил Виктора обернуться — с противоположной стороны тоже показались всадники. Он успел подумать о том, что здесь отличное место для ловушки, как вдруг Мартын схватился за рукоять меча и прошептал:

— Измена!

И тут Виктор разглядел на древках копий знамена Сармата, а вот и Сармат оказался перед ними — грозный, как само возмездие. У Мартына опустились руки.

Виктор глянул в сторону калитки в стене. Если бы дверь была открыта, он продержался бы немного. Тогда Ксения сможет уйти... Если захочет. Словно в ответ на его мысли, калитка приоткрылась. Оттуда появился знакомый монах, призывавший письмо. Он скользнул в щель, захлопнул дверь и прижался к ней спиной. В глазах его мелькнуло злобное торжество.

Сармат тронул поводья, подъехал к Виктору и навис над ним.

— Итак, — с мрачным удовлетворением сказал он, — ты сам ушел и сам же вернулся. Ну так и получишь сполна все, что тебе причитается за измену, мятеж и...

Он замолчал. Виктор спокойно глядел на него. Ноздри Правителя раздувались, видно было, как бешенство разгорается в нем и сейчас вырвется наружу. Губы Сармата дергались беззвучно, но глаза застыли, заледенели. Виктор почувствовал, что рядом кто-то возник. Андрей встал спина к спине с Виктором, двумя руками ухватив свою палку, он готов был в любой миг вступить в схватку хоть с Правителем, хоть со всей его ратью.

Не обращая на юношу внимания, Сармат ткнул пальцем в сторону Виктора, коротко приказал:

— Связать! — и тут же повернулся к Мартыну: — И этого!

А затем смерил долгим тяжелым взглядом Ксению, буркнул:

— С тобой мы потом поговорим.

Среди Сарматова воинства возникло движение, несколько человек двинулись к Виктору, но тут Мартын стряхнул с себя оцепенение, в несколько прыжков оказался у своих ратников, сбившихся в кучу, и что-то шепнул сотнику. Никто не успел опомниться, как три арбалетчика вдруг встали у коня Сармата и нацелили самострелы в голову Правителя.

— Одно движение — и ты покойник! — сказал Мартын.

Сармат зарычал, рука его потянулась к мечу, но тут вдруг Ксения громко и пронзительно крикнула:

— Стойте!

Все замерли. Виктор увидел, как многие бойцы с опаской отодвинулись подальше от нее.

— С каких это пор судьбу одной женщины будет решать множество мужчин? — спросила Ксения.

Молчание прервалось сопением дружинников, уставившихся на ее вздетые руки.

— Она плохо знает историю, — шепнул Мартын Виктору. — Но я догадываюсь, к чему клонит. Готовься, сейчас твой выход!

— Так пусть лишь двое сойдутся и окончат свой спор здесь и немедленно, — продолжала Ксения, — а того, кто вмешается, я прокляну тройным заклятием!

И с этими словами она медленно опустила руки. Движение среди воинов было почти незаметным, но как-то сам собой об-

разовался полукруг, в центре которого остались только всадник и пеший.

Мартын со своими людьми оказался у стены, в случае неблагоприятного исхода бежать ему было некуда.

— Хм-м! — пророкотал удовлетворенно Сармат и спрыгнул с коня.

Подбежавший хранитель вручил ему оружие и отвел коня в сторону. Виктор содрогнулся. Большой двуручный меч матово отблескивал в дневном свете, но в глазах Виктора потемнело — это была смерть. Вершка на два длиннее его клинка и намного тяжелее, а извилистые прорезы у рукояти грозили заклинить и обломить любое попавшее в ловушку лезвие.

Сармат крутанул мечом, и тот со слабым жужжанием описал над ним круг. Воткнул сталь в песок и, широко шагая, пошел к Виктору. Оглядел его с ног до головы, и непонятное сожаление блеснуло в его глазах.

Виктор ощутил тяжесть за поясом и подумал было, не воспользоваться ли револьвером, пока могучий противник не снес ему полголовы? Рука невольно потянулась к подолу куртки, но тут кулак Сармата врезался в плечо, и Виктор растянулся на земле. Револьвер выпал и отлетел в сторону.

Презрительно улынувшись, Сармат пинком отбросил смертоносную игрушку в сторону. Булькнув, револьвер ушел под воду.

Виктор вскочил на ноги и выхватил меч. Надо было сражаться или умереть. Впрочем, одно другого не исключало.

Сармат медленно вернулся к своему мечу и рывком, подняв тучу песка, вскинул его над головой. Прыжок, и стальная полоса со свистом ухнула по тому месту, где за миг до этого стоял Виктор. Увернувшись в падении от удара, Виктор откатился в сторону и вновь поднялся. Сармат надвигался на него с неумолимостью медведя, меч порхал в его руках крыльями гигантской стрекозы. Виктор передвигался легче, быстрее и спасала его от ударов. Пока он не сделал ни одной попытки достать Сармата, надеясь хоть немного измотать Правителя. Но тот, казалось, был неутомим.

Наконец Виктору показалось, что Сармат чуть ослабил натиск. Один раз он даже задел своим мечом кожаную куртку Правителя, обшитую серебряными бляшками. Но Сармат чуть не выбил меч из его рук, отбив удар, и Виктор стал крайне осторожен. Он понимал, что Сармату достаточно только

раз задеть его, и все будет кончено. Надеялся на случай. Вдруг Сармат неосторожно раскроется или промедлит. Но Правитель работал, как машина, медленно тесня Виктора к воде. Тот поздно заметил свою оплошность и оказался на песчаном языке, чуть выступавшем над водой. Ноги стали вязнуть в мокром песке, и страх холодной гусеницей прополз по спине.

Виктор продолжал отбиваться, приседая — и тогда меч свистел над волосами, отпрыгивая в сторону — и от удара на песке вспухала темная борозда, но все больше и больше сил приходилось тратить. А Сармат не давал ему выбраться на полосу земли, что шла вдоль монастырских стен.

Несколько раз Виктор замечал странный взгляд Правителя, порой ему казалось, что тот нарочно медлит со смертельным ударом, хотя пару раз была такая возможность. И тут Виктор понял, что Сармат не убьет его, а только искалечит, и смотрит он на него, примериваясь, что отсечь — руку или ногу...

Холодная ярость выдавила страх, и Виктор, с трудом передвигаясь по песку, ушел от страшного бокового удара и метнулся вперед. Его клинок мазнул по плечу Сармата и рассек куртку, второй удар в прыжке с поворотом чуть не попал в бок Правителя, но тот отшатнулся и неуловимым движением кисти поймал меч Виктора в прорезь. Лезвие меча разлетелось, оставив в руке обломок длиной с ладонь. Удар! Виктор отпрыгнул далеко назад и завяз в песке по щиколотку. Это был конец. Виктор судорожно сжал рукоять, дернулся, чуть не упал.

Сармат сделал шаг вперед, посмотрел на него мрачно и негромко сказал:

- А теперь встань на колени и попроси прощения!
- Нет! — закричал Виктор и метнул обломок меча.

С хлюпающим звуком светлая полоска металла уткнулась в горло Правителя. Он удивленно посмотрел на Виктора, хотел что-то сказать, но колени его подогнулись, и он упал лицом к его ногам.

Виктор перешагнул через тело поверженного Сармата, подобрал его клинок и выбрался на твердый берег. Встал, воткнув меч в траву. А когда молчание стало невыносимым, Мартын вдруг встрепенулся, подошел к нему и, положив руку на плечо, провозгласил:

- Сармат умер. Теперь ты сармат!

И, обратившись к дружинникам, сказал:

— Присягайте новому Правителю.

С этими словами он опустился на колени и поцеловал эфес меча. Поднявшись на ноги, он грозно обернулся на своих бойцов, те спешили и один за другим подошли к Виктору, а за ними потянулись и остальные дружинники.

Виктор молча смотрел, как присягают юные ратники и седые воины. Подошла Ксения и прижалась к его локтю.

Нужны были какие-то подобающие случаю слова, но Виктор думал только об одном: как бы не обернуться и, уходя отсюда, не увидеть мертвого Сармата.

Между тем присягнувшие дружинники вернулись к коням и ждали повеления. Виктор откашлялся и негромко, но так, чтобы услышали стоявшие рядом, сказал:

— Похоронить со всеми почестями.

Мартын, стоявший напротив, на миг задумался, потом взор его просветлел, и он кивнул. Можно было не сомневаться, что он тщательно продумает ритуал погребения. И снова Виктору показалось, что все происходящее не раз и не два повторялось, только с кем и когда — ему пока неизвестно.

Из двери в стене появился в окружении монахов настоятель. Медленно подошел он к Виктору, бросил короткий взгляд в сторону воды и вздохнул.

— Стало быть, так было суждено, — проговорил он. — Ну, раз выпал такой жребий...

Сдавленный вопль, шум и возня за спинами дружинников заставили его умолкнуть.

Два рослых дружинника приволокли монаха, скрутив ему руки за спину, и бросили к ногам Виктора.

— В чем дело? — подскочил к ним Мартын.

Один из дружинников что-то шепнул ему и протянул короткий стилет. Монах поднял голову, и Виктор узнал его — все тот же!

— Ай-яй-яй! — горестно сказал Мартын. — Так и до коронации не доживешь! Кто тебя подослал? — и он носком сапога ткнул лежащего под ребро.

Монах крикнул, но ничего не ответил.

— Прирезать, что ли? — деловито спросил Мартын.

Тут заговорил настоятель.

— Отдай-ка его мне, — сказал он. — Я такую епитимью наложу, света белого не взвидит! Будет знать, как в дела мирские соваться!

Среди дружинников, прибывших с Мартыном, а сейчас как бы составивших охрану нового Правителя, возник ропот.

— Я прошу тебя, — возвысил голос настоятель и положил свою руку на плечо Виктора, — отдай мне этого человека!

— Ты знаешь, Дьякон, — негромко ответил Виктор, — что я не могу отказать тебе в просьбе. Но вправе ли я?

Настоятель покачал головой, и Виктор умолк.

— Теперь ты и есть право, — сказал Дьякон. — Но помни, что в стенах монастыря право и воля твои кончаются, и только воля Всевышнего нам указ.

— Что ж, — кивнул Виктор, — пусть будет так! Отпусти-те его.

Ратник ухватил монаха за локти и рывком поднял на ноги. Его тут же обступила монастырская братия и увела. Дьякон проводил их долгим взглядом.

— Эта заблудшая овца вернется к пастырю, — задумчиво сказал он. — А вот где ты будешь искать пути...

— В чем ты меня упрекаешь? — нахмурил брови Виктор. — Разве я искал этой встречи, — с этими словами он указал большим пальцем себе за спину, — разве я назначил цену головы? Но ценой головы может быть только голова. Случай был на моей стороне. Завтра удача может отвернуться. В чем моя вина?

— Ты вверил себя случаю, — горестно смежив веки, сказал настоятель, — а мог бы послужить Богу. Впрочем, цель у тебя одна, тебе все равно — плыть по волнам событий или спасти душу.

— Оставим пока этот разговор, — прервал его Виктор. — Я буду рад выслушать тебя. Ты всегда желанный гость.

— Ну, спасибо! — с этими словами настоятель перекрестил его, поднял было руку, чтобы перекрестить Ксению, но, видно, передумал и, подобрав края своего длиннополого одеяния, скрылся в проходе. Дверь с громким стуком захлопнулась, скрежетнул засов. Виктору вдруг показалось, что дверь осталась открытой, только не для всех, а для него. Он удивился странному ощущению, но обдумать не успел. Мартын уже отдавал команды, дружинники седлали коней, два бойца связали плащи и завернули в них тело Сармата.

Виктор помог Ксении взобраться на коня, вскочил сам и взмахнул рукой.

И они тронулись в путь.

9

В Хоромы они вошли, как и полагал Мартын, без боя. На прибывший отряд патрульные не обратили внимания, и только чуть погодя началась суматоха и беготня — Виктор наотрез отказался занимать покои Сармата и поселился у Ксении.

Вскоре в зале Совета собрались тысяцкие, советники и прочие управительские люди. Молча выслушав высокопарное сообщение Мартына о честном поединке, о новых людях и новых временах, все разошлись, напутствуемые приказом Мартына готовить людей к присяге. Тогда Виктор впервые после того, как появился в Хоромах, подал голос.

— Присягать не только Правителю, но и Правительнице! — твердо сказал он.

Кто-то из советников замер в дверях, брови тысяцкого Чуева медленно поползли вверх, а старый атаман Курбатов, с отеческой улыбкой поглядывавший на Виктора, выпятил нижнюю губу и одобрительно качнул головой.

Возражений не последовало. Виктор не обольщался, он понимал, что неожиданная смена Правителя застала многих врасплох, недовольные подадут голос позже, но к этому времени умные будут привлечены к управлению, глупые — куплены, а упрямые изгнаны.

Все разошлись, остался только Мартын.

— Неплохо, — сказал он, — только неблагозвучно. Правитель-ни-ца... — Он словно бы покатал слово на языке. — Длинновато. Королева — значительно короче...

— Тогда, — усмехнулся Виктор, — должен быть король, а не правитель?

— Почему бы и нет?

— А еще короче — царь!

— Ну, здесь это уже было, — рассудительно проговорил Мартын, — и притом не раз. Сейчас, полагаю, не время и не место. Король — еще куда ни шло. Простенько и со вкусом. Не сразу привыкнут, конечно. Постепенно, день за днем... Ну, это уже мои хлопоты.

— Погоди, — рассмеялся Виктор. — Ты говоришь серьезно?

— Еще как! — ответил Мартын, вздевая руки. — Ну, а пока я вас покину, надо продумать церемонию присяги. Потом коронация и все остальное.

И ушел. В прихожей слышались голоса, шум. В дверь осторожно постучали. Виктор сделал знак стражу, и тот откинул засов. Снова возник Мартын.

— Извини, — озабоченно сказал он. — Тут одно дельце надо срочно решить.

Ксения вздохнула, поцеловала Виктора в лоб и ушла во внутренние покои. Виктор остался сидеть в кресле.

Ввели седого изможденного человека.

— У Николая его нашли, в тайных комнатах, — пояснил Мартын. — Отпустить, наверно, следует?

Вот еще одна забота, подумал Виктор. С Николаем хлопот достанет. Он вспомнил вытянувшееся лицо Николая, покрасневшие веки и скорбно опущенные губы, когда тот выслушивал указ о новом Правителе. Потом исчез, растворился в толпе советников и воинских людей. Надо выяснить, сколько было узников, да где они, да за что в заточении пребывают. Но разве ему этим заниматься?

— Я вижу, у вас тут смена власти произошла, — заговорил узник, и Виктор, вздрогнув, уставился на него — голос был знакомым. — Этого следовало ожидать. Аллах любит терпеливых!

На миг Виктору показалось, что они снова под Казанью стоят в осаде. Это был тот самый пленный, что вел с Сарматом дерзкие речи, а потом исчез, чтобы возникнуть сейчас перед ним.

— Пусть идет своей дорогой, — негромко проговорил Мартын, наклоняясь к Виктору. — Что ему здесь делать!

Пленник услышал его слова и еле заметно улыбнулся.

— Спешешь избавиться от меня? — спросил он. — Ну, а мой братец, он что — сам отстранился или...

Мартын отвел глаза в сторону. Пожевав губами, пленник вздохнул и обратился к Виктору:

— Так это ты — новый Правитель? — И, не дождавшись ответа, покачал головой. — Да, ибо взгляд твой подобен камню. Но есть камни, из которых брызжет родниковая вода, а есть и такие, что рассыпаются смиренно перед...

— Если тебя кто-то обидел — скажи, — перебил его Виктор, — а если нет — иди с миром.

Из внутренних комнат вышла Ксения в сопровождении служанки. Она была в простом домашнем платье, но и в нем ступала величественно. Подошла к Виктору и положила руку на его плечо.

— Что ж, — сказал пленник. — Я вижу, мой братец так и не выяснил, кто ты ему — сын или племянник. Впрочем, и я не знаю. Может, наоборот, ты мой сын, а ему племянник. А может, и нет, кто теперь вспомнит, какими были его дети, да еще те, коих считали умершими... Не знаю, не знаю. — Он покачал головой и медленно пошел к выходу.

Мартын судорожно взмахнул рукой, словно что-то отбрасывал от себя, и стражник выпустил пленника, а затем, когда Мартын повторил жест, вышел сам и осторожно прикрыл дверь. Тяжело дыша, Мартын встал перед Виктором. Руки упер в бока, а ноги широко расставил. Глаза его налились кровью, он беспрестанно облизывал пересохшие губы.

— Ты понял, — хрипло начал он, — ты понял, что он сказал?

Виктор спокойно кивнул. Если пленник не солгал, то это значило... Ничего не значило! Мало ли для какой надобности брату бывшего Правителя захотелось внести смятение в душу Правителя нынешнего. Виктор был уверен, что Сармат не приходился ему родителем, да и этот старик не мог быть его отцом. Рано или поздно он вспомнил бы кого-то из них. Много позже он проснется среди ночи, и тут словно сама собой придет догадка, ему станет страшно от невнятной мысли, что старик был прав, он долго будет ворочаться, пытаясь понять, что же это означает и кто, в конце концов, его отец — Сармат или его брат, имени которого он так и не узнал. И заснет, забудется в мрачном, тягостном сне, преисполненном досады и скуки.

Сейчас все это его не волновало. Но Мартын вел себя странно.

— Даже если он сказал правду, — мягко ответил Виктор, — то пусть это тебя не беспокоит. Я пройду свой путь до конца, и мой долг Правителя...

— А мой долг, — вскричал Мартын так, что Виктор невольно вздрогнул, — а мой долг — не позволить свершиться Великому Зачатию!

Последние слова он произнес шепотом, подняв большой палец к потолку.

— Вот как? — сухо сказал Виктор, и тут же почувствовал, как ладонь Ксении, лежащая у него на плече, стала тяжелой. — И как ты это собираешься сделать?

— Ты ничего не понял! — свирепо прошипел Мартын. — Если она, — выброшенный вперед палец чуть не задел Ксе-

нию, — если она понесет от твоего семени, то, значит, кровь Сармата соединится с ее кровью!

С этими словами он вдруг ринулся вперед и, обхватив Ксению своей огромной рукой, приставил к ее горлу невесть откуда появившийся кинжал.

— Стоять! — зарычал Мартын, заметив бесшумное движение служанки, крадущейся вдоль стены.

Служанка замерла, однако рука ее медленно поползла вверх по ковру, к висящему арбалету.

Виктор бросил короткий взгляд за спину. Он старался не делать резких движений. Успел заметить спокойный взгляд Ксении и пальцы, большой и указательный, сложенные колечком. В тишине неожиданно зажужжала муха, потом еще одна закружила над головами.

Мартын определенно сошел с ума, подумал Виктор. Надо его отвлечь, заговорить, а потом выбить лезвие.

— Давай обсудим все это, не прибегая к крайним мерам, — мягко сказал Виктор, стараясь, чтобы голос звучал монотонно. — Сначала успокойся, а потом внятно изложи свои опасения. Сегодня был тяжелый день, и все эти старинные предсказания, проклятия — не лучший предмет для разговора.

Он скосил глаза и увидел, что пальцы служанки почти коснулись приклада.

Презрительно молчавшая Ксения вдруг громко рассмеялась.

— Брось арбалет! — приказала она, и служанка, успевшая мгновенно схватить оружие и нацелить его в голову Мартына, послушно бросила арбалет на пол. Сухо щелкнула пружина, и стрела с треском исчезла под диваном.

Мартын вздрогнул, обвел всех безумным взглядом. Еще одна муха появилась над его головой. Рука, сжимавшая кинжал, задрожала, ушла в сторону, но тут же он снова приставил острое к горлу.

— Адский младенец не будет зачат, — мертвым голосом сказал он, — я остановлю это...

Ксения опять рассмеялась.

— Ты ничего не остановишь! Великое Зачатие свершилось давно. Если интересуют подробности — в Саратове. До нашего ребенка тебе никогда не добраться. Он в верных руках и в тайном месте. Даже я не знаю, где он сейчас. И если ему

воистину начертано стать последним человеком, то так и будет. А сейчас можешь убить меня.

Кинжал выпал из рук Мартына. Он попятился от Ксении и уперся спиной в платяной шкаф.

Поклянись! — тихо и просительно сказал он.

— Тебе достаточно моего слова! — негромко же ответила Ксения, но сказано было так, что Мартын словно уменьшился в росте, сгорбился, взгляд хоть и сделался осмысленным, но в глазах проступила робость. «Кровь нашла кровь», — прошептал он. На подгибающихся ногах подошел к Ксении и, как бы присягая в верности, преклонил колени и поцеловал край ее платья. Затем, пятась, добрался до двери, виновато глянул на Виктора, воздел руки, словно призывая небеса или закопченный потолок быть свидетелем его раскаяния, и так, с поднятыми руками, вышел, распахнув дверь ногой.

— Я вернула тебе имя, Ирина, — сказала Ксения служанке. — Ты свободна!

Воительница постояла с закрытыми глазами, словно вслушиваясь в себя, подняла веки и улыбнулась.

— Останусь с тобой, — произнесла она.

— Хорошо, — и движением головы Ксения отослала служанку.

Виктор не шевелился. День был насыщен событиями. Он смутно догадывался, что вскоре таких дней будет великое множество, о былых застольях надо забыть, предстоит большая работа.

Он открыл глаза и улыбнулся Ксении.

— Это ты хорошо придумала насчет сына, — сказал он. — Бедняга Мартын! Устал, наверное, пусть отдохнет пару дней.

— Пусть! — улыбнулась Ксения. — Только ты забыл, что я ничего никогда не придумываю.

— А? — Виктор осекся и замер с раскрытым ртом.

Потом нахмурился.

— Постой, так ты скрывала от меня?!

— Я ничего не скрывала, — терпеливо ответила Ксения. — Ты же помнишь, сперва мы просто не могли даже поговорить толком друг с другом. А потом что-то стало мешать, и я решила не торопить события.

— Как его зовут?

— Есть имя, которое я дала. Как зовут теперь — не знаю.

— Надо послать за ним немедленно... — начал было Виктор, но Ксения закрыла ему рот ладонью.

— Не сейчас! Мне трудно объяснить... Очень больно не видеть столько лет, почти ничего не знать, но я верю, что, когда свершатся сроки, он приведет нашего ребенка...

— Опять — он! — Виктор поднялся с места. — Ты хочешь сказать, что наш сын у Месропа? Но почему он мне ничего не сказал?

— Этого я не знаю.

Скрипнула дверь. Появился Мартын. Ничего не смог прочитать Виктор в его глазах, только бесконечную усталость.

— Войска построены для присяги, — просипел он.

— Хорошо, — кивнул Виктор.

Мартын исчез.

— Что ж, пора идти.

— Да, — отозвалась Ксения, — пора.

Виктор подошел к окну. Там, внизу, среди зелени садов и рощ, шла своим чередом жизнь, и горожанам не было дела до того, кто стал Правителем. Может, так и должно быть — пусть каждый делает свое дело, и если долг Правителя обеспечить покой и порядок, то он сделает все ради этого. Если придет нужда посылать войска на усмирение недружественных соседей, то он сделает и это. Может, когда-нибудь он доберется и до Западного кордона и посмотрит, что это такое. Но прежде всего он наведет порядок здесь. Потом найдет своего сына. Потом...

Он смотрел вниз, туда, где дымы поднимались над крышами, где среди лавок и домов пробирались всадники и пешие, а вокруг темных заросших островов заброшенных кварталов медленно строился новый... Или старый? Словом, город, мнивший себя вечным, как и любой из городов мира. Холодная пустота в душе, ненадолго согретая известием о сыне, теперь наполнилась заботой, и странное это было чувство. Он понял, что отныне принадлежит не только себе. Восхитительное понимание истинности бытия, пришедшее вместе с властью, исчезло. Ему казалось, что невидимая тяжесть давит на плечи. До сей поры он был одним из колесиков истории. Сейчас он сам будет вращать жернова судьбы. Он еще не знал, что разницы между тем и другим нет и никогда не было. Горе тому, кто окажется на его пути, думал он. Необозримые пространства, что тянутся отсюда от горизонта к горизонту,

неминуемо расплзутся в слабых руках кровавыми ошметками. Он не будет слабым.

Рядом неслышно возникла Ксения и коснулась его ладони.

— Нас ждут, — прошептала она.

Он поглядел вниз. Там, на плацу, выстроились ряды дружинников. Даже здесь было слышно, как они скандируют.

«Пра-ви-тель! Пра-ви-тель!..»

А ему услышалось — «Победитель»!

Над бойцами реяли выпелы стоящих квадратами тысяч, вздымались боевые значки крыльев. Не дружина, а войско! Не было только знамен Правителя — никто не знал его цветов. Впрочем, он и сам еще не знал.

«Надо позаботиться и об этом!» — Виктор вздохнул, взял Ксению под руку и направился к двери.

Эпилог

ЦЕНТР ЦУНАМИ

Берег возник неожиданно. Лодка врезалась в песок, и дружинник, что стоял на носу, выронил факел в черную воду.

Виктор ничего не сказал, но Андрей ругнулся шепотом и приложил кулак к затылку ратника.

Бойцы попрыгали в воду и вытащили лодку на песок. Слабый фонарь со второй лодки еле высвечивал фигуры гребцов. Наконец и они дотянули до берега. Тяжело груженное суденышко врезалось в борт первой лодки, треснула доска, заматерились гребцы. Андрей негромко пообещал всем зашить чавкалки.

Восемь небольших, но жутко тяжелых ящичков снесли из лодок на берег. Виктор уселся на них, глянул на небо, где мутным пятном светлела луна, и велел погасить оставшийся факел.

Перебрались они быстрее, чем он рассчитывал, а третья лодка вовсе не понадобилась, ее спрятали на той стороне в кустах.

Подвода должна была прийти сюда в урочный час. Придется ждать.

Андрей расставил дружинников вокруг Правителя, спиной к ящикам, а сам с двумя бойцами пошел вдоль монастырской стены.

Виктор устроился поудобнее и закрыл глаза. Судьба опять занесла его на песчаный берег. Недалеко отсюда он сошелся в смертельной схватке с Сарматом. Вечность или две вечности назад? Да нет, всего год прошел с тех пор: заново выбеленные стены коридоров, залов и покоев еще не успели покрыться копотью.

1

Время летело быстро — ежедневные хлопоты скрадывали круговращение небес. И дела, естественно, подпирали снизу.

Он вспомнил, как недавно пожаловал с изъявлениями верности новгородский наместник Федор, не то долго хворавший, не то с большого ума выжидавший, чем кончится возня в Хоромах. Дождавшись, прибыл с кое-каким золотишком, присягнул. Виктор встретил его без укора, обласкал, а небольшой, туго набитый мешочек небрежно отложил в сторону, мол, эка невидаль!

Золото, впрочем, было кстати. После ухода наместника казначей принял золото, взвесил, записал и буркнул: «Маловато будет!»

Правитель только вздохнул в ответ. Золота не хватало. Каждый день приходилось ломать голову — где взять еще? Война войной кормилась, а в мирное время надо было содержать воинство в сытости и строгости, да еще патрули утроенные, да караульные службы, заведенные по всему приграничью, — в секретной мастерской просто не успевали чеканить монету. И главные траты были не на войско.

Замирение с Казанью открыло новую статью расходов. Что ни месяц — от Сафара

приходило новое посольство со щедрыми дарами. Богатые подарки вручались советникам и тысяцким, большим и малым служителям Хором, да порой и простым сотникам. Обижать Сафара не след, хотя такой прикорм не по душе был Виктору, а уж Мартын просто темнел лицом, заслышав о новом посольстве. Хитер Сафар, умен, хорошо, что не враг, да только слишком много друзей у него здесь появилось. Верные люди сообщили, будто один из старых недругов Сафара неожиданно примирился с ним, отошел от борьбы за власть и в узком кругу говорил, что теперь нет надобности Москву воевать, ее можно просто купить. Вот и приходилось не жалея сыпать золотом в Казани, обзаводиться друзьями, да желательно при дворе, чтоб не только глазами и ушами Москвы были, но и нужное слово при случае ввернули. От Сафара недавно послание пришло, просил для торговых людей и посольств разрешить на подворье мечеть выстроить.

И наместник рязанский вдруг дружбой воспылал, шлет одно за другим заверения в верности, но присягнуть до сих пор не удосужился. Евсей докладывал, что у двух советников в последнее время частенько встречаются рязанских гостей, а среди горожан замечены были дружинники из Рязани. Ну, Евсей мог и перебдеть, выучка не та, далеко ему до Николая.

Вот кто был мастером сыска, так это Боров! Хотя недоглядел, не уберег Сармата...

Вспомнив, как они расстались с Николаем, Виктор вздохнул. Былая неприязнь давно забылась, смазалась, и в первые дни нового правления Виктор все ждал, когда явится пред его очи Николай. Тот же не выходил со своего хитрого этажа с тайными узилищами, мрачными темными коридорами и чудовищно скрипучими полами. А потом объявился.

Виктор хотел немного попенять за медлительность, но при этом выказать милость — с первых же часов правления он понял, что Николай ему позарез нужен. Но, к его удивлению, Николай, тихим голосом и не поднимая головы, попросил отставки, а когда голову поднял, то Виктор с досадой обнаружил, что глаза Борова красны, а веки опухли, словно от слез. И тут же Виктор понял, что воистину от слез — оплакивал Николай своего бывшего Правителя, и, может, он единственный был, кто так скорбел по Сармату. Одна мысль заставила Виктора покраснеть — а ведь только Боров не отрекся и не предал Сармата, что ни говори — новое правление воздвигалось на крови старого хозяина. Мысль эту Виктор

тут же изгнал, а с Николаем говорил долго и любезно, но увещевания пропали втуне, после всего сказанного Боров дрожащим голосом опять попросил отставки. И немедленно получил ее.

А через день принес списки своих людей, и Виктор содрогнулся, обнаружив в каждой сотне по десятку соглядатаев, да причем некоторые из них бойцы испытанные, еще с саратовских времен, а что касается двора, так у Правителя просто челоусть отвисла, когда он увидел аккуратный столбик имен советников и даже одного тысяцкого. Долго сидел над списком, потом кликнул Николая разобраться, откуда столько людей на него работали, да чем их обольстил или запугал, но Боров уже исчез, и с тех пор его никто не видел.

Уходят люди. В канун весны вдруг зашел Семен Афанасьевич прощаться. На вопросы недоуменные отвечал уклончиво, хмыкал, порядки строгие нахваливал, а потом сказал, что дел здесь невпроворот, пока у Правителя руки освободятся, десять лет пройдет, а его ждут, да и Белову невмочь молодняк пестовать, все время гадая, жива его родня или вырезали под корень.

Виктор предложил Курбатову взять с собой любую тысячу на выбор, но старый атаман покачал головой. Есть десяток крепких ребят, каждый сотни стоит, а больше и не надо. Дойдут и так. Представив себе, как они проложат себе путь и сколько кровищи за ними потянется, Виктор покачал головой, но ничего не сказал Курбатову. На том и расстались. Старик ушел немного обиженный, он долго ждал похода за Волгу, но так и не дождался, а сложные и хитрые интриги были ему непонятны, да и не по нраву.

И Мартын чуть не помер. Хворь долго не отпускала. Он держался, переносил на ногах. Лихорадка странная трясла его — глаза сумасшедшие, ничего не видит, на людей натыкается. Ксения присматривалась к нему, а потом вдруг велела как-то вечером, после трапезы, лечь на диван. Слова Ксении удивили Виктора, а тысяцкий Чуев засмеялся было, но осекся под ее взглядом. Мартын покорно лег и закрыл глаза. Ксения положила ему на лоб пальцы и долго что-то шептала, а Мартын вяло, как бы сквозь сон бормотал в ответ.

Поднялся бодрый, оглядел всех веселыми глазами и спросил вина. Ночью Ксения рассказала Виктору, что давно, сразу после взятия Казани, верховный маг наложил на Мартына заклятие, предварительно усыпив, а в заклятии том был при-

каз убить ее, ежели верховному магу нанесут какой ущерб. Теперь заклятие снято, и она уверена, что Мартын будет верным другом. «Новое заклятие наложила?» — спросил Виктор, но не разглядел в темноте, улынулась она или нет.

Мысли ходили кругами, но опять возвращались к тратам. Стена, возводимая перед Хоромами, тоже требовала денег. Поиски в старых домах себя не оправдали, в руинах теряли каждый день людей: то земля вдруг под ногами осыпалась в бездонный провал, то падала бетонная плита, обрушивая на головы перекрытия этажей. Да и неведомая смерть подстерегала в мрачных завалах: пропадали разборщики, а потом находили тела их, убитых страшно.

Мастеровые люди ставили печи и обжигали кирпич, но горожане за всякую работу требовали денег, а когда попытались их чуток поприжать, то едва не случился бунт — тысяч двадцать москвичей привел мясник Кирилл ночью с факелами под окна Хором разговаривать с Правителем. Хорошо, тысяцкие догадались казармы запереть и дозорных отозвать, а то неровен час пальнул бы кто! До утра Виктор беседовал с выбранными, был ласков, кроток, подтвердил все вольности, в которых присягал еще Сармат, не отказался и сам присягу городу принести, в свое время, разумеется. Разошлись полюбовно, но после этого неделю в Хоромах все на цыпочках ходили. Советников, что решили было горожан пощипать, в тычки прогнали, сгоряча досталось и Евсею, хотя он был против затеи с налогом.

Впрочем, с городом поладили быстро. Через месяц после того, как все патрули были отозваны и на окраинах начали пошаливать невесть откуда взявшиеся лихие люди, депутация горожан снова объявилась у Виктора и спросила, чем за порядок вносить плату — золотом или кирпичом?

* * *

Вот тогда он и задумался — не пора ли заглянуть в убежище? Не хотел трогать кунцевское золотишко, берег на самый крайний случай, да, видно, край уже настал. Могли забрести ненароком старатели. Медленно, очень медленно росла стена, а по ночам иногда просыпался в липком поту — чудились ему орды врагов, идущих тайными тропами к Москве, чтобы встать под окнами Хором. И впрямь, как объявятся здесь стаи чудовищных медведей, да как начнут в двери ломиться! Стена нужна позарез, высокая крепкая стена.

Зимой вдвоем с Андреем они добрались до убежища. Старого Иосифа и след простыл. Обнаружили на столе надпись «Все на месте», сделанную, судя по всему, пальцем какой-то зеленой бледной краской.

Так оно и оказалось. Сволокли золотые кирпичики, которых оказалось неожиданно много, в самый дальний и глухой закуток, поверх накидали хлама, тряпья, гнили разной. Прикинув на глазок, Виктор сообразил, что вдвоем, да и втроем не унести. Да и еще много барахла накопилось. Снаряжать надо отряд, из самых верных людей. Или, наоборот, взять всякую дрянь, а потом в воду. Сам удивился своей мысли и отбросил ее. Но не забыл. Еще пожалел, что старика на месте не оказалось, хороший мог быть советник!

* * *

Вернулся Андрей и шепотом доложил, что близ угловой башни берег совсем размыло, подвода не пройдет, а если по воде, то на обратном пути завязнет. Пока будут сгружать-разгружать — настанет утро.

Решение нашлось сразу. Виктор послал одного из дружинников к подводе, велел ждать у ворот монастыря. Андрею же сказал, что где-то здесь в стене дверь, пусть достучатся, стража должна быть хоть какая. А потом по четыре человека за каждый ящик и быстро через монастырские дворы к стенам. Сразу надо будить настоятеля, чтоб долго не разговаривать с монахами.

Вскоре заполыхали факелы на стенах, скрипнув, отворилась дверь в стене, и дружинники, кряхтя и вполголоса ругаясь от натуги, потащили груз. До монастырских ворот их проводил заспанный служка в кое-как накинутой одежде, а там из тьмы выступил сам отец-настоятель и грозно осведомился, по какой надобности ночные шастания учиняют, да по чьему велению? В ответ Виктор молча хлопнул его по плечу.

— А, это ты! — пробурчал Дьякон. — Неймется тебе...

Виктор извинился за вторжение, сказал, что беспокойства никакого не доставит, и вернулся на берег, за последними ящиками. Вслед за ним явился и настоятель в сопровождении нескольких отчаянно зевающих монахов. Дьякон внимательно посмотрел на ящики, хмыкнул, но ничего не сказал. А потом, когда дружинники с последним ящиком исчезли в проходе, придержал Виктора за локоть и движением руки отослал свою братию.

— Вот что, — сказал Дьякон, когда они остались одни на берегу. — Ты свое дело крепко знаешь, наслышан. Только помни, что душа у тебя одна. Береги душу, гневу волю не давай. И себя береги...

В темноте Виктор не видел глаз Дьякона. Говорил настоятель негромко, слабым голосом, казалось, что-то страшило его.

— Не понимаю тебя, — сказал в ответ Виктор.

Дьякон закашлялся, потер грудь.

— Хворь одолела, — сообщил он. — Ослаб телом. Скоро предстану перед Отцом небесным. А ты себя блюди, без властного закона люди в скотство впадут, а одним законом Божиим сейчас мало кого удержишь. Да-а...

Он снова замолчал, а Виктор со все возрастающим недоумением ждал, когда Дьякон заговорит снова. Он никогда не видел его таким: неуверенным, со слабым, дрожащим голосом. Может, и впрямь плох? Но в плечах по-прежнему широко, стоит твердо, да и рука крепка. Наверно, заботы одолели.

В воде плеснула невидимая рыба, со стороны реки ветер гнал удушливую вонь гниющих водорослей. Виктор посмотрел на ту сторону. В неясном размытом свете луны берег темнел утрюмой полосой без малейшего просвета.

— Береги себя, — сказал настоятель. — Помнишь, был у меня один... Не совладел со страстями, ушел. Куда делся, не знаю. Может, пропал, а может, и объявится где. Если что — на мою братию зла не имей, отрекся от нас нерадивый монах, да и мы от него отреклись.

Не сразу Виктор понял, о ком речь, а потом вспомнил монаха с клинком, что год назад к нему подбирался здесь, под стенами монастыря. Он поежился. Стало неудобно. Кто знает, может, подкрадывается сейчас, неслышно ступая по песку, в черной хламиде, со стилетом в потном кулаке... Страха не было, у каждого свой предел, любой огонь рано или поздно гаснет, любая искра недолго летит по ветру. Искра? Откуда взялись искры?

Он забыл о монахе и замер, вглядываясь во тьму. Далеко на той стороне несколько огненных точек прилепились к черному склону. Что это могло быть? Коней, что оставили на том берегу, велено было после отдыха утром вести в Хоромы. Да и не могли коноводы так быстро добраться аж к развалинам Бастиона.

— Что это там светится? — спросил он.

— Где? А-а, это! — протянул Дьякон. — Не знаю. Бесовское дело. Днем посылал людей — никого нет, пусто. Нечисти много развелось, по ночам шляется.

Огни медленно поднимались вверх, а потом один за другим исчезли там, где чуть сереющее небо окаймляло склон. «Ладно, — подумал Виктор, — разберемся».

— Ну, прощай, — сказал он. — Будет какая нужда, заходи.

— И ты заходи, — кратко ответил Дьякон, — и не только по нужде.

Голос его странно дрогнул, и Виктору вдруг захотелось оставить все дела и поговорить с Дьяконом, просто так, без цели. Он даже на миг задумался, о чем же говорить? Не вспоминать же дни былые, когда он был шустрым сопляком, а отец-настоятель ходил в свои легендарные ходки! Не об этом хотелось говорить, а о чем — он и сам не знал. Выговориться, излить душу. Нет, это называется иначе. Он подбирал слова, но так и не нашел подходящего.

* * *

Видавший виды старый казначей не смог удержать улыбки. Улыбнулся и Правитель — довольного казначея он никогда еще не видел. Взвешивали золото долго, а потом в секретной кузне запыхтели меха. Стражники заняли входы и выходы.

Виктор понимал, что и этого золота надолго не хватит, но к тому времени, когда оно иссякнет, встанет вокруг Хором надежная стена, новые бойцы обучатся ратному делу, а с сопредельниками, ближними и дальними, пойдет иной расклад. Кто знает, может, и впрямь снарядить тайную сотню вдогон атаману Курбатову, помочь старику? Тропы известны далеко на юг от Казани. Хоть и места глухие, враждебные, но если сохранилась десятая часть крепостей, что нанесены на курбатовскую карту, есть на кого опереться. Знатный может выйти рейд! Виктор подумал даже, не сходить ли с той сотней, ежели дела отпустят. Ну, не к спеху пока!

В последние дни он часто поднимался на смотровую башню. Долго стоял, вглядываясь на юго-запад, пытался рассмотреть, нет ли дыма или огня в той стороне. Но зеленая хмарь, из которой торчали темные руины, скрывала от человеческого глаза все, что вершилось под ее пологом.

В прошлом году на нежилых этажах до самого верха снесли щиты, прикрывавшие шахты лифтов, а внизу Виктор велел прорубить большие дыры в стенах. И с тех пор мощный ветер гудел в шахте, выдувая дурь из верхних этажей. Многие из старожиллов не без содрогания наблюдали, как выбивают по нескольку оконных рам на каждом ярусе, предрекали несчастья, но все обошлось.

Вскоре Правитель и Правительница перенесли свои покои вверх, за ними потянулись советники и прочие служилые люди. Старикам приходилось тяжело, несколько советников подали в отставку, им было нелегко каждый день подниматься и спускаться по бесконечным лестницам. Мартын пришел к Виктору со списком младших советников, но Правитель небрежно сказал, что на свободные места никого брать не будет, а раз число советников сокращается, то так тому и быть. Седые кустистые брови Мартына поползли вверх, он широко улыбнулся и сказал, что такое решение ему по нраву. Кто отвечает, тот и принимает решение, заметил он, и еще добавил, сладко щурясь, что уже видит времена, когда ни одного советника не потребуется, и тогда он со спокойной совестью отойдет от дел. «Ты уже отошел от дел», хотел сказать Правитель, но смолчал.

Огни на темном берегу не плыли из головы. Евсей клялся, что на развалинах Бастиона нет и давно не было ничего живого, туда даже духовосты не забегают и птицы гнезд не вьют. «Даже так, — удивился Виктор, — почему это?» «А негде, — глуповато ухмыльнулся Евсей, — там трава не растет, а уж о деревьях и говорить не приходится!»

Тем не менее Евсей пообещал усилить дозоры, а вокруг секреты посадить. Через неделю пришел на доклад и между делом сообщил, что есть новости с того берега, пустяковые, правда, но мало ли что!

Говорил со своей обычной улыбочкой, но глядел серьезно, даже озабоченно. Виктор отослал Чуева, велел Андрею никого на порог не пускать и увел Евсея во внутренние покои.

— Ну, что там у тебя? — спросил нетерпеливо.

Мрачные предчувствия одолевали его последнее время. Хотя и быстро росла стена, и выучка дружины радовала, мнилось, что крадутся вражьи отряды ближе и ближе, чтобы ударить неожиданно. Тишина на рубежах настораживала, пугала. Тогда он не понимал, что это еще малый страх — расплата за власть.

— Да говори ты! — взорвался он, видя, что Евсей нерешительно жует губу. — Туранцы идут? Или Рязань измену умыслила?

Евсей покачал головой.

— Двоих там видели, — мягко сказал он, — человек мой в секрете сидел, а мимо двое и прошли.

— Тьфу! — Правитель махнул рукой. — Важная новость!

Он понимал, что с пустой вестью Евсей не появился бы, и сейчас только поддразнивал его.

— Один из них — бывший твой хранитель... — начал Евсей.

— Богдан? — вскинулся Виктор. — Живой?

— Нет, не Богдан.

— А!.. Понятно, — чуть запнувшись, сказал Виктор. — Что же делал Иван у развалин Бастиона?

— Почти ничего, — развел руками Евсей. — Тащил проसेкы старые железки.

— Откуда там просека?

— Ну, не просека, тропа большая.

— Что за железки?

— Ржавье всякое. Трубы, проволока.

— Так на себе и тащил? — раздраженно спросил Виктор.

Евсей что-то недоговаривал.

— Не на себе. Они вдвоем волокли.

— А второй кто?

— Да Николай, — легко ответил Евсей.

— Какой?.. Та-ак! — Правитель рывком поднялся с места, подошел к Евсею и крепко встряхнул его. — Не обознался твой человек?

— Не мог обознаться! Он под Николаем три года служил.

— Хорошо. Свободен. Нет, постой! Куда они шли?

— Вверх по склону. Там ждала подвода. Погрузили железо и отвезли вот сюда.

Евсей припал к большой карте, расстеленной по столу, и упер пальцем. Правитель мельком глянул и нахмурился.

— Где твой человек?

— Спит.

— Буди!

После того как Евсей ушел, Виктор долго смотрел перед собой невидящими глазами и тер виски кончиками пальцев. Он не понимал, каким образом встретились бывший хранитель и бывший... Не нравилась ему эта встреча. Что за желез-

ки ищут в развалинах Бастиона, не старое ли оружие? Нет, там все в труху разнесло. А может — не все? Кто знает, на сколько этажей вглубь была врыта эта махина? Но зачем им оружие? Сводить счета, мстить! Маг точит зубы на Ксению, а Боров...

Он страхнул с себя тягостное оцепенение и быстро прошел в покои Ксении. Воительницы в коридоре только покосились на него, но не шелохнулись. Распахнул дверь без стука и застал Правительницу у зеркала. Она медленно водила расческой по длинным волосам. Он увидел ее глаза в зеркале и на миг замер, покачнулся. Будто невидимая рука сильно толкнула в грудь. Ксения опустила веки и, только обернувшись, подняла их.

— Тревога сильнее тебя, — сказала она. — Присядь и ни о чем не думай, не беспокойся, не сожалей.

Правитель упал в кресло, а она подошла к нему и прикоснулась губами ко лбу. Виктор погладил ее по щеке и обнял за плечи. В нескольких словах объяснил причину своих тревог.

— Тебе еще долго будут мерещиться заговоры, — проговорила она, — и ничего не поделаешь. Чем больше власть, тем больше врагов. А что касается этих... — Она прикрыла один глаз и, словно вглядываясь в трещину между двумя мирами, сказала чуть изменившимся голосом:

— Трехногие птицы давно улетели, два солнца восходят навстречу друг другу...

— Что это значит? — спросил Виктор.

— Угрозы нет, — сонно ответила она. — Ступай, посмотри сам, это твое дело, ты и разберешься.

Виктор не понял, что она хотела сказать, да и не старался понять. Порой слова ее были странны, а смысл темен. Ясно одно — тревожиться не след. Поначалу он намеревался послать к развалинам пару сотен и прочесать окрестности. Но сейчас передумал.

В оружейной комнате он долго перебирал старые железки, вывезенные из кунцевского убежища. Повертел в руках короткую трубку — сгнило, наверно, все, но вдруг срывается!

Ксении сказал, что в случае беды даст огненный сигнал.

Распорядился выставить наблюдателя. Евсей любопытствовал было, для какой надобности, но получил в ответ лишь сердитый взгляд.

А наутро Правитель незаметно для стражи выехал из Хором тайным ходом, взяв с собой только Андрея.

У ближней заставы их догнала Ирина, хранительница Ксенни. Сообщила, что послана сопровождать их. Андрей немедленно вспылил и погнал ее обратно, но Виктор унял взявшихся было за мечи молодых людей. Долго еще ворчал Андрей, сопел, но Правитель только улыбался — он и Ксения знали, что парень примерз глазом к Ирине, да только зазорным считает признаваться в этом. Дело молодое.

Виктор заметил девушку до нелепого и страшного похода на север, когда у нее еще не было имени. Она со своей соратницей раскапывала рельсы близ Хором. По рельсам этим и подкатили цистерны со смолой...

Почти всех своих воительниц Ксения отпустила, оставив два десятка самых верных и крепких. Каждая из них стояла не одного и не двух испытанных бойцов. Девушки молодые, статные, но, пока ходили безымянными, побаивались их дружинники, обходили стороной. Теперь же многие разошлись по домам, а кто и при Хоромах остался. Мужьями обзавелись быстро.

Солнце уже проклюнулось. Они выехали на дальнюю дорогу. По рассказам старожил, дорога во времена давние опоясывала город кольцом. Байкам этим мало кто верил, больно великим колечко выходило — не один, а десяток городов такое могло окружить. Частенько дорога пропадала, сходила на тропу, а то и вовсе исчезала в кустах и траве.

У воды они свернули и вскоре подъехали к Горелой Заставе. Там и передохнули. Дружинники подтянулись, забегали, но, увидев, что он без свиты и строгости не выказывает, обмякли, вытащили на траву скамьи и столы и быстро соорудили угощение.

Перекусив, Виктор немного повалялся на сене. Краем уха он прислушивался, как один из караульных рассказывал бойцам о северном походе, в котором принимал участие. Подвиги Виктора, Мартына и других обросли такими подробностями, что Правитель невольно заулыбался. А когда рассказ дошел до огневого побоища, смертоносные шары превратились у рассказчика в огромные фигуры, возвещавшие о конце света и сей конец намеревавшиеся немедленно учинить, испепеляя все живое и неживое. Молодой боец, слушавший с раскрытым ртом, вдруг щелкнул пальцами и сказал, что против огневи-

ков хорошо помогают большие колья с обожженными остриями. На него цыкнули, и он умолк.

Виктор послушал еще немного, потом встал и велел привести свежих коней.

К месту они добрались далеко за полдень.

2

Края были нежилые. Редкие уцелевшие дома торчали пусто и дико.

Потянулись гиблые пустыри. Из травы лезли скрученные ржавые прутья, серые ноздреватые глыбы с осыпавшимися, обломанными краями усеивали пространство далеко вокруг. Пришлось спешиться.

Они с трудом прокладывали дорогу среди руин и зарослей, продирались сквозь колючие травы и наконец вышли к ограде. От нее почти ничего не осталось — решетка сгнила, рассыпалась, только в нескольких местах еще уцелели черные полосы, продетые сквозь каменные столбы.

Приказав оставить коней, Виктор влез на валун и глянул по сторонам. Впереди над деревьями виднелись размытые очертания полуразрушенных строений. В памяти шевельнулось забытое...

Очень давно здесь или неподалеку он встретился с Ксенией и ее братом. И добрый старик приютил его. Как же звали старика?

Виктор долго всматривался в заросшую кустами и травой полосу, когда-то бывшую проспектом. Кажется, вон там. Или чуть левее? Рухнули те дома, рухнула жуткая конструкция, к которой его привязали то ли по приказу Борова, то ли вопреки. Вдруг подумалось, а не распят ли он до сих пор на этой арфе, и все годы, полные схваток, беготни, любви и ненависти, — всего лишь предсмертные видения? Но мысль эта была отвратительна, ибо опустошала душу, и он изгнал ее.

К полуразрушенному зданию они вышли, когда воздух стал незаметно пропитываться сумерками. Крадучись, обошли уцелевшее крыло и притаились в зарослях. Виктор знал, что досюда следили за Иваном и Боровом, а потом маг привел людей, они разгрузили подводу и перетащили железки в здание.

Жесткая трава щекотала подбородок. Виктор осторожно переполез в сторону и раздвинул ветки.

Чернели проемы огромных окон-стен, нижний ряд заколочен досками, а в двух местах он заметил обитые пластиком щиты. Наверно, за ними скрывали то, что не предназначалось для любопытствующих глаз.

Почти час они наблюдали за окнами, но никакого шевеления не заметили. Андрей бесшумно исчез в зарослях и вскоре вернулся. Прошпектал, что недалеко есть пролом, внутри темно, тихо, далеко он не заходил, боялся сломать шею. Ирина еле слышно фыркнула, но Виктор поднял палец, призывая к вниманию.

Из глубины здания выполз глухой бухающий звук, словно огромной колотушкой ударили в большой котел.

Трава вдоль стены стояла в полный рост. Они подобрались к пролому.

Ирина вынула из-за пазухи небольшой продолговатый сверток, развернула. Достала из деревянной коробочки запаянную ампулу, озабоченно цокнула языком, заметив, что бесцветная жидкость до половины замутнела.

— Что это? — одними губами спросил Андрей.

— Сок вербены, — так же тихо ответила Ирина. — Там, в доме, сильное колдовство.

— Удача короля сильнее колдовства! — сказал Андрей.

Виктор слабо улыбнулся. Однажды кто-то говорил эти слова. Но кто, когда? И ему ли они были предназначены? Он не смог вспомнить. Ну и ладно. Парень ему нравился. Надежный крепкий хранитель, верный, преданный и учтивый. Хотя не без лести. Быстро вырос. Если у него с девушкой серьезно, надо будет помочь. Свадьбу устроим...

Ирина прижалась к стене рядом с проломом и медленно выставила ладонь. Поводила ею, а затем глянула внутрь.

Кивнула Андрею и осторожно переступила через край бетонной балки. Руки с расслабленно опущенными кистями она держала перед собой. Если бы кто прыгнул из темноты, то был бы мгновенно иссечен: к пальцам крепились маленькие острые полоски. Андрей выждал несколько секунд и нырнул за ней. Вскоре его фигура показалась в проломе, и он махнул рукой Виктору.

Сквозь большие дыры в потолочных перекрытиях опускались бледные световые столбы. Сумеречного полумрака хватало, чтобы не расшибить лбы о пыльные и склизкие нагромождения слежавшегося хлама.

Ирина шла впереди. Андрей знал, что чутье на опасность у девушки сильнее, чем у него. Сам же прикрывал Виктора с тыла.

В помещении они замерли, слившись с темными кучами мусора, всматривались и вслушивались. Из недр здания время от времени доносились слабые звякающие звуки, негромкий стук.

Правитель молча указал в противоположную сторону. Поднялись по лестнице без перил и осторожно двинулись узким коридором. Звуки стихли. В конце коридора они уперлись в трухлявый деревянный щит. От малейшего прикосновения сыпалась мелкая крошка.

Сбросили дорожные мешки и проверили оружие. Виктор с досадой обнаружил, что не взял обоймы с найфами. Заплечные были на месте.

Впрочем, он пришел не для того, чтобы карать. Посмотрит, что делается, выяснит, для какой надобности встретились маг и Боров да нет ли здесь еще кого? Может, Рязань ищет хитрые пути, а может, и туранцы запускают мягкие щупальца в сердца обиженных...

Вчерашние страхи пропали. Он вдруг подумал, что можно было и Евсея сюда послать, не снюхается же Евсей с Боровом! Наверно, не снюхается. Но азарт разыграл в Правителе, давно не приходилось красться и таиться. Он с удовольствием смотрел, как Андрей сбрасывает с себя лишнюю одежду, вешает за спину длинный узкий меч, а на боевую свою палку насаживает железный набалдашник.

Ирина же, напротив, затянула на себе еще несколько ремней, подергала, а затем изогнулась совершенно кошачьим движением — при этом во все стороны ошетинились выскочившими из гнезд шипами. Заправила шипы обратно в ремни.

Залюбовавшись на нее, Андрей вздохнул, а потом негромко спросил у Правителя, не оставить ли девушку здесь. «А кто тебе сопли будет утирать?» — осведомилась Ирина и, взмахнув рукой, задела локтем щит. С глухим треском вылетел большой кусок.

— Так что там насчет соплей? — обрадовался Андрей, но Правитель сделал предостерегающий жест, и юноша замолчал.

Виктор подкрался к дыре. Заглянул. Темно. Тихо. Из далеких щелей струился слабый свет. Большое помещение с низким потолком. Опять шевельнулось в памяти что-то почти забытое. Он уперся в щит и несильно нажал. Хрунуло, осыпалась труха, и половина щита рухнула, подняв тучу пыли.

Девушка скользнула вперед, исчезла в пыльном полумраке и вскоре вернулась.

— Пусто, — сказала она.

Виктор перелез через гнилые доски и понял, что ошибался. Потолок не был низким, просто они вышли на широкий балкон в большом зале. И тут он вспомнил!

Недалеко отсюда его, сопляка, встретила Ксения. И были еще три парня, с которыми судьба потом странно сводила и разводила. Кажется, вот за этой грудой мусора, жалкими останками прилавка, он прятался от чего-то, потом позорно заснул, а тот, кто был внизу, ушел, и больше они никогда не встречались.

Виктор подошел к огрызкам перил, заглянул вниз. Ему вдруг показалось, что вот сейчас он увидит странный лабиринт из ящиков, узлов и тюков и мальчика, бредущего узкими проходами в поисках старых книг...

* * *

Но лабиринт исчез, время съело его, расчистив середину зала, разметав вдоль стен и вокруг колонн смутными мусорными холмами. Огромные застекленные поверхности сейчас являли собой паутину скрученных труб, искривленных балок и стальных тросов, связывающих все воедино.

Большие стекла, светлые полосы металла, много людей, шум, смех... Виктор наморщил лоб, пытаясь вспомнить, когда же он видел это здание другим, но попытка была безнадежной: он никогда не бывал в большом доме в пору его расцвета — видение обманывало. И что-то еще важное, напрочь забытое хотел он выдавить из самых глухих щелей памяти, но это воспоминание уходило вглубь, вязло, исчезало.

Далеко в утробе здания лязгнуло, зазвенело, напомнив, что они здесь не одни.

Через минуту они пробрались обратно сквозь рассыпавшийся на глазах щит. Обмотанные тряпками сапоги мягко ступали по грязному полу. Порой справа и слева возникали темные проемы — за ними открывались другие помещения, пустые или наполненные хламом, освещенные рассеянным светом, идущим из проломов и трещин, или насыщенные тьмой, но в каждом витал дух разрухи и забвения, густо одобренный кислой вонью старой плесени. Дорожные мешки оставлены у пролома.

Андрей шел впереди от стены к стене, останавливаясь и вслушиваясь через каждые два-три шага, за ним тенью кра-

лась Ирина. Она вовремя разглядела дыру в полу, прикрытую тонким листом пластика, и молча схватила Андрея за пояс. Парень замер с поднятой ногой, развернулся и беззвучно отпрыгнул вбок. Что-то буркнул, она ответила сердитым шепотом.

Правитель щелкнул пальцами, и они пошли дальше. Корridor казался бесконечным.

Наконец они вышли на узкую галерею, под самым потолком с трех сторон опоясывающую стены зала. Виктору показалось, что неведомая колдовская сила вывернула их назад, привела к началу пути. Но он никогда не слышал о таком колдовстве. Подойдя к перилам, он тут же обнаружил, что это другой зал, поменьше: внизу зал окаймляли ступени, а посередине возвышалась темная глыба.

Там, где раньше были окна, навалены мешки, а поверх штабелей громоздились деревянные и пластиковые щиты.

Корridor, очевидно, имел продолжение — на противоположной стороне темнело прямоугольное пятно. Виктор указал пальцем, и они двинулись в ту сторону.

Вдруг внизу послышались голоса, шаги, запрыгали желтые пятна света.

Ирина и Андрей мгновенно распластались вдоль перил, Виктор же просто отошел назад и встал к стене. Тут же обнаружил, что хоть и невидим снизу, но и сам ровным счетом ничего не увидит. И тогда, презрев достоинство Правителя, лег на загаженный пол и перекатился к перилам.

Факелы осветили зал. Темная глыба, что выпирала в центре, была покрыта зеленым брезентом и обвязана веревками.

Виктор чуть приподнялся на локтях, всматриваясь в лица вошедших. Но мешал неровный свет факелов, дергающиеся тени, да и сверху лица не очень-то были видны. Семь или восемь человек возились у брезента, а когда стянули его, открылось странное сооружение.

От удивления Виктор чуть не присвистнул. Почти такую же машину он видел в те забываемые дни, когда решалась его судьба и судьба Ксении. Они уходили из Хором подземельями магов и видели нечто похожее. Это устройство было значительно больше, но и оно выглядело нелепо, дикой казалась сияющая медь среди мусора и пыли. И еще он заметил, что внутри сооружения встроена решетчатая клетка в человеческий рост. Виктор не помнил, куда делась младшая сестра этой штуковины. Во время большой перетряски из Хором

вымели и выкинули много старого хлама, а нижние ярусы вообще опустошили, вычистили основательно. Впрочем, после возвращения в Хоромы он ни разу не спускался вниз, в подземелье.

Появились еще несколько человек, и тут Правитель напряженно прищурился, вглядываясь в их лица. Борова и Ивана он узнал сразу. Чуть погода разглядел большой лысый лоб и вспомнил молодого ученого с невозможным для произношения именем. Он почувствовал, как костенеет холодом спина. Союз Ивана и Борова сулил большие неприятности, если, конечно, они составили заговор против него. Но к ним прикнул еще и ученый! Неясность, абсурдность этой компании пугала, страх был необъясним, но он ничего не мог поделать с собой. Закружилась голова, высота вдруг стала чудовищной. Он закрыл глаза, с минуту неподвижно лежал, упершись темнем в холодный стержень перил. Несколько раз медленно и глубоко вдохнул и выдохнул широко раскрытым ртом и чуть не закашлялся от пыли. А когда раскрыл глаза, то обнаружил, что народу в зале стало еще больше.

Сустились у машины невзрачные личности, ковыряясь в ее внутренностях, несколько человек в темных длинных плащах устанавливали вокруг нее треножки, а на треножки принялись крепить блестящие вытянутые предметы, в которых Виктор узнал боевые зеркала. Он вгляделся в лица, насколько позволяла ему неудобная позиция, и содрогнулся. По крайней мере шестеро из тех, что кутались в черные плащи, несли на себе печать принадлежности к истребленному Ксений воинству магов. До сей поры ему казалось, что только Иван уцелел после безжалостного всеожжения. Бывшего хранителя он не опасался. Но эти, другие, вряд ли забыли о былом величии и позорной гибели. А что, если жажда мести приведет их к его врагам? Или уже привела!

Он бросил короткий взгляд в сторону Андрея. Юноша припал к кромке галереи и с любопытством следил за происходящим внизу. Ирина же отползла к противоположному краю галереи и залегла у той двери. Виктор мысленно похвалил ее за предусмотрительность. Потом оценил свои силы. Маловато. Даже внезапное нападение ничего не даст, кроме магов еще полно народу! Послать за сотней, оцепить здание? Никто не уйдет! Нет, сотня не сможет подобраться незаметно, а те, что внизу, легко уйдут, исчезнут, чтобы потом возникнуть у стен Хором.

До боли в глазах он пытался рассмотреть их лица. И чем дольше смотрел, тем больше понимал, что некоторые из магов невообразимо стары и еле волочат ноги, двое из них, очевидно, больны или до сих пор не пришли в себя после огненной бойни: у одного правая рука висела плетью, а второй не престанно дергал головой. Лишь Иван, казалось, полностью оправился. Он метался от треножника к треножнику, поправлял сочлененные трубы, уходящие в глубь сооружения, исчезал в нижнем коридоре и снова появлялся.

Ученый занят был расстановкой вдоль стен странных светильников, похожих на палки со светящимися концами, причем огоньки на концах вспыхивали и гасли попеременно. Виктор не мог вспомнить, где и когда он видел нечто похожее, но готов был поклясться, что эти штуковины ему знакомы.

Боров же неподвижно и молча стоял перед машиной, сцепив пальцы на животе, не отрывая глаз от решетчатой корзины. Потом он медленно обошел ее, покачал головой и скрылся в коридоре. Иван и ученый переглянулись и последовали за ним.

Страх у Виктора исчез. Осталась холодная злость, которую он с большим трудом сдерживал, не давая ей разгореться в безрассудную ярость. Он откатился от перил к стене, поднялся и, сделав знак Андрею оставаться на месте, прошел быстрыми скользящими шагами вдоль стены к Ирине. Успокаивающе коснулся плеча и шепотом приказал возвращаться к Андрею. Ждать его. И нырнул в темный провал коридора.

Он доверился чутью гонца, которое не раз выручало в минуты опасности. Переходя от стены к стене, нащупывал носком сапога точку опоры, медленно делал следующий шаг. Пол под ним вдруг мягко прогнулся.

Виктор отставил пластиковый лист и лег, вглядываясь в дыру. Взялся за пояс, сплетенный из тонких кожаных ремней. Расплетаясь, он вытягивался метров на пять. Должно хватить!

Но пояс не понадобился. Внизу мелькнули световые полосы. Прошли двое, держа на плечах длинный узкий ящик, третий освещал им путь факелом. Потом снова послышались глухие шаги, разлилось ровное слабое сияние. Странные светильники с мигающими концами тащили охапками. Несколько штук уронили на пол, но не подобрали.

Затевалось тайное дело. Виктор ухватился за края дыры и свесился как можно ниже, рискуя кувыркнутья вниз. Он

увидел длинный коридор. Вдали мерцали факелы, а рассыпанные светильники мигающим следом тянулись неровной линией. Неясные тени прикрыли факелы, издали возникло движение, и Виктор отполз назад. Шаги приблизились. Знакомый голос ругал неких растяп. Чуть подавшись вперед, Виктор снова заглянул вниз и увидел ученого, подбирающего с пола светильники. Рядом стояли Боров и Иван.

— Я жалею, что ввязался в эту авантюру, — сердито сказал ученый. — Нельзя обращаться с индикаторами как с дровами! Вы бы, Николай, поговорили с людьми, что ли!

— Я поговорю, — ответил Боров, а Виктор подивился его необычно густому и звучному голосу. — Непременно поговорю, как только найду свободную минуту.

Ученый вдруг засмеялся.

— Это вы хорошо сказали. Свободную минуту! — Он от смеха даже выпустил светильники, и те покатались по полу.

— Что же касается авантюры, — торжественно продолжал Боров, — то мы ввязались в нее в равной степени. Вы проверяете свою теорию, а я... — Он запнулся.

— У нас мало времени, — хрипло сказал Иван.

— В самую точку! — отозвался ученый. — У нас его скоро вообще не будет. Или уже нет.

— По-моему, вы немного испугались, — грустно сказал Боров.

— Испугался? Да, возможно.

Виктор улыбнулся. Даже отсюда было заметно, что ученый не то что испуган, а боится смертельно. Одно плечо его все время дергалось, руки, не находя места, то хватали светильники, то, будто обжегшись, отпускали их. Он то и дело оглядывался, словно высматривал, откуда надвигается угроза.

— Пора! — хрипло сказал Иван.

— Да, сейчас! — Ученый схватил Борова за рукав светлого плаща, что-то забормотал ему прямо в лицо.

Затаив дыхание, Виктор вслушивался в неясную сумбурную речь, но почти ничего не понял. Отдельные фразы он еще смог разобрать, но это мало что прояснило. Ученый говорил о невозможности, обреченности затеи, о том, что если бы она удалась, то и затеи не было бы, а потом сказал, кажется, что от всех парадоксов его просто тошнит, а Боров успокаивающе похлопывал его по плечу. Слова ученого лились нескончаемо, и Виктор мог уловить только обрывки, вроде «исправление

имен», «время не река, а люди не щепки» и несколько раз повторившееся «центр цунами».

Не так давно он уже слышал нечто подобное. Кажется, во время посещения Бастиона, незадолго до штурма, ученый говорил о цунами и о волнах. Но с тех пор все позабылось.

Ученый отпустил Борова, махнул рукой и ушел в сторону зала.

— Молодой еще, — со знакомыми Виктору вкрадчивыми интонациями сказал Боров. — Страшно пацанку. Да что с них взять, они всего боялись. Помню, еще до взрыва я им говорил — приходите к нам, решим все по-хорошему. Нет, страшились твоих друзей, мир их праху! Вот и сейчас в штаны наклали. Сами придумают, и сами же под себя ходят!

— А тебе не страшно? — спросил Иван.

— Не знаю, — посмеиваясь, ответил Боров. — Теперь уже поздно бояться. Да и некого.

Он поднял светильник, повертел в руках и со словами «Чертова игрушка» уронил на пол.

— Что он там лепетал насчет «вокс гумана»? — спросил Боров. — Что это означает?

— Ну-у... — протянул Иван. — Может, заклинание какое?

Боров покачал головой, пнул светильник и ушел. Иван последовал за ним.

Прикрыв листом дыру, Виктор пробрался обратно на галерею. Андрей и Ирина лежали рядом, и рука парня была на ее плече.

В зале появились еще два мага. Рядом с машиной стоял Боров и что-то негромко говорил ученому. Тот кивал, тыкал пальцем в ее недра, потом хлопнул себя по лбу и достал из ящичка продолговатый предмет, завернутый в желтую ткань. Боров взял сверток, взвесил его в руке и сунул под мышку.

Разговоры и шум внизу постепенно стихли. Маги собрались вокруг Ивана, а люди в серых комбинезонах опасливо попятились к стенам.

Наступила тишина. Иван негромко сказал «Пора», и маги, шаркая, хромая, поддерживая друг друга, разбрелись по залу. Виктор увидел, как ученый потер ладонями щеки, потом взялся за кривой стержень и потянул его на себя. От машины словно отвалился кусок — переплетения труб, медных шаров и бесформенных предметов. Открылся проход к клетке.

— Ну, до свидания, — сказал Боров.

Ученый вдруг захохотал, смех быстро сошел на визгливые всхлипы, он согнулся пополам, держась за живот. Боров косо глянул на него и легонько поддал коленом под зад. Ученый повалился на пол, закашлялся, вскочил и вытер глаза.

— Извините, — проговорил он.

Не обращая на него внимания, Боров изогнулся, пролез боком в клетку и кивнул. Ученый повел рычаг обратно, щелкнуло, звякнуло, и Боров оказался в сердцевине машины. Сверху была видна только его голова.

Маги вплотную подошли к машине и окружили ее со всех сторон, взявшись за руки. Круг, а в круге машина, а в машине Боров... Нечто похожее Виктор видел давно, очень давно, и воспоминания были прослоены таким густым страхом, что никогда не всплывали из бездны памяти.

Но сейчас он все вспомнил и удивился своему спокойствию.

Много лет назад, в Будапеште, точно так маги стали в круг, и убили молодого парня, и чуть не расточили в прах все и вся. Теперь уходят и забирают с собой весь мир. И еще он хотел вспомнить что-то совсем давнее, но было уже не до этого.

Виктор пожалел, что нет старого оружия — одна или две гранаты покончили бы с этой компанией. Сигнальная трубка осталась в дорожном мешке у пролома, да она и не поможет. Он хладнокровно прикинул, что немного времени есть. Пока там, внизу, начнут свое безумное кружение, они с Андреем успеют бы спуститься и нанести немалый урон, а Ирина в это время помчится за подмогой. Тут же отверг этот план. Вдвоем они положат многих. Но маги! Слишком много магов. И если удастся даже испортить машину ценой своей жизни — все равно они заберут ее отсюда в более укромное место и снова начнут... Или закончат?

Надо было что-то предпринять. Он посмотрел на Андрея и Ирину, не отрывающих глаз от происходящего внизу. Вот ко-го жаль, так это их. Молодые.

Вздымая и опускаая сцепленные руки, маги как бы пошли вокруг машины, оставаясь при этом на месте. Они перебирали ногами, высоко поднимая колени, монотонное пение сливалось в ровный гул.

Тогда все выглядело немного иначе, но Виктор был уверен, что кончится тем же. Боров примет на себя их силу и, погибнув, обратит весь мир в пыль. На этот раз огонь не

придет с неба и не остановит лавину распада. Увы, небеса опустели.

Пение стало громким. Маги расцепили руки и припали головами к широким раструбам. Виктор, не таясь, подошел к перилам. Теперь уже не имело значения, заметят его или нет. Он вспомнил Ксению, Мартына. Они не узнают, даже не почувствуют... Легкое сожаление, что он так и не увидит сына, на миг родило в нем досаду, но и ее смысла ледяная волна спокойствия. Неотвратимую гибель подобает встретить достойно, подумал Виктор и хмыкнул. Жаль, некому будет оценить величие позы.

А потом он выругался и завертел головой по сторонам. Там, в коридорах, под ноги все время лезли куски бетона, камни, тяжелые обломки старых механизмов. Два-три хороших бульника — и чертова клетка магов разлетится вдребезги.

Но, как назло, на всей галерее ничего подходящего не было — только пыль.

Он попытался разглядеть отсюда, нет ли в машине подвижных частей. Метнуть сверху нож, заклинить!

Но единственное, что двигалось, были маги. Боров замер, сгорбил в клетке, остальные прижались к стенам. У входа застыли Иван и ученый, наблюдая за пляской магов. А те, не отрывая голов от раструбов, всплескивали ритмично руками и перебирали ногами, словно медленно бежали на месте. И как ни леденило сердце ожидание неизбежного конца, Правитель не мог избавиться от мысли, что все увиденное — понарошку. Что это значило, он не понимал, но вдруг он даже решил, что если долго вглядываться вниз, то в щелях пола можно разглядеть толстые деревянные брусья,двигающиеся туда и сюда, а деревянные фигурки магов дергаются, как резные человечки, и только он один здесь — настоящий.

Дрожащий свет факелов еле освещал галерею, отражаясь от потолка. Но вот свет стал ярче. Станные светильники перестали мигать, и концы их сияли ровным сильным светом.

Голоса магов пульсировали в ушах ревом, несмолкаемым «умпа, умпа, умпа...», а потом внезапно все стихло, только пение доносилось словно издалека. Маги прижались ртами к трубам, руки же вдели в торчащие во все стороны конусы.

Клетка, в которой сидел Боров, окуталась серой дымкой.

«Сейчас!» — Виктор затаил дыхание.

Сейчас вспухнет чудовищным пузырем серая пыль и сожрет дом, город, землю, а может, и все, что вообще есть на

свете, — Луну, Солнце, звезды. Струи плотного дыма кружились вокруг клетки все быстрее, свиваясь в кокон, над машиной возникло слабое сияние. Сидящий в коконе поднял глаза и увидел Виктора, вцепившегося в перила.

Николай закричал, но крик его растаял в рокошущем гуле, идущем со всех сторон. Дымный кокон вдруг распух, превратился в столб и ударил в потолок. Виктору показалось, что Николая размазало по всему столбу, он успел увидеть жутко перекошенный огромный рот, глаза, расплывшиеся полосами друг над другом...

И все исчезло.

Один из магов упал навзничь, двое медленно подковыляли к нему, пытаясь поднять, но отпустили. Голова упавшего стукнулась об пол. Остальные маги медленно расползлись по залу. Пыльную тишину расколол крик ученого:

— И это все? И это все?

Он потрясал вздетыми кулаками, приплясывая от возбуждения, хватал за рукав то Ивана, то стоявшего рядом старого трухлявого мага.

— Я ошибся! — радостно крикнул он. — Ничего не вышло!

— Мы не знаем... — начал было Иван, но ученый перебил его.

— Нет, знаем, знаем! — истово вскричал он. — Мы живы, мы есть, а значит, дурацкая затея провалилась, и Николай не изменит ничего ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем! Никогда, никогда!

— Где же он? — спокойно спросил Иван.

— Кто?

— Николай.

— Откуда я знаю! Ушел...

— Куда?

— Да что вы... — ученый запнулся. — Не знаю.

— Вот видишь, — хладнокровно продолжал Иван, — мое незнание равно твоему. Кто ведает, какими путями идет сейчас Николай и когда он доберется до цели. Может, это случится через минуту, а может — через год. Кто знает! Возможно, что великое исправление имен уже произошло, и все это... — он обвел рукой зал, поднял глаза, и взгляд его остановился на Викторе.

Иван молчал, застыв с нелепо протянутой рукой. Ученый и старый маг посмотрели в ту сторону.

— Хватайте его! — вдруг завизжал старый маг.

Андрей и Ирина вскочили на ноги. Виктор бросил им: «К выходу», и метнулся в коридор. Он понимал, что даже если Иван и не таит на него зла, то другие маги вряд ли будут великодушны. Попади он им в руки, придется отвечать за Ксению.

Они быстро проскочили коридор, скатились по лестнице. Позади глухо неслись крики, топот. У пролома Виктор подхватил дорожный мешок, кинул его на бегу Андрею и первым выскочил наружу.

А там их ждали.

Огромный детина с лохматой бородой прыгнул на них из кустов, но не успел взмахнуть топором, как рухнул, сбитый с ног палкой Андрея, угодившей ему в солнечное сплетение. Треск и шорох в кустах выдал второго нападающего, а когда перед ними возник невысокий мужчина, его опрокинула в прыжке Ирина.

Виктор кинулся вперед, но перед ним в вечерней полутьме возникла фигура в темном одеянии. Маг взмахнул руками, и Виктор понял, что от огня не спастись. Однако маг стоял как-то скособочившись, и огненный клубок плыл медленно, дергаясь из стороны в сторону, а маг тряс руками нелепо, словно подталкивал его. Виктор присел, и шар проплыл над головой. Маг снова взмахнул руками, но тут схватился за грудь и зашелся долгим мучительным кашлем.

Сбоку возник Андрей и вскинул палку, но Виктор знаком ладони остановил его.

С той стороны, где они оставили коней, донеслись крики, ржание. Судя по голосам, там было несколько десятков человек. Неподалеку вспыхнули факелы, а из пролома одна за другой полезли какие-то зверские рожи.

— За мной! — крикнул Виктор и, продираясь сквозь кусты, побежал вдоль стены. Обогнув здание, оглянулся: Андрей и Ирина следовали за ним. Погоня отстала. Где-то здесь должен быть спуск к реке, вспомнил Виктор.

Они бежали, шли, и снова бежали мимо циклопических руин, поросших мхом, мимо странных, полузасыпанных землей и камнями статуй, а когда вышли к развороченным останкам Бастиона, Виктор увидел, что вниз дороги нет — месиво из камней, бетонных плит и балок тянулось далеко во все стороны.

Он махнул рукой влево и пошел кромкой обрыва. Несколько раз Виктор ловил недоуменные взгляды Андрея.

Парень не понимал, что происходит и кто эти люди, пустившиеся за ними в погоню. Впрочем, Правитель тоже ничего не понимал. Все случилось так быстро, что он не успел даже обрадоваться — сооружение в заброшенном корпусе не было машиной конца света, а странное исчезновение Борова его совсем не тревожило.

Крики и факелы остались далеко позади, и вскоре они нашли тропинку, по которой спустились к реке. Было совсем темно, и Виктор не надеялся найти лодку, оставленную после экспедиции за золотом. Но Ирина углядела ее.

3

Мутный желток луны уже висел в черном небе, когда они переправились к монастырю и, еле передвигая ноги от усталости, обошли его вдоль стены.

Правитель не сомневался, что Дьякон примет его как победителя, но дело было приватное, и ночной визит мог отозваться долгим эхом в длинных коридорах Хором. Засуетятся те, кто держит руку Казани. Нет, хоть и измотала дорога, а странное приключение выбило из колеи, лучше переждать ночь на поляне.

Вскоре они вышли к пустырю. Густая трава была почти по пояс. Андрей и Ирина быстрыми тенями обежали пустырь и, не найдя ничего подозрительного, вернулись к темной, обвитой плющом колонне. Виктор сидел, прислонившись к камню, и отчаянно зевал. В свете луны еле проглядывали темные контуры домов на краю пустыря, кое-где мерцали огоньки.

В дорожном мешке еды было немного, и они тут же прикончили краюху хлеба и большой шмат копченого сала.

Андрей сказал, что придется к домам, посмотрит, нельзя ли остановиться на ночлег. «Не надо, — сонным голосом отозвался Виктор, — просто посмотри!» Андрей кивнул и растаял в темноте.

Ирина свернулась калачиком на плаще и мгновенно заснула.

Виктор закрыл глаза. Ноги непривычно болели. Раньше он мог ходить сутками. Теперь мечтал о том, чтобы полежать неподвижно пару часов и чтоб никто не беспокоил, кроме усыпляющего шепота ветра. Шепот перешел в бормотание, монотонное и ворчливое, и тогда Виктор вздрогнул и открыл глаза.

Было тихо, слишком тихо. Рядом прикорнул Андрей.

Тишина пугала. Мир, недвижимый и неслышный, словно застыл во тьме. Виктор поднял глаза — на бледные размытые облака напознала густая тень, напознала быстро и неотвратимо.

Бесформенный мрак вскоре заполнил все небо. Тьма стус-тилась над его головой. Он не понимал, что может быть чернее черноты, но явственно видел, как сгусток, средоточие тьмы опускало к нему хобот-щупальце, чтобы обвить, задушить страхом, унести в безумие. И еще ему казалось, что он спит, но сколько бы раз ни просыпался — будет все та же тьма внутри и снаружи. Он хотел дернуть головой, стряхивая мертвенное оцепенение, но сумел лишь немного повернуть шею и уперся ухом в дорожный мешок.

Все ближе и ближе подступала тьма, кто-то внутри него слабо бормотал во мраке души и душе мрака...

В следующий миг он вздрогнул — никогда не было в нем тьмы, наоборот — всегда ясен и прост был путь, а теперь особенно, когда он уже свершил многое, что должен был свершить, а еще большее ему предстоит. А внутри бормочет чужой голос — наваждение или колдовство, но слова глупы, и не ему, Правителю, уступать чьей-то недоброй воле!

Руки подчинялись с трудом, но медленно, преодолевая вязкое сопротивление сна, они дотянулись до мешка. Колпачок тихо скрипнул, и этот звук придал Виктору сил — безмолвие мира было нарушено. Из торца выпал шнур.

Он направил трубку вверх, туда, где тьма казалась гуще и ближе, и выдернул шнур. Трубка зашипела... «Сдохла», — подумал Виктор, но тут из нее выхлопнул пучок огня, руку отвело в сторону, а вверх, пронзая черноту, ушла красная искра, поднялась высоко над поляной, вспыхнула и зависла ослепительно ярким фонарем.

Почти минуту горел, медленно спускаясь, алый светильник. В дрожащем неестественном свете Виктор разглядел спящих Ирину и Андрея, неподвижную траву, далекие дома в конце поляны, какую-то скособоченную башню с пустыми выщербленными окнами. Фонарь в небе мигнул и погас.

Оцепенение растаяло, вместе с ним растаяла и тьма, пожравшая луну и звезды. Виктор разогнал тучи, око луны установилось на него, осветив поляну.

Зашуршали птичьи крылья, откуда-то издалека донесся истошный мям дурихвостов — скоро у них начнется гон, и они станут опасны. Ветер шелестел в траве. Огоньки в далеких домах гасли один за другим.

Наверно, это был сон, решил Виктор. Но трубка, зажата в руке, исходила слабым едким дымком, а рядом валялся шнур.

Виктор вздохнул. Вся эта чертовщина надоела ему. Ночные страхи рассеются утром. Да не было никакого страха, подумал он, когда это он тьмы ночной боялся?!

Андрей вздрогнул и, не поднимая головы, опустил руку на палку. Сверкнул в лунном свете стальной набалдашник, и юноша вскочил, вглядываясь в кустарник за колонной, словно ждал нападения врага.

Сквозь кусты ломился кто-то с шумом и треском, бормоча и отдуваясь. Судя по издаваемым звукам — один. Наверно, какой-нибудь загулявший горожанин возвращается домой, подумал Виктор.

Через пару минут к колонне вышла фигура, закутанная в клетчатую ткань, с узелком на палке через плечо.

Виктор закрыл глаза, а Андрей бросил оружие и растянулся на траве. Ночной гуляка между тем добрал до колонны, встал над Виктором и негромко произнес:

— Сырая трава — не лучшее ложе для Правителя...

И тут же присел, уворачиваясь и едва не получив палкой по затылку. Андрей снова взмахнул своим оружием, а Ирина, взвизвись на ноги, звонко шелкнула когтями.

— Всем спать, — спокойно приказал Виктор.

Ирина тут же упала на плащ, а Андрей сел рядом с ней, настороженно поглядывая на пришельца.

— Только не говори, что ты случайно набрел на нас, — сказал Виктор, обращаясь к незваному гостю, — ты и случайность — вещи несовместимые. Ведь так, Месроп?

— Ты мне льстишь! — засмеялся гость. — Но что скрывать, я знал, что встречу тебя здесь и сейчас.

Виктор сел на ступеньку повыше и расправил плечи. Показал рукой на место рядом, но Месроп покачал головой и присел перед ним, заглядывая снизу вверх в глаза.

— Ты изменился, — сказал он.

— Да, — согласился Виктор. — И ты тоже. Но мое имя осталось прежним.

— Вот ты о чем! — усмехнулся Месроп. — Кто бы мне назвал мое?! Иногда я вспоминаю о другом имени и другом теле.

Болезнь... Ксения исцелила меня, вернула, как она говорит, душу, но прихватила случайно и другую. Или не случайно...

Он двумя руками огладил бороду. Виктор всматривался в него и не знал, радоваться встрече или страшиться ее. Несомненно, он сейчас получит ответ на свои вопросы. Но что из этого впоследствии? Новые нити притянут к нему невидимые пауки?

— Куда ты спрятал моего сына? — резко спросил он, поднимаясь во весь рост.

— Не беспокойся о ребенке, — мягко ответил Месроп. — Надлежащее воспитание и все такое... В урочный час вы встретитесь. До той поры я ничего не могу поделать.

— А-а, — иронично протянул Виктор, — заклятия, чары, не так ли?

Месроп фыркнул.

— Какие глупости тебя волнуют! Все гораздо проще. Ты можешь рисковать собой, своей супругой; кстати, передай ей, что ребенок здоров. И пусть она ждет, рисковать сыном нельзя. Уникальное сочетание генов...

— Что? — сердито перебил Виктор.

— Успокойся. Ты найдешь свое чадо веселым и сильным.

— Но как я узнаю?.. — Виктор осекся.

Сомнения и глубоко загнанный внутрь ужас перед истиной заставили его замолчать.

Месроп грустно улынулся, опустил веки.

— Узнаешь, — прошептал Месроп, — и не твоя кровь будет причиной твоей гибели. Не спрашивай меня, кто был твоим отцом. Я не знаю. Но даже если... Нет, дважды подряд такое не повторится. Ребенок родился летом.

— Ну, спасибо. — Виктор сжал кулаки и грубо выругался. — Утешил!

Втайне он надеялся, что Месроп развеет его страхи. Разочарование было велико.

Смерив его взглядом с головы до ног, Месроп, не поднимаясь с корточек, сказал:

— Не пытайся избежать судьбы. Суставы времени вправлены, колеса крутятся исправно, что предначертано, то и будет. Кончилось время чудес, снова начинается история. Новые времена...

— Брось, — оборвал его Виктор. — Как только начинаются разговоры о новых временах и великих событиях, жди мелких пакостей.

— Не обязательно. Но в конце концов все великие дела равно великих же героев не стоят малой радости маленького человека.

— Но великие дела вершатся именно ради твоего маленького человека, — сердито сказал Виктор.

— Вот это полная чушь! — Месроп еле заметно улыбнулся. — Все, что ни вытворяют великие люди, — исключительно ради своих маленьких радостей.

— Разве?

— Да. И только ради того, чтобы не остаться наедине с мыслью о том, что и они — маленькие люди.

— Полагаю, — медленно начал Виктор, — что все люди — малы.

— Ты прав, — кивнул Месроп, — но одни об этом не думают и поэтому счастливы, а другие терзаются своей соразмерностью и безумствуют из-за этого.

— И я тоже?

— Ты — нет. Счастливое исключение. Воин духа... Ты свободен от вещей, но полная свобода возможна, когда души вещей перестанут терзать дух человека. Может, твоему ребенку удастся возглавить Великий Поход освобождения...

Месроп замолчал и опустил голову. С раздражением и горечью Виктор вдруг осознал, что опять проснулось в нем старое забытое чувство, словно он попал в паутину, а вокруг плетутся хитрые дела. Из тьмы возникает Месроп, и, словно наутро после тяжелого похмелья, начинается странный разговор. А он-то надеялся, что события больше не ведут его по линии бытия! Но затем пришла другая мысль, успокаивающая — раз уж появился Месроп, то надо выяснить, что ждет его правление, какие беды грянут и напасти и откуда...

Лицо Месропа было освещено лунным светом. Виктор только сейчас заметил, как стар его собеседник. Сетка глубоких морщин вокруг глаз лежала темной паутиной, седая борода не вилась лихо, как в прежние времена, а уныло висела длинными космами. Вопросы застряли на языке у Виктора. Он вздохнул и неожиданно для себя начал рассказывать обо всем, что с ним приключилось после их хождения к Бастиону.

Небо светлело на востоке, Андрей мерно храпел. А Виктор все говорил, говорил... Месроп слушал, подперев кулаками подбородок, а когда рассказ дошел до непонятного приключения в зале со странной машиной, вдруг негромко рассмеялся.

— Они построили машину времени, — пояснил он, заметив обиженный взгляд Виктора. — А «вокс гумана» означает — человеческий голос. Акустическая машина времени — кто бы мог подумать! Забавно.

— Не понимаю! — сказал Виктор.

— Послали человека в прошлое, чтобы изменить настоящее.

— Вот как! — насторожился Виктор. — Мое прошлое? Или Ксении?

— Да нет, — слабо улыбнулся Месроп, — это они меня убить собираются. Я вспомнил дом, о котором ты рассказывал. Тогда я был маленьким... Или это был не я?

Он задумчиво покачал головой.

— Ну и что, убьют тебя? — недоверчиво спросил Виктор.

— Вот я, вот ты, а утром сюда прибудет Ксения со свитой. Как думаешь, было ли все это иначе?

— Не знаю. Но я рад, что тебя не убили, — серьезно проговорил Виктор, хотя глаза его смеялись.

— Я тоже рад. Впрочем, подозреваю, что в этом страннейшем из миров ничто не умирает, — он помолчал, а потом добавил, — но и не живет.

— Что-то они говорили о центре цунами... — задумчиво пробормотал Виктор.

— А, ерунда! — махнул рукой Месроп. — Любой человек — центр цунами, а особенно если этот человек — ребенок. Каждый из нас несет в себе зародыш великих катастроф. Наступают новые времена, и кто знает, сколько еще грязи, крови и смуты впереди. Ничего не поделаешь — новый мир всегда строят негодяи, и только потом времена негодяев востребуют святых. Я думаю, энергия святости направлена далеко в будущее, в «мир потом», а сию минуту надо делать «мир сейчас». Негодяйство же всегда активно...

— Опять ты о великих делах, — с досадой сказал Виктор.

— Не я, а ты, — кротко возразил Месроп. — Но если говорить о них, то будь готов к тому, что великие дела, задуманные святыми, вершатся фанатиками. А плодами их, увы, пользуются негодяи.

— Заладил одно и то же: негодяи, негодяи, — передразнил Виктор. — Ты уже сто раз говорил о новых временах.

— Да, говорил. И чуть ли не на этом месте.

Месроп поднял голову, осмотрелся.

— Да, именно на этом. Но тогда было только ожидание новых времен, а теперь они наступили. История благоприят-

ствует подонкам. Речь не о тебе. Но и тебя будет разрывать между добром и злом, вернее, твоим непониманием добра и зла.

— А тебя?

— Что — меня?

— Ты судишь о добре и зле? Ты, истребивший магов!

— А, эти! — Пренебрежительный взмах ладони, отгоняющий муху. — Не я истребил их. Они восстановили силу, но потеряли учение, а сила без слова обращается к истокам своим и разрушает себя.

— Красиво говоришь!

— Да! — Месроп поднялся с корточек и закричал. — Есть такой грех. Ну, мне пора!

— Куда спешишь? — удивился Виктор. — Пойдем ко мне. Теперь никто тебя не обидит. Погости, отдохни. Хочешь, назначу старшим советником?

— Хватит с тебя и Мартына, — хмыкнул Месроп. — Клянись ему. И не обижай, он ведь старый уже. Как и я. А он тебе еще пригодится. Доподлинно не знаю, но чувствую, как далеко отсюда, близ теплых морей зреет страшная сила, непонятная, могущественная. Хлынет скоро неудержимым потоком. Придется тогда и Москве, и Казани искать дружбы далеко окрест, может, и туранцы придут с миром, да и не только они. Копи силы и друзей, скоро волна пойдет...

— Остановим! — уверенно сказал Виктор.

— Надеюсь, — с сомнением ответил Месроп. — Но боюсь, что это забота уже не твоя, а твоего ребенка.

— А хоть бы и так! — пожал плечами Виктор. — Он и остановит.

— Но кто же тогда остановит его? — еле слышно проворчал Месроп.

Виктор пожал плечами.

— Мы еще увидимся? — спросил он.

— Откуда я знаю? — всплеснул руками Месроп. — Если не умрем, обязательно свидимся. С этими недожаренными ребятами надо держать ухо востро. Кто знает, может, сработала окающая машина и сейчас посланник движется в прошлое. Дойдет до нужного места — времени, прирежет меня беззащитным младенцем, и все! Был ты Правитель, а не успеешь сказать «ой» — уже сидишь по уши в дерьме и рад, что только по уши. И ничего не было — ни подвигов, ни доблести, ни славы. Другая память, другая жизнь... Ладно, шучу. Это чтоб тебе власть медом не казалась.

— Хорошо, — сказал Виктор. — Я обдумаю твои слова. Но ответь, где мой сын? Почему ты скрываешь его от меня? Я не верю в чушь с предзнаменованиями и пророчествами.

— Не веришь и правильно делаешь! — Глаза Месропа блеснули. — Я повторяю — вы встретитесь, когда наступит срок. Даже если после этого больше ничего не будет. Ребенок в надежном месте. Хорошо учиться. Мы перебираем имена, и когда-нибудь...

Запнувшись, Месроп перевел взгляд на утреннее зарево над деревьями.

— Прощай!

— Нет, скажи мне...

Послышался топот, ржание, голоса, на краю пустыря показались всадники. Ирина и Андрей вскочили, но, разглядев приближавшуюся кавалькаду, перевели дыхание. Впереди скакала Ксения, по левую руку Мартын, держа руку на мече и поглядывая по сторонам, а за ними два десятка воинов из дворцовой гвардии. Виктор пошел им навстречу, потом, спохватившись, оглянулся. Но Месропа и след простыл. Только шевелились кусты за колонной, на которой стояли две фигуры, плотно обвитые зеленым плющом.

Ксения прыгнула прямо к нему в объятия и замерла. Он крепко обнял ее, прижал голову к сердцу и почувствовал, как странное тепло разливается в нем.

Он прижимал ее к себе, и ему было наплевать, чары ли это, наваждение или приворот. Он любил Ксению, а она любила его. Предупреждение Месропа его не испугало. Гонец в прошлое не пугал его. В конце концов, он сам был гонимом, и будущее перед ним. Он не боялся Борова сейчас, и плевать на него во все времена.

Мартын что-то негромко сказал Андрею, парень рассмеялся, но Ирина цыкнула на него. Юноша опустил голову иковырнул носком сапога ком земли, выбитый лошадиными копытами. Земля осыпалась, в сторону покатился небольшой кругляш. Андрей нагнулся, поднял и обтер листом лопуха. В середине тяжелого граненого кругляша была дыра. Андрей выбил пальцем землю и обнаружил, что внутри идет резьба. Потер о куртку — из-под грязи блеснуло желтым. Протянул находку Мартыну, тот улыбнулся, взвесил в руке и сказал, что это не золото, а латунь. Вернул гайку Андрею, и тот зашвырнул ее в кусты.

Наступило утро. Виктор хотел рассказать Ксении о встрече с Месропом, о сыне, но передумал. Искры в ее глазах завораживали, ему казалось, что звезды кружатся над ним, и это было настолько важно, обещало разгадку таких великих тайн, что недавний разговор на поляне сделался незначительным. События происходят именно так, как должны происходить. Мысль эта почему-то была существенней, чем все дела. Дела подождут, а пока... ему было просто хорошо стоять вот так и молчать. Его взгляд остановился на фигурках, венчающих колонну. Он вспомнил: когда-то можно было разглядеть мальчика и птицу, позеленевшие тела, прижавшиеся друг к другу.

Сын... Что ж, придет время, и они встретятся. А пока пусть его мальчик и Месроп ведут счет именам. Но что это значит? Может, память Месропа или вселившаяся в него душа Саркиса упрямо возвращается к прошлому, и рано или поздно они набредут на слово распада, и тогда исчезнет мир в сером пыльном хаосе?

Не страшно. Он рядом с Ксенией, и тепло любящей женщины согревает его. Такое мгновение стоит целой жизни, подумал он, и мысль была непривычна.

Пусть все идет как идет, решил он. И если когда-нибудь наступит конец, его или мира, то воспоминание об этих минутах согреет душу. Нет места леденящему страху, холод спокойствия больше не обманет и не обольстит его, и не рок, не предначертание судьбы или замыслы людей поведут его, а любовь. Вечность или мгновение, но так все и будет до тех пор, пока бронзовые фигуры на постаменте не расточатся прахом.

Или еще дольше.

Март 1992 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог.</i> 2014 год: путешествие на Юго-Западную окраину	5
<i>Часть первая.</i> Кружение.	57
<i>Часть вторая.</i> Адепты несуществующего бога	123
<i>Часть третья.</i> Ученики учеников.	185
<i>Часть четвертая.</i> Великий поход.	247
<i>Часть пятая.</i> Восхождение на голую вершину. . . .	309
<i>Часть шестая.</i> Возвращение ветра	379
<i>Эпилог.</i> Центр цунами	441

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные куклы-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников** по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Приглашаем вас посетить московские магазины издательской группы "АСТ":

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Луганская, д.7. Тел. 322-2822.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31;
проспект Просвещения, д. 76. Тел. 591-20-70.

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, д/я 46. Издательство «Фолио»

Литературно-художественное издание

Геворкян Эдуард
Времена негодяев

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн А.С. Сергеев

Подписано в печать 23.06.00.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4498.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Начало третьего тысячелетия... Эпидемии пронесли по планете, тающие полярные льды затопили немалую часть суши. В этих условиях людям приходится заново строить жизнь, восстанавливать государство.

История повторяется... Вновь московские правители собирают земли, опять возвращаются времена мечей и арбалетов, закон и порядок приходится насаждать силой...

Читайте остросюжетный боевик Эдуарда Геворкяна, удостоенный премии «Бронзовая улитка»!

ISBN 5-17-002171-2

9 785170 021710

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Ы Й